

ИРКУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Научно-образовательный центр
Межрегиональный институт общественных наук при ИГУ
(Иркутский МИОН)

**Восток России: миграции и диаспоры
в переселенческом обществе.
Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков**

 Иркутск
Иркутск
2011

УДК 316.347(571.5)

ББК С55.33(2Р6)

В 76

Издание выполнено в рамках проекта «Миграции и диаспоры в социокультурном, экономическом и политическом пространстве Сибири, XIX – начало XXI века». Проект реализуется на базе научно-образовательного центра Межрегионального института общественных наук при Иркутском госуниверситете (НОЦ МИОН при ИГУ) в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» по теме «Проведение научных исследований коллективами научно-образовательных центров в области исторических наук» и программы институционального развития НОЦ МИОН при ИГУ.

Федеральная целевая программа «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг., государственный контракт №. 02.740.11.0347.

Научный редактор

В.И. Дятлов,

доктор исторических наук, профессор

Редакционная коллегия:

Л.Е. Бляхер, Н.Г. Галеткина, К.В. Григоричев, Д.В. Козлов,

И.В. Нам, А.В. Ремнев, Н.П. Рыжова

Восток России: миграции и диаспоры в переселенческом обществе. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков/ науч. ред. В.И. Дятлов. – Иркутск: Оттиск, 2011. – 624 с.

Монография посвящена сравнительному анализу роли этномиграционных процессов в формировании переселенческого общества Сибири. Ставится задача сравнить ситуации рубежей XIX–XX и XX–XXI веков. Рассматриваются проблемы государственной политики и управления этномиграционными процессами, воздействие миграций на расселенческую структуру, модели экономического поведения и адаптационных практик мигрантов, механизмы и динамика диаспоростроительства, формирование фобий и стереотипов как одной из реакций принимающего общества на присутствие мигрантов, идеологический и политический аспекты проблемы соотечественников.

Монография предназначена для специалистов в области проблем миграций и диаспор, истории и современного развития Сибири, преподавателям и студентам, широкому кругу читателей.

ISBN 978-5-93219-304-4

© Коллектив авторов, 2011

© МИОН при ИГУ, 2011

Оглавление

Предисловие	7
Глава 1. Колонизация Азиатской России позднеимперского периода в геополитическом и национальном измерениях.....	20
Введение.....	20
1.1. Переселение и колонизация конца XIX – начала XX в.: в поисках научных терминов и политических смыслов.....	21
1.2. Колонизационная политика самодержавия в Сибири XVIII – начала XX в.: этапы и направления.....	38
1.3. Крестьянская колонизация в геополитических координатах «внутреннего империализма» и национализма	54
1.4. Русское колонизационное культуртрегерство под сомнением.....	72
1.5. Казачество в колонизационных процессах конца XIX – начала XX в.	87
1.6. Православие и «русскость» в колонизационном и конфессиональном контекстах.....	104
1.7. «Обрусение с примесью сибирского оттенка»	120
Заключение	138
Глава 2. Мигранты и миграционная политика в постсоветской Сибири и на Дальнем Востоке	142
Введение.....	142
2.1. Государственная миграционная политика: «дрейфуем вместе с линией»	144
2.2. Дальневосточные «страхи» и восточная специфика миграционной политики.....	148
2.3. Восток России и «ворота в глобальный мир»	159
2.4. Парадоксы миграционной политики в Иркутской области	170
Вместо заключения.....	179

Глава 3. Mobilis in mobile: миграция в меняющемся пространстве	184
Введение.....	184
3.1. Внутренние миграции в Казахстане и формирование «нового» городского пространства	188
3.2. Сельская миграция и трансформация пространства постсоветского Улан-Удэ.....	193
3.3. «Ни к селу, ни к городу»: иркутский пригород в пространстве миграций.....	202
Заключение	211
Глава 4. Неформальные хозяйственные практики мигрантов на российском Дальнем Востоке.....	213
Введение.....	213
4.1. Изменения правил перехода границы для китайцев. «Сахалинский инцидент» 1912 г.	217
4.2. Изменение практик «серого импорта» на постсоветской российско-китайской границе.....	238
4.3. Экономические практики иммигрантов на российском Дальнем Востоке (конец XIX – начало XX в.)	251
4.4. Неформальная экономическая деятельность китайских мигрантов в Республике Бурятия после кризиса 2008 г.	267
4.5. Природные ресурсы российского Дальнего Востока: неформальные практики и китайские мигранты в начале XXI в.	279
4.6. Адаптация азиатских мигрантов на Дальнем Востоке: формальные правила и неформальные практики в исторической перспективе.....	306
Заключение	319
Глава 5. Переселенческие этнические группы в Сибири: диаспорные институты, стратегии и практики	323
Введение.....	323

5.1. Исторические особенности формирования и деятельности диаспорных институтов в Сибири (XIX – начало XX в.).....	329
5.2. Адаптация евреев в Сибири во второй половине XIX – начале XX в.	350
5.3. Коллективные стратегии адаптации поляков в Сибири	358
5.4. Почему не возникают диаспоры. Польско-белорусский случай в Омском Прииртышье конца XIX – 20-х гг. XX в.	367
5.5. Жизнь в диаспоре: городские немцы Западной Сибири	378
5.6. Корейцы Дальнего Востока: опыт самоуправления	386
5.7. Формы самоорганизации китайских мигрантов и хуацяо во второй половине XIX – начале XX в.	391
5.8. Советская власть в поиске национальной политики: Иркутск, 1920-е гг.	403
5.9. Воспроизводство этнической культуры в диаспоре (на примере немцев в Сибири)	412
Заключение	426
Глава 6. «Сибирь – территория согласия»? Стереотип мигранта и мигрантофобия.....	436
Введение.....	436
6.1. Образ поляка в дореволюционной Сибири	441
6.2. Германофобия в позднеимперской Сибири.....	448
6.3. Особенности сибирского антисемитизма	453
6.4. Китайские мигранты и «образ желтой опасности»: российский вариант общемирового синдрома?.....	461
6.5. Деловая культура китайских предпринимателей глазами российских современников.....	470
6.6. Китайский купец в Монголии глазами русских предпринимателей и исследователей	479

6.7. Боксерское восстание и антикитайские настроения на востоке России.....	485
6.8. «Кавказофобия» на рубеже советской и постсоветской эпох.....	490
6.9. Синдром «китайской экспансии» в современной России.....	499
6.10. Динамика представлений о китайских мигрантах на Дальнем Востоке (на материале интервью с предпринимателями).....	505
6.11. Мигранты из Китая: формула образа в иркутских СМИ.....	514
6.12. От таджика к «таджику» – от этнофобии к мигрантофобии.....	520
Заключение.....	525
Глава 7. «Соотечественники за рубежом»: ресурс, инструмент, вызов?	533
Введение.....	533
7.1. Репатриация соотечественников в Россию: что стоит за Программой?	540
7.2. Казахстанская репатриация: причины, особенности, перспективы	556
7.3. Шэнэхэнские буряты в контексте «национального возрождения».....	565
7.4. Возвращение на родину: опыт интеграции латиноамериканской старообрядческой общины в Приморье	574
7.5. Русские из Трехречья: диаспора в тени советской легенды.....	583
7.6. Польские соотечественники в сибирской деревне Вершина.....	592
Заключение.....	602
Заключение.....	607
Сведения об авторах.....	619
Аббревиатуры архивов	623

Предисловие¹

Переселенческие общества, чьи ключевые характеристики заданы миграционными процессами, — феномен общемирового значения. В силу своей распространенности и глобальности — феномен чрезвычайно разнообразный и многоликий. Многообразие его типов и вариантов требует для понимания и различных исследовательских стратегий, компаративистики, описания и анализа отдельных обществ, механизмов и результатов их генезиса и функционирования. В этом смысле сибирское переселенческое общество дает неоценимый материал для изучения этих сложнейших процессов и явлений.

В основе его генезиса лежал, и во многом лежит до сих пор, сложнейший процесс синтеза переселенческого и аборигенного населения, первопоселенцев и новопоселенцев. Синтеза культурного, экономического, социального. При этом необходимо иметь в виду как гетерогенность аборигенного населения, огромное разнообразие его типов, так и не меньшее разнообразие населения пришлого. Причем это пришлое население постоянно укореняется, «осибириячивается», приобретает новые черты культуры, меняя (иногда радикально) старые. Синтез происходит в контексте сильной имперской власти, на базе русского языка и культуры, на основе привносимых из-за Урала экономических укладов и технологий, в экстремально тяжелых условиях жизни, отсутствия надежных коммуникаций и недонаселенности региона.

Для нашего исследования чрезвычайно важен момент гетерогенности пришлого населения — его культурной, религиозной, этнической, социальной сложности и разнообразия. В фокусе монографии — представители ныне доминирующего русского сибирского населения, а также мигрантских меньшинств, их вклад в формирование переселенческого общества, стратегии и практики адаптации, траектории развития в качестве групп этого общества.

Они попадали сюда в результате добровольного и недобровольного переселения, в одиночку и группами. Процесс их миграции растянут во времени, но иногда мог принимать

¹ Автор В.И. Дятлов.

концентрированный, «залповый» характер. Переселялись крестьяне и горожане, представители различных социальных, профессиональных, сословных и имущественных групп. На новой земле они добровольно или вынужденно избирали деревенский или городской уклад жизни.

Какие стратегии адаптации они при этом выбирали и выбирают? Входит ли в эти стратегии задача сохранения прежней групповой идентичности? Используются индивидуальные или коллективные практики вхождения в новое общество в экстремальных условиях? И если коллективные – то формируют ли переселенцы сообщества на новом месте или приносят их с собой? Если формируют – то каков механизм? На каких основах это происходит? С другой стороны – какую роль они играли и играют в целом в сибирском обществе? Как воздействуют на него – если воздействуют в ощутимых размерах, конечно. Вносят ли они свой вклад в личное, индивидуальное качество – или через группу. Каково отношение этого общества? Властей? Властей имперских, федеральных и региональных?

Важность собственно миграционных процессов для Сибири очевидна. С XVII столетия и до наших дней именно они играли и играют решающую роль в формировании российского пространства к востоку от Урала. Пространства экономического, политического, социального, культурного. Масштабы, структура, векторы миграционных потоков до сих пор определяют возможности и ограничения развития востока России, формируют специфику как собственно сибирского населения, так и характер его взаимодействия с *внешним* пространством. И неслучайно проблема миграционных процессов в Сибири встает сейчас перед властью так же остро, как и столетие назад.

Менее очевидно значение **этномиграционной** составляющей этих процессов. Поэтому так важно выявить количественные и качественные параметры этого феномена, проанализировать механизмы взаимной адаптации представителей мигрантских меньшинств и принимающего общества, стратегии и практики их культурной и экономической интеграции. Важно понять, насколько этнический фактор учитывался властями, воздействовал ли он, а если воздействовал – то как, на их стра-

тегические решения и административные практики. Каковы сходства и отличия здесь ситуации в позднеимперской и современной России? Случайно ли то, что вызовы и угрозы, артикулируемые властью и транслируемые масс-медиа («желтая опасность», «китайская экспансия», «чайнатауны в России», «угроза территориальной целостности», «защита национальных интересов» и т.д.) на рубеже XIX–XX и XX–XXI веков, близки по содержанию и даже по форме?

Насколько важно то, что в конце XIX–начале XX в. миграционная проблематика была связана в понимании властей с освоением «пустого» пространства («пустого» и с точки зрения его освоенности, и с точки зрения масштабности внешних угроз), изменением его «под себя», все более полным его включением в собственно российское пространство. Сейчас же Восточная Сибирь и Дальний Восток быстро «удаляются» от центров российской жизни. И трансграничные миграции являются важнейшим механизмом постепенного «обособления» регионов в российском пространстве. Поэтому так важно посмотреть на культурную и этническую гетерогенность как на ресурс, с одной стороны, и вызов, набор рисков и угроз – с другой. При этом неизбежно возникает вопрос и о понимании того и другого. Субъектах такого понимания.

Различия изучаемых эпох неизбежно порождает разность исследовательских подходов. Изучение причин, механизмов, факторов и последствий миграционных процессов для периода до середины XX в. (а фактически и до конца 1980-х гг.) прочно стало вотчиной исследователей-историков, тогда как миграции и развитие диаспоральных сообществ в постсоветские десятилетия остаются по преимуществу полем деятельности социологов, экономистов, политологов. Различие методологий, методов, профессиональных языков, источников и, как следствие, результатов невольно приводит к разрыву в изучении единого по сути процесса, искусственному разделению событий на исторические и современные, к «утрате» «исторической базы» в исследованиях современности и «исторической перспективы» – при изучении прошлого.

Одной из попыток решения этой проблемы стал исследовательский проект «Миграции и диаспоры в социокультурном,

экономическом и политическом пространстве Сибири, XIX – начало XXI века», реализация которого началась в 2009 г. на базе научно-образовательного центра Межрегиональный институт общественных наук при Иркутском госуниверситете (НОЦ МИОН при ИГУ). Проект реализуется в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» по теме «Проведение научных исследований коллективами научно-образовательных центров в области исторических наук»¹ и программы институционального развития НОЦ МИОН при ИГУ. В проекте участвуют более 40 историков, экономистов, социологов, географов, этнологов, политологов из Иркутска, Улан-Удэ, Барнаула, Омска, Томска, Хабаровска, Владивостока, Благовещенска, Петербурга и Москвы, а также Казахстана, Монголии, Польши.

Особенность проекта состоит в том, что его организаторы не просто собрали вместе специалистов по экономической и социокультурной истории Сибири имперского периода и демографов, социологов, политологов, изучающих современные миграции. Мы попытались найти общие тематические площадки и проблемные поля с тем, чтобы в ходе совместной исследовательской работы выявить общее и особенное этномиграционных процессов в столь различных контекстах, разделенных не просто временем, но советской эпохой. Однако собственно советский период мы решили обойти, прекрасно понимая спорность и уязвимость такого выбора. Характер общественного устройства, политического режима, беспрецедентная закрытость («железный занавес»), беспрецедентный же разрыв с предшествующей традицией, когда были физически истреблены целые социальные группы ее носителей и хранителей – все это предполагает необходимость специальных исследований. К этому следует добавить и крайнюю ограниченность историографической и источниковой базы, обусловленной закрытостью советского общества и табуированностью изучаемой проблематики. В то же время, до- и постсоветская эпохи обладают несомненными сходствами, связанными, в том числе, и с внешней открытостью, высокой степенью сво-

¹ Федеральная целевая программа «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг., государственный контракт No. 02.740.11.0347.

боды миграций, актуальностью проблемы внешних миграций, их особой ролью в экономической и социокультурной жизни востока России.

Задача объединения усилий и ресурсов представителей различных научных дисциплин делает междисциплинарный характер работы ее основной характеристикой. Очевидны при этом не только потенциальные возможности такого выбора, но и несомненные риски и трудности. В каждой из наук сложился свой концептуальный аппарат, собственный язык и терминология, конвенции относительно логики и стилистики производимых текстов. Преодоление дисциплинарных барьеров, нахождение общего языка стало отдельной специальной задачей проекта и монографии. Отсюда и логика построения текста — не хронологические разделы, что было бы привычнее и проще, а проблемно-тематические главы, написание которых требовало реальных совместных усилий.

Скажем прямо, не во всем эта амбициозная задача решена. Не случайно миграционной политике властей имперской и постсоветской России посвящены отдельные главы, глава о диаспоральных стратегиях и практиках решена исключительно на дореволюционном материале, а о проблеме соотечественников — только на современном. Причин тут несколько. С одной стороны, масштаб поставленной задачи превысил объем сил и возможностей проекта и этой монографии. В процессе работы мы убедились, что каждая из ее глав имеет тенденцию перерасти в отдельную монографию. И это, в общем, оптимистическая ситуация — поставлены исследовательские задачи на будущее, создан для этого концептуальный задел. Однако есть и объективные причины — для каждой из рассматриваемых эпох характерны не только общие или сходные проблемы и сюжеты, но и собственные, особые и специфические. Значимость сходных проблем может быть различной, и их «зеркальный» анализ может невольно привести к искажению перспективы.

Тем не менее опыт остальных глав монографии говорит о том, что прорыв через дисциплинарные границы не просто необходим, но и возможен. И тогда появляется кумулятивный эффект, позволяющий перейти от фактологической истории к

истории длящихся (*long durée*) явлений и институций. Это не исключает (скорее даже предполагает) заметное стилистическое разнообразие. Оно заметно как в рамках глав, так и (особенно) между ними. По стилистике, особенностям профессионального языка можно без труда и мгновенно «вычислить» профессиональное происхождение редакторов глав. Достоинство это или недостаток – сказать трудно. Все зависит от поставленных задач и способов их решения. И здесь принципиально важно то, что логика поставленных задач потребовала и специфических методов их решения. Ключевые проблемы монографии анализируются языком кейсов, случаев, типичных или ярких примеров. Отсюда – ее мозаичная, пазловая структура, в которой сочетаются кейсы и обобщающие разделы. Это позволяет представителям различных профессиональных культур, языков и традиций объединять усилия, не теряя собственной идентичности. Это спорный, но осознанный выбор, в котором мы видим не только несомненные возможности, но и не менее очевидные ограничения.

В заявленных широких рамках проекта выделено несколько ключевых, стратегически важных проблемно-тематических полей. Они объединены *проблемой Сибири* как большого и динамичного историко-культурного региона, обладающего своим потенциалом развития. Сибирь здесь выступает не как административная/ые единица/ы (Сибирский федеральный округ, например) и не как историко-географическое пространство со своими физическими и ментальными параметрами. Для нас Сибирь интересна, прежде всего, как специфический тип организации общества, как особый уклад культуры и традиции, исторически формирующийся и развивающийся «за Уралом». Принципиально важно то, что это *переселенческое общество*, т.е. общество, исторически формирующееся в результате синтеза гетерогенного переселенческого населения с многочисленными автохтонными народами, сохраняющее эту специфику и сейчас. Поэтому здесь нет необходимости пуристски ограничиваться жесткими территориальными или административными рамками, историческими или современными. И если интересующая нас проблематика наиболее ре-

льфоно раскрывается на материале Дальнего Востока, то мы без колебаний обращаемся к нему.

Совершенно осознанно монография начинается не с мигранта, как можно было бы ожидать, а с государственной миграционной политики. Этим подчеркивается исключительная роль государства в формировании переселенческого сибирского общества. Государство задавало и ключевые параметры интенсивности, структуры этнических миграций, создавало основные условия интеграции мигрантов. Государство было и во многом остается ключевым игроком на миграционном поле. Экстремальный вариант не просто регулирования, но диктата государства демонстрирует не только советская эпоха, в которой его роль стала гипертрофированной. Оба рассматриваемых периода были ключевыми, переломными в процессе выработки и проведения государственной миграционной политики хотя бы потому, что исключительную роль начинают играть трансграничные миграции и формируемые в их результате новые группы и сообщества. Создаются в связи с этим новые проблемы, конфликты и противоречия.

В позднеимперский период в государственной миграционной политике появляется и начинает играть все возрастающую роль национальная проблема. Теперь власти важна не только хозяйственная, колонизационная пригодность, но и этнокультурные характеристики новых мигрантов. Миграции начинают постепенно рассматриваться не только в качестве инструмента формирования имперского **населения**, но и в контексте стратегии формирования российской **нации**. В своем завершенном виде такое понимание было сформулировано генерал-губернатором Приамурского края П.Ф.Унтербергером: «Край нами занят не для колонизации его желтыми, а для того, чтобы сделать его русским». Не раз цитировались его слова о том, что он предпочитает видеть край русской пустыней, чем корейским раем. Реализуя эту декларацию, он проводит дискриминационную политику против корейских мигрантов, которые признавались тогда отличным колонизационным материалом, в чьей лояльности Российской империи не приходилось сомневаться, но которые, в отличие от китайцев, стремились

осесть здесь навсегда и прилагали для этого огромные усилия¹.

В фокусе исследований имперского периода находится эволюция основных идеологических конструктов миграционной составляющей «концепта Сибири», масштабы и механизмы его воздействия на государственную политику, на выстраивание системы регулирования и управления. Анализируются геополитические представления субъектов государственной власти, взаимодействие институтов управления и экспертного научного знания, влияние ментальной географии Сибири на политические программы. Усложненной предстает картина русского миграционного движения на восток, когда само понятие «русскости» подвергается испытаниям и ревизии. Это позволит подойти к рассмотрению феномена национализации миграционной политики и к стратегии территориального освоения Сибири через призму проекта «большой русской нации», увидеть воздействие комплекса мифов, образов и фобий на формирование миграционной идеологии, определить мотивацию власти при выборе желательных для Сибири мигрантов и порядка их заселения и адаптации.

Для современной эпохи характерно метание власти между запретительными и поощрительными подходами при попытках регулирования трансграничных миграционных потоков, сложное и противоречивое соотношение сферы формальной компетенции властных структур и системы неформальных практик. Миграционная политика современной России становится одним из наиболее ярких индикаторов разрыва, а иногда и конфликта интересов различных этажей власти, местных сообществ, бизнеса и региональных элит. Иными словами, государственное регулирование миграционных процессов становится частью глобальной проблемы взаимоотношения центра и регионов, проблемы реального федерализма.

Политику властей можно рассматривать и в качестве важнейшей части контекста для миграционных процессов. Не менее важная составляющая этого контекста — динамика изменения системы расселения. Движение населения и демо-

¹ Унтербергер П.Ф. Приамурский край, 1906 – 1910 гг. СПб., 1912. С. 419; Stephan J.J. The Russian Far East. A History. Stanford. 1994. P. 71.

графические процессы на региональном уровне, изменяющаяся под их воздействием система расселения формируют то локальное пространство, в котором и происходит взаимодействие принимающего общества и мигрантов. Крайне слабая изученность этой проблематики порождает ситуацию «черного ящика» с большим числом неизвестных, на входе в который сибирское (и шире – российское) общество имеет масштабный входящий миграционный поток, а на выходе – многочисленные проблемы социокультурного, экономического и политического характера.

Внесение основной исследовательской проблематики проекта в этот контекст позволяет сформулировать целый ряд новых вопросов. Происходит ли в последние десятилетия сжатие освоенного пространства или идет процесс его переформатирования? Сокращается ли сфера взаимодействия с внешними мигрантами до масштаба крупнейших городов или, напротив, расширяется за счет села и пригородов? Изменяется ли характер и динамика взаимодействия мигрантов и принимающего общества при выходе этого процесса за пределы пространства Города? Происходят ли изменения социальных функций крупных городов и городских агломераций в отношении мигрантов? Ответы на эти вопросы позволят определить изменения в самом принимающем сообществе, формирование в нем болевых точек, прямо или косвенно определяющих контекст взаимодействия с мигрантами.

В основе трансграничных миграций лежат экономические мотивы. Поэтому анализ формальных и неформальных хозяйственных практик мигрантов, стимулов, механизмов и форм их экономической адаптации является объектом нашего пристального интереса. Этот интерес возник давно, и соответствующий раздел монографии продолжает серию предшествующих исследований исследовательских проектов НОЦ МИОН при ИГУ¹. В центре исследований здесь находится сравнительный анализ формальных и неформальных хозяйственных практик

¹ Мигранты и диаспоры на Востоке России: практики взаимодействия с обществом и государством. Иркутск-М., 2007; Трансграничные миграции и принимающее общество: механизмы и практики взаимной адаптации. Екатеринбург, 2009; Интеграция экономических мигрантов в регионах России. Формальные и неформальные практики. Иркутск, 2009.

трансграничных мигрантов, которыми движет больше необходимость получения средств к существованию, чем переезд на новое место жительства. Изучение данной проблематики выстраивается в рамках теоретических концепций транснационализма, разделяемых многими исследователями миграционной проблематики. Разделяемых, поскольку мигранты нередко вместо ассимиляции в новой культуре поддерживают связи со странами исхода, создают социальные поля, пересекающие географические, культурные и политические границы, проживают «одновременно» и в отправляющем, и в принимающем сообществах. Что лежит в основе подобной стратегии – отталкивание принимающего общества, мощное притяжение общества отдающего или новые технологические возможности (мобильный и дешевый транспорт, мобильная связь, Интернет), позволяющие сравнительно безболезненно жить в двух мирах? С другой стороны, почему трансграничные мигранты так заметно предпочитают неформальные экономические практики? Является ли это привычной нормой в отпускаящем обществе или диктуется условиями общества принимающего? Или это следствие специфической ситуации мигранта?

Эти вопросы неразрывно связаны с более общей проблемой социокультурной адаптации мигрантов, процессом формирования ими диаспоральных сообществ, выработки специфического комплекса стратегий и повседневных практик, выстраивания сети связей и отношений на этнической основе. И здесь этнически разнообразный приток мигрантов в Сибирь в разные эпохи дает возможность выявить как разнообразие в моделях адаптации, так и несомненные сходства. Сибирский материал дореволюционной эпохи дает уникальную возможность проследить саму динамику формирования этнического самосознания, процесс вызревания в рамках традиционной сословной общинности нового, этнического (говоря отечественным языком – национального), принципа самоидентификации и самоорганизации. Текущая же ситуация позволяет проследить сложную и конфликтную динамику соотношения миграционного и этнического, изучать то, что иногда называют «новыми диаспорами».

Миграционные и диаспоральные процессы — это «улица с двухсторонним движением». Их трудно представить вне контекста принимающего общества, вне его реакции. Принимающее общество адаптирует мигрантов — и адаптируется само к их присутствию. Оно меняется под воздействием этого фактора — иногда настолько радикально, что приобретает новое качество. Поэтому важным направлением исследовательских работ проекта стало изучение стереотипов, образов, фобий, сформированных в российском обществе в отношении мигрантов и миграции. Мигрантофобия — неизбежная составная часть адаптационной реакции принимающего общества. Сейчас она стремительно и мощно вошла в уже существовавший ксенофобский комплекс, придала ему новое качество и размах. Иногда она принимает форму прежде существовавших этнических, расовых или культурных фобий, часто и рассматривается в таком качестве. Однако в качестве «чужих», «чужаков» могут восприниматься не только представители этнически или культурно иных, чем принимающее общество, групп.

Реакция принимающего общества является ключевым параметром любой миграционной ситуации, решающим фактором ее динамики и характера развития. В сознании российского общества идет интенсивный процесс осмысления и оценки феномена внешних миграций, вошедших в реалии повседневной жизни. Этот процесс осмысления и выработки отношения происходит на разных уровнях: в обыденном сознании, в идеологической и политической сферах, в научных исследованиях. Принципиально важно то, что между этими уровнями нет непреодолимой границы, что идет активный процесс взаимодействия, взаимовлияния. Эти процессы чрезвычайно важны — ибо от того, как будет осмысливаться роль и место мигрантов в обществе, какой будет миграционная идеология, во многом зависит траектория развития России: характер и темпы ее экономического развития, уровень конфликтности, социальной и политической стабильности, характер политического режима.

Миграционные и диаспоральные процессы порождают еще одно проблемное поле, которое можно обобщенно обозначить как проблему соотечественников. Здесь к двум обозначенным

выше взаимодействующим сторонам (переселенцы и принимающее общество) добавляется третья — страна исхода, или «историческая родина» мигрантов. Взаимоотношения между этими акторами образуют множество разнообразных ситуаций, изучение которых выводит нас на более широкие проблемы. Так, отношение «исторической родины» к соотечественникам за рубежом может определяться стремлением использовать их как важный ресурс при решении специфических внутригосударственных проблем (преодоление этнодемографических диспропорций, реализация проекта нациестроительства). Таким образом, через призму проблемы «соотечественников» можно посмотреть и на особенности государственной демографической и миграционной политики, и на механизм формирования идеологием «национального возрождения», «объединения нации», синдрома «разделенной нации».

Политика поддержки соотечественников может принимать различные формы — от государственных программ репатриации до системы мер, направленных на сохранение этнической и культурной идентичности соотечественников за рубежом без поощрения их возвращения на историческую родину. В любом случае возникает проблема конкуренции между властными структурами двух государств по вопросу влияния на мигрантское сообщество. Актуализируется и вопрос лояльности переселенческих групп к своей исторической и актуальной родине.

Эта монография стала завершающим продуктом нашего проекта. В качестве же промежуточных результатов, подготовительных материалов его участниками опубликована серия статей в журналах «Полития», «Дiasпоры», «Дружба народов», «Известия Алтайского университета», «Известия Иркутского университета (Серия политология и религиоведение)».

Основной же массив подготовительных текстов вошел в специальный проблемный сборник, выпущенный в Иркутске¹. Это вполне самостоятельное издание, не воспроизводящее монографию. Они дополняют друг друга. При таком подходе есть риск повторений. Однако это с лихвой компенсируется

¹ Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX-XX и XX-XXI веков. Иркутск: Оттиск, 2010.

возможностью для авторов монографии сконцентрироваться на выводах и обобщениях. К огромным же массивам фактического материала, побочным для монографии, но важным и представляющим самостоятельный интерес сюжетам, они могут отсылать читателя к своим статьям в журналах и сборнике.

* * *

Авторский коллектив монографии

Введение. В.И. Дятлов.

Глава 1. А.В. Ремнев, Н.Г. Суворова.

Глава 2. Л.Е. Бляхер (редактор главы), К.В. Григоричев.

Глава 3. К.В. Григоричев (редактор главы), А.Н. Алексеенко, А.С. Бреславский, Ю.М. Гончаров.

Глава 4. Н.П. Рыжова (редактор главы, введение, 4.5, заключение), Т.Н. Сорокина (4.1), Т.Н. Журавская (4.2), Т.З. Позняк (4.3), Н.Ж. Иванова (4.4), Е.Л. Ли (4.6), Е.О. Скрипник (4.6).

Глава 5. И.В. Нам (редактор главы, введение, 5.1, 5.5, 5.6); Ю.М. Гончаров (5.2), С.А. Мулина (5.3), А.А. Крих (5.4), Г.Н. Алишина (5.5), Е.И. Нестерова (5.7), В.Ю. Рабинович (5.8), Т.Б. Смирнова (5.9), В.И. Дятлов (заключение).

Глава 6. В.И. Дятлов (редактор главы, введение, 6.4, 6.8, 6.9, 6.12, заключение), С.А. Мулина (6.1), Г.Н. Алишина (6.2), В.Ю. Рабинович (6.3), Е.В. Дятлова (6.5), С.В. Трофименко (6.6), Я.С. Гузей (6.7), Л.Е. Бляхер (6.10), М.Н. Ковальская (6.11).

Глава 7. Н.Г. Галеткина (редактор главы, введение, 7.6, заключение), К.В. Григоричев (7.1), И.Т. Абдулова (7.1), А.Н. Алексееко (7.2), М.Н. Балдано (7.3), В.И. Дятлов (7.3), М.В. Теплоухова (7.4), И.О. Пешков (7.5).

Заключение. В.И. Дятлов.

Глава 1

Колонизация Азиатской России позднеимперского периода в геополитическом и национальном измерениях¹

Введение

Оптика нашего исследования в этой главе сосредоточена не на аграрном движении русских крестьян за Урал², а на экспертных и стереотипных представлениях о русском переселенце, как колонизаторе и особом социокультурном феномене, вписанном в политические сценарии национализирующейся империи Романовых³. Переселенец оказался в пересечении имперского, национального и социального дискурсов, предлагавших свои языки описания, когда интеллигентская парадигма «власть и народ» могла подвергаться существенной ревизии. Ученые, общественные деятели, администраторы (нередко в одном лице или часто в сложных ситуациях взаимодействия) стремились не только понять социальные причины крестьянских миграций, найти оптимальные способы их хозяйственного и бытового размещения в Сибири, но и определить более широкий геополитический и цивилизационный контекст, «открыв» для себя усложненный образ русского крестьянина

¹ **Авторский коллектив:** А.В. Ремнев, Н.Г. Суворова.

² Новейший обзор традиционного понимания истории русской колонизации см.: Никитин Н.И. Русская колонизация с древнейших времен до начала XX века (исторический обзор). М., 2010.

³ Разработка данной темы начата нами в статьях: Ремнев А.В., Суворова Н.Г. «Русское дело» на азиатских окраинах: «русскость» под угрозой или «сомнительные культуртрегеры» // *Ab Imperio*. 2008. № 2. С. 157-222; «Обрусение» азиатских окраин Российской империи: оптимизм и пессимизм русской колонизации // *Исторические записки*. М.: Наука, 2008. Т. 11 (129). С. 132-179; Управляемая колонизация и стихийные миграционные процессы на азиатских окраинах Российской империи // *Полития*. 2010. № 3-4 (58-59). С. 150-191; Remnev A. *Asiatic Russia: Colonization and «Russification» in the Imperial Geography of the Nineteenth to Early Twentieth Centuries* // *Asiatic Russia Imperial Power in Regional and International Contexts* / Ed. by Tomohiko Uyama. Routledge, 2011. (в печати).

на азиатских окраинах империи¹. Заселение и освоение азиатских окраин русскими стало частью формирующегося национального дискурса, включившего в описание «русского дела» понятийный ряд: «мирное завоевание», «оживление» окраин, «водворение русской гражданственности», а чаще всего «обрусение». Это потребовало внести коррективы в устоявшиеся стереотипы «русского народа», которые оставались одновременно важной конструктивной составляющей имперской идеологии, национальных теорий и народнических социальных идей. В такой трактовке многочисленные статистические данные о «передвижении населения» или его «механическом» перемещении оказывались недостаточными и требовали не только уточнения, но и наполнения старых терминов «переселения» и «колонизация» новыми смыслами.

1.1. Переселение и колонизация конца XIX – начала XX в.: в поисках научных терминов и политических смыслов

Наиболее распространенным долгое время являлось утверждение, подчеркивавшее кардинальное отличие России от европейских стран в том, что миграции ее населения на окраины следует называть «переселением». Даже не «колонизацией», а тем более – «эмиграцией». Спецификой Российской империи считалось также то, что она представляет собой цельный территориальный монолит и, как заметил современный британский историк и политолог Д. Ливен, «русскому колонисту было затруднительно ответить на вопрос, где, собственно, заканчивается Россия и начинается империя?»². Сравнивая Российскую и Британскую империи, Д. Ливен утверждает, что в степных областях и Туркестане российская политика была

¹ Определение «русские» на азиатских окраинах оставалось дискурсивным, могло включать не только великороссов, но также украинцев и белорусов, не ограничиваясь принадлежностью к православию, что могло трактоваться как синоним «русского гражданства». Численность русских в Сибири была усилена за счет статистического включения в их состав украинцев и белорусов, а также быстро «обрусевавших», оторванных от основного этнического массива и христианизированных чувашей, мордвы, удмуртов, марийцев и др.

² Ливен Д. Русская, имперская и советская идентичность // Европейский опыт и преподавание истории в постсоветской России. М., 1999. С. 299.

по сути дела колониальной, но в отношении Сибири XIX в. он уже не столь категоричен. Если первые 150 лет российского владения Сибирь больше напоминала французскую Канаду, то впоследствии она «дает также примеры тактик российской имперской экспансии, которые не имеют аналогов с западно-европейскими колониальными империями». Суть различий в том, что это была периферийная сухопутная империя, а русские распространялись в мире, «который не был действительно новым». «В качестве барьера между континентами Урал выглядел менее внушительно, чем Атлантика. Коренное население Сибири не сильно отличалось от тех племен Северо-Восточной Европейской России, которые русские, в погоне за мехом, давно обнаружили и эксплуатировали»¹. Российский исследователь Л.Е. Горизонтов видит в русском колонизационном движении своего рода перспективу «двойного расширения» Российской империи путем внешнего ее территориального роста в целом, который дополнялся параллельным разрастанием «имперского ядра» за счет примыкающих к нему окраин².

Сбережение населения внутри государства являлось важнейшей демографической, экономической и политической задачей. Для одного из первых идеологов «единой и неделимой» России М.Н. Каткова переселение представлялось средством, «каким обыкновенно упрочиваются за государствами их территориальные приобретения», поэтому нужно направить население туда, где требуется усиление «русского элемента»³. Казалось, что колонизация будет способна снизить социальные конфликты и междоусобия во внутренней России, даст простор развитию массового мелкого крестьянского хозяйства, а наличие свободных земель внутри империи и переселенческое движение станет альтернативой эмиграции. Не случайно депутаты Государственной думы в начале XX в. отказались даже рассматривать вопрос об организации облегченного выезда

¹ Ливен Д. Российская империя и ее враги с XV века до наших дней. М., 2007. С. 349, 365.

² Горизонтов Л.Е. «Большая русская нация» в имперской и региональной стратегии самодержавия // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности. М., 2001. С. 130.

³ Московские ведомости. 1881. 17 мая.

в Америку. Подчеркивалось, что из России (по сравнению с другими европейскими странами) эмиграция невелика и выглядит «незначительной рябью»¹. Россия заполняет *своим* населением *свою* территорию, тогда как западноевропейские народы перешли к колонизации вне своего отечества, создавая колонии, которые постепенно начинают сознавать себя «как нечто особое от своего прежнего отечества, имеющее свои отдельные интересы и задачи»². Допускаемое сходство признавалось лишь с движением на новые земли в США и Канаде, но и там заселение происходило за счет эмигрантов, тогда как у нас «главная масса переселенцев набирается почти исключительно из внутренних губерний, великороссийского и малороссийского племени»³.

Стихийно присоединенное «баснословное пространство» (определение Ф. Броделя) осваивалось чрезвычайно медленно, что предоставило самодержавию время «мало-помалу принять свои предосторожности, навязать свой контроль, разместить казачьи отряды и своих чиновников, активных, даже если и склонных к казнокрадству». Сибирь не могла «ускользнуть» от России уже в силу своей экономической отсталости и почти автаркического положения многих ее областей⁴. В отличие, скажем, от Канады, она надолго застряла на первоначальной стадии хозяйственного освоения. Она не стала российской мечтой, как Америка (короткие периоды энтузиазма можно наблюдать только к рубежу XIX-XX вв.), а прирост имперского могущества России виделся на иных направлениях, для которых Сибирь была своего рода транзитной территорией. Почти на всем протяжении XIX в. она не стала ни объектом мощного колонизационного движения, ни источником сырья для российской промышленности, ни заметным рынком сбыта для мануфактур и фабрик центральной части страны. Вплоть до строительства Сибирской железной дороги Сибирь с эконо-

¹ Е-вичъ. Эмиграция и переселение // Туркестанские ведомости. 1913. № 143. 3 июля.

² Серповский Н.Г. Переселения в России в древнее и новое время и их значение в хозяйстве страны. Ярославль, 1885.. С. II.

³ Васильчиков А.И. Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах. СПб., 1876. Т. 2. С. 924.

⁴ Бродель Ф. Время мира. М., 1992. С. 17, 470.

мической точки зрения, как резко выразился один из современников, оставалась большим «географическим трупом»¹.

Хотя, замечает Д. Ливен, получи сибиряки свободу и представительные региональные институты, вокруг которых бы фокусировался региональный патриотизм, они могли бы выработать самостоятельную идентичность, имевшую возможность подобно Австралии или Канаде перерасти в независимое государство-нацию². Впрочем, знаменитый путешественник Фритьоф Нансен, рассуждая о возможности сибирского сепаратизма, оценивал его скептически. Напротив, утверждал он, сибиряки – это не ирландцы, добывающиеся гомруля, они никогда не забудут того, что они русские и будут всегда противопоставлять себя азиатским народностям. Отвергал Нансен и опасение, что азиатские владения Российской империи вытягивают лучшие силы из центра страны, понижая тем самым ее экономический и культурный уровень. В отличие от испанских, португальских и британских колоний, Сибирь представляет «в сущности естественное продолжение России и ее надо рассматривать не как колонию, а как часть той же родины, которая может дать в своих необозримых степях приют многим миллионам славян»³. В отличие от «украинского вопроса», «сибирский вопрос» не перешел в опасную стадию политического сепаратизма, оставаясь в рамках требований расширения местного самоуправления и хозяйственной самостоятельности. Массовое переселенческое движение начала XX в., породившее напряженность в отношениях сибирских старожилов и новоселов, в известной степени сняло остроту опасности формирующейся сибирской идентичности и регионального патриотизма. Указание же на колониальный статус Сибири использовалось чаще всего для того, чтобы обратить внимание центра на сибирские нужды.

Термин «колонизация» в середине XIX в. редко употреблялся в русском языке и представлял собой заимствование из

¹ Вельяминов Н.А. Воспоминание об императоре Александре III // Российский архив. М., 1994. Вып. V. С. 313.

² Ливен Д. Россия как империя: сравнительная перспектива. // Европейский опыт и преподавание истории в постсоветской России. М. 1999. С. 273.

³ Нансен Ф. Страна будущего // Дальний Восток. 1994. № 4/5. С. 185.

латыни через французский, вошедшее в известные лексиконы иностранных слов, опубликованные в Санкт-Петербурге в 1845, 1847, 1859 и 1862 гг., и трактовался как «заселение какой-либо страны». Историк П.И. Небольсин уже в 1849 г. употреблял понятие «система колонизации» применительно к правительственным мерам по заселению территорий за Уралом. Признав «колонизацию», отечественные историки и экономисты всегда подчеркивали своеобразие ее применения к миграционным процессам в России. Истоки таких трактовок, очевидно, следует искать в трудах влиятельных ученых и, прежде всего, в работах историка С.М. Соловьева, который уже в 1851 г. представил в противовес концепции «завоевания» теорию «колонизации», как преимущественно мирного движения, являвшегося основным фактором российского исторического процесса. У А.И. Герцена колонизация удачно вписывалась в его концепцию особого пути России, которая в отличие от европейских держав осуществляла свое территориальное расширение не в результате завоеваний «с последующей эмиграцией в новые колонии», а за счет «постепенного расселения великорусского народа». Это не было простым миграционным движением, но и освоением и присоединением новых территорий и народов к Российскому государству. В Политико-экономическом комитете Русского географического общества при обсуждении в 1861 г. вопросов колонизации не ограничились только экономическими аспектами, признав, что «переселение составляло отличительную черту русского народа», определяемой самим «народным духом»¹. Даже «штрафная колонизация» не исключалась из этой благостной картины и, по мнению П.П. Семенова (будущего Тянь-Шанского), давала вполне хорошие результаты, а потомки преступников и свободных переселенцев ничем не отличаются друг от друга в Сибири и «достигают высшей степени нравственного превосходства, нежели Великороссийское население»². Но уже в 1861 г. вынуждены были признать, что невозможно удержаться

¹ Политико-экономический комитет при Императорском Русском географическом обществе (собрание 11 марта 1861 г.) // Век. 1861. № 15.

² Политико-экономический комитет при Императорском Русском географическом обществе (собрание 22 марта 1861 г.) // Там же. № 20.

в пределах экономического или географического анализа и не обращаться к вопросам политическим. Позднее история «колонизации» получила развитие в трудах В.О. Ключевского и особенно М.К. Любавского. Все это позволяло современникам, а затем и историкам интерпретировать миграционные процессы, как естественное расселение русских, не упуская не только имперских, но и национальных мотивов того, что область колонизации «расширялась вместе с государственной территорией»¹.

Первоначально достаточно узкое толкование ограничивало колонизацию как процесс массового вселения в некультурную (или малокультурную) страну выходцев из цивилизованного государства. Однако «колонист» и «колония» использовались в России в основном применительно к иностранцам. Именно в такой трактовке они представлены в «Толковом словаре» В.И. Даля, хотя уже допускалось слово «колонист» как синоним «переселенца», но оставалось малоупотребимым. В наиболее авторитетном энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона «переселение» определялось А.А. Кауфманом уже как движение населения внутри собственного государства, схожее с немецким «*innere Kolonization*». Отсылка к немецкому термину влекла за собой параллели с национальной политикой германизации польских провинций Пруссии. В Комитете Сибирской железной дороги составлялись записки об опыте германизации Пруссией польских провинций², о постановке колонизации в Северной Америке, а А.Н. Куломзин, который играл видную роль в переселенческой политике, прямо заявлял, что прусский опыт насаждения германского элемента в польских провинциях стал «путеводною нитью» в переселенческой политике в Сибири³. Председатель Комитета министров и вице-председатель Комитета Сибирской железной дороги Н.Х. Бунге в своем политическом завещании 1895 года указывал на русскую колонизацию, как на способ, по примеру США и Германии, стереть племенные и культурные различия: «Ослабление расовых особенностей окраин может быть достигнуто только привлечени-

¹ Ключевский В.О. Сочинения. М., 1956. Т. I. С. 31.

² Германская колонизация польских провинций Пруссии. СПб., 1894.

³ Куломзин А.Н. Пережитое // РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 190. Л. 53; Д. 191. Л. 3.

ем в окраину коренного русского населения, но и это средство может быть надежным только в том случае, если это привлеченное коренное население не усвоит себе языка, обычаев окраин, вместо того, чтобы туда принести свое»¹.

А.А. Кауфман, опираясь на заключения германских экономистов, видел в «переселении» традиционное миграционное движение, а «колонизацию» представлял в противовес «завоеванию» способом не только более равномерно распределить население по территории государства и снизить тем самым аграрное напряжение, но и распространить на азиатские окраины империи передовую культуру². Вместе с тем в русском народном движении на восток он не усматривал ничего уникального, даже по его масштабу, а главной особенностью признавал лишь то, что оно не было заморским. По словам другого исследователя русского переселения и видного чиновника Ф.Г. Тернера, Россия «обладает в своих азиатских владениях свободными землями, на которые могут изливаться избытки сельского населения, не только не разрывая связи со своим отечеством, но служа, напротив того, большему сплочению этих дальних стран с Россиею»³.

Один из самых авторитетных исследователей мировых миграционных процессов П. Леруа-Болье, труды которого оказали существенное влияние на позиции российских ученых и практиков, также подчеркивал не только территориальную непрерывность процесса русской колонизации, но и схожесть климатических и почвенных условий Центральной России и Сибири. По его словам, это лишь простое перемещение населения, или миграция⁴. При этом в российской политике нужно было в комплексе учитывать как интересы районов выселения, так и заселения, что также является отличием от заморских территорий европейских держав или принимающих мигрантов государств. Для России как переселенцы, так и местное туземное население, тоже «свое», к которому нельзя

¹ Бунге Н.Х. Загробные заметки // Река времен (Книга истории и культуры). М., 1995. Кн. 1. С. 211.

² Кауфман А.А. Переселение и колонизация. СПб., 1905. С. 3.

³ Тернер Ф.Г. Государство и землевладение. СПб., 1896. Т. 2. С. 109.

⁴ Леруа-Болье П. Колонизация у новейших народов. СПб., 1877.

относиться несправедливо, как европейцы порой действуют в отношении коренных жителей колоний. И это не могло быть простой декларацией, хотя в реальности оказывалось трудно соблюсти не только баланс интересов, но и придать определенную последовательность и непротиворечивость правительственным распоряжениям и стихийно складывающимся экономическим и культурно-бытовым отношениям пришельцев и принимающих сообществ. «Но в виде правила, — уточнял А.А. Кауфман, — в основу колонизации наших окраин полагается безусловно правильный и с гуманитарной, и, кажется нам, с политической точки зрения принцип: живи — и жить давай другим; другими словами — стремление согласовать интересы русской колонизации окраин с законными правами и насущными интересами их туземного населения, не отнимая у него возможности не только вести хозяйство установившегося у него типа, но и развивать последнее в направлении большей культурности и интенсификации»¹. А.А. Кауфман цитирует немецкого автора: «Туземное население — это тоже свое население, к которому ни русское правительство, ни русское общество не могут относиться так, как испанцы относились к ацтекам или инкам, и как англичане до сих пор относятся к чернокожим обитателям своих африканских владений»². Обозревая деятельность Государственной думы по «переселенческому вопросу», В.П. Вошинин подчеркивал: «Русское переселение не укладывается в рамки западно-европейских представлений о колонизации, предполагающей достижение государством определенных целей преимущественно за пределами метрополий, — оно шире и уже этого понятия, так как наряду со стихийным и не зависящим от воли правительства передвижением населения на пустующие пространства той же Империи, им обнимаются ныне, при заселении приграничных местностей, и задачи политические». Это явление он предлагал определять как «колонизационное переселение», или «внутренняя колонизация»³.

¹ Кауфман А.А. Переселение и колонизация. СПб., 1905. С. 10.

² Цит. по: Там же. С. 9.

³ Вошинин В.П. Переселенческий вопрос в Государственной думе III созыва. Итоги и перспективы. СПб., 1912. С. 3.

«В последнее время можно считать, — ранее утверждал другой аналитик переселенческого вопроса Н.Г. Серповский, опираясь на авторитет П. Леруа-Болье, — окончательно установившимся в науке мнение о том, что освобождение колоний от метрополии составляет неизбежное последствие развития первых»¹. При этом он специально подчеркивал историческое значение переселенческого движения, потому что «государственная власть в нашем отечестве издавна сознавала громадное значение переселений в деле расширения политического могущества русского народа и развития русской национальности»². Такое уточнение являлось следствием демонстративного нежелания походить на колониальные империи и признавать свои азиатские окраины колониями. Переселение представляло в такой трактовке лишь «естественным последствием органического роста государства». При этом превозносилась, как «национальная черта», особая способность русского человека к колонизации, своеобразный «переселенческий зуд» и даже страсть к бродяжничеству.

В этом заключалась другая сторона российского исторического процесса, когда государство должно было принимать меры «для преграждения излишней подвижности населения», чему служило как крепостное право, так и довольно жесткая паспортная система. Оставалась влиятельной позиция, высказанная в 1861 г. видным чиновником Министерства императорского двора Е.К. Мейендорфом: «...новые наши приобретения на востоке отнимают у нас и время, и силы замечательных деятелей, в которых, конечно, у нас нет излишества; предполагая даже, что мы успеем устроить благосостояние всех наших новых поселений, мы этим только будем спешествовать их отделению от метрополии, как учит история всех колоний»³. Казалось, что сама внутренняя Россия требует большого внимания и ресурсов, а Сибирь, даже с ее золотыми промыслами, весьма сомнительна с точки зрения доходности. И даже М.И. Венюков соглашался, что две трети Сибири не

¹ Серповский Н.Г. Переселения в России. С. II.

² Там же. С. IV.

³ Политико-экономический комитет при Императорском Русском географическом обществе (собрание 1 апр. 1861 г.) // Век. 1861. № 22.

пригодно для земледелия. В этих дискуссиях содержался еще один важный аспект, который и привел в заключение председатель Политико-экономического комитета В.П. Безобразов: разнообразие мнений среди столь влиятельных лиц неизбежно будет порождать и противоречивые тенденции в самом руководстве переселенческим делом.

Переселение долгое время воспринималось как средство к более равномерному распределению населения по территории государства, сопровождаясь призывами «обращаться бережливо с этим запасным фондом народного хозяйства, не расточая его иностранным колонистам, полудиким инородцам или лицам, уже владеющим другими имуществами»¹. На Сибирь смотрели, как на запасное пространство для будущих поколений русских земледельцев, не задумываясь о быстром и эффективном его освоении. Переселение за Урал скорее сдерживалось, нежели поощрялось, а политика в отношении земельных ресурсов Сибири была скорее охранительной, нежели наступательной, подчеркивая преимущественно мирный характер движения русских на восток. «Водворение это было мирное и не сопровождалось ни насилием, ни вытеснением туземцев, ни отнятием у них земель, и это именно и отличает развитие и основание русского государства от истории других стран... Русские насельники никого не истребляли, никого не вытесняли, занимая только пустые земли и, поселяясь среди инородцев, постепенно их поглощали, налагая на всех печать своей народности и подданства русскому царю»². Уже при картографировании переселенческого движения столкнулись с трудностями его фиксации, так как оно не охватывало сплошных территорий, по примеру Северной Америки, где «район заселения расширялся по мере оттеснения туземных племен в глубь страны, а на отдельные свободные земельные участки, вкрапленные в заселенные местности»³. В таком слу-

¹ Васильчиков А.И. Землевладение и земледелие в России... С. 926.

² Там же.

³ Журнал Подготовительной комиссии при Комитете Сибирской железной дороги (№ 51). «По делу об участии Комитета Сибирской железной дороги на Всемирной выставке 1900 г. в Париже» (заседание 20 марта 1898 г.) // Россия. Комитет Сибирской железной дороги. СПб., 1898. Т. 1. Л. 389.

чае обозначение на крупномасштабной карте полос сплошного заселения почти никогда не соответствовало реальному положению вещей.

Еще один правительственный эксперт Г.К. Гинс в конце имперского периода широко трактовал задачу «колонизации», понимая ее как «культурное воздействие европейских народов на азиатские государства» или систему мер, направленных «к скорейшему экономическому и культурному развитию отсталых частей государства», культурное развитие «незаселенных или слабозаселенных пространств». «У нас есть переселенческая политика, но нам нужна политика колонизационная», — призывал он¹. «Переселение» в таком случае чаще всего предполагало наличие естественного миграционного потенциала у населения, стремившегося решить свои частные проблемы. «Колонизация» же была связана в большей степени с имперской политикой и искусственными мерами регуляции переселенческих потоков. Она была направлена не только на удержание завоеванных территорий, но, главным образом, на расширение пространства самой «Русской земли». Вместе с тем, как заметил один из имперских экспертов по Дальнему Востоку полковник Генерального штаба Л.М. Болховитинов, военно-политические задачи укрепления восточных границ и выселение из Европейской России малоземельных крестьян, чтобы заселить «окраинные пустыри», привели к тому, что «колонизация переплелась с переселением»².

Констатируя начало массового движения крестьян за Урал (рост в 1907 г. почти в три раза по сравнению с предыдущим годом), главноуправляющий Землеустройством и Земледелием кн. Б.А. Васильчиков призвал переменить «переселение» на «заселение». На первый план он выдвинул уже не столько аграрные или даже социальные меры, а задачи геополитические и национальные. Во-первых, это было следствием «пробуждения» Китая и поражения в Русско-японской войне. Правительственное внимание было переключено на дальневосточные области и Забайкалье. «Эта богатая пустыня непо-

¹ Гинс Г.К. Переселение и колонизация. СПб., 1913. Вып. 2. С. 7, 28.

² Болховитинов Л.М. Колонизаторы Дальнего Востока // Великая Россия: сб. статей по военным и общественным вопросам. М., 1910. Кн. 1. С. 222.

средственно граничит с такими перенаселенными странами и государствами, как Китай и Япония, — напомнил он депутатам Государственной думы, — и мы уже имеем определенные данные о тех мероприятиях, которые так называемый «дремлющий Китай» предпринимает для заселения смежных с нами областей»¹. Во-вторых, должна была измениться ситуация с землевладением в самой Сибири, где население «свыклось с идеей о безграничном земельном просторе, и потому всякое заселение новым пришлым элементом соседних с ним земель сибиряки склонны считать нарушением ежели не своих прав, то, во всяком случае, своих интересов. Лозунг «Сибирь для сибиряков», — констатировал глава земельного ведомства, — широко проник во все слои и группы местного населения. Отсюда вытекает и совершенно определенно выраженная недоброжелательность к переселению; выражаясь в низших, менее культурных, слоях подчас прямым насилием против мирного пришлого населения, в более культурных слоях это же настроение выражается в форме огульного порицания всей переселенческой политики Правительства и противопоставления ей особой сибирской политики», требующей признания земельного приоритета за сибирскими старожилами и инородцами². В-третьих, заселение инородческих земель и меры по седентеризации кочевников вводили миграционное движение русских крестьян в поле национальных проблем, обостряя их и на азиатских окраинах империи. Между тем межевание земель было процессом длительным (окончания можно было ожидать не ранее 1930 г.), а крестьяне-переселенцы не могли и не хотели ждать, что вынуждены было признать и правительственные чиновники. Народное движение за Урал было воспринято как программное правительством П.А. Столыпина: «Важнейшим в Сибири государственным делом является переселение. Богатая всем, кроме людей, Сибирь только в приливе сюда живой русской рабочей силы может найти полноту хозяйственной и культурной жизни. Все остальное: быт старожилов, киргиз, ка-

¹ Речь Главноуправляющего Землеустройством и Земледелием князя Б.А. Васильчикова в комиссии Государственной Думы по переселенческому делу, 5 декабря 1907 г. // Вопросы колонизации. № 2. С. 419.

² Там же. С. 422.

заков, лесные и горные промыслы, земские и городские дела — все это представляет довольно неподвижную общую среду; напротив, переселение является здесь главной движущей силой. Под влиянием этой силы сдвигаются с места и перестраиваются все иные отношения: к новым условиям, создаваемым приходом переселенцев, должны приспособляться и захватное хозяйство старожила, и вековое первобытное хозяйство кочевника, и местные рабочие рынки»¹.

Оставаясь в рамках эволюционистской и прогрессистской парадигмы, в правящих кругах оценивали землевладение кочевников как патриархальное, тогда как «необъятные степные пространства должны, несомненно, рано или поздно подпасть под влияние этой (прогрессивной земледельческой. — А.Р., Н.С.) культуры, с которой кочевой народ, оставаясь таковым ужитья не может». В такой ситуации власти были готовы лишь смягчить удары «неизбежной эволюции», а кочевники должны смириться с изъятием «многих миллионов десятин для заселения их русскими»². Постановка управления переселенческим движением и меры по хозяйственному устройству переселенцев вызывали критику не только в части технической организации и финансовой поддержки, но затрагивали куда более важные социальные и культурные аспекты. Для преобладающего народнического дискурса, который доминировал не только в среде радикально настроенной интеллигенции, но был не чужд и значительному числу правительственных чиновников, переселенческое движение поставило целый ряд «неудобных» вопросов, связанных не только с социальным «перерождением» идеализируемого ими русского мужика, но и новыми отношениями, в которых тот оказался в инокультурном пространстве Азиатской России. Многие ссыльные революционеры-народники были вовлечены (прежде всего, через отделения Русского географического общества) в этнографические и миграционные исследования и оказались востребованы администрацией как научные консультанты. Особую позицию в референтном сообществе занимали сибирские

¹ Поездка в Сибирь и Поволжье. Записка П.А. Столыпина и А.В. Кривошеина. СПб., 1911. С. 1.

² Речь Главноуправляющего Землеустройством и Земледелием князя Б.А. Васильчикова... С. 423-424.

областники и формирующаяся национальная интеллигенция народов Сибири.

Казалось, что переселенческое движение крестьян на азиатские территории Российской империи открывает возможности для сотрудничества власти и общества, империи и народа. К такому сотрудничеству во второй половине были готовы переселенческие чиновники и земства в районах выселения, а за Уралом различные общественные и научные организации, и даже лица с так называемым «предосудительным формуляром» – политические противники самодержавия. Председатель Общеземской организации и будущий глава Временного правительства кн. Г.Е. Львов открыто заявлял в 1907 г., солидаризируясь с геополитической трактовкой миграционных процессов, предложенной имперскими властями: «Всем ясно, какое громадное государственное значение приобрела именно теперь правильная усиленная колонизация отдаленных восточных окраин Империи. Всем ясно, какое громадное значение получило правильное выселение избытка населения из центра. Переселенцы – не лишние люди, до которых нам нет дела. Они разрешают и на них возлагаются великие задачи. Они должны установить на окраинах тесную связь общих интересов со своей родиной-метрополией, должны сохранить связь с ее культурой и жить одною с ней жизнью. Одни они могут слить в единое целое далекие окраины наши с отчизной, сплотить их внутренней связью с родиной»¹. И уже земские переселенческие съезды провозглашали, что «степные области Средне-Азиатской России» очень подходят для выходцев из Малороссии, необходимо ускорить землеотводные и ирригационные работы в Семиреченской и Сырдарьинской областях, начать строительство железной дороги Ташкент – Верный – Транссиб, подъездных путей к Сибирской магистрали и т.п.². Переселенческое дело не только подталкивало общественность, сохранявшую антибюрократический пафос, к сотрудничеству с властями, но и заставило переосмыслить свои

¹ Доклад земским собраниям председателя Общеземской организации кн. Львова об участии Общеземской организации в переселенческом деле // Вопросы колонизации. № 2. С. 408.

² Первый областной переселенческий съезд в г. Харькове // Там же. № 2. С. 403.

воззрения на русского крестьянина, который неожиданно оказался не только «страдальцем», но и «хищником» по отношению к природе и к коренным народам Азиатской России.

В дальнейшем колонизация получает все более негативное звучание, связанное с эксплуатацией природных ресурсов, местного населения, захвата рынков и дешевой рабочей силы для получения максимальной прибыли¹. Колонизация в данном случае рассматривалась как процесс формирования отношений «господства — подчинения», позиционирование отличий между «цивилизованной метрополией» и «некультурной колонией». Впрочем, В.И. Ленин признавал трудность в определении статуса тех или иных территорий в составе Российской империи и некоторую неясность в трактовке колониального характера Сибири: «как бы колония», «колония в экономическом смысле»². В советское время в сибиреведении на несколько десятилетий закрепилось компромиссное ленинское определение Сибири как «колонии в экономическом смысле»³. Исследователи и практики колонизационного дела с дореволюционным стажем И.Л. Ямзин и В.П. Вошинин, переходя на советскую риторику, предлагали под колонизацией понимать «процесс заселения и использования производительных сил *недонаселенных* и экономически *недоразвитых* (курсив наш. — А.Р., Н.Г.) территорий значительными массами людей, эмигрирующих из более густонаселенных областей»⁴. В таком определении смешивалась не только колонизация и эмиграция, но и правительственное и вольнонародное переселение, а колониальной политике противопоставлялись планомерные колонизационные мероприятия и организация «оптимальных» хозяйств. Политика в этой сфере была отнесена к «искусству колонизации», а наука должна была найти закономерности, лежащие в основе колонизационных процессов. Они предлагали и свое понимание человеческих «миграций», различая три вида их участников: 1) эмигранты (вы-

¹ Маркс К. Капитал. М., 1973. Т. 1. Гл. 25. Современная теория колонизации.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1973. Т. 4. С. 86; Т. 30. С. 121.

³ Горюшкин Л.М. Место Сибири в составе России в период капитализма // Исторический опыт освоения Сибири. Новосибирск, 1986. С. 37-50.

⁴ Ямзин И.Л., Вошинин В.П. Учение о колонизации и переселениях. М., 1926. С. 4.

селяющиеся из одного государства в другое); 2) иммигранты (вселяющиеся в другое государство) и 3) переселенцы (меняющие оседлость в пределах одного государства). Таким образом, переселение и колонизация уже более не разделялись, а сливалось в общем потоке миграционных процессов. Говоря же об истории «колонизации» в России, они по-прежнему предпочитали описывать ее как переселенческое движение, уточняя лишь направленные действия по «колонизации» отдельных районов, или применительно к отдельным категориям населения, а также включая в это понятие правительственные и общественные действия по обеспечению выселения, передвижения и вселения переселенцев, а также административному, финансовому, научно-исследовательскому и агротехническому и прочему их сопровождению. Такая трактовка присутствует и в «Советской сибирской энциклопедии» (Т. IV), где имеется статья с показательным, но мало проясняющим смысл, названием: «Переселение в Сибирь и ее колонизация». При этом политический смысл (в том числе национальный) колонизации игнорировался. Для советских историков и идеологов термин «колонизация» становился все более неудобен, так как невольно ассоциировался с «колониальной политикой», поэтому были найдены, как казалось, менее одиозные определения: «освоение», «заселение» с противопоставлением «вольнонародного» переселения «правительственной» колонизации. Н.И. Никитин, недавно сам исповедовавший такое понимание миграционных процессов, теперь осуждает советских историков-«перестраховщиков» за то, что предложенные ими термины-«заменители» не могли охватить все многообразие даже социально-экономических процессов (игнорируя во многом их социокультурную составляющую), определяемых емким словом «колонизация»¹. Возврат и реабилитация старого термина сопровождается попытками его деполитизации в противовес отождествлению «колонизации» и «колониальной политики» в современной национальной историографии новых постсоветских государств². Сохраняется дискуссионность

¹ Никитин Н.И. Русская колонизация... С. 5.

² Подробнее см.: Ремнев А.В. Имперская история России: азиатский вектор. Проблемы исследования и преподавания // Вестн. Омского ун-та. 2007. № 4. С. 6-16.

и в современном сибиреведении, а специалисты по истории и экономике Сибири «до настоящего времени так и не определились, «что такое есть эта громадная страна: колония, или колонизируемая территория, или неотделимая часть неделимой России»¹.

Таким образом, хотя термины «переселение» и «колонизация» нередко смешивались, за первым к началу XX в. закрепился аграрный приоритет решения социальных задач крестьянства, тогда как во втором доминирующую роль играли политические интересы государства. Практика почти синонимичного их употребления свидетельствовала о совпадении в некоторых случаях переселенческих и колонизационных усилий государства и народа. Разделение понятий «переселения» и «колонизации» никогда не было строгим, но всегда настороженным в случае ассоциаций с «колониальной» политикой, за которой сохранялся негативный оттенок неравноправия и эксплуатации.

Колонизационные процессы в Российской империи никогда не ограничивались только завоеванием, присоединением территории и не всегда совпадали с переселенческим движением, поскольку основной смысл смещался от заселения к долговременному процессу «поддержания» государственного единства, созданию своего «русского» пространства. Важнейшую роль в строительстве империи должны были сыграть не столько военные и чиновники, сколько мирные крестьяне-переселенцы. Рассматривая усложнение в этой связи имперского дискурса в конце XIX — начале XX в., В. Сандерланд представил его как неоднозначное по смыслу движение: «Если российская колонизация и русское переселение равнозначны, это означает, что колонизация в России была не только крестьянской или земледельческой, или домашней, или колониальной проблемами, но всеми этими проблемами вместе. Результатом явилось то, что русские образы колонизации

¹ Ламин В.А., Резун Д.Я. *Метаморфозы фронта в истории Сибири, Северной Америки и Австралии (к постановке проблемы)* // Региональные процессы в Сибири в контексте российской и мировой истории. Новосибирск, 1998. С. 22.

были изначально запутанными»¹. Вместе с тем миграционные процессы могут быть оценены и как стихийное народное движение, и как этнодемографический инструментарий «внутреннего» расширения империи национального закрепления территории, реализации проекта «большой русской нации», за счет переселения и консолидации, главным образом, славянских народов.

1.2. Колонизационная политика самодержавия в Сибири XVIII – начала XX в.: этапы и направления

Внутренний характер колонизации решительным образом повлиял на характер переселенческого законодательства и колониционной политики русского правительства, перед которым стояли задачи не только регулирования миграционных процессов, но и упорядочение методов и форм водворения на окраинах. Очевидно, что интересы внутренних губерний и окраин находились в сложном противоречии².

Сохранение крепостного права в центре страны не позволяло государству свободно распоряжаться зависимым крестьянским населением, поэтому подавляющее большинство прибывших крестьян в Сибирь в XVIII в. были беглыми помещичьими или черносошными (государственными) крестьянами³. Вольнонародная колонизация была в известной степени выгодна государству, поэтому особых усилий по возврату беглых крестьян, как правило, не предпринималось, хотя до-

¹ Sunderland W. The «Colonization Question»: Visions of Colonization in Late Imperial Russia // *Janrbucher fur Geschichte Osteuropas*. 2000. № 48. P. 210-213; Он же. Империя без империализма // *Новая имперская история постсоветского пространства*. Казань, 2004. С. 459-472.

² Современные исследователи склонны, в отличие от советского периода, придавать большее значение регулирующей роли государства в деле колонизации и хозяйственного освоения Сибири. Результаты новейших исследований по истории переселенческой политики обобщены в коллективной монографии «Роль государства в освоении Сибири и Верхнего Прииртышья в XVII-XX вв.» (Новосибирск, 2009) и в обзорной главе: Ноздрин Г.А. Массовые переселения в Сибирь в конце XIX – начале XX в.: роль государства и адаптационные стратегии // *Массовые аграрные переселения на востоке России (конец XIX – середина XX в.)*. Новосибирск, 2010. С. 11-82.

³ Кабузан В.М., Троицкий С.М. Движение населения Сибири в XVIII в. // *Сибирь в XVII – XVIII вв.* Новосибирск, 1962. С. 146.

пускалось принудительное переселение вновь прибывших в Сибирь в районы первой государственной необходимости¹. В XVIII в. это территории императорского Кабинета на Алтае, притрактовая полоса в Барабинской степи, Прииртышье (Пресногорьевская, Кузнецкая, Иртышская линии), Забайкалье, Якутско-Охотский тракт).

Обеспечивая русское присутствие на азиатских окраинах, государство способствовало в первую очередь заселению стратегически важных территорий – трактов и пограничных линий, укомплектованию штата административных учреждений и пополнению военных гарнизонов, используя при этом доступные колонизационные элементы: ссыльных раскольников, казаков донского и запорожского войск, бессрочно отпускных солдат, уголовных ссыльных. «Штрафная колонизация» в XVIII в. была важным источником пополнения рабочей силы на казенных и частных заводах и рудниках. Но уже на ранних этапах колонизации сибирская администрация, признавая негативное влияние ссыльных, запретила приселять ссыльных к старожильческим деревням, «дабы ленью ссыльных не заражать местное население». Ссыльно-поселенцы, как и прочие слабо инкорпорированные группы, во многом определяли специфику сибирского крестьянского общества, оказывая влияние на самые разные сферы его жизнедеятельности, например экономическое положение хозяйства старожилов, их психологию, практику управления и т.д. Слабые и несостоятельные в экономическом и общественном отношении поселенцы неизбежно становились эксплуатируемой частью общества, на которых почти не распространялись ни общинная демократия, ни мирское сострадание. Народник Н.М. Астырев, наблюдая за отношениями между старожилами и поселенцами, образно заметил, что поселенцы являлись «жирной почвой для развития эгоистических наклонностей, притупляли в местном населении и без того недоразвитые в нем альтруистические чувства». Поселенец, особенно принадлежавший к иной этнической, языковой или социальной сре-

¹ Булыгин Ю.С. Колонизация русским крестьянством бассейнов рек Чарыша и Алея до 1763 г. // Вопросы истории Сибири. Вып. 1. Томск, 1964. С. 17; Сафронов Ф.Г. Охотско-Камчатский край (Пути сообщения, население и земледелие до революции). Якутск, 1958. С. 39-52.

де, не чувствовал привязанности к новым обычаям и местам, куда он попал не по своей воле. Чувство оторванности закреплялось неполноправным положением, в которое он попадал на месте приписки.

Последним крупным проектом XVIII столетия стал сенатский указ 1799 г. о населении «Сибирского края, прилежащего к границам китайским», и предусматривал принудительное заселение стратегически важных территорий¹. В указе подчеркивалось, что Сибирский край из-за слабой заселенности «не приносит пользы, каковую бы государство от него получить долженствовало». Планировалось переселение первоначально 2 тыс., а затем до 10 тыс. ссыльных, которым обеспечивались льготные условия водворения, в частности наделение по 30 дес. удобной земли. Однако этот план не имел успеха. В 1806 г. программа заселения Сибири была скорректирована и в качестве главной причины неэффективности прежних колонизационных усилий было признано отсутствие надзора и контроля со стороны государства. Новое положение о переселении в Сибирь, учитывая негативный опыт штрафной колонизации, расширило территорию водворения и состав переселенцев. Впервые было разрешено вольным переселенцам из государственных крестьян малоземельных внутренних губерний селиться в Западной Сибири. Переселенцы делились на казенных и собственных (т. е. самостоятельных): казенные водворялись в поселки, построенные за счет казны, вторые селились по своему усмотрению. Казенные поселения, по сути, повторяли идею военных поселений, только осложненную тем, что водворялись в казенных селениях не военные, а ссыльнопоселенцы.

В Тобольскую и Томскую губернии направляли в основном государственных крестьян. Они освобождались от уплаты податей (временная податная льгота) и выполнения повинностей, за исключением воинской, получали от казны ссуду, сельскохозяйственный инвентарь, рабочий скот. До первой жатвы на месте переселенцы получали семена на посев и хлеб или кормовые деньги. По прошествии льготного срока они обязаны были выполнять все казенные подати и выплатить в

¹ ПСЗ-I, № 19157.

течение 15 лет ссуду. К 1813 г. в Томскую губернию прибыло около 16 тыс. переселенцев. В Иркутской губернии расселяли крестьян, принятых от помещиков, отставных солдат и ссыльнопоселенцев. Принудительная ссылка давала значительно меньшие результаты. Так, за Байкалом и вокруг него за 1800–1819 гг. было водворено около 8 тыс. поселенцев.

В ноябре 1821 г. М.М. Сперанский внес на рассмотрение Сибирского комитета проект «О позволении переселения в Сибирь государственных крестьян из внутренних губерний, а также в Сибири из одной губернии в другую». Сперанский отмечал двоякую выгоду для государства добровольных переселений в Сибирь: во-первых, возможность заселить малоллюдный край, во-вторых, обеспечить безземельных крестьян. Сибирский комитет одобрил предложение, и оно было претворено в именном указе 1822 г. «О разрешении казенным крестьянам всех губерний переселяться в Сибирь и внутри сибирских губерний». При этом совершенно отказаться от услуг «штрафной» колонизации государство не смогло, что нашло отражение в подготовленном тем же Сперанским «Уставе о ссыльных» 1822 г.

Возрастающий поток ссыльных в Сибирь приводил к тому, что в некоторых волостях число причисленных ссыльных равнялось или даже превышало число старожилов. С подобными жалобами обращались жители Томской и Тобольской губерний¹. В 1827 г. крестьяне Нижнекаинской волости подали прошение о переводе ссыльных, причисленных к их волости, на другие «приличные им поселения». «Число причисленных к деревням сей волости ссыльных равняется числу старожилов, а при том большая часть поселенцев уголовники и евреи, которые не имеют привычки заниматься сельскими работами, обращаются в бродяжничество и переходя из одного селения в другое делают кражи и другие вредные проступки...»² Чиновники, ревизовавшие государственные имущества Западной Сибири в 1840-е гг., также отмечали негативное воздействие ссыльнопоселенцев на нравственность старожилов – как только их становилось больше старожилов, они приобретали пере-

¹ РГИА. Ф.1376. Оп. 1. Д.19. Л. 2 об., Д. 75. Л.12-23 об.

² ГАОО. Ф.3.0п.1.Д.748. Л. 9.

вес во мнениях и увлекали крестьян «к разврату и пьянству», что являлось первым шагом к расстройству их хозяйства.

Наличие значительного количества неустроенных ссыльнопоселенцев приводило к ухудшению криминогенной обстановки. Часто воровство являлось «единственным ремеслом», которым владел ссыльный, а главным объектом его нападений становились крестьяне. Официальные отчеты фиксировали формирование сплоченных групп, объединенных «общим делом» против крестьянского общества, скрывающих преступников, препятствующих проведению розыскных действий. Такие факты отмечались в отношении так называемых лютеранских колоний (Рига, Ревель, Нарва и Гельсингфорс), существовавших на территории Омского округа. Полиция и волостное правление не могли эффективно осуществлять следственные мероприятия хотя бы потому, что никто из колонистов не соглашался быть понятым, а приглашенные из русских деревень, «не владея их наречием», не в состоянии были противостоять действиям по сговорам и сокрытию вещественных доказательств¹. Несмотря на то, что ссыльнопоселенцев после водворения и причисляли в сословие казенных поселян, они оставались неполноправными членами крестьянского общества. Волостное начальство зачастую не способствовало, а препятствовало обзаведению поселенцами собственным хозяйством и домами. Поскольку все волостное начальство избиралось из старожилов, то при разборе поселенческих дел оно, как правило, и поддерживало старожилов.

К середине XIX в. стало очевидным, что устройство ссыльных силами крестьян-старожилов и местной администрации неэффективно уже в силу их незаинтересованности в увеличении числа самостоятельных хозяйств². Хотя ссыльнопоселенцы до причисления в сословие государственных крестьян

¹ ГАОО. Ф. 3. Оп. 8. Д. 13452. Л. 46.

² Томский губернатор рассуждал следующим образом: «И что же было бы, если бы все поселенцы обрабатывали поля? Кто бы стал есть хлеб и чем бы уплачивать подати? Дай бог, чтобы число поселенцев на промыслах не уменьшилось, это полезно промышленности и земледельцам, которых труд ныне по дешевизне не вознаграждается. . . люди, слава Богу, заняты, только мы не знаем, чем и где...» (цит. по: Мамсик Т. С. Крестьянское движение в Сибири. Вторая четверть XIX в. Новосибирск, 1987. С. 35).

не входили в единое податное общество, включение их в крестьянское общество снимало с чиновников и переключало на волостное начальство целый ряд задач, в том числе по учету населения и сбору податей. В отношении ссыльных эта задача осложнялась и превращалась в чрезвычайно трудоемкий процесс в связи с их постоянными перемещениями с места приписки. Кроме того, отсутствие четких правил причисления ссыльных к волостям для волостных правлений и несоблюдение таковых Экспедицией о ссыльных также не способствовали укоренению ссыльнопоселенцев. Генерал-губернатор Западной Сибири Г.Х. Гасфорд после обозрения волостных правлений Тобольской и Томской губерний в 1858 г. отмечал, что «волостное начальство и земская полиция не настаивает, чтобы ссыльные водворялись». Это подтверждалось тем, что земские суды выдавали ссыльным увольнительные билеты еще до прибытия их в волость, также не особо удерживали их в волостных правлениях, особенно после того, как выдача увольнительных билетов была передана от поселенческих смотрителей в волостные правления.

Важным этапом в переселенческой политике стала реформа государственной деревни, проводимая министром государственных имуществ П.Д. Киселевым. В 1842 г. на Сибирь были распространены правила об общем порядке переселения казенных крестьян, изданные в 1824 и 1831 гг. До этого Сибирь исключалась из районов водворения переселенцев до окончательного заселения Причерноморья. Закон 1843 г. стал первой попыткой самодержавия решить проблемы малоземелья в некоторых великорусских губерниях за счет массового переселения государственных крестьян в Сибирь. С 1838 по 1855 г. в Западную Сибирь прибыло более 90 тыс. переселенцев. Правительство также практиковало выкуп у помещиков крепостных с последующим их переселением в Сибирь. Самовольные переселения частновладельческих крестьян не приветствовались, хотя процесс этот шел постоянно. Чиновники, подобно Магеллану и Колумбу, вплоть до второй половины XIX в. открывали новые деревни, не учтенные ревизиями¹.

¹ ГАОО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1927. Л. 221.

Государство, контролируя масштабы переселения, жестко регламентировало все его этапы, заботясь о появлении в Сибири состоятельного колонизатора и прочности его водворения. Местные учреждения Министерства государственных имуществ (МГИ) должны были контролировать районы выхода и водворения переселенцев, определяя экономическую, политическую и социальную целесообразность переселения, проводить межевые и землеустроительные работы, формировать переселенческие партии, следить за использованием ссуд. Переселенцев обеспечивали жильем, продуктами питания, сельскохозяйственными орудиями, строительными материалами, кормами и семенами, предоставляли 3-летнюю льготу на выплаты податей и 10-летнюю денежную ссуду. При незначительных размерах переселенческого движения государству удавалось обеспечивать переселенцев всем необходимым, но льготы способствовали нарастанию переселенческого потока. Процесс утрачивал контролируемый характер и эффективность водворения. Не способствовало прочности освоения Сибири и скептическое отношение местной администрации. Узость рынка, отсутствие удобных речных и морских путей для сбыта сельскохозяйственной продукции, малочисленность городского и промышленного населения могли привести к перепроизводству хлеба, снижению цен на него и, как следствие, снизить платежеспособность сибирского крестьянства¹. Чиновник по особым поручениям Н.Я. Смирнов, по итогам ревизии МГИ, отмечал, что переселение крестьян в Сибирь, кроме значительных затрат, пользы правительству не принесет. Переселенцы будут «сыты, но нищи, от них обнищают и сибиряки. Хлеб потеряет свою цену, чем заплатят крестьяне подать, на что купят вина?». Поэтому, заключал он, для Сибири еще долго «не нужны попечения правительства об умножении в ней народа извне; это раннее попечение превратит Сибирь, страну богатую, довольную — в нищую»². Экономические доводы сибирской администрации тем не менее оказывали незначительное влияние на правительственный

¹ Там же. Д. 2071. Л. 115.

² Там же. Л. 116.

курс и еще менее затрагивали устремления потенциальных переселенцев.

За Уралом самодержавие отказалось от крепостнического варианта закрепления за империей новых земель, как это было в Поволжье, Новороссии и Западном крае¹, и сделало главную ставку на крестьянина². Хотя на протяжении первой половины XIX в. государство неоднократно возвращалось к идее участия российского дворянства в колонизации сибирской окраины. Развитие крупного помещичьего хозяйства на сибирской окраине предполагало не только более высокий агротехнический потенциал, финансовую обеспеченность, не требующую дополнительных затрат со стороны казны, но и мотивировалось развитием края в соответствии с «потребностями Русской жизни и сообразно с Монархизмом», а также расширением в среде сибирского населения образованных и «верных слуг престола, безусловных исполнителей воли Монаршей»³.

Заселение Сибири во второй половине XIX – начале XX в. еще теснее увязывается правительством с разрешением крестьянского вопроса в центре России. После реформы 1861 г. крестьяне получали личную свободу, но правительство, учитывая заинтересованность помещиков в дешевом крестьянском труде, сдерживало переселенческие устремления. За переселение без разрешения правительства предполагалось уголовное наказание (от 3 недель до 3 месяцев). По закону 1866 г. отменялись ссуды и льготы для переселенцев, не предоставлялись они совсем и в случае переселения на кабинетские земли Алтая. Даже в середине 1870-х гг., когда западносибирский генерал-губернатор Н.Г. Казнаков, ответственный за управление северо-восточной части казахской степи, поставил вопрос о привлечении туда русских крестьян-переселенцев, его пла-

¹ О полемике сторонников помещичьей и крестьянской колонизации в Западном крае и Царстве Польском во второй половине XIX – начале XX в. см.: Горизонтов Л.Е. Выбор носителя «русского начала» в польской политике Российской империи. 1831–1917 // Поляки и русские в глазах друг друга. М., 2000. С. 107–116.

² См.: Худяков В.Н. Аграрная политика царизма в Сибири в пореформенный период. Томск, 1986. Гл. VI «Попытки насаждения дворянского землевладения в Сибири»; Островский И.В. Аграрная политика царизма в Сибири периода империализма. Новосибирск, 1991. Глава I.3. Мероприятия по созданию помещичьего землевладения.

³ ГАРФ. Ф. 815. Оп. 1. Д. 50. Л. 3, 7.

ны не были одобрены в Петербурге¹. Однако запретительная политика не могла уже остановить набравшего силу миграционного потока, что привело к расширению практики самовольных переселений, удельный вес которых увеличился до 80–85 %. Именно это обстоятельство вынудило правительство в 1869, 1871, 1876 гг. признать за самовольными переселенцами права на вселение.

Из стратегических соображений – необходимость освоения пограничных окраин – в 1861 и 1866 г. создаются особые правила заселения Приамурского и Южно-Уссурийского края, Приморской области, но и там не была реализована идея Н.Н. Муравьева-Амурского о свободном заселении и, по опыту колонизации Северной Америки, передаче земли в частную собственность². Дальневосточные земли стали своеобразной площадкой новых колонизационных технологий с высокой степенью участия государства: плановое заселение вдоль почтовых трактов и на побережье Амура, морские перевозки Добровольческого флота, более активное финансовое участие казны, использование не только общинного, но и подворного (хуторского) хозяйства. Добровольческий флот за трехлетие 1883–1885 гг. доставил во Владивосток морем 5 780 переселенцев, из них 4 683 были перевезены на казенный счет. Задача, сформулированная заведующим переселением в Приамурском крае Ф.Ф. Буссе, создать полосу поселений, которые закроют «русской грудью границу», обеспечат главный торговый путь края и станут плацдармом для дальнейшего продвижения, сломив сильное «манзовское» население, считалось, была выполнима только при условии контролируемых миграций. Вместе с тем, сравнивая успехи русской колонизации со встречным движением корейцев, китайцев, собственными иностранными и иноконфессиональными колонистами, современниками неоднократно указывалось на слабость обще-

¹ Подробнее см.: Ремнев А.В., Суворова Н.Г. Степная колонизация в проектах западносибирской администрации 1870-х гг. // Традиции экономических, культурных и общественных связей стран Содружества (история и современность). Омск, 2010. Вып. 4. С. 47-74.

² Матханова Н.П. Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX в.: В.Я. Руперт, Н.Н. Муравьев-Амурский, М.С. Корсаков. Новосибирск, 1998. С. 192.

ственной организации у русских, полном отсутствии помощи обществ, которые переселенцы покидали¹.

Утвержденные в 1881 г. Временные правила для переселения крестьян, по мнению исследователей, больше сдерживали, чем поощряли переселения. Они имели ограниченное применение и не были даже опубликованы. Выдача разрешений была обставлена множеством формальностей. Переселенец, решивший получить законные основания для изменения места жительства, должен был получить согласие не только собственной общины, местного начальства, но и двух министерств (МВД и МГИ). Выступая перед «сведущими людьми» переселенческой комиссии 22 сентября 1881 г., министр государственных имуществ назвал свободное переселение «главным злом», сравнив его с азартной игрой, в основе которой лежит желание «легчайшей наживы»: «Это произведет волнение умов, стремление к несбыточным надеждам и приучит лишь крестьян к шатанью с места на место, нигде не укрепляясь надолго, обратит их в каких-то номадов». Поэтому, настаивал он, следует говорить не о переселении, а «расселении» всех нуждающихся в земле. «Все эти лица, занявшись лично хлебопашеством, будут государству одинаково полезны и уменьшат пролетариат, уже начинающий тяготеть и над нашею страной»².

В целом 1880-е гг. можно считать подготовительным этапом массовой колонизации 90-х гг. XIX — начала XX в. В это время государство приступило к созданию специальной структуры государственных учреждений, в том числе и местного уровня. Их задача заключалась в изучении колонизационной вместимости территорий, образовании переселенческих участков (переселенческие отряды и партии), организации систематического учета (регистрационные пункты в Челябинске и Тюмени) и т.д. Если с 1861 по 1885 г. ежегодно за Урал переселялось в среднем по 12 тыс. человек, то в 1886-1895 гг. эта цифра возросла до 39 тыс.³. Известную роль в решении правительства

¹ Болховитинов Л.М. Колонизация Дальнего Востока // Русский разлив. М., 1996. Т. 2. С. 360-370.

² Цит. по: Берг И.Н. Переселение. Б. м., 1882. С. 6-7.

³ Горюшкин Л.М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900-1917 гг.). Новосибирск, 1976. С. 116.

интенсифицировать колонизационный поток за Урал сыграл голод 1891 г., вслед за которым наблюдается резкий скачок в переселенческом движении (более 80 тыс. человек в год). Затем последовал небольшой спад. С открытием движения по Сибирской железной дороге численность переселенцев быстро нарастала, переживая периоды снижения и подъема, но все время держась на высоком уровне по сравнению с предшествующим десятилетием.

Новые тенденции в колонизационной политике стали постепенно проявляться с конца 80-х — начала 90-х гг. XIX в. Очередной переселенческий закон от 13 июля 1889 г. «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли» значительно расширял возможности потенциальных переселенцев (освобождение от обязанности брать увольнительные приговоры от общества, уплачивать недоимки, ссуда на продовольствие и обсеменение полей), что вызвало очередной переселенческий бум. Но его действие было ограничено уже в 1892 г. Более долговременные последствия имело создание в 1892 г. Комитета Сибирской железной дороги и выработанные им новые принципы переселенческой политики. Прежде всего было официально признано, что миграционные процессы безвредны для экономического развития Центральной России в связи с высоким естественным приростом населения (до 1,5 млн в год), что до этого времени не считалось бесспорным. С другой стороны, переселение было признано необходимым для окраин для «распространения и упрочения русской народности», а потому самовольное (вольнонародное) движение не должно было тормозиться административными или уголовными преследованиями. По мнению заместителя председателя Комитета Сибирской железной дороги Н.Х. Бунге, «правительственное воздействие на переселенческое движение не должно иметь целью задерживать переселенцев, хотя бы и самовольно покинувших родину, но могло быть направлено к тому, чтобы из года в год повторяющееся перемещение сельских обывателей носило характер более сознательный и получило более правильную постановку». С этого момента сдерживание переселенческого движения становится не нужным, наблюдается сокращение удельного

веса самовольных переселенцев (с 80–85 % в конце 1880-х гг., до 60 % в 1894 г. и 26 % к началу XX в.). Уменьшение было связано с облегчением получения разрешения (вплоть до отмены предварительного разрешения по закону от 7 декабря 1896 г.), возобновлением правительственных льгот и ссуд. По решению комитета все самовольные переселенцы, прибывшие в Сибирь и Степной край с 1895 г., также наделялись казенной землей и обеспечивались правительственными пособиями.

Комитет Сибирской железной дороги рассматривал дело заселения (изначально только территорию вдоль строящейся железной дороги, позднее район мероприятий комитета охватил всю Сибирь, казахские степи и некоторые местности Европейской России) с позиций сибирских и общерусских экономических и политических интересов¹. Для достижения поставленных задач комитет обладал важными преимуществами: во-первых, личное председательствование наследника престола, затем императора Николая II, что обеспечивало подчинение как центральных учреждений, так и местной администрации, во-вторых, наличие значительных финансовых средств. В распоряжение комитета был предоставлен особый «фонд вспомогательных предприятий Сибирской железной дороги», главным образом для нужд колонизации Сибири. Финансовые возможности этого фонда были весьма значительны: с 1893 по 1903 г. только на поддержку переселения было израсходовано около 27 млн руб. Это позволяло лучше организовать переселенческое движение, расширить фронт землеотводных и ирригационных работ, наладить статистический учет переселенцев, создать более действенные организационные структуры, частично компенсировать отсутствие земств в Сибири в сфере врачебной, продовольственной, дорожного строительства².

Ссылка больше не рассматривалась даже как дополнительный способ заселения отдаленных сибирских территорий. Законом 12 июня 1900 г. была прекращена ссылка по уголовным преступлениям в Сибирь³. В Степном крае и в Туркеста-

¹ Беркенгейм А.М. Переселенческое дело Сибири // Землевладение. 1902. Вып. 3.

² Кауфман А.А. Переселение и колонизация. С. 46, 130.

³ См.: Марголис А.Д. Система сибирской ссылки и закон 12 июня 1900 г. // Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири XVIII – начала XX в. Новосибирск, 1978.

не империя изначально отказалась от использования методов «штрафной колонизации», опасаясь не только негативного воздействия уголовных ссыльных на местных жителей, но и снижения имиджа русских в глазах тех, чья верноподданность все еще была под сомнением. Исключение делалось только для политических ссыльных, вероятно, не опасаясь, что их пропаганда может найти почву среди туземного населения, а дефицит образованных кадров даст им возможность применить свои интеллектуальные способности на благо империи.

Начиная с закона 6 июня 1904 г. в переселенческом законодательстве доминируют аграрные и социальные задачи, все более усиливающиеся в годы столыпинской реформы, но при этом не забывались и политические цели, направленные на усиление русской мощи на отдаленных окраинах. С 1906 г. были значительно увеличены расходы и штат местных переселенческих организаций. Однако мероприятия по улучшению организации переселений и расширение финансовой помощи, усиление попечительных мер негативно отразились на «качестве» переселенцев. Основную массу столыпинских переселенцев составили безземельные и малоземельные крестьяне, фактически не имевшие собственных средств и рассчитывавшие на государственную помощь¹. В условиях сокращения свободного колонизационного фонда Сибири, когда доступные и наиболее плодородные участки были уже перенаселены, перед правительством встала проблема привлечения к переселению более состоятельных земледельцев, способных к водворению в сложные условия пограничных районов, безводных степей, таежных урманов. П.А. Столыпин безуспешно пытался распространить в Сибири права собственности на землю. Среди разнообразных причин недопустимости данного проекта отмечалось, что такое землеустройство «прикрепит старожилы к месту и тем лишит его возможности выполнять

¹ Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Сибири. Западная Сибирь. Восточная Сибирь. СПб., 1912. Вып. IV – V; Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Томской губернии. Томск, 1913. Вып. I, II.

свою культурную задачу» по освоению новых территорий¹. Однако с 1908 г. сибирским переселенцам начинают отводить земельные участки не только для общинного владения, но под хутора и отруба. В общинах с уравнительным переделом начинается размежевание земель и передача их в индивидуальное владение. Процесс сокращения общинного землевладения в Сибири проходил быстрее, чем в России. Проводя крупномасштабные землеустроительные мероприятия по отводу участков для переселенцев в авральном режиме, государство нарушало традиционные земельные права старожилов и инородцев. Несоблюдение баланса общероссийских и собственно сибирских интересов в колонизационной политике в годы столыпинской аграрной реформы приближали колонизационную политику Российской империи в азиатских владениях к типично колониальной, порождая все новые линии социальных и национальных напряжений.

Масштабы переселенческого движения в период 1906–1908 гг. превзошли самые смелые ожидания российских ученых-аграриев. Через год после окончания Русско-японской войны ежегодный приток переселенцев составил 220 тыс., в 1907 г. – 383 тыс., не считая 136 тыс. ходоков, в 1908 г. был достигнут максимум – 700 тыс. человек в год. После 1910 г. и до начала Первой мировой войны ежегодное число переселенцев колебалось в пределах 250–300 тыс. Всего с 1906 по 1914 г. за Урал прошло более 3 млн 700 тыс. переселенцев, из которых прочно водворилось там около 2 млн 700 тыс. Но и в эти годы самовольные переселенцы составляли в районе 40 %, а к 1910 г. в Сибири скопилось уже более 700 тыс. непричисленных переселенцев, которые не останавливались перед несанкционированными захватами земель не только у инородцев, но и у старожилов и казаков². Очевидно, что подобные масштабы переселения не соответствовали реальным возможностям Сибири и организационным ресурсам местной администрации. Между тем обратные переселенцы составляли от 2 до 10 %, однако доля окончательно водворившихся хозяйств увеличилась в 7

¹ Островский И.В. Аграрная политика царизма в Сибири в период империализма. Новосибирск, 1991. С. 44.

² Ноздрин Г.А. Массовые переселения в Сибирь в конце XIX – начале XX в. С. 79.

раз по сравнению с предшествующими периодами. Основную массу переселенцев давали Центральный, Малороссийский, Новороссийский, Белорусский, Волжский и Юго-Западный районы, на долю которых приходилось более 90 % всего вновь прибывшего населения.

**«Русское население» Азиатской России
в конце XIX – начале XX в.**

Губернии и области	Русское население		Общая численность населения		Процентное соотношение русских к общей численности населения	
	1897 г.	1911 г.	1897 г.	1911 г.	1897 г.	1911 г.
Тобольская	1311706	1827992	1433595	1975239	91,5	92,5
Томская	1760619	3463266	1927932	3673746	91,3	94,3
Енисейская	494462	875000	570255	966409	86,7	90,5
Иркутская	376291	588148	515070	750000	73,0	78,4
Забайкальская	442744	590645	672072	868790	65,9	68,0
Якутская	30007	18035	269191	277187	11,2	6,5
Амурская	103523	242304	120306	286263	86,0	84,6
Приморская	109764	380437	188977	523840	58,0	72,6
Камчатская	3881	4200	34658	36012	11,2	36012
Сахалинская	18316	5593	28113	8849	65,2	63,2
Уральская	163910	297711	645121	804245	25,4	37,0
Тургайская	35028	235480	453416	712615	7,7	33,0
Акмолинская	225641	835441	682608	1443721	33,0	57,9
Семипалатинская	68433	174873	684590	873760	10,0	20,0
Всего по Азиатской России	5341745	9945732	7746718	10327033	69,0	96,3

В начале XX в. русские (в расширительном толковании, принятом имперскими статистиками) уже преобладали в Сибири и на Дальнем Востоке, на значительной части Степного края, заметно наращивали свою численность в Туркестане. Островки «русского мира» формировали своего рода русский архипелаг в азиатском океане, разрастаясь от городов (крепостей), казачьих станиц, от укрепленных линий вдоль почтовых

и торговых трактов, сливаясь постепенно в массивный «русский континент».

1914–1917 гг. можно определить как время подведения итогов и выработки новых колонизационных проектов, когда массовое переселенческое движение постепенно угасало, а в государственной политике появился новый объект политических и социальных манипуляций – беженцы, военнопленные и вынужденные переселенцы. К работе государственных и земских учреждений активно подключилась переселенческая комиссия при Государственной думе, а также Общеземская организация.

Переоценку колонизационных усилий государства в Сибири XIX – начала XX в., как это формулировали многие российские эксперты того времени, можно свести к следующим положениям: 1) переселение должно преследовать цель колонизации в широком смысле этого слова, перенося акцент на качественное улучшение переселенческого дела взамен его количественного развития; 2) главным принципом эффективной колонизации было признано свободное переселение (которое означало самостоятельный выбор участка («принцип свободной почвы»), вида деятельности и даже вероисповедания; 3) роль государства в колонизационных мероприятиях должна была быть ограничена выработкой законодательства (прежде всего, определения прав собственности), проведением землеустроительных работ, развитием кредитной системы и привлечением капитала, в том числе и иностранного. Патерналистские отношения в переселенческом вопросе, по мнению и чиновников и общественных деятелей, имели существенные негативные последствия, привлекая на окраины не предприимчивых и хозяйственно самостоятельных пионеров-колонизаторов, а «государственных пестунов».

Уже в 1917 г. новая, пусть и временная, власть вновь выносит приговор о неэффективности переселенческой политики. В августе – сентябре 1917 г. комиссия по вопросам переселения и колонизации пришла к выводу, что земледельческая колонизация зашла в тупик. В решении комиссии указывалось, что колонизационная политика должна исходить из общего плана оживления экономики страны при повышении роли окраин.

Повышенное значение отводилось промышленной колонизации, что должно было способствовать развитию и аграрного сектора сибирской экономики, обеспечивая сбыт ее продукции. Переселяющийся элемент должен быть вне сословий, обладать нужным запасом материальных средств, энергией и предприимчивостью, включая предварительную подготовку, в частности дальнейшее изучение экономических возможностей региона. По сути дела, эту линию в колонизационной политике будет продолжать и советская власть, по крайней мере в первое пятилетие после окончания Гражданской войны¹.

1.3. Крестьянская колонизация в геополитических координатах «внутреннего империализма» и национализма

В актовом лекции казанского профессора Д.А. Корсакова 1889 г. утверждалось, что «поступательное движение на восток принадлежит преимущественно, почти даже исключительно, господствующей в настоящее время отрасли русского народа – племени Великорусскому, представляя собою один из моментов многовековой борьбы Европы с Азией, а эта борьба составляет одно из важнейших явлений всемирной истории...»². Способность русских к колонизации объявлялась им природной, следы которой он легко находил в русском фольклоре и русской истории. В его трактовке движение русских было своеобразным возвращением к своим истокам в Азии, как потомков древних Ариев. Сознвая относительную бедность нашей культуры по сравнению с античной и западноевропейской, он полагал, что и мы сможем распространить основы гражданственности среди инородцев. «Мы распространяем среди них Православие, ассимилирующее их с народностью русскою, мы приучаем их к оседлости, постепенно прививая к ним культуру

¹ См.: Платунов Н.И. Переселенческая политика советского государства и ее осуществление в СССР (1917 – июнь 1941 гг.). Томск, 1976; Красильников С.А. Переселенческая политика в 1920–1930-е гг.: правовые нормы, условия и механизмы обеспечения массовых миграций // Массовые аграрные переселения на восток России (конец XIX – середина XX в.). Новосибирск, 2010. С. 83–120.

² Корсаков Д.А. Об историческом значении поступательного движения великорусского племени на Восток. Казань, 1889. С. 4.

земледельческую, обращая пустыни Сибири и пески Средней Азии в обработанные и засеянные поля и плантации. Но пока не разовьем мы в себе самих более высокой культуры, нравственной и умственной — до тех пор мы не будем в состоянии в должной мере цивилизовать Востока»¹. Основным отличием России от других мировых держав уже традиционно объявлялось, что она представляет собой цельный континентальный монолит. У нее нет колоний, отделенных морями или непроходимыми горами, способных развиваться самостоятельно или имеющих право на свою государственную обособленность. Ее колонии — это окраины на Дальнем Востоке, в Средней Азии и на Кавказе. «Подобно тому, как наши южные степи, наша Новороссия, наша южная «украина» некогда представляли запас для русского населения, так теперь наступило время постепенно использовать с этою же целью наши восточные дальние окраины. Чем более населятся они русскою народною массою, тем крепче свяжутся эти страны ядром Русского государства»². Примечательно, что в этом перечне окраин он не упоминает Сибирь, которая к концу XIX в. уже считалось «старой» русской территорией, своего рода «внутренней периферией», как когда-то Русский Север, Поволжье или Новороссия. Между тем империя так и не преодолела амбивалентности в определении статуса азиатских окраин, зафиксировав это в официальном издании: «Земли Азиатской России — это неотъемлемая и неотделимая часть нашего государства — в то же время и единственная наша колония»³.

Если Сибирь, безусловно, входила в понятие «Россия», то включение ее в пространство «Руси»⁴, как ядрового понятия национального государства, все еще оставалось проблематичным и прочитывалось по-разному в различных нарративах. В любом случае сибирский вариант управления окраинами представляется историкам более типичным для Российской

¹ Там же. С. 49.

² П.К. Значение Амурской железной дороги // Окраины России. 1908. № 17. (26 апр.). С. 250.

³ Азиатская Россия. СПб., 1914. Т. 1. С. VIII.

⁴ Хотя в начале XX в. уже можно встретить названия: «Сибирская Русь», в Чите выходила газета «Азиатская Русь», писатель Н.В. Ушаров писал о «Забайкальской Руси», а Г.Д. Гребенщиков в 1914 г. назвал свой очерк о старообрядцах Алтая — «Алтайская Русь».

империи, нежели отклонения в сторону колониализма в случае с Туркестаном. И хотя отношения Сибири к «коренной России», как это описывал в конце XIX в. сибирский купец Н.М. Чукмалдин, все еще представлялись в категориях колонии и метрополии, однако устойчивым оставалось убеждение, что «Сибирь — та же Россия, только географически несколько обособленная», инородческого населения в ней не много, а «сибиряк — термин собирательного русского потомка, пришедшего вольно или невольно из разных мест России»¹.

Многие российские историки, географы, этнографы и экономисты утверждали, что «русский крестьянин — колонист по преимуществу», и акцентировали внимание именно на «вольнонародном» характере казачьего и крестьянского движения на восток, подчеркивая при этом, что заселение земель за Уралом прошло самовольно и даже нередко вопреки государству. «Мнимый, но вечный земельный голод», определял смысл народного движения чиновник канцелярии Комитета министров И.И. Тхоржевский. «Небольшая часть ежегодного прироста крестьянского населения уходила в азиатскую Россию — творить там привычное для крестьян и великое дело для государства дело русской колонизации. Значение этого «отлива» для Европейской России было невелико; значение этого прилива для пустынной окраины было огромно и благодетельно». И в их числе самовольные переселенцы, «валом валившие, вопреки всем запрещениям, на Алтай — и творившие в Сибири своими боками, великое дело колонизации»². Россия за эти триста лет, — подводил в 1881 г. итог П.П. Семенов, — сделала в Сибири все, что могла, превратив Западную Сибирь «в более русскую страну, чем, например, губернии Казанская, Уфимская, Оренбургская и даже Вятская и Пермская; в степном генерал-губернаторстве заняла большую часть оазисов и подгорьев, способных для оседлой жизни и культуры; даже в отдаленной Восточной Сибири водворила русское население, вдвое превосходящее численностью инородческое и постепенно его ассимилирующее, не истребляя его, как европейская колонизация истребляла туземные племена Северной Америки. Притом же Россия поставила своего переселенца в

¹ Чукмалдин Н.М. Письма из Москвы: вырезки из очень старых газет. Тюмень, 2011. С. 223.

² Тхоржевский И.И. Последний Петербург. Воспоминания камергера. СПб., 1999. С. 124-125.

Сибири даже в лучшие условия, чем в центре России, широко наделив его принадлежавшими Государству землями и угодьями; она не стеснила его свободы и не водворила в Сибири крепостного права...»¹. Военный министр А.Н. Куропаткин из ознакомительной поездки по Сибири в 1899 г. вынес впечатление, что, кроме Якутской области, «русский элемент в два столетия справился с туземным народонаселением и поглотил их»². Тобольская и Томская губернии уже русские, а в Енисейской и Иркутской — это дело времени. «Русскому населению, — указывал он, — должно быть предоставлено первое место всюду.. во всей России каждому жителю ее должно быть выгоднее всего называться русскими»³. В 1907 г. якутский губернатор И.И. Крафт надеялся, «что с постепенным заполнением свободных пространств Сибири русский колонизационный гений проникнет и в пустые дебри Якутской области»⁴.

Правительство лишь воспользовалось результатами миграционного творчества простых русских людей. Видный земский деятель А.И. Васильчиков даже утверждал: «Русские люди проникали и переселялись на заселяемые прежде, чем вступали на них русские войска и власти, и завоевание, колонизация совершались не оружием, а орудиями — сохой, косой, топором»⁵. Заняв Уссурийский край, Г.И. Невельской уже как практик указывал, что первенствующее место из орудий здесь должны занять «топор, заступ и плуг»⁶. В этом «безостановочном» расширении границ русского государства задействованы были не только имперские власти, но и сам народ, о котором, по свидетельству известного художника-ориенталиста В.В. Верещагина, китайцы говорили: «...русские самый бессовестный народ, где они покосят сена или попоят лошадей, там земля и

¹ Семенов П.П. Речь по поводу 300-летия Сибири, читанная в заседании ИРГО 8 декабря 1881 года. СПб., 1882. С. 19-20.

² Дневник А.Н. Куропаткина // РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1887. Л. 116.

³ РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1765. Л. 98-99.

⁴ Цит. по: Боякова С. Национальная интеллигенция и переселенческий вопрос в Якутии начала XX века // Илин. Якутск, 2000. № 2 (21).

⁵ Цит. по: Колесников А.Д. Русское население Западной Сибири в XVIII — начале XIX вв. Омск, 1973. С. 61.

⁶ Невельской Г.И. Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России. 1849—1855. М., 1947. С. 325-326.

вода делается ихними». А причина простая — «стихийная сила выпирает нас вперед», и русский мужик никак не может остановиться — «просто тянет их вперед, да и баста»¹. Важно здесь подчеркнуть, что русские переселенцы двинулись дальше на восток и на юг не только не исчерпав ресурсов недавно заселенных земель восточной части Европейской России, но даже как следует не устроившись там². Идеальным типом «первопроходца» предстал «сибирский заимщик» — «это особый тип человека: сильный, здоровый, храбрый, он больше всего на свете любит самостоятельность и независимость от людей, которых ему заменяет природа. Он ищет далекого от селений места, приводит в культурное состояние участок земли, никому: ни правительству, ни отдельным людям ненужный еще <...>, и вдруг, бросает с героическим трудом устроенное хозяйство, как только к его «заимке» приближаются поселения, идет дальше, как будто его провиденциальная роль — завоевывать природу»³.

Россия полагала себя призванной преобразовать «пространство, предназначенное для пастбищ, в зоны сельского хозяйства»⁴. Для государства и переселенцев земли за Уралом могли предстать своего рода *terra nullius*, в результате чего власть и народ могли обрести историческое и юридическое право завладеть ими, приобретая уверенность, что эти земли — «лишние» и «бесполезные» для местного населения, а потому могут быть заняты в результате «завоевания» или трудового «освоения», обращены в «общенародное достояние», воспринимаемое в традиционных категориях «божественного» или «царского» дара. В таких условиях крестьянское переселенческое движение достигало в русской политической мысли высокой степени обобщения и включалось в геополитические конструкции внутреннего обустройства империи. За изменениями на административной карте империи уже виделся целе-

¹ Верещагин В.В. Очерки, наброски, воспоминания. СПб., 1883. С. 148.

² Кауфман А.А. Переселение и колонизация. С. 6.

³ Романов В.Ф. Старорежимный чиновник (из личных воспоминаний от школы до эмиграции. 1874-1920 гг.) // ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 598. Л. 261-262.

⁴ Ларюэль М. Идеология русского евразийства или мысли о величии империи. М., 2004. С. 123.

направленный процесс ее национального устройства. Понятие «наше», как отмечает К. Вейс, которое глубоко укоренилось в массовом русском сознании, является ключевым элементом как для понимания структуры Российской империи, так и для присоединения к России новых территорий¹. В XIX в. постепенно разрушался стереотип Сибири как «царства холода и мрака», крестьянин переставал ее «дичиться». Из страны «незнаемой» и «виноватой», места ссылки и каторги она все больше превращается в привлекательный, богатый землей край². Одновременно шло ментальное освоение нового пространства и присвоение его, как «русской земли». Этой трансформации восприятия способствовали изменения в правительственной политике и идеологии, строительство Сибирской железной дороги, отмена ссылки, создание положительного имиджа региона как в России, так и за рубежом, чему способствовали публикации в средствах массовой информации и презентации Сибири на международных выставках³.

С 1860-х гг. Сибирь постепенно входит в большую политику и экономику с ориентацией политической, военной и экономической активности на восток, юг и север. Началом новой ориентации на север, фактически забытой со времен «первооткрывателей», стала поездка западносибирского генерал-губернатора Н.Г. Казнакова в 1878 г. в устье Оби, чего не делал ни один из его предшественников. Главной целью поворота к Ледовитому океану было не столько знакомство с потенциально богатым краем, сколько поиск выхода для Сибири в торговле с Европой⁴.

¹ Weiss C. «Nash», Appropriating Siberia for the Russian Empire // *Sibirica*. Vol. 5. № 1, Spring 2006. P. 141-155.

² Родигина Н.Н. Другая Россия: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX века. Новосибирск, 2006; Чатерджи С. Изменение восприятия Сибири // *Евразия: региональные перспективы*. Новосибирск, 2007. С. 117-126; Она же. Повторное присоединение Сибири // *Гуманитарные науки в Сибири*. 2008. № 3. С. 68-72.

³ См.: Ремнев А.В. Участие Комитета Сибирской железной дороги во Всемирной выставке 1900 г. в Париже // *Хозяйственное освоение Сибири. История, историография, источники*. Томск, 1991. Вып. 1. С. 167-176.

⁴ Всеподданнейший отчет генерал-губернатора Западной Сибири за 1878 год // ГАОО. Ф. 3. Оп. 10. Д. 15967.

Развернувшаяся в последующие годы полемика о возможностях Северного морского пути и режима порто-франко устьев Оби и Енисея¹ стала частью нового экономического и геополитического видения Сибири². Известный сибирский предприниматель, а затем и депутат Государственной думы С.В. Востротин призывал переосмыслить роль Сибири в новом глобальном геополитическом контексте. Транссибирская магистраль до Тихого океана, выход к европейским и азиатским рынкам через сибирские реки и Северный морской путь, регулярное пароходное сообщение по Оби и Иртышу и сухопутные пути в Китай и Монголию, указывал он, открывают дорогу к «самому сердцу Азии». Изменение внутреннего геополитического пространства Сибири он связывал с превращением Японии в мировую державу, пробуждением Китая и тем, что «азиатский восток все больше и больше начинает привлекать внимание всего мира»³. Офицер Генерального штаба В.Л. Попов, обосновывая необходимость открытия в Омске Степного отдела Общества востоковедения, предсказывал коммерческий успех русских в Монголии. Он прогнозировал и ее политическое поглощение империей, указывая на расположенность монголов к Белому царю и «общность интересов русского народа и соседних кочевников»⁴.

Мало было обозначить границы империи, выстроить административные и коммуникативные линии власти, создать русскую поселенческую сеть — необходимо было закрепить новые земли ментально, в том числе и за счет наполнения карты Азиатской России русскими именами. Топонимика становится заявкой на право обладания территорией, со всеми ее природными ресурсами, что важно не только для колонистов, принимающего сообщества, но и для других государств. За изменениями на административной карте империи уже выделся целенаправленный процесс ее национального устроения.

¹ Патушинский А. Порто-франко и Северный морской путь в Сибирь // Право и финансово-промышленная жизнь Сибири. Томск, 1915. С. 81-94.

² См. напр.: Лид Й. Сибирь — странная ностальгия. Автобиография. М., 2009. С. 73.

³ Востротин С.В. Северный морской путь // Азиатская Россия. СПб., 1914. Т. 2. С. 615-616.

⁴ Записка об открытии Сибирского отделения Общества востоковедения капитана Генерального штаба В. Попова, 25 нояб. 1903 г. // ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1980. Л. 16-17.

Номинация природных объектов или объектов, созданных в результате человеческой деятельности, становилась частью политики, которую можно описать как «топонимический национализм»¹. Зауральские территории теперь все чаще именуется Азиатской Россией (и даже — «Русская Азия», «Русский Восток», «Европейская Азия», «Русская Евразия»), постепенно потеснив ранние названия «Сибирь» и «Степь». Параллельно с имперским административным строительством шел процесс вербального присвоения новых территорий. Оказавшись вдали от родины, русские переселенцы спешили закрепить за собой новое пространство, обозначая его привычными именами православных святых, русских героев, а то и просто перенося старые названия на новые места (Новокиевка, Полтавка, Черниговка, Московка и т.п.). Ментальные сдвиги в номинации восточных регионов империи, восприятие этнографической и цивилизационной границы между Европой и Азией, стремление сдвинуть ее к востоку путем русской крестьянской колонизации сопровождалось появлением на карте русских названий, наполненных переплетающимися имперскими, православными и национальными смыслами, как бы повторяя официальную формулу «православие, самодержавие, народность», отразив региональные варианты сложного процесса «национализации» империи Романовых.

Поглощение Российской империей азиатских окраин может быть представлено как постепенное расширение национального русского ядра, создание русских анклавов («островков русского мира») в стратегических зонах «Русской Азии». Вооруженные западными теориями «цивилизации» и «прогресса» российские интеллектуалы (особенно те из них, кто готов был идти на дистанцированное сотрудничество с властью) надеялись не только отказаться от оценок собственных действий как эксплуататорских и несправедливых, но и добиться преодоления «отсталости» азиатских народов (как, впрочем, и самих русских крестьян). Главным основанием для такого взгляда стала русская колонизация, как распростране-

¹ Подробнее см.: Ремнев А.В. Империя расширяется на восток: «топонимический национализм» в символическом пространстве Азиатской России XIX – начала XX века // *Ofiary imperium. Imperia jako ofiary. 44 spojzenia* / Red. Andrzej Nowak. Warszawa, 2010. С. 153-168.

ние европейской цивилизации (в «перекодированном» русском варианте) на мировую периферию, ее «этнографическое завоевание» русскими. Аграрное движение крестьян на новые земли включалось в идеологию так называемого «внутреннего империализма», а с рубежа XIX — начала XX в. стало осознаваться задачей первостепенной государственной важности.

В такой исторической трактовке был важен поворот от прежнего осуждения «вольницы» к попытке дать ей иную интерпретацию, включив в имперскую идеологию. Народная колонизация начинает трактоваться как необходимое дополнение военной экспансии. «Вслед за военным занятием страны, — отмечал известный публицист Ф.М. Уманец, — должно идти занятие культурно-этнографическое. Русская соха и бороны должны обязательно следовать за русскими знаменами и точно так же, как горы Кавказа и пески Средней Азии не оставили русского солдата, они не должны останавливать русского переселенца»¹. Уманец описывает переселение русских за Урал в понятиях «мужичьей колонизации» и «этнографического завоевания», ставя их в один ряд с распространением «англо-саксонской расы» в Северной Америке, но предлагает при этом совершенно иные политические прогнозы. В руководстве переселенческим движением он предлагал довериться «закону природы», «инстинкту» крестьянина-переселенца, лишь направляя колонизационные потоки в нужное государству русло. «Мы должны занимать и колонизировать сопредельные пустыни не ради увлечения дешевыми лаврами и мишурной славой, не потому, что нам это выгодно, не потому, чтобы не хватало оренбургского или херсонского чернозема... а просто потому, что без этой колонизации мы не отвечаем за спокойствие областей давно заселенных и, столетия назад, вошедших в государственные пределы»². Поэтому колонизация есть «народная повинность, фатально вытекающая из нашего географического положения и государственного достоинства, из того, что стремление на Восток составляет нашу историческую миссию, из того, наконец, что «судьбой нам суждено» осенить пустыню идеей государственности и внести в нее ко-

¹ Уманец Ф.М. Колонизация свободных земель России. СПб., 1884. С. 33.

² Там же. С. 225.

декс христианской нравственности, вовсе не следует, чтобы мы должны были постоянно «работать в убыток» и, таская каштаны для других народов, всегда оставаться на втором плане»¹.

Сохраняя идеологическую дистанцию, отделяющую Россию от европейских колониальных держав, имперские теоретики усваивали и с осторожностью внедряли экономические и национальные обоснования, актуализируя демографические угрозы в виде «желтой опасности» или нового «монгольского нашествия». Именно русские, по мнению Уманца, должны получить лучшие земли на окраинах, потому что добыты они «русской головой и русской кровью», налогами с русских крестьян, именно русские внесли наибольший вклад в их «завоевание» и установление там «общественной безопасности».

Для укрепления империи необходимо было создать на окраинах критическую массу русского населения, которое и станет демографической основой государственной целостности. «...Могучее народное движение... заставило власти не только отказаться от мысли остановить это движение и ограничиться регулированием его, но и взять в свои руки руководство им», — утверждал историк М.К. Любавский². Главной движущей силой колонизации становится уже не «природная стихия» крестьянских побегов от государства, а само государство, которое направляет народные потоки, создает для русских переселенцев защитно-оградительную инфраструктуру, законодательно стимулирует и регулирует размещение русских населенных пунктов³.

В крестьянском миграционном сознании переселение за Урал могло восприниматься как стратегическая задача, указанная монархом и объединяющая интересы крестьянства и государства. Это придавало миграционным настроениям переселенцев особую легитимность. Вопреки бюрократическим запретам переселенец верил, что, двинувшись за Урал, делает «царское дело» и что «казна» его не бросит. Появлялись

¹ Там же. С. 226.

² Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации. С. 474.

³ Ерофеева И. Славянское население Восточного Казахстана в XVIII–XX вв.: миграционное движение, стадии социокультурной эволюции, проблемы реэмиграции // Этнический национализм и государственное строительство. М., 2001. С. 333.

наивные легенды, «что в Челябинске поезда с переселенцами встречают императрица Мария Федоровна и великий князь Михаил Николаевич с кашею»¹. Самовольный мигрант, прибыв в Сибирь, считал себя вправе требовать от местных властей помощи в обустройстве на новых землях. «Мы царские и земля царская», — заявляли они, образуя самовольные поселки². Как отмечал один из уездных начальников в рапорте на имя акмолинского губернатора, «разуверить их в том, что свободных для поселения мест нет, положительно невозможно, поскольку на все доводы они отвечают словами: «мы явились... и, следовательно, имеем право селиться»³. И уже крестьяне требовали в степи для себя лучших земель, чтобы «забить» там русские поселения: «И была бы у верблюда в ноздре веревка!..»⁴ Даже освобождение казахов и сибирских народов от воинской повинности («они Царю не служат») становилось основанием потеснить их в земельных правах. «Пустые» с точки зрения крестьянина-земледелца земли кочевников или «сомнительное» право инородцев могло стать оправданием для ограничения их землепользования, присоединив к этому мотив социальной справедливости, что местные богатей «злоупотребляют» своим положением «ради эксплуатации большинства» своих соплеменников⁵. Тем более считалось, что «полудикое хозяйство наших восточных провинций отживает последние дни; кочевые народы беднеют, стада их вымирают и они сами ищут поселян и покупателей на свои земли»⁶. «Мирское переселение перестало быть простым гражданским актом. Оно перешло в священное общественное дело», — декларировали в либеральном «Вестнике Европы»⁷. И гордые, но бедные крестьяне-переселенцы разгуливали по Оренбургу, «как завоеватели, и невольно чудилось, что на всех их лицах

¹ Кризис самодержавия в России. 1895-1917. Л., 1984. С. 47; Беляков И.Е. Переселенец о Сибири // Русское богатство. 1899. № 3. С. 6.

² Ноздрин Г.А. Массовые переселения в Сибирь. С. 77.

³ ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 4591. Л. 30.

⁴ Дедлов В.Л. Переселенцы на новые места. Панорама Сибири. М., 2008. С. 69.

⁵ Дуров А.В. Краткий исторический очерк колонизации Сибири. Томск, 1891. С. 54.

⁶ Васильчиков А.И. Землевладение и земледелие в России. С. 925.

⁷ Пономарев С. Лето среди переселенцев (очерки и пересказы) // Вестн. Европы. 1886. № 9. С. 148.

был написан роковой приговор старой азиатской окраске и вместе с тем царькам города — азиатцам. Отныне здесь будет — Русь». Переселенец энергично отыскивает своих «правов», настойчиво осаждает начальство, вступает в переговоры с нехристианским населением и засеивает на собственный страх поля. И не то с великодержавным оптимизмом, не то с недоумением наблюдатели заключали, увидев таких «колонизаторов» («в рубище, в заплатах, со скомканными бородами, с изнуренными лицами, в которых легко было прочесть какую-то вечную испуганность и пришибленность»): «Невольно чувствуется близкое падение обособленности края; невольно прислушаешься к родному великорусскому говору; невольно идешь в эту шумящую на разные лады толпу и видишь ликующие физиономии с печатью изумления пред веками нетронутыми полями, роскошной и сочной растительностью, перед тучными и обильными лугами, перед колосающейся высокой, рослой и наливной пшеницей»¹. Если старожилы апеллировали к своему историческому праву и пробовали искать правду у администрации, то переселенцы брали выше: «Царь нас отпустил землю оглядеть, пахать ее, чтобы вволю было, а где земля-то?» «Чует силу расеец, когда мир за ним», и этой силой, а не более высокой культурой «напирают они на восток», и покоряется этой силе «не один киргиз, припертый теперь к стенке и отброшенный далеко за Урал, не один апатичный и непредприимчивый башкир; подается и крепкая сила сибирских старожил»².

Именно таким прагматичным сознанием русского крестьянина и постаралась воспользоваться империя, чтобы не только экономически освоить новые территории, но и надежно прикрепить их к государственному ядру. И уже правомонархистские партии в начале XX в. включили это в свои программные установки: «Переселенец делает пользу не только себе и своей семье, но и всему русскому государству. Переселяясь в Сибирь, он увеличивает ее русское население и тем самым закрепляет Сибирь за Россией, усиливает и укрепляет

¹ Там же. С. 141.

² Там же. С. 157-159.

оплот против желтого нашествия»¹. При этом неуклонно подчеркивалось активное участие народа в построении империи. Первопроходцы не только отыскиали «ничию» земли за Уралом, но и обеспечили «историческое право» империи на их обладание. Присоединение Амура воспринималось как «возвращение» земель, добытых ранее народными массами, как стихийное движение русских людей на восток, «к морю-океану». Для «степи» использовались мотивы извечной борьбы с ней «леса», защиты земледельцев от «хищничества» кочевников. Сложнее обстояло дело с Туркестаном, но и там русские крестьяне должны были «оживить мертвые земли», помочь восстановить «угасшую» цивилизацию Средней Азии. Высоко оценивались адаптивные способности русского человека, его культурная комплиментарность и миролюбие в отношениях с другими народами.

Самовольное переселение крестьян не прекращалось на протяжении всей имперской истории, но теперь оно все больше учитывалось властью, встраивалось в ее политические сценарии. Переселенцы в XIX и даже в начале XX в., не считаясь с правительственными запретами, шли во все еще официально закрытые «внутренние» земли Сибири, Степного края и Туркестана. Крестьянские поселения появились в Урянхайском крае, Маньчжурии, Северном Иране и в Монголии. Места, обжитые русским пахарем, могли рассматриваться как потенциально принадлежащие к России. Раздавались призывы заселить русскими крестьянами пограничные с Китаем районы (Зайсанский и Усть-Каменогорский уезды), которые бы стали «оплотом нашим на дальней границе, служили бы к оживлению окраины и к наилучшему использованию естественных богатств ее», не отвергая и самовольных переселенцев, которые уже воспринимались как самостоятельный, а потому «сильный русский элемент»².

Конечно, русскому человеку не были чужды стремления уйти из зоны досягаемости власти, но стихийно он выполнял функцию, которая могла вполне устроить империю. «Он заносит русскую культуру в глубь Азии, цивилизует

¹ Ухтубужский П. Русский народ в Азии. СПб., 1913. С. 11.

² ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 4736. Л. 5; Д. 4739. Л. 10.

тамошнюю «орду», он, по его собственному выражению, «русскому царю землю завоевывает», а дипломатам оставалось «лишь оформить это завоевание»¹. Образ русского «первопроходца» с его отвагой и неудержимым стремлением на новые земли рисовался то испанским конкистадором, то скваттером американского фронта, неудержимо стремящегося на новые места не только с плугом, но с винтовкой за спиной и ножом за голенищем сапога. Цесаревич Александр Николаевич (будущий император Александр II) из Тобольска писал в 1837 г. своему отцу императору Николаю I: «Старожилы, или коренные сибиряки, народ чисто русский, привязанный к своему Государю и ко всей нашей семье, нравственный, живущий спокойно и в благоденствии...»² Единство русского государственного ядра и вновь заселяемых имперских окраин достигалось за счет того, как в этом же духе отмечал кяхтинский начальник Н.Р. Ребиндер, «что Сибиряки сохранили во всей чистоте первобытный Русский тип и Русские начала. Это служит лучшим залогом единства Русских по сю и по ту сторону Урала»³.

Все это, казалось, создавало предпосылки идеологического синкретизма вольнонародной миграции, правительственной колонизации и даже имперской экспансии, соответствовало идее «народного самодержавия», демонстрировавшего патриархально-попечительное отношение к «отсталому», но верноподданному крестьянину. Единство русского народа, как политической целостности, представлялись идеологу «обрусения» России М.Н. Каткову главной ценностью. Это была своего рода сверхзадача, которая с 1860-х гг. формулируется как новый национальный курс на создание «единой и

¹ Шмурло Е. Русские поселения за южным Алтайским хребтом на китайской границе // Зап. Зап.-Сиб. отдела ИРГО. Омск, 1898. Кн. 25. С. 62; С.В. Лурье образно описывает этот процесс «убегания» крестьянина от государства, как игру в «кошки-мышки» (Лурье С.В. Историческая этнология. М., 1997. С.161-169).

² Венчание с Россией. Переписка великого князя Александра Николаевича с императором Николаем I. 1837 год. М., 1999. С. 53.

³ Н.Р.Ребиндер – вел. кн. Константину Николаевичу (1855 г.) // РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 1016. Л. 11–12; Ф. 224. Оп. 1. Д. 236. Л. 161–162.

неделимой» России с центральным государственным ядром, окруженным постепенно поглощаемыми за счет колонизации окраинами. Н.М. Пржевальский во время поездки по Уссурийскому краю в 1867-1869 гг. с удовлетворением отмечал, что крестьяне принесли с собою «на далекую чужбину» родные им привычки, поверья, приметы, что они перестают тосковать по родине. «Что там? Земли мало, теснота, а здесь, видишь, какой простор, живи, где хочешь, паши, где знаешь, лесу тоже вдоволь, рыбы и всякого зверья множество, чего же еще надо? А даст Бог пообживемся, поправимся, всего будет вдоволь, *так мы и здесь Россию сделаем*»¹. А главным смыслом российского движения в Азии, как авторитетно утверждал М.Н. Катков в полемике с западными оппонентами, является то, что, размещаясь между инородцами, «русские поселки втягивают их в строй нашей жизни, мирят их с русской властью, и вскоре дают им оценить все выгоды находиться под сенью русского могущества»². Переселенческое движение на восток расширяло не только географию расселения русских, но призвано было их консолидировать как нацию. В смешении разнородных этнических элементов на российском имперском пространстве при преобладании русской культуры и общих хозяйственных интересов, казалось, формировался на окраинах столь желаемый «здоровый русский тип», который явился бы олицетворением всего «чисто национального русского», расширявшего пределы «матушки Руси». В популярных очерках для переселенцев о русских в Западной Сибири утверждалось: «Русский народ там разный: есть и пришлые из России; есть и коренные сибиряки; есть и чистокровные русские, а много и таких, у которых смешанная, — русская с остяцкой или татарской или вогульской и иной какою-либо. У иных сибиряков даже и лица не русские. Нередко называют себя русскими обрусевшие остяки или татары, принявшие православие. Так понемножку иноплеменники и сливаются с русскими и даже о своем происхождении забывают»³.

¹ Пржевальский Н.М. Путешествие в Уссурийском крае. 1867-1869. М., 1947. С. 70.

² Катков М.Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1878 год. М., 1897. С. 427.

³ Рассказы о Западной Сибири или о губерниях Тобольской и Томской и как там люди живут. 2-е. изд. М., 1898. С. 59.

Империя надеялась использовать крестьянина как в деле хозяйственного освоения азиатских окраин, так и в стремлении получить народную санкцию территориальной экспансии, которая бы оправдывалась приращением пахотной земли. Архиепископ камчатский, курильский и алеутский Иннокентий видел главную цель присоединения обширного и почти пустынного Амурского края в том, «чтобы благовременно и без столкновений с другими державами приготовить несколько мест для заселения русских, когда для них тесно будет в России»¹. Ботаник Г.И. Радде вспоминал, что в Н.Н. Муравьеве-Амурском «горело желание насадить в необозримых пустынях семя русской культуры, заставить забиться естественную артерию края (реку Амур. — *А.Р., Н.С.*), могучий поток; ему хотелось придать слову “Сибирь” иное значение, чем то, которое существовало уже 200 лет»².

Империя могла позиционировать себя в качестве государства, заботящегося и о будущих поколениях русских людей. «Необходимо помнить, — писал в 1900 г., опираясь на расчеты Д.И. Менделеева, военный министр А.Н. Куропаткин, — что в 2000 году население России достигнет почти 400 мил. Надо уже теперь начать подготавливать свободные земли в Сибири, по крайней мере, для четвертой части этой цифры»³. Экстенсивный характер крестьянского земледелия подталкивал власть к расширению земельной площади⁴. Помимо Сибири и Дальнего Востока территориальным резервом, которым империя активно решила воспользоваться со второй половины XIX в., стал Степной край. Уже Степная комиссия в 1865 г. пришла к выводу, что «прочное, крепкое прикование земель этих навсегда к России и постепенное *органическое их слияние* с нею может быть единственной целью нашей админи-

¹ Барсуков И.П. Иннокентий, митрополит московский и коломенский. По его сочинениям, письмам и рассказам современников. М., 1883. С. 382.

² Радде Г.И. Автобиография // Граф Н.Н. Муравьев-Амурский в воспоминаниях современников. Новосибирск, 1998. С. 171.

³ Куропаткин А.Н. Итоги войны. Отчет генерал-адъютанта Куропаткина. Варшава, 1906. Т. 4. С. 44.

⁴ Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 566.

страции в среднеазиатских владениях». Внедрение «русского элемента» в кочевую среду, казалось, облегчит задачу окончательного устройства степи, как русской окраины. Степной генерал-губернатор Г.А. Колпаковский задачу «обрусения» напрямую связывал с заботой о русском человеке, который принес с собой «в бывшие ордынские владения русскую веру в православие и русскую беспредельную преданность православному Царю» и представляет «собою лучший залог нашего окончательного упрочения в иноверческом крае»¹. С началом массового переселенческого движения на рубеже XIX–XX вв. казахская степь превратилась в один из главных колонизационных районов, объектом пристального внимания имперских теоретиков и практиков².

Помимо нежелания помещиков лишиться дешевого крестьянского труда существовали и сдерживающие политические факторы. Украинцы и белорусы были нужны на западе империи для усиления там «русского начала», что особенно стало ясно после восстания 1863 г. В Северо-Западном крае было приостановлено действие циркуляра министра внутренних дел «О порядке переселения крестьян на свободные земли» (1868 г.)³. В 1880-е гг. министр внутренних дел Д.А. Толстой снова воспротивился переселению крестьян из западных губерний, чтобы не ослабить там «русский элемент»⁴. Массовое передвижение русских людей на восток расценивалось как явление политическое, не всегда положительное. «Уйдем в Азию, чтобы предоставить на нашей европейской территории возможно больший простор для чужеземной колонизации!» — грозно восклицал катковский «Русский вестник», которому уже мерещилось «онемечивание» русских земель⁵. Витебский губернатор В.В. фон Валь в 1890-х гг. выражал беспокойство,

¹ Всеподданнейший отчет Степного генерал-губернатора Г.А. Колпаковского за 1887 и 1888 гг. (Б.м., б.г.).

² О радикальных изменениях в этнодемографической географии степных областей в 1896–1916 гг. см.: Demko J. The Russian Colonization of Kazakhstan, 1896–1916. Bloomington, 1969. The Chapter IV “The effects of Russian in-migration”.

³ Очерки истории белорусов в Сибири в XIX – XX вв. Новосибирск, 2001. С. 60.

⁴ Кауфман А.А. Переселение и колонизация. С. 27.

⁵ Современная летопись («Московские ведомости», № 342) // Русский вестн. 1882. № 12. С. 999.

что «тихое и спокойное белорусское население заменится латышским, а с уменьшением белорусов ослабнет и русский характер Витебской губернии»¹. Подобную осторожность проявлял в 1903 г. и министр внутренних дел В.К. Плеве, заметив, что «из местностей с преобладающим инородческим населением переселяются преимущественно русские крестьяне». С другой стороны, он признавал отсутствие целенаправленной политики, направленной на «усиление русской народности в местностях с преобладающим иноплеменным населением». Переселенцы неохотно идут на Кавказ, в Туркестан, Приамурский край — «местности, которые по политическим соображениям особенно нуждаются в приливе русского населения»². Позднее эту же позицию будет отстаивать и П.А. Столыпин, указывая на опасность массового ухода русского населения из Европейской России в Азиатскую. «Лицом повернувшись к Обдорам», Россия как бы очистит западные позиции для немецкого натиска, и чрезмерное выселение образует здесь многочисленные поры и скважины, которые быстро заполнятся иностранными колонистами. В тех пределах, в каких происходит естественный процесс выселения из западной России, пока идет нормальный «отлив» — он только желателен. Но начать искусственный процесс *выкачивания* русских людей из Европейской России было бы ошибкой»³.

Во второй половине XIX — начале XX в. политические приоритеты государства на азиатских окраинах меняются: от узкой задачи — заселения любым, даже хозяйственно «слабым населением», или конфессионально и социально «чуждыми» старообрядцами, сектантами и даже уголовными ссыльными произошел поворот к более широкой — созданию экономически устойчивого и культурно доминирующего русского населения, которое сможет прочно скрепить империю. С трибуны Государственной думы уже утверждалось, что Сибирь — это

¹ Записка ген.-м. фон Валя «Ответы на вопросы о крестьянских переселениях» (1890-е гг.) // ГАРФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 393. Л. 5.

² Записка Плеве «Современное положение переселенческого дела» (дек. 1903). Черновик // ГАРФ. Ф. 586. Д. 404. Л. 17, 35.

³ Поездка в Сибирь и Поволжье. Записка П.А. Столыпина и А.В. Кривошеина. СПб., 1911. С. 81.

«экстракт всей России», где «малороссы, и южно-русские жители и северяне, и из центра России пришедшие» объединяются в «своеобразный тип сибиряка». Однако нужно, чтобы это «общерусское население» сохранило «преданность государству как целому»¹, а проблемы «оскудения центра» не должны вести к забвению интересов окраин. Русские на азиатских окраинах были призваны не только закрепить за Россией новые земли, но и продемонстрировать местному населению превосходство русского земледелия и оседлого образа жизни, выступить в роли демократического культуртрегера.

1.4. Русское колонизационное культуртрегерство под сомнением

В Азиатской России власть и интеллигенция, особенно те, кто был связан с переселенческим делом и мог влиять на политический курс правительства, продолжали смотреть на русских крестьян, как на «отсталых», требующих не только казенного попечительства, но и поднятия их общей культуры². Управляющий делами Комитета Сибирской железной дороги А.Н. Куломзин после своей поездки в 1896 г. в Сибирь отмечал: «...нельзя ожидать, чтобы необразованный, беспечный, нередко невоздержанный крестьянин мог сразу от одного лишь переезда за тридевять земель превратиться в немецкого культуртрегера. Для меня из подобного ознакомления с делом на месте <...> было ясно, что, несмотря на все свои недостатки, крестьянин Европейской России вносил в Сибирь значительно высшую культуру, что хорошие элементы переселенцев прочно там оседают...»³ Власти видели свою задачу в том, чтобы помочь русскому крестьянину, и это касалось прежде всего неспособности переселенцев самостоятельно организовать на

¹ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия I. Ч. III. СПб., 1913. Стлб. 1421-1423.

² Подробнее о распространенном в российском образованном обществе взгляде на крестьян см.: Коцонис Я. Как крестьян делали отсталыми. Сельскохозяйственные кооперативы и аграрный вопрос в России, 1861-1914. М. 2006.

³ Куломзин А.Н. Пережитое // РГИА. Ф. 1214. Оп. 1. Д. 211. Л. 176.

новых местах рациональное хозяйство, что грозило в будущем новым малоземельем¹.

Переселение на азиатские окраины повлекло за собой усложнение взгляда на народ, когда возникли сложно вписывающиеся в прежнюю социальную парадигму противоречия между переселенцами и старожилами, крестьянами и инородцами. Публикации о переселенцах были наполнены не только «болью» за их скитания, но и «грустью» за подмеченные черты их характера: «алчное желание захватить лучший участок, боязнь остановиться на окончательном выборе, кипучая поспешность при бросании с одного не понравившегося места на другое»², стремление «обольготиться», как заметил Н.С. Лесков³, получить даровую землю и т.п. Восхищение «отвагой» первопоселенцев и их колонизационной энергией сменялось негативными оценками самовольства, склонности к бродяжничеству, хищничеству в отношении природных ресурсов и беспределу в эксплуатации туземного населения. А.А. Кауфман, который был одним из наиболее авторитетных экспертов в переселенческом деле, публично критиковал «мужиколоубивых авторов» с их аргументацией, почерпнутой из «ультранароднического словаря», и указывал, что переселенческое хозяйство носит по преимуществу «захватно-хищнический характер»⁴.

Регресс сельскохозяйственных культур и агрономических приемов, снижение производительности земли, хронические голодовки, утрата традиций общинной жизни, возвратная миграция были обычными явлениями. Те, кто описывал эти процессы в рамках социально-экономического дискурса, причины негативных явлений предпочитали видеть исключительно в материально-финансовой сфере: недостатке денежных средств на домообзаводство, неудобных землях, необеспеченности новоселов рабочими руками, скотом, инвентарем. До-

¹ Кауфман А.А. Вопросы переселения. I. Переселение и колонизация (речь на диспуте) // Русская мысль. 1908. № 6. С. 346.

² Шнэ В. Переселение в Семипалатинскую область // Степной край. 1895. 19 окт. № 76.

³ Политико-экономический комитет при Императорском Русском географическом обществе (собрание 22 марта 1861 г.) // Век. 1861. № 20.

⁴ Кауфман А.А. Наш Дальний Восток и его колонизация // Русская мысль. 1909. № 12. С. 57.

полнительным фактором, ослабляющим даже «полносильных» переселенцев был долгий и трудный путь, когда они доходили до места своего водворения «изнуренными, отвыкшими от труда кочевниками, дети которых усваивали привычку к бродяжничеству, а большинство из них вымирало дорогой»¹.

Существовало также опасение, что, если крестьянин в России лишился земли, утратил связь с крестьянским хозяйством, этот «деревенский пролетарий» вряд ли сможет быстро устроиться и на окраинах. Местные чиновники отметили также связь между основным видом хозяйственной деятельности переселенцев и их морально-нравственными качествами, которые подверглись деформации еще на родине. Прибывшие на окраины переселенцы демонстрировали «поразительное отсутствие общности интересов между членами одного общества. Всякий думает лишь о том, как бы извлечь личную выгоду, хотя бы в ущерб общему делу... отсюда постоянные просьбы и тяжбы...». Кроме того, отмечалось, что скитания по заработкам приучали крестьян к пьянству, бесчинствам и дракам, которые невозможно уже было преодолеть, особенно в условиях переселения². Денежные ссуды нередко пропивались всем крестьянским обществом, земли, от которых отказались крестьяне как от неудобных, возделывались «нежелательными элементами». Из-за слабой самоорганизации крестьяне-переселенцы на начальных этапах не смогли создать общинные институты управления и суда, а главное, взаимопомощи. «Неполная аграрная оседлость» влияла на устойчивость сибирской общины, а старожилы, оказавшись в меньшинстве, естественно, не могли абсорбировать возрастающую массу переселенцев, что приводило к формированию своего рода мини-общин по этническому или географическому признаку»³. Разобщенность и

¹ Записка военного губернатора Приморской области генерал-майора Тихменева «О заселении Приморской области» // Сб. главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. Т. II. Вып. 2. Иркутск, 1883. С. 11.

² Из донесения Генерал-губернатора Восточной Сибири МВД. 13.10.1883. // Сб. главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. Т. II. Вып. III. С. 246.

³ Ильиных В.А. Социальные аспекты миграционных процессов в Сибири первой трети XX века // Миграционные процессы в Азиатской России в конце XIX – начале XXI в. Новосибирск, 2009. С. 49.

инородческое окружение также не благоприятствовали сплоченности крестьянского мира¹.

У признания особых колонизационных способностей русского крестьянина была и оборотная отрицательная сторона — бродяжничество, страсть к перемене мест, неугашающие мечтания о мифическом Беловодье. Если европеец «колонирует» Америку, Африку, то русский крестьянин «переселяется» куда-то в «Белую Арапию», на вольные земли. В этом уже угадывался глубокий смысл: «...западноевропейский человек оставляет на родине все рутинное, устаревшее, негодное и берет с собой зародыши новой жизни; он является в новую страну с богатейшим запасом умственных и духовных сил, с денежным капиталом и в несколько лет изменяет физиономию страны; он предварительно делает на своей родине все, чтобы сколько-нибудь сносно жить в ней; и покидает ее только тогда, когда его усилия в этом направлении оказываются безрезультатными»². Переселенец, вопреки планам государства, не стремился к прочной оседлости и поэтому о земле не заботился. При истощении надела он арендовал другой или уходил на другой переселенческий участок. Это породило феномен «неполной аграрной оседлости»³. «Пройдет несколько лет, земля выпашется, другой земли киргизы не дают, — и опять «тесно», опять начиная сначала, опять кончай тем же, опять бреди снимать сливки «под новый куст» или «на китайский клин»⁴. Достаточно быстро крестьянин признавал свой надел выпашанным, «свое существование малообеспеченным», арендуемые земли не спасали от недородов и голодовок. Этот тип степного колонизатора получил в литературе наименование «кустанаец»⁵.

¹ Иванов А. Русская колонизация в Туркестанском крае // Русский вестн. 1890. № 11-12. С. 245.

² Русский. К вопросу о колонизации киргизских степей // Сибирь. 1897. 18 июня. № 70.

³ Ильиных В.А. Социальные аспекты миграционных процессов. С. 45.

⁴ Дедлов В.Л. Переселенцы и новые места. Путевые заметки. СПб., 1894. С. 57-58.

⁵ Естественно, что «бродячий кустанаец» был не единственным вариантом русского колонизатора. А.А. Кауфман в нескольких своих работах по переселению неоднократно утверждал, что русский переселенец не однородное явление, а собирательный тип. В качестве составляющих компонентов этого целого он выделял: «пионера-таежника», «трудолюбивого латыша и белоруса», «переселенца-ростовщика», «казака-помещика» и др.

«Кустанаец» в высшей степени хищник, для «извлечения из почвы последних соков» он использует улучшенные орудия и машины», для него характерно постоянное стремление идти дальше за целинными землями, нежелание затрачивать более интенсивный труд на обработку земли.

Сказочные поверья о существовании в Сибири «небывало богатых краев» и появление народных брошюр, завлекающих крестьян переселяться за Урал, провоцировали желание искать лучшей земли. В результате очередной колонизационный рынок завершился не созданием «сплошного густого русского населения», но появлением в Сибири народной массы, «блуждающей по уездам бесцельно и безрезультатно» в поисках земель «около низации»¹. «Заветная мечта о лучших новых местах», «стадное чувство искания лучших мест» увлекали даже крестьян со средствами². Осторожно, не распространяя подобные оценки на всех крестьян, появляются в публицистике описания особого типа «хищника земли». С.П. Швецов, изучавший переселенческие селения на Алтае, не мог найти рационального объяснения такому явлению, когда крестьянин, мечтавший обрести землю в Сибири и получив ее, «опять идет искать счастья на новые места, счастья еще большего, самые формы которого для него смутны и неясны...». Выйдя из-под «власти» земли, потеряв с ней внутреннюю связь, он нередко становится «кулаком», бросает самостоятельно заниматься земледелием, скупает хлеб и приторговывает им, дает деньги в долг, а то и принимается эксплуатировать инородцев или своего же брата бедного переселенца. Вместо рачительного «коренного пахаря» появляется чистокровный стяжатель, «разжиревший расейский», «перекати-поле» или «шатун», который переходит с места на место, «расстраивая свое хозяйство, постепенно спускаясь на ту ступень, с которой он начал — к бедности»³. Ви-

¹ Родигина Н.Н. «Terra incognita» или «якорь спасения России»: сибирская тематика народнических общественно-политических журналов рубежа XIX–XX вв. // Актуальные проблемы отечественной истории XVI – начала XX в. Омск, 2005. С. 98–114.

² Пт-нь Ал. Киевские переселенцы и переселенческое дело в Ферганской области // Северный вестн. 1898. № 8-9. С. 192.

³ Марусин С. [Шевцов С.П.]. В степях и предгорьях Алтая. «Шатуны» // Вестн. Европы. 1895. № 9. С. 325, 340.

ной всему проявившаяся рискованная страсть к обогащению, которая ставила в тупик народников с их идеализацией русского мужика-крестьянина, которую они пытались объяснить наследственным «голодом нескольких поколений», который пагубно влечет от насыщения к стяжательству. Формируется, по словам Н. Каронина-Петропавловского, «нахлебническая культура», стремление к «легкой наживе», в деревню вторгается чуждый ей элемент купцов, мещан, писарей, лиц духовного звания, которые считают себя вне власти деревенского мира»¹. «Забайкальский крестьянин обращается со своими полями так же, как приискатель с золотоносными участками; выработалась данная площадь, он бросает ее и принимается за другую». Об улучшении и сохранении почвы — не думает. Раз пашня «устарела» — он ее бросает и идет на новую землю. Уничтожают леса. «Мало того, они усиливаются оттягать у смежных с ними бурят участки неистощенных земель и помышляют, конечно, в праздных мечтаниях, о том, что им со временем отдадут Монголию»². Схожая ситуация складывалась и в Акмолинской области. Хищническое истребление леса в степи крестьянами нередко сопровождалась заявлениями «на наш век хватит»³. Кокчетавский уезд, представлявший собой, по словам самих же крестьян, «положительно земной рай», казался скоро уже не столько привлекательным — леса безжалостно вырубались, целина быстро распаивалась. Русское население уходило дальше в Семиречье и, вновь получив там большие наделы, сдавало их в аренду дунганам и таранчам. Нашел переселенец на Алтае «настоящее земледельческое Эльдorado» и с «жадностью» набросился на необъятные пространства превосходной земли, «как крот в землю зарылся». «Любит рассеет землю: умрет на пашне!» — говорили про него не то с осуждением, не то с удивлением старожилы⁴. «А теперь этот

¹ Петропавловский Н. По Ишиму и Тоболу (из путешествий и исследований крестьянского быта Западной Сибири) // Зап. ЗСО ИРГО. 1886. Кн. 8. Вып. 1. С. 66.

² В. О-въ. Одна из сторон сибирского хозяйства // Степной край. 1895. 12 окт.

³ Юбилейный сборник Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Омск, 1902. С. 103.

⁴ Кочаровский К. Переселенцы в Азиатской России // Зап. Зап.-Сиб. отдела ИРГО. Омск, 1893. Кн. XVI. Вып. I. С. 31.

крестьянин был бы помешанным безумцем, — объяснял это явление ссыльный-народник Н. Каронин-Петропавловский, — если бы, ввиду простора, сел на маленький клочок земли и ухаживал бы за ней с ревностью французского крестьянина, имеющего два акра»¹. «Тенденция хищения, жажда обогащения», «стяжательства», нерасчетливая эксплуатация природных богатств объявлялись уже «всероссийским историческим грехом», «который красной яркой полосой проходит через всю нашу историю и есть продукт нашего страшного невежества, безграмотности, темноты и отсутствия каких-либо признаков культуры»².

Усвоив свою высокую миссию на окраинах, русский крестьянин стремился не только компенсировать свои расходы на переезд и водворение на новых местах, но рассчитывал и в дальнейшем получать от государства постоянное вознаграждение за свою роль государственного колонизатора. Такие настроения могли порождать иждивенческие настроения и стать дополнительной причиной экономической и культурной пассивности переселенцев, которые «отвыкали от всяких общественных обязательств, учреждения новых школ, больниц, запасных магазинов, устройства дорог, содержания общественного управления, постройки церквей, призрения сирот и убогих, даже наем на подводку священнику для совершения требы — они считали обязанностью правительства»³. Надежда на поддержку государства превращала переселенца в иждивенца, «государственного пестуна», у которого исчезало рвение к труду и притуплялось чувство самостоятельности. «Разнообразные ссуды и льготные проезды, даровые кормежки и прочие блага привлекали не только безземельных, ищущих работу, но и лентяев, развращенных до мозга костей, и пропойц, бывших дома дармоедами, а для окраин составляющих тягчайшую обузу»⁴. Осознание низкой эффективности кре-

¹ Петропавловский Н. По Ишиму и Тоболу... С. 32.

² В. О-въ. Одна из сторон сибирского хозяйства // Степной край. 1895. 12 окт.

³ Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. Т. II. Переселение русских людей в Приамурский край. Вып. III. О кругосветном переселении в Южно-Уссурийский край 1-й партии переселенцев, отправленной из Одессы в 1883 г. С. 14.

⁴ Кауфман А.А. Переселение. Мечты и действительность. М., 1906. С. 18.

стьянской колонизации тем не менее не означало отказа от ее использования. В качестве выхода из ситуации предлагалось направить действия государства не только на расширение переселенческого хозяйства, но и на улучшение его качества, т.е. на поиск более самостоятельного и состоятельного колонизатора, организацию более эффективной целевой помощи со стороны государства и общества. А.А. Исаев уже рекомендовал ввести нравственный ценз для переселенцев. Он, в частности, отмечал: «Было бы правильно не допускать к переселению пьяниц, крестьян, вовсе нерадивых и запустивших свое хозяйство. Этим людям особенно тяжело устроиться на новом месте, требующем большого напряжения и телесных и нравственных сил, они легче всего становятся переселенцами-неудачниками»¹. Между тем переселенцы стремились на все новые и новые земли, к которым «не нужно прилагать ни знаний, ни энергии, которых у них нет; часто случается, что они побывали уже и на мифическом «Китайском Клину», и в Западной Сибири, и в Акмолинской области; кое-кто из них успел где-нибудь урвать кусочек новой земельки, истощить ее, а часть еще блуждает, высматривая «обетованную землю»². Поэтому, доказывал А.А. Кауфман, колонизационная емкость Сибири не может быть измерена только количеством удобной земли, но еще и качеством самих переселенцев, если бы они состояли не из русских крестьян-земледельцев, а, например, «из староверов и сектантов, или из латышей и немецких колонистов, или из китайцев и корейцев, с их невероятно низкой оценкою своего труда и тысячелетиями выработанной привычкой к интенсивной, почти огородной культуре»³. Такого рода разочарования в колонизационном потенциале русского крестьянина становились частыми, хотя все еще заслонялись чувствами сострадания и критикой бездействия властей, что составляло основное содержание переселенческой публицистики.

¹ Исаев А.А. Переселения в русском народном хозяйстве. СПб., 1891. С. 170-171.

² Русский. К вопросу о колонизации киргизских степей (Голос из Тургайской области) // Сибирь. 1897. 20 июня.

³ Кауфман А.А. Колонизация Сибири в ее настоящем и будущем // Сибирские вопросы. 1905. № 1. С. 175.

В специальных переселенческих изданиях, периодической печати, отчетах и записках чиновников все чаще стали раздаваться тревожные сомнения относительно культурного и хозяйственного потенциала русского крестьянина: не потерял ли он свою колонизирующую силу, не иссяк ли «народный гений созидательного творчества общинной жизни»? Характерно, что пессимистические тона появляются именно в тот момент, когда государство признает законность переселений, их благотворность для окраин и центра. Русские культурные ценности были важны не только потому, что они были русскими, а потому, что считались «лучшими», «прогрессивными», при помощи которых можно будет преодолеть «отсталость» азиатских народов. Это было не только полем борьбы «высшей» культуры с «низшей», но еще и пространством, где рождались новые культуры и новые идентичности. Поэтому сохранение русской идентичности (веры, языка и в целом культуры) в таких условиях приобретало особую значимость.

Появление на азиатских окраинах переселенцев, вытолкнутых из Европейской России преимущественно социально-экономическими причинами, никак не могло работать на создание их положительного имиджа. Фактически признавался не просто низкий уровень хозяйственной культуры новоселов, но даже более низкий по сравнению с инородцами. Переселенцы переходили в Сибири к более примитивным способам земледелия, что могло быть с хозяйственной точки зрения вполне целесообразным, но воспринималось как «отсталость» и даже экономический и культурный регресс¹. «В Сибири его приемы земледелия становятся менее культурными, подворные владельцы и даже собственники превращаются в общинников, привязанность к церкви и школе слабеет, развивается бродяжнический дух»². А.А. Кауфман призывал не переоценивать примера земледельца для кочевника, когда наплыв переселенцев оказался деморализующим воздействием и даже стал сдерживать собственно казахское земледелие, когда кочевни-

¹ Дорофеев М.В. Крестьянское землепользование в Западной Сибири во второй половине XIX в. (К вопросу об «отсталости» системы полеводства) // Вестн. Томского гос. Ун-та. 2009. История. № 3 (7). С. 81-86.

² Дедлов В.Л. Переселенцы на новые места. Панорама Сибири. М., 2008. С. 326-327.

ки могли сами не заниматься хлебопашеством, а превратиться в своего рода земельного рантье, сдавая землю в аренду крестьянам¹. На официальном уровне вынуждены были признать, что русские крестьяне не стали образцом для переходящих к земледелию кочевников, которые «заимствовали у русских то же небрежливое, хищническое отношение к земле, какое последние, к сожалению, проявляют на чужбине»². Не был готов переселенец и к быстрой адаптации своих сельскохозяйственных приемов к новым природно-климатическим условиям, не хватало у него и духа предприимчивости. Естественно, что переселенец искал тех условий, к которым он привык на родине, и если их не находил, то мог при отсутствии необходимых знаний, решимости, выдержки и материальных средств быстро терять терпение и уверенность в своих силах, бросал землю, с которой его мало что связывало. Отрыв же от земледельческих занятий и превращение крестьян в горожан не приветствовалось властями и входило в противоречие с идеологическими установками на позитивный потенциал именно крестьянина-земледельца.

«Культурное бессилие» крестьян, которое приписывали им многие из тех, кто был связан с переселенческим делом, могло иметь и политические последствия, которые не могли не волновать имперские власти. Впервые это было осознано на примере Приамурского края, где русские переселенцы долгое время не могли приспособиться к природно-климатическим условиям. Китайцы и корейцы, демонстрировавшие иные приемы агрикультуры, оказались более эффективными земледельцами. Ситуация выглядела тупиковой. «Самим обрабатывать землю по-русски — плохо, по-китайски — невыгодно, и сдача земли в аренду остается, таким образом, наилучшим исходом», — вынужден был заключить А.А. Кауфман. Вместо того, чтобы препятствовать китайской и корейской миграции на российский Дальний Восток, земледельческая аренда становилась мощным для нее стимулом. Русские старожилы и

¹ Кауфман А.А. Переселение и колонизация. С. 331-332; см. также: Он же. Переселенцы-арендаторы Тургайской степи. СПб., 1897.

² Записка [Земского отдела МВД] по вопросу о содействии кочевникам киргизам к переходу в оседлое состояние // ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 647. С. 8.

переселенцы бросали земледельческие занятия и предпочитали сдавать землю в аренду, а самим жить за счет эксплуатации дешевого труда китайских и корейских мигрантов, становясь своего рода «маленькими помещиками».

Местная администрация под натиском переселенцев вынуждена была признавать самовольные захваты и пыталась как-то упорядочить земельные права. Но поток уже нельзя было сдержать — все новые волны переселенцев накатывались не только на инородцев, но и на русских старожилов, которые теперь также оказались обиженной стороной. Свое право на землю старожилы определяли тем, что ее «деды пахали, тут столько потов положено было, а теперь «чугунка» пройдет и вся земля «россейским» достанется»¹. Переселенческие чиновники, по долгу службы заинтересованные в том, чтобы лучше устроить новоселов, иногда отрезали у старожилов лучшие земли, огульно обвиняя последних в незначительном ее использовании². Хотя местное начальство по мере сил и сомнительного бескорыстия внимательно следило за тем, чтобы крестьяне, промышленники и торговцы не притесняли инородцев, платящих ясак в Кабинет его императорского величества. Владевшие же значительными землями инородцы сами землепашеством занимались мало, но активно сдавали земли в аренду русским крестьянам, что порождало у последних чувство несправедливости. Поначалу переселенцы-арендаторы со своим полуполюгальным статусом и невнятными имущественными правами старались с инородцами договориться полюбовно, но со временем, укоренившись и численно усилившись, перешли к захватам угодий, пастбищ и пашен. Тем более, что к рубежу XIX-XX вв. изменилась и правительственная политика, в которой возобладал курс на массовое переселение и «обрусение».

Особенно много нареканий вызывали самовольные захваты крестьянами лесных и луговых угодий, а также пашенной земли. Сценарий в разных районах Азиатской России был примерно одинаков. Вначале в инородческом селении по-

¹ Соколов-Костромской П.И. Записки колонизатора Сибири. СПб., 1903. С. 64-65.

² Дорофеев М.В. Крестьянское землепользование в Западной Сибири во второй половине XIX века. Томск, 2009. С. 241-242.

являлось несколько семей русских крестьян, затем русская колония разрасталась за счет новых переселенцев. Когда их число начинало превышать число туземцев, русские крестьяне делались уже полными хозяевами всех угодий. Подобным образом, утверждал знаток сибирских северных народов С.К. Патканов, образовалось весьма значительное число русских поселений по Нижнему Иртышу и Оби¹. В Горном Алтае, где разворачивался схожий сценарий, в защиту инородцев неожиданно выступили миссионеры, озабоченные сохранением земли для их будущей паствы². Схожая ситуация наблюдалась и в Степном крае, где переселенцы поначалу арендовали землю у казахов. Когда на этих землях вырастала русская деревня, крестьяне переставали платить за аренду, заводили споры с казахами и засыпали просьбами и жалобами уездное начальство об испытываемых ими притеснениях и своей бедности. После долгих мытарств, подкупа чиновников и казахских волостных управителей крестьяне достигали своей цели. Администрация, как правило, отговаривалась тем, что казахи сами виноваты, разрешив арендаторам не только обработку земли, но и постройку домов и что теперь выселение переселенцев будет равносильно их разорению.

Это порождало у крестьян чувство безнаказанности и уверенности, что власть обязана быть на их стороне. Нередкими становились случаи захвата не только земли, но и скота, что приводило к вытеснению казахов на новые места или даже за пределы Российской империи. «Обмануть киргиза, подстрелить его — самое обыкновенное для переселенца дело», — писал будущий известный историк Е. Шмурло³.

«Русские крестьяне, — признавал Г.К. Гинс, — часто относятся к казахам с высокомерием и даже жестокостью». «Это презрение доходит иногда до полного отрицания в киргизах человеческой личности. Бывают на этой почве случаи бес-

¹ Бирюкович В. На новых местах // Северный вестн. 1896. № 12. С. 232; см. также: Плотников А.Ф. (Пристав 5 стана Томского уезда) Нарымский край (5 стан Томского уезда, Томской губернии) // Зап. ИРГО по отделению статистики. СПб., 1901. Т. X. Вып. I.

² Дорофеев М.В. Крестьянское землепользование в Западной Сибири. С. 307-308.

³ Шмурло Е. Русские поселения за южным Алтайским хребтом на китайской границе // Зап. ЗСО ИРГО. Омск, 1898. Кн. 25. С. 63.

человечной и бессмысленной жестокости: крестьяне безжалостно убивают киргизов и не чувствуют угрызений совести». Гинс делал из такого рода фактов общий вывод, хоть как-то спасающий народническую мифологию: «Русские мужики, заражаясь духом завоевателей, нередко теряют здесь свое *исконное добродушие*, а с ним и ту детскую добродушную улыбку, которую так любил в них Л.Н. Толстой, не находивший этой улыбки у городского пролетария. Они заражаются столь распространенной на окраинах с полудиким населением жадной наживы, привыкают к эксплуатации, отвыкают от гостеприимства, — они часто *делаются неузнаваемы*»¹.

«Бурятское население сторонилось русских, — писал прослуживший несколько лет в Забайкалье А.И. Термен. — «Лучше подальше от этих культуртрегеров, сохраним свой старый строй, примем буддизм с его нравственными предписаниями, мы, по крайней мере, не вымрем от водки и болезней». Для многих обрусение означало «пасть и опошлиться»². Принятие христианства инородцами мало меняло ситуацию, а принявшие крещение не только не повышали свой статус в глазах крестьян, но получали обидные прозвища³ и выглядели «уродливыми» русскими как в глазах соотечественников, так и самих русских⁴.

С другой стороны, «культурная слабость» переселенцев внушала опасение, что, попав под влияние иностранцев и инородцев, русские люди утратят национальные черты, отдалятся от своей родины, потеряют чувства верноподданности и даже подвергнутся ассимиляции. Профессор Э.Ю. Петри называл русского человека «превосходным колонизатором, так как он легко умеет применяться к измененным природным и культурным обстоятельствам, и в то же время дурным, так

¹ Гинс Г.К. В Киргизских аулах (очерки из поездки по Семиречью) // Ист. вестн. 1913. № 10. С. 331-332.

² Термен А.И. Среди бурят Иркутской губернии и Забайкальской области: очерки и впечатления. СПб., 1912. С. 13.

³ Омские епархиальные ведомости. 1914. № 11. С. 23.

⁴ Geraci R. Going Abroad or Going to Russia? Orthodox Missionaries in the Kazakh Steppe, 1881-1917 // Of Religion and Empire. Missions, Conversion, and Tolerance in Tsarist Russia. Ithaca and London, 2001. P. 304-309.

как он также легко утрачивает свои особенности родовые, национальные и приобретенные культурой»¹. Невысокий уровень цивилизованности самих русских переселенцев и старожилов хотя и уменьшал культурную дистанцию между ними и местными народами, воспринимался как фактор, чреватый опасностью утраты самой «русскости». Опасение, что потомки переселенцев «потеряют уже всякую связь с Россией, позабудут склад ее жизни, ее верования, песни, легенды, и будут думать, как думают крестьяне в Забайкалье, что Ермак завоевал их предков, всегда живших в Сибири, — они превратятся в сибиряков»².

Таким образом, переселение русских крестьян на окраины империи и новое иноязычное и иноверческое окружение становилось серьезной проверкой на их «русскость» и приверженность к православию. Это не могло не заботить власти и христианских миссионеров. Раздавались голоса об угрозе самому русскому народу, который подвергается «отунгизиванию», «объякучиванию», «отатариванию», «обурячиванию», «окиргизиванию» и т.д.³. Утверждалось уже со страниц влиятельных журналов, что русские в Сибири в результате уменьшились ростом, их физическая сила ослабла, сократилась рождаемость, они утрачивают свои нравы и обычаи, веру, язык, переходят «от высшей культуры к более низкой», от земледелия к скотоводству и звероловству, строят вместо изб чумы и т.д.⁴. Угрозы исходили не только от раскольников или других христианских конфессий, но и иноверческих вероисповеданий (включая шаманизм), а социокультурная адаптация таила угрозу утраты «русскости». Инородческие заимствования фиксировались этнографами в быту и языке сибиряка, что стало почти хрестоматийным, войдя в учебные издания и

¹ Петри Э.Ю. Сибирь как колония // Сиб. сб. СПб., 1886. Кн. II. С. 92-93.

² Елпатьевский С.Я. Очерки Сибири. СПб., 1897. С. 23.

³ См. подробнее: Сандерланд В. Русские превращаются в якутов? «Обынородчивание» и проблемы русской национальной идентичности на Севере Сибири, 1870-1914 // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. М., 2005. С. 199-227.

⁴ Новые книги. Н.М. Ядринцев. Сибирь как колония. К юбилею трехсотлетия // Отечественные зап. 1882. № 5. С. 113.

популярные книги¹. И хотя подобное явление не было повсеместным и заметным лишь в «маргинальных» группах русского старожильческого населения вдали от основных массивов их расселения, такая «химическая этнография» обостренно воспринималась русской общественностью, озабоченной проблемой формирования русской нации. Уже Ф. Ратцель в своей «Политической географии», отмечая численное преобладание русских колонистов-мужчин в Сибири, видел в этом опасность утраты национально-государственной идентичности «историческими» народами в ходе их «пространственного распространения». Опасность «растворения» русских в туземной массе осознавалась. Однако дальше публицистических фобий дело не пошло, и в отличие от Германской империи, которая установила в 1905 г. запрет для смешанных браков в своих африканских колониях, Российская империя смотрела на такие процессы хотя и с опаской, но сохраняла уверенность в доминировании процессов «обрусения»².

Такого рода разочарования в колонизационном потенциале русского народа становились частыми, хотя все еще заслонялись чувствами сострадания и критикой бездействия властей, что составляло основное содержание переселенческой публицистики. Г.К. Гинс, которому предстояло пережить революцию и Гражданскую войну, в 1913 г. описывал ситуацию, которую породило массовое крестьянское переселение в азиатском пограничье кочевого и оседлого миров не только как противостояние народа и власти, но и как «процесс внутренней глухой борьбы населения»³. «Крестьяне-переселенцы в ряде земледельческих районов края, фактически растворившие старожильческое население, несли в своей ментальности высокий

¹ Головачев П. Сибирь. Природа. Люди. Жизнь. М., 1902. С.143-145.

² Пуховская Е.Ю. Сибирский инородец и африканский туземец: «встреча» цивилизаций // Россия и Сибирь: интеграционные процессы в новом историческом измерении (XVIII – начало XX в.). Иркутск, 2008. С. 153.

³ Гинс Г.К. Переселение и колонизация. СПб., 1913. С. 28. «Восстания и местная анархия разползаются по всей Сибири: говорят, что главными районами восстаний являются поселения стольпинских аграрников, не приспособленных к сибирской жизни и охочих на то, чтобы поживиться за счет богатых старожил», – свидетельствовал один из видный деятелей колчаковской Сибири А.П. Будберг (Будберг А.П. Дневник белогвардейца. Новосибирск, 1991. С. 254).

заряд социальной напряженности. Они не могли моментально стряхнуть с себя накопленную в местах своего прежнего проживания негативную реакцию на социальные противоречия»¹. Но и в самой Сибири была для этого база — разница между зажиточными и бедными была выше, чем в Центральной России. Роль империи в этом столкновении была не только агрессивной или провоцирующей, но и сдерживающей темные инстинкты масс, что выплеснулось на поверхность, когда, по выражению философа В.В. Розанова, «начальство ушло». Крестьянская стихия, освободившись от сдерживающей и регулирующей опеки империи, обрушилась на инородцев с невиданной силой, грозила нанести существенный урон народническому интеллигентскому мифу о русском крестьянине².

1.5. Казачество в колонизационных процессах конца XIX — начала XX в.

Если в Сибири роль казаков признавалась сыгранной и их можно было, как казалось, без труда перевести в крестьянское сословие или сохранить в качестве небольших по численности вспомогательных полицейских сил в северных районах, то в степных и дальневосточных областях его будущее выглядело далеко не однозначным. Щедрое наделение за службу земель вызывало уже во второй четверти XIX в. сомнение: а не будет ли это препятствовать решению других правительственных задач и нецелесообразнее ли переместить казаков на новые территории, поближе к государственным границам?³ Прежде «башкирцы бунтовали, киргизцы непокорствовали». Теперь же «тихо», казаки лишь крестьян понапрасну «стесняют», вместо того, чтобы воевать на «Китайском клину», куда их и нужно переселить⁴. Однако такое перемещение хотя и признавалось

¹ Ильиных В.А. Социальные аспекты миграционных процессов. С. 47.

² См.: Элбек-Доржи Ринчино. Великая революция и инородческая проблема в Сибири [Чита, 1918] // Элбек-Доржи Ринчино. Документы, статьи, письма. Улан-Удэ, 1994. С. 43-44, 55-62.

³ Краснов Н. Народонаселенность и территория казаков Европы и Азиатской России // Военный сб. 1878. № 1. С. 68.

⁴ Дедлов В.Л. Переселенцы на новые места. Панорама Сибири. М., 2008. С. 45.

выгодным с военно-политической точки зрения, наталкивалось на нежелание казаков оставить обжитые места¹.

Дискуссия о будущем казачества развернулась в 1865 г., когда Степная комиссия пришла к заключению, что казачья колонизация внутри степи «отжила свой век», а казаков лучше передвинуть, «чтобы их станицы разъединили казахов, живущих по обе стороны российско-китайской границы». А для водворения русского населения в крае лучше использовать свободную земледельческую и промышленную колонизацию². Особенно остро этот вопрос стоял в отношении Уральского, Оренбургского и Сибирского казачьих войск, которые оказались уже далеко от имперских границ, а Казахская степь, казалось, имела шансы превратиться во «внутреннюю» окраину. Однако военные действия в Туркестане и события в самой казахской степи, как реакция казахов на реформы 1868 г., особенно в западной ее части, заставили скорректировать взгляд на казахов, как совершенно смирившихся со своей участью. Но и тогда было отмечено, что в восточной части степи преобразования не вызвали открытого недовольства и были минимизированы именно из-за размещения казачьих поселений. Для казаков такие действия казахов были уже «в диловинку», а с покорением в 1873 г. Хивы, «этого притона всех непокорных киргизов», в степи, казалось, водворилось полное спокойствие³.

Еще в большей степени империя не была готова полностью отказаться от услуг казаков, как воинов и земледельцев, на Дальнем Востоке, где их заменить, особенно на первых порах, было просто нечем. Крестьянская колонизация здесь шла крайне медленно, а содержать регулярные войска из-за отсутствия хозяйственной инфраструктуры и развитых коммуникаций оказывалось чрезмерно дорого. Работавшая в Забайкалье в 1901-1903 гг. правительственная комиссия, возглавляемая А.Н. Куломзиним, пришла к выводу, что «так называемая ка-

¹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 400. Оп. 1. Д. 125. Л. 117-118.

² РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 120. Л. 61.

³ Костенко Ю. Уральское казачье войско. Исторический очерк и система отбывания воинской повинности // Военный сб. 1878. № 10. С. 308.

зачья колонизация» не может ни по каким основаниям именоваться колонизацией, ибо она находится в полном противоречии с действительными колонизационными задачами — плотно заселить пустующие земли и обратить их в культурное состояние¹. Казачьи поселения на Амуре отличались от других окраин еще более строгой регламентацией, что отрицательно отразилось на их экономической эффективности. Принудительное расселение казаков, сопровождаемое казенным попечительством, как подчеркивали критики, создало население апатичное, привыкшее к опеке. Казачество влачило в первые годы жалкое существование и было, как отмечал Н.М. Пржевальский, деморализовано, испытывая открытую неприязнь к новому краю². Забайкальские казаки предпочли, по примеру окружавших их бурят, скотоводство, сделав его главным источником своих доходов³. По Амуру и Уссури немногочисленные казаки должны были контролировать огромную пограничную территорию, протяженностью более 2 тыс. верст, что не могло не отразиться неблагоприятно на их хозяйстве. Казаки на Уссури имели хорошие земли, но их хозяйство было нередко хуже крестьянского⁴. Защитники объясняли это трудностями военной службы, которая отрывает казаков от хозяйства, а также размещением казачьих станиц, исходя, главным образом, из задач охраны границ и транспортной инфраструктуры, а не хозяйственной целесообразности.

На рубеже XIX–XX вв. вопрос о продолжении казачьей колонизации Дальнего Востока поднимается в связи с так называемой «желтой опасностью». Местные власти решительно требовали усилить русский казачий элемент в Приамурском

¹ Извлечение из журналов образованной в Хабаровске в 1909 г. комиссии по колонизационному делу // Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 762. Л. 472.

² Пржевальский Н.М. Путешествие в Уссурийском крае. 1867–1869 гг. М., 1947. С. 226–227.

³ Головачев П. Сибирь. Природа. Люди. Жизнь. М., 1902. С. 163–164. О правительственной политике в отношении землевладения забайкальских казаков см. также: Андреев Ч.Г. Политика царского правительства в отношении забайкальского казачества в начале XX в. // Россия и Сибирь: интеграционные процессы в новом историческом измерении (XVIII – нач. XX в.). Иркутск, 2008. С. 266–275.

⁴ Краснов Н. Народонаселенность и территория казаков Европы и Азиатской России // Военный сб. 1878. № 5. С. 113.

крае. Понимая экономическую нереальность замены казаков регулярными войсками, приамурский генерал-губернатор С.М. Духовской настоял на дополнительном отводе им огромного массива новых земель. «Отвод Духовского» охватил наиболее плодородные и удобные земли, где крестьянам запрещалось селиться. Переселение казаков имело ограниченный успех как в земледельческом, так и в военном отношении. Их явно было недостаточно для надежной обороны края, но они владели большими земельными наделами, которые предпочитали сдавать в аренду китайцам и корейцам, что противоречило политической задаче «обрусения» и демографического закрепления Приамурья за Россией. Несмотря на абсолютный рост численности казаков в Приамурском крае, приток сюда крестьян прогрессивно нарастал, и именно они стали в начале XX в. определять облик дальневосточной окраины. В столыпинском аграрном курсе казаки явно отошли на второй план, а их права на земли, как считалось, только тормозят массовое крестьянское переселение¹. Казалось, что казачья эпоха в истории Дальнего Востока завершилась, и теперь необходим переход к созданию в регионе демографической базы для формирования регулярной армии.

Какого-то внятного правительственного курса до конца имперского периода так и не было выработано, хотя критика в адрес казаков как земледельцев и русских культуртрегеров нарастала. Власти постарались регламентировать казачье землевладение, провести размежевание земель между казаками и туземным населением, особенно в Забайкалье и степных казахских областях. Ситуация осложнялась нарастающим притоком крестьян-переселенцев, которых могли привлекать и казачьи наделы плодородной земли. Критическое отношение к казачьей колонизации нарастало по мере ослабления непосредственной военной угрозы отторжения приграничных территорий. Казачье землевладение было признано менее эффективным средством колонизации в сравнении с более массовым крестьянским заселением окраин. В адрес казаков сыпались обвинения: «Покорив край, русские не могли перейти

¹ Кабузан В.М. Дальневосточный край в XVII – начале XX в. (1640–1917): ист.-демогр. очерк. М., 1985. С. 151; Рыбаковский Л.Л. Население Дальнего Востока за 150 лет. М. 1990. С. 21.

к культурной работе потому, что первоначальное завоевание совершалось исключительно с целью обогащения, и первые завоеватели были совершенно не подготовлены к культурной роли. Это были грубые, невежественные люди с первобытной нравственностью, с сомнительным прошлым; правда, и при всем этом, они оказались развитее инородцев, но не настолько, чтобы, покорив их, могли сознательно перейти к мирной культурной работе; они не приложили усилий даже к тому, чтобы разумно воспользоваться богатыми дарами природы или прокормить себя своим трудом. Напротив, они выбрали другой, более легкий способ наживы – грабеж покоренного инородца и расхищение природных богатств»¹.

Земледелие не получило успешного развития у казаков, а казенный паек «обеспечивал первые потребности жизни на первых порах, но в то же время, будучи, так сказать, даровым и обязательным, исключал настойчивость и энергию в труде, поддерживая этим отрицательные стороны характера»². Даже те, кто не отрицал значения казаков как колонистов, признавали их низкую эффективность как земледельцев. «Прежняя постоянная военная служба на постоянном содержании от правительства, — по словам казачьего офицера и казачьего историка Ф. Усова, — приучила сибирских казаков к беззаботности об удовлетворении своих жизненных потребностей собственными силами, а экспедиции в степь, дававшие им случай к безнаказанным добычам от киргизского населения, развили у них непривычку к систематическому хозяйственному труду, склонность к легкой наживе и праздность»³. И.Ф. Бабков также отмечал, что до работ Степной комиссии заселение степи шло бессистемно и имело искусственный характер, а обеспеченные на первое время казенными средствами, имея возможность получать доходы от торговли или от скотоводства, казаки мало заботились о земледелии, фактически отказались

¹ Седельников А.Н., Букейханов А.Н., Чадов С.Д. Исторические судьбы Киргизского края и культурные его успехи // Россия. Полное географическое описание нашего отечества. СПб., 1903. Т. 18 (Киргизский край). С. 170.

² Леденев Н.З. История Семиреченского казачьего войска. Верный, 1908. С. 174-175.

³ Краснов Н. Народонаселенность и территория казаков Европы и Азиатской России // Военный сб. 1878. № 4. С. 264.

использовать орошение¹. В Прииртышской степи преобладал тип казака, который, как описывал уроженец этих мест Г.Н. Потанин, «ловкий торговец, кулак и плохой работник. При домах содержатся наемные работники, почти все из киргизов; сами же казаки предпочитают проводить время в разъездах по аулам для сбора своих долгов»². По словам М.И. Венюкова, сибирские казаки «привыкли смотреть на степь, как на свою аренду», собирали, по сути дела, дань с кочевников, что породило обоюдные недружелюбные отношения, которые «существуют искони и, вероятно, долго будут существовать»³. Но и тогда, когда казаки занимались земледелием, оно оставалось примитивным с точки зрения современной агрокультуры. Почти все наблюдатели отмечали, что казаки используют землю экстенсивно, часть занятий казаков лежит вне сферы земледелия (скотоводство, рыболовство, охота, садоводство, лесной промысел, пчеловодство). Впрочем, пчеловодство у казаков Алтая считалось хуже, чем у крестьян. «О всех отраслях казачьего хозяйства можно сказать, что они ведутся по преданию, без всяких научных знаний. Иные земледельцы боятся улучшений в хозяйстве, как страшной ереси: «так наши отцы пахали, и мы также будем пахать...» «Возможность распахать юртовые новые земли или арендовать баснословно дешево киргизские ведет к тому, что казаки мало заботятся о восстановлении плодородия выпаханных ими земель»⁴.

Научные эксперты, среди которых оказалось немало людей с народническими идеалами, были в этом споре явно не на стороне казаков: «Крестьянская колонизация степи принесла уже ту культурную пользу, что разобщила киргиза-номада от казака, влиявшего на него крайне деморализующим образом, и познакомила его с более симпатичным оседлым населением и оседлой жизнью и самая главная польза колонизации сте-

¹ Бабков И.Ф. Общий взгляд на устройство русских поселений в северо-восточной части Киргизской степи // Изв. ИРГО. 1869. С. 36-37.

² История Казахстана в русских источниках XVI – XX веков. Алматы, 2006. Т. VII. Г.Н. Потанин. Исследования и материалы. С. 306.

³ Политико-экономический комитет при Императорском Русском географическом обществе (собрание 22 марта 1861 г.) // Век. 1861. № 15.

⁴ Заметки о хозяйстве казаков Акмолинской области // Степной край. 1895. 22 июня.

пи не казаками с стратегическими целями, а крестьянами»¹. В 1903 г. Омский сельскохозяйственный комитет констатировал «факт полной запущенности казачьего хозяйства при изобилии годных под культуру земель». Одна из комиссий по казачьему вопросу отмечала, что «киргизы приносят большой вред казачеству, приучая станичников своим даровым трудом к лени». Но, несмотря на использование дешевой рабочей силы, у казаков обрабатывалось лишь 5 % земли, находящейся в пользовании. В 1908 г. представитель Главного управления землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ) Г.Ф. Чиркин, посетив Семиречье, рекомендовал: «Крестьянская колонизация должна быть поставлена выше казачьей...»² Считалось, что крестьянское переселение при тех же земельных ресурсах даст в 4–5 раз больше жителей, чем казачье население, а значит, и больше призывников в армию. Казачья колонизация, рассчитанная на чрезмерно высокую обеспеченность земельными наделами, по мнению ГУЗиЗ, не способна выполнить ни военную, ни экономическую задачу. Крестьяне более предпочтительны с хозяйственной точки зрения, так как они, в отличие от казаков, связанных войсковыми традициями, скорее создадут в крае частную собственность на землю³.

В развернувшейся полемике казаки на азиатских окраинах были поставлены под сомнение не как военная сила, но, главным образом, в качестве земледельцев. Утверждалось, что казаки землю почти не обрабатывают, предпочитая сдавать в аренду, ведут праздную жизнь⁴. Вид казачьих станиц «невзрачен», улицы «неправильные», подтверждали этнографы, придавая такому взгляду значение научного факта, «небрежность» в постройке жилья, просматривается явная «недомовитость» каза-

¹ Остафьев В. Колонизация степных областей в связи с вопросом о кочевом хозяйстве // Зап. ЗСО ИРГО. Омск, 1895. Кн. 18. Вып. 1. С. 59.

² Чиркин Г.Ф. Положение переселенческого дела в Семиречье. Б/г. С. 103.

³ Записка ГУЗиЗ «Об использовании для целей крестьянской колонизации земель, отведенных бывшим приамурским генерал-губернатором Духовским Амурскому и Уссурийским войскам» (7 янв. 1910 г.) // АВПРИ. Ф. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 762. Л. 328-337.

⁴ 1895 г. декабря 30. – Отчет Семиреченского губернатора о населении, включая казачество, и хозяйственной деятельности в Семиреченской области // Казачьи войска Азиатской России в XVIII – начале XX века (Астраханское, Оренбургское, Сибирское, Семиреченское, Уральское). М., 2000. С. 273-274.

ков, отсутствие у них забот о «внешнем порядке». Из таких оценок, делался, как правило, вывод: «Крестьянин, несомненно, более положительный тип, а как экономическая сила и более сильный и желательный элемент в замиренном крае, нежели казак...»¹ «Существенная черта казака — нахрап, наскок, взять с боем. Отличительное свойство мужика — столь же энергичное, но пассивное сопротивление до последней крайности, стремление сесть на место тишком, да и прирасти к нему так, что даже казак не стащит, несмотря ни на какие нахрапы»². Авторитетный российский востоковед В.В. Бартольд подтверждал, что крестьянская колонизация в этом отношении имела большее воздействие на кочевников, нежели казачья³.

Даже в официальных документах казаков оценивали как плохих хлебопашцев, чуждающихся земледельческого труда. «Казак, перенявши от киргиза много из одежды, пищи, привычек, до того обленился, что не только земледелием заняться не в силах, но не нарубит дров для варки пищи, а наймет для этого киргиза...»⁴ Считалось, что казаки хищнически истребляют лес, живут за счет сдачи земли в аренду. «Сопоставляя между собою два населения оседлое и кочевое, не трудно придти к заключению, что оседлые жители — казаки, ничего полезного не передали из своей жизни кочевнику. В земледелии киргизы превзошли их, так как по статистическим числовым данным степень урожая на пашнях, обрабатываемых киргизами, хлеб родится несравненно лучше, в особенности в тех местностях, где возможно искусственное орошение полей; в разведении скота оседлое население не могло дать никаких новых приемов как для улучшения породы, так и в уходе за животными. За отсутствием заводской промышленности у казаков, кочевники и в этом случае ничем не могли от них позаимствоваться.

¹ Седельников А.Н. Распределение населения Киргизского края по территории, его этнографический состав, быт и культура // Россия. Полное географическое описание нашего отечества. СПб., 1903. Т. 18 (Киргизский край). С. 198.

² Дедлов В.Л. Переселенцы на новые места. Панорама Сибири. М., 2008. С. 45.

³ Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана // В.В. Бартольд Сочинения. М., 1963. Т. II. Ч. 1. С. 332.

⁴ Записка об улучшении хозяйственно-экономического быта киргизов Семипалатинской области (статского советника Попова и надворного советника Левицкого) // ГАОО. Ф. 3. Оп. 7. Д. 11587. Л. 56.

Наконец, самый способ ведения земледелия, с переложным хозяйством, принес кочевникам больше вреда, чем пользы, так как устранить этот метод хлебопашества составит немало забот для Правительства. Что же касается до образа жизни, то в этом случае наклонности казаков к лени и беспечности, в отношении даже своих личных интересов, только лишь благодаря особенным местным условиям, к счастью, не привились к кочевникам. Вот почему остается только желать, чтобы дело заселения киргизов на своих зимних стойбищах <...> совершилось без всякого участия со стороны казаков, в смысле совместного жительства, и вполне было бы изолировано от этого оседлого населения. Всякое сообщничество с этим сословием может принести один лишь только вред степному киргизу, который в умственном отношении ничего не приобретет от казака, а в нравственном, быть может, даже и потеряет»¹.

Даже в Военном министерстве появились критики казаков, как колонизаторов. А.Н. Куропаткин, хорошо знавший порядки, царившие на азиатских окраинах, подвел в 1910 г. неутешительный итог: «Первыми русскими пионерами в Семиречье были сибирские казаки, которые вместе с массой положительных качеств, присущих сибирякам, принесли также презрение к туземцу, на землю которого садились, взгляд на лес как на врага земледелия, и хищнический способ эксплуатации почвы, т.е. залежную систему землепользования»².

Роль завоевателей, полицейская служба, причастность к злоупотреблениям местной администрации также не способствовали формированию положительного образа казака, как представителя русского народа³. Существует много свидетельств отношений казаков к инородцам с чувством превосходства или когда они становились их угнетателями и эксплуататорами⁴. Если для народов Сибири объектом социальной критики становились русские торговцы, промышленники и

¹ Там же. Л. 57-58.

² Казачьи войска Азиатской России. С. 273.

³ Кузьминых В.И. Образ русского казака в фольклоре народов Северо-Восточной Сибири // Урало-Сибирское казачество в панораме веков. Томск, 1994. С. 32-39.

⁴ Тема эта особенно чувствительна в современном национальном нарративе и привлекает повышенное внимание, например казахстанских историков. См.: Абдиров М.Ж. Завоева-

кулаки, то в степи считалось, что тлетворное влияние на инородцев исходит главным образом от казаков. «Он смотрит на себя прежде всего как на «слугу царского», — описывал казаков в научно-популярном издании А.Н. Седельников, — гордится своим привилегированным положением, держит себя свысока в отношениях с крестьянином, которого унижительно именует «мужиком», а к казаку относится вообще презрительно, называет «собакой», обмануть или обругать которого — обычное явление»¹. Несмотря на усвоение многих бытовых черт и хорошее знание языка, казак сохранял чувство своего превосходства над инородцем. Публицисты и ученые не могли игнорировать факты, когда казаки относились к бурятам, как к низшему племени², на китайцев могли устроить охоту, а казахов безнаказанно ограбить и даже убить, заявляя, что в этом нет особого греха, так как у инородца души нет, а только — «пар». Инородцы, по их мнению, «поклоняются чорту», «нехристи», «знамо дело — собака», поэтому их можно обмануть, ограбить, что могло почитаться особым молодечеством³. С некоторым цинизмом казаки рассуждали: «Киргиз на то он и киргиз, чтоб в работниках служить; а у мужика на то и руки сделаны как крюки, чтоб за сохой ходить; мужик берет горбом, а казак умом, да казачьей сметкой. Нашего брата бьют на службе, когда на мужика похож»⁴. Действительно, для казаков, имеющих большие земельные наделы, казахская беднота была дешевой и доступной рабочей силой. Для последних же наем на работу к казакам мог стать способом выживания и признавался наименьшим злом. Г.Е. Катанаев даже с некоторой симпатией писал, что в хозяйственном отношении и своем быту казак сам «полу-киргиз» и потому более привычен каза-

ние Казахстана царской Россией и борьба казахского народа за независимость. (Из истории военно-казачьей колонизации края в конце XVI — начала XX в.). Астана, 2000.

¹ Седельников А.Н. Распределение населения Киргизского края... С. 188.

² Хорошкин М. Забайкалье: очерк // Военный сб. 1893. № 9. С. 148.

³ Карих Е.В. Межэтнические отношения в Западной Сибири в процессе ее хозяйственного освоения. XIX — начало XX в. Томск, 2004. С. 123. Правда, при этом русские крестьяне могли поблаговать не только мести самих аборигенов, но и их богов, перед которыми сохраняли суеверный страх.

⁴ Катанаев Г.Е. Хлебопашество в Бельгачской безводной степи Алтайского горного округа // Зап. ЗСО ИРГО. 1893. Кн. XV. Вып. II. С. 22.

ху, чем крестьянин или мещанин, еще «не спевшиеся с киргизами и не понимающие друг друга». «Укоренившееся дурное мнение о нравственности казаков, — писал бывший казачий офицер, впоследствии видный ученый и политик Г.Н. Потанин, — может быть, также имеет справедливое основание, но и его следует извинить. Весьма интересны отношения казаков к киргизам, в которых они не признают прав ни личности, ни собственности, пользуясь перед ним правом сильного с полным и искренним простодушием. Кража баранов из киргизских аулов во время пикетной жизни не считается у казаков преступлением. Это обыкновение они переняли у самих киргизов, и оно свидетельствует о молодечестве как у тех, так и у других»¹. По его словам, в этих делах казаки нередко действовали совместно с казахами, что считалось теми и другими особым удальством.

Казаки, действительно, чувствовали себя хозяевами в степи, и готовы были не только продолжить захваты земель кочевников, но ревниво относились к появлению новых земельных конкурентов — крестьян-переселенцев. Появление переселенцев, с их жадной земли, угрожало не только казахскому кочевому землепользованию, но и казачьему привилегированному землевладению. Не случайно казаки и казахи в своем негативном отношении к крестьянской колонизации ощутили взаимный интерес, что проявилось в годы Гражданской войны. Все это запутывало и без того непростую систему социально-экономических и правовых отношений, приводило к росту напряженности в районах, которые уже представлялись имперским властям «замиренными».

Не могла не беспокоить и сложность отношений между казаками и крестьянами-переселенцами. Признавая социальную близость и русскую национальную общность с ними, казаки демонстративно выделяли себя из крестьянской массы, а экономическая напряженность в землепользовании грозила перерасти в острый социальный конфликт. Наплыв крестьян-переселенцев вызывал тревогу у казаков не только покушениями на их земельные владения, но был вызван стремлением

¹ История Казахстана в русских источниках XVI — XX веков. Алматы, 2006. Т. VII. Г.Н. Потанин. Исследования и материалы. С. 331.

оградить казачью культурную самобытность. Слышались обвинения, что «голодные и подчас обнаглевшие иногородцы» живут за счет казаков, хищнически относятся к землям и угольям на казачьей войсковой территории, куда их неосторожно впустили когда-то из милости. Они отбирают у казаков его «кусочек хлеба», захватывает пастбища, безнаказанно ловят рыбу в казачьих озерах, выбивают дичь в войсковых лесах, при этом «сотой доли не несут той тяготы, что несет казак»¹.

Казачи попали под подозрение и в сохранении ими «русскости», утверждения положительного русского имиджа среди туземного населения. На севере и северо-востоке Азии казаки, как отмечалось почти всеми наблюдателями, утратили былой воинский дух, халатно относились к своей службе, некоторые из них даже не говорили по-русски, совершенно слившись с местным населением. Не случайно именно казаки-первопроходцы и их потомки первыми попали в поле зрения разного рода наблюдателей, поднявших тревожный вопрос об «обынородничаньи» русских на азиатских окраинах². Особенно бедственным рисовалось положение казаков в Охотско-Камчатском крае и на берегах Лены. За якутскими казаками устойчиво закрепилось название «забытых»³. Показательно, что забайкальские старообрядцы («семейские»), ревниво оберегавшие не только старую веру, но и русские традиции, к сибирякам себя не причисляли, считая последних людьми без корней и ленивыми, хуже которых были только «обурятившиеся казаки». И хотя тревога носила явно преувеличенный характер, была заметной лишь в «маргинальных» группах русского старожильческого населения вдали от основных массивов их расселения, подобная «химерическая этнография» не только привлекала общественное внимание, но оказалась востребована в правительственных кругах.

¹ Уралец. Почему обеднели казаки // Великая Россия: сб. ст. по военным и общественным вопросам. М., [1911]. С. 211-212.

² Сандерланд В. Русские превращаются в якутов? «Обынородчивание» и проблемы русской национальной идентичности на Севере Сибири, 1870-1914 // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. М., 2005. С. 199-227.

³ А.Б. Забытый полк // Сибирь. 1897. 16 февр.

Именно утрата чистоты русского языка, а также некоторый религиозный индифферентизм казаков вызывали наибольшие опасения. Пугающим казалось то, что даже между собой казаки начинали говорить на местных языках, а их дети с трудом усваивали русскую речь. Почти все сибирские казаки употребляли в разговоре с казахами и даже между собой едва ли не охотнее казахский, нежели русский, заменили многие русские названия предметов казахскими, переняли некоторые бытовые казахские обычаи¹. Впрочем, на вопрос Г.Е. Катанаева, зачем казак носит казахский бешмет, кумыс пьет и говорит «по-киргизски?» — ему один из казаков объяснил: «По-киргизски, ваше выс-б-дие, нельзя нам не говорить, потому с киргизским языком можно всю степь изойти; а киргиза когда дождешься как начнет он по-русски говорить, худо учится, русский язык не киргизский — мудреный язык, ему скоро не выучишься... А что бешмет мы любим да кумысом не брезгаем, так мы так полагаем, что в этом худого ничего нет; если бешмет удобен, отчего не носить, а кумыс вкусен, почему его не пить; кумыс и господа офицеры кушают...»².

Подобные наблюдения оценки могли транслироваться в целом на казаков восточных окраин. Так, Н.М. Пржевальский, подкрепляя свой вывод авторитетом ученого, сделал общее заключение: «Ассимилирование происходит здесь в обратном направлении. Казаки перенимают язык и обычаи своих инородческих соседей; от себя же не передают им ничего. Дома казак шеголяет в китайском халате, говорит по-монгольски или по-киргизски; всему предпочитает чай и молочную пищу кочевников»³. Своего рода этнографическим символом «объинородничанья» казака стал халат. В.В. Радлов в 1862 г. отметил в своем дневнике как весьма распространенное явление, что казаки в казахской степи не только носят дома халаты, но и

¹ Краснов Н. Народонаселенность и территория казаков Европы и Азиатской России // Военный сб. 1878. № 4. С. 265-266.

² Катанаев Г.Е. Хлебопашество в Бельгагачской безводной степи Алтайского горного округа. С. 23.

³ Пржевальский Н.М. О возможной войне с Китаем (Урга, 22 окт. 1880 г.) // Сб. географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб., 1883. Вып. I. С. 299-300.

могут явиться в нем и на службу¹. У забайкальских и дальневосточных казаков широкое распространение получила меховая одежда, напоминая одежду аборигенного населения². Уральские же казаки всерьез обсуждали вопрос о введении особой военной формы для степных казачьих войск, наподобие того, как это было сделано на Кавказе³. Отмечалось также, что повседневной одеждой казака считается бешмет или халат «киргизского покроя». «Русский сарафан и кокошник неизвестны коренным казачкам». В пище казак часто употребляет баранину, а вот традиционные русские каши редки. Не отличаются казаки и набожностью, редко посещают церковную службу, хотя обряды исполняют исправно, на судьбу не рошут, но, в отличие от крестьян, не ищут утешения в молитве. Даже физиономия нашего казака выродилась и всего чаще напоминает облик своего соседа – инородца», а леность казаков и многие другие отрицательные качества в их поведении и характере объявлялись следствием регрессивного воздействия туземцев⁴.

Антропологический тип казака-старожила действительно имел своеобразные черты. Однако неславянский элемент в казачестве не был значительным, если не считать особых казачьих формирований из инородцев, главным образом из бурят. В Сибирском казачьем войске, где нерусских было немного, большинство наблюдателей все же отмечали «уклонения от русского типа к монгольскому»⁵. Это стало следствием смешанных браков в начальный период жизни казаков в Сибири. В социальной и религиозной сферах процесс утраты русских и православных черт был менее заметен, чем в хозяйственных практиках, бытовых заимствованиях и лингвистическом словаре казаков.

¹ Радлов В.В. Из Сибири: страницы из дневника. М., 1989. С. 83.

² История казачества Азиатской России. Т. 2. С. 135.

³ Оренбургское казачье войско // Военный сб. 1874. № 6. С. 280.

⁴ Пржевальский Н.М. О возможной войне с Китаем. С. 299-300.

⁵ Краснов Н. Народонаселенность и территория казаков Европы и Азиатской России // Военный сб. 1878. № 4. С. 265. См. также: Крих А.А. Тюркский компонент в составе западносибирского казачества (первая половина XIX в.) // Азиатская Россия: люди и структуры империи. Омск, 2005. С. 512-525.

В целом же, несмотря на бытовые и даже языковые заимствования, казаки оставались в рамках русской народной культуры, однако наблюдателями эта «инаковость» не могла не фиксироваться и подавалась нередко как цивилизационная угроза. Именно против такого стереотипа решительно протестовал один из самых авторитетных идеологов казачьего единства, а в конце XIX в. руководитель Экспедиции по исследованию степных областей Ф.А. Шербина: «Чужим был и киргиз для Сибирского казака, хотя в быту Сибирских казаков замечались черты, сходственные с чертами в быте киргизского населения, но скользившие, так сказать, по поверхности быта, касаясь частью одежды, а частью пищи. В глухих местах, в близком соприкосновении с киргизами; казака по одежде иногда нельзя было отличить от киргиза; казаки охотно ели конину, особенно жеребят, пили кумыс и пр. На это влияли одинаковые естественные условия края, способствовавшие широкому развитию скотоводства в его примитивных пастбищных формах, чем и объяснялось преобладание в пище животных веществ и сходство некоторых видов одежды, благодаря езде верхом и условиям степной жизни. Но наряду с этим соответствием этнографических черт, казачья идеология в области отправления обязанностей, характер казачьих порядков и управления, землепользование, отстаивание своих интересов на принципе казачьего права, идея общности казачьих войск и т.п. были также далеки от идеологии киргизов, как небо от земли»¹. Он особо подчеркивал осознание сибирскими казаками духовного и сословного единства со всем русским казачеством.

В этом споре сами казаки, указывая на исторические заслуги, продолжали настаивать не только на своей военной функции, но и на более широко понимаемой русской цивилизационной миссии. Казачьи идеологи формулировали историческую задачу казаков на азиатских окраинах следующим образом: «Если бы даже слияние с центром у покоренных, неславянских областей произошло бы полное, долго еще эти области не проникнутся идеей государственности, в них всег-

¹ Казачество. Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. Париж, 1928. С. 349-350.

да будет жить надежда отпадения, стремления центростремительные. Казачество, как окраинное русское население, всегда или долго еще будет играть роль цемента: теперь от него, помимо задач проведения государственных идей, нередко требуется применение мер чисто физического воздействия, позже – и, дай Бог, чтобы это произошло поскорее, – за ним надолго сохранится роль русского, имперского культуртрегера в самом широком значении этого слова»¹.

У казачьей интеллигенции появляется понимание необходимости формирования «в казаках нравственной силы, пробуждения надлежащего духа и сознания собственного достоинства, состоящего в том, чтобы каждый казак понимал и знал себе настоящую цену»². Таким образом, «казачий вопрос» входил в сферу национальной и социальной политики. Не случайно среди сибирских областников оказалось несколько казачьих офицеров, а формирующаяся казачья интеллигенция готова была политически актуализировать «казачий вопрос». Именно из ее среды раздаются протесты против восприятия казачества как исторического реликта, пережитка «средневековья». События 1865 года, связанные с открытием заговора «сибирских сепаратистов», не случайно взволновали члена Степной комиссии А.К. Гейнса. Он с тревогой записал в своем дневнике: «... нельзя безусловно поручиться за то, чтобы с течением времени казаки не стали в руках господ, в роде Потаниных et Co, враждебны Правительству». Он также заключал: «В политическом отношении казаки не приносят в степи той пользы, которую можно ожидать а priori. Эти люди, нарядившиеся в киргизские халаты, говорящие со своими детьми по-киргизски, называющие приезжих из-за Урала русскими, а себя казаками, едва ли могут служить орудием обрусения в степи»³. Оказавшись в Государственной думе, казаки сформировали свою особую депутатскую фракцию, начали издавать свои газеты и журналы, появились свои казачьи историки и литераторы. Наиболее активными, разумеется, были казаки Дона, Кубани и Терекa, но и в Азиатской России казаки искали новые формы своей социо-

¹ Там же. С. 345-346.

² Оренбургское казачье войско // Военный сб. 1874. № 6. С. 277.

³ Гейнс А.К. Собрание литературных трудов. СПб., 1897. Т. 1. С. 117.

культурной консолидации. Однако «казачий вопрос» не стал угрожающим для русской идентичности, замыкаясь, главным образом, в рамках экономических и культурных проблем. Вместе с тем казачья интеллигенция могла пропагандировать идеи казачьей сословной и социокультурной консолидации, призывая сохранять казачьи традиции, в число которых неизменно включалось историческое служение России и «природная русскость». Актуализация героического прошлого казаков, соби­рание фольклора и этнография, появление собственных газет и журналов, музеев, общественных организаций как способа конструирования общности и казачьей идентичности могло восприниматься неоднозначно и вызывать подозрения в желании расколоть единство русской нации. Казачья вольность, преданность престолу и верность православию переплетались в этом дискурсе, предлагая неоднозначные ответы на вызовы современности. При этом не исключалась уникальная способность казаков контактировать с иными народами, приспособленность к жизни и службе на азиатских окраинах, декларируемая комплиментарность в отношении туземного населения.

Таким образом, если над казачеством еще не нависла реальная угроза, то задолго до революции стали вызревать подозрения в его экономической и социокультурной неэффективности. Инициаторами были переселенческие чиновники и этнографы, среди которых было немало политических ссыльных-народников. Народнический дискурс, с его трепетным отношением к русскому крестьянину (особенно к бедствовавшему переселенцу) и угнетаемому инородцу, обреченному на «вымирание», захвативший широкие слои российской интеллигенции (не исключая и части чиновников), не мог не отразить сложного отношения к казакам, которые с трудом вписывались в представления о замученном царизмом народе. Сословная замкнутость казаков и территориальная «чересполосность» с крестьянскими и инородческими поселениями создавали дополнительные трудности для миграционной политики и проведения преобразований в управлении и судопроизводстве, что рассматривалось важной частью процесса модернизации. Военная колонизация, которая становилась препятствием свободного переселения, обрекала многие стратегически важ-

ные и экономически выгодные районы на пустынную. Однако критический пафос оценок не означал полного отрицания исторических заслуг казаков и их военного значения в крае в настоящем и будущем. Речь пока шла лишь о смене колониционных приоритетов в пользу крестьян. С одной стороны, за казаками закрепилась репутация надежных агентов для непосредственного и постоянного наблюдения за кочевниками. С другой — как подчеркивал уже в эмиграции бывший директор Новочеркасского реального училища М.А. Горчуков: «"Голос крови", лежащий в основе всякого национализма, совершенно чужд казачеству: его понимание своего достоинства выше; оно утверждается на основах высшего порядка. Этим объясняется поразительная сила ассимиляции, претворяющей национальную пестроту в однородную казачью массу»¹.

1.6. Православие и «русскость» в колониционном и конфессиональном контекстах

Массовое движение крестьян на окраины заставило власти обратить больше внимания на положение там самих русских, оценивая не только их экономическое, но и религиозно-нравственное состояние. Нарастала тревога, что русский человек, оторвавшись от привычной социокультурной среды, может легко поддаться чужому влиянию и утратит связь с коренной Россией. Отчеты губернаторов, поступающие в центр с окраин, были наполнены жалобами на низкий уровень умственного и нравственного развития крестьянского населения, нехватку сельских священников, их жалкое материальное положение и падение авторитета у народа, недостаток церквей и школ и, напротив, избыток кабаков.

Сохранение «православности» русскими на азиатских окраинах вызывало серьезную обеспокоенность со стороны, прежде всего, церковных деятелей. Расчеты на то, что своим примером православные переселенцы привлекут инородцев к христианству, не оправдались. Настораживало большое количество в Сибири старообрядцев и сектантов, влияние ис-

¹ Казачество. Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. С. 125.

лама и ламаизма. «Общее убеждение всех переселенцев, что всех русских сибиряков покори́л Ермак», и они тут опять «обасурманились»¹. Местные чиновники рапортовали по начальству, что «»православные переселенцы разнятся от старожилов тем, что более религиозны и часто посещают церкви»². Поражали не только просторы и природные богатства Сибири («Вот в какую страну приехали, странно как-то даже») или отсутствие соломенных крыш, но и то, что в сибирских селах, несмотря на зажиточность жителей, церкви деревянные, небогатые, а многие просто убогие³. Современники отмечали, что при частых и тесных контактах с иноверцами русский человек «и сам стал как-то равнодушнее к своей вере»⁴. Так, еще в 1846 г. один из приходских священников сообщал архиепископу: «...не поймёшь теперь, кто из них кто, ибо православные не знают ни церкви Божьей, ни обязанностей своих, а от священников своих бегают как от татар»⁵. Переселенцы представлялись более стойкими в православной вере, нежели сибиряки-старожилы. Недостатки православных священнослужителей, включая их нехватку и низкий уровень проповеднического и полемического таланта («захолустные» батюшки), усугубляли религиозную ситуацию. «В дикой киргизской степи, в которой живет сельское пришлое население края, богатая почва для процветания всевозможных сект», — отмечалось на междугубернаторском совещании, состоявшемся при степном генерал-губернаторе 21 апреля 1910 г.⁶

В специальной записке о состоянии церковного дела в Сибири, подготовленной канцелярией Комитета мини-

¹ Пономарев С. Лето среди переселенцев. С. 155.

² Цит. по: Овсянкин И. Колонизация и переселенческое дело // Алтай: ист.-стат. сб. по вопросам экономического и гражданского развития Алтайского горного округа. Томск, 1890. С. 342.

³ Алексеев П.С. Как, бывало, езжали. Воспоминания о проезде зимою из Москвы в Читу // Русский вестн. 1899. № 10. С. 606; Митрофан Серебрянский. Дневник полкового священника, служащего на Дальнем Востоке. М., 1996. С. 32, 37.

⁴ Кирьяков В.В. Очерки по истории переселенческого движения в Сибирь (В связи с историей заселения Сибири). М., 1902. С. 327.

⁵ Тобольский филиал Государственного архива Тюменской области. Ф. 329. Оп. 3. Д. 139. Л. 5. Авторы благодарны Е.М. Бежан за указание на эту оценку.

⁶ Омские епархиальные ведомости. 1910. № 12.

стров, указывалось на необходимость объединения духовной жизни сибирской окраины и центральных губерний «путем укрепления в этом крае православия, русской народности и гражданственности»¹. Постановка такой важной задачи, по мнению правительства, вызвана сибирскими особенностями: религиозным индифферентизмом сибиряков-старожилов и разнородным этноконфессиональным составом населения. «Можно сказать, что единственным цементом, связующим в одно целое жителей поселка, собранных нередко из разных мест и чужих друг другу, без которого связь немислима, и не может установиться для мирной жизни общение, — является общность веры. Отсюда происходит то трогательное любовное отношение переселенческих обществ к устройству своей церкви и прихода, которое выгодно отличает переселенцев на новом месте не только от сибирских старожилов, но даже иногда от их же земляков на родине, не переживших горького чувства лишения церкви, отдаления от родного храма. Но тоже чувство отдаления от родины особо оживляет и повышает в переселенце и общее чувство привязанности к оставленному далеко за Уралом коренному гнезду предков — к Центральной России, где осталось столько близкого, о чем здесь, вдали от всего, воспоминание становится особенно живо и дорого»².

Управляющий делами Комитета Сибирской железной дороги А.Н. Куломзин настаивал на срочных мерах по сближению Сибири с Россией и призывал не жалеть денег на школы и православные церкви, чтобы не дать сибиряку «дичать»³. Признавая в целом более высокий, чем у российского крестьянина, уровень умственного развития сибиряка-старожила, он обращал внимание правительства на то, что отсутствие «руководства со стороны церкви и школы и влияние ссыльных придало развитию сибиряка не предвещающий ничего хорошего отпечаток». В 1894 г. был учрежден специальный фонд имени императора Александра III по сбору средств на постройку церквей и школ для переселенцев, а строительство право-

¹ Церковное дело в районе Сибирской железной дороги // Россия. Комитет Сибирской железной дороги: материалы. Б.м., [1894]. Т. I. С. 116.

² Азиатская Россия. СПб., 1914. Т. I. С. 198.

³ Куломзин А.Н. Пережитое // РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 204. Л. 107; Д. 202. Л. 37.

славных храмов было объявлено «народным» делом¹. Посетив Сибирь в 1910 г., П.А. Столыпин с осторожным оптимизмом фиксировал рост числа православных церквей и школ в крае, заключив, что «опасность нравственного одичания переселенцев будет менее грозной»².

Местные власти на окраинах нередко оказывались в ситуации, когда общегосударственная установка на распространение православной веры как важного имперского фактора входила в противоречие с колонизационными задачами и стремлением «сделать край русским». С православным миссионерством успешно конкурировала светская установка расширительного толкования русскости. Власти не могли не учитывать высокой степени устойчивости русских крестьян-старообрядцев и духоборов (молокан, хлыстов) к ассимиляции в иноэтничной среде, сохранению ими русскости при отдаленности от русских культурных центров. И хотя правительство в своих заботах о хозяйственном освоении и демографическом закреплении новых территорий, а старообрядцы в своем стремлении найти свободу вероисповедания и лучшие условия для жизни шли разными путями, сторонились друг друга, но в результатах их устремленности на восток было многое, что могло их сближать. Одними из первых переселенцев на азиатские окраины явились (нередко принудительно) старообрядцы и сектанты, которых привлекла сюда религиозная свобода, они также дали «сильных, состоятельных, хозяйственных и энергичных новоселов»³. Путешественник-интеллигент искал

¹ Воронец Е.Н. Великое русское дело в Сибири. Харьков, 1898; см. также: Ремнев А.В. Правительственный взгляд на церковное и школьное строительство в зоне Сибирской железной дороги на рубеже XIX-XX вв. // История культуры советского общества. Омск, 1990; Соловьева Е.И., Константинов Д.В. Деятельность фонда имени императора Александра III в церковном строительстве Сибири // Культурный потенциал Сибири в досоветский период. Новосибирск, 1992.

² Записка председателя Совета министров и главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Сибирь и Поволжье в 1910 г. СПб., 1910. С. 124.

³ Болховитинов Л.М. Колонизаторы Дальнего Востока // Великая Россия: сб. ст. по военным и общественным вопросам. М., 1910. Кн. 1. С. 220.

«идеального крестьянина» и часто находил его в семейском старообрядце¹.

Насаждение православного элемента, как одного из доминирующих принципов окраинной политики, на востоке зачастую вступал в противоречие с задачами прочной колонизации. Даже православные иерархи вынуждены были признавать возможность и необходимость привлекать к освоению наиболее сложных с хозяйственной точки зрения территорий, которым угрожала экономическая или демографическая экспансия извне, старообрядцев и сектантов. Дискриминационные мероприятия в отношении раскольников (двойной оклад до 1782 г., запрещение выбирать в крестьянскую администрацию лиц неправославного вероисповедания до 1883 г.) сохраняли свою силу и действенность на уже освоенных и плотно заселенных территориях для борьбы с пропагандой «лжеучений». Там же, где на первый план выдвигались задачи колонизации, местные власти не только активно привлекали староверов для освоения сложных участков, но и намеренно подсадили («подсыпали») к ним православных². Последствия подобного объединения были легко предсказуемы: староверы отправлялись «в глубь первобытных лесов, в уединение, никем и ничем нарушаемые», что полностью совпадало с планами администраторов. Несмотря на то, что старообрядцы в результате многоэтапной миграции в Сибирь и на Дальний Восток испытали этнокультурное влияние со стороны украинцев, поляков, белорусов, бурят, коми (зырян и пермяков), обских угров (ханты и манси) и других народов, они, тем не менее сохраняли русскую идентичность. Это обстоятельство не могло быть не замечено местными властями, которые, проявляя большую, нежели в центре страны, религиозную терпимость, активно использовали старообрядцев в колонизационном закреплении восточных территорий за империей.

Привлекательность «национальной устойчивости» сочеталась с хозяйственной эффективностью старообрядческих и

¹ Костров А.В. Забайкальское старообрядчество в трудах дореволюционных авторов // Вестн. Томского гос. ун-та. 2009. Вып. 11 (79). С. 329-334.

² Михайлов Г.Г. Староверы как колонизаторы Уссурийского края // Сибирские вопросы. 1905. № 1. С. 249.

сектантских колоний. Вместе с тем на самом верху понимали, как свидетельствует записка князя Н.А. Орлова, поданная в 1858 г. Александру II, что «раскольники не враги Православной Церкви, они только противники ее казенности и смешения духовной власти со светской», а «солдат или казак-раскольник ни в чем не уступает своим православным товарищам»¹. Старообрядцы и духоборы доказали не только свою политическую лояльность и преданность престолу в Западном крае и в Закавказье, но и продемонстрировали успешность русской колонизации там. Правительство при выработке политического курса учитывало фискальный, верноподданный, конфессиональный, экономический (колонизационный) факторы. В идеале это означало, что старообрядец или сектант, перешедший в единоверие, а лучше в православие, платежеспособный, преданный царю и отечеству, должен был переносить свой образ жизни на слабозаселенные русскими людьми территории и тем самым способствовать их интеграции в имперское пространство, или, другими словами, способствовать социокультурному «поглощению» новых земель². На практике такая идиллия была трудно осуществима, поэтому местные власти оказались в сложной ситуации выбора оптимального для государства варианта, отыскать который так и не удалось. Правительственная политика в их отношении оставалась и противоречивой, и непоследовательной. Представители переселенческих структур («всеазиатская земская управа»³), не всегда разделявшие национальный подход к колонизационному делу, при оценке конфессиональности колониста на первый план выдвигали его способности водворяться прочно и быстро, с минимальными для государства затратами. А.А. Кауфман в качестве типичного переселенца-пионера, «который надеялся только на Бога и самого себя, не боялся сибирской суровой природы, умел побеждать все препятствия и затруднения и приспособляться к бесконечному разнообразию естественных, культурных, экономических условий сибиря», выделял забай-

¹ Цит. по: Ершова О.П. Старообрядчество и власть. М., 1999. С. 163.

² Бежан Е.М. Конфессиональная политика государства и церкви в отношении старообрядцев и русских сектантов в первой половине XIX в.: дис. . . . канд. ист. наук. Омск, 2008.

³ Вошинин В.П. На сибирских просторах. СПб., 1912. С. 89.

кальского «семейского» и алтайского «каменщика»¹. В отчете руководителя Общеземской организации, созданной для оказания продовольственной и медицинской помощи переселенцам Приамурского края, Г.Е. Львова отмечалось, что в максимально короткие сроки (3 года) благополучия достигло только молоканское селение Толстовка, которое «не знает ни пьянства, ни многочисленных праздников православной церкви»². Успешность водворения остальных переселенческих поселков будет возможно оценить только спустя 15–20 лет.

На рубеже XIX–XX вв. существовал проект заселения старообрядцами и русскими сектантами соседней с Амурской областью территории Маньчжурии. После принятия законов о веротерпимости в 1905–1906 гг. на Дальний Восток было переселено около 3 тыс. австрийских и румынских старообрядцев. Генерал-губернатор П.Ф. Унтербергер писал в 1912 г.: «Староверы зарекомендовали себя здесь хорошими сельскими хозяевами и являются особо желательным элементом при заселении отдаленных и глухих местностей, прокладывая тем пути для следующих за ними других переселенцев»³.

Не без основания считается, что именно старообрядцы сыграли ведущую роль в формировании особого типа русского крестьянина на Амуре: «...дерзнувшие на самостоятельность мысли в религиозных вопросах, закаленные тяжелой школой борьбы за “оказательство” своих убеждений — староверы и, главным образом, сектанты-рационалисты (духоборы, баптисты, молокане) — явились полными силы “бойцами” против тяжелых природных условий новой страны и, в значительной степени, победили их. Они (подчеркнуто в тексте. — *А.Р., Н.С.*) дали тон Амурской крестьянской жизни»⁴. Лучшими представителями русской гражданственности в крае М.И. Венюков считал старообрядцев во многом благодаря тому, что они «всегда держались в стороне от официального мира и от

¹ Кауфман А.А. Переселение. Мечты и действительность. М., 1906. С. 18.

² Татищев А.А. Амурская область в колонизационном отношении // *Вопр. колонизации*. 1909. № 5. С. 183.

³ Унтербергер П.Ф. Приамурский край. 1906–1910 гг. СПб., 1912. С. 18.

⁴ Приамурье. Факты, цифры, наблюдения. Собраны на дальнем Востоке сотрудниками обще-земской организации. М., 1909. С. 720.

больших дорог»¹. Местная администрация подчеркивала лояльность и законопослушность старообрядцев: «Что касается материальной силы, то раскольничья масса всегда отличалась и отличается трудолюбием, бережливостью и трезвостью, что, к сожалению, не составляет общей характеристики большинства православных. Оттого раскольники всегда отличаются зажиточностью сравнительно с их соседями православными, и эта зажиточность всегда давала и дает раскольникам возможность говорить о правоте их веры». У них выше умственное развитие, в своих философских рассуждениях они поднимаются «до западного рационализма»².

Местная администрация, обязанная отслеживать состояние раскола на вверенной им территории, признавала лояльность и законопослушность старообрядцев и даже ставила их в пример приверженцам официальной церкви. «Что касается материальной силы, то раскольничья масса всегда отличалась и отличается трудолюбием, бережливостью и трезвостью, что, к сожалению, не составляет общей характеристики большинства православных»³. Амурский губернатор И.К. Педашенко доносил царю, что «староверы отнюдь не антихристы, а напротив — образцовые подданные»⁴. В начале 1880-х гг. забайкальский военный губернатор Л.И. Ильешевич предлагал использовать забайкальских старообрядцев — «семейских» в качестве проводников имперской политики среди бурят, которых бы они могли приучить к оседлому земледелию⁵. Терпимость к гонимым в Центральной России приверженцам старой веры проявляли не только представители местной администрации, но и некоторые иерархи Русской православной церкви. Так, важное значение, как наиболее дееспособному колонизационному элементу, придавал старообрядцам

¹ Венюков М.И. Россия и Восток. СПб., 1877. С. 75.

² Всеподданнейший отчет начальника Томской губернии за 1879 г. // ГАОУ. Ф. 3. Оп. 10. Д. 17047. Л. 170-171.

³ Там же.

⁴ Венюков М.И. Путешествия по Приамурью, Китаю и Японии. Хабаровск, 1970. С. 62.

⁵ Поездка в Сибирь и на остров Сахалин в 1881-1882 гг. Из путевого дневника М.Н. Галкина-Враского // Русская старина. 1901. № 1. С. 189.

архиепископ Иннокентий¹. Обеспокоенный последствиями «реактивного воздействия монголо-бурят на некоторую часть русского населения» в Забайкалье, офицер Генерального штаба М.В. Грулев с симпатией писал о старообрядцах: «Эта часть русского населения выделяется тем, что вышла совершенно чисто из горнила монголо-бурятского влияния, сохранив в полной неприкосновенности и чистоте все свои этнические особенности, религиозные верования, древнерусский патриархальный образ жизни и любовь исключительно к земледельческому труду»². Чиновник Переселенческого управления Г.К. Гинс открыто заявлял: «Каждый старообрядец и сектант из коренных русских людей неизмеримо ближе к осуществлению русской государственности на далекой окраине, чем самый благожелательный к ней по идее инородец, чуждый по происхождению, нравам и обычаям, по своеобразию культуры, по направлению ума, и, наконец, по религии»³. И если в Петербурге все еще опасались «вредного влияния раскольников в религиозном отношении», то окраинные власти поощряли переселение старообрядцев, отмечая их высокий колониционный потенциал⁴, и то, что они, по словам В.К. Арсеньева, сохранили «облик чистых великороссов»⁵. А в начале XX в. приморский губернатор Н.М. Чичагов предложил переселить сектантов из тех, кто не отвергает самозащиты, чтобы таким образом пополнить ряды защитников Камчатки. Старообрядцы и духоборы привлекали местную администрацию еще и тем, что надеялись только на себя и не требовали помощи от правительства. Но эти предложения так и не были реали-

¹ Барсуков И.П. Иннокентий, митрополит московский и коломенский. По его сочинениям, письмам и рассказам современников. М., 1883. С. 394-395. Очевидно, это не было исключением в российской имперской политике. Схожий факт, имевший место на западной окраине империи, приводит Л.Е. Горизонтов (Горизонтов Л.Е. Раскольничий клин. Польский вопрос и старообрядцы в имперской стратегии // Славянский альманах, 1997. М., 1998. С. 148).

² Грулев М.В. Из прошлого Забайкалья. (К истории нашей миссионерской деятельности на окраинах) // Русская старина. 1904. № 4. С. 222-223.

³ Гинс Г.К. Право сектантов на переселение и земельное устройство в Туркестане // Журн. М-ва юстиции. 1913. № 2. С. 168.

⁴ Шмулевич М.М. Очерки истории Западного Забайкалья. XVII – середина XIX в. Новосибирск, 1985. С. 25.

⁵ Болонев Ф.Ф. Старообрядцы Забайкалья в XVIII–XX вв. Новосибирск, 1994. С. 73–74, 78.

зованы¹. Отношение к русским сектантам и старообрядцам на азиатских окраинах могло меняться по мере заселения их приверженцами официальной церкви, но всегда оставалось настороженным, а на опасность их соседства особенно указывали клерикальные круги и некоторые местные чиновники. Оставались и после 1905 г. правовые ограничения для старообрядцев и русских сектантов. Сохранялась опасность ухода в раскол, о чем не уставали напоминать миссионеры, а также вероучительная пропаганда старообрядцев среди инородцев². Однако их «русскость» и высокий колонизационный потенциал оценивались в целом высоко, о чем неоднократно публично заявлял, например, и П.А. Столыпин.

Н.Н. Муравьев-Амурский был готов заселить край колонистами, которые Петербургу могли казаться опасными. Так, в начале 1860 г. он, по примеру Закавказского края, просил разрешить селиться в городах Приамурского края раскольникам любого толка, кроме скопцов. Вместе с тем он проявлял настороженность к представителям протестантизма и вообще к деятельности иностранных конфессиональных миссий³. Он ходатайствовал также о переселении меннонитов, надеясь, что они станут для края образцовыми фермерами⁴. В качестве желательных переселенцев Комитет по заселению Дальнего Востока называл в 1909 г.: румынских старообрядцев, красовцев, прибалтийских латышей, австрийских подданных из Галиции и даже поляков⁵. П. Головачев, разумеется, осуждал скопцов, но признавал, что они живут богато даже в Якутском и Олекминском округах, доказывая тем, что и там можно заниматься земледелием⁶.

¹ Якименко Н.А. Переселенческая политика царизма и проблема заселения Камчатки в начале XX в. (1900–1916 гг.) // Проблемы аграрной истории Дальнего Востока. Хабаровск, 1979. С. 18–20.

² Данилко Е.С. Общие особенности распространения старообрядчества в нерусской среде на территории Урало-Поволжья // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи. Улан-Удэ, 2007.

³ Сердюк М.Б. Религиозная жизнь Дальнего Востока (1858–1917): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 1998. С. 18–19.

⁴ Барсуков И.П. Граф Н.Н. Муравьев-Амурский. М., 1891. Т. II. С. 296.

⁵ РГИА. Ф. 394. Оп. 1. Д. 3. Л. 20.

⁶ Головачев П. Сибирь. Природа. Люди. Жизнь. М., 1902. С. 167–168.

И хотя правительство в своих заботах о подготовке базы для обороны и будущего имперского расширения, и сектанты в своем стремлении найти свободу вероисповедания или лучшие условия для жизни шли разными путями и сторонились друг друга, но в результатах их устремленности на восток было многое, что их сближало. Принцип русскости на далекой окраине стоял выше стремления добиться церковного единства, отражая важные тенденции в формировании общерусской национальной идентичности. В иерархии идентичностей конфессиональность здесь явно уступала национальному фактору.

Колонизационные заслуги старообрядцев и сектантов, как «вполне соответствующие условиям и нуждам края», были отмечены и IV Хабаровским съездом окраинных администраторов и сведущих людей (август 1903 г.). Хозяйства русских сектантов, как и иностранных колонистов, характеризовались как многопрофильные, что в условиях освоения окраины имело принципиальное значение. Благоприятные хозяйственные условия (много земли арендованной и купленной в собственность; научились брать арендную плату даже с китайцев) в сочетании с трудолюбивой, трезвой и скромной жизнью, «большей степенью умственного развития постепенно вырабатывали привычку из малого извлекать возможно большее»¹. Консерватизм религиозной жизни ни в коей мере не распространялся на экономические предпочтения колонистов, и они в новых условиях легко шли на модернизацию в хозяйствах, усовершенствование орудий труда, освоение незнакомых прежде промыслов и ремесел. Причины такой предприимчивости наблюдатели видели не только в зажиточности сектантов, реальной взаимопомощи и солидарности, но и в большей развитости (даже «интеллигентности»²) в сравнении с православному колонизатором, особенно малороссом. Малороссы, в силу хозяйственной консервативности, заниматься любым

¹ Из отчетов Омского епархиального противосектантского и противораскольнического миссионера И.А. Ливанова (отчет о деятельности миссионеров за вторую половину 1903 и за 1904 г.) // Омские епархиальные ведомости. 1905. № 15. С. 17.

² Михайлов Г.Г. Староверы как колонизаторы Уссурийского края // Сибирские вопросы. 1905. № 1. С. 257.

трудом, помимо земледелия, считали зазорным, «ремесел не знали, торговлю не любили и даже презирали»¹.

Особая «интеллигентность» сибирских староверов, по мнению различных наблюдателей, была следствием более высокого уровня грамотности и непохожего на великорусский быта и досуга. Даже православные миссионеры вынуждены были соглашаться с тем, что раскольники и сектанты «писание знают и живут хорошо», «русской ругани не слышно и не видно курящих табак» и поэтому, если кто и нуждался в просвещении, так это именно православные. Малокультурность русского православного населения, при отсутствии каких-либо школ, курсов или развлечений и отдалении церковного надзора и просвещения, приводила к развитию пьянства. «... В казачьи поселки лучше не заглядывать: там и пьянство, и песни, и ругань, и драка, и блудодейство, и убийство, и все это делают православные...» — передавал в своем отчете миссионер И. Ливанов слова сектанта².

Помимо хозяйственных способностей русских староверов, окраинные администраторы ценили их большую терпимость к инородцам в сравнении «и с мужиками, и казаками». Умение вживаться без конфликтов в иноэтничное и иноконфессиональное окружение позволяло более эффективно «втягивать и перерабатывать» иную культуру, а также распространять, пусть и сомнительную с точки зрения официальной церкви, но все-таки русскую³. Получалось, что стремление к изоляции и уединению общин не было абсолютным: стараясь не допу-

¹ Кохановский А. Переселенческое дело в Китае и наша дальневосточная окраина. Владивосток, 1909. С. 9.

² Ливанов И. Из впечатлений и практики миссионера // Омские епархиальные ведомости. 1905. № 2. С. 30.

³ Подробнее см.: Данилко Е.С. Механизмы самосохранения русских и финно-угорских старообрядческих общин Урало-Поволжья: автореф. дис. ... д.и.н. М., 2007; Аргудяева Ю.В. Роль старообрядцев Дальнего Востока в сохранении традиционной культуры русских // Отечественная история. 1999. № 4. С. 13-17; Варга Ю.К. Ментальные механизмы адаптации старообрядцев в Сибири // Факторы формирования духовного мира и социального облика населения Западной Сибири с древности до современности. Томск, 2004. С. 129-134; Шелегина О.Н. Результаты и перспективы адаптационных процессов в культуре жизнеобеспечения русского населения Сибири (XVIII – начало XX в.) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. № 2. С. 116-125 и др.

скать близкого соседства с православными, сохраняя религиозную самостоятельность, старообрядцы находили возможным и даже прибыльным общение с местными инородцами. Старообрядцы умудрялись «высоко держать знамя своей национальности» даже среди фанатичного, в религиозном плане, населения¹.

Позиции местной светской власти и духовенства в отношении русских колонизаторов далеко не всегда совпадали. Представителям Русской православной церкви и особенно ее передового отряда — миссионерам приходилось встраивать свои представления о конфессиональном многообразии сибирского населения в достаточно жесткую государственную иерархию (ценных, полезных, эффективных) колонизаторов. Для них задачи «христианизации» и «обрусения» оставались неразделимыми. Прежняя политика веротерпимости, начиная с Екатерины II, объявлялась ошибочной. Она не удовлетворяет «требованиям православно-русской государственной жизни, но и составляет прямые помехи желаемому просвещению и обрусению инородцев»². Сложность положения церковных деятелей была обусловлена необходимостью сохранять преданность государственным идеалам, поддерживать местную власть, но при этом не забывать и конфессиональные интересы, не всегда совпадающие с интересами светских властей. Ситуация особенно обострилась в «разгар освобождения» в связи с принятием законов о веротерпимости 17 апреля 1905 г. и ответной реакции духовной власти, критиковавшей правительство и пытавшейся сконструировать особое видение национальной программы для азиатских окраин.

Выстраивая образы «своих» русских — православных и «чужих» — сектантов и раскольников, миссионеры вынуждены были прибегать к их противопоставлению, опровергая зачастую, достаточно устоявшиеся представления о нравственности старообрядцев. Тот же миссионер И. Ливанов писал, что раскольники ведут правильный образ жизнь только в «чис-

¹ Иванов А. Русская колонизация в Туркестанском крае // Русский вестн. 1890. № 11-12. С. 245.

² Воронец Е.Н. По поводу ожидаемых церковно-государственных преобразований в Сибири. М., 1887. С. 5.

ленном меньшинстве» в сравнении с православными. В чисто раскольничьих селах «царит полная распущенность нравов: пьянство, разврат, свобода развода, семейные неурядицы...»; «нравственность среди бухтарминских раскольников невелика: все они отличаются показным пустосвятством; редкие не пьют вина, но от чая отказываются большинство. Лукавство, хитрость, своеволие и пронырство, умение обойти закон — отличительные черты бухтарминских раскольников»¹. «Шутки со скабрёзным содержанием в большом ходу при обыденных разговорах. Милостыня подается, но она не служит проявлением сострадательного духа, а есть мертвое исполнение обычая. Всякая ложь, особенно если она направляется к оправданию и поддержке упования старообрядческого, принимается и распространяется»².

Не всегда приемлемая уже к этому времени для светских имперских властей и национально ориентированных русских идеологов однозначная связь — «русский значит православный» активно проповедовалась со страниц «Омских епархиальных ведомостей» епископом Омским и Семипалатинским Гавриилом. «Православный» человек и «русский» человек — в нашей стране понятия тождественные. Невозможно представить себе на Руси русского человека — душою и сердцем — без православных верований, без церкви и религии, без того, что составляет душу и сущность нашего родного Православия»³. Неожиданные для церкви национальные характеристики паствы появляются как средство защиты от леворадикальной интеллигенции, атеизма и как попытка вернуть содействие и защиту государства своих исключительных конфессиональных прав. Церковные по своей сути проблемы подменяются национальными и политическими, а сектант и раскольник уже представляли не просто отщепенцами официальной церкви, но

¹ Из отчетов Омского епархиального противосектантского и противораскольнического миссионера И.А. Ливанова (отчет о деятельности миссионеров за вторую половину 1903 и за 1904 г.) // Омские епархиальные ведомости. 1905. № 15 — 17.

² Отчет противораскольничьего и противосектантского миссионера // Там же. 1910. № 10. С. 12.

³ Фокин И. Речь в общем собрании Православного Миссионерского общества 2 мая 1910 года в г. Омске // Там же. С. 25.

предавшие государственные и национальные идеи. Смещение этих контекстов порождало ряд новых линий в полемических произведениях православных миссионеров. Например, последовательное разоблачение сектантов, в частности баптистов, как религиозного течения иностранного происхождения, во главе которого стоит «инородец и иностранец Фетлер» (очевидно, Фестлер), а пропаганда их вероучения ведется «на деньги иностранного происхождения». «Продавший свою веру, завтра продаст отчизну, да что продаст! — даром отдаст — из злобы и ненависти своей низкой продажной души!» Прежнее конфессиональное определение «баптист» заменяется на «немца-баптиста».

Миссионеры обращали внимание властей на потенциально опасное объединение политической оппозиции и сектантов. В своих программных речах Гавриил неоднократно указывал на неразрывную связь «свободомыслящей оппозиции» (леворадикальной интеллигенции) с антирусскими национальными взглядами и вероотступничеством. «Свободомыслящие, составляя оппозицию всюду, во всех национальных вопросах, особенно в еврейском, польском и финляндском, грубо и цинически попирают кровные русские интересы, вступаются за инородческие домогательства, изошряясь в придумывании хитроумнейших объяснений...»¹ Протоиерей И. Восторгов при открытии Иркутского миссионерского съезда, демонстрируя свою политическую осведомленность, рассказал присутствующим о книге «знаменитого революционера Степняка (Кравчинского), распространяемой под заглавием «Штундист Павел Руденко», в которой предпринимается попытка сблизить и слить воедино сектантов и политических ссыльных на почве протеста и борьбы против власти»². Епархиальный миссионер Несмеянов указывал, что баптистская пропаганда в своих целях идет гораздо дальше религиозной проповеди, стремясь к подрыву государственного строя.

¹ Заметки о ненормальной общественно-государственной жизни в нашем отечестве со времени издания закона о свободах. (Продолжение) // Там же. № 23. С. 37.

² Речь о. протоиерея Восторгова при открытии Иркутского миссионерского съезда по предложению об открытии Общесибирского миссионерского съезда // Там же. № 17. С. 40.

«Не следует забывать, что сибирские священники сохранили в течение веков своих прихожан в православной вере даже при наличии того, якобы бесцерковья...»¹ Появление раскольников и сектантов на сибирской окраине расценивалось как один из опасных «подарков метрополии». Подчеркивалась особая опасность сектантства именно на окраинах, которые утрачивают духовное родство с отечеством и поэтому «легко могут отпасть», стать добычей врага или даже добровольно предать родину. Государственный смысл русской крестьянской колонизации отмечал И. Восторгов в речи перед переселенцами 9 июня 1909 г. в Сретенске Забайкальской области: «... знайте, переселенцы, что вы близки сердцу нашего Царя и всего русского народа, что вы не какие-либо несчастные или отверженные, не какие-либо изгнанники из России, ей ненужные, нет, вы — ее великие сыны, любимые дети; знайте, что когда идёте вы на переселение, то вы чрез это служите великому Божьему призванию России и вместе с тем великому русскому государственному делу. Вы — передовые распространители святой нашей веры: вы — передовые борцы и защитники русского Царства; вы способствуете сохранению и закреплению за ним неизмеримых пространств Сибири и Дальнего Востока и служите будущему нашей дорогой России»². «Для русского государства на окраинах сектантство и раскол, противление Церкви и холодность к вере — это самое страшное и опасное зло. Как калеки на войне не только не нужны, а вредны, так и *холодные русские переселенцы* не только безопасны, но и прямо вредны для русского государственного дела»³.

В этой ситуации — при наступлении «совсем чужих» — насколько меняется общее отношение к все же «своим» старообрядцам: «наши русские раскольники стоят своей косной массой, упорные и холодные, в стороне от горя Православной церкви... Они наши братья по крови и не ушли из Церкви до пределов ереси. А потому тем сильнее печаль наша при виде этой косности и бук-

¹ Сибирский священник. Сибирские скорпионы и овцы прот. И. Восторгова // Там же. 1912. № 14. С. 35.

² Восторгов И. Доброе слово переселенцу [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vokres.ru:80/bogoslovie/ioann1.htm>, свободный.

³ Там же.

воедства в то время и в такие годы, когда во весь рост вырос и поставлен вопрос: быть или нет православной Руси и православно-русской государственности, или на развалинах великого народа и царства должна безраздельно царить иудо-масонская, армяно-жидо-польская республика, или целый их ряд? Пора расколу нашему протянуть братскую руку к господствующей Православной церкви и, забывши старые счеты на почве обряда и буквы, объединиться в единую дружную, православно-русскую семью под знаменем Креста Христова, в ограде единой, святой соборной, апостольской Церкви»¹. Вместе с тем известный этнограф Л.Я. Штернберг уже с научной точки зрения констатировал, что «русские сектанты, даже самые злостные враги православия, даже самые подозрительные в глазах правительства по своим социальным учениям, но сохранившие великорусский говор, остаются неизменно в списках настоящего русского народа. И всем хорошо известно, что за этой классификацией кроется серьезная политическая сущность, целый комплекс политических отношений огромной важности»².

1.7. «Обрусение с примесью сибирского оттенка»

Прибывающие из Европейской России крестьяне через два или три поколения «осибирячивались», усваивали те черты, которые казались многим наблюдателям отличными от истинно русских. Считалось, что, подобно англичанину, который превратился в янки, «русский преобразуется в сибиряка»³, имеющего даже свой особый антропологический тип и яркие этнографические особенности⁴. Один из путешественников XIX в. заметил: «Сибиряки, когда дело идет об их родине, всегда не-

¹ Фокин И. Речь в общем собрании Православного Миссионерского общества 2 мая 1910 года в г. Омске // Омские епархиальные ведомости. 1910 № 10. С. 27.

² Штернберг Л. Я. Иногородцы. Общий обзор // Формы национального движения в современных государствах. СПб., 1910. С. 531-532.

³ Петри Э. Сибирь как колония. С. 93.

⁴ Головачев П. Сибирь. Природа. Люди. Жизнь. М., 1902. С.143-145; Кузнецов В.К. Русские старожилы в Сибири и Средней Азии //Азиатская Россия. Т. 1. С. 185-187; Сверкунова Н.В. Региональная сибирская идентичность: опыт социологического анализа. СПб., 2002.

много гасконцы»¹. Сибиряк (или «чалдон») было понятием не столько культурно-этническим, сколько указывающим на свое символическое «первенство» на этой территории по сравнению с переселенцами, своего рода перенесение права «захвата» земли на социально-экономические отношения в целом, подкрепленные культурными различиями². Со страниц газет и журналов Н.М. Ядринцев и его соратники доказывали, что в Сибири, как в Америке или Австралии, нет аристократии и жестко разделенных сословий, все чувствуют себя равноправными. Правда, как и янки, сибиряк грубоват, недостаточно образован, но зато в нем развито чувство собственного достоинства и предприимчивости. Отрыв сибиряков от «общерусского исторического корня», когда русские в Сибири «потеряли в воспоминаниях начало своей истории», «разбилась здесь вся старая Русь с ее преданиями», беспокоил областников, но открывал для них новое поприще для творческих и научных поисков. «Итак, русские переселенцы не перенесли в Сибирь светильника искусства, огонь его потух от бушующего таежного ветра. Стало быть, в этой стране придется зажигать его вновь»³. Однако еще в 30-40-е гг. XIX в. С.И. Гуляеву удалось собрать достаточно большой комплекс фольклорных данных, которые свидетельствовали, что русские в Сибири не оторвались полностью от своего прошлого⁴. Н. Каронин-Петропавловский усматривал в сибиряках своеобразный застывший русский тип московского периода, который, впрочем, перестал уже походить на современного «российского». «В сибирской деревне все грубо, нестроумно, мизерно, плохо, но все опрятно и полезно. Крестьянская мысль, представленная самой себе в степях и лесах, не произвела ничего большого и нового в материальной обстановке, но все понемногу улучшила, вычистила,

¹ Цит. по: Савельева Л.П. Истоки сибирского регионального сознания или о конструировании воображаемой реальности // Россия и Восток: взгляд из Сибири в начале тысячелетия. Иркутск, 2002. С. 155.

² Бережнова М.Л. Загадка чалдонов: история формирования и особенности культуры старожильческого населения Сибири. Омск, 2007. С. 125-126.

³ Ядринцев Н.М. Судьба сибирской поэзии и старинные поэты Сибири // Литературное наследие Сибири. Новосибирск, 1980. Т. 5. С. 82.

⁴ Хмырова С.Р. Историческое сознание русского населения Сибири во второй четверти XVIII-конце XIX в. : дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 Барнаул, 2006.

приспособила. Сибирские крестьяне ничего не прибавили к тому, что они вынесли из России, но все вынесенное сохранили в лучшем виде. <...> Достоинства и недостатки, вынесенные из старой родины — все он сохранил и все поднял на одну ступень выше»¹.

Современники отмечали, что сибиряки держали себя особняком и частенько говорили: «Он из России»². Ссылный революционер-народник С.Я. Елпатьевский был поражен: «Среди разнообразных элементов, населяющих сибирскую деревню, нет только одного — русского. <...> «Русского» не видно и не слышно, России не чувствуется в Сибири»³. П.А. Кропоткин зафиксировал в дневнике в 1862 г. свои впечатления о характере сибиряка, сознающем «свое превосходство над русским крестьянином». О России и о «рассейских» сибиряки отзываются с презрением, а само слово «рассейский» считается даже несколько обидным»⁴. «О российских вспоминали, что они лапти носили и что «у них всегда было грязнее в доме, чем у чалдонов и сибиряков». Про хохлов рассказывали, что «это те же русские, только говор у них другой»⁵. Приехавшему в начале 1870-х гг. на службу в Сибирь П.П. Суворову также пришлось столкнуться с подобным явлением. «Это слово «российские» <...> имеет глубокий, даже политический смысл. В нем заключается представление о России как о чем-то отдаленном, не имеющем родственного, близкого соотношения ее к стране, завоеванной истым русским. В Иркутской губернии, — писал он, — мне даже приходилось слышать слово «метрополия» вместо Россия»⁶. Он заметил также в сибиряках некоторую ненависть к приезжим, особенно чиновникам, которых именовали «навозными». Действительно, долгое время пришедшие из Европейской России составляли в основной своей массе или чиновников и торговцев, которых воспринимали как притеснителей, а еще уголовных ссылных — «посельщиков», а

¹ Петропавловский Н. По Ишиму и Тоболу. С. 34.

² Врангель А.Е. Воспоминания о Ф.М. Достоевском в Сибири. СПб., 1912. С. 21.

³ Елпатьевский С.Я. Чужая земля // Страна без границ. Тюмень, 1998. Кн. I. С. 133.

⁴ Кропоткин П.А. Письма из Восточной Сибири. Иркутск, 1983. С. 46-47.

⁵ Русские в Омском Прииртышье (XVIII — XX века): ист.-этног. очерки. Омск, 2002. С. 51.

⁶ Суворов П.П. Записки о прошлом. М., 1898. Ч. 1. С. 140.

потому для сибиряка российский был «непременно жулик»¹. Опустившийся ссыльный или приехавший поправить за счет службы в Сибири свои дела чиновник, и даже интеллигент, не чуждаются продавать «закон», погрязли в пьянстве и разврате. Для сибирского старожилы такие представители оставленной его предками России становились очередным свидетельством и напоминанием о покинутой родине, с которой его связывала не только ностальгия.

Еще более резкие характеристики, на этот раз самого сибиряка, содержатся в «Записках о Сибири» политического ссыльного И.Г. Прыжова, который писал в 1882 г. в «Вестнике Европы» о том, что русский народ совершенно одичал в Сибири, сибирское население «слишком часто, если не вообще, — тупое и озлобленное», ему доставляет удовольствие «сожрать заезжего человека или, как здесь говорится, «российского»². Об этом писали такие авторитетные авторы, как ссыльные-народники Н.М. Астырев, Н.Г. Короленко, Г.И. Успенский. «Идеал сытого довольства» сибирского крестьянина уже не радовал «интеллигента», как писал один из авторитетных знатоков крестьянской жизни Н.М. Астырев. Уж слишком он был не похож на его собственный идеал русского крестьянина, воспетый и выстраданный великой русской литературой и увлекший на народническое служение многих интеллигентных русских людей. Из-под пера Астырева (со ссылкой на исследования этнографов и собственные наблюдения, а также претензией отобразить наиболее типичные черты) предстает образ сибиряка, как человека, хотя и добившегося известного материального благосостояния, но ставшего «сухим материалистом», забывшим свою историю, утратившего многие прежние нравственные качества и даже равнодушного к религии. Сибиряк привык уважать силу и власть денег, стал человеком самостоятельным и самонадеянным, прагматичным как американец. Он не музыкален и не поэтичен, равнодушен к школе, хотя более грамотен, чем его собрат в европейской части

¹ Российские люди в Сибири (Очерк сибирского крестьянства) // Восточное обозрение. 1884. № 43.

² Прыжов И.Г. 26 московских пророков, юридивых, дур и дураков и другие труды по русской истории и этнографии. М.; СПб., 1996. С. 181.

России. Но эта грамотность не расширяет его «умственные горизонты», а служит лишь утилитарным целям. Уголовные ссыльные оказали на сибиряка тлетворное воздействие, понизили его нравственный уровень.

Главное же заключалось в разочаровании, что сибиряк утратил те симпатичные черты пусть бедного, но потенциально духовно богатого русского крестьянина, которого так жалели и превозносили многие народнически настроенные интеллигенты, независимо оттого находились ли они во власти, или были в оппозиции к ней. «У него нет представлений о мужицком кресте, о крестьянской доле, какие имеются у его отдаленных родичей, оставшихся тянуть лямку серяка-мужика в Европейской России...» За крестьянской общиной в Сибири не сохранилось традиционного названия «мир», что лишает его «той тени идеализации, которая еще может быть наблюдаема в России», и больше походит административному термину «сельское общество»¹. А.А. Кауфман также отмечал, что амурские крестьяне выглядели настоящими американцами, непохожими на русского мужика². И вот этот «сибирский янки» — «материалист до мозга костей», которого мало волнуют «проклятые вопросы», занимающие российского крестьянина, смелее его, в нем нет «ни раболепства, ни страха перед кокардой; он знает себе цену; знает свои права и при случае умеет отстоять их. Суровая природа научила его надеяться только на самого себя, выработала находчивость и самоуверенность. Скептик в душе, он пунктуально исполняет все обрядности, но на духовенство, равно как и на администрацию, смотрит со скрытым презрением. Подчиняясь поневоле, он стремился откупиться от чиновников, а нередко готов был протестовать и мстить: за обиду «поломать в тесном месте ребра начальству, а то и всадить пулю»³.

¹ Астырев Н.М. Очерки быта населения Восточной Сибири // Русская мысль. 1890. № 10. С. 94.

² Кауфман А.А. По новым местам (очерки и путевые заметки) 1901-1903. СПб., 1905. С. 46, 48.

³ Александров В. Аргунь и Приаргунье. Путевые заметки и очерки // Вестн. Европы. 1904. № 9. С. 283.

Хищническое отношение крестьян-переселенцев к окружающей среде и эксплуататорские выпады в адрес инородцев вызывали беспокойство властей и неприятно раздражали народнически настроенную интеллигенцию. Гинс, спасая народническую мифологию, ссылаясь на тлетворное влияние азиатской среды: «Русские мужики, заражаясь духом завоевателей, нередко теряют здесь свое *исконное добродушие*, а с ним и ту детскую добродушную улыбку, которую так любил в них Л.Н. Толстой, не находивший этой улыбки у городского пролетария. Они заражаются столь распространенной на окраинах с полудиким населением жадной наживы, привыкают к эксплуатации, отвыкают от гостеприимства, — они часто *делаются неузнаваемы*»¹. Для В.Л. Дедлова русский народ (как в свое время для М.П. Погодина) «может быть и чудной народ, но прежде всего ему нужно искренне и с сокрушением признаться, что он дурной народ». И он упоминает уже Ф.М. Достоевского, который настроил интеллигенцию по камертону: «русский народ дурен, но идеалы его хороши»².

Страницы столичных изданий были заполнены описаниями путешественников, которые тиражировали «образ» сибиряка, как своего рода «культурную аномалию». Польский исследователь В. Брониславский, который провел несколько лет в Сибири, так обобщил эти доминирующие стереотипы: «Таким образом, сибирская народность — явление почти патологическое, обреченное с точки зрения уголовной антропологии на исчезновение»³. «Поверхностные исследователи Сибири, — подчеркивал он, — стараются нас уверить, что сибиряк испорчен до мозга костей, что он поклоняется грубой силе, что в ней видит все назначение человека, что, словом, он унаследовал хищнические инстинкты от первых пионеров»⁴. На этом фоне переселенцы выглядели не только страдающей стороной, но и представлялись более привлекательными с точки зрения распространения русской культуры на азиатские окраины

¹ Гинс Г.К. В Киргизских аулах (очерки из поездки по Семиречью) // Ист. вестн. 1913. № 10. С. 331-332.

² Дедлов В.Л. Переселенцы на новые места. Панорама Сибири. М., 2008. С. 51.

³ Брониславский В. Существует ли сибирская народность // Сибирь. 1897. 9 марта.

⁴ Брониславский В. Существует ли сибирская народность // Там же. 13 июня.

России. Народнически настроенные писатели, по мнению В. Брониславского, оказались перед дилеммой: «Оборванный, обездоленный, несчастный изгнанник внушал сострадание и чуть не симпатию, а на голову сибиряка обрушились иные чувства душевно оскорбленного и возмущенного посетителя страны “чудес и курьезов”. В силу странной логики чувств, на сибиряка и пала ответственность за безобразные устои сибирской гражданской жизни»¹.

Конфликты между переселенцами и старожилами становились массовыми, иногда доходя до кровавых столкновений². Переселенцы поставили под сомнение право старожилов владеть землей на праве вольного захвата, требовали передела. По словам одного из них: «Допрежь того сибиряк на нашем брате ездил, а потом уж мы его объезжаем. На сходе как загромим, как загромим, все на своем поставим. Ни в жисть не уступим»³. Но дело было не только в земельных противоречиях. Это были, как отмечали многие наблюдатели, как бы два заметно обособленных мира в одном обществе, «много культурных различий — в привычках, потребностях и традициях, в ведении хозяйства, а отсюда взаимное непонимание, нередко презрение и всегда холодность в обоюдных отношениях»⁴. «И так сермяжная рать идет приступом на сибирское раздолье, средств остановить это движение у старожилов нет, им остается только вести партизанскую войну против ненавистных пришельцев»⁵. Не пуская переселенцев на свои земли, препятствуя вселению в старожильческое село, не желая родниться (вступать в браки), сибиряк, замечал С.П. Швецов, боялся за себя и будущее своих детей, что здесь наступит «та же Россия»⁶. У старожилов уже само слово «переселенец» становилось синонимом слова «голодненький». При этом сибирские старожилы постарались нажиться на нуждах переселенцев, экс-

¹ Там же.

² Ноздрин Г.А. Массовые переселения в Сибирь в конце XIX – начале XX в. С. 77-82.

³ Пономарев С. Лето среди переселенцев. С. 156.

⁴ Овсянкин И. Колонизация и переселенческое дело. С. 341-342.

⁵ Лыкошин Н.С. Переселение и переселенцы. Самарканд, 1892. С. 51.

⁶ Марусин С. [Шевцов С.П.] Переселенческое движение на Алтае // Алтайский сборник. Т. 1. Томск, 1894. С. 34.

плуатируя и нередко откровенно издеваясь над «простоватым» российским крестьянином. «Россейские» казались сибиряку, уже утратившему многое, ментально присущее русскому крестьянину, странными в их жажде земли, заботе о душе и упованиях на Бога¹. Впрочем, некоторые старожилы при наплыве переселенцев сами уходили на новые места. Это случалось часто тогда, когда численность переселенцев достигала критической массы и они захватывали руководство на сельском сходе. Однако это не было устойчивой враждебностью, а временной отчужденностью, которую смягчала общая русская культура и православная вера.

Сибирские старожилы, недовольные притоком переселенцев, ворчали: «Доведут, как в России: ни хлеба, ни денег не станет»². Депутат от Забайкальской области и председатель Сибирской парламентской группы Н.К. Волков объявил с думской трибуны, что «стон стоит по всей Сибири», так как переселенческие чиновники отбирают у сибирских старожилов, казахов и бурят лучшие земли, а «беспредельная емкость» Сибири всего лишь миф³. Вызывали опасения и требования сибиряков расширения прав самоуправления. В центре казалось, что если ввести в Сибири земские учреждения, то главную роль в них будут играть старожилы и казаки, которые станут препятствовать устройству новоселов и обеспечению их земель. «Если земство в чем-нибудь себя проявит, — утверждал один из экспертов Министерства земледелия А.А. Кауфман, — то только в одном: в усиленных стараниях закрыть край для дальнейшего вселения»⁴.

Старожильческое русское население Сибири никогда не было однообразным, а представляло собой «русское население, пересыпанное инородцами, подвергалось разным расовым помесям, почему самый русский народ представляет здесь ряд ступеней от настоящих русских, сохранивших много под-

¹ Успенский Г.И. Полн. собр. соч. Киев, 1903. Т. XI. С. 83-86, 159-165.

² Гарин-Михайловский Н.Г. По Корее, Маньчжурии и Ляодунскому полуострову // Собр. соч. М., 1958. Т. 5. С. 21-22.

³ Вошинин В.П. Переселенческий вопрос в Государственной думе III созыва. Итоги и перспективы. СПб., 1912. С. 52-53.

⁴ Кауфман А.А. Наш Дальний Восток и его колонизация // Русская мысль. 1909. № 12. С. 65.

линной народной старины, до тех последних вариаций типа, где полузабывается самый народный язык, и до обрусевших инородцев, где русское племя является только поверхностным слоем; одно только различие в характере природы, а в зависимости от этого и образе жизни и занятиях помимо всяких других причин дает начало различию этнографического типа»¹. Прежде, подчеркивал председатель правительства П.А. Столыпин, необходимо теснее связать местное население общерусскими интересами, чтобы оно перестало быть «механической смесью чуждых друг другу выходцев из Перми, Полтавы, Могилева»².

Чтобы остановить процесс отчуждения переселенцев от «старой» России и восстановить в «новой» России знакомые и понятные властям черты русских людей, необходимо было заняться целенаправленной культуртрегерской работой в отношении них самих. «Из двух моих поездок по Сибири, — вспоминал А.Н. Куломзин, — я вернулся под глубоким впечатлением, что если мы энергически не примемся за насаждение в Сибири народного образования, в основу его не положим идею сближения этой обширнейшей нашей колонии с метрополией, путем расширения в школе родиноведения, если мощною рукою не примемся за объединение Сибири с Европейскою Россиею, то нам грозит в близком будущем великое бедствие». По его наблюдениям, сибиряку присущи огрубелость нравов, преобладание «индивидуальных интересов над общественными», а также «полное отсутствие каких-либо исторических преданий, традиций, верований и симпатий». Сибиряк, утверждал А.Н. Куломзин, забыл свою историю, забыл родину и, живя несколько веков замкнутою зауральскою жизнью, перестал считать себя российским человеком. Однако у него уже пробудилась любовь к своей новой родине, и сибиряк с особой ревностью относился к тому, что в России пренебрежительно отзываются о Сибири. Это было отражением

¹ Белявский Ф.Н. Распределение населения Западной Сибири, его этнографический состав, быт и культура // Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. СПб., 1907. Т. 16 (Западная Сибирь). С. 222.

² Записка председателя Совета министров и главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Сибирь и Поволжье в 1910 г. СПб., 1910. С. 124.

не только процесса региональной идентификации, но и своего рода сибирского шовинизма, который проявлялся в пренебрежительном отношении к переселенцам, которых нередко именовали «лапотниками», «неумытыми» и «необразованными». А.Н. Куломзин писал в мемуарах, что перед его внутренним взором «каким-то кошмаром» стояла мысль о том, что «в более или менее отдаленном будущем вся страна по ту сторону Енисея неизбежно образует особое отдельное от России государство»¹. Он настаивал на срочных мерах по сближению Сибири с Россией и призывал не жалеть денег на школы и православные церкви, чтобы не дать сибиряку «дичать»². После поездки в Сибирь в 1910 г. П.А. Столыпин с осторожным оптимизмом констатировал рост числа православных церквей и школ в крае, заключив, что «опасность нравственного одичания переселенцев будет менее грозной».

На пути консолидации российской нации стояли как локальные (региональные) этнографические особенности, так и сословные различия, которые, казалось, могли быть преодолены в Сибири с большим успехом за счет формирования «большой русской нации», а так же социального проекта создания единого российского гражданства. Однако славянское население Сибири и Дальнего Востока оставалось сложным не только по этническому (русские, украинцы, белорусы), конфессиональному (православные, старообрядцы, сектанты) и сословному (крестьяне, казаки, отставные солдаты и моряки) признакам, но и региональным характеристикам мест выселения.

Насаждение русскости в крае распространялось не только на великороссов, малороссов и белорусов, но и вообще на все славянское население. Это получило отражение в экстравагантном проекте о переселении на Амур чехов (планировалось поселить около 1000 чешских колонистов по побережью от устья Амура и до границы с Кореей). Обосновывая свой план, Н.Н. Муравьев-Амурский отмечал: «Славяне понимают Россию как родную им землю; они соединят свою пользу с пользой русского населения. Передадут свои познания в

¹ Куломзин А.Н. Пережитое // РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 204. Л. 107.

² Там же. Д. 204. Л. 107; Д. 202. Л. 37.

усовершенствованном хозяйстве, будут преданы общему благу нового их отечества. Славяне переселяются в другие страны, но везде они, подавляемые чуждыми элементами, привыкают с трудом, — в России же должно быть напротив¹. Известный славист А.Ф. Гильфердинг с высоты своего научного авторитета подтверждал, что западные славяне будут на Амуре гораздо лучшими колонистами, чем немцы, которые останутся «чуждыми русскому народу» и неизвестно как себя поведут во время вражеского нашествия. «Славянин же, — заключал он, — смотрит на Россию как на родную землю и охотнее поедет в русские владения, чем куда бы то ни было. Немец не скоро научится по-русски и будет всегда держать себя в исключительном положении; чех, моравец, словенец, словак через месяц заговорят по-русски, а детей их от русских вы не отличите; чех и всякий другой славянин соединит свои интересы с интересами русского населения, передаст ему свои познания в усовершенствованном хозяйстве, будет предан общему благу России, которая тотчас же делается для него отечеством, и в случае опасности постоит за нее до последнего издыхания»².

Сохранявшиеся региональные этнокультурные различия, частые межэтнические браки, этнокультурные контакты и хозяйственное взаимодействие, тесное соприкосновение с конфессиональной и социокультурной инославянской средой явно подталкивали к консолидации на основе русской нации и не способствовали оформлению за Уралом украинского или белорусского национальных анклавов. «Со временем происходила утрата прежнего этнического самосознания, замена его представлением о единой национальной принадлежности, то есть шел процесс вторичной консолидации восточных славян, но на бытовом уровне продолжал сохраняться культурный

¹ Отчет по Восточной Сибири за 1860 г. // РГИА. Ф. 1265. Оп. 10. Д. 202. Л. 3.

² Гильфердинг А.Ф. Мнение западных славян об Амуре и его колонизации // Амур. 1860. 28 июня. С. 373–374. В начале XX в. интерес к переселению проявляли черногорцы (Хлебникова В.Б. Черногорцы на русском Дальнем Востоке и в Китае // Исторический опыт открытия, заселения и освоения Приамурья и Приморья в XVII–XX вв. (К 350-летию начала похода В.Д. Пояркова на Амур). Владивосток, 1993. С. 80–82).

полиморфизм»¹. Оторванные от привычной социокультурной среды, оказавшись в неведомом краю, в иных природно-климатических условиях, вынужденные существенно скорректировать свои хозяйственные занятия, непосредственно соприкоснувшись с культурой Азии (непривычной и привлекательной), славянское население обостренно ощутило свою русскость, очищенную от местных особенностей, столь стойко сохраняемую на их бывшей родине.

Украинцы и белорусы хотя и сохраняли довольно долго свой язык и черты бытовой культуры в условиях Сибири и Дальнего Востока, оказавшись (даже компактно проживая отдельными поселениями и численно преобладая в отдельных районах) среди выходцев из великорусских губерний, сибирских старожилов и сибирских и дальневосточных народов, поселившись в значительной степени в городах, работая на золотых приисках и стройках, были более восприимчивы к культурным заимствованиям и проявляли более высокий уровень этнической и конфессиональной толерантности, демонстрировали большую, чем на исторической родине, приверженность идее общерусской идентичности. В отличие от Европейской России, где шел процесс формирования украинской и белорусской наций, вызвавший у петербургских властей политические опасения, в Азиатской России процессы стихийного культурного единения преобладали, что вполне устраивало местную администрацию. И как следствие в правительственных взглядах на славянское население Сибири и Дальнего Востока преобладало в целом индифферентное отношение к культурным различиям между великороссами, украинцами и белорусами, их поглощение русской нацией представлялось делом времени. Местная администрация до начала XX в. три славянских народа нередко обозначала одним термином — русские. Приамурский генерал-губернатор П.Ф. Унтербергер писал в начале XX в., что переселенцы для дальневосточных областей выбирались в основном из Малороссии и «ими предполагалось создать на месте стойкий кадр русских земледель-

¹ Фетисова Л.Е. Адаптационная роль фольклора в системе бытовой культуры первопоселенцев Приамурья и Приморья // Адаптация этнических мигрантов в Приморье в XX в. Владивосток, 2000. С. 27.

цев, как оплот против распространения желтой расы»¹. Действительно, население украинских сел в Сибири и на Дальнем Востоке России быстро переходило на русский язык, а к 1930-м гг. в большинстве случаев сменило и свое этническое самосознание, оставив невостребованной идею «Зеленого клина»².

Русскость не ограничивалась только объединением славянских этносов, но могла включать и другие народы, в известной мере абстрагируясь от принципа «чистоты крови»³. В смешении разнородных этнических элементов на российском имперском пространстве при преобладании русской культуры и общих хозяйственных интересах и формировался на окраинах «здоровый русский тип», который являлся олицетворением всего «чисто национального русского», расширявшего пределы «матушки Руси». И эту, начатую инстинктивно, работу русского народа призывали продолжить сознательно⁴. В 1896 г. правительство попыталось даже законодательно предписать, чтобы переселенцы нерусского происхождения, по возможности, включались «в состав обществ из переселенцев русского происхождения»⁵.

Переписи населения фиксировали не только численность и многообразие населения империи, но предоставляли статистические данные для оптимистического прогноза «продвижения русских земель»⁶. Организаторы Первой Всероссийской переписи 1897 г. хотя и не смогли выработать убедительных критериев определения национальности, спешили доложить, что статистические данные демонстрируют «ту незыблемую истину, что при всем многообразии своего населения (140 отдельных народов) Россия есть достояние русской народности, постепенно и неуклонно распространяющейся на запад, юг

¹ Унтербергер П.Ф. Приамурский край. 1906–1910 гг. СПб., 1912. С. 4.

² Кабузан В.М. Русские в мире. Динамика численности и расселения (1719–1989). Формирование этнических и политических границ русского народа. СПб., 1996. С. 210.

³ См. напр.: Новоселова [Крих] А.А. Свои среди чужих: иноэтнические компоненты в составе русских Среднего Притарья в конце XIX в. // Вестн. Омского отделения Академии гуманитарных наук. Омск, 2001. № 6. С. 118–124.

⁴ Термен А.И. Среди бурят Иркутской губернии и Забайкальской области: очерки и впечатления. СПб., 1912. С. 132.

⁵ ПСЗ-III. № 12777. 15 апр. 1896 г.

⁶ Кадио Ж. Лаборатория империи: Россия / СССР, 1860–1940. М., 2010. С. 21.

и восток». Особенно успешна русская колонизация в азиатских владениях, где «значительное большинство инородцев сибирских и северных уже обрусели, исповедуют православную веру, живут как русские, отличаются от них только происхождением». Здесь «русские переселенцы приобрели вполне прочное положение и, выполняя возложенную на них историей культурную задачу, твердо держат знамя своей религии и народности». Великорусы — «живые и умные по природе», «предприимчивые», «в их характере много гибкости, подвижности и глубокой религиозности», — привержены к своему бытовому укладу, общинному землепользованию и круговой поруке. Примечательно, что в доказательство такого вывода в официальном издании Комитета министров суммировали численность великорусов, малороссов и белорусов (видоизменения русского народа), прибавив к ним нередко и «обруселых инородцев»¹.

Положение осложнялось появлением сибирской интеллигенции, которая под влиянием федералистских и национальных теорий пыталась выстроить концепцию колониальности Сибири, выдвигая экономические, культурные и даже политические претензии имперскому центру. Формирование у сибирского старожильского населения чувства территориальной обособленности, осознание своей непохожести и чувств региональной социально-экономической ущемленности создавало объективные предпосылки выстраивания иной, конкурирующей с «большой русской нацией», сибирской идентичности, а сибирские областники надеялись мобилизовать ее в политических целях в «торге» между центром и Сибирью². Поэтому они с такой тщательностью фиксировали не только формирование новых черт в культуре старожильского сибирского населения, но и воспринимали «обрусение с примесью сибирского оттенка» украинцев как определенную закономерность. «Нам известно, — констатировали в «Восточном обозрении», — что то же

¹ Алфавитный список народов, обитающих в Российской империи. СПб., 1895. С. 1-3, 21, 25.

² Подробнее см.: Ремнев А.В. «Сибирский народ»: колониальный и региональный контексты несостоявшегося интеллектуального проекта XIX века // Азиатская Россия: миграции, регионы и регионализм в исторической динамике. Иркутск, 2010. С. 46-54.

самое происходит со всеми переселенцами в Сибири — все частные областные особенности через одно поколение стираются, и пришлые элементы претворяются и преобразуются в новую этнографическую форму и вид сообразно местным условиям. Эта метаморфоза и переход от разнообразия к местному единству и сходству составляет закон колонизационного процесса, который, вероятно, будет иметь свое значение в исторической жизни Сибири»¹. Так, выходцы из Малороссии, проживши длительное время в Сибири, стали отличать себя от украинцев, живущих на Украине, оказавшись в ситуации неустойчивой, промежуточной этнической идентичности: «Там настоящие украинцы, а мы ни русские, ни украинцы»². Отсутствие собственной украинской интеллигенции, национальных школ, газет, культурных обществ приводило к тому, что письменная культура для них была русской, что ускоряло процесс смены идентичности, работало одновременно на формирование «сибирства» и на создание «большой русской нации». Однако этот процесс не был бесконфликтным, нередко были случаи, когда старожилы, раздраженные земельными спорами с прибывшими украинцами, использовали прозвище «хохол», как синоним чего-то презренного, убогого, несчастного и досадливого, получая в ответ не менее обидное — «кацап»³. Хотя в слове «хохол» (нередко становящимся и самоназванием) всегда присутствовало признание за украинцем своего — русского, только своеобразного⁴. Конечно, понятие «сибиряк» относилось преимущественно к «русским» (включая великороссов, малороссов и белорусов, и даже некоторые финно-угорские народы), но оно могло стать максимально широким, включив всех жите-

¹ Осибирячение переселенцев // Восточное обозрение. 1884. № 31.

² Демина О.С. Этническое самосознание и самоидентификация украинских переселенцев Алтайского края // Алтайская деревня во второй половине XIX — начале XX в. Вып. 2. Барнаул, 2004. С. 116.

³ Липин А.М. Переселение украинцев в Западную Сибирь и земские учреждения во второй половине XIX — начале XX в. // Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул, 2000. С. 304.

⁴ Кутилова Л.А. Украинцы в Сибири: пути этничности (конец XIX — начало XX в.) // Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул, 1998. С. 78-81.

лей Сибири¹. «Осибирячевание» разных народов (в том числе прибывающих из Европейской России) могло объективно стать более мягким вариантом вхождения в «русскость», не вызывая резкой утраты самобытности.

Сибирским областникам не были чужды народнические настроения и стремление совершить «хождение в Сибирь», но они быстрее своих европейских коллег избавились от идеалистических воззрений на крестьянина. Их оценки оказались более реалистичными, но в данной ситуации их симпатии оставались на стороне сибиряков-старожилов. Важную роль в этой полемике сыграла газета «Сибирь», выходившая под редакцией И.П. Михайлова в Петербурге. Несмотря на то, что в ней сотрудничали многие бывшие политические ссыльные и известные всей России писатели и ученые, все же она пыталась продолжать областнические традиции «Восточного обозрения» в его петербургский период. Их объединяло осознание того, что русский крестьянин-переселенец не способен осуществить культуртрегерскую миссию не только в отношении старожила-сибиряка, но даже и в отношении скотовода-киргиза, которого он должен был бы приучить к земледелию. Он сам нуждался в просвещении и усвоении передовых форм сельского хозяйства, так как «чрезвычайно консервативен и не привык чему-либо научаться»². Какой пример он может оказать: «Являясь в качестве просвещенного колонизатора, он обыкновенно строит курную избу, роет в земле нору, вычисляет по погоде крещенского сочельника погоду в июле и ковыряет безводную степь допотопной косулей, «русским» плугом, а когда ничего от земли не получает, становится в тупик перед новыми условиями природы, которых даже не предвидел. В лучшем случае он перенимает от туземцев способы обработки земли, а то предпочитает возвратиться «на старину», «в Рассею»³. Так что он не может никого чему-либо

¹ Крих А.А. Этносоциальные группы сибиряков в имперской практике XVIII –XIX веков // Роль государства в хозяйственном и социокультурном освоении Азиатской России XVII – начала XX века. Новосибирск, 2007. С. 151-158.

² Русский. К вопросу о колонизации киргизских степей. (Голос из Тургайской области) // Сибирь. 1897. 20 июня.

³ Там же. 1897. 18 июня.

научить и дорого обходится местному населению, у которого он отнимает землю.

Образ Сибири — своего рода «мужицкого царства», свободного от помещиков, появившийся во многом благодаря ссыльным декабристам, с 1880-х гг. был востребован и развит народнической периодикой, как воплощение их идеалов общинного социализма. Однако, соприкоснувшись с сибирской действительностью, многие из них должны были существенно скорректировать свои социалистические мечтания в отношении сибирского крестьянина. Прежние эпитеты заменялись метафорами, что «Сибирь — не якорь спасения для России», «Сибирь — дочь России, во всем похожая на родную мать»¹.

При обсуждении в 1905 г. вопроса о крестьянском представительстве в Государственной думе в правящих кругах потребовали преимуществ для внутренних губерний, заявляя, что крестьянские депутаты от Сибири, Туркестана и Степного края «не помогут государственному строительству»². П.А. Столыпин, так много сделавший для хозяйственного и культурного развития Сибири, хотя и не сомневался в верноподданности переселенцев с их «правильным, чистым, русским мирозерцанием», предупреждал, что нельзя упустить момент: «Иначе бессознательно и бесформенно создастся громадная, грубо-демократическая страна, которая скоро задавит Россию европейскую»³. Не случайно он затормозил введение земства в Сибири, опасаясь, что старожилы займут в нем господствующие позиции и будут препятствовать переселенческому движению. «Если земство в чем-нибудь себя проявит, — утверждал А.А. Кауфман, — то только в одном: в усиленных стараниях закрыть край для дальнейшего вселения»⁴. Предвидел он и опасность появления региональных и национальных лозунгов

¹ Родигина Н.Н. Образ Сибири в русской журнальной прессе XIX — начала XX в.: основные итоги изучения // Образ Сибири в общественном сознании россиян XVIII — начала XXI в. Новосибирск, 2006. С. 99-100.

² Ганелин Р.Ш. Российское самодержавие в 1905 году. Реформы и революция. СПб., 1991. С. 178.

³ Письмо П.А. Столыпина Николаю II, 26 сентября 1910 г. // П.А. Столыпин: Переписка. М., 2004. С. 62.

⁴ Кауфман А.А. Наш Дальний Восток и его колонизация // Русская мысль. 1909. № 12. С. 65.

типа: «Сибирь для сибиряков», «Киргизия для киргизов» или «Бурятия для бурят»¹.

В отличие от «украинского вопроса», «сибирский вопрос» не перешел в опасную фазу политического сепаратизма, оставаясь в рамках требований расширения местного самоуправления и финансово-хозяйственной самостоятельности, хотя и доходил до идей автономизма с особой Сибирской областной думой. Массовое переселенческое движение начала XX в., породившее напряженность в отношениях сибирских старожилов и новоселов, снижало политическую остроту сибирского регионализма. Началась десубэтнизация сибиряков как старожилов, превращения их в специфическую географическую (региональную) группу русских. На пути единения сибиряков стояли локальные различия, которые принесли переселенцы из мест их выхода, а также нараставшие противоречия между старожилами и переселенцами, особый статус казаков, конфессиональное самообособление старообрядцев, негативное отношение всех их к внедрению в их среду уголовных поселенцев². Такого рода столкновения, вызываемые неравенством группового положения и воспринимаемые как несправедливые, могли быть не только конструктивными, но и деструктивными. Одновременно усилился приток (особенно в период революции и Гражданской войны) в Сибирь и интеллигенции, которая становилась многочисленной и заряженной общероссийскими социальными задачами. Как с обеспокоенностью отмечал А.В. Адрианов в письме Г.Н. Потанину, идея областничества «растворилась» в социально-политических проблемах, «как растворилась интеллигентная группа сибиряков в нахлынувшей массе интеллигенции в Сибирь»³. Областниче-

¹ Кауфман А.А. Колонизация Сибири в ее настоящем и будущем // Сибирские вопросы. 1905. № 1. С. 171.

² О процессах адаптации и сложных этнических и групповых идентичностях русских в Сибири см.: Шелегина О.Н. Адаптация русского населения в условиях освоения территории Сибири. (Историко-этнографические аспекты. XVII – XX вв.) М., 2001–2002. Вып. 1 и 2; Бережнова М.Л. Этническая идентичность как исторический феномен (на примере этногруппового деления русских Сибири) // История. Антропология. Культурология. Программы и избранные лекции. Омск, 2004. Ч. II. С. 59–81.

³ Цит. по: Шиловский М.В. Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона. Новосибирск, 2008. С. 127.

ство могло иметь успех до тех пор, пока не произошла партийная политизация и поляризация интеллигенции. Сибирский областнический проект (а именно в нем активнее всего использовался колониальный дискурс) был отодвинут на второй план более конкурентными национальными и социальными программами.

Заключение

Рассмотренные аспекты презентаций и репрезентаций темы крестьянской колонизации позволяют приблизиться к пониманию, каким образом она оказалась включена в имперские теории и практики «обрусения», в каких плоскостях шло ее обсуждение, какое место она занимала в национальной концепции «единой и неделимой» России¹. При очевидной разнице в масштабах и целях теоретических концепций и объяснительных моделей их объединяла схожая цивилизационная риторика и признание исключительной важности роли русского крестьянина в политическом, экономическом, социокультурном и ментальном расширении «Русской земли». Предлагаемые идеологические формулы уже не скрывались в служебных документах или научных трактатах, а тиражировались и пропагандировались журналами и газетами, становясь важным фактором пропаганды и стереотипизации исторического и географического смыслов крестьянского движения на восток. В результате, для переселенческого движения крестьян был найден новый, порой противоречивый, политически нагруженный имперскими и национальными смыслами, язык описания. Демонстративно отказываясь признавать за своими азиатскими окраинами колониальный статус, подчеркивая их неразрывную связь с центральной Россией, имперские эксперты и даже их оппоненты оставались в рамках одного дискурса и предпочитали говорить об азиатских окраинах лишь как объекте колонизации, но не колониальной эксплуатации.

¹ Alfred J. Rieber, «Colonizing Eurasia», *Peopling the Russian Periphery: Borderland Colonization in Eurasian History* /Ed. by Nicholas Breyfogle, Abby Schrader, Willard Sunderland. Routledge, 2007, p. 269, 272.

Оптимистический сценарий «обрусительных» планов, казалось, мог быть обеспечен «народным» характером колонизации, подкрепленным соответствующим набором ценностей «истинно русского» человека. В этой схеме «эффективный» русский колонизатор преображал «чужое» пространство в «свое» (русское, православное, крестьянско-земледельческое). Рост численности русского населения в азиатской части империи должен был демонстрировать успех курса на «слияние» окраин с центром страны, но крестьянское переселение создавало для властей новые проблемы, обостряя социальные, национальные и конфессиональные противоречия за Уралом. Во многом именно аграрные миграции крестьян в ряду референтных правительственных вопросов породили «киргизский вопрос», поставили бурят и якутов в разряд «проблемных народов». Империя так и не нашла баланс интересов между желанием снизить остроту аграрного кризиса в центре страны, заселить азиатские окраины и сохранить лояльность местного населения. Хотя переселенческие общества Сибири и Дальнего Востока России в XIX – начале XX в. все же имели невысокие показатели этнической конфликтности, с тенденцией ее возрастания на фронтальной периферии: на юге Западной Сибири («киргизский вопрос») или юге Дальнего Востока («желтый вопрос»)¹.

С одной стороны, переселенцы часто не считались с нормами традиционного землепользования, а чувство национального и культурного доминирования могло усиливаться государственной поддержкой. В их настроениях могли возобладать тенденции русской национальной консолидации, что усиливалось чувством военного и численного превосходства, хотя в реальности оно не всегда было подкреплено культурными или экономическими преимуществами. Они оставались далекими от осознания своего высокого цивилизационного предназначения и были своего рода «неимперскими империалистами» (по определению В. Сандерланда), по-крестьянски прагматичными во взглядах на туземное население и озабо-

¹ Куприянов А. Великороссия и Сибирь – материк этнического спокойствия в море имперской конфликтности (1881-1904 гг.) // Новый мир истории России. Форум японских и российских исследователей. М., 2001. С. 122-135.

ченными, главным образом, количеством и качеством земли. Во взаимоотношениях власти и туземцев русские переселенцы могли стать важной «третьей силой», способной придать процессу колонизации новое имперское измерение. Однако казаки и крестьяне «не были ни убежденными агентами имперской власти, ни носителями «цивилизаторской» миссии, ни миссионерами»¹, хотя их стремились возвысить и включить в решение геополитических и национальных задач. Но только они, по мнению многих имперских экспертов, могли стать реальной силой, способной сплотить огромное политическое пространство России, добиться «слияния» ее окраин с русским государственным ядром.

С другой стороны, сами русские крестьяне-переселенцы часто оценивались как «отсталые», а их «культурное бессилие» ставило под сомнение возможность осуществления ими цивилизаторской миссии. Под подозрение попало и казачество, которое обвинялось не только в отсутствии культуртрегерского потенциала, но и в утрате самой «русскости». Обеспокоенные конфессиональными противоречиями со старообрядцами и духоборами, власть и официальная церковь все же признавали их устойчивость к ассимиляции в иноэтничной среде, отдавая должное сохранению ими «русскости» при отдаленности от русских культурных центров. Православность начинала уступать национальности, в которой базовыми оказывались язык, культурные традиции и государственные ценности.

Даже если признать, что масштабы «культурного бессилия» и утраты «русскости» были преувеличены, приходится учитывать, что они серьезно беспокоили имперские власти и пробивали серьезную брешь в их идеологических схемах. Существовавшие одновременно оптимистические и пессимистические оценки «русской колонизации» главным образом отражали различие во взглядах на возможные перспективы «русского дела», нежели на реальное положение русского крестьянства в регионе, вынуждали подвергнуть ревизии не только некоторые постулаты имперской идеологии, но и расшатывали народнические установки интеллигенции.

¹ Брейфогл Н. Контакт как созидание. Русские сектанты и жители Закавказья в XIX в. // Диаспоры. М., 2002. № 4. С. 185, 188.

Старые русские социальные болезни лишь обострились на азиатских окраинах и потребовали иной диагностики. Это было связано в первую очередь с необходимостью уточнения самого понятия «русскости», внесения корректив в оценки необходимого тождества «русскости» и «православности», устойчивости религиозности русского населения, региональных различий и конфликтов старожильского и переселенческого крестьянства. Даже если возникающие проблемы и не являлись политически опасными, степень их «злободневности» и «остроты» могла быть усилена как в личных, так и корпоративных интересах. Несомненная тенденциозность в подборе и интерпретации фактов была присуща как апологетам русской колонизации, так и их оппонентам. И хотя они сходились в признании политической значимости народного движения на азиатские окраины, одни предпочитали акцентировать внимание на ее «русскости» и встраивать крестьянское движение в имперские геополитические проекты, другие предпочитали игнорировать их, замещая имперский и национальный нарратив социальным. Вместе с тем, повышение благосостояния в результате переселения неожиданно грозило утратой некоторых симпатичных черт русского крестьянина, которые у представителей имперской власти и народной интеллигенции нередко совпадали (хотя и существенным образом различались в их трактовке) и были одинаково пугающими. Разрушение мифологии русского крестьянина с ее декларируемой высокой культурной открытостью, цивилизационной комплиментарностью, высокой религиозностью, что усиленно насаждала русская литература, было частью влиятельного не только в общественных, но и правительственных сферах, народнического дискурса.

Глава 2

Мигранты и миграционная политика в постсоветской Сибири и на Дальнем Востоке¹

Введение

Разговор о региональной миграционной политике необходимо начать с определения понятия. Традиционно авторы, рассматривающие региональные аспекты миграционной политики, либо обходят этот вопрос, либо экстраполируют определение государственной миграционной политики на региональный уровень. Представляется, что явление это намного сложнее. Оно распадается на отдельные «пласты», в рамках которых региональная проекция государственной миграционной политики – лишь одна из взаимодействующих сторон. Не менее значима более или менее сознательная миграционная политика властей субъекта федерации и крупных муниципальных образований, особенно в условиях приграничных территорий. Она далеко не всегда выражена в фиксируемой правовой форме. После 2002 года ее «законотворческие» возможности оказались минимальны. Однако именно она детерминирует состав, численность мигрантов, формирует благоприятный или запретительный режим их пребывания.

Не менее значим уровень повседневных практик – своего рода, «народная миграционная политика», формирующаяся в ходе повседневного взаимодействия на предприятии, на улице, в магазине и т.д. Именно на этом уровне происходит, так сказать, «материализация» миграционной политики, лишь отчасти совпадающая (или совсем не совпадающая) с рамочными условиями, задаваемыми на иных уровнях. Тут формируется репертуар практик, рождаются иррациональные (или рациональные) страхи и предпочтения, которые в большей или меньшей степени фиксируются в виде правовых норм на «более высоких» уровнях концептуализации миграционной политики. Не менее значимым элементом являются «традиции», осколки миграционной политики прошлого. Соотношение

¹ *Авторский коллектив: Л.Е.Бляхер (редактор главы), К.В. Григоричев.*

этих элементов и дает нам реальную картину и миграционной политики, и условий миграции в регионе.

Сам факт наличия *разных* и осознающих свою разность уровней миграционной политики связан со спецификой высшего — федерального — уровня. С его рассмотрения мы и начнем анализ постсоветской миграционной политики на восточной окраине России. Существуют разные трактовки термина «государственная миграционная политика». Широкие отталкиваются от необходимости взаимодействия между государствами приема и исхода¹, а узкие трактуют ее как внутреннюю систему мер одного государства². В российской научно-исследовательской и управленческой практике преобладает второй. Вот одно из типичных определений: «совокупность целей, политических средств и практических мер, способствование целенаправленного воздействия государства на управление миграционными процессами»³. Однако чтобы уловить направление трансформации государственной миграционной политики в России и соответственно особенности региональной миграционной политики, необходимо отметить еще две теоретические посылки.

Первая была высказана Э. Панеях⁴. Смысл ее в том, что для адекватного понимания ситуации в стране необходимо все время держать в сознании то простое обстоятельство, что имя государственного института и заявленная им функция крайне редко совпадает с той работой, которую он действительно исполняет. Парламент — это не место для переговоров, суд — инструмент исполнительной власти, правоохранительные органы исполняют лишь карательную функцию. Тогда какую

¹ «Это процесс взаимодействия между государствами, при котором происходит передача юрисдикции, так как мигранты, прекращая быть членами одного общества, становятся членами другого» (Zolberg A.R.). Цит. по: Волосенкова Е.В. Миграционная политика в современной России: вызовы и ответы XXI века // Регионалистика и этнополитология. М.: РС-СПЭН, 2008. С.271.

² «Эффективный пограничный контроль и выборочное ограничение иммиграции» (Stetter St.). Цит. по: Волосенкова Е.В. Указ. соч. С.267.

³ Файзуллина А.Р. Миграционная политика в современной России: федеральный и региональный аспекты: автореф. дис. . . канд. полит. наук. Уфа, 2007. С. 8.

⁴ Панеях Э.Л. Правила игры для русского предпринимателя. М: Либеральная миссия, 2008. С. 34.

именно функцию выполняет институт, номинально исполняющий роль проводника государственной миграционной политики? Чем именно детерминирована деятельность этого института, его реальный смысл? Путеводной нитью при попытке ответить на этот вопрос может стать замечание Р. Капелюшника¹. По его мнению, конкретные правовые поля в России часто соответствуют не объективным условиям или правовой логике, но массовым страхам, циркулирующим в обществе. Хотя в его работе речь идет о трудовом законодательстве, мы с легкостью можем уловить эти моменты и применительно к задаче описания региональной миграционной политики. Различия этой политики на разных уровнях не в последнюю очередь связаны с тем, что эти уровни ориентировались на *разные* «общественные страхи» и общественные интересы. Эксплицировать эти страхи (опасения, предубеждения, идеологемы) и интересы, выявить их генезис, проследить возможность/невозможность их согласования мы и постараемся в ходе дальнейшего изложения.

2.1. Государственная миграционная политика: «дрейфуем вместе с линией»

Распад СССР, резкое и исторически мгновенное изменение условий существования потребовали от новорожденного государства Российского исполнения новых и непривычных функций. На съезде народных депутатов СССР была принята Декларация прав человека и гражданина (5.09.1991), где свобода перемещений была официально закреплена. Аналогичный акт был принят и утвержден Верховным советом РСФСР (22.12.1991). В 1993 году эти нормативные акты воплотились в ст. 27 Конституции Российской Федерации², соответствующие федеральные законы. Эти правовые акты задавали качественно новую ситуацию, когда выезд за границу и въезд на территорию страны оказывались частным делом российских

¹ Капелюшников Р.И. Российский рынок труда: адаптация без реструктуризации. М.: ГУ-ВШЭ, 2001. С. 67.

² Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/popular/cons>, свободный.

или иностранных граждан. Ситуация осложнялась определенной условностью «новых границ». Последнее проецировалось и на границы «старые». Возникает массовое движение «челноков» и перемещение через границы как новых, так и «традиционных» иностранцев, которое государство, далеко не всегда успешно пытается контролировать.

Обязанность контролировать миграционные потоки была возложена на те структуры исчезнувшей страны, чьи задачи были сходны с новыми функциями. Это была паспортно-визовая служба, созданная в 1993 году из ряда подразделений МВД, ранее ответственных за максимальное прикрепление гражданина к месту своего проживания, за сохранение «железного занавеса». В новую службу вошли: управления (отделы) виз, регистрации и паспортной работы, а также паспортные отделения (паспортные столы) и отделения (группы) виз и регистрации милиции.

Возникает несколько не вполне согласующихся между собой интенций, которые и материализовались в миграционной политике первого постсоветского периода. Во-первых, это не слынувшее еще стремление жить по нормам «цивилизованного мира», стремление закрепить свободу перемещений и падение «железного занавеса». Эта интенция и была воплощена в упомянутых выше нормативных актах и декларациях. Писавшие их авторы стремились максимально приблизить нормативную базу новой России к нормам «Запада». В соответствии с ними человек вправе выбирать место жительства, пересекать границы РФ и возвращаться в страну. Более того, гражданин иного государства, если он прибыл в Россию на законных основаниях, имеет право свободно передвигаться, выбирать место жительства и т.д.

Во-вторых, достаточно значимым был и пафос России — наследницы и правопреемницы Советского Союза и Российской империи. Миллионы этнических русских и «русскоязычных», оказавшиеся после распада СССР за пределами России, по мысли носителей этой идеологии должны были найти здесь новое место жительства. Движение переселенцев из бывших республик было в начальные постсоветские годы достаточно

активным¹. Не менее активным было движение переселенцев из «горячих точек». Однако здесь уже во второй половине 90-х годов либеральная и объединительная идеология начинают давать сбой.

Они натолкнулись на идущий от советских годов и «московского снабжения» страх жителей крупнейших мегаполисов, что «понаехавшие» иностранцы и провинциалы снизят их уровень жизни, потребуют блага, предназначенные для коренных жителей. Реальное снижение уровня потребления после развала СССР воспринималось как подтверждение этого. На волне возникшего недовольства власти Москвы и других крупных городов вводят местные ограничения, инструментом которых были «советские» ведомственные инструкции, не отмененные новой властью.

Иная, но не менее напряженная ситуация складывалась в малых городах Европейской России, куда устремились бывшие жители республик Средней Азии, Кавказа, отчасти Молдовы и Украины. Здесь срабатывал другой механизм. Один из социологических постулатов гласит: чужая культура всегда «грязная». За годы проживания в иной этнической среде «другие русские» приобрели множество бытовых черт, отличных от привычек и нравов жителей «коренной России»². Взаимное неприятие коренных жителей и пришлых вылилось в серию стычек, поджогов, постоянных придирок со стороны местной власти и, в конце концов, к ужесточению миграционного режима.

Речь шла об использовании системы регистрации³, не отмеченной, несмотря на ее явное противоречие с Конституцией, в качестве инструмента миграционной политики. Как показала С. Баньковская⁴, именно прописка (регистрация) выступала и

¹ Кирилова Е. Вынужденные переселенцы в России: оправдались ли надежды // Отечественные записки. 2004. № 4. С. 139.

² Кушлина О.Б. Тихая моя родина: морфология двудомного растения // Неприкосновенный запас. 2000. № 2 (10) [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/authors/k/kushlina>, свободный.

³ Закон города Москвы об условиях пребывания в Москве иностранных граждан [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.visas.ru/info/law-mospreb.html>, свободный.

⁴ Баньковская С.П. Миграция, Свобода и Гражданство: парадоксы маргинальности // Отечественные записки. 2004. № 8.

отчасти выступает основанием для предоставления гражданину или мигранту социального пакета, выполнения им обязанностей, пользования правами, вплоть до устройства на работу или регистрации собственного дела. Отсутствие регистрации было основанием для административного преследования, выселения и т.д. Используя регистрацию в качестве инструмента давления на мигрантов, государство сумело остановить миграционные потоки из ближнего зарубежья, ориентированные на легальное «возвращение» на родину. Этот процесс проходил при горячем одобрении значительной части населения, фиксируемом в ходе массовых опросов¹.

Соотечественники, беженцы из «горячих точек», еще немногочисленные трудовые мигранты и мелкие предприниматели из бывших союзных республик вытеснялись из легального правового поля на положение «нелегальных мигрантов». Не имея возможности для легального найма, они заполняли «низшие этажи» рынка труда, криминальные сферы. Так возникает и утверждается образ «преступного мигранта», носителя криминальных ценностей, глубоко чуждых и травмирующих местное население. Возникает и соответствующее движение государственных служб², чье стремление к тотальному контролю неожиданно совпадает со страхами значительной части населения. На официальном сайте ФМС в качестве важного направления деятельности значилось «участие в борьбе с организованной преступностью»³. Это сильно расходилось с декларируемыми функциями, но вполне соответствовало повседневному практикам.

Эти тенденции принимали специфическую форму в восточных регионах России. Поток беженцев из бывших союзных республик затронул их в малой степени. А те, кто решил направиться сюда, использовали не столько легальные механизмы миграции, сколько наличие родственников и земляков. В 90-е

¹ Гудков Л. К проблеме негативной идентификации // Л. Гудков // Негативная идентичность: статьи 1997–2003 гг. М., 2004. С. 280.

² Тюркин М. «Иногда мы намеренно идем на ужесточение наказаний...» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/?numid=19&article=906>, свободный.

³ История создания Федеральной миграционной службы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.fms.gov.ru/about/history/details/38013/5>, свободный.

годы эти потоки были незначительны. Возникшие общины, в отличие от западной части страны, были не агрессивны и достаточно глубоко интегрированы в местный социум. Важнее были внутренние миграционные потоки (с востока на запад и с севера на юг) и внешняя миграция из сопредельного Китая¹.

Соответственно массовые мигрантские «фобии» западной части страны мало затронули «восточную». Конечно, и здесь при региональных и муниципальных администрациях возникли соответствующие органы, ответственные за этническую, а позже миграционную политику². Однако их функция больше состояла в том, чтобы «вписать» региональную ситуацию в общегосударственный дискурс.

2.2. Дальневосточные «страхи» и восточная специфика миграционной политики

Слабость традиционных для «запада» страны страхов, связанных с миграционными потоками, в восточной части России компенсировалась собственными социальными фобиями, которые в большей или меньшей степени переносились на мигрантов. Эти страхи, основанные на системе устойчивых региональных представлений (мифов), мы и предполагаем сделать предметом анализа в настоящем разделе.

Для выделения ключевых мифологем, которые предполагается подвергнуть анализу, мы воспользовались материалом статей ряда газет и интернет-изданий за 1999 – 2009 гг.³, посвященных восточной части России. В качестве дополнительного материала привлекалась концепция стратегии социально-экономического развития ДВФО и Байкальского региона, возникшей в недрах Минрегиона в 2007-2008 гг. В ходе контент-

¹ Гельбрас В.Г. Самое слабое звено в экономической безопасности России // Миграционная ситуация на Дальнем Востоке и политика России: М.: науч. докл. Московский Центр Карнеги, 1996. Выпуск седьмой.

² Калугина Г.В. Местная власть и трансформация дискурса «национальной политики» в постсоветскую эпоху (случай Иркутска) // Полития. 2010. № 2.

³ По результатам анализа контента пяти общероссийских газет («Известия», «Российская газета», «Коммерсантъ», «Аргументы и факты», «Независимая газета») и четырех интернет-изданий («Новый регион», REGNUM, Газета.Ru, Грани. ру).

анализа отбирались концепты, наиболее часто используемые для характеристики Дальнего Востока. Отметим, что отобранные концепты почти в 6 раз «опережали» остальные по частоте употребления. Такая частотность позволяет нам считать их репрезентантами глубинных коллективных представлений, мифов, а не «личным мнением» журналиста или издания. Показательно, что вне зависимости от «генеральной линии» издания сам перечень ключевых концептов сохраняется, допуская лишь незначительное частотное варьирование.

Выделенные концепты можно разделить на «позитивные» и «негативные». Позитивный образ региона характеризуется концептами (по убывающей): «*выход в АТР*», «*природные богатства*», «*форпост России*», «*ресурс будущих поколений*», «*Сибирь – территория согласия*». В зависимости от направленности издания концепты «форпост России» и «ресурс будущего» могут меняться местами по частоте упоминания, но само их наличие в «группе лидеров» сохраняется.

Негативный образ включает более широкий круг определений: «*удаленность*», «*безлюдье*» («сокращение населения», «бегство» и т.д.), «*миграция*», «*демографическое давление на границы*» (более политкорректный вариант концептов «*китайская угроза*», «*желтая угроза*», «*тихая экспансия*» тоже часто встречающихся), «*сложные природно-климатические условия*», «*тяжелый социально-экономический кризис*», «*преступность*», «*тотальная коррупция*». Постоянно присутствует сравнительно новая тема «*правого руля*», «*поддержанных иномарок*» и «*протестов автомобилистов*». Однако самым «популярным» концептом является «*угроза*». При «суммировании» этих представлений возникает апокалипсическая картинка. Богатому региону, являющемуся воротами России в АТР, ее форпостом и залогом ее будущего, угрожает захват, сокращение населения, экономический кризис, преступность и коррупция. Этот тематический комплекс и муссируется в средствах массовой информации, да и в экспертных суждениях.

Но восточная часть России – не просто «богатый регион». Это богатый регион, в котором остро заинтересовано государство. «Государственные же компании заинтересованы в востоке, поскольку практически только там остались нераспре-

деленные стратегические месторождения, и оттуда ближе до динамичных рынков АТР» (Независимая газета. 2007. 9 нояб.). А заинтересовано оно в регионе не только в силу его богатых природных ресурсов, но, прежде всего, из-за его транзитных возможностей, его «выхода в АТР». Бывший полпред в ДВФО Камиль Исхаков: «У Дальнего Востока России большие возможности для участия в развитии транспортно-энергетической инфраструктуры АТР – строительство энергомоств из России в Японию, Китай. Мы готовы принять участие в реализации проекта Транскорейской магистрали, использование которой радикальным образом изменит торговые отношения стран АТЭС. Возлагаем большие надежды, рассчитывая на реальные результаты и активизацию всех форм сотрудничества с другими странами Азиатско-Тихоокеанского региона. Приходу иностранных инвестиций содействуют и федеральные, и региональные власти»¹. В статье с колоритным названием «Сохранит ли Россия Сибирь и Дальний Восток?»² А. Хлопонин пишет: «Если в европейской части России, особенно в Москве и Санкт-Петербурге, главная составляющая экономической жизни – торговля и финансы, то Сибирь и Дальний Восток производят нефть и газ, никель и медь, золото и металлы платиновой группы, алюминий и электроэнергию, древесину и алмазы, рыбу – продукцию конкурентоспособную, востребованную и в России, и на мировых рынках».

Наличие еще не распределенных или подлежащих перераспределению природных ресурсов и выходы в АТР исчерпывают позитивные характеристики региона в экономической сфере. Идея же «форпоста» России, ключевая в XIX – XX столетиях, сегодня гораздо важнее для самих дальневосточников, нежели для «внешнего наблюдателя»³. Она выступала основой политического дискурса еще в период Империи, где «желтая угроза» оправдывала экономическую нерентабельность региона. Функция форпоста, «прикрывающего» Россию с востока,

¹ Исхаков К.Ш. Верить в Россию, верить в Дальний Восток // Российская Федерация сегодня. 2006. № 18.

² Хлопонин А. Сохранит ли Россия Сибирь и Дальний Восток? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.mediatext.ru/docs/9928>, свободный.

³ Ишаев В.И. Особый район России. Хабаровск, 1998.

определяла и его преимущественно военное освоение, и «особые права» его жителей. Подобную же функцию выполнял миф о форпосте и в 90-е годы.

Гораздо обширнее перечень *угроз* для региона, ставший столь же неотъемлемой его характеристикой, как и представления о его богатстве. «Угрозы» можно разделить на три кластера: «объективные», «внешнеполитические» и «внутриполитические». Наиболее тесно с нашей проблематикой соотносятся именно внешнеполитические угрозы. Однако начнем наше изложение мы с «объективных угроз», как наиболее «несомненных». Именно по отношению к этому смысловому блоку видно, что сами «угрозы» выступают существенными элементами политической легитимации существования региона.

Это, прежде всего, *суровый климат, удаленность* от центра страны и Центра вообще, *слабая заселенность*. Казалось бы, эти параметры не подлежат обсуждению. Они просто есть. Бесконечные заснеженные дали, таежные дебри, редкие стоянки охотников и рыбаков – все это стало неотъемлемой частью образа региона, воплотилось в книгах и фильмах. На деле это, скорее, дань исторической традиции, нежели фиксация данности.

В Концепции стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона территория региона была разделена на три зоны: абсолютно дискомфортная, экстремально дискомфортная и просто дискомфортная. Понятно, что если за достаточный уровень комфортности принять климат Гавайских островов, то классификация эта выглядит вполне оправданной. В то же время температурный режим южной части Дальнего Востока, где и находится основное население региона, более благоприятен для проживания, чем климат, к примеру, Ленинградской или Вологодской областей. Средняя температура летом + 17...+ 26 градусов, зимняя температура тоже для России не катастрофична (от – 8 до – 25 градусов). Действительно, здесь находится мировой полюс холода (Оймякон, Верхоянск). Но ведь и население там менее 10 тысяч человек, рассредоточенных на гигантском пространстве. Отчего же возникло это представление?

Здесь можно говорить о двух смысловых переносах, свершившихся на заре освоения региона. Первый – перенесение

образа «холодной Сибири», закрепленного в народнической мифологии, на еще более удаленные, а значит — еще более холодные земли¹. Второй перенос связан с тем, что опорным пунктом первоначального освоения новых земель в XVII столетии оказался не относительно «южный» Иркутск, а «северный» Якутск². Само же освоение шло вверх по Лене и далее до Охотска и Анадыря. Эти районы (богатые «мягкой рухлядью» и «рыбным зубом»), действительно, были климатически не особенно гостеприимны. Опыт же хозяйствования в Приамурье в XVII — XVIII веках был достаточно кратковременным и, в целом, не особенно успешным, потому на «образ региона» не оказал принципиального воздействия. Более того, история осады Албазина и отступления из Приамурья стала, своего рода, политико-невротической травмой, старательно вытесняемой из образа мирного освоения Сибири. Ведь, как показал А. Ремнев, идеологически Сибирь не завоевывали, а заселяли³. Позднейшее освоение Приамурья и Приморья накладывалось на уже сформировавшийся образ «сурового края».

В позднейшие же годы «суровость» географо-климатических условий активно использовалась дальневосточными политиками для обоснования «особого» отношения к региону, была способом прикрыть собственные хозяйственные просчеты. Так, расходы на формирование приграничного казачьего населения в течение XIX века оказались на 30 % выше планируемых. Еще больший перерасход «пришелся» на каждую версту Транссиба и КВЖД⁴. В советский период «трудными климатическими условиями» объяснялся катастрофический уровень бытового обеспечения строителей Комсомольска-на-Амуре и БАМа⁵, слабое развитие социальной инфраструктуры. «Суровость» климата и связанные с ним «районные» и

¹ Асалханов И.А. Социально-экономическое развитие Юго-Восточной Сибири в XIX веке. Улан-Удэ. 1963.

² Кабузан В.М. Дальневосточный край в XVII — начале XX века (1640 — 1917). М. 1985.

³ См. главу 1 настоящего издания.

⁴ История Дальнего Востока СССР: период феодализма и капитализма (XVII в. — февраль 1917 г.). Владивосток. 1983.

⁵ Заусаев В.К. Стратегический план устойчивого социально-экономического развития города Комсомольска-на-Амуре до 2025 года. Хабаровск. 2009.

«северные» надбавки стали важным элементом региональной самоидентификации. Не случайно среди старшего поколения жителей Владивостока до сих пор самой негативной фигурой «советских лет» является Н.С. Хрущев, отменивший ряд льгот. Следующие «объективные угрозы» (удаленность и редкое население) тесно смыкаются с кластером «внешнеполитические угрозы» региону, а значит — России, с темой миграции. Их разумно будет рассмотреть в этом «блоке». Именно здесь устойчивые социальные страхи начинают взаимодействовать с «объективным» описанием региона и, в конечном итоге, с миграционной политикой.

В кластере «внешнеполитических угроз» лидирует «*китайская угроза*», опережая, скажем, «японскую» по числу упоминаний почти в 3,4 раза. Последняя носит достаточно локальный характер и в качестве значимой воспринимается только на Сахалине. Китайская угроза разъясняется мифологемами более низкого уровня: «превращение в сырьевой придаток», «заселение Дальнего Востока и Сибири китайцами» («тихая экспансия»), «демографическое давление на границы» и некоторые другие. Сам состав мифологем выступает как достаточно четкое видение ситуации.

Удаленность Дальнего Востока в XVIII — XIX веках имела абсолютный характер. Центр страны и центр мира (Европа) были бесконечно далеко. Только из них в регион крайне медленно притекали люди и инновации. Причем каждый раз притекали в «пустоту». Местное (стабильное) население было слишком незначительно по сравнению с людским потоком извне. Местные ресурсы не шли в сравнение с ресурсами централизованными. Сокращение «входящих» ресурсов в связи с временной утратой интереса к региону (истощение запасов пушного зверя, открытие более легкодоступных месторождений серебра и т.д.) вело к немедленной деградации большей части поселений, оттоку населения «на запад». Уже в конце XIX — начале XX столетия прозвенел «первый звонок», свидетельствующий о том, что удаленность региона перестает быть абсолютной. Появление европейцев в Китае и поражение России в Русско-японской войне говорило о том, что ближайшее окружение из «пустого» становится враждебным.

Соответственно, усиливается и образ *форпоста*, осажденной крепости, противостоящей враждебному окружению. Пространство региона превращается в крепость, а население — в ее гарнизон, необходимый, чтобы обеспечивать Дальневосточный военный округ. Природные богатства региона отходят на второй план, откладываются на будущее. На авансцену выходит ВПК в качестве основы экономики¹. Принятый в 30-е годы первый советский план освоения Дальневосточного края имел ярко выраженный военный характер. Да, здесь развивалось океаническое рыболовство, но гораздо активнее строились базы для военных кораблей и подводных лодок. Да, здесь формировался агропромышленный и природопользовательский комплекс, но куда более значимыми были заводы по производству танков («Дальдизель»), двигателей для подводных лодок («Дальэнерго-маш»), самолетов и т.д. Эта ситуация сохраняется до последних лет существования СССР. Конечно, и здесь были свои «приливы» и «отливы». Так, отмечается некоторый спад интереса к региону в послевоенное десятилетие. Однако в целом «приливная» тенденция сохранялась. Более того, строительство БАМа способствовало и возрождению образа «богатого региона», необходимости хозяйственного (не военного) освоения этих богатств². Иными словами, действительно актуальной весь период освоения региона оставалась *внутренняя* миграция, «входящие» демографические потоки из «западных регионов» страны. Внешняя миграция (китайская, прежде всего) осмыслялась как возможная угроза, которой необходимо противодействовать, но не как актуальная проблема, подлежащая регулированию.

В новом столетии Дальний Восток оказался «дальним» только для собственной столицы. Рядом появляются «глобальные города» (Токио, Осака, Шанхай, Гонконг³) с актив-

¹ Кузин А.В. Военное строительство на Дальнем Востоке СССР: 1922–1941 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Иркутск. 2004.

² По материалам исследования ФОМ «БАМ: вчера, сегодня, завтра», 2004. Опрос населения в 100 населенных пунктах 44 областей, краев и республик России. Интервью по месту жительства 24–25 июля 2004 г., 1500 респондентов. Дополнительный опрос населения Москвы — 600 респондентов, 100 из которых входят и в общероссийскую выборку.

³ Сергеев В.М., Казанцев А.А. Сетевая динамика глобализации и типология «глобальных ворот» // Полис. 2007. № 2.

ной экономикой, втягивающей в себя хозяйственные системы периферии. Здесь возникает концептуализация новых угроз, точнее, трансформируются старые. Неизбежная ориентация периферийного региона на города – «ворота в глобальный мир» – вступает в противоречие с идеей форпоста. Образ окружающей («враждебной») внешнеполитической среды трансформируется в идею «демографического давления» на границы. В среду, которая способна «поглотить» регион.

Этот образ начинает определять и «объективное», «научное» описание ситуации в регионе. «Если на всем российском Дальнем Востоке проживает 7,4 миллиона человек, то в северо-восточных провинциях КНР – 102,4 миллиона (200 миллионов по другим источникам – Л.Б.). При этом плотность населения в первом случае составляет всего 1,2 человека на 1 кв. км, во втором – 124,4 человека»¹. Более того, само население региона стремительно сокращается. «В последние десятилетия отмечается резкое снижение уровня жизни населения Дальнего Востока, утрачены сравнительные преимущества региона в области доходов граждан, ухудшилась социально-экономическая и экологическая ситуация. Уровень реальных доходов в этом сложном по климатическим условиям регионе сегодня ниже, чем среднероссийский. В результате численность населения, особенно сельского, сокращается быстрыми темпами»².

В самом деле, мы имеем стремительно сокращающееся население с одной стороны Амура и растущее население с массой свободных рабочих рук – с другой. Впрочем, попробуем приглядеться внимательнее и примем во внимание неравномерность распределения населения по территории административных единиц. Например, средняя плотность населения по Хабаровскому краю составляет 1,8 человек на кв. километр. Однако приграничные районы населены существенно плотнее (от 6 до 20 человек на квадратный километр, а в Хабаровске –

¹ Мотрич Е.Л. Население Дальнего Востока и стран СВА: современное состояние и перспективы развития // Перспективы Дальневосточного региона: население, миграция, рынки труда. М.: Гендальф, 1999.

² Портяков В.Я. Экономическая катастрофа грозит Дальнему Востоку // Демоскоп. 2004. 24 мая – 6 июня. С. 159 – 160 [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2004/0159/gazeta06.php>, свободный.

более 1,5 тысяч человек)¹. Еще более плотно населен Приморский край. Но миф диктует «потребность» в ином «знании». Для «остроты картины» число жителей региона произвольно доводится до 3–4 миллионов². Видимо, источником этого «знания» стало утверждение демографов, что если современные тенденции депопуляции сохранятся, то в 2050 году население Дальнего Востока составит около 4 миллионов человек. Более того, и оставшиеся «бегут».

В реальности все не так плохо, как хотелось бы. Те 1,5 миллиона человек, которых лишился Дальневосточный регион, в основном уехали в начале 90-х годов, в эпоху катастрофического распада империи. Позднее сокращение населения не прекращалось, но по численности до самого последнего времени не превосходило общероссийские показатели. При этом «естественная убыль», до того существенно не влияющая на картину, становится значимой. Конечно, эти цифры тоже не радуют, но и в область катастрофических значений не попадают. Во многих субъектах федерации сохранилась вполне благоприятная возрастная структура с преобладанием молодых людей.

Не все просто и с приграничным населением КНР. По не вполне понятным причинам численность населения Дальнего Востока сопоставляют с провинциями, граничащими с Забайкальем и Прибайкальем, при этом авторы забывают «плюсовать» население этих территорий. Да и Монголия, расположенная между КНР и РФ, как-то выпадает из их рассмотрения. При ограничении района, непосредственно граничащего с Россией, давление отнюдь не выглядит таким впечатляющим. 6 – миллионному населению приграничья с российской стороны «противостоит» 70–75 – миллионное китайское население. Получается «перепад» в 12 – 15 раз, что, конечно, много, но вполне сопоставимо с аналогичным перепадом между северными районами США и южными районами Канады. При этом никто не говорит об «американской опасности» по от-

¹ Алешко В.А. Социально-экономическое развитие Хабаровского района. Хабаровск. 2001. С. 16.

² Чернов М. Дальний Восток может стать китайским [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.rbcdaily.ru/archive/2003/11/28/48842>, свободный.

ношению к Канаде. Более того, не вполне понятно, почему, вообще, соотношение населения в приграничных районах осознается, как угроза?

Ответ кажется очевидным – «они уже здесь!» Сотни тысяч китайцев *уже* заселили Дальний Восток России. Цифры здесь фигурируют самые различные: от десятков тысяч (официальные данные миграционной службы – 34 тысячи граждан КНР, имеющих разрешение на длительное проживание в ДВФО) до миллионов «нелегальных мигрантов», взятых, в основном, из воспаленного воображения авторов. Отсутствие четкой методики контроля и сколько-нибудь достоверных сведений о длительности пребывания создают возможность для самых разнообразных спекуляций.

Действительно, жители сопредельных районов Китая активно участвуют в экономической жизни региона. Это отрицать трудно, да и бессмысленно. Гораздо труднее понять, почему это вызывает столь эмоциональную реакцию? Именно китайские рабочие обеспечивают потребности в трудовых ресурсах дальневосточного строительного комплекса, служб ЖКХ. Именно китайские коммерсанты организуют мелкооптовую торговлю товарами народного потребления, создают предприятия общепита, инвестируют средства в сельское хозяйство региона, индустрию досуга и гостеприимства. По экспертным оценкам, приводимым Г.Р. Осиповым¹ и Н.Н. Дидух², до 60 % работников дальневосточного строительного комплекса – граждане КНР, примерно такое же количество граждан КНР заняты в мелкооптовой торговле на территории ДВФО. Иными словами, именно китайцы создают то, что способствует декларируемой цели развития Дальнего Востока – социальную инфраструктуру, «повышают уровень жизни населения». В чем же опасность? Ведь все приведенные выше предельно эмоциональные описания Дальнего Востока вызваны именно гнетущим чувством угрозы чего-то, что радикально изменяет ситуацию в регионе, причем изменяет ее неправильно.

¹ Осипов Г.Р. Взаимодействие формальных и неформальных методов управления в строительной отрасли города Хабаровск: автореф. дис. . . . канд. социол. наук. Хабаровск. 2007.

² Дидух Н.Н. Трудовая миграция как фактор развития Дальневосточного региона (социологический анализ): автореф. дис. . . . канд. социол. наук, Хабаровск. 2009.

Часть ответственности за создание страшилок как «для центра», так и для «внутреннего потребления», лежит на самих жителях региона. Благодаря «страшилкам» внимание государства было привлечено к региону, не позволяя ему окончательно «выпасть» из политического пространства страны. Более того, социальные процессы, разворачивающиеся в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, региональные власти были вынуждены определять одновременно в нескольких системах концептов. Первый был связан с местными «фобиями» и массовыми социальными установками, второй – с «фобиями» западной части страны, воплощенными в федеральном законодательстве. Понятно, что эти «фобии» не вполне коррелировали с местными, но именно они позволяли не особенно щедро, но все же «выбивать» субсидии из федерального бюджета. Именно они заставляли принимать многочисленные и почти всегда не выполняющиеся Программы развития региона. Внутренние же страшилки способствовали мобилизации населения и формированию регионального самосознания, намного обогнавшего формирование самосознания общероссийского. Для Дальнего Востока долгие годы самосознание базировалось не только на концепте «гражданин России», «форпост России», но и «антикитаец».

Но если бы эти «страшилки» не находили отклика в сознании ключевых политических акторов, да и в массовом сознании, они навряд ли имели бы успех. Скажем, идея воссоздания ДВР, популярная в 90-е годы у части дальневосточной интеллигенции, благополучно канула в лету, не найдя отклика ни у дальневосточников, ни у «западников». Зато представления о суровом и «пустом», но богатом регионе, находящемся под угрозой захвата со стороны сильного соседа слились с образом Дальнего Востока, отторгая все, что не вписывается в него. Более того, этот образ достаточно плотно совместился с одним из «страхов» XIX столетия¹, что вместо превращения удаленных территорий во «внутреннюю Россию» произойдет обратное влияние местного населения на пришлых жителей удаленной метрополии.

¹ Ремнев А.В., Суворова Н.Г. Управляемая колонизация и стихийные миграционные процессы на азиатских окраинах Российской империи // Полития. 2010. № 3.

Здесь и определились две доминанты, детерминирующие региональный вариант миграционной политики. Первая – стремительное сокращение населения «богатого региона», отток, внутренняя миграция. Вторая – нарастающая угроза заселения опустевшего региона внешними мигрантами, падение форпоста. Соответственно, необходимо ужесточить контроль над мигрантами и сам режим пересечения государственной границы. Не менее важно удержать местное население от миграции, заселить регион новыми, но «своими» мигрантами. Обе эти доминанты и воплощались в миграционных Программах, принимавшихся в конце 90-х годов XX века и на рубеже веков. С помощью идеологем, совмещающих «страхи» запада и востока, региональным властям удавалось включить специфику региона в миграционную политику. Однако идеология миграционной политики в регионе, базирующаяся на иррациональных страхах и исторически заданных концептах «желтой угрозы» вошла в противоречие с повседневной социальной и хозяйственной деятельностью в регионе.

2.3. Восток России и «ворота в глобальный мир»

Проблема состояла в принципиальных изменениях, произошедших в окружении «форпоста», сказавшихся на самом его существовании и взаимодействии с центральной властью. Окружающее пространство объективно «втягивает» в себя удаленную окраину России. Регион оказался «дальним» только для столицы собственной страны. Проблема состояла не только в том, что коммуникация с сопредельными странами оказалась намного проще, чем с западными областями РФ.

Изменилась структура «внешнего» пространства. Наиболее адекватна для концептуализации ситуации модель А. и Д. Андерсонов¹ «ворота в глобальный мир», развитая группой под руководством В.М. Сергеева. Согласно положениям этой модели функционирования глобального пространства, этот уровень социальной организации качественно отличается от субглобального, государственного уровня. Если первый уро-

¹ Андерсон, А., Андерсон, Д. Ворота в глобальную экономику: пер. с англ. / под ред. В.М. Сергеева. М.: ФАЗИС, 2001.

вень, как показывают Э. Шилз и С.И. Каспэ¹, организован на институциональной основе, которая заменяет в условиях государства межличностное доверие, то для второго свойствен сетевой принцип организации, основанный на персональном доверии. Исследования коллектива под руководством А.Ю. Мельвиля² позволяют констатировать, что институциональная среда в пространстве международных контактов не сложилась. Их отсутствие компенсируется с помощью механизмов персонального (внеинституционального) доверия, усиливающегося в результате каждого удачного контакта. В результате таких контактов и формируются «глобальные» социальные сети. Однако глобальные сети не «размазаны» равномерно по планете. Глобализация в данном случае создает новые неравенства, которые оказываются жестче предшествующих.

Суть этого неравенства состоит в том, что среди глобальных сетей, формирующихся в связи с развитием интернета, транспортных коммуникаций и т.д., выделяются особые – элитные – сети, функционирующие на основе стабильного опыта межличностного общения, успешного опыта реализации совместно принятых решений. Это сети наиболее крупных финансистов, предпринимателей, ученых, политических деятелей и т.п. Они располагаются «поверх границ» и конденсируются во вполне конкретных точках мирового пространства: «глобальных воротах». По существу, «глобальные ворота» (ворота в глобальный мир) – это, прежде всего, точки пересечения транспортных путей. Такие точки впервые мы можем обнаружить уже на заре Нового времени в Генуе и Венеции, Антверпене и Лондоне. В силу особого развития коммуникации, зачастую связанного со случайным стечением обстоятельств, в этих центрах быстрее происходит оборот капитала. Соответственно, именно там располагаются крупнейшие финансовые операторы и торговые корпорации, логистические центры. Обилие финансов и кредитных структур объективным об-

¹ Шилз Э. Общество и общества: макросоциологический подход // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М., 2003. С. 348-359; Каспэ С.И. Содружество варварских королевств: независимые государства в поисках империи // Полития. 2008. № 1.

² Мельвиль А.Ю. и др. Политический атлас современности: опыт классификации стран // Политс. 2006. № 5.

разом способствует ускоренному развитию инфраструктуры гостеприимства, интеллектуальных центров, центров образования. Ведь именно там ученому, художнику, да и инженеру, проще получить заказ и воплотить свою идею. Не случайно первая Академия наук была создана Ф. Бэконом в Лондоне. Наличие развитой коммуникационной инфраструктуры приводит к тому, что связь между такими центрами становится проще, чем между любыми иными точками глобального пространства. С точки зрения временных затрат на преодоление пространства «ворота в глобальный мир» располагаются ближе всего друг к другу. Основные коммуникативные, ресурсные, финансовые и инновационные потоки функционируют между различными «воротами». «Ворота» как бы стягивают окружающее их пространство в себя. Именно там располагается «ядро» наиболее значимых социальных сетей. Главное же, акторы, находящиеся в глобальных воротах, чаще и активнее коммуницируют друг с другом, соответственно обретая опыт внеинституционального, личного доверия.

Таких «ворот», как показывает В.М. Сергеев¹, в мире насчитывается менее трех десятков. Ими обладают далеко не все страны. В России на этот статус может претендовать только Москва, обладатель и распределитель уникального сырьевого ресурса, совмещающий в себе функции властного центра, финансовой и образовательной площадки. Москва же выступает символическим центром территории, источником властного символизма, включающим в себя центры наиболее разветвленных и экономически сильных сетей, крупнейшие образовательные, научные центры и технические средства трансляции вырабатываемых «образцов» социального взаимодействия. Это подчеркивается и вполне очевидными статистическими данными. Столичный мегаполис, включающий в свое пространство около 10 % населения страны, обладает 29 % ресурсов индустрии гостеприимства (включая мини-гостиницы), 83 % головных учреждений всероссийских финансовых и промышленных структур. Здесь проживают около 39 % государственных и муниципальных служащих России, более 35 % студентов, около 40 % работников наиболее нау-

¹ Сергеев В.М., Казанцев А.А. Указ. соч.

кормких отраслей производства и т.д. Именно через Москву осуществляется контакт с максимальным числом глобальных городов мира. На Москву в 2008 году пришлось около 2/3 иностранных инвестиций и более половины товарооборота¹. Эти характеристики и делают ее глобальным городом.

Но остальная территория планеты, которой не посчастливилось стать «воротами в глобальный мир», не представляет собой гомогенного образования. Понятно, что именно в пространстве глобальных ворот порождаются инновации, формируется продукция с высокой интеллектуальной составляющей. Но «ворота» остро нуждаются в ресурсах, в том числе людских, которые и поставляет им периферия. Поставляет потому, что именно там сосредоточено больше всего покупателей, больше денег и, следовательно, выше цена. В зависимости от формы отношения прилегающей территории («хоры») и метрополии («ворот») можно выделить три вида периферии: *региональные ворота*, *ближняя* и *дальняя* периферия. Первые практически не отличаются от глобальных ворот по количественным показателям, но коммуницируют не со всеми центрами, а замкнуты на вполне определенный центр. Такими региональными воротами выступают Париж в Западной Европе (в отличие от агломерации Амстердам – Брюссель) или Санкт-Петербург в России. Ближняя «хора» в обмен на ресурсы получает инновации и финансовые вливания. Переполняясь, пространство «ворот» выплескивается на ближайшее окружение, вынося туда избыток финансов, технологически передовых производств, образовательных структур и т.д. Яркий пример – развитие социально-экономической инфраструктуры в «нулевые годы» в городах «золотого кольца» Москвы. «Дальняя периферия» практически ничего в обмен на поставляемые ресурсы не получает. Даже если эти ресурсы крайне ценны, блага «ворот» распространяются лишь на малую группу представителей дальней периферии, не затрагивая основного населения. Эта социально-экономическая разнородность территории планеты и проявилась в условиях восточной окраины РФ.

¹ По данным сервера Правительства Москвы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.mos.ru/wps/portal/WebContent?rubricId=1716>, свободный.

В результате бурных событий 90-х годов восточная часть страны оказалась «дальней хорой» по отношению к собственной столице. Протяженность территории страны и относительная слабость развития коммуникаций приводит к тому, что «хорой» московских ворот оказывается менее половины территории страны. Если «глобальность» Москвы до Волги видна просто при взгляде на карту дорожной сети, то уже в районе Урала это влияние перестает быть абсолютным. В районе Енисея сила символического воздействия, инновационный импульс «глобальных ворот» и их институциональной матрицы угасает. Еще более ослабевает возможность «ворот» включать и использовать ресурсы сибирской и дальневосточной «хоры», транслировать социальные символы и институциональные образцы. Огромный, составляющий едва ли не полстраны (в пространственном отношении) локал оказывается лишенным общей со всей страной символической системы, точнее, ее импульсы ощущаются не достаточно сильно для того, чтобы преодолеть сопротивление местных условий и иных институциональных образцов. Только в условиях их полного отсутствия властный импульс пробивается сквозь пласт «местных особенностей».

Между тем в географической близости от «покинутых» регионов находятся другие глобальные ворота (Шанхай, Гонконг, Токио – Осака и др.). Импульсы от них ощущаются в регионе гораздо сильнее, особенно импульсы, идущие от ближайших «китайских» ворот: от кулинарных предпочтений до выбора форм экономической активности. А. Милехин достаточно подробно показывает, как российский Восток может быть «втянут» и втягивается в экономику стремительно глобализирующегося Китая¹. Это, конечно, не военная экспансия и даже не «мирный» захват. Это естественный и закономерный процесс. Чтобы получить доступ к интеллектуальным и технологическим ресурсам постиндустриального уровня, население региона вынуждено взаимодействовать с «воротами», принимая их правила игры, их институциональные нормы. Ориентация на «ворота» АТР и трансформировала «классический» сценарий на дальней окраине.

¹ Милехин А. Россия и Китай в меняющемся мире // Россия в АТР. 2006. № 2. С. 18-23.

Традиционно и вполне логично «абсолютно удаленный» Дальний Восток в периоды деградации стремительно архаизировался. Показательна распространенная легенда о том, что в годы Первой мировой войны колеса в Приамурье смазывали сливочным маслом. Поскольку инновации шли только с «запада», а «запад» был временно заблокирован, регион переходил на «натуральное хозяйство» с установкой на автаркию, выживал. Выживать он начинает и в 90-е годы. Но падение «железного занавеса» поставило Дальний Восток России лицом к лицу с наиболее интенсивно развивающимися экономиками мира. Азиатские «ворота в глобальный мир» оказывались гораздо ближе и доступнее, чем собственные, «национальные ворота»¹. Их агрессивная экономика остро нуждалась в природных ресурсах региона и готова была за них платить. Существенно, что эти «ворота» гипотетически могли выплеснуть на ближнюю периферию капитал и иные ресурсы, столь необходимые в условиях «отрыва».

Период «челночной» торговли, всколыхнувший население региона, приватизация дальневосточной части «советского трофея» создали необходимые для включения в международную торговлю накопления. Однако в отличие от «большого трофея», который делился в европейской части страны, восточный «трофей» был гораздо специфичнее. Он состоял в основном из предприятий ВПК, чей «политический продукт» был не особенно рентабелен, а торговля им слишком сильно шла вразрез с интересами государства. Не случайно наиболее современные предприятия региона пребывают сегодня в жалком состоянии в ожидании федеральных вливаний. Ценнее оказались «побочные» виды деятельности. Вылов ценных пород рыб и иных морепродуктов (рыболовецкие флотилии), добыча полезных ископаемых, лесные деляны и т.д. За них и шла борьба в первой половине 90-х годов. Конечно, рыба вполне могла быть потреблена в пределах региона, а из леса можно было бы настроить избы. Но торговля давала качественно больший ресурс и для региона, и доход для торгующих. В кратчайшие сроки доходные виды внешнеэкономической деятельности становились массовыми, обрастали подсобными и

¹ Сергеев В.М., Казанцев А.А. Указ. соч.

смежными производствами, втягивая в новую экономическую деятельность большую часть населения. Спортивные ассоциации и комсомольские органы, рабочие бригады, землячества и кафедры в 90-е годы почти мгновенно развернулись в бизнес-сети, чему способствовала развитая сетевая структура социальной ткани региона и ослабленная структура институтов.

Через приграничную торговлю регион постепенно втягивался в глобальный товарооборот. Навстречу лесу, рыбе и полезным ископаемым шли товары народного потребления, вычислительная техника, автомобили, валюта (судя по косвенным данным, баланс теневой торговли был активным) и многое другое. Конечно, регион интегрировался в АТР не совсем так, как мечтали идеологам Дальнего Востока, не в статусе постиндустриального центра, но в качестве поставщика ресурсов, то есть в качестве «хоры», а не метрополии. Однако в отличие от условий взаимодействия с «национальными воротами» регион оказывался «ближней», а не «дальней» хорой.

Такое положение делало традиционные виды деятельности вполне доходными и экономически эффективными, особенно если учесть, что основной оборот товаров и финансов протекал вне государственного фискального контроля¹ и, следовательно, имел все преимущества «льготного налогообложения». Показательно, что совокупный ВРП Дальнего Востока во второй половине 1990-х годов был почти на 40 % меньше стоимости потребленных населением услуг. Примерно так же соотносятся номинальная заработная плата и «заявленный доход»². Понятно, что просчитать точный объем «теневого оборота» товаров и услуг в регионе и при трансграничном взаимодействии чрезвычайно сложно, но даже приведенные данные говорят о его масштабах. Вполне понятно, что такое активное взаимодействие не могло не сказаться на восприятии ближайших соседей и на самом образе региона, как форпоста, крепости во вражеском окружении. Требовались изменения отношений

¹ Изменение поведения экономически активного населения в условиях кризиса (на примере мелких предпринимателей и самозанятых)/ под ред. Л.Е. Бляхера. М.: МОНФ, 2000.

² Заусаев В.К. Указ. соч.

как к «возможному противнику»¹, так и «китайским мигрантам».

Традиционная для региона роль «форпоста», крепости, прикрывающей восточные рубежи, снижается. Соответственно выпадает из актуального оборота и мигрантофобия. Точнее, она остается в сигналах, транслируемых в центр, поскольку их ждут, но не в поведенческих практиках населения. «Внутри» же региона мигрантофобия существует латентно, актуализируясь в двух случаях. В ситуации выборов, как способ мобилизации населения и привлечения электората, и в условиях возрастания миграционного оттока, как способ оправдания себя уезжающими или готовыми уехать. В то же время здесь формируются более или менее разветвленные структуры, в большинстве своем частные, но не исключительно, которые сглаживают несоответствие миграционной политики и потребности в контакте с сопредельными странами. Их усилиями организуются «таможенные коридоры», упрощающие процесс пересечения границы. Создаются «гостиничные участки» в общежитиях, где проживают гости из дальнего зарубежья, оказываются разнообразные услуги в сфере коммерции². В течение 90-х и начала «нулевых» годов именно эта — нефор-

¹ Материалом, позволяющим продемонстрировать эти изменения, выступает коллекция биографических интервью с предпринимателями Дальнего Востока, собранная автором в 1997 – 2008 гг. (47 неформализованных интервью). Интервью собирались в несколько этапов. В 1997 г. было проведено 5 неформализованных (биографических) интервью в Хабаровске при поддержке фонда «Институт «Открытое общество». Основная проблема – новые практики, возникающие в этот период и новые формы установления контактов. В 1999 – 2000 гг. было собрано 20 бизнес-биографий жителей городов Хабаровска, Комсомольска-на-Амуре и Владивостока в ходе работы над темой: «Изменение поведения экономически активного населения в условиях кризиса». Этот проект реализовывался при поддержке фонда Форда и «Института «Открытое общество». Основная проблема, которую мы стремились рассмотреть в этот период – неформальные отношения в сфере бизнеса. Следующая серия биографических интервью была собрана в 2003 г. при поддержке РФФИ (10 интервью) и касалась в первую очередь трансграничных взаимодействий и их принципов. Последняя по времени серия (2008 г.) состояла из 12 интервью с жителями Хабаровска и Биробиджана, касающаяся административных барьеров в бизнесе, осуществлялась при поддержке правительства Хабаровского края.

² Бляхер Л.Е. Диалог через границу: региональные варианты кросскультурного экономического взаимодействия // Вестн. Евразии. 2003. № 4.

мальная, а порой и нелегальная структура — была формой осуществления миграционной политики на территории. Важно отметить, что достаточно часто ее проводниками были вполне легальные должностные лица, «приватизировавшие» те или иные государственные полномочия. В отличие от федеральной миграционной политики, «неформальная политика» осуществлялась достаточно дифференцированно, как дифференцированы были и сами граждане сопредельных государств.

Если для первой половины 90-х годов граждане КНР — это, главным образом, розничные и мелкооптовые торговцы, то уже к концу 90-х ситуация усложняется. По отношению к мелким коммерсантам из Поднебесной осуществлялась достаточно сложная политика региональной власти. Политически их наличие признавалось негативным фактором. Соответственно, на них обрушивались многочисленные проверки «паспортного режима», других контролирующих органов. Именно на них указывалось в период, когда на фоне эскалации антикитайских настроений региональным властям было необходимо заработать «политические очки» перед электоратом или федеральным центром. С другой стороны, их наличие было жизненной необходимостью. Ведь именно они заполняли товарами прилавки магазинов и рынков, удовлетворяли потребности населения и в продуктах, и в товарах народного потребления. В силу этого, сам репрессивный по отношению к мигрантам режим оказывается селективным. Его можно «обойти». Более того, в рамках структур, ответственных за поддержание репрессивного режима, формируются механизмы, способствующие небезвозмезному облегчению проблем. Так, при паспортно-визовых столах в Хабаровске образовывались «фирмы», в которые рекомендовали обращаться иностранным гражданам для решения проблемы легализации их пребывания в России¹. Сходным образом «решались проблемы» и с иными контролерами. Создавались квази-легальные институты, позволяющие эффективно функционировать приграничной торговле и одновременно составляющие «административную ренту» представителей соответствующих служб.

¹ Изменение поведения экономически активного населения в условиях кризиса ...

После кризиса 98-го года, столь благотворного для отечественной экономики, массовой становится новая категория мигрантов – иностранные рабочие. Собственно, иностранные рабочие (прежде всего, корейцы) присутствовали в регионе большую часть послевоенного периода. Однако их ниши (лесозаготовки и сельскохозяйственные работы) не предполагали ежедневного контакта с аборигенным населением. Их, конечно, стремились включить в общую «идеологическую канву», проводили вечера советско-корейской дружбы и т.д. Но сам процесс этот был не особенно активен и населения не затрагивал.

Теперь китайские рабочие становятся элементом повседневности. На новых «гостей» распространяются практики, сложившиеся по отношению к «торговцам». Миграционная политика, выступая номинально репрессивной, оказывается на деле достаточно либеральной. Более того, именно такие «не вполне легальные» работники являются наиболее выгодными для работодателя. Принятый на рубеже веков Трудовой кодекс (№ 197-ФЗ)¹ был откровенно дискриминирующим по отношению к работодателю. Государство практически лишило его свободы маневра в уровне и формах оплаты, возлагало серьезный объем социальных гарантий перед работником. Иностранные же рабочие, существующие в условиях «устного найма», даже если они получали не меньше граждан РФ, оказывались для предприятия намного «дешевле» за счет отсутствия всевозможных «начислений на фонд заработной платы» и «отчислений в социальные фонды». Мигранты заполняли те «ниши» на рынке труда, которые не вызывали восторга у отечественных работников. Порою, конкуренция возникала (сельскохозяйственные предприятия ЕАО, ремонт и отделка квартир в Хабаровске и Владивостоке и т.д.) с наименее квалифицированным сегментом рынка труда, но здесь иностранные рабочие оказывались более квалифицированными и неприхотливыми. Да и местные кадры отнюдь не бились за рабочие места, сравнимые по уровню оплаты с пособием по безработице. В условиях огромного дефицита трудовых ресурсов со-

¹ Трудовой кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/popular/tkrf/>, свободный.

хранение статуса безработного достаточно часто оказывалось сознательным выбором.

В начале текущего столетия к уже существующим потокам добавилась новый отряд — предприниматели, финансисты, ученые из сопредельных стран. Это было качественно новое явление, причем тщательно опекаемое местными партнерами. Ведь иностранные бизнесмены не только обеспечивали рынки сбыта или поставку товаров, но и позволяли брать кредиты в китайских банках под принципиально иные проценты, инвестировали в совместное производство. Китайские ученые и педагоги из робких учеников в начале 90-х годов все чаще оказывались в функции старших партнеров, гораздо более интегрированных в международные исследовательские сети. Наличие таких контактов все более осмыслялось, как ресурс, который необходимо оберегать. Соответствующие сигналы трансформировали политику региональных властей и муниципалитетов. На региональном и муниципальном уровне заключаются долгосрочные договоры о сотрудничестве, реализуются многочисленные совместные инициативы.

В центр же, по-прежнему, транслировался образ «пустого пространства», которому угрожает «чуждое» заполнение. Тем удивительнее для центра оказался провал Программы переселения соотечественников. В пустом регионе были готовы принять менее тысячи человек. Причина понятна: это очень дорогие работники, а рынок труда уже заполнен и устоялся. Они просто не нужны. К тому же, взяв на себя не самые обременительные вопросы правового и финансового обеспечения собственно процесса переселения, федеральный центр делегировал ключевые вопросы адаптации переселенцев на муниципальный уровень, у которого для этого нет ни средств, ни полномочий¹.

Столь же холодно местное сообщество отнеслось к либерализации миграционного законодательства, начавшегося с 2006 года. Ведь формы, механизмы и инструменты миграционной политики в регионе уже были отработаны и функционировали. Изменение рамочных правил игры, задаваемых

¹ См. главу 7.

федеральным законодательством, вело к сбою в работе многочисленных и взаимосогласованных структур.

Китайцы все более осознаются, как «возможность», «ресурс», который находится под угрозой, который могут «отнять». Причем «отнимает» его именно центр, реализующий масштабную программу по развитию региона, которая на практике превращается в программу по освоению ресурсов региона внешними акторами, т.е. к возвращению к положению «дальней хоры». Коммуникация и циркуляция финансовых потоков все более ориентируется на контакт между китайскими и российскими «воротами в глобальный мир», минуя регион. Но если в предшествующий период региональные власти обладали механизмами смягчения недоразумений федерального законодательства, то сегодня уровень их воздействия на жизнь региона существенно снизился. Власть губернатора, который по типу легитимности в 90-е годы был равен президенту страны, сегодня все более ограничивается распределением бюджетных средств. В результате «борьба за китайцев» все более переносится в область неформальных практик, обесмысливая официальную региональную миграционную политику.

2.4. Парадоксы миграционной политики в Иркутской области

Если для Хабаровского края внешняя миграция составляла основную проблему, нивелируя значение внутренней, то в Иркутской области значение последней было существенно выше, а переселенцы с юга и севера не менее значимы, чем мигранты с востока. Миграционная политика, реализуемая здесь, в целом соответствовала тому, что было описано выше. Однако, поскольку «страхи», да и объективные условия были несколько иными, возникали и местные вариации. Если основное противоречие в реализации миграционной политики на Дальнем Востоке лежало между федеральной и региональной властью, то в Иркутской области не менее значимо было противоречие между государственным и муниципальным уровнем.

Здесь большое значение имела внутрирегиональная миграция из сельской местности и малых городов в крупные города,

прежде всего в Иркутскую городскую агломерацию. В то же время правовая основа для регулирования этого потока отсутствовала. Интересы государственной власти, заинтересованной в притоке трудовых ресурсов извне, вступали в противоречие с интересами муниципалитетов, вынужденных принимать на себя дополнительную нагрузку по организации жизнеобеспечения новых жителей. Ведь эти «мигранты» были гражданами России. Соответственно, автоматически получали (по крайней мере, номинально) весь социальный пакет. Для них отсутствовала и система федеральной поддержки, ориентированная на «соотечественников». Федеральная миграционная политика ориентировалась на внешние миграционные потоки. Как следствие, на это же ориентируются региональные власти в рамках своей компетенции. В частности, подавляющая часть соответствующих нормативных документов Иркутской области и ее муниципалитетов связана с миграциями внешними.

Единственным исключением стала областная целевая программа по регулированию миграции из северных районов Иркутской области¹. Ее принятие было связано с тем, что экономический коллапс и закрытие целого ряда районообразующих предприятий в северных территориях области в конце 1980 – первой половине 1990-х гг. привели к резкому росту потенциала миграционного выбытия из этих территорий. Муниципальные образования оказались вынуждены в административном порядке закрывать отдельные населенные пункты. Сложившаяся ситуация была оценена администрацией области как «социально-демографическая напряженность», которую необходимо было снять, чтобы избежать социального взрыва. Хотя задачи сохранения демографического потенциала, народосбережения властью не ставились, объективно данная программа должна была способствовать решению этих задач.

Первые шаги начали предприниматься администрацией области еще в середине 1990-х гг., однако комплексная программа была сформирована лишь в 1999 г. Предполагалось, что ее реализация позволит предоставить государственную

¹ Постановление Законодательного собрания Иркутской области от 24 ноября 1999 г. N 34/22-ЗС «Об областной целевой программе «Регулирование миграции экономически избыточной части населения севера Иркутской области на 1999-2005 годы».

поддержку в строительстве и приобретении жилья 6,3 тыс. семей. Однако сейчас можно констатировать провал программы и незаинтересованность власти в ее реанимации. По состоянию на июль 2008 г. в очереди на переселение состояло более 13 тыс. жителей севера области¹. Недостаточное финансирование (прежде всего, из федерального бюджета) делает шансы получения предусмотренных компенсаций и субсидий совершенно призрачными. При сохранении норм финансирования из федерального бюджета последний из очередников сможет получить субсидию через 280 лет². Выехавшие из северных районов неоднократно принимали участие в акциях протеста, однако существенных результатов не добились.

Иных попыток воздействовать на миграционные процессы в пределах региона властью более не предпринималось. Ситуация отпущена на самотек и, похоже, не осознается властью как *проблема*. Ни в одном из документов в отношении перспектив и стратегии социально-экономического развития Иркутской области внутрирегиональная миграция даже не упоминается. Процессы перемещения населения в пределах региона и внешние для области миграции властью искусственно (хотя, видимо, неосознанно) разводятся. При этом внутрирегиональная миграция воспринимается как процесс, не имеющий сколько-нибудь заметного влияния на ситуацию в области, а все внимание сосредотачивается на миграции внешней.

Таким образом, учет специфики регионов, со значительной долей внутренней миграции, их объективных потребностей в стимулировании или ограничении миграционных потоков через нормативно-правовые инструменты крайне затруднен, а иногда, фактически, невозможен. Возникает ряд драматичных противоречий между интересами федеральной и региональной властей, характером и методами регулирования миграционных процессов и интересами регионального бизнеса, между задачами региональной власти, федеральных ведомств

¹ Замечательный дом в 3 минутах от города [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://babr.ru/?pt=news&event=v1&IDE=46187>, свободный.

² Бывшие «северяне» устроили пикет у здания администрации Иркутской области [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.irk.ru/news/20060315/piket.html?news=1>, свободный (15 марта 2006).

и органов местного самоуправления. В отсутствие легитимного выхода из этих противоречий миграционная политика на уровне регионов формируется как система формальных (правоприменительных) и, главным образом, неформальных практик региональной власти, ведомств (в том числе судов, сталкивающихся с серьезными пробелами в миграционном и административном законодательстве, отсутствием значимых прецедентов), муниципалитетов, бизнес-структур.

Анализ региональных комплексов практик субъектов регулирования миграции позволяет выявить чрезвычайно болезненную проблему. Суть ее заключается в несовпадении интересов основных акторов миграционной политики. Декларируемая на федеральном уровне заинтересованность страны в притоке иностранных мигрантов (как временных трудовых, так и постоянных, ориентированных на оседании в России) зачастую не находит заинтересованной поддержки в бизнесе. Бизнес-структуры ориентированы на использование труда временных трудовых мигрантов. Такая рабочая сила является для них значительно более эффективным вложением средств. Привлечение постоянных мигрантов является с точки зрения экономики дорогостоящим долгосрочным вложением, не сулящим прибыли в обозримой перспективе. Вероятно, именно поэтому бизнес-сообщество пассивно реагирует на призывы федеральной и региональной властей к участию в Программе.

Новые ориентиры федеральной миграционной политики в части стимулирования иммиграционного притока в страну (прежде всего, через программу переселения соотечественников) наталкиваются на пассивность региональной власти. Геополитические и макроэкономические цели федеральной власти для региона остаются абстракцией. Есть, правда, интерес в получении федеральных ресурсов¹. И в этом контексте неуспех политики привлечения иммигрантов, объясненный

¹ Подобные интересы региональной власти так прокомментированы главой думского комитета по делам СНГ и связям с соотечественниками Алексеем Островским: «...некоторые губернаторы с расчетом на получение значительных средств отправили в правительство заявку на участие в программе. А на самом деле рассчитывают, что переселенцы сами позаботятся о жилье и работе» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2009/0373/gazeta024.php>, свободный.

«недостаточным федеральным финансированием», иногда даже выгоден региональным властям.

Все это делает справедливой постановку вопросов: в чьих интересах формируется и реализуется миграционная политика России? Кто является бенефициарием этой деятельности? Существует ли хоть один актер, реально заинтересованный в изменении миграционной политики страны? Являются ли мигранты бенефициариями в миграционной политике страны? Четкого ответа на сегодняшний день нет.

Это влечет за собой целый ряд глубоких последствий. Непроработанность федерального миграционного законодательства, невозможность его диверсифицированного применения с учетом региональной специфики фактически вытесняет практическую деятельность на региональном уровне в сферу разнообразных неформальных практик. Часть этих проблем типична и имеет общий характер для большинства российских регионов. Однако большая их часть специфична для отдельных регионов, что обуславливает формирование специфичных же комплексов региональных практик. В силу природы миграционных процессов, они не ограничиваются практиками правоприменительными, а охватывают более широкую сферу жизнедеятельности региональных сообществ. Это и управленческие, административные решения на муниципальном уровне (регулирование предпринимательской деятельности иностранных мигрантов, прежде всего в сфере розничной торговли), экономические практики (наиболее очевидными из них являются практики распределения квот на привлечение иностранных рабочих), практики политические – использование миграционной проблематики в предвыборной борьбе, властная риторика в региональных СМИ.

Это позволяет говорить о том, что миграционная политика на региональном уровне реализуется через комплексы практик, формирующихся с учетом специфики региона. Так происходит диверсификация, приспособление унифицированной федеральной миграционной политики к потребностям региона. Жесткая рамка федерального законодательства, не позволяющая легализовать значительную часть этих практик, включив их в систему правовых инструментов, определяет их

функционирование в неформальном режиме. Это ведет к тому, что практическая деятельность региональной власти не только не ликвидирует лакуны миграционного законодательства, но и способствует их сохранению и поиску новых пробелов в нем.

Сложившиеся механизмы реализации миграционной политики в регионах, разрыв компетенций и интересов ключевых участников регулирования миграционных процессов в сочетании с серьезными пробелами в законодательстве ведут к проявлению все новых и новых «пустот» в миграционной сфере. И эти «пустоты» немедленно заполняются посредническими структурами, выполняющими не всегда легальные, но жизненно необходимые функции стыковки интересов участников миграционных процессов. Пожалуй, именно практики регулирования миграции и практики посреднических услуг в 2000-е годы в Иркутской области, как и в Хабаровском крае, стали главными характерными чертами миграционной ситуации и миграционной политики на региональном уровне.

Определение региональной миграционной политики как комплекса практик закономерно ставит и вопрос о ее субъекте (или субъектах). Действительно, анализ практик как инструмента реализации миграционной политики региона требует и понимания того, кто им пользуется, вырабатывает эти инструменты, иными словами – вопрос об акторах этой политики.

Очевидно, что ключевым актором являются органы государственной власти субъектов РФ. Однако широкий спектр практик предполагает и широкий круг акторов, прежде всего, в ключевом для регионов процессе взаимодействия мигрантов и принимающего общества. Помимо властных структур, в этот круг входит бизнес-сообщество, органы местного самоуправления, локальные (территориальные) сообщества, средства массовой информации, для которых миграционная тематика является товаром и т.д. Характер их взаимоотношений крайне непростой, что определяется разностью их интересов, целей, методов, отношения к сформировавшимся «правилам игры» на миграционном поле.

Реализация интересов этих акторов, в свою очередь, вовлекает в рассматриваемый процесс новых, «неочевидных» участников. Например, школу и шире – всю систему образования,

включающую как собственно учебные заведения (учителя, ученики-мигранты, или дети мигрантов, их родители и родители местных учеников), так и организационно-управленческие структуры, чиновников, систему учебных программ и стандартов; систему социального обслуживания и обеспечения; учреждения здравоохранения и др. У них появляются собственные интересы, диктуемые не столько интересами региона в целом, сколько узковедомственными целями и задачами, отношениями с вышестоящими органами, и ограничения (например, система ведомственных нормативных документов, стандартов, регламентов) в сфере регулирования миграции.

Такой подход позволяет отойти от сложившегося представления о региональной миграционной политике как реализации установок федеральной власти, связанной преимущественно с адаптацией мигрантов. Признание разности интересов и методов множества акторов этого процесса дает возможность рассматривать взаимную адаптацию мигрантов и принимающего общества не как двусторонний процесс, предполагающий некую консолидированную позицию мигрантов, с одной стороны, и принимающего общества — с другой, но как *сложную многоуровневую полисубъектную систему*. Систему, в которой те или иные акторы, теоретически вписанные в силу «происхождения» в одну из «сторон» процесса, нередко выступают с интересами противоположной «стороны» либо выполняют функции посредников между прочими участниками.

Это позволяет поставить вопрос о возможности рассмотрения региона как единого субъекта миграционной политики. И дело уже не в возможностях и ограничениях для формирования и реализации регионами собственной миграционной политики. Насколько регион (субъект Федерации) можно рассматривать в качестве единого актора в этом процессе? Можно ли говорить о консолидированном региональном интересе или будет вернее рассматривать групповые интересы региональных акторов, сложно соотносящихся между собой, не всегда совпадающих, а порою и противоречащих интересам как общегосударственным, так и региональным, понимаемым как «государственный» интерес развития региона? Более того, складывающиеся «миграционные» практики бизнес-структур,

которые становятся все более и более значимым актором региональной политики в сфере миграции, позволяют выдвинуть гипотезу о межрегиональном характере интересов этого субъекта миграционной политики, не совпадающих с интересами как федеральной власти, так и регионов.

Мигрантское сообщество тоже неоднородно и включает различные группы, имеющие не только разные интересы, но и различные стратегии вхождения в принимающее сообщество, использующие различные практики и взаимодействующие с различными акторами региональной миграционной политики. Иными словами, за двумя полюсами двунаправленного процесса взаимодействия мигрантов и принимающего общества стоит как минимум несколько групп субъектов, взаимодействующих в разных плоскостях и использующих самые разнообразные инструменты в рамках «правил игры», заданных федеральным законодательством в сфере миграции и, шире, полномочий регионов в целом.

Однако определение таким образом системы взаимной адаптации мигрантов и принимающего общества (как системы акторов) будет неполным без понимания того пространства, среды, в котором это взаимодействие происходит. И здесь важно то, что данная система функционирует в логике не только внешних, но внутренних для региона миграций. На первый взгляд, последние лежат в иной логике — в логике перемещения, перераспределения населения в одной территории, что не меняет базовых характеристик принимающего общества, значимых для взаимодействия с иноэтничными, инокультурными мигрантами, прибывающими из-за пределов региона и страны. Однако сопоставление тенденций пространственного распределения мигрантов внутренних и внешних в рамках одного региона заставляет усомниться в обоснованности такого разграничения.

Важнейшей территорией, сохранившей функцию притяжения для жителей области, является Иркутская агломерация. В последние годы ее значение как точки «собираения» населения области, важнейшего центра притяжения для жителей региона, заметно выросло. Агломерация имеет положительный миграционный баланс более чем с 80 % муниципальных образо-

ваний области, при этом объем этих миграций несопоставимо выше, чем иных внутриобластных потоков. Наряду с Иркутской агломерацией выделяются несколько локальных центров притяжения мигрантов: города Братск, Саянск и в меньшей степени – Усть-Илимск. Таким образом, во внутрорегиональной миграции четко выделяются несколько устойчивых векторов движения населения, сформированные точками притяжения для населения области. Прежде всего, это ареал Иркутской агломерации и несколько средних городов, обладающих не только экономическим потенциалом, достаточно широким рынком труда, но и предоставляющих относительно высокое качество среды обитания.

Анализ пространственного распределения зарубежных временных трудовых мигрантов позволяет определенно говорить о их явной локализации. Важнейшим центром притяжения для них служат города и районы Иркутской агломерации. Именно здесь сосредоточена основная часть строительного сектора экономики, формирующего основной спрос на привлечение рабочих из-за рубежа. Здесь же наиболее высока потребность в дешевой рабочей силе для предприятий сферы обслуживания (в том числе и в сфере коммунального хозяйства). Наконец, именно здесь наиболее широки возможности для предпринимательской легальной, «серой» и совсем нелегальной деятельности. В прилегающих сельских районах (прежде всего, Иркутском районе области) сформировались крупные тепличные хозяйства, в которых работают преимущественно мигранты из КНР. Успешность этого бизнеса (она формируется и дешевизной труда, и возможностью продажи продукции под брендом «местного товара») обуславливает стабильный спрос на рабочие руки из Китая, а сформировавшиеся за последние годы миграционные сети и механизмы адаптации мигрантов позволяют предположить стабильность этой территории как точки притяжения таких мигрантов.

В значительно меньших масштабах, но тем не менее центрами привлечения иностранных мигрантов являются города Братск, Усть-Илимск, Бодайбо. Здесь, однако, спрос на иностранных рабочих более узкий как в масштабах, так и по специализации. В этих центрах строительный бизнес в несколько

раз меньше по масштабу (а в Бодайбо его фактически нет), и неквалифицированные рабочие востребованы мало.

Таким образом, центры притяжения внутриобластной миграции и миграции внешней практически полностью совпадают. Это может быть объяснено рядом экономических, социальных, психологических и других факторов. Однако важнее другое. Выделенные центры (прежде всего – Иркутская агломерация), их население становятся принимающим обществом не только для внешних (иноэтничных), но и внутренних (прибывающих из городов и сел области) мигрантов. При этом, в силу качественно более высокого образовательного и культурного уровня жителей Иркутска, внутренние мигранты тоже оказываются, в известной степени, в инокультурной среде. Их образ жизни, ценностные ориентиры и трудовые привычки достаточно существенно отличаются от тех, которые приняты в «университетском» Иркутске. В силу этого такие «внутренние переселенцы», несмотря на наличие гражданства, достаточно часто вытесняются на «нижние этажи» рынка труда, сталкиваясь там с внешними мигрантами.

Такое сочетание позволяет предположить возможность заметного усложнения (именно усложнения, а не затруднения) адаптационных процессов. Их становится больше (адаптация вчерашних сельчан к крупному городу и городского населения к ним, взаимная адаптация коренных горожан и иностранных мигрантов, малоизученный процесс взаимодействия иностранных мигрантов и маргинализованных вчерашних сельчан, адаптирующихся в крупном городе), они могут накладываться друг на друга, дополнять или противоречить друг другу и тем самым повышать адаптационный потенциал принимающего общества, но могут и снижать его.

Вместо заключения

Ко второй половине 2000-х в миграционной сфере позиция федерального центра определилась окончательно: миграционная политика выстраивается исходя исключительно из «государственных» интересов. Те же немногочисленные попытки (или их декларации) в той или иной степени учесть специфику

регионов в миграционной политике, которые изредка принимаются, строятся на двух ошибочных посылках.

Первая заключается в том, что интересы регионов определяются исходя из общегосударственных задач. Наиболее яркий пример – выбор регионов вселения для участников репатриационной программы. Например, продиктованное стратегическими интересами государства (укрепление стратегических рубежей на востоке страны через ре-заселение приграничья) включение в репатриационную программу Амурской области совершенно не учитывало реальную ситуацию здесь и объективные потребности региона в миграции временной трудовой. Трехлетний опыт реализации Программы убедительно показал, что ни один из региональных акторов не заинтересован в притоке репатриантов-соотечественников, и программа осталась «не прихотью областного правительства», но требованием федерального центра¹. Очевиден вывод о том, что если в регионе нет субъекта, серьезно заинтересованного в следовании федеральному курсу миграционной политики, шансы на успех исчезающе малы.

Вторая посылка заключается в том, что регионы рассматриваются как некая консолидированная, а потому – совершенно абстрактная общность, а их интересы предстают в качестве средней температуры по палате. Попытка учесть позиции и интересы хотя бы ключевых акторов региональной миграционной политики чрезвычайно сложна в силу широты спектра таких акторов и высокой вариативности их интересов.

Разность интересов акторов миграционной политики в значительной мере отражает несовпадение стратегических целей, обозначенных в федеральной миграционной политике, и тактических задач, которыми живут регионы. Это порождает замкнутый круг: регионы, не видя своих интересов в федеральной миграционной политике, реализуют комплекс мероприятий, которые лишь по форме и декларируемому целеполаганию соотносятся с федеральными документами. Но используемые управленческие инструменты, практики работы с миграцией и мигрантами далеко не всегда способствуют реа-

¹ Трансграничные мигранты и принимающее общество: механизмы и практики взаимной адаптации. Екатеринбург, 2009. С. 95-101.

лизации федеральных установок, а иногда и прямо противоречат им. Вполне очевидно, что подобное противоречие обрекает федеральные документы оставаться дорогостоящей декларацией. В условиях же «вертикали власти» это, в свою очередь, стимулирует «закручивание гаек» и дальнейший отказ от учета потребностей регионов.

Но противоречия интересов не ограничиваются федеральным и региональным уровнем. Свои противоречия в миграционной сфере складываются даже между двумя уровнями местного самоуправления. Хорошим примером является ситуация в муниципальном районе, примыкающем к Иркутску. Массовый приток мигрантов полярно оценивается местными и районной администрациями. Если для первых приток мигрантов из города – безусловное благо (рост налогооблагаемой базы недвижимости, развитие мелкого бизнеса в сфере обслуживания, общее оживление жизни в селах), то для районной «власти» – настолько же безусловная обуза. Причина – прежде всего финансовая: налог на недвижимость (на который можно рассчитывать в связи с переездом в село горожан) согласно Налоговому кодексу поступает в бюджет поселений, тогда как «район» может рассчитывать только на налог на доходы физических лиц. Но поскольку большинство мигрантов сохраняют работу в городе, то дополнительных доходов от мигрантов районные власти не видят. Вместе с тем, рост населения в районе означает безусловное возрастание нагрузки на социальную сферу, входящую в зону ответственности районной администрации, и рост бюджетных расходов. Как следствие, администрацией района приток мигрантов из областного центра расценивается едва ли не как стихийное бедствие, справиться с которым невозможно.

Менее острое, но не менее существенное различие в позициях региональной власти, районной и местных администраций присутствует в отношении иностранных трудовых мигрантов. Если позиция областного правительства волей-неволей совпадает с базовыми посылками федеральной миграционной политики (иностранная трудовая миграция возможна только в пределах выделенных квот), то на нижнем уровне местного самоуправления «гастарбайтеры» осознаются как один их важ-

нейших факторов в жизни локальных сообществ. Их включенность в формальную и неформальную экономику такова, что они объективно являются и субъективно осознаются представителями местных администраций как существенный фактор повседневной экономической жизни. Позиция же районных властей далека и от одного, и от другого подхода: она не получает никаких выгод от иностранной трудовой миграции, но и не несет каких-либо расходов (да и ответственности), а потому – эти мигранты ей «не интересны»¹.

Таким образом, разность интересов региональных органов государственной власти, двух уровней местного самоуправления формируется разностью интересов в налоговой сфере, системе бюджетных обязательств, отношений с локальным, региональным и трансрегиональным бизнесом. Иными словами, эти различия – совершенно объективны и жестко детерминированы целым комплексом факторов. Представляется, что интересы иных акторов миграционной политики (тех же бизнес-структур, национально-культурных обществ, социальных учреждений, школ и т.д.) определены не менее жестко, хотя набор факторов, вероятно, будет иным: от конъюнктуры рынка до, например, этномиграционного фактора в формировании контингента учащихся средних школ. В парадоксальной логике миграционной политики все они вынуждены втискиваться в ее рамки хотя бы формально, «соблюдая приличия», тогда как на практике реализовывать собственные интересы.

Как следствие, акторы миграционной политики на региональном уровне реализуют свою систему мер в сфере миграции, исходя исключительно из собственных интересов. В результате, в регионах *de-facto* реализуется отнюдь не федеральная миграционная политика и даже не более или менее консолидированная региональная система мер регулирования миграции. Едва ли не каждый из акторов реализует некую собственную «миграционную политику», выстраиваемую исходя из узких интересов и неширокого горизонта планирования. Здесь складывается некая «сумма миграционных политик»,

¹ Григоричев К. «Таджики» в пригородах Иркутской агломерации // Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX-XX и XX-XXI веков. Иркутск: Оттиск, 2010. С. 160.

слабо связанных между собой, практически не учитывающих взаимные интересы акторов и лишь формально вписывающихся в прокрустово ложе федерального законодательства. Такое положение дел позволяет формально сохранить эту деятельность в правовом поле, но фактически вытесняет ее в сферу неформальных практик.

Такой выход региональной миграционной политики за пределы формального (институализированного) регулирования объективно ставит под угрозу саму возможность реализации общегосударственной миграционной политики в ином, нежели жестко рестриктивном варианте. Иными словами, современная парадигма миграционной политики России, основанная на принципе полной унификации целей и задач для всех регионов страны, исключая практически всякую вариативность в выборе миграционных ориентиров, подрывает возможность реализации ее самой. Попытка (и весьма успешная) ограничить в пользу федерального центра регионы в возможности самостоятельно строить отношения с миграционными потоками и мигрантами привела к тому, что регионы, не имея возможности легально обслуживать свои интересы, уходят в неформальную сферу.

Глава 3

Mobilis in mobile:

миграция в меняющемся пространстве¹

Введение

Проблематика миграционных исследований последних лет в основном захватывает вопросы о том, *что* происходит и *как* происходит в миграционных процессах. Какие миграционные потоки формируются и исчезают, какова структура их активных и пассивных участников, какие инструменты и практики рождаются в их рамках. Все чаще в исследовательской повестке встает проблема функций этих процессов, взаимосвязей их субъектов и объектов; вопрос формирования интересов разнообразных акторов миграционного движения, механизмов и инструментов их реализации.

Однако во многом вне исследовательского фокуса остается вопрос о том, *где, в каком пространстве* протекают изучаемые процессы. Как изменилось за последние полтора столетия, да даже за последние двадцать лет, пространство, в котором встречаются внешние мигранты и местное население? Как изменение этого пространства сказывается на характере взаимоотношений мигрантов, мигрантских сообществ (в том числе диаспоральных) с принимающим обществом? И, наоборот, как миграционные процессы сказываются на развитии этого пространства? Да и вообще, сохраняется ли в этом пространстве устоявшаяся дихотомия «мигранты – принимающее общество» или характер миграционных процессов настолько трансформировал его, что процессы взаимодействия становятся многовекторными? Иначе говоря, очевидной представляется задача изучения пространства миграции *как среды*, которая, с одной стороны, задает параметры, условия взаимодействия мигрантов и принимающего населения, а с другой – сама изменяется под воздействием миграции, что, в свою очередь, вновь изменяет условия протекания этих процессов.

¹ Авторский коллектив: К.В. Григоричев (редактор главы), А.Н. Алексеенко, А.С. Бреславский, Ю.М. Гончаров.

Попытка компаративного анализа миграционных и диаспоральных процессов в Сибири рубежей XIX–XX и XX–XXI вв. еще более актуализирует эту задачу, поскольку при сохранении ключевого значения миграции для регионального развития, пространство, в котором они происходят, в корне меняется. Изменяется его формат, его место и функции в составе российского государства, азиатского региона, в государственной идеологии миграционной политики и в практике реализации таковой политики. Если на рубеже XIX–XX столетий Сибирь являлась пространством активно осваиваемом, колонизируемом, формируемом российским государством и российскими (русскими, по преимуществу, но не исключительно) мигрантами «под себя», то в конце XX – начале XXI в. характеристики этого пространства, очевидно, меняются. Активное расширение поселенческой сети, как инструмента и одновременно маркера освоения сибирского пространства, его «включения» в пространство России, рост численности населения за счет миграционного притока, который попутно формировал и гетерогенность сибирского общества, сменился быстрым сжатием сети населенных пунктов (особенно сельских), убылью населения.

В дореволюционный период (точнее – до конца 1920-х гг.) внешние мигранты прибывали в пространство преимущественно сельского расселения и населения с аграрной экономикой. Это было иное географически, но близкое по возможным моделям адаптации пространство. Даже миграция в город не означала жесткой необходимости усваивать качественно иной набор повседневных практик, поскольку значительная часть мигрантов состояла из «приезжих из внутренних губерний империи для поступления на государственную службу и контингента ссыльных из привилегированных сословий с их нисходящим потомством»¹. В постсоветские же десятилетия мигранты (внутренние, или трансграничные) прибывают в урбанизированное пространство с диверсифицированной экономикой и вынуждены взаимодействовать с населением, глубоко усвоившим городской образ жизни, городскую культуру

¹ Голодников К. Город Тобольск и его окрестности: ист. очерк. Тобольск, 1887. С. 31.

и модели поведения, в том числе и модели взаимодействия с «чужими».

Если в пространстве позднеимперской России конкуренция между набором сельских и городских практик в условиях города оказалась непродолжительной и не масштабной (по крайней мере, в крупных городах), то в постсоветской азиатской части бывшей империи ситуация более разнообразна. Традиционалистские модели поведения мигрантов не всегда пасуют перед городской социальной и культурной средой. Нередко в силу массовости миграционного притока они начинают выдавливать городские социокультурные практики с городских окраин или всего городского пространства.

Крайним примером такого процесса может служить характер трансформации городов Казахстана, где постсоветские миграции наложились на этническую специфику трансформационных процессов. Здесь большинство социокультурных, политических, отчасти и экономических процессов получили этническую окраску. Миграции стали не только инструментом перераспределения населения по территории страны, но и сыграли (и играют сейчас) роль механизма трансформации социокультурного пространства Города. И этническая (точнее – этнокультурная) составляющая служит великолепным маркером для выявления и генеральных трендов этого процесса и его динамики.

Иной вариант переформатирования пространства под воздействием миграционных процессов наблюдается в Бурятии. С одной стороны, здесь демонстрируется классический пример урбанизации, где главным механизмом остается сельско-городская миграция. С другой стороны, массовый приток из села в Город (Улан-Удэ несет символическую нагрузку не только столицы республики, но и городского мира) все заметнее распространяет в городской среде традиционные сельские практики. Город не успевает переварить, модернизировать такое количество мигрантов, и его окраины все более сливаются с сельскими пригородами. Граница – не административная, а, скорее, социокультурная между Селом и Городом постепенно размывается, и не только в пространстве социальном, но и географическом. Пригород Улан-Удэ, сильно рурализованный,

заметно более архаичный, чем город, становится транслокальным пространством, сельским фронтиром в городском мире.

Качественно иной вариант изменения пространства демонстрирует Иркутск. Здесь развитие города (точнее – Иркутской агломерации) как средоточия региональной жизни привело к развитию субурбанизационного процесса – иного пути взаимодействия Города и Села как социокультурных общностей, в котором первый выступает активной стороной, а последнее – реципиентом. Отражением этой логики стал характер миграций, в которых доминирует движение горожан в сельский пригород. Здесь не Село приходит в Город, а Город разрастается за счет экспансии в сельское пространство, привнося в полупатриархальный традиционно советский мир Села новые сущности, включая его в постсоветские контексты – экономические, социальные, культурные, политические, миграционные и т.д. Переселяющиеся в пригород горожане не только не порывают с городом, сохраняя городские рабочие места, систему социальных связей и отношений, но и активно включают Пригород в жизнь Города. Иными словами, здесь транслокальный характер, специфичность нового пространства, сформированного миграцией, проявляются очень рельефно. Многократно усложняя миграционные и связанные с ними процессы, это пространство дает массу новых стимулов и возможностей для взаимодействия различных групп мигрантов и принимающих сообществ, придает ему новое качество и динамику.

При всей разности представленных кейсов, их подбор отнюдь не случаен. Исторически все три кейса формировались в единой логике расширяющейся империи, что особенно заметно в процессе расширения ее «русского» ядра, ареал которого постепенно догонял территориальные границы. Постсоветские процессы обусловили дифференциацию внешних условий и внутренних параметров миграционных процессов в них, что позволяет увидеть различные варианты развития исходно близких ситуаций, взаимного воздействия миграций и среды их протекания.

3.1. Внутренние миграции в Казахстане и формирование «нового» городского пространства

Свыше ста лет на динамику численности, национальный состав населения Казахстана огромное влияние оказывали внешние миграции. Большую часть столетия Казахстан активно принимал население, в основном из России. Но дело не только в количественных показателях. Внешние миграции внесли основной вклад в формирование этнически дифференцированных цивилизационных идентичностей, складывающихся из таких компонентов, как система расселения, культурно-языковая среда, особенности занятости населения, и др.

Долгое время эти цивилизационные идентичности слабо соприкасались, существуя почти автономно. Накануне независимости казахи в массе своей оставались сельскими жителями, концентрируясь на юге и западе республики. Значительная часть русских (европейцев в целом) проживала в городах, составляя большинство в северном, восточном, центральном Казахстане.

Казахстанские города были мало связаны с деревней. Исторически сложившаяся система сельского расселения почти не опиралась на формирующуюся систему городского расселения. Города и поселки городского типа выполняли в основном промышленные функции, вследствие чего долго были не привлекательны для казахского населения. Пополнялись они за счет местных сельских русских и миграции из-за пределов Казахстана, в основном из России.

После распада СССР ситуация должна была измениться. Суверенное развитие Республики Казахстан предполагает ускоренную урбанизацию титульного населения, в том числе и потому, что его количественное преобладание в городах необходимо для подтверждения статуса государствообразующей нации¹. В 1990-е годы изменение состава городского населе-

¹ Казахстанский политолог Азимбай Гали: «Переход казахов через 50 процентный урбанизационный барьер превращает их в буржуазную нацию с развитой этнической инфраструктурой. Государственная культурно-идеологическая инфраструктура должна адекватно отражать культурную инфраструктуру казахов. Превращение казахов в городскую буржуазную, частнособственническую зажиточную нацию есть цивилизационный сдвиг в казахской истории» (Гали А. Казахский манифест // Мегалполис. 2001. 12 сент.).

ния определяла эмиграция европейского населения. В начале XXI в. миграционные процессы все больше развиваются на эндогенной основе. Ведущим во внутренней миграции становится этнически выраженный поток из села в город.

Перемещение сельского населения в города актуализировало многогранную проблему адаптации мигрантов: языковую, социальную, экономическую, культурную. Наиболее остро она стоит в русскоязычных промышленных городах с преобладанием соответствующих социально-экономических ниш (Усть-Каменогорск, Павлодар, Петропавловск, Караганда и т.д.). Внедрение в их городскую среду для значительного числа сельских мигрантов затруднено из-за недостаточного знания русского языка, профессиональной подготовки. Несколькими иная ситуация в городах, исторически выполнявших роль административных, культурных, торговых центров, где всегда был высокий удельный вес казахского населения, велика роль казахского языка (Семей, Кызылорда, Шымкент, Тараз и т.д.). Часто именно это являлось основной причиной прибытия сюда сельского населения.

В Казахстане, таким образом, присутствует минимум два примера адаптации к городской жизни — условно «автохтонный» и «европейский». Важным моментом в «автохтонном» варианте является то, что здесь достаточно давно сложилась городская казахская культура, вследствие чего приток сельских мигрантов ведет к потенциальному обострению внутриэтнических отношений (богатые — бедные, городские — сельские и т.п.). «Автохтонный» сюжет при всех его особенностях внешне близок к российским реалиям формирования отношений между «местными городскими» и «понаехавшими сельскими». Во всяком случае, в процессе участвуют в основном представители титульного населения.

В «европейском» сюжете большую роль играет этнический фактор, причем в роли «принимающего» общества выступает нетитульное, в основном русское население, а функции «гостей» выполняют казахи. Двойственность ситуации определяется «титольностью» последних, что по определению, исключает статус и функции «гостей». Возможности сосуществования общностей на городской территории, проблема «кто к

кому должен адаптироваться» приводят к различным, весьма неоднозначным вариантам развития.

Итак, в конце XX — начале XXI в. миграционное давление сельского населения на города резко выросло по сравнению с последними советскими десятилетиями. Но дело даже не в количественных показателях. Во второй половине XX века сельские мигранты принимали (добровольно или вынужденно) новые правила игры, основанные на доминировании русского языка, забвении национальных традиций, и приобщались, таким образом, к «европейским» стандартам жизнедеятельности. В основе своей они приезжали из этнически смешанных районов и в целом были готовы к этому (по причине хорошего знания русского языка, русскоязычного образования и т.п.).

Сейчас ситуация иная. В города хлынуло не очень подвижное ранее население из регионов, где сильны обычаи, традиции казахского народа, крепки позиции казахского (государственного теперь) языка. Их выталкивают в города экономические, социальные проблемы. Люди бегут от безысходности, от невозможности дальнейшего существования в селе. Из набора факторов, обеспечивавших ранее вполне комфортную жизнь в родных местах — обычаи, традиции, языковая среда, материальное положение, социальный статус, большинство планирует изменить только два последних, перенося оставшиеся в новое место жительства. Государственная политика по поддержке казахского языка, возрождение народных традиций подтверждают правильность сделанного выбора. Более того, «архаический» набор, квалифицировавшийся в советское время как «пережитки», становится мощным социальным ресурсом. Причем в городах данный ресурс можно использовать гораздо более эффективно в силу того, что коренные горожане его в большинстве своем не имеют. Таким образом, значительная часть «новых мигрантов» не готова и не планирует подстраиваться под существующие городские стандарты. Сюда переносятся традиционные сельские практики, распространенные ранее лишь в местах компактного проживания казахского населения.

Жесткую оценку этому дают представители городской казахской интеллигенции. По мнению известного поэта, обще-

ственного деятеля Олжаса Сулейменова: «Мы переживаем этап урбанизации. Этому способствовала неожиданная деколлективизация. Совхозы и колхозы разогнали, аулы опустели. Молодежь хлынула в города. В течение полутора десятка лет в городах нарастало сословие «аульных» казахов, которое конкурентно уступало городским... Население городов... стремительно пополняется за счет пустеющего села. Но при этом, как ни парадоксально, казахов в городах не становится больше. Больше заметно аргынов, адаевцев, конратов, уйсуней... В ауле традиционно сильно родоплеменное сознание. Если ты с детства погружен в никем не разбавленную казахскую среду, ты и не знаешь, что ты — казах. Этот обобщающий этноним в твоём сознании занимает не самое первое место. Прежде всего — имя рода, потом — племени. Таким образом, в Казахстане аул воспитывает родоплеменное сознание, город — национальное и вместе с тем интернациональное»¹.

Общественный деятель Ербол Курманбаев: «Эта масса... уже почти полностью переселилась из аулов в города, и процесс необратим... В мегаполисах идет вымывание образованных, интеллектуальных слоев из систем образования, здравоохранения, государственного управления, вообще из высокотехнологичных сфер... выходцы из аула уже легко берут верх. И какое-то время большая часть систем управления во всех сферах жизни будет оставаться на достаточно низком уровне»².

Выводы общественных деятелей подтверждаются и научными исследованиями. А.Т. Забирова предупреждает: «Большая часть первого и второго поколений мигрантов... будет маргинализироваться, люмпенизироваться, создавая тем самым угрозу внутренней стабильности государству и социальному порядку в обществе»³. «Киргизские события убедительно показывают, что маргинализация элиты еще более опасный процесс, чем маргинализация общества. Отсюда клановость,

¹ Сулейменов О. О земле, нации и «господствующих высотах»// Свобода слова. 2010. 11 февр.

² Курманбаев Е. Эволюция Homo kazakhstanicus// Свобода слова, 2009. 9 апр.

³ Забирова А.Т. Этносоциальные факторы миграции казахов в Астану и Алматы и ее этнополитические последствия... автореф. дисс. д-ра социолог. наук. М., 2004. С. 32.

регионализм, тотальная коррупция, которые именно и подвели Кыргызстан к угрозе гражданской войны»¹.

Можно привести еще много аналогичных оценок казахской городской «русскоязычной» интеллигенции, чутко реагирующей на последствия «урбанизационных» процессов. Ответный аргумент набирающих силу национал-патриотов² прост: «Сулейменов — русскоязычный, а такие и готовы предать родную землю»³. Противостояние «свои-чужие» все больше переносится в эндогенную казахскую среду. Олжас Сулейменов: «... Ультра-патриотическое движение формируется в основном из «аульных». Интернациональное, космополитическое — из городских. Кто из них «настоящий казах»? Что важнее для такого определения — уровень знаний языка или национальное сознание?»⁴.

В Казахстане интенсивно конструируется новое городское пространство. Его составными частями являются, с одной стороны, нетитульное «коренное» городское население, с другой — вчерашние сельские жители, прибывающие в города в суверенный период. В подавляющем большинстве — это казахи. Между ними находятся стремящиеся определить свою цивилизационную идентичность русифицированные городские казахи. Городское пространство наиболее активно осваивает и видоизменяет сельское население, переносящее в новое место жительства свои традиционные ценности. Учитывая, что представители «европейской диаспоры» реального значения в казахстанском истеблишменте не имеют, будущее конструкта «городское пространство» находится в руках казахского народа⁵.

¹ Карин Е. Киргизские уроки// Время. 2010. 22 апр.

² «Относительная популярность в политической тусовке маргинально-радикальных взглядов... поражает, что абсолютные маргиналы, не способные ни к организации, ни к политике, ни к жизни, позиционируются как самые принципиальные и честные» (Сарым А. Ради чего?// Время. 2010. 22 апр.).

³ Свобода слова. 2010. 18 марта.

⁴ Сулейменов О. Указ. соч.

⁵ «... 95 процентов министров, 87,5 процента акимов, 85 процентов сенаторов и 78,5 процента мажилисменов относятся к титульной национальности» (Ашимбаев Д. Национальные ценности и патриоты//Время. 2011. 3 марта).

«Встретившиеся» в городе казахи ментально находятся в разных исторических эпохах. Представители этих эпох претендуют на одни и те же социальные, политические роли. «Западная» риторика руководства Казахстана (ускоренная модернизация, индустриально-инновационная программа, «Путь в Европу» и т.п.) демонстрирует стратегические приоритеты городского пространства, вследствие чего интенсифицирует миграционный поток из села в город. Увеличивающаяся масса «нового» городского населения в большинстве своем далека от намеченных векторов стратегического развития. Поэтому идея возврата к «истокам» в городской среде пользуется все большей популярностью. И чем дальше Казахстан будет продвигаться по «западному» пути, тем больше потенциальных сторонников у этой идеи будет.

Запущенный же механизм формирования нового городского пространства, в основе которого лежит масштабная сельско-городская миграция, будет сохраняться в силу высокого демографического и миграционного потенциала села. Объективных факторов, которые могут ограничить масштабы этого процесса, пока не просматривается. Вызванные им разнонаправленные тенденции набирают ход, порождая веер вариантов дальнейшей трансформации городского пространства: от адаптации Городом сельских мигрантов до его рурализации и даже архаизации с массой промежуточных, регионально дифференцированных вариантов. Но в любом случае новое городское пространство будет отличаться от современного и тем более «советского» Города.

3.2. Сельская миграция и трансформация пространства постсоветского Улан-Удэ

В современных академических дискуссиях, касающихся различий городов Запада и бывшего СССР, важным фактором признается характер миграций¹. Если для западных городов, начиная с послевоенного времени, чрезвычайно важны миграции из «стран третьего мира», то в случае с постсоветскими

¹ См., в частности: Космарская Н.П. Исследования города// Антропологический форум. 2010. № 12. С. 76.

городами более значимой оказалась внутренняя миграция. В связи с этим в западных социально-гуманитарных науках внимание оказалось сфокусировано на «чужаках» — людях иной расовой, этнической и конфессиональной принадлежности. А в случае с постсоветскими городами (не только российскими, но и городами стран СНГ) значимой стала «проблема встречи» горожан и внутренних мигрантов, в частности сельчан, близких общекультурно, но далеких по образу жизни.

Случай постсоветского Улан-Удэ¹ — столицы Республики Бурятия — в этом смысле достаточно показателен. Город в последние двадцать лет стал главным центром притяжения внутриреспубликанских сельских мигрантов², причем в условиях депопуляции. С 1991 по 2008 г. количество жителей республики сократилось с 1052,0 тыс. до 959,5 тыс. человек (на 92,5 тыс. человек)³. Основным фактором снижения численности населения была не естественная убыль, а именно миграционный отток. Относительное благополучие в 2007–2010 гг., как ожидается, вновь сменится периодом убытия⁴. В количественном

¹ См., напр.: Официальный сайт города Улан-Удэ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ulan-ude-eg.ru/> (12.03.2011).

² На это указывают имеющиеся исследования. См.: Будаева Ц.Б. Миграция населения в зеркале общегосударственных перемен // Бурятия. 2002. 1 нояб. С. 4; Гунтыпова Э., Шулунова Р. Миграция и высшее образование (по результатам опроса в Бурятской сельхозакадемии) // Вестн. Евразии. 2006. № 2 (32). С. 47–61; Козулин А.В. Миграционные процессы в Бурятии на современном этапе: основные тенденции и пути регулирования // Город и село в условиях глобализации (на примере республики Бурятия): материалы междунар. семинара. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. С. 80–91; Мангатаева Д.Д. Население Бурятии: тенденции формирования и развития. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1995; Петонов В.К. Миграционные процессы и миграционная политика в Республике Бурятия: 1960–1990-е гг.: дис. ... канд. ист. наук. /Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Улан-Удэ, 2008; Рандалов Ю.Б., Хараев Б.В., Чукреев П.А. Миграционные настроения сельских жителей: действующие факторы и тенденции (по материалам социологического исследования в Республике Бурятия). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005; Содномпилова М.М. Сельско-городская миграция в Бурятии: формирование транслокального пространства // Город и село в постсоветской Бурятии: социально-антропологические очерки. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. С. 163–184.

³ Миграция населения Республики Бурятия: стат. сб. № 02-03-02 / Бурятстат. Улан-Удэ. 2009. С. 6.

⁴ Предположительная численность населения Республики Бурятия до 2030 г.: стат. сб. № 02-03-00 / Бурятстат. Улан-Удэ, 2009. С. 4.

измерении наименее благоприятные миграционные тенденции характерны именно для столицы республики. В 2003 г., к примеру, на г. Улан-Удэ пришлось 52,3 % всей миграционной убыли из Бурятии¹. При этом «если [...] Улан-Удэ проигрывает в миграционном обмене с центральными, экономически развитыми районами страны, то сельские районы значительно проигрывают в обмене со столицей республики. Население русской национальности в основном перемещается в центральные и южные районы страны [...] Население бурятской национальности в основном мигрирует из села в город, из дальних районов в пригородные»².

Улан-Удэ, являясь в повседневном измерении «единственным городом республики»³, обладает уникальной миграционной притягательностью для малоперспективной сельской Бурятии. Сельчане-мигранты рассматривают «город» как место, где сконцентрированы позитивные полюса общественной жизни всей республики – развитый рынок труда, институты высшего образования, сферы культуры и досуга, благоприятная социальная, инфраструктурная среда и пр. При этом представление об Улан-Удэ в среде сельских жителей было и в целом остается достаточно отстраненным, внешним, интуитивным, слабо отражающим реалии постсоветских изменений. Это особенно характерно для жителей отдаленных районов и для первого постсоветского десятилетия в целом. Знание о городе у сельчан подчас предельно локализовано, что выражается, к примеру, в ограниченности списка знакомых людей и мест. Вместе с тем процессы массового переселения сельских жителей в Улан-Удэ с каждым годом упрощают проблему «информационного голода», которая встает практически перед каждым новым мигрантом. В представлениях

¹ Информационные материалы социальной сферы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://egov-buryatia.ru/index.php?id=879> (17.04.2010).

² Рандалов Ю.Б., Хараев Б.В., Чукаев П.А. Миграционные настроения сельских жителей... С. 18.

³ Официальный статус городского поселения имеет в республике также Северобайкальск. Но он является лишь локальным центром и только для северных районов Бурятии. Улан-Удэ в этом смысле обладает более легитимным (точнее, даже неоспоримым) правом называться городом-столицей республики, нежели другие ее поселения.

мигрантов-сельчан Улан-Удэ – это сообщество, в котором они могут рассчитывать на социальную лояльность и где проблемы социокультурной адаптации будут менее острыми, чем, к примеру, в других регионах страны. Подобные представления опираются на примеры успешных стратегий переселения, которыми мигранты делятся в своей среде.

Обозначенные тезисы, конечно же, выражают лишь контур, смысловые границы восприятия Улан-Удэ сельскими жителями. Понятно, что «ощущение» мигрантами города может в действительности разительно отличаться от случая к случаю. Было бы грубой ошибкой говорить об однородности как самих представлений, так и гомогенности сообщества мигрантов – сельских жителей республики. Оно не однородно и восприятие ситуации миграции в среде потенциальных мигрантов изначально множественно. Очевидная общность «сельского происхождения» не должна здесь вводить в заблуждение. Сложно говорить и о том, насколько схожими являются миграционные представления жителей отдельных сельских районов, сельских поселений республики, людей, принадлежащих к одному поколению, прошедших схожие пути социализации, имеющих схожий уровень достатка, причисляющих себя к одной этнической группе. Возможно, ответ на этот вопрос можно найти в серии более детальных обследований.

В силу в основном экономических барьеров значительная часть сельчан оседает на окраинах города и в пригороде. Пригородом для Улан-Удэ (что отличает его, к примеру, от Иркутска) выступают исключительно сельские поселения¹, входящие в состав соседних сельских районов (в первую очередь Иволгинского, Тарбагатайского, Заиграевского, Прибайкальского). Их повседневная жизнь за последние двадцать лет настолько срослась с «городом», что это, пожалуй, дает возможность назвать их частью Улан-Удэ². За 1990 – 2010 гг. значительно расширились границы самого городского округа. За счет плановой и нерегулируемой застройки территории городских окраин в некоторых микрорайонах почти вплотную

¹ Второй город республики – Северобайкальск – располагается на противоположной (иркутской) стороне оз. Байкал.

² Отличительный пример – п. Сотниково Иволгинского района.

слились с сельским пригородом. Своего рода неинституализированная «агломерация» постепенно формируется на уровне социальных, в том числе деловых сетей, подкрепляется микропроектами частного бизнеса (строительством на территориях городских окраин крупных супермаркетов, расширением маршрутов внутригородских пассажирских перевозок, развитием производственных отношений между городом и деревней в сельскохозяйственной сфере). Вместе с тем на уровне публичных дискуссий, в нормативно-правовом поле вопрос о формировании агломерации или какой-либо другой формы объединения города и пригородных территорий сегодня не стоит.

Встречный поток горожан, переезжающих в сельские поселения республики, несравнимо меньше¹. Число горожан, поменявших квартиру на дом в пригородной деревне, значительно меньше тех, кто пытался, продав сельский дом, купить жилье в черте города. Вместе с тем постоянно растущая плата за коммунальные услуги, желание жить в более благоприятных экологических условиях, «на земле», ежегодно подталкивает часть горожан к переезду за пределы Улан-Удэ, обычно в близлежащие села и поселки, в том числе входящие в состав городского округа. Часть из них имеет возможность обеспечить на новом месте комфортные условия для жизни, сопоставимые с «городскими», у других (не очевидно, кого здесь больше) — не получается выйти за рамки «сельского минимализма». Кто-то из горожан строит коттедж в престижном пригородном микрорайоне, а кто-то вынужден жить в более стесненных жилищных условиях, нежели ранее. В этом смысле достаточно сложно говорить о том, происходит ли сегодня за счет миграции горожан процесс урбанизации сельского пригородного пространства. «Более городскими» становятся, пожалуй, лишь окраинные районы города, которые в советские годы вовсе не считались «городом». Во многом благодаря инициативам крупного частного бизнеса и политике мэрии эти территории и местные сообщества постепенно включаются в

¹ В условиях отсутствия какой-либо статистики подобных перемещений будем опираться на материалы собранных интервью и опыт включенного наблюдения. См. также: Матвеева А. Меняю квартиру в Улан-Удэ на домик в деревне // Номер один. 2005. 1 июня.

городское социальное пространство, формируя в целом более органичное дополнение к городу, нежели сельский пригород. Перспективы формирования транслокального пространства, связывающего Улан-Удэ и сельскую Бурятию, задают сегодня, таким образом, в основном именно сельские мигранты, приезжающие в город и сохраняющие многочисленные связи с селом¹.

При всем многообразии практик расселения, представлений о городе, возможностей тех или иных сельских мигрантов, «типичных» и «нетипичных» историй, направления их расселения в Улан-Удэ все же лежат в ограниченном «коридоре возможностей», который задается в первую очередь уровнем материального достатка мигранта. Для прошедших двадцати лет сельско-городской миграции характерно в этом смысле преобладание группы мигрантов трудоспособного возраста со средним уровнем достатка. Основными зонами их расселения стали территории одноэтажной (реже двухэтажной) деревянной застройки преимущественно на окраинах города — в отдаленных от центральной части Улан-Удэ микрорайонах и поселках, в частном секторе, в дачных кооперативах. Подобная тенденция характерна для сельских мигрантов, живущих как в арендуемом жилье, так и для тех, кто имеет свою собственную жилую недвижимость.

Часть сельчан, приезжая в Улан-Удэ, как двадцать лет назад, так и сейчас, имеет возможность и приобретает благоустроенное жилье в центральной и относительно благополучной части Улан-Удэ. При этом одни из сельчан привносят в пространство города «сельский образ жизни», другие — нет. До сих пор сложно говорить и о том, сложился ли в Улан-Удэ «городской образ жизни», и если «да», то каковы границы его локализации. Как отмечает Д.Д. Амоголонова, «[...] и горожане, и носители городского образа жизни, урбанистической культуры в городе были и раньше, и остаются сейчас, ограничиваясь довольно тонким слоем творческой и технической интеллигенции (всех тех, “кто ходит в театры”). Воздействует ли на них рурализация? Видимо, нет. Истончение этого слоя если и имеет место, является следствием, скорее, стремления талантливой и энер-

¹ Содномпилова М.М. Сельско-городская миграция в Бурятии... С. 163-184.

гичной молодежи (среди них буряты и русские) искать счастья в больших городах»¹.

Ко второй половине 2000-х период массовых миграций из сельских поселений республики в город в целом завершился. Вместе с тем влияние сельской миграции первых постсоветских десятилетий на городскую архитектуру и образ жизни городского сообщества, сложившегося в советские годы, до сих пор остается актуальным. Существенная (точнее — «видимая» часть) улан-удэнцев сегодня — это «старые» и «новые» сельские мигранты. Городской ландшафт, еще в советские годы усыпанный фрагментами нерегулируемой индивидуальной застройки, в постсоветские десятилетия во многом (но не только) в связи с сельской миграцией стал еще более неоднородным.

В начале 2000-х гг., в особенности на волне активной борьбы мэрии против самовольных построек в отдельных частях города, «проблема превращения города Улан-Удэ в Понаехаловск»² на некоторое время вышла за рамки достаточно герметичных академических и повседневных дискуссий, став одной из публично обсуждаемых тем. Наиболее остро негативное влияние сельских мигрантов на формирование городской застройки и городского имиджа (одного из планируемых туристических центров Байкальской зоны) было публично обозначено именно в начале 2000-х гг., когда мэрия начала решительную кампанию по борьбе с самостроем, расположенным в пос. Солдатский, вблизи городского аэропорта, в пос. Комушка и др. Постепенно в «проблему самоволок» включились местные отделения общероссийских партий, СМИ³, представители религиозных движений, появились первые социальные исследования улан-удэнских «нахаловок»⁴. В итоге к 2007–2008 гг. часть

¹ Амоглонова Д.Д. Современная бурятская этносфера: дискурсы, парадигмы, социокультурные практики. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос-та, 2008. С. 241–242.

² Краюхин К. Улан-Удэ превращается в Понаехаловск // Номер один. 2006. 23 авг.

³ См., напр.: Капустина Е. «Нахаловку» будут разбирать «химими» // Информ полис. 2001. 7 нояб.; Шишкина В. За «самоволки» возьмутся всерьез // Номер один. 2007. 26 дек.; Галлас А. Город будет бороться с «самоволками» // Номер один. 2008. 18 июня; Садыкова И. В конце июня приставы снесут 47 «самоволок» // Номер один. 2008. 16 июля; Санжиев П. Амнистия для самовольщиков // Номер один. 2009. 29 апр.

⁴ См., напр.: Карбаинов Н.И. «Нахаловки Улан-Удэ»: ничейная земля, неправильные шаманы и право на город / В.Н. Давыдов, Н.И. Карбаинов, В.В. Симонова, В.Г. Целищева // Агинская

домов была снесена, в отношении остальных было решено применить политику правового урегулирования, преимущественно в форме узаконивания жилья.

Одним из итогов шумной кампании стало то, что «нахаловки» увидели, они в короткий период стали заметными, завеса над их повседневной жизнью, малознакомой большинству горожан, была приподнята. При этом «самоволки», которые показывали в новостных передачах, о которых писали в местных газетах, были в основном заселены именно сельскими мигрантами. Публично они приобрели «сельское лицо». Но далеко не все зоны незаконного и нерегулируемого самостроя в городе заселены именно сельскими мигрантами. По соседству с ними строят дома и «коренные» горожане¹. Этот факт был в целом проигнорирован, как и то, что на городской имидж ни в меньшей степени, чем сельский «самострой» у дороги в Аэропорт (пос. Солдатский), влияют расположенные в самом центре города невзрачные деревянные микрорайоны (Зауда, Нижняя батарея и пр.), в подавляющем большинстве не обладающие исторической ценностью.

В современных академических исследованиях влияние сельской миграции на городское пространство оценивается часто как негативное. Происходящие изменения исследователи определяют как «рурализацию», «деурбанизацию», «деревенизацию» и т.п.² Подобные оценки предложили и некоторые представители местного академического сообщества³. Содержательно эти высказывания связаны с конфликтной ролью и разрушающим воздействием массовой сельской миграции на городскую культуру и образ жизни. Важна позиция С.Д.

street, танец с огнем и алюминиевые стрелы: присвоение культурных ландшафтов. Хабаровск: Хабаровский науч. центр ДВО РАН, 2006. С. 129-154; Карбаинов Н.И. «Нахаловки» Улан-Удэ: «огораживание» пригородной земли // Социс. 2007. № 11. С. 136-139.

¹ К примеру, в пос. Комушка, мкр. Загорск, мкр. Левый Берег и пр.

² Catherine A., Buchli V. Introduction // Urban Life in Post-Soviet Asia / Ed. by Alexander Catherine, Victor Buchli and Caroline Humphrey. London: University College London Press, 2007. P. 2, 8, 29-30.

³ См., напр.: Батомункуев С.Д. Урбанизация по-деревенски. Улан-Удэ грозит рурализация // Город. Газета соучастия. 2005. № 1. С. 6; Карбаинов Н.И. «Городские» и «головары» в Улан-Удэ (молодежные субкультуры в борьбе за социальное пространство города) // Вестн. Евразии. 2004. № 2. С. 170-183.

Батомункуева, который считает, что к позднесоветскому периоду в Улан-Удэ сформировалось относительно гомогенное городское сообщество и городская культура, опирающаяся на возникшие чувства солидарности и взаимоуважения. Однако массовые миграции из сельских районов, характерные для первого постсоветского десятилетия, сломили эти тенденции. «Новая же волна сельской миграции в условиях рыночной экономики была самым сильным социокультурным ударом по едва сформировавшейся городской культуре [...] Сельская молодежь – это радикальный вариант деревенской культуры и ментальности. Иначе говоря, именно от этой социокультурной категории исходит радикальное отрицание городской культуры. [...] Жертвой этого процесса оказывается городская культура, утрачивается чувство и сознание сообщества, а вместо этого начинают преобладать ощущения отчужденности и дискомфорта»¹.

О социальных и культурных дистанциях, разделяющих «городских» и «сельских» в социальном пространстве постсоветского Улан-Удэ, пишет Н.И. Карбаинов: «... в восприятии молодежи взаимодействие двух субкультур (“городских” и “сельских”). – *Прим. авт.*) осмысливается как их столкновение, причины же взаимного неприятия заключаются в различиях норм поведения, которые социально маркируют членов каждой группы и одновременно служат средствами нормативно-символического противопоставления одной группы другой»².

Размышления С.Д. Батомункуева и Н.И. Карбаинова о «борьбе» за городскую культуру, за город как о столкновении полярных идентичностей, представляются верными. Однако нуждаются в двух важных уточнениях. Во-первых, по отношению к постсоветскому Улан-Удэ более точным представляется использование категории демодернизации, а не рурализации. Это позволяет к тому же преодолеть антимигрантский дискурс, который представляет деревенских мигрантов как однородное и достаточно ненавистное сообщество. С точки зрения стихийной низовой демодернизации общества, «изъяны» в архитектурном облике города, поведении части «новых» горожан,

¹ Батомункуев С.Д. Урбанизация по-деревенски. Улан-Удэ грозит рураризация. ... С. 6.

² Карбаинов Н.И. «Городские» и «головары» в Улан-Удэ. ... С. 170.

трудности в следовании прежним общекультурным паттернам, до сих пор вызывающим ностальгию по советскому прошлому, оказываются связаны не столько с «более низким» уровнем деревенской культуры, сколько с общегосударственными процессами культурной стагнации 1990-х гг., что представляется более реалистичным. Во-вторых, не стоит забывать, что разгерметизация Улан-Удэ в 1990-е гг. сделала социальные обмены между столицей республики и ее сельскими территориями более интенсивными. В этом контексте можно говорить о постепенном формировании вокруг Улан-Удэ транслокального сельско-городского пространства¹. Формирующееся в «контактной зоне» Города и Села, оно порождает множественные эффекты, связанные с воспроизводством данного пространства, заметно влияющие на городскую и сельскую жизнь в республике.

3.3. «Ни к селу, ни к городу»: иркутский пригород в пространстве миграций

Развитие сибирских городов после кризисных 1990-х дало толчок бурному процессу формирования обширного пространства Пригорода. Города остаются средоточием жизни в сибирских регионах, концентрируют их экономическую, социальную, культурную жизнь. Это обуславливает рост городского пространства, которое все более явно выходит за пределы административных границ. Собственно городские округа включают в свою орбиту прилегающие сельские районы, формируя сложное субурбанизированное пространство. В полупатриархальное пространство сельского пригорода входит мир Города, привнося множество новых, не свойственных ранее явлений, процессов, социальных групп.

Основным инструментом экспансии Города становится миграция. Прилегающие к крупным городам территории превращаются в новые перекрестки миграционных потоков: из города в село и из села в город, из соседних и достаточно удаленных регионов, все более заметным становится приток

¹ См., напр.: Содномпилова М.М. Сельско-городская миграция в Бурятии... С. 163-184.

мигрантов из-за рубежа. Все еще лежащее в тени Города пригородное пространство начинает притягивать едва ли не более широкий спектр мигрантов, нежели традиционно «миграционное» городское. Представляется, что вследствие этих изменений здесь (в Пригороде) идет интенсивный процесс реформирования пространства: экономического, социального, культурного, ландшафтно-архитектурного.

Яркий пример такой трансформации пространства дают пригородные территории Иркутской агломерации. Они приходятся в основном на территорию Иркутского сельского района, более 80 % населения которого сконцентрировано в населенных пунктах, непосредственно примыкающих к областному центру либо расположенных в 15-30 – минутной транспортной доступности от него. В отличие от других муниципальных образований области, число жителей Иркутского района на протяжении последних 10-15 лет стабильно растет. Среднегодовые темпы прироста в 1995-2007 гг. составляли 2,7-2,8 %. По данным администрации района, основной прирост населения в 2007-2008 гг. пришелся на поселения, расположенные вблизи города. Темпы их роста впечатляющи: от 10 % (на 1,1 тыс. чел.) до более чем 30 % (на 1,5 тыс. чел.) за два года!¹

В основе столь интенсивного роста лежит масштабный миграционный приток. Естественный прирост, хотя и имеет в последние годы положительные значения, не высок: доля этого фактора в приросте населения не превышает 5,5 %, остальной прирост был обеспечен приезжими. Примечательна структура миграционных потоков: основной приток обеспечивают жители областного центра, переезжающие сюда на постоянное местожительство. Они обеспечивают более половины всего прироста населения района, в основном определяют его возрастную и социальную структуру и, как следствие – требования к качеству жизни².

Наибольшая доля мигрантов из Иркутска приходится на возраст 20-39 лет. Достаточно высока и доля детей до 15 лет,

¹ По данным похозяйственного учета администрации Иркутского муниципального района Иркутской области.

² Григоричев К.В. Миграционные процессы в зоне Иркутской агломерации на рубеже XX-XXI вв. // Изв. Алтайского ун-та. Сер. История. Политология. 2011. № 4. Т. 1.

прибывающих вместе с родителями. Подобная структура вполне объяснима: именно на эту возрастную группу приходится период наибольшей активности и достаточных возможностей. Логичный вопрос о финансовой состоятельности молодежи до 30 лет (и соответственно, ее возможностях для переезда) может быть объяснен присутствием в структуре мигрантов значительной группы старше 40 лет. Если переселенцы в возрасте около 30 лет — это, как правило, самостоятельные мигранты с семьями, то молодежь, вероятно, чаще переезжает совместно с родителями.

Специфика миграционного потока во многом определяет его социальную структуру. Оценить ее можно почти исключительно по материалам экспертных интервью с представителями администраций муниципалитетов поселений и, в меньшей степени, — по материалам визуальных наблюдений в населенных пунктах района. По оценкам сотрудников местных администраций, в потоке прибывших преобладает достаточно обеспеченное население, имеющее устойчивое материальное положение, хорошо оплачиваемую работу или собственный бизнес, достаточно высокие социально-бытовые стандарты. Во многом это диктуется затратами на строительство жилья и спецификой получения земельного участка на строительство.

Примечательно, что для местных администраций высокий социальный и имущественный статус прибывающих горожан представляет серьезную ценность. И дело не только в строящейся недвижимости, налоги на которую со временем пойдут в доходы муниципалитетов (нижнего уровня). Привносимые горожанами стандарты жизни (прежде всего, в сфере обслуживания) позволяют обоснованно надеяться на дополнительный стимул развития малого бизнеса, свойственные скорее городской, нежели сельской местности. В пригородных «селах» Иркутска появляются службы такси, негосударственные «Школы раннего развития», магазины самообслуживания и даже фитнес-центры. Немногочисленные пока, они тем не менее резко контрастируют с традиционным дачно-сельским обликом.

подавляющая часть приезжих не включаются прямо в локальную экономическую жизнь. Большинство из них сохра-

няют работу и активную социальную жизнь в городах. Пригород остается, скорее, спальным микрорайоном. С позиций холодной экономической логики это крайне невыгодно району. Постоянно повышается нагрузка на социальную сферу и инфраструктуру (транспортную, инженерную, коммунальную, связь), тогда как ощутимого прироста доходов нет. Наиболее негативно это влияние, когда мигранты не регистрируют собственность и факт проживания в поселениях района, однако при этом постоянно проживают здесь (в том числе в садоводствах). Однако до тех пор, пока в потоке прибывающих преобладает обеспеченное население, эта проблема остается головной болью, скорее, районной администрации. Поскольку вопросы финансирования социальной сферы являются полномочиями муниципальных образований второго уровня (районов), указанные сложности напрямую не касаются низовых администраций.

Вместе с тем любая возможность роста доли малообеспеченных мигрантов в потоке прибывающих из города встречается администрациями поселений, по крайней мере, без восторга. В частности, инициатива главы администрации района о предоставлении земельных участков под строительство для «разгрузки» очереди на получение жилья г. Иркутска вызвала множество возражений, лейтмотивом которых стала нежелательность притока в поселения района населения с невысокими доходами.

Но возможности экономического развития — далеко не единственные перспективы, которые несут с собой горожане в пригород. Важен для сотрудников администраций поселений их культурный, интеллектуальный капитал. С ним связываются перспективы развития населенных пунктов, изменения их образа жизни.

Массовый приток горожан в населенные пункты пригородов довольно быстро меняет их ландшафт. Первоначальная «точечная» застройка сменилась строительством коттеджных поселков. Следом постепенно начинают меняться и собственно «старые деревни», частью за счет выкупа усадеб горожанами, частью — за счет перестройки старого жилья собственно деревенскими жителями. Приход Города в село с каждым го-

дом все более визуально заметен. Массивы новой застройки явочным порядком расширяют территорию населенных пунктов, сводя границу между ними до дорожного указателя с разными названиями на оборотных сторонах, стоящего между соседними домами. Но дело не только в том, «что» появляется (новые здания, совершенно иной архитектурный ландшафт), но и в том, «как» это происходит.

Приток горожан, главной целью которых является строительство жилья — домов и усадеб, неизбежно повлекло за собой появление в сельской местности во многом новой для нее категории мигрантов — временных рабочих из-за рубежа. Став в последнее десятилетие для Города едва ли не главной рабочей силой в строительной сфере, они появились в пригороде вместе с волной «состоятельных людей» на рубеже 1990-х и 2000-х гг. Основу ее составляют сезонные рабочие из Центральной Азии, собирательно обозначаемые как «таджики». Это название группы воспринимается не как этноним, а именно как обозначение широкой мигрантской группы, включающей представителей различных этнических групп и выходцев из разных государств¹.

Гетерогенность (этническая, гражданская, по статусу в России и т.п.) этой группы мигрантов предопределяет и разные варианты их включения в локальную экономическую жизнь: от легального, полностью «белого» трудоустройства на предприятиях, до неформальной («серой») занятости. Примечательно, что при легальной занятости инициатором найма «таджиков» становится работодатель, для которого использование мигрантского труда (даже с соблюдением всех или большинства требований законодательства) обеспечивает максимальную выгоду. Разумеется, использование иностранных трудовых мигрантов в мелком и среднем бизнесе в условиях узкого и/или весьма специфичного рынка рабочей силы в пригороде, устраняя одни проблемы (прежде всего, в сфере взаимоотношений с государством), формирует новые риски, слабо осознаваемые властью и лишь постепенно формулируемые представителями

¹ Подробнее см.: Григоричев К. «Таджики» в пригородах Иркутской агломерации // Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX – XX и XX – XXI веков. Иркутск: Оттиск, 2010. С. 161.

бизнес-сообщества. Эти риски лежат отнюдь не в плоскости отношений работодателя и «гастарбайтеров» или сложностей социокультурной адаптации «таджиков». Они связываются с сохранением вероятности отказа от либерального миграционного курса в пользу новых ограничений трудовой миграции. Эти риски и их «осознание», возможно, свидетельствуют о том, что процесс взаимной адаптации мигрантов и местного сообщества (в самом широком смысле), по крайней мере, в данной сфере входит в новую фазу, в которой «взаимный интерес» дополняется (сменяется?) «взаимной зависимостью».

Сфера неформальной занятости «таджиков» в пригороде значительно более широка и, вероятно, более масштабна количественно. Большинство проектов в сельских поселениях, даже самых незначительных, практически все частное строительство планируются и реализуются исключительно с неформальным привлечением «таджиков». Спектр «объектов», на которых используется их труд, крайне широк – от сооружения дощатых торговых киосков до реставрации церкви. А нанимателями выступают не только частые лица, но и администрации муниципалитетов.

Подобная практика стала привычной, повседневной и воспринимается как само собой разумеющаяся. Более того, формируется все более явное предпочтение в выборе между местными и иностранными рабочими в пользу «таджиков». И выбор этот диктуется не только дешевизной мигрантского труда, но и массой других факторов: сложившейся репутацией, готовностью к любой работе, ответственностью, трезвостью.

Высокая заинтересованность местного сообщества в мигрантском труде стимулирует быстрое развитие системы территориальной и структурной самоорганизации мигрантов. Нередкая удаленность объектов приложения труда «таджиков» обусловила формирование трехуровневой структуры организации работы мигрантских бригад. Если два нижних уровня (рядовые работники и «бригадиры») вполне традиционны и распространены в городе, то третий (верхний) уровень специфичен для пригорода, а его появление вызвано необходимостью распределения «объектов» между бригадами в нескольких населенных пунктах. Он обозначается как «масте-

ра», «мастера-бригадиры», и крайне немногочисленен – по оценкам представителей сельских администраций «в сезон» на территории муниципального образования, включающего 4-5 населенных пунктов с общим числом жителей около 5-6 тысяч человек, работает 4-5 таких «мастеров». Концентрируя в своих руках функции переговоров с заказчиками, распределения объектов работы между бригадами и полученной оплаты, они постепенно выделяются в узкую группу мигрантской элиты, своеобразной «таджикской» аристократии».

В ее функции, помимо распределения («раскидывания») бригад, входит выполнение высококвалифицированных работ, заключение договоров, денежные расчеты с заказчиком и бригадами. Она формируется из наиболее предприимчивых и адаптированных к местным реалиям мигрантов, концентрирующих в своих руках ключевые функции по организации экономического взаимодействия «серых таджиков» и местных сообществ. Представители этой «прослойки» заметно отличаются от рядовых рабочих как внешне, так и по уровню доходов.

Формирование этой группы и сложной структуры организации работы «таджиков», которая сложилась всего за 10-12 лет, позволяет говорить о том, что процесс взаимной адаптации иностранных трудовых мигрантов и местного сообщества в пригороде идет заметно быстрее, нежели в городах. Специфика пространства Пригорода благоприятствует большей вариативности этого процесса, возникновению широкого спектра практик (вероятно, со значительным преобладанием неформальных) и как следствие – более глубокой интеграции мигрантов и местного сообщества.

Заняв обширную экономическую нишу, вписавшись в местное сообщество, «таджики» начинают все активнее «вписывать» местное сообщество в свою жизнь. Наиболее ярким и неожиданным проявлением этого процесса является наем мигрантами местного населения в качестве чернорабочих на поденную работу. Как правило, нанимают неквалифицированных местных жителей из неблагополучной социальной среды. Отчетливым маркером такой формы взаимодействия мигрантов и местного сообщества стало устойчивое понятие

«копалки», «копайки». Возникший, вероятно, в строительных бригадах «серых «таджиков», он уверенно расшифровывается местным населением как *«те, кто не могут самостоятельно качественно сделать, <...> разнорабочие, которые несут – «унеси-принеси», выкопай, поддержи»* и используется в большинстве случаев для обозначения местных («русских») поденщиков у «таджиков». Широкое использование этого понятия свидетельствует о том, что этап первичной адаптации «таджиков» (как новой социальной группы в местном социуме) закончился. Если ранее они искали свое место, то ныне, прочно заняв найденную нишу в экономической жизни Пригорода и фактически монополизировав ее, они все более уверенно пытаются изменять сложившиеся правила игры.

Важно, что за внешними признаками этого процесса (такими, как рост цен на услуги мигрантов, появление мигрантских элит как посредников и т.п.) все более явственно намечаются перемены более глубинные. Мигранты оказываются включенными не только в экономическую жизнь пригородного сообщества, но и в его социальную структуру. Они уже не обязательно относятся к низшим слоям локальной социальной пирамиды, но могут обнаружить «ниже себя» представителей «коренного» населения. Иными словами, иностранные мигранты предстают уже не столько неким внешним по отношению к принимающему сообществу элементом, сколько его неотъемлемой «внутренней» частью. В мигрантской по своей новой природе общности Пригорода иностранные трудовые мигранты стали важным элементом ее повседневной жизни, оказались включены в ее ключевые механизмы. Определение их нового места в «принявшем» сообществе стало возможным в особом пространстве Пригорода, сформированном сложными миграционными процессами.

Таким образом, пригороды становятся особым пространством, пространством социальным, экономическим, культурным; пространством иных возможностей. Увеличение числа акторов миграционных взаимодействий, возникновение новых взаимных интересов в процессе освоения Городом пространства Пригорода, меньшая формализованность сельской жизни и многое другое – все это становится важнейшими чер-

тами нового пространства миграций. Мощные миграционные процессы, инициированные Городом, в том числе и адапционные, теперь протекают в новых условиях, живут уже своей жизнью в пространстве Пригорода, где горожане играют важную, но далеко не единственно решающую роль. В свою очередь, новые качества этого формирующегося пространства становятся благоприятной средой для возникновения новых механизмов и практик адаптации мигрантов и принимающего общества, ускоряют ее и предлагают новые варианты развития этого процесса.

Это взаимодействие не сводится к уже традиционной дихотомии «мигранты – местное сообщество». Пригород становится своеобразным фронтиром, контактной зоной Города и Села, их повседневности со специфическими комплексами практик, традиций советских и постсоветских. В этом фронтальном, а потому постоянно трансформирующемся пространстве число контактирующих велико: это и мигранты из сельской местности, перебирающиеся поближе к крупным городам, и горожане, выехавшие в пригородную зону для постоянного жительства, и различные группы трансграничных мигрантов, и «коренное» население пригородных поселков. Здесь кратно умножаются и усложняются адапционные процессы, которые из привычных двусторонних становятся многовекторными.

Следствием такого усложнения становится быстрое расширение механизмов и практик взаимодействия, вариантов взаимной включенности в экономическую, социальную жизнь, шире – повседневность. Похоже, можно предполагать и заметно большую динамику этих процессов. Иными словами, Пригород постепенно приобретает все больше признаков особого пространства, формирующегося поверх административных и социокультурных границ Города и Села и развивающегося во многом благодаря этим границам. Комплекс миграционных процессов, ставший главным механизмом формирования этого транслокального пространства, остается и важнейшим инструментом его функционирования, генератором новых рисков, новых возможностей, новых перспектив.

Заключение

Попытка типизации взаимного влияния миграции и пространства, вероятно, невозможна. Во всяком случае — пока. Изначально разное пространство исследуемых кейсов под воздействием даже внешне схожих миграционных потоков, в силу специфических внешних условий и внутренних свойств меняется особым образом, порождая неповторимый спектр социальных, экономических и культурных последствий. Но общая закономерность представляется вполне отчетливой: миграции неизбежно меняют пространство, в котором они осуществляются, а изменённое пространство разительно изменяет и характер, и следствия самих миграций. Потому и результаты миграционных процессов могут проявляться уже в ином пространстве и иметь качественно другое значение.

Пространство, в котором протекают миграции, отнюдь не данность, не некая неизменная, постоянная среда. Даже как территория, географическая среда, оно меняется под прямым влиянием миграционного движения через эволюцию системы расселения, формирование центров притяжения населения и напротив — ареалов депопуляции. И сформировавшийся два десятилетия назад миграционный поток в пригород крупного города теперь входит в высокоурбанизированную зону агломерации, где прежде сельские межгородские территории оставляют все меньше возможностей и смыслов для использования сельских моделей адаптации. И напротив, входящий урбанизационный поток сельско-городской миграции без изменения географического вектора вдруг оказывается не в городском ландшафте, но в обширной и слабо отличающейся от села городской окраине.

Однако пространство миграций представляется намного более сложным, поскольку складывается из множества «слоев»: от вполне очевидных социальных и экономических до политических, культурных, ментальных. Небольшие и незначительные, на первый взгляд, изменения в каждом из этих слоев под воздействием миграции могут давать сложный синергетический эффект, качественно изменяя среду протекания миграций. Город как традиционный центр модернизационных процессов подспудно становится точкой концентрации со-

циальной архаики, а полупатриархальный сельский пригород, напротив — зоной неожиданных социальных новаций и стремительных трансформаций локальных социумов. Миграция с целью смены статуса (сельчанина или горожанина) приводит к изменению характеристик не мигранта, а принимающего пространства, и в нем такая смена статуса возможна теперь лишь формально, тогда как фактически исходный статус мигранта сохраняется прежним. Новое пространство стимулирует сохранение и актуализацию комплексов практик, не свойственных ранее этому пространству, а нередко определяет появление качественно новых, нехарактерных процессов и явлений, которые могут быть лишь вариантом, но могут оказаться и первыми приметами новых трендов развития общества.

Глава 4

Неформальные хозяйственные практики мигрантов на российском Дальнем Востоке¹

Введение

Концепт «неформальной экономики» в социолого-антропологической литературе нередко развивается в контексте изучения нелегальной или внелегальной² деятельности, благодаря участию в которой представители иммигрантских (а также этнических) сообществ получают доходы за пределами формального и государственно регулируемого бизнеса или работы³. Вопрос о том, что первично, а что вторично (т.е. сами ли мигранты желают существовать вне закона или ситуация ограниченности финансового и социального капитала толкает их в неформальный сектор), не раз поднимался в литературе⁴. Частично эти вопросы обсуждаются и в наших кейсах. Насколько ресурс этничности (солидарности, доверия и т.д.) определял и определяет экономическую мотивацию мигрантов? Ориенти-

¹ **Авторский коллектив: Н.П. Рыжова (редактор главы, введение, 4.5., заключение), Т.Н. Сорокина (4.1), Т. Н. Журавская (4.2), Т.З. Позняк (4.3), Н.Ж. Иванова (4.4), Е.Л. Ли (4.6), Е.О. Скрипник (4.6).**

² Нелегальная – т.е. деятельность, нарушающая нормативные акты, внелегальная – т.е. напрямую не нарушающая действующего законодательства деятельность. Далее мы не будем различать криминальные, нелегальные, внелегальные действия, поскольку не степень соблюдения формальных норм составляет здесь предмет исследования, обозначим их одним термином – неформальные практики. Практики будем понимать в русле теории конвенций как непосредственный процесс решения конкретных проблем, в результате которого найденные решения становятся рутинизированными практиками и разделяемыми нормами (см.: Biggart N.W., Beamish T.D. The economic sociology of conventions: Habit, Custom, Practice, and Routine in Market Order// Annual Review of Sociology, 2003. Vol. 29. Pp. 443–64).

³ См., напр.: Light D.W. From Migrant Enclaves to Mainstream: Reconceptualizing Informal Economic Behavior// Theory and Society, 2004. Vol. 33, No. 6. Pp. 705–737.

⁴ См., напр.: Portes A. (ed.) The economic sociology of immigration. Essays on Networks, Ethnicity and Entrepreneurship. Russel Sage Foundation. New York, 1982; Aldrich H.E.; Waldinger R. Ethnicity and Entrepreneurship// Annual Review of Sociology, 1990. Vol. 16. Pp. 111–135; Bailey T., Waldinger T. Primary, Secondary, and Enclave Labor Markets: A Training Systems Approach// American Sociological Review, 1991. Vol. 56, No. 4. Pp. 432–445.

рованы ли они были в прошлом и настоящем изначально на нарушение норм принимающего общества? Или и представители принимающего общества в такой же мере вовлечены в неформальный бизнес? Организованы ли сети (бригады) по моноэтническому принципу? Если да, то что способствует консолидации этнических групп?

Впрочем, не эти вопросы составляют основной «нерв» исследования, объединяющего дореволюционные и постсоветские кейсы и подтверждающего, что и тогда и сейчас мигранты очень часто прибегают к неформальным экономическим практикам. Многие исследователи склоняются к тому, что причины участия мигрантов в неформальной экономике лежат в институциональных особенностях организации принимающего общества. Вместе с тем исторический, культурный, экономический контексты исторических и современных сюжетов весьма различны, они разделены революциями, войнами и прочими потрясениями. И тем не менее мигранты не просто «традиционно» используют неформальные модели адаптации, но и сами практики традиционны, т.е. похожи. Если гипотеза об особых институтах принимающего общества верна, то тогда, возможно, сопоставление исторических и современных кейсов может помочь идентифицировать специфические институты? Поиски ответа на этот вопрос – и есть основная цель данной главы.

Несколько слов об основных концептуальных рамках анализа. Институты – есть взаимодействия «формальных правил, неформальных ограничений и способов инфорсmenta, то есть порядка обеспечения действенности этих ограничений»¹. Можно сказать иначе, что институциональные ограничения – это набор имеющихся у актора (*будь то правительство или мигрант*) возможностей, определяемых формальными правилами (*законами, указами и т.п.*) и легальными способами их поддержания (*полиция, таможенный контроль и др.*), а также неформальными ограничениями. Неформальные ограничения² разделяются на

¹ North D. The Role of Institutions in Economic Development. UNECE Discussion Paper Series, 2003. № 2.

² О большем значении социальных норм в сравнении с формальными правилами см.: Posner R. A., Rasmusen E. B. Creating and Enforcing Norms, With Special Reference to Sanctions// International Review of Law and Economics, 1999. 19b(3)a. Pp. 369–382.

индивидуальные моральные принципы и, что важнее, социальные нормы, т.е. разделяемое группой, сообществом понимание того, что допустимо и что нет. Таким образом, каждый раз делая выбор в пользу какого-то хозяйственного решения (*проезвести контрабанду?*), актер оказывается между институциональными ограничениями (*таможенниками и тюрьмой, одобрением группировки и стыдом*), которые, кстати, позволяют снизить проблему неопределенности и неполноты информации при обосновании решения. Выбор в пользу какого-то решения напрямую зависит от мотивации, которая не всегда задается максимизацией прибыли в духе “*Homo economicus*”, а также от природы координации¹ между актерами, которая может иметь характер принуждения, анархии, сотрудничества и т.п. *Возвращаясь к примеру с контрабандой, предположим, что мотивацией к ее осуществлению является обеспечение своей семьи едой, а выполняет эту задачу бездетный и молодой член семьи по принуждению/давлению со стороны своей семьи, лица, наделенного большими правами контроля.*

Другой пример обоснования и выбора решения, определяющего хозяйственную жизнь региона и влияющего на жизнь двух стран, представлен в кейсе о «Сахалинском инциденте». Вступивший в должность приамурского генерал-губернатора Н.Л. Гондатти «занял самую жесткую позицию в деле ограничения китайской иммиграции» и принял «обязательным постановлением» изменение в существующих паспортных правилах. Бесспорно, действия Гондатти были ограничены существовавшими формальными ограничениями (актами по поводу миграционного законодательства) и способами их поддержания (среди которых большое значение имела деятельность МИДа). А также ограничены и неформальными правилами и их последствиями (вероятно, одно из основных — жесткая экономическая зависимость Благовещенска от поставок из Маньчжурии). Ключевым же механизмом выбора решения об институциональной новации, конечно, стала мотивация приамурского генерал-губернатора («строгая регистрация китайцев для избавления от “заведомо нежелательных засельщиков”» и «лишний доход казне»).

¹ О механизмах координации см.: Тевено Л. Множественность способов координации: равновесие и рациональность в сложном мире / пер. с фр. А. Олейника// Вопросы экономики, 1997. N 10. С.69-84.

Зависимость от траектории предшествующего развития — есть непрерывность развития институтов общества, которая имеет характер инкрементный/постоянный, а также дискретный/прерывистый. Постоянный характер развития указывает на эволюционность развития общества: даже если в один день поменялась большая часть формальных правил, неформальные (*определяемые культурой, традициями и т.д.*¹) продолжают жить. Они постоянно изменяются, трансформируются, адаптируются, но не позволяют начать строить институциональную структуру общества «с чистого листа». В свою очередь, прерывные институциональные изменения (*шоковая либерализация и прочие «прелести» перехода к рынку в РФ — яркий пример таких изменений*) не могут быть полностью дискретными. Именно зависимость от прошлого (*неприятие частной собственности, большая доля «черного рынка» в постсоветской России*) не позволяет легко внедрить новые институты². Вообще, революционные, дискретные институциональные изменения редко дают тот результат, на который рассчитывают дизайнеры — именно из-за того, что действующие неформальные ограничения трансформируют «приживляемый трансплант»³.

Несколько примеров зависимости от траектории предшествующего развития дает раздел Н. Рыжовой. В частности, показано, что принимаемые институциональные новации в области природоохранного законодательства современной России слабо учитывают траекторию развития неформальных правил, вводятся так, будто строительство нового социального порядка в рыболовстве или охоте происходит «с нуля», чем создают основу для закрепления в целом экстралегального характера институционального развития.

¹ Эта «культурная определенность» хорошо соотносится с концепцией «укорененности», предложенная Поланьи К. (Экономика как институционально оформленный процесс// Экономическая социология. 2002. Т.3. № 2. С. 68).

² Анализ причин слабой приживаемости рыночных институтов, возможные отклонения и технологии, позволяющие надеяться на повышение эффективности институционального дизайна см.: Полтерович В.М. Трансплантация экономических институтов// Экономическая наука современной России. 2001. № 3. С. 24-50.

³ Трансплант — т.е. импортируемый институт.

Очень важно, что зависимость от траектории предшествующего развития¹ не означает неотвратимость и неизбежность последовательности событий, а лишь указывает на сужение набора имеющихся альтернатив².

При этом долгосрочные институциональные изменения – это результат накопления бесчисленных краткосрочных решений политических и экономических агентов. Те выборы, которые они делают, отражают их субъективное понимание внешней информации. Поскольку внешняя информация всегда не полна, не приходится надеяться, что будет выбрано самое эффективное решение – иногда, впрочем, это может происходить.

Таким образом, изучение институциональных изменений предполагает: систематизацию институциональных ограничений (формальных и неформальных правил); понимание побудительных мотивов принятия решений (природы координации и мотивации); выявление причины дискретных институциональных изменений; анализ «остатков», т.е. тех неформальных ограничений, которые продолжают существовать после принятия дискретных институциональных решений.

4.1. Изменения правил перехода границы для китайцев. «Сахалинский инцидент» 1912 г.

С момента присоединения Приамурья и Приморья до Первой мировой войны включительно отношение русских властей к присутствию в крае китайских подданных прошло длительный и сложный путь, который условно можно подразделить,

¹ Концепт т.н. “path dependency” неоднократно становился объектом критики в том смысле, что, конечно, исследователи согласны с тезисом о значимости истории. Но оценка причинно-следственных связей – задача отнюдь не тривиальная. Количество экзогенных параметров практически не позволяет сделать это доказательно. Об этой и других сложностях применения концепта см.: Paul D.A. Path dependence, its critics and the quest for ‘historical economics’// P. Garrouste and S. Ioannides (eds), *Evolution and Path Dependence in Economic Ideas: Past and Present*, Edward Elgar Publishing, Cheltenham, England, 2000.

² О зависимости от траектории предшествующего развития, а также обсуждение, почему после прохождения некоторой точки процесс действительно может становиться необратимым, см.: Arthur W.B. *Competing Technologies, Increasing Returns, and Lock-In by Historical Events* // *The Economic Journal*, 1989. V. 99. № 394.

используя слог приамурской администрации, на несколько вех: «привлечения», «стеснения», «ограничения» и вновь «привлечения».

Первый период, «вынужденно благоприятного отношения», продолжался первые двадцать лет владения краем и базировался на правилах 26 марта 1861 г. Новый период начался с высочайше утвержденного 26 января 1882 г. мнения Госсовета, по которому все установленные этими правилами на двадцатилетний срок льготы по землевладению и по освобождению от всяких налогов были продлены лишь для русских подданных. Главной «стеснительной» мерой на долгие годы стал закон 17 мая 1888 г. и так называемые «правила о порядке выдачи китайским подданным русских билетов» или, проще говоря, паспортная система. Политика ограничения притока иммигрантов из соседних восточных стран началась после «злополучной» войны 1904-1905 гг. с проекта «ограничения наплыва желтой расы» П.Ф. Унтербергера, обсуждение которого в конечном итоге вылилось в принятие закона 21 июня 1910 г. и дальнейших попыток выработки уже иммиграционного законодательства.

«Проект иммиграционного закона для областей Дальнего Востока» последнего приамурского генерал-губернатора Н.Л. Гондатти, составленный накануне Первой мировой войны, потерпел фиаско в результате изменившегося в центре взгляда на китайскую иммиграцию в условиях мобилизации военного времени. Нужда в рабочих не только на Дальнем Востоке, но и в остальной России настолько обострилась, что правительство решило временно приостановить действие мероприятий, направленных на ограничение пользования трудом китайских рабочих. Если использовать слог официальных документов той эпохи, проблема «ограничения наплыва желтой расы» во время войны сменилась необходимостью выработки «условий применения в Империи труда желтых рабочих», иначе вновь началось их «привлечение». Круг замкнулся.

Понятно, что выделение этих основных вех очень условно. Грани между ними весьма зыбки и расплывчаты, особенно между «стеснением» и «ограничением», поскольку, по сути, это одна и та же политика, с одинаковыми целями и методами, но

в разных условиях и масштабах. Ограничение притока китайских иммигрантов была той трудноразрешимой проблемой, с которой сталкивались все приамурские генерал-губернаторы. Регулирование процессов их вселения и проживания всегда являлось важнейшим направлением иммиграционной политики приамурских властей, ядро которой составляли выработка определенного порядка перехода государственной границы и паспортная система. Почти каждый приамурский генерал-губернатор пытался привнести в эту систему свои изменения.

Длительное время условия вселения китайских подданных в дальневосточных областях России определялись особыми правилами, введенными еще при первом приамурском генерал-губернаторе бароне А.Н. Корфе (с 1 мая 1885 г. в Приморской области и с 1 августа 1886 г. — в Амурской). Доступ китайцев в пределы генерал-губернаторства разрешался только через определенные пограничные заставы. При переходе границы каждый китайский подданный был обязан предъявить национальный паспорт для наложения визы, уплатив за это 30 коп. По визированному национальному паспорту можно было месяц проживать в пределах Российской империи, после чего требовалось «выбрать» русский билет, уплатив за него 1 руб. 20 коп. Тогда же был установлен дополнительный сбор в 30 коп. на покрытие канцелярских расходов, связанных с введением паспортной системы. При этом основной сбор зачислялся в государственную казну, а дополнительный оставался в распоряжении местных губернаторов. Китайские подданные, не имевшие национальных паспортов или русских билетов, высылались за границу как бродяги. Русский билет выдавался на один год, затем обменивался на новый с уплатой предусмотренных правилами пошлин. За уклонение от его своевременного приобретения предусматривался штраф в размере 5 рублей¹.

Поскольку установленные высшей местной властью правила законной силы не имели, А.Н. Корф инициировал принятие закона 17 мая 1888 г., по которому приамурскому генерал-губернатору, «в виде опыта на 10 лет», предоставлялось право «облагать проживающих в крае корейцев и китайцев, если они

¹ РГИА. Ф. 394. Оп. 1. Д. 47. Л. 71-73.

не владеют недвижимою в крае собственностью и не производят в нем торговых оборотов, особыми сборами по его, губернатора, усмотрению»¹. С изданием этого закона, составившего статьи 344 и 345 Учреждения Сибирского, правила о паспортном сборе с китайцев не только получили законодательное подтверждение, но и с 1889 г. были распространены на корейцев.

Паспортные правила с течением времени изменялись, главным образом в части размеров сборов, повышение которых традиционно вызывало большое неудовольствие китайской стороны. Регулярно дискутировался порядок перераспределения сборов и уточнялись места перехода границы. Так, по инициативе военного губернатора Приморской области, которую одобрил и поддержал генерал-губернатор С.М. Духовской, сбор с китайцев был увеличен до 5 руб. при сохранении штрафа в прежнем размере. Новый сбор складывался из: налога в казну (4 руб. 10 коп.), сбора на канцелярские расходы (30 коп.) и гербового сбора (60 коп.). Эти правила были введены с 1 января 1894 г. в Приморской области и с 1 января 1895 г. — в Амурской.

По прошествии 10 лет действие закона 17 мая 1888 г. регулярно продлевалось — сначала ежегодными «Высочайшими повелениями», а затем по закону 21 июня 1910 г., «впредь до введения в действие общего иммиграционного закона»², который так и не был принят. Закон 21 июня 1910 г. хотя и несколько ограничивал экономическую деятельность китайцев, но совершенно не позволял регулировать их допуск к проживанию в русских пределах. Поэтому закон 17 мая 1888 г. долгое время оставался, по сути дела, единственным средством ограничения притока иммигрантов, причем, по общему признанию, малоэффективным.

Паспортные правила оказались совершенно несостоятельными в борьбе с ежегодно растущим наплывом выходцев из Китая, так как фактически не исполнялись. Зачастую китайские подданные переходили границу, минуя пограничные заставы, оставались незамеченными в тайге или просто отку-

¹ Там же. Ф. 1284. Оп. 185. Д. 23. Л. 377.

² Там же. Л. 366.

пались от русской полиции. Льгота месячного проживания в крае без русского вида на жительство приводила к тому, что многие китайцы, даже перейдя границу в положенном месте с визированием национального паспорта, не выкупали русских билетов. Замечание о том, что «значительное число китайцев уклоняется от выборки установленных билетов», — одно из наиболее часто встречающихся в официальной переписке. Л. Богословский, автор записки «Крепость Владивосток и китайцы», подсчитал, например, что «по данным официальной статистики паспортный сбор за 1907 г. исчислялся в 200 тыс. рублей, а должен быть (в соответствии с количеством китайцев, проехавших через Владивосток. — Т.С.) не менее 800 тыс. рублей»¹. Распространено было проживание по чужим билетам и подделка паспортов. Высылка за границу нарушителей давала незначительные результаты, так как они обычно через пару месяцев возвращались обратно. Местные власти признавали, что «вся постанова дела надзора за китайцами и взимания с них сборов страдает серьезными дефектами»².

Несмотря на попытки генерал-губернатора П.Ф. Унтербергера ввести новые правила в 1908-1909 гг., эта система существовала до назначения в 1911 г. главным начальником края шталмейстера двора его императорского величества Н.Л. Гондатти. Он занял самую жесткую позицию в деле ограничения китайской иммиграции. Своей властью он изменил некоторые положения существующей системы, чем вызвал массу протестов китайского правительства. Недовольно было и Министерство иностранных дел, так как распоряжения были изданы без предварительной консультации с ним. Это привело к внешнеполитическим осложнениям, в частности, к так называемому «Сахалинскому инциденту» 1912 г. — малоизвестному, но очень поучительному эпизоду в русско-китайских отношениях.

«Сахалинский инцидент» — это события, происшедшие летом 1912 г. после введения новых правил в китайском местечке Сахалин (Хэйхэ), расположенном напротив Благовещенска. Казалось, это был малозначительный инцидент, «бой местно-

¹ РГИАДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 566. Л. 185.

² РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 45. Л. 5.

го значения». Но в решение конфликта были вовлечены с двух сторон не только местные пограничные власти, но и высшее начальство края, дипломатические миссии и правительства в лице глав внешнеполитических ведомств, а местное русское население вновь заговорило о «желтой опасности», вспоминая события 1900 г. и готовясь к войне. Этот эпизод весьма поучителен для понимания роли китайцев в жизни дальневосточной окраины и прекрасно иллюстрирует степень экономической зависимости Приамурья от Китая, особенно, Маньчжурии. А его разрешение показало, как в очередной раз возобладали политические «государственные» интересы над «обывательскими» интересами населения дальневосточной окраины. Обширная переписка по этому вопросу, составляющая довольно объемное дело «О правилах перехода границы» в фонде Тихоокеанского стола Архива внешней политики Российской империи,¹ и будет в центре нашего внимания.

**«...для избавление края
от заведомо нежелательных засельщиков»**

Вступив в должность приамурского генерал-губернатора, Н.Л. Гондатти сразу обратил внимание на то, что при получении русского вида на жительство китайцы уплачивали 60 коп. гербового сбора, тогда как по новому уставу его сумма составляла 75 коп. По его ходатайству вопрос быстро был разрешен правительством «в положительном смысле», то есть в июне 1911 г. паспортный сбор был увеличен еще на 15 коп. и стал составлять, таким образом, 5 рублей 15 коп. А в следующем году был изменен и порядок уплаты сбора, вызвавший протесты китайской стороны. Чем же были вызваны изменения?

Крупные беспорядки в Китае в 1911-1912 гг., связанные с событиями Синьхайской революции, вызвали усиленное движение в Приамурье китайцев, «рассчитывавших получить здесь и покой, и обеспеченный кусок хлеба». Н.Л. Гондатти предполагал, что из-за вступления в силу закона 21 июня 1910 г.², запрещающего труд иностранцев на казенных работах, «китайцам предстояло обмануться в своих ожиданиях, и поэтому

¹ АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 1027. Л.139.

² Закон 21 июня 1910 г. вступал в силу с 1 января 1911 г.

краю грозила опасность быть наводненным безработными, пополняющими, как этому есть много доказательств, ряды самого неблагонадежного элемента, из которого обыкновенно составляются хунхузничьи шайки, партии охотников-хищников, истребляющих естественные богатства края, и, наконец, кадры самых разнообразных преступников, на что указывает население тюрем края»¹.

Поэтому он и считал необходимым до начала навигации 1912 г. принять специальные меры к устранению опасности, «грозящей мирному течению местной жизни». В начале апреля 1912 г. обязательным постановлением приамурского генерал-губернатора была изменена ст. 4 существующих паспортных правил, разрешавшая китайцам в течение месяца жить в пределах Приамурского края по визированному национальному паспорту². Теперь требовалось выбирать русские билеты тотчас по вступлении на русскую территорию. По мнению Н.Л. Гондатти, это давало, во-первых, лишний доход казне, поскольку затрудняло возможность уклонения от обязательства выборки русских билетов, так как «следить при существующих условиях полицейской службы в крае за проживающими в нем китайцами почти невозможно». Во-вторых, и в главных, таким путем создавалась строгая регистрация китайцев, что было особенно важно для избавления края от «заведомо нежелательных засельщиков»³.

Реакция последовала незамедлительно. Телеграммой от 18 апреля 1912 г. министр иностранных дел С.Д. Сазонов сообщал Н.Л. Гондатти, что к нему обратился китайский поверенный в делах с просьбой об отсрочке этого постановления, так как выехавшие с родины купцы, не знакомые с ним, оказываются в «тяжелом положении». На вопрос министра о возможности

¹ Там же. Л. 99.

² Приведем полностью эту статью «Правил о порядке выдачи в Приморской области китайским подданным русских билетов»: «4) По китайскому паспорту, визированному вышеказанным порядком, китайский подданный имеет право прожить беспрепятственно в пределах Российской империи в течение одного месяца, считая со дня наложения визы. По истечении этого срока он обязан взять русский билет у одного из лиц, упомянутых в следующем пункте» (РГИА. Ф. 394. Оп. 1. Д. 47. Л. 71.).

³ АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 1027. Л. 99.

исполнения этой просьбы ответ был категоричен: «Решительно признаю невозможным не только отменить, но даже видоизменить свое обязательное постановление относительно срока выборки китайцами видов на жительство. Подробности письмом. Гондатти»¹.

В дополнительном письме в МИД от 7 мая 1912 г. он объяснил, что его распоряжение было вызвано «безусловной необходимостью», приведя аргументы об ущербе казне и упорядочении регистрации. Удовлетворить просьбу об отсрочке распоряжения он признал «безусловно невозможным». Почему? Основная масса китайцев прибывала в край ежегодно в весенние месяцы через Владивосток, а поскольку в текущем году это движение уже началось, то «представлялось особенно важным внести новый порядок немедленно, иначе он потерял бы на этот год значительную часть своего значения».

Гондатти также сообщал, что к нему обратился китайский генеральный консул во Владивостоке с ходатайством, чтобы правило это не распространялось на купцов, проезжающих через нашу территорию лишь транзитом. Для них он просил установить особые бесплатные удостоверения, дающие права жительства в крае в течение полумесячного срока. Генеральный консул мотивировал свою просьбу тем, что во Владивосток морем приезжает много «купцов-переселенцев», следующих далее по Уссурийской и Китайской Восточной железным дорогам транзитом в пограничную с Россией Маньчжурию. Гондатти отказал по двум причинам: во-первых, потому что «крайне трудно» было проследить за тем, чтобы транзитные пассажиры не оставались в крае, уклоняясь от регистрации и выборки русских паспортов, а во-вторых, он полагал, что «способствовать колонизации Маньчжурии путем предоставления китайским переселенцам легкого и удобного проезда через Приморскую область совершенно не в наших интересах»².

В начале июня в МИД поступила секретная телеграмма из Пекина, из Императорской миссии, от действительного статского советника В.Н. Крупенского по поводу протеста, заявленного китайским министром иностранных дел. Поводом к

¹ Там же. Л. 1-2.

² Там же. Л. 3-4.

протесту послужила жалоба китайского генерального консула во Владивостоке на то, что русские власти требуют от переходящих границу или приезжающих на пароходах китайцев «немедленной выборки русского билета с уплатой значительного сбора, чего не существует относительно других иностранных подданных». Китайский министр просил отменить эти правила, так как «новые мероприятия не соответствуют принципу сближения двух наций». Глава Императорской миссии, считая, что китайцы «переносят дело на принципиальную почву и ставят вопрос о распространении на них принципа наиболее благоприятствуемой нации», испрашивал указаний, как отвечать китайскому МИДу («Вайбубу») и разрешить ли российским консульским представителям официально сообщить текст новых правил местным китайским властям. При этом В.Н. Крупенский посетовал на то, что правила эти остаются «до сих пор неизвестными Императорской миссии»¹.

В ответ одновременно 9 июня были отправлены секретные телеграммы министра иностранных дел генерал-губернатору Гондатти и главе Российской миссии в Пекине Крупенскому. Уведомляя генерал-губернатора об официальном протесте китайского правительства, Сазонов заверил его, что протест будет отклонен («Мы, конечно, отвергнем протест...»), но при этом попенял ему за проявленную инициативу без совета с МИДом («...задача Министерства иностранных дел облегчилась бы, если бы Вы, ранее принятия мер, хотя бы бесспорно не противоречащим трактатам, ознакомляли Министерство и Миссию в Пекине с Вашими предположениями. Задачи, преследуемые Вами, от этого не страдали бы, а мы могли бы легче сгладить трения с Китаем, что важно с точки зрения нашей общей политики»). И просил срочно отправить в Миссию текст правил, поскольку без них невозможно было дать обоснованный ответ².

В телеграмме В.Н. Крупенскому были даны инструкции, как отвечать представителям китайского внешнеполитического ведомства. Сначала С.Д. Сазонов напомнил, что подобные протесты против паспортного сбора были и раньше, но без

¹ АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 1027. Л. 5.

² Там же. Л. 6.

ссылок на трактаты, «ибо принцип наибольшего благоприятствования для Китая не обязателен в договорах его с нами». Китайскому министру надо объяснить, что дополнительный сбор идет на экстренные санитарные меры, проводимые исключительно в отношении китайцев («не применяющихся к туземцам и другим иностранцам»). И было бы несправедливо возлагать на государство расходы, которые оно вынуждено производить ради иностранцев. Что же касается немедленного взыскания сбора при переходе границы, то такой порядок введен из-за массового уклонения китайцев от его уплаты («пользуются льготным месяцем, чтобы ускользнуть от регистрации»)¹.

Пока Министерство иностранных дел и Российская миссия реагировали на протесты китайской стороны по поводу изменения ст. 4 паспортных правил, посыпались новые ноты, гораздо более «энергичные», спровоцированные еще одним нововведением приамурского генерал-губернатора.

По распоряжению Н.Л. Гондатти в марте 1912 г. специальным совещанием был выработан новый порядок перехода границы порубежными жителями, до этого, по его мнению, фактически нерегулированный. Он считал, что это совершенно необходимо, «при установившихся оживленных сношениях по делам ежедневной необходимости русских с китайскими пределами и китайцев с нашими», тем более, что под видом приграничных жителей в край проникали большей частью обитатели внутренних областей, не имевшие национальных паспортов и не помышлявшие потому о выборке русских билетов. Они и составляли контингент беспаспортных и незарегистрированных китайцев, т.е. «элемент далеко неблагонадежный» и бесконтрольный.

Новый порядок, не распространявшийся на лиц, прибывающих на пароходах или по железной дороге, заключался в следующем: пропуск приграничных китайцев по сельскохозяйственным и другим надобностям разрешался только по специальным пропускным билетам, составленным на русском языке, выдаваемым китайскими пограничными властями. Эти пропуска были действительны только в 50-верстной погранич-

¹ Там же. Л. 7-8.

ной полосе в течение трех дней и оплачивались 75-копеечным гербовым сбором при переходе границы. Вопрос о том, какие именно пограничные власти Китая должны выдавать билеты на переход границы, губернатору предстояло решить совместно с пограничным комиссаром. Переход границы допускался «исключительно через пункты нахождения таможенного надзора», где таможенные чиновники должны были взыскивать гербовый сбор и штемпелевать предъявляемые билеты, а при обратном следовании за границу — отбирать их. Виновные в переходе границы, минуя таможенные посты, привлекались к ответственности по ст. 1038 Устава таможенного, а просрочившие билеты без уважительных причин, как беспаспортные, подлежали передаче ближайшему полицейскому чиновнику, который также должен был письменно удостоверить и «уважительность» просрочки билета. Для установления на границе контроля за соблюдением правил и порядка регистрации переходящих границу китайцев в таможенных учреждениях губернатор должен был «войти в сношение с начальником таможенного округа»¹.

«Обнаглевший поселок...»

Новые правила были разосланы губернаторам пограничных областей в виде «инструкции приамурского генерал-губернатора» от 2 мая 1912 г., а вступить в силу должны были с 1 июля этого же года. Их претворение в жизнь и привело к «Сахалинскому инциденту», а необходимость уплаты 75-копеечного гербового сбора послужила непосредственным поводом к нему. Реакция местного китайского населения на взимание нового сбора при переходе границы была бурной.

Свидетелем этих событий оказался находившийся здесь в командировке правитель канцелярии Комитета по заселению Дальнего Востока тайный советник Г.В. Глинка. Вот как он описывает их в своей телеграмме главноуправляющему землеустройством и земледелием: «...оставил Благовещенск большой тревогой, общим смущением. Настояния начальника края провести наконец в жизнь закон о паспортах китайцев и устранить обход его, похожий на глумление над нашими

¹ АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 1027. Л. 73.

законами, вызвали недовольство сахалинской толпы, не желающей подчиняться необходимости брать или паспорт, или временные свидетельства, сопряженные с расходом на марки 75 коп. Обнаглевший поселок осмелился задержать силой, вопреки распоряжению паспортного даотая, если правдивы его заявления, все находящиеся на китайской стороне продовольственные грузы и гурты монгольского скота, назначенные для города и на север, принадлежащие русским, оплаченные уже русскими деньгами. Дошло до прекращения свободного сообщения с китайским берегом. Местный дипломатический агент бездействует. Местная власть лишена решительности освободить русское имущество от насилия. В виду самого Благовещенска при наличии военной силы и даже близости нашей канонерки, которую можно вызвать через сутки, все ожидают разъяснений, указаний из Хабаровска, где необходимо для принятия мер соглашение двух начальников. Телеграфные сношения, благодаря особой медленности телеграфа здесь, требуют часто несколько суток. Наличие скота в городе не превышает ста голов, суточная потребность более 80. Завтра город останется без мяса, отправка скота на север, на дорогу, где тысячи рабочих, остановлены. Все это последствие самовольства ничтожного поселка. Тяжелое, у многих удручающее, чувство побуждает сообщить вам эти сведения. Глинка»¹. Копия телеграммы была передана в МИД С.Д. Сазонову.

Позднее более подробно эти события были изложены в донесениях российскому посланнику в Пекине и в первый департамент МИДа вице-консульства в Айгуне. По сообщению вице-консула В.К. Никитина от 14 июля, «брожение среди китайцев началось не сразу по введении 75-коп. сбора, а лишь с 3 июля, когда новое ограничение было оценено по достоинству»². В Сахалине скопилась значительная толпа рабочих, мелких торговцев, не желавших платить новый сбор. Они силой задержали все находившиеся на китайской стороне уже оплаченные продовольственные грузы и гурты монголь-

¹ АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 1027. Л. 13. (Часть знаков препинания и предлогов, которые в источнике заключены в скобки дешифровщиком телеграммы, здесь приведены без таковых, а несколько пропущенных знаков препинания расставлены автором).

² Там же. Л. 32.

ского скота, предназначенные для Благовещенска и области, принадлежавшие русским скототорговцам. Вице-консул не «бездействовал» — несмотря на болезнь, он пытался оказать на местного даотая, недавно переселившегося на постоянное место жительства из Айгуня в Сахалин, «должное воздействие в целях побудить китайские власти занять спокойное положение до решения вопроса в окончательной форме». Даотай пообещал вице-консулу и пограничному комиссару оказать содействие к беспрепятственному пропуску на русскую сторону уже закупленного скота, его даже начали перегонять для погрузки на баржи, но тысячная толпа китайцев разогнала весь гурт, не допустив его до погрузки, а сам даотай едва не пострадал. Благовещенские власти оказались не в состоянии освободить грузы.

Поражает, как быстро в стихийное сопротивление толпы сахалинское городское самоуправление и местное отделение коммерческого общества сумело внести элементы организованности. Как писал В.К. Никитин, «начавшись среди рабочей массы, скопившейся здесь за последнее время в избытке, оно перекинулось затем в среду городского самоуправления и в общество по защите национальных интересов». Уже утром 4 июля было созвано заседание, в котором участвовали представители китайского купечества, администрации и других слоев общества. Заседание постановило бойкотировать русские товары, ввозимые на китайский берег, и прекратить вывоз в Благовещенск овощей и других продуктов, а также избрать делегатов и отправить их в разные пункты по Амуру и Сунгари, поручив им вести энергичную пропаганду о проведении аналогичных мер. Делегаты должны были убедить население не давать дров и провизии русским пароходам, а лесные заставы не должны были пропускать лес, предназначенный к сплаву в Благовещенск «на вольную продажу». В Харбине отправили трех представителей с поручением организовать там бойкот, а именно не давать русским пароходоладельцам грузов, не продавать никаких зерновых продуктов, повесить для русских цены и не покупать их товаров¹.

¹ АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 1027. Л. 32.

Китайцы ударили по самому слабому месту — зависимости Благовещенска и области (прежде всего района строительства Амурской железной дороги) от китайского продовольствия, прежде всего мяса. 5 июля военный губернатор Амурской области созвал экстренное совещание из представителей различных ведомств, чтобы выяснить, «насколько отзовется в населении китайский бойкот». Выяснилось, что в городе имелось около 300 голов скота, из которых 200 было предназначено для войск и потребностей «Амурки», на остальные 100 мог рассчитывать город (при суточной потребности, как писал Глинка, более 80 голов), то есть население и войска должны были остаться без мяса. На мясо, хлеб и овощи цены в Благовещенске поднялись в первый же день осложнений и продолжали ползти вверх. Это вызывало, по донесению вице-консула, «всеобщее неудовольствие при настроении, которое близко можно назвать угрожающим»¹. На экстренном совещании Биржевого комитета составили срочную телеграмму приамурскому генерал-губернатору, в которой описали всю ситуацию и просили принять незамедлительные меры.

Тем временем в Сахалияне происходили мелкие столкновения между толпой, продавцами овощей и полицией. Торговцы овощами терпели убытки и пытались тайно отправить их на русскую сторону, а толпа наказывала «штрейкбрехеров». Во время стычек полиция даже пустила в ход оружие, правда без трагических последствий, но благовещенские обыватели, памятуя события 1900 г., опасались «попадания пуль рикошетом в город». Была поднята шумиха в прессе. Прекратился также сбыт китайского золота в русские банки (раньше ежегодно китайцы продавали до 400 пудов).

Любопытно, что вице-консул предвидел подобное развитие событий, во всяком случае, в его донесении то и дело встречаются фразы «как и следовало ожидать...» или «предположения относительно возможности нежелательных последствий от внезапно принятой приамурским генерал-губернатором меры стеснения перехода границы китайскими жителями не замедлили оправдаться» и т.п.

¹ АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 1027. Л. 31.

К его донесению были приложены вырезки из благовещенских газет по горячим следам событий, под заголовками «Конфликт», «К бойкоту», «Бойкот» и т.п. с очень широким спектром реакции местного населения — от беспристрастного «новостийного» изложения событий до серьезной критики приамурского начальства. Одни давали советы, как выкрутиться из сложного положения с продовольствием. Например, были предложения поставлять мясо из Монголии через Сретенск, овощи покупать у корейцев («без овощей обойдемся — есть у корейцев»), а хлеб привозить из Западной Сибири. Поскольку «коммерсанты из боязни убытков не рискнут на выписки» хлеба (так как сибирский хлеб обойдется значительно дороже маньчжурского), то хлебные запасы должно сделать городское самоуправление. Самым серьезным считался вопрос о топливе для пароходов — 50 % всех дровяных запасов находилось на китайской стороне¹.

Другие больше интересовались вопросом, «как повлияет тактика китайцев на русское правительство: вынудит ли его отменить ограничения или заставит прибегнуть к другим мерам?» и пытались прогнозировать ситуацию. Высказывались предположения, что бойкот не был «задуман самим населением», а организован по приказу из Пекина и не может продлиться долго, так как он невыгоден самим китайцам («он бьет по карману китайцев»). Автор статьи «Бойкот» (некий «R.») писал: «Допустим, что рубль окажется бессильным и не ускорит прекращения бойкота и китайцы осуществят свои угрозы задержки скота. Не нужно быть пророком, чтобы предугадать, что последует дальше. При настоящем соотношении сил русское правительство не пойдет на уступки, даже под угрозой занятия китайской территории. А китайцы, думается, не настолько ослеплены, не настолько переоценивают свои силы, чтобы допустить до такого финала»².

Третьи высказывали мысли по поводу несвоевременности этой меры и их прогнозы были иными. Например, автор заметки «Маньчжурия и Амур» «Баян» выступил с критикой новых мероприятий. С одной стороны, он относит Н.Л. Гон-

¹ Там же. Л. 34.

² АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 1027. Л. 36.

датти к разряду государственных деятелей крупной величины, обладающих «недюжинным умом и большим опытом». Меры, проводимые им, «поражают обывателя своей энергичностью и зачастую даже парадоксальностью», и «было бы большим легкомыслием отнести эти меры к разряду тех несурзных административных экспериментов, которыми так богата русская жизнь». Он горячо приветствует стремление Гондатти вырвать Приамурье «из постоянной рабской зависимости от Китая, которая сказывается на каждом шагу». Но последние нововведения автор считает незаконными, поскольку паспорта и все документы, относящиеся к ним, свободны от гербового сбора. «Таким выходом Гондатти признал немедленное удаление китайцев с русской территории, где они живут за наш счет, обогащая свою страну. Гондатти решил удалить ту причину, которая мешает успешной колонизации края, но... Приамурью нужна серьезная операция — это верно, — но не нужно забывать, что врач только тогда имеет право приступить к ампутации, когда у него под рукой достаточно перевязочного материала, и он уверен, что больной не изойдет кровью. В данном случае Приамурье — больной с ампутированной рукой, исходящий кровью. Шталмейстер Гондатти, изгоняя китайцев в то время, когда Приамурье переживает наисерьезнейший момент своей жизни, делает промах. Он останавливает жизнь края в тот момент, когда она наиболее интенсивно пульсирует. Экономическая война китайцами объявлена в тот момент, когда у нас не только нет никаких боевых запасов, но нет даже патронов на первый бой. Нет сомнения, что мы потерпим поражение»¹. В итоге прогноз автора, скрывавшегося под псевдонимом «R», оказался более точным.

**«...вступить в переговоры относительно отмены
всех новых распоряжений»**

После 1 июля в российскую миссию посыпались новые жалобы. Посланник В.К. Крупенский в телеграмме управляющему МИДа от 9 июля сообщал: «Ныне Вайбубу обратился ко мне с двумя нотами, в коих, не касаясь более вопроса

¹ Там же. Л. 37.

об уменьшении льготного срока для обмена национальных паспортов на русские китайцами, приезжающими в Приамурье, он энергично протестует против введения с 1 июля новых правил о переходе границы порубежными жителями, на которые китайское правительство не может согласиться и просит отпустить арестованных нашими властями за несоблюдение этих правил китайцев, так как подобная мера не соответствует постановлениям договоров о свободной торговле в 50-верстной полосе». Поскольку Крупенский считал, что эти правила действительно не соответствуют договору 1881 г. о торговле с Китаем («казалось бы идут в разрез...»), он просил снабдить его указаниями, как отвечать китайскому правительству¹.

Началась активная переписка российской миссии в Пекине с двумя внешнеполитическими ведомствами, а также между министром иностранных дел, российским посланником и приамурским генерал-губернатором (двое первых более всего добивались, чтобы Гондатти им прислал текст новых правил, а последний отстаивал необходимость их введения).

Все ноты («сообщения») китайского министра иностранных дел, которые В.Н. Крупенский представлял в МИД, примерно одинаковы — в них содержались, как правило, донесения пограничных китайских начальников (гиринского или хэйлунцзянского) о новых правилах, доведенных до их сведения пограничным комиссаром, ссылки на трактаты, в соответствии с которыми «порубежные подданные обеих стран должны иметь свободу передвижения» в 50-верстной полосе, упреки к российским властям за то, что они «неожиданно» вводят «чрезмерные ограничения в условия прибытия китайцев в русские пределы и перехода границы», тогда как Китай никаких ограничений не создавал. И в заключение сообщают, что министерство не может согласиться на новые правила, и просят отменить их «во имя дружбы». Например, в сообщении от 6 июля китайский министр заявлял, что не признает требования русских властей о выборе билетов порубежными жителями и что «действия эти вызывают серьезное и справедливое негодование китайских подданных и противоречат вло-

¹ АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 1027. Л. 16.

женному в основу договорных постановлений между обоими государствами принципу дружеских отношений»¹.

Докладывая о событиях в Сахалине главе правительства В.Н. Коковцеву (телеграмма от 6 июля), Гондатти пояснил, что точное соблюдение установленных правил представляется ему «безусловно необходимым в видах ограждения вверенного ему края от наплыва разного рода преступного элемента из Маньчжурии и Монголии», тем более что правила эти были сообщены им 24 мая нашему посланнику в Китае и возражений с его стороны не вызвали. В.Н. Коковцев обратился с просьбой в МИД сообщить свое мнение по этому поводу². А.А. Нератов, товарищ министра иностранных дел, в свою очередь, запросил посланника в Пекине: «Приамурский генерал-губернатор телеграфирует, что правила были сообщены Вам и возражений не вызвали. Какие положения правил могут противоречить договору с Китаем?»³.

В.Н. Крупенский ответил, что 24 мая приамурский генерал-губернатор прислал ему лишь копию своего предписания губернаторам от 2 мая с изложением временно установленных правил перехода границы порубежными китайцами. Его заключения при этом не спрашивалось. Из письма он понял, что правила эти введены в действие тогда же, а не предполагались к введению с 1 июля, как это теперь оказалось. Протест китайцев, полученный им одновременно с письмом генерал-губернатора, не касался правил для порубежных жителей, поэтому он и не возражал против них, тем более что генерал-губернатор основывал их на требованиях «безусловной необходимости». По мнению посланника, три пункта правил противоречили договорам: во-первых, требование обязательной выборки свидетельств на русском языке; во-вторых, взимание 75-коп. сбора и, в-третьих, ограничение тремя днями пребывания китайцев в русских пределах. Он предполагал, что китайцы, вероятно, не будут возражать, исходя из паспортной практики, только по первому пункту. В.Н. Крупенский также сообщил о донесении вице-консула в Айгуне В.К. Никитина,

¹ Там же. Л. 22-23, 24-25, 42 и др.

² Там же. Л. 15-16.

³ АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 1027. Л. 18.

из которого следовало, что все участники комиссии, собранной военным губернатором по поводу новых правил, высказались против этой меры, считая, что она вредно отразится на интересах русских жителей, так как левый берег Амура находится в экономической зависимости от порубежных китайцев. Никитин просил, чтобы «наши пограничные власти никаких ограничительных мер против китайцев не принимали без предварительного сообщения проекта их на заключение комиссии»¹.

Поскольку приамурский генерал-губернатор настаивал на своем и основывал требование об уплате 75-коп. гербового сбора на двух статьях Устава о гербовом сборе, не считая его противоречащим договору с Китаем 1881 г., Крупенский просил указаний у министра иностранных дел, «должен ли он ответить китайцам в смысле отзыва шталмейстера Гондатти».

Русская сторона, считая действия китайцев «незаконными и противными международному праву», требовала пропустить грузы без всяких условий. Китайские же власти связывали это дело напрямую с новыми правилами перехода границы, упирая на том, что это инициатива снизу, что «местные торговцы пришли в законное негодование по поводу мер, стесняющих пограничную торговлю, и для китайских властей является крайне затруднительным силою принудить их»². Поэтому единственный выход из положения — отменить гербовый сбор, вернуться к прежнему порядку. Российский посланник в Пекине, получив инструкцию не связывать это дело с новыми правилами (поскольку скот и товары были закуплены до 1 июля), на все ноты неизменно отвечал, что «самоуправство» сахалинского населения является следствием «попустительства местных властей» и не может быть оправдываемо ссылкой на новые правила и просил предписать местному даотаю принять меры для немедленного пропуска задержанных русских товаров и скота.

Так «перепирались» больше двух недель, пока наконец по инициативе китайской стороны не было найдено компромиссное решение: поскольку китайские власти не могли при-

¹ Там же. Л. 29.

² Там же. Л. 38.

нудить раздраженное китайское население перевозить продукты на левый берег Амура, они предложили русским купцам самим переправиться через реку за товарами и обещали пропустить их обратно, но с условием, после разрешения этого дела вступить в переговоры относительно отмены всех новых распоряжений. Как следует из телеграммы В.Н. Крупенского от 19 июля в МИД, китайцы просили его воспользоваться этим «наипростейшим способом разрешения настоящего дела и вступить в переговоры относительно отмены всех новых распоряжений»¹.

Таким образом, инцидент был улажен, или, как позднее писал об этом Н.Л. Гондатти, «...недовольство это скоро улеглось, и пограничные сношения приняли нормальное течение»². Переписка об отмене новых правил затянулась затем на долгие месяцы. 24 августа 1912 г. российский посланник в Пекине официальной нотой уведомил китайское правительство об отмене 50-верстной пограничной полосы с 1 января 1913 г.³ и получил от министра иностранных дел инструкцию затягивать переговоры о правилах перехода границы до этого срока.

С сентября 1912 г. последовали протесты от пограничных властей Гиринской провинции против введения новых правил. Российский консул в Гирине князь Д.В. Мещерский просил главу Миссии в Пекине связаться по этому поводу с китайским правительством, так как, по заявлению даотая, местные власти не могли согласиться «на принятие наших мер без предписания из Пекина». В.Н. Крупенский спросил, «какого

¹ АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 1027. Л. 45.

² Там же. Л. 101.

³ Осенью 1911 г. из-за наступавшего срока окончания действия торгового договора между Россией и Китаем, заключенного в 1881 г., начались переговоры в Петербурге по его пересмотру. 25 октября российское правительство вручило китайскому уполномоченному свои контр-предложения. Это приблизительно совпало с началом Синьхайской революции в Китае. Цинское правительство, отвлеченное своими неурядицами, оставило эти предложения без ответа. Российское правительство неоднократно напоминало китайцам о том, что надо довести переговоры до конца, но безуспешно. 24 августа 1912 г. российский императорский посланник послал ноту с уведомлением, что российская сторона будет считать Петербургский договор 1881 г. остающимся в силе на новый 10-летний срок, то есть до 7/21 августа 1921 г. В этой ноте и было заявлено об отмене 50-верстной пограничной полосы с 1 января 1913 г. (АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 1037. Л. 3-14.).

образа действий держаться относительно протестов китайцев против новых правил и в каком отношении эти правила находятся к сделанному нами заявлению китайскому правительству об отмене с 1 января 1913 г. 50-верстной полосы»¹. Ответ министра иностранных дел С.Д. Сазонова (телеграмма от 21 сентября) был чрезвычайно любопытным. Оказалось, что «заявлением об упразднении льготной полосы предполагалось помочь ликвидировать вопрос об этих правилах». Поскольку в министерстве так и не было текста внесенных в правила изменений, они до сих пор не имели возможности судить «о правильности» протеста китайцев. С.Д. Сазонов вообще считал «нежелательным отменять раз введенные правила», поэтому было принято решение «затянуть вопрос до 1 января 1913 г., когда с отменой льготной полосы мы получим свободу действий в вопросе о переходе китайцами нашей границы»².

Таким образом, введенные по инициативе Н.Л. Гондатти без санкции правительства новые правила перехода границы для китайцев и отсутствие их текста в министерстве оказали самое непосредственное влияние на принятие решения об отмене 50-верстной полосы.

В ответ на еще одну попытку Гондатти объяснить, что именно и почему он изменил в существующих правилах (письмо от 5 августа 1912 г.), министр иностранных дел «журил» приамурского генерал-губернатора: «Не касаясь существа изменения, я лишь укажу на последствия, которые произошли вследствие введенных изменений в систему перехода нашей границы китайцами. Несомненно, если бы до издания правил, представили бы на одобрение Министерства иностранных дел, то было бы легко избежать нежелательных инцидентов, как последний случай в Сахалине. До сих пор не получено текста вновь изданных Вами правил, каковые вызвали столь упорный и горячий протест китайского правительства. Не имея возможности из-за отсутствия изданных распоряжений определенно высказаться по их существу, я могу лишь на основании донесений наших представителей в Китае вынести заключение, что некоторые положения правил идут наперекор действующим

¹ АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 1027. Л. 67.

² Там же. Л. 69.

договорам». С.Д. Сазонов указывал на крайнюю необходимость, сообщать проектируемый текст новых постановлений, касающихся иностранцев и «могущих затрагивать договоры», на заключение в МИД и миссию в Пекине, прежде чем проводить их в жизнь¹.

Несмотря на протесты и даже угрозы китайских дипломатов, упреки министра иностранных дел и российского посланника в Пекине, непонимание ближайших коллег из приамурской администрации, Н.Л. Гондатти не желал идти на уступки². Он снова и снова убеждал правительство в том, что условия перехода китайцами границы представляются ему «единственными», отвечающими интересам Приамурского края, «будучи в то же время освящены практикой и основаны на духе закона империи»³. Спустя почти два года он с удовлетворением отмечал, что этого времени вполне хватило, чтобы достаточно ясно доказать, насколько новые требования оказались целесообразными на практике и «оправдали предположения, имевшиеся в виду при их выработке».

4.2. Изменение практик «серого импорта» на постсоветской российско-китайской границе

«Челночный бизнес» стал одним из инструментов накопления первоначального капитала нескольких поколений предпринимателей. Можно условно разделить «челноков» на тех, кто обслуживает внутреннее пространство страны, и тех, кто перевозит товары через границу. Для органов власти, как правило, интерес представляют вторые, поскольку они реали-

¹ Там же. Л. 53.

² Единственной уступкой можно считать продление действий пропускных билетов для порубежных жителей до 5 дней. В феврале 1914 г. Н.Л. Гондатти сообщил в МВД и МИД: «В настоящее время, в виду выяснившейся недостаточности 3-дневного срока упомянутых пропускных билетов, что особенно замечается русскими в сезон сенокосения, заготовки дров, леса и пр., я признал возможным продлить действие этих билетов, как для китайцев, так и для русских, до 5 дней, причем последним в отдельных случаях пропуска могут быть выдаваемы и на более продолжительные сроки до 1 месяца; во всем остальном практика пропуска через границы порубежных китайцев остается без изменения». (Там же. Л. 101).

³ АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 1027.Л. 101.

зуют схемы так называемого «серого импорта». Неоднократно предпринимались попытки заставить «челноков» работать легально, поскольку такой импорт, с официальной точки зрения, наносит ущерб экономике, не позволяя получать пошлины с части коммерческих грузов и осуществлять эффективное тарифное регулирование. «Челноки» же свой бизнес не прекращают, а лишь подстраивают схемы под изменения законодательства. Но можно ли говорить о безрезультатности работы властей в этом направлении? Как влияет такое внимание на механизмы и схемы, осуществляемые предпринимателями? Почему они продолжают работать полулегально, подвергая себя каждодневному риску?

«Серый импорт», начало 2000-х гг.

Основной механизм функционирования «челночного бизнеса» давно не является секретом для большей части населения. Граница с КНР не исключение. Каналы «серого импорта» Благовещенск – Хэйхэ представляют собой китайско-русскую (русско-китайскую) сеть. Товар провозит подставное лицо без уплаты соответствующих пошлин как вещи для личного пользования. Опишем участников:

Предприниматели (они же – собственники товара) – российские и китайские граждане, имеющие торговый бизнес. Услугами подставных лиц, как правило, пользуются предприниматели из КНР, поскольку административные и иные виды барьеров на пути к легальной деятельности для многих непреодолимы. Российские «челноки» провозят товар сами, но без уплаты пошлин, как частные лица, либо пользуются услугами «кирпичей».

«Кирпичи» – организаторы перевозки грузов. Создают и управляют группой российских граждан для переправки товаров, ведут неофициальные переговоры с представителями таможи и т.д.

«Фонари» – подставные лица, перевозящие товар якобы для личных целей.

К началу 2000-х гг. «челночный бизнес» уже стал достаточно оформленным видом деятельности с устоявшимися правилами. Позади были «бартер» и неорганизованная улич-

ная торговля¹. Еще в середине 90-х «челноки» становятся объектом внимания властей. Механизм представлял собой следующую схему: российский или китайский предприниматель обращался к «кирпичам» и договаривался о переправке товара; «кирпич» собирал группу «фонарей», которыми чаще всего были студенты и безработные. На тот момент один «кирпич» мог в день отправить не одну группу, часто в группе назначался «бригадир» (тот, кто ездил в Китай не в первый раз, знал маршрут, умел оформлять документы и т.д.), которому и платили больше. Группа ехала в торговый центр на остров в Хэйхэ, проводила там некоторое время, проходила китайскую таможенную. Сумки с грузом забирали либо с острова, либо уже на российской стороне. Затем «фонарю» давали «баул», заполненные документы, показывали к какому терминалу нужно подходить. После прохождения контроля «фонари» получали свои деньги, а «кирпичи» и «бригадиры» развозили сумки предпринимателям.

Стать «фонарем» было не сложно, достаточно было лишь сказать об этом тому, кто имел опыт такой поездки, а также иметь загранпаспорт. Организаторы поездки оплачивали также расходы на питание. Такие поездки были способом заработка, за один раз «фонари» получали 150-300 рублей, при этом ездить можно было несколько раз в неделю. Доходы же «кирпичей» при удачной поездке составляли тысячи рублей в день и складывались из оплаты груза предпринимателем (20-25 юаней за кг) за вычетом расходов на путевки «фонарей», их питание и выплат «своим людям» на таможне (к ним относились не только инспектора, но и заведующие складами, и даже уборщицы).

Риски были распределены неравномерно. Все эти операции не оформлялись документально. При этом сами «фонари» редко задумывались об ответственности, часто вообще не были осведомлены о возможных санкциях (так, например, то, что лежит в сумке, они видели уже при досмотре на таможне). Предприниматели же рисковали собственностью, но доказать их причастность к факту организации нелегальной перевозки

¹ Об этом см.: Рыжова Н.П. Трансграничный рынок в Благовещенске: формирование новой реальности деловыми сетями «челноков» // Экономическая социология. 2003. Т.4. № 5

коммерческого груза было абсолютно нереально. Больше всего рисковали «кирпичи», поскольку «фонарями» становились малознакомые люди, которые могли в экстремальной ситуации показать на того, кто «попросил перенести сумки». Дело могло кончиться не просто административными санкциями, но даже уголовной ответственностью, но о таких случаях автору не известно (если говорить о начале 2000-х гг.). Нередко группу можно было идентифицировать даже визуально, поскольку часть вещей «фонари» одевали на себя, при этом часто вещи оказывались одинаковыми, к тому же не соответствовали размеру (нужно было надеть, например, 2 пары одинаковых брюк и три свитера).

Отношение к «челнокам» в прессе неоднозначно. Но важно то, что любую новую попытку властей прекратить их деятельность журналисты сразу связывали с возможным последующим повышением цен. А таких попыток за 10 лет было несколько.

Изменения формальных правил¹

Первые попытки урегулировать ситуацию с маятниковыми миграциями и перекрыть туристические каналы поставки товаров были предприняты в середине 90-х. В августе 1996 г. было принято постановление Правительства РФ № 808 «О порядке перемещения физическими лицами через таможенную границу РФ товаров, не предназначенных для производственной или иной коммерческой деятельности». Именно к этому моменту В.Л. Ларин и относит появление «кирпичей»².

В апреле 1999 г. МИД РФ и КНР обменялись нотами о применении в Хэйхэйской торговой зоне «Хуши» острова Большой Хэйхэ упрощенной системы въезда российских граждан (безвизовый режим для российских граждан начал действовать в августе), в результате чего поток туристов, среди которых львиную долю до сих пор составляют «челноки», увеличи-

¹ Подробнее см.: Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона: Российско-китайские отношения на рубеже XX-XXI веков. Владивосток: Дальнаука, 2006; Симутина Н.Л., Рыжова Н.П. Экономические и социальные взаимодействия на трансграничном пространстве Благовещенск–Хэйхэ// Вестн. ДВО РАН, 2007. № 5.

² Ларин В.Л. Российско-китайские отношения в региональных измерениях (80-е годы XX – начало XXI в.). М.: Восток-Запад, 2005. С. 246.

чился. В Хэйхэ же началось активное формирование служб, ориентированных на прием туристов. Но уже в ноябре 2000 года в рамках соглашения между правительствами двух стран о безвизовых групповых туристических поездках устанавливалось, что туристической группой может быть группа не менее 5 человек. При этом осуществлять безвизовый групповой туризм имеют право турфирмы с лицензией на международную деятельность и опытом такой работы не менее 3 лет. В 2002 г. начала действовать новая система учета, согласно которой туристической могла считаться поездка хотя бы с одной ночевкой, что не могло не оказать влияния на практику отправки группы «фонарей».

В 2002 г. были приняты ФЗ РФ «О правовом положении иностранных граждан в РФ» и постановление Правительства РФ «О порядке выдачи иностранным гражданам и лицам без гражданства разрешения на работу», где, в частности, устанавливалось, что работодателем или заказчиком может выступать также иностранный гражданин, зарегистрированный в России в качестве предпринимателя. Однако массовой легализации торговцев на рынке не произошло, эти изменения коснулись других сфер — строительства и лесозаготовок.

С 1 января 2003 г. расчеты и платежи стало возможно производить в рублях — вступило в силу «Соглашение между ЦБ РФ и Народным банком Китая о межбанковских расчетах в торговле в приграничных районах». Успешный опыт привел к бессрочному действию соглашения с 2004 г., а также был распространен на другие приграничные территории. В 2003 г. Народное правительство провинции Хэйлуцзян приняло решение о расширении зоны Хуши до границ почти всего города Хэйхэ. Стали действовать «Временные правила регулирования зоны российско-китайской приграничной торговли «Хуши» в г.Хэйхэ», которые применяются по сей день. Российским гражданам разрешалось в упрощенном порядке без виз въезжать на территорию зоны, находится там до 30 суток, покупать и снимать в аренду жилье. Также разрешены расчеты в рублях и в юанях, а реклама, объявления и вывески должны быть написаны на двух языках. В 2003 г. было введено ограничение на число поездок для граждан РФ, согласно которым

теперь можно было ездить не чаще одного раза в 8 дней. Это было первым существенным ограничением, которое действительно повлияло на изменение практик. Тогда особо ценными были те, кто ехал впервые, поскольку им разрешено было один раз провозить 75 кг.

Таким образом, кризис 1998 г. и стимулирующие действия китайских властей вначале привели к увеличению потока туристов, незначительное снижение произошло в 2002 г., однако после этого вновь можно наблюдать увеличение. Кстати, на 2000 г. приходится пик числа въездов китайских граждан в Амурскую область.

Примерно в это время меняется отношение таможни к практикам «челноков»:

«Кирпичи» жалуются, что им не дают провезти из Китая 50 килограммов товара бесплатно. За все ввезенные вещи требуют платить пошлину. (...) Необходимо доказать, что все вещи предназначены для личного пользования. Раньше, по словам предпринимателей, инспекторы охотнее шли на компромисс, видя, к примеру, мужчин, провозящих для себя полсотни пар колготок. В последние дни сделать это практически невозможно. По неофициальной информации, требование ужесточить правила ввоза поступило всем инспекторам от руководства, для того чтобы не сорвать план поступлений в бюджет»¹.

На наш взгляд, с этого момента начинается существенное изменение роли таможни в действии описанной схемы.

В 2005 г. в «Соглашении о безвизовых групповых туристических поездках» срок пребывания сократили до 15 дней, однако в приграничной зоне «Хуши» он остался без изменений. В 2006 г. «Положение о применении единых ставок таможенных пошлин, налогов в отношении товаров, перемещаемых через таможенную границу РФ физическими лицами для личного пользования» № 29 снизило возможный вес некоммерческого груза до 35 кг не чаще одного раза в месяц. «Кирпичам» для сохранения поставок в том же объеме требовалось значительное расширение штата «фонарей».

В 2007 г. квота на иностранных торговцев в РФ была сокращена до нуля. Согласно ФЗ «О розничных рынках», все китайские

¹ «Челнокам» мешает таможня // <http://www.amur.info/news/>.

работники должны были исчезнуть в одночасье. Китайские предприниматели до марта 2007-го, ожидая предстоящих изменений, распродала товар и сократили поставки нового. Но решение в итоге было найдено на уровне муниципальных властей: рыночных торговцев «перевели» в статус работников торговых центров, т.е. «китайский открытый рынок» прекратил свое существование, а торговля приобрела более цивилизованный формат. Однако, несмотря на заявления местных властей, что с юридической точки зрения «всё чисто», вопрос о правовом положении торговцев и по сей день спорный, поскольку нулевая квота означает, что все иностранцы не могут быть наемными торговцами. Т.е. в настоящее время в торговых центрах в Благовещенске должны работать только иностранные предприниматели, но абсолютное большинство работает на подставное лицо — предпринимателями являются, как правило, граждане России.

В 2009 г. произошло очередное ужесточение таможенного контроля. Население по этому поводу активно выражало недовольство (чего стоят высказывания посетителей сайта «Амур.инфо»: *«Фимоз головного мозга у таможенников перешел в термальную стадию»*, *«После знакомства с таможенниками стал лучше относиться к гаишникам»* и т.п.).

В июле 2010 г. вступил в силу новый Таможенный кодекс Таможенного союза, согласно которому разрешены ежедневные поездки и провоз до 50 кг груза. Изменения столь неожиданны и невероятны, что некоторое время многие не рисковали добавлять к своим сумкам еще 15 кг, не зная о решениях, принятых на таможне. Как это повлияет на механизм «серого импорта», пока можно лишь предполагать. Рассмотрим далее, к чему привели изменения формальных правил в практике «челноков».

«Серый импорт», конец 2000-х гг.

На наш взгляд, произошло три наиболее значимых и ощутимых изменения в практиках приграничной торговли:

1. Изменение роли таможни. Пристальное внимание федеральных властей заставило работников таможни быть менее откровенными в «пособничестве» такому импорту. В результате таможня сейчас выполняет роль некоего управляющего.

Если раньше таможенник определял сумму своеобразного «налога» в деньгах, то теперь правила изменились: чтобы не потерять свое прибыльное место, он заранее оговаривает с «кирпичами», какой перевес должен быть у каждой сумки. Это обеспечивает платежи в бюджет. Кроме этого, заранее оговаривается, сколько сумок необходимо провезти через склад и сколько можно провести людей.

Вообще же информанты отмечают, что амурская «таможня стала не такой дикой», что раньше работать было гораздо сложнее и что сейчас таможенники «стали более лояльные ко всем молодым, новым». Конечно, официальная позиция таможни в отношении «фонарей» и «кирпичей» не изменилась. Как и раньше, либо комментариев нет вообще, либо факты «пособничества» отвергаются. Появились также и «дела фонарей», чаще стали задерживать контрабанду, есть материалы в прессе о делах в отношении причастности должностных лиц.

Поскольку неофициальный контроль со стороны таможни стал более организованным, появились соответственно и те, кто эти новые правила стремится обойти, пытаясь получить больший доход:

Случай М., преподаватель вуза: «Поехали с подружкой отдохнуть в Китай на выходные. При возвращении на таможне на русской стороне стояли с небольшими сумочками, в очереди подошел молодой парень, оказался бывшим выпускником. Сразу спросил: «Вы сами по путевке ездили?» Мы сказали, что сами. Он сказал, что у них небольшой перевес и попросил перенести за небольшое вознаграждение. Я согласилась, но сумку он поднес прямо на терминал: кинул большой баул! Таможенник тогда меня долго не отпускал, все спрашивал, что я везу, заставил все доставать на счет. Потом отпустили, но было как-то страшно... Мне за это всего 500 рублей потом дали».

Ужесточение правил в конце 2000-х гг. повлекло за собой славу о благоустроенной таможне, как о «красной». Многочисленные высказывания по этому поводу можно прочитать на сайте указанного информационного агентства, о том же говорили наиболее опытные информанты. Так комментирует ситуацию телеведущий местного канала:

«В силу профессии приходится много ездить, зачастую меняя границы и таможи. И везде, будь то столичное Домодедово или далекий казахский Актюбинск, близкое к нам Хэйхэ или Ташкент, чувствуешь себя человеком — все так цивилизованно: сумку на сканер, пожалуйста, проходите. И только свою родную Благовещенскую таможеню я всегда прохожу с чувством внутренней тревоги, как будто я в чем-то виноват. И пройдя таможенный досмотр, часто облегченно вздыхаю: «Слава богу, жив»¹.

Кстати, комментарий был дан на передаче, где брали интервью у предпринимателя, дважды выигравшего суд у Благовещенской таможни в 2009 г. Хотя суд выигран, экономические потери предпринимателю не возместят, да и вряд ли ему удастся с таможней «договориться». Таким образом, таможня пресекла попытку легализации импорта, при этом сама формально нарушила законодательство:

«С 2008 года я стал заниматься товарами народного потребления. Этим видом деятельности мы пытались заняться давно — еще при бывшем начальнике таможни, освободить пассажирскую таможню, чтобы через нее не ходили так называемые челноки, или кирпичи, как их иногда называют. Хотели убрать эти сумки и сделать цивилизованную торговлю товарами народного потребления — одежда, обувь, светильники и все такое.

- Хотели, чтобы контейнеры шли цивилизованно?

- Да, да. Товар сертифицируется, и все это делается — постоянно следят за качеством товара, погрузкой товара. И в конце зимней навигации 2009 года товар, который был завезен, выполнен план, но компаньоны обратились — появился товар, необходимо дополнительно завезти. Я вывез туда контейнеры, и контроль за погрузкой и проверку товара осуществил некачественно, хотя в обязанности покупателя это не входило. Я должен был принимать товар на территории Российской Федерации. Я заказал товар — мне этот товар должны прислать. Пришел товар; когда это случилось, я, зная о том, что досконально его не проверил, обратился, пользуясь своим правом по Таможенному кодексу, с просьбой об осмотре товара на территории Россий-

¹ Сергей Кондаков, предприниматель, выигравший суд у Благовещенской таможни // <http://www.amur.info/simple/>.

ской Федерации, чтобы его задекларировать. Таможенный орган мне в этом отказал»¹.

Такое поведение работников таможни объясняется двояким статусом и конфликтом выполняемых ролей: с одной стороны, необходимо защитить существующее положение, чтобы иметь возможность и в дальнейшем получать доход, с другой стороны, усиливается давление органов власти, что требует уже не просто формального выполнения обязанностей, но и демонстрации определенных результатов.

2. Изменение статуса игроков. С одной стороны, по мнению информантов, сейчас данным видом бизнеса занимаются более мелкие игроки. Многие не имеют хорошо отлаженных каналов. Так, С. (муж., 30 лет, служит в подразделении МЧС) рассказывает, что в Китай ездит только через давнего знакомого. Он помогает быстрее пройти очередь на таможне, не просит везти сумки, при прохождении досмотра никогда не задерживают надолго, да и со склада сумки быстро забирает. У информанта Е. (жен., 25 лет, житель поселка, государственный служащий) первый опыт оказался столь негативным (в начале 2010 г.), что теперь в Китай она ездит только сама по путевке. Как рассказывает Е., ей пришлось самой везти сумки с острова, затем долго ждать своей очереди, а после – проходить уничижительный досмотр. Домой вернулась поздно вечером, т.к. еще долго пришлось ждать на таможне.

С другой стороны, работа стала более организованной, с китайскими предпринимателями стало более комфортно:

Е., жен., 29 лет, декларант: «Я первый раз поехала в 2004-м, мы тогда даже немного заработали. Сейчас «кирпичи» также работают, только сумки нам отдают уже на русской таможне. ... В начале на русской таможне встретились, нам дали путевки, деньги, чтобы в Китае заплатить. (...) Мы когда границу в Китае перешли, «кирпичу» позвонили, он нам сумки к терминалу принес, бумажку дал для таможенника. Мы быстро прошли, 500 рублей получили и все».

Муж., «кирпич»: «Раньше было много «помогаек», сейчас у каждого свой человек. Приезжаешь уже на все готовое, никто ничего не пересчитывает, то есть развито доверие. Забыли, ког-

¹ Он же.

да русские кидали китайцев, китайцы стали поаккуратнее. Фонарей с улицы не цепляют. Некоторые уже нацеплялись».

Что касается «фонарей», то для них это перестало быть способом заработка. Получаемая сумма увеличилась до 500 рублей, но заработок стал возможен лишь раз в месяц. Кроме того, в Хэйхэ за прошедшие 10 лет существенно выросли цены, расходы по питанию и размещению в гостиницу тоже теперь нужно брать на себя. Потому поездки в Китай превратились теперь *в способ экономии* на оплате транспортных расходов и оформлении формальностей. Другой вопрос, что далеко не каждый готов платить за такую экономию необходимостью доставлять совершенно неподъемный груз и принимать на себя риск быть остановленным при досмотре (в период наиболее серьезного ужесточения «фонарям» нужно было выучить то, что лежало у них в сумке, а также иметь при себе, в случае чего, чеки на товары). Ездить «фонарем» стало не так безопасно.

3. Изменение качества поставляемого товара. Произошло в связи с улучшением формата торговли (переходом в торговые центры): *качество товаров улучшилось*. Работа в торговых центрах позволила улучшить качество обслуживания. У китайских торговцев появились кассовые аппараты, кое-где можно видеть ценники. Некоторые предприниматели стали возить «фабричный» товар, более качественный, иногда даже брендовый (например, «Li Gao Jeans»). Появилась возможность осуществлять примерку, в отделах стали ставить манекены. Сами торговые центры предлагают также набор услуг: пошив одежды и штор, ремонт обуви, сотовых телефонов, ключей, услуги кафе. Показателен и тот факт, что в одном из торговых центров открыт магазин «Л'Этуаль», направленный на удовлетворение нужд не самых бедных слоев населения. К тому же произошло существенное изменение цен на товары в Хэйхэ. Если вначале разница в ценах была в 4–5 раз, то сейчас – примерно в 2 раза. Стали появляться отделы фирменной фабричной одежды и в других торговых центрах (типа «In City» и «OGGY»), где за сравнительно небольшую цену можно приобрести качественную модную одежду. Часто ситуация бывает такова, что на некоторые товары цена на аналогичный товар в «китайском» торговом центре может быть существенно выше,

чем в магазинах города, ориентированных на сегмент покупателей с низкими доходами. Таким образом, «китайские» предприниматели стали претендовать *на более доходный сегмент*.

Многие считают, что развитие торговли между двумя городами уже исчерпало себя. Сказываются последствия частых изменений российского законодательства. Сейчас нет такого наплыва туристов, частыми стали случаи, например, такого обмана:

«Наверняка каждому очень настойчиво предлагали свои услуги так называемые «толкачи» – мелкие уличные торговцы. С очень настойчивыми фразами типа «носки нада» они способны вывести из равновесия даже очень морально устойчивого человека. Так вот, весь их товар без исключения стоит не дороже 2 юаней. Редкое исключение составляют товары за 3-5 юаней. Не больше! Например, последний «хит» уличной торговли – зажигалка, которая в несколько раз превышает размер обычной зажигалки. Ее охотно предлагают за 10 юаней, когда обычная ее цена – 3,5 юаня. Выводы делайте сами»¹.

Постоянное внимание властей, ужесточение правил, частые случаи обмана и рост цен могут перенаправить поток «серого импорта» в другие пункты пропуска. Тем более, что предпосылки этому есть. В Поярково (поселок городского типа районного значения), например, «фонарям» оплачивают питание и проживание, хотя цена поездки также 500 рублей. В Пашково (Еврейская АО) поездка «фонаря» обойдется уже в 1000 рублей при оплате питания и проживания. Участники объясняют это более низким уровнем цен, лучшим отношением к русским туристам и даже более качественным товаром. «Там Китай лучше» – частое высказывание по этому поводу наших информантов.

Основные выводы

Вклад «челноков» в экономику Амурской области трудно переоценить. Чего только стоит развитие банковского сектора: по данным Национального Партнерства Участников

¹ Способы обмана, или бизнес «по-хэйхэйски» // <http://blogs.amur.info/putilov/113.html>.

Микрофинансового Рынка (НАУМИР)¹, Амурская область по объему финансовых услуг на душу населения в 2008 г. занимала третье место после Москвы и Забайкальского края (!). При этом оба региона (исключая Москву) являются дотационными и не обладают какими-либо значительными производствами. Но гораздо больше их вклад в развитие приграничных отношений, деловых сетей.

Ответ на вопрос, почему механизм остается неформальным, несмотря на увеличивающиеся препятствия, достаточно очевиден: *цена неформальных контрактов меньше цены формальных*. Так, в настоящий момент пошлина на текстиль составляет от 2 до 20 евро за килограмм. По данным декларанта, пошлина почти никогда не бывает меньше 12-15 евро. Тогда 35 кг обойдутся от 600 до 1000 евро, т.е. от 20 000 до 40 000 в рублевом эквиваленте. Однако эта сумма всего лишь часть всех расходов, которые в совокупности окажутся гораздо больше (расходы на получение лицензий и сертификатов, разрешений, инспекцию и хранение товара и т.п.). Переправка одной сумки в 50 кг по каналу «серого импорта» стоит в среднем 20 000 рублей (кстати, конечное вознаграждение «кирпича» составляет 6-7 тысяч рублей). Такие же подсчеты в начале 2000-х гг. подтверждают сделанный нами вывод.

Описанная схема работы для китайских предпринимателей имеет более *универсальное значение*. Изучение практик адаптации трансмигрантов в 2007-2008 гг. на продуктовой базе в Благовещенске выявило похожий механизм по доставке овощей и фруктов из Китая. Продуктовая база «Дружба» представляется неким связующим звеном между китайскими производителями и благовещенскими потребителями. Схема взаимодействия — русско-китайская (китайско-русская) сеть. «Производители» находятся на территории КНР, они взаимодействуют с поставщиками продукции в Россию («китайские» предприятия), которые переправляют товар через границу. Поступивший товар оформляется русскими посредниками, которые затем

¹ Мамута М., Моисеев С., Ермилова Г., Емелин А. Концепция повышения доступности розничных финансовых услуг. Меры по развитию микрофинансирования в Российской Федерации» 2008-2012. Москва, октябрь 2008 г. (выходные данные неизвестны, контакты с разработчиками на сайте www.rmcenter.ru).

передают товар оптовым продавцам на территории России. Далее товар поступает на плодобаза, где часть его перекупают более мелкие оптовые торговцы (тоже китайцы). Затем уже на базе местные предприниматели покупают товар для того, чтобы доставить его в магазины¹. Т.е. построенные схемы работают в разных отраслях, а трансмигранты активно используют сетевой ресурс в преодолении барьеров.

Схемы демонстрируют завидную *устойчивость и гибкость* в меняющихся институциональных условиях, что доказывает существующая двадцатилетняя практика. На наш взгляд, такое состояние невозможно без социального одобрения (существование самого феномена также говорит о силе такого одобрения). Те преобразования в экономике, которые произошли в 90-е гг., поставили часть населения на грань выживания, сделали их «предпринимателями поневоле». Достойной альтернативы для них пока нет, организовать легальный бизнес способны все еще единицы (хотя нельзя говорить, что положительных тенденций в этом направлении совсем нет). Сегмент, который обслуживают «челноки», достаточно обширен, к нему относятся социально уязвимые слои населения (с другой стороны, и те, кто продает более качественный товар, не отказываются от схемы). К тому же в китайских предпринимателях заинтересованы местные органы власти. Все это позволяет «челнокам» работать по старой схеме. А новый Таможенный кодекс открывает перед ними новые перспективы.

4.3. Экономические практики иммигрантов на российском Дальнем Востоке (конец XIX — начало XX в.)

Исследователи подчеркивают тесную связь между этнической и неформальной экономикой в России, часто оставляя без внимания вопрос — является ли участие иммигрантов в неформальной экономике (включая криминальные сферы) их

¹ См. более подробно: Дятлов В., Журавская Т., Охотникова А., Перевалова Л., Собенникова Е. «Китайские рынки» российских городов — «уходящая натура»?// Трансграничные миграции и принимающее общество: механизмы и практики взаимной адаптации: монография/ науч. ред. В.И.Дятлов. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. (Тр. Иркутского МИОНа). С. 249-288.

особенностью или это характерно и для представителей принимающего общества. Обращение к этой проблеме на примере российского Дальнего Востока второй половины XIX - начала XX в. не случайно, ведь спецификой заселения региона был массовый приток иммигрантов из сопредельных азиатских стран. Численность выходцев из Китая, Кореи и Японии в Амурской и Приморской областях на 1 января 1894 г., по данным официальной статистики, составляла около 46 тыс. чел. (16,1 % населения)¹, а к 1 января 1914 г. — уже 160,4 тыс. чел. (16,6 %)². Нелегальная миграция, особенно в период сезонных работ, радикально увеличивает эти цифры.

Особенности хозяйственной деятельности и экономической адаптации азиатских иммигрантов, их роль в развитии региональной экономики во второй половине XIX — начале XX в. достаточно хорошо изучены в исторической литературе³. Это дает возможность сосредоточиться на неформальных практиках экономической адаптации китайских иммигрантов и причинах их широкого распространения, а также на

¹ Всеподданнейший отчет Приамурского генерал-губернатора генерал-лейтенанта Духовского. 1893, 1894 и 1895 годы. СПб., 1895. С. 5.

² Обзор Приморской области за 1913 год. Владивосток, 1915. Прил. 1; Приложение к Всеподданнейшему отчету военного губернатора Амурской области за 1912-1913 гг. Благовещенск, 1915. Табл. 1.

³ Сорокина Т.Н. Хозяйственная деятельность китайских подданных на Дальнем Востоке России и политика администрации Приамурского края (конец XIX — начало XX в.). Омск, 1999; Позняк Т.З. Иностранцы подданные в городах Дальнего Востока России (вторая половина XIX — начало XX в.). Владивосток: Дальнаука, 2004.; Позняк Т.З. Социокультурная и экономическая адаптация японцев на российском Дальнем Востоке (вторая половина XIX — начало XX в.) // Векторы культуры Тихоокеанской России: история и современность. Владивосток: Дальнаука, 2006. С.30-47; Позняк Т.З. Азиатские иммигранты на Дальнем Востоке России: особенности экономической адаптации (вторая половина XIX — начало XX в.) // Шестые Гродковские чтения: материалы между. науч.-практ. конф. «Актуальные проблемы исследования российской цивилизации на Дальнем Востоке». Хабаровск, 2009. Т.1. С.112-121; Тамура Айка. Японская иммиграция на российский Дальний Восток во второй половине XIX — первой трети XX в. (по источникам и литературе на японском языке): дис. . . канд. ист. наук. Владивосток, 2007; Белоус Б.С. Хозяйственная деятельность японских иммигрантов на юге Дальнего Востока России и политика администрации Приамурского края (вторая половина XIX — начало XX в.): дис. . . канд. ист. наук. Владивосток, 2007; Петров А.И. Корейская диаспора на Дальнем Востоке России. 60-90-е годы. Владивосток, 2000; Петров А.И. Корейская диаспора в России. 1897-1917 гг. Владивосток, 2001.

сравнительном анализе использования неформальных практик в своей хозяйственной деятельности разными группами иммигрантов и русским населением. Проведение подобного сравнительного исследования затрудняется отсутствием в источниках соответствующих статистических данных, поэтому судить о данном явлении можно только на основе анализа разрозненных фактов.

В фокусе исследовательского внимания две основные группы мигрантов: отходники, прибывавшие в регион для сезонных заработков, но иногда остававшиеся на два-три года, и иммигранты, жившие на российской территории десятилетиями. Они выезжали на родину лишь время от времени, но сохраняли с нею довольно тесные деловые и родственные связи (мелкие и средние предприниматели, владельцы недвижимости, прислуга, служащие частных компаний и пр.).

Экономическое поведение и практики хозяйственной конкуренции

Экономика региона в значительной степени зависела от труда мигрантов в обрабатывающей и добывающей промышленности, в портовых погрузо-разгрузочных работах, в строительстве, на муниципальных работах по благоустройству городских улиц, ассенизации, водоснабжению. Это было обусловлено нехваткой русских рабочих, дальностью пути и дороговизной их доставки из европейской части России. По мнению современников, это было связано и со снижением издержек предпринимателя из-за минимальных потребностей китайских рабочих. При найме иммигрантов исключались также расходы на доставку рабочих в регион, не требовалось обеспечение их жильем и питанием. В противном случае эти расходы должен был нести подрядчик, высчитывавший их впоследствии из заработка рабочих, либо артель, вскладчину арендуя жилье, нанимая повара и закупаая продовольствие.

Российские предприниматели жаловались на «бестолковость» китайских рабочих: незнание русского языка, законов создавало трудности при найме на работу и при ее выполнении. Спасением была артельная организация труда. Должностные подрядчиков и старшин занимали, как правило, китайцы,

прожившие какое-то время на российской территории, выучившие азы русского языка, знакомые с особенностями организации работ, с российским законодательством, наладившие связи среди российских предпринимателей и чиновников. Они оговаривали вопросы найма и оплаты, руководили работами артели, включая распределение по рабочим местам и пр. Наниматель, которому гарантировалось исправное исполнение работ в оговоренные сроки и в нужном объеме, вступал в отношения не с каждым отдельным рабочим, а с китайским подрядчиком или старшиной¹.

Дискуссия между сторонниками и противниками применения иностранного труда велась постоянно, обе стороны высказывали множество аргументов за и против. И даже если большинство так называемых достоинств азиатских иммигрантов были не реальными преимуществами, а только стереотипными представлениями, они глубоко проникли в среду предпринимателей и влияли на их предпочтения при выборе рабочей силы.

Важным конкурентным преимуществом была общинная взаимопомощь. Благодаря ей китайцы первыми получали работу на предприятиях земляков, нуждающимся оказывалась материальная поддержка, а также помощь в бытовом обустройстве, информационном обеспечении. Д.И. Шрейдер обратил внимание на «странную» солидарность китайцев: нашедшие работу содержали тех, кто ее еще не нашел². По словам Ф.Л. Вильчинского, китайские купцы оказывали благотворительную помощь рабочим, оставшимся без работы³. Подобная взаимовыручка существовала, впрочем, и среди других иммигрантских общин (немцев, корейцев, японцев и др.). А также и среди русских сетей, объединявших родственников, земляков, лиц одного социального круга, представителей не-

¹ Вильчинский Ф.Л. Рабочие силы промышленных предприятий Приморской области: стат. иссл.. Владивосток, 1904. С.8-9; Граве В.В. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье // Труды Амурской экспедиции. СПб., 1912. Вып.11. С. 54-60; Материалы по изучению рабочего вопроса в Приамурье. СПб., 1912. Вып.2. С.89-101; Шрейдер Д.И. Наш Дальний Восток. СПб., 1897. С.58-59.

² Шрейдер Д.И. Указ. соч. С. 76-79.

³ Вильчинский Ф.Л. Указ. соч. С. 5.

которых религиозных общин. Отличались, вероятно, масштабы распространения и степень включенности представителей разных этнических групп в данное взаимодействие.

На российском Дальнем Востоке основой экономического успеха иммигрантов, вне зависимости от их этнической принадлежности, был поиск и успешное освоение пустующих рыночных ниш, а не вытеснение местных предпринимателей. Региональная экономика складывалась одновременно с притоком переселенцев из России и иммиграцией из зарубежных стран. В экономической сфере иммигранты были поставлены во многих отношениях в равные юридические условия с местными предпринимателями. При этом иммигрантские сообщества успешно использовали ряд преимуществ.

Одной из составляющих успеха было проживание в регионе значительного числа соотечественников. Большая часть китайских предприятий ориентировалась на удовлетворение нужд общины — создание харчевен, закусовых, постоянных дворов, шлюпочных мастерских, лавок по продаже национальной одежды и обуви. Львиная доля доходов от этой деятельности ускользала от российских и европейских предпринимателей.

Освоение, иногда монополизация некоторых рыночных ниш (не всегда престижных и высокодоходных) китайцами и корейцами произошло в результате не только высокой деловой активности, но и низкой стоимости работ. Китайские предприниматели часто выигрывали торги, проводившиеся городскими управами, на подряды по выполнению работ по ассенизации, освещению и благоустройству улиц в дальневосточных городах, предлагая самые низкие цены. Современники отмечали, что конкурентные преимущества китайцев в торговле складывались за счет массы факторов: участия служащих в прибылях; взаимного кредитования; снижения издержек путем исключения расходов на рекламу, страхование, аренду жилья; уменьшения затрат на отопление, освещение, ведение документации, аренду складских помещений и многое другое¹. Выстраивались патерналистские отношения «хо-

¹ Шрейдер Д.И. Указ. соч. С. 23-24; Митинский А.Н. Материалы о положении и нуждах торговли и промышленности на Дальнем Востоке // Тр. Амурской экспедиции. СПб., 1911. Вып.8.

заяин – рабочий». Создание у работников иллюзии общей заинтересованности в деле позволяло усиливать эксплуатацию и минимизировать расходы.

Этническая консолидация и групповая мобилизация играли не последнюю роль в экономической адаптации иммигрантов в неблагоприятных условиях иноэтничного окружения, с незнакомыми правилами и нормами поведения, ведения бизнеса, чужого языкового пространства. Консолидация обеспечивала доступ к первоначальному капиталу для открытия собственного дела, включенность в необходимые сети: оптовик – розничные торговцы, производитель услуг, товаров, торговец – потребитель. Даже китайская прислуга была включена в систему корпоративных связей и использовала их для личного обогащения. «Бои» – китайская прислуга, покупали товар для хозяев у торговцев-родственников или земляков, помогая им заработать и получая за это комиссионные ¹.

Китайцы интуитивно или осознанно выбирали те виды торговли, ремесленной или сервисной деятельности, которые позволяли минимизировать конкуренцию со стороны русских предпринимателей или других групп иммигрантов. Они делали ставку на наиболее востребованные потребителями услуги и зачастую монополизировали их за счет низкой цены, выдвигая конкурентов, а затем вновь повышали цену. По свидетельству В.В. Граве, китайцы, используя свою фактическую монополию в мелочной торговле и солидарность, устраивали «стачки на цены даже на предметы первой необходимости, сбавляя цену на менее ходовой товар»². Нарушители подвергались наказаниям, вплоть до остракизма, побоев. Это касалось не только торговли, но и других сфер деятельности. Масштаб распространения подобных практик среди китайцев, однако, не стоит преувеличивать.

Важную роль в мобилизации сил, налаживании корпоративных связей играли национальные общества – торговые палаты и общества взаимопомощи. Региональные чиновники озабоченно констатировали, что «общества, как легаль-

С.189; Граве В.В. Указ. соч. С. 28-30; Сорокина Т.Н. Указ. соч. С. 67.

¹ Граве В.В. Указ. соч. С.52; Дальний Восток. 1895. 16 апр., 25 июня.

² Граве В.В. Указ. соч. С.35-36.

ные, так и нелегальные, объединившись между собой, представляют серьезную силу, с которой приходится считаться и местному купечеству, и администрации. Благодаря прочной организации этих Обществ, китайцы прекрасно осведомлены о положении рынка, о кредитоспособности русских торгово-промышленных фирм и т.п. Такая осведомленность и тесная связь китайцев ставит их в весьма выгодное положение сравнительно с русскими купцами»¹.

В профессиональные или земляческие общества объединялись и японцы, причем не всегда добровольно². Одной из их функций было лоббирование интересов своей группы, устранение конкурентов: «...японцы, будучи организованы по профессиям, издают обязательные для всех товарищей по торговле и труду цены, ниже каковых, под страхом репрессий со стороны общества не может ни работать, ни торговать ни один японец. А это не может не отражаться на русском населении путем искусственно поднятых и вздутых японцами цен. Проведение в жизнь таких мер, как бойкот, возможно лишь при существовании подобного общества»³. Нарушители подвергались всеобщему «остракизму» вплоть до разорения.

Клановость, корпоративность была характерна и для молочан в Амурской области. Большинство их торговых домов или товариществ состояли из представителей одной большой семьи, близких или дальних родственников, лиц, связанных брачными узами. Было развито взаимное кредитование, объединение капиталов и имущества, стремление к монополизации некоторых сфер деятельности. Практиковался сговор с целью повышения цен и устранения конкурентов. Летом 1885 г. в Амурской области вследствие засухи случился неурожай зерновых. Цены сразу выросли, в чем не последнюю роль сыграли молочане, фактически монополизировавшие хлебную торговлю. Согласно заявлению гласных (депутатов городской думы) в благовещенскую управу, хлеботорговцы лишали население возможности покупать хлеб непосредственно у кре-

¹ РГИА ДВ. Ф.702. Оп.1. Д.868. Л.3.

² Граве В.В. Указ. соч. С.204.

³ Бо- Устав общества японцев, проживающих во Владивостоке // Вестн. Азии. Харбин, 1911. № 9. С. 77.

стьян¹. Приемы молокан описал базарный староста Г. Файнберг в заявлении в управу от 12 июля 1885 г.: «...торгующие в ларях на базаре молокане, имея сторожевые посты на устье реки и караулы почти у всех их дорог, по коим привозится в город мука, скупают всю ее у крестьян и китайцев и затем произвольно берут цены, какие им желательно, так при покупке пайзы по 2 руб. 40 коп. за пуд продают по 3 руб. 30 коп., яричную, покупая 2 руб. и 2 руб. 20 коп., продают 2 руб. 70 коп.»².

Неформальные практики адаптации

Китайцы использовали и незаконные способы ведения дела. Они уклонялись от уплаты пошлин на торгово-промышленное предприятие или уплачивали налоги, не соответствующие его разряду. Будучи прекрасно осведомлены об особенностях русского законодательства и организации взыскания налогов и штрафов в случае их неуплаты, а также неспешности российской системы судо- и делопроизводства, китайцы виртуозно использовали это в своих интересах. Во время санитарных проверок и полицейских облав азиатских кварталов выявлялись прачечные, харчевни, парикмахерские и постоянные дворы, не только не соблюдавшие санитарных норм, но и работавшие без надлежащих документов³. В ходе генеральной проверки⁴ торговых заведений Владивостока в январе 1909 г. в Корейской слободке были выявлены 4 китайские харчевни и 11 небольших киосков по изготовлению и продаже китайских лепешек, работавших без документов на право ведения торговли⁵.

¹ РГИА ДВ. Ф.755. Оп.2. Д.299.Л. 49-49 об.

² РГИА ДВ. Ф.755. Оп.2. Д.299.Л. 50-50 об.

³ Граве В.В. Указ. соч. С.31-32, Мацокин П.Г. Оценка данных производств в японских, китайских и европейских ремесленно-промышленных заведениях гор. Владивостока за 1910-1911 гг. // Вестн. Азии. Харбин, 1911. № 10. С. 6-7.

⁴ РГИА ДВ. Ф.28. Оп.1. Д.334. Л. 6-7.

⁵ Во второй половине XIX в. лицо, занимавшееся предпринимательской деятельностью, должно было покупать так называемые торговые документы. Они делились на патентные и билетные. Торговые патенты (с 1865 г. свидетельства) делились на три разряда: оптовые, розничные и мелочные. Кроме того, были еще свидетельства на развозной торг, мещанские промыслы и приказчицы 1-го и 2-го классов, последние соответственно должны были приобретать предприниматели на своих служащих - приказчиков. Кроме свидетельств,

Однако незарегистрированные торгово-промышленные заведения часто открывали и русские предприниматели. Во Владивостоке в феврале 1875 г. в управу поступила жалоба от содержательницы бани жены подпоручика Угрецова на существование в Матросской слободе нескольких бань, хозяева которых не имеют необходимых документов¹. Благовещенский мещанин Н.А. Курнос, содержатель постоялого двора, жаловался в управу 23 января 1889 г., что Е. Селезнев, Г. Черняев, О. Рузайкин, Н. Мякишев, К. Коршуков, П. Сулов, Г. Тутаков, Полежаева, Тутов, Ф. Палакин, А. Кольцов содержат постоянные дворы без документов². Налицо, с одной стороны, попытка незаконного предпринимательства, с другой – устранение недобросовестных конкурентов с помощью жалоб в управу. В ходе проверок выявлялись и иные нарушения – работа в лавках родственников владельцев заведений без наличия у них приказчичьих свидетельств или других документов на торговлю³.

Китайцы использовали разные виды откровенного мошенничества: продавали некачественный, испорченный и залежалый товар под видом хорошего, из середины куска ситца вырезали несколько аршин, из каждого мешка муки отсыпали по несколько фунтов и продавали как полный, вкладывали для

предприниматели должны были выкупать билеты на каждое заведение – магазин, лавку, склад и т.п. Свидетельства 1-го разряда давали право без билетов иметь три заведения, 2-го разряда – одно. В 1898 г. был издан закон о промысловом налоге, согласно которому все виды предприятий и личные промысловые занятия облагались налогом. Он делился на основной и дополнительный. Основной налог взимался путем выборки промысловых свидетельств (которые различались в зависимости от вида деятельности, размеров оборотов и прибылей, класса местности). Для торговых предприятий было установлено пять разрядов, для промышленных – восемь. Дополнительный налог с капитала платили с предприятий, обязанных публичной отчетностью – акционерные общества (Старцев А.В. Торгово-промышленное законодательство и социально-правовой статус предпринимателей в России в XVIII - начале XX в. // Предприниматели и предпринимательство в Сибири (XVIII - начало XX в.). Барнаул, 1995. С. 8-15).

¹ РГИА ДВ. Ф.28. Оп.1. Д.4. Л. 176.

² РГИА ДВ. Ф.755. Оп.2. Д.415. Л. 28-28 об.

³ РГИА ДВ. Ф.755. Оп.2. Д.138. Л.27; Д.429. Л. 33-34.

веса в товар камни. Дальневосточные газеты пестрели сообщениями о подобных «плутнях» китайских торговцев¹.

Русские торговцы и даже крупные торговые дома не гнушались подобными приемами или изобретали собственные. На начальном этапе освоения региона в условиях дефицита товаров среди них широко практиковались спекуляции, продажа некачественных и залежалых товаров, накопление товаров на складах в ожидании окончания сезона подвоза и продажа его по завышенной цене, закупка пушнины у коренных народов по заниженной цене или неэквивалентный обмен на товары². Примеров можно привести великое множество. В марте 1871 г. во Владивостоке отставной матрос Кузьма Школьников, временный купец второй гильдии, «продал жителям поста мясо больной и околевшей скотины»³. Распространенной уловкой были распродажи. В марте 1894 г. в Никольске-Уссурийском торговый дом «И.Я. Чурин и К^о» устроил грандиозную распродажу, сбывая явно залежалый и некачественный товар. Автор статьи в местной газете красочно описывал: «Публика, введенная в искушение скидкой от 25 до 75 % первые дни валом валила, приступом брала магазин. ... Но поговорка «дорого, да мило, дешево, да гнило», справедливая всегда, оправдалась и в данном случае. Один почетный отец семейства купил дюжину флаконов одеколона по 50 копеек за штуку, пришел домой, раскупорил один – бросил, раскупорил другой – бросил, третий, четвертый и т.д. до последнего; последний оказался годным – а заплачено-то ведь 6 рублей. Вот так дешевка. Другой купил фуражку и только надел ее на голову, как она расползлась в разные стороны»⁴.

Китайцы широко практиковали хищническую и бесконтрольную добычу природных ресурсов (морской капусты, морепродуктов, женьшеня, пантов, древесного гриба, пушнины) и контрабандный вывоз добытого в Китай. Вследствие слабо-

¹ Граве В.В. Указ. соч. С.30-31; Сорокина Т.Н. Указ. соч. С.74.

² Пржевальский Н.М. Путешествие в Уссурийском крае. 1867-1869 гг. Владивосток, 1949. С. 45-47.

³ РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д.2. Л. 35.

⁴ Коляда А.С., Кузнецов А.М. Никольск-Уссурийский: штрихи к портрету. Уссурийск, 1997. С. 77-78.

го надзора большинство товаров иностранного и китайского происхождения китайские торговцы ввозили для торговли в рамках 50-верстной полосы беспошлинной торговли, но затем они расходились по всему краю и поступали в китайские лавки.

Весьма выгодным занятием было производство и контрабанда ханшина¹. Спирт производился и проникал в Приморскую область главным образом с пограничной китайской территории, где были устроены специальные склады и он продавался не только оптом, но распивочно и на вынос в мелкой посуде. Контрабандой активно занималось приграничное население по обе стороны границы, но главными контрабандистами были русские, а китайцы и корейцы им уступали почти вдвое². Казаки в приграничной полосе ввозили ханшин как для личного потребления, так и на продажу, они неоднократно оказывали вооруженное сопротивление чинам таможенной стражи³.

Другим примером «выгодного преступного бизнеса» может служить хунхузничество. Хунхузами называли организованные преступные сообщества — банды, занимавшиеся разбоем в Северном Китае и южных районах российского Дальнего Востока. Хунхузы занимались похищением людей с целью выкупа; разбоем и грабежом, объектами которого становились торговые лавки, ремесленные мастерские азиатских предпринимателей, китайские и корейские шаланды с грузами, почтовые телеги, пассажиры в поездах и пр. Банды хунхузов напали на села, казачьи станицы, таможенные посты, китайские и корейские фанзы в окрестностях селений. Целью хунхузов были, как правило, китайские купцы и их имущество, однако они не гнушались и более мелкой «добычей» — рабочими-приискателями, земледельцами⁴.

¹ Арсеньев В.К. Китайцы в Уссурийском крае: очерк ист.-этно. // Зап. Приамур. отд. ИРГО. Хабаровск, 1914. Т.Х. Вып. I. С. 137.

² Обзор Приморской области за 1914 год. Владивосток, 1915. С. 104-105.

³ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 719. Л. 4-6 об.

⁴ Арсеньев В.К. Указ. соч. С. 154-165; РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 38. 18 л.; Д. 725. 266 л.; Д. 747. 235 л.; Далекая окраина. 1909. 21 мая, 9 июня, 10 июня, 11 июня; 1910. 11, 30 июля, 4 авг. и др.

Использование преступных способов не было исключительно китайской чертой. Организация банд с целью грабежа, разбоя, регулярных поборов с населения практиковалась и среди русских. Показательным, но далеко не единичным примером, может служить банда Григория Воловика, Начальник Ольгинского уезда Н.И. Краснорепов, возможно, несколько сгущая краски, писал военному губернатору Приморской области М.М. Манакину: «Под предводительством Григория Воловика эта шайка, совершая кражи, убийства, грабежи среди китайцев и корейцев, а также крестьян в Сучанском районе, держала население Сучанской долины в постоянном страхе... Селение Уноши, худшую часть общества коего составляли члены этой шайки, слыло разбойничьим селением, проходить и проезжать которое не решались смельчаки»¹.

Сравнительная статистика по поводу соотношения русского и китайского нелегального предпринимательства отсутствует. Проанализировав информацию по делам, переданным из гражданской подсудности в военные суды в течение 1911 г. в Приамурском генерал-губернаторстве, автор выявила 21 действовавшую в регионе банду, среди них было 12 китайских и 9 «русских»². Среди «русских» встречались и интернациональные шайки, состоявшие из выходцев с Кавказа, китайцев, русских, белорусов, поляков и др. Все банды орудовали одинаково жестоко, не останавливаясь перед пытками и убийствами; практиковали сходные методы — засады и грабежи на таежных тропах, по которым двигались приискатели; вооруженные нападения на почтовые обозы; разбой в китайских и корейских селах и заимках. Поэтому в периодической печати их часто именовали хунхузами вне зависимости от национальной принадлежности бандитов.

В дальневосточных городах был широко развит и такой неформальный сектор экономики, как нелегальная проституция, содержание игорных домов и притонов для опиекурения. Содержание домов терпимости и занятие проституцией было деятельностью, формально допустимой при условии регистрации в полиции и прохождения проститутками медицинских

¹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 719. Л. 238 об.

² Там же. Л. 373.

осмотров¹. Спрос в регионе был обусловлен особенностями состава населения – преобладанием мужчин в трудоспособном возрасте (военных, ссыльнопоселенцев, иммигрантов). Эта деятельность позволяла извлекать неплохие доходы и составляла одну из наиболее прибыльных сфер занятости японцев. Японские публичные дома были неотъемлемым элементом не только каждого дальневосточного города, но и ряда крупных сел и военных постов. Наряду с легальной проституцией процветала и нелегальная. В основном она практиковалась в китайских притонах и в официальной статистике отражалась редко. В 1911 г. в ходе полицейского осмотра во Владивостоке был составлен список публичных домов на территории Пекинской, Алеутской улиц и Косого переулка, основном районе проживания китайцев и японцев. Здесь находилось 50 притонов с не менее чем 250 девушками, в том числе 4 японских заведения с 22 проститутками, остальные – китайские². В 1912 г. в городах Приморской области были выявлены 478 китайских, 348 японских и 22 «европейские» проститутки³.

В криминальной хронике местных газет часто встречались сообщения об облавах в китайских притонах и последующих судебных делах. В 1910 г. в окружном суде Владивостока слушалось дело о 14-летней китаянке, которая содержалась в тайной комнате при харчевне, подвергалась побоям и издевательствам⁴. Этот случай не был уникальным. Девушки часто обманом или насильно вывозились из Китая, продавались родителями за долги. Доходы от нелегальной проституции превышали доходы от легальной, так как владельцы притонов не уплачивали налогов, не тратились на содержание лечебницы и медицинское обслуживание девушек, на аренду помещений и создание надлежащих условий труда, а возможно, и не платили жалованье проституткам, трудившимся на положении

¹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 379. Л. 41-44 об., 114-126.

² РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 286. Л. 349; Тютюник В.В. Врачебно-полицейский надзор за проституцией на Дальнем Востоке России (вторая половина XIX в.) // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2005. № 1(5). С.97.

³ Синиченко В.В. Правонарушения иностранцев на востоке Российской империи во второй половине – начале веков. Иркутск, 2003. С.40.

⁴ Далекая окраина. 1910. 21 мая.

рабынь. Многолетние попытки региональной администрации поставить под врачебно-полицейский надзор китайскую проституцию встретили активное противодействие со стороны китайского сообщества и не увенчались успехом¹.

Содержание нелегальных домов терпимости практиковалось и среди русских. В 1879 г. в ходе генеральной проверки торговых и промышленных заведений Благовещенска в доме мещанина Голоушкина на Никольской улице был обнаружен дом терпимости, который содержался благовещенским мещанином Николаем Киричанским: «Внутреннее помещение дома разгорожено перегородками, в которых живут женщины, занимающиеся проституцией». В момент проверки в заведении находились посетители, распивавшие спиртные напитки. В ходе дознания было выявлено, что хозяин не только содержал нелегальный притон, но и незаконно продавал спиртные напитки и табачные изделия².

Популярность среди китайцев азартных игр и употребления опиума позволяла предприимчивым соотечественникам зарабатывать на них немалые деньги. По данным комиссии, назначенной приамурским генерал-губернатором для обследования «игорного бизнеса» китайцев, в 1897 г. доход хозяина игорного дома составлял около 500 руб. в месяц³. О широком распространении явления говорят многочисленные сообщения в местной прессе о полицейских облавах в азиатских кварталах дальневосточных городов, в ходе которых выявлялись опиекурильни и банковки⁴.

Эти виды «незаконного предпринимательства» влекли за собой иные источники получения нелегальных доходов. После Русско-японской войны Владивосток потрясло несколько громких коррупционных дел, когда на скамье подсудимых оказались «организованные преступные группировки», включавшие чинов полиции и китайцев - переводчиков и содержа-

¹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 379. Л. 233-237.

² РГИА ДВ. Ф. 755. Оп. 2. Д. 138. Л. 5-28 об.

³ Синиченко В.В. Указ. соч. С. 38.

⁴ Банковки – игорные дома или притоны, где играли в незаконные азартные игры на деньги. Получили свое название от распространенной китайской игры – банковки – «я-бао», или «бао-хе-цзы» (см.: Арсеньев В.К. Указ. соч. С.150).

телей притонов¹. Материалы дел содержат немало примеров, во-первых, широкого вовлечения в криминальные практики не только китайцев, но и представителей принимающего общества; во-вторых, «успешной» адаптации китайцев к требованиям принимающего общества; в-третьих, «плодотворного» межкультурного взаимодействия между чиновниками и представителями китайской общины.

В конце 1908 г. многочисленные жалобы и обвинения в незаконных поборах, поступавшие военному губернатору Приморской области В.Е. Флугу и Приамурскому генерал-губернатору П.Ф. Унтербергеру, вынудили последнего начать детальную ревизию деятельности полиции Владивостока. Был послан чиновник особых поручений при Приамурском генерал-губернаторе, статский советник В.В. Перфильев, который в середине февраля 1909 г. представил результаты проверки в двух докладах генерал-губернатору (о Китайском собрании и системе поборов с банковок от 15 и 16 февраля 1909 г.).

На их основании в конце марта 1909 г. по распоряжению военного губернатора Приморской области было начато предварительное следствие по делу о взятках и поборах во Владивостокской полиции, в апреле 1910 г. дело было передано в суд, а в сентябре рассматривалось на выездной сессии Иркутской судебной палаты во Владивостоке. Целый ряд должностных лиц (полицмейстер Владивостока Г.И. Лединг, помощник полицмейстера Г.К. Петров, губернский секретарь П.А. Кельбедин, пристав Владивостокской городской полиции И.С. Вакуров, околоточный надзиратель В.В. Новицкий) и китаец Джан Хо Лин обвинялись в сборе незаконных поборов с существовавших во Владивостоке китайских игорных домов. Ежедневная выплата с каждой банковской была 3 руб., что в сумме составляло 1500 рублей в месяц, которые распределялись между полицейскими в зависимости от чина. В случае отказа платить сбор, игорное заведение закрывалось. В результате судебных разбирательств осудили только помощника полицмейстера

¹ Соловьев Ф.В. Китайское отходничество на Дальнем Востоке России в эпоху капитализма (1861-1917 гг.). М., 1989. С.85; Граве В.В. Указ. соч. С.121; Далекая окраина. Владивосток, 1910. 18, 19, 22 сент.; РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 379. Л. 237; Д. 670. Л. 241.

Петрова и пристава Вакурова к 1,5 годам и китайца Джан Хо Лиана к 8 месяцам тюрьмы. Вина остальных осталась не доказанной, адвокаты настаивали, что обвинения владельцев банковок являются наговорами из-за борьбы, которую полиция ведет с игорным бизнесом и опекурением¹.

Сохранившиеся в РГИА ДВ материалы – переписка, материалы следствия, проверок – не позволяют достоверно судить, кто виноват в этом деле, а кого только оговорили, однако они вполне отчетливо свидетельствуют, что организованные преступные группировки существовали, взяточничество, сокрытие преступлений и тесное взаимодействие между чинами полиции и содержателями притонов были обычной практикой. Это было широко распространенным явлением, т.к. подобные следственные дела возбуждались неоднократно.

Выводы

Таким образом, неформальная экономика была уделом не только китайцев, но и других групп иммигрантов. «Принимающее» население также нередко уклонялось от исполнения формальных требований и вовлекалось в криминальные практики. Не только китайцы, но и японцы в торгово-промышленной сфере использовали в своих интересах развитую в их среде солидарность, взаимопомощь и взаимную поддержку, корпоративные связи. Артель была важной составляющей процесса адаптации иммигрантов, обеспечивая, с одной стороны, облегчение организации труда через использование посредника – подрядчика, старшины, имеющих необходимый опыт, связи и знание языка, а с другой – снижение издержек через коллективное бытовое обустройство, питание, наем жилья, взаимопомощь в случае болезни или отсутствия заработка у кого-либо из членов артели. Однако артели были вполне традиционным способом организации труда и для русских.

В качестве конкурентных рычагов использовались такие формальные и неформальные практики, как ценовой сговор, кредитный ресурс, объединение капиталов, сверхэксплуата-

¹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 670. Л. 191-194 об.; Далекая окраина. 1910. 18, 19, 21, 22 сент.

ция членов общины (родственников, земляков) под прикрытием патерналистских или партнерских отношений и пр.

Использование полуправильных и легальных (но сомнительных с точки зрения морали) способов обогащения – продажа некачественных или испорченных товаров, спекуляция в условиях дефицита, ценовой сговор, неэквивалентный обмен – было явлением распространенным как среди иммигрантов, так и принимающего общества.

Китайские иммигранты и представители принимающего общества широко использовали и целый ряд преступных практик и незаконных способов обогащения – неуплата налогов, контрабанда, мошенничество, организация притонов для опикурения, азартных игр, нелегальная проституция, грабеж и кражи чужого имущества, в том числе через организацию банд и пр.

4.4. Неформальная экономическая деятельность китайских мигрантов в Республике Бурятия после кризиса 2008 г.

Данный кейс представляет собой попытку отследить некоторые изменения, произошедшие с китайскими предпринимателями в Бурятии в результате экономического кризиса. Динамику процесса автор может наблюдать благодаря своей продолжительной работе в фирме, занимающейся переводами документов для китайцев. Методами работы послужили неформальные интервью и включенное наблюдение.

Организация китайского бизнеса и основные экономические практики (ситуация, сложившаяся к 2008 г.)¹

На территорию Бурятии, как и в другие регионы РФ, китайские предприниматели начали проникать вместе с товарным потоком, который они, по меткому выражению В.Г. Гельбраса, «обслуживали». Однако уже к концу 90-х гг. XX в. чел-

¹ См. подробнее: Иванова Н.Ж. Китайские предприниматели в Бурятии. Бизнес-сети и общества // Интеграция экономических мигрантов в регионах России. Формальные и неформальные практики / науч. ред. Н.П. Рыжова. Иркутск: Оттиск, 2009.

ночная торговля товарами народного потребления перестала быть главной сферой занятости китайцев. Она послужила стартом для многих крупных предпринимателей, а затем стала неосновным и относительно мало доходным бизнесом для одних или даже «брошена» другими в поисках новых рыночных ниш.

Китайцы стали открывать в Бурятии магазины строительных материалов, различного рода оборудования, запчастей для автомобилей и других видов товаров. Открывались автомастерские, гостиницы, сауны, кафе, рестораны, строительно-отделочные фирмы, ателье и т.п. Часть из них работала на обеспечение нужд общины, другая обслуживала местное население. Наиболее успешные и предприимчивые китайцы стали вкладывать деньги в скупку цветных металлов, шкур животных и других природных ресурсов. По мнению одного из моих информантов, китайского предпринимателя, ужесточение миграционного и иного контроля приводило к еще большей ориентации китайцев на сырьевой бизнес, который гораздо труднее контролировать.

Предъявляемый китайцами спрос на ресурсы «вовлек» в неформальное природопользование местных жителей и фирмы: конторы, обслуживающие экспортные сделки китайцев, включая рабочих, бухгалтеров, управленцев и т.п.; сельские жители, заготавливающие для китайцев сырьё (лес, рыбу, шкуры животных, кедровый орех); водители автобусных маршрутов; переводчики; чиновники, берущие взятки у китайцев. Мигранты скупали вторсырьё (например, пластмассу, металлолом), рыбу, шкуры животных, струю кабарги, желчь медведя, рога изюбра, женьшень и другие товары, неоценённые местными жителями. Интерес вызывали даже золотшлаки, образующиеся в скоплениях воды на городских ТЭЦ, используемые в производстве строительных материалов.

Сформировались особые схемы скупки сырья. Кедровый орех отправлялся в провинцию Цзилинь, откуда в Гонконг и далее расходился в другие страны. Нефрит скупался китайцами и отправлялся в провинцию Ляонин или в г.Чжэнпин (провинция Хэнань). В Чжэнпине из него делали украшения и

продавали в другие страны мира, преимущественно живущим там китайцам.

Такая специализация была связана с социальной солидарностью, стимулирующей людей к тому, чтобы вести бизнес с земляками (выходцами из одного города, уезда, района), родственниками, членами одной корпорации. Профессиональные корпорации получили широкое распространение ещё в средневековом Китае. Они располагали множеством эффективных средств для того, чтобы контролировать положение дел. В Бурятии 2000-х гг. особенно заметными были тесные земляческие связи внутри фуцзяньской, чжэнпинской, наньтунской (город в провинции Цзянсу) групп китайцев. «Фуцзяньцы» контролировали рынок леса, «наньтунцы» – строительства. В них происходило разделение на более мелкие родственные группы (не обязательно кровные), которые совместными усилиями вели бизнес. Такого рода объединения позволяли китайцам использовать традиционные приёмы для контроля своего поля деятельности. Они могли устанавливать свои цены на товары, манипулировать местными партнёрами, в случае необходимости использовать бойкоты. Обычно в любой группе имелся «старший» – «баньчжан» («дуйчжан», «лаода» и т.п.), которого выбирали по старшинству или уровню компетентности. В случае равенства всех членов для представления интересов группы, старший выбирался по доле участия или возрасту. Впрочем, и неродственные конкурирующие группы земляков в случае возникновения серьезных трудностей также старались оказывать друг другу поддержку.

Важными звеньями неформальной китайской экономики стали *посредники*. (Посредниками мы называем людей, которые помогают в организации бизнеса для китайцев в России.) Приезжая впервые в Россию для того, чтобы заработать деньги, китайцы первым делом обращались за помощью к лицам, обладающим необходимыми знаниями об особенностях ведения местного бизнеса, налаженными каналами для организации коммерческих сделок или трудоустройства. Некоторые мигранты, собираясь в Россию, старались узнать о самых знаменитых и успешных посредниках, находясь ещё в Китае. А приезжая, искали этих людей и обращались с просьбой взять

их под своё покровительство. Специфичные требования ограничивали круг людей, которые могли бы оказывать подобные посреднические услуги, но деятельность посредников оказалась жизненно важной в связи с конфиденциальностью многих услуг для китайцев. Наиболее успешные из посредников стали известными и влиятельными людьми внутри китайской общины. У посредников концентрировалась информация о большинстве видов китайского бизнеса. Являясь крупными дельцами, они имели возможность контролировать остальных членов своей общины и регулировать направления деятельности. Они же, по их словам, выполняли функцию переходного звена между принимающим обществом и общиной.

В деловой практике китайцев также широко применялся институт подставных лиц. В.И. Дятлов отмечал, что регистрация предприятия на подставное лицо — одна из самых простых и эффективных схем организации бизнеса. Институт подставных лиц — классическое явление, оно широко и повсеместно использовалось в странах Востока. Это эффективный способ обхода массы ограничений, существующих для неграждан или представителей дискриминируемых меньшинств, средство для уклонения от уплаты налогов. С течением времени этот институт становится механизмом для интеграции с влиятельными кругами принимающего общества¹.

Институт подставных лиц стал едва ли не единственной возможностью организации бизнеса для китайцев. Из интервью с россиянкой-переводчицей «Г»: *«Я работала два года в одной компании. Потом меня уволили. А через два дня ко мне приехали конкуренты моих бывших хозяев и пригласили на работу. Они сразу оформили на меня фирму. Которая занималась крупными экспортными операциями и имела серьёзные проблемы с налогами (Н.И.). Купили машину, права. Я заключаю сделки, представляю интересы фирмы. Вся ответственность на мне. [Вплоть до уголовной, которую неоднократно пытались ей вменить (Н.И.). Мне платят зарплату, даже когда я не работаю, работа у нас сезонная. Боятся, что я могу их бросить. А с настоящими хозяевами фирмы я познакомилась только в про-*

¹ Дятлов В.И. Современные торговые меньшинства: фактор стабильности или конфликта? (Китайцы и кавказцы в Иркутске). М.:Наталис, 2000. С. 134.

шлом году в Китае. Те, с кем я работаю в Улан-Удэ, лишь представители хозяев, а я, получается, директор фирмы»¹.

Таким образом, в китайской среде выделилось два типа хозяев. С одной стороны, реальные собственники капитала, с другой — представители и доверенные лица китайских компаний и фирм, также граждане КНР. Они не считали себя наёмными работниками и действительно таковыми не являлись, ведь их связывала с компанией или фирмой более сложная система отношений, определяемая нормами семейного бизнеса, далеко не всегда мелкого². Дополнительным типом собственников в этой сложной хозяйственной системе стали местные подставные лица, часто не осознававшие полной ответственности за свою деятельность.

Желание вести бизнес без подставных лиц наталкивалось не только на изощренное законодательство, но и на бюрократически-коррупционные барьеры. В интервью автору одна переводчица рассказала, как к ней обратился китаец с просьбой добиться разрешения санитарно-эпидемиологической станции для открытия парикмахерской. Все остальное уже было готово. Переводчица собрала все необходимые документы, но разрешения не получила. Адвокат после недолгих консультаций отказался вести дело. Он сказал, что добьётся разрешения, но в следующую проверку парикмахерскую все равно закроют. Китаец понёс ощутимые убытки и вскоре сменил рыночную нишу. Более опытные земляки прокомментировали: *«Заплатил мало»*.

В связи с изменениями в законодательстве³ в системе розничной торговли начались значительные перестановки. Часть китайцев начала поспешно оформлять разрешения на времен-

¹ ПМА 2005 — интервью с «Г», россиянка, 23 года.

² Гельбрас В.Г. Россия в условиях глобальной китайской миграции. М., 2004. С. 116-117.

³ Федеральный закон «О внесении изменений в федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и о признании утратившим силу отдельных положений федерального закона «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» от 22 декабря 2006 г. N 783» от 18.07.2006 N 110-ФЗ (Российская газета. 2006. N 156. 20 июля); постановление правительства «О порядке определения исполнительными органами государственной власти потребности в привлечении иностранных работников и формирования квот на осуществление иностранными гражданами трудовой деятельности в Российской Федерации» от 22 декабря 2006 г. N 783.

ное проживание и вид на жительство в Российской Федерации, используя для этого самые разнообразные возможности. Наличие такого документа значительно облегчало оформление разрешения на работу. Полностью же легальное оформление разрешения на работу оказалось слишком сложной процедурой, требующей таких усилий, что они расценивались китайцами как невозможные.

Другие собственники зарегистрировали свои торговые места на местных продавцов. Нередко на рынке можно было увидеть объявления: «Требуется продавец. Паспорт – Россия». Паспорта россиян часто использовались для оформления даже самых обычных сделок: регистрации автомобилей, сим-карт, оборудования, недвижимости. На вопрос китайца, желавшего купить и зарегистрировать автомобиль в Бурятии, о том, как это сделать, следовал удивлённый ответ более опытных людей: «Зарегистрируй на россиянина!» Это стало обычным явлением.

Экономические практики под воздействием экономического кризиса

Может ли ухудшение экономической ситуации привести к изменению экономического поведения? Вероятно, да. С одной стороны, из-за снижения потребительского спроса и необходимости покрывать большие издержки бизнесы могут в большей степени начать выбирать нелегальные практики. С другой стороны, государство, оказавшись в сложной ситуации, может принять пакет антикризисных мер, направленных на облегчение налогового бремени, доступа к кредитным ресурсам или снижение барьеров доступа к организации бизнеса, каким-то рынкам и т.п. Впрочем, то же государство, обеспечившись наполнением бюджета, может сориентироваться на повышение давления на предпринимателей. В результате – бизнес может получить стимулы к большей либо к меньшей степени легализации. Оставляя за скобками внешние стимулы, рассмотрим, как же повел себя китайский бизнес. Вышли ли китайские предприниматели из тени? Или, наоборот, еще больше в нее спрятались?

С конца 2008 по 2010 г. разорилась или свернула свой бизнес в России значительная часть китайских предпринимателей. Из-за кризиса разорились строительные фирмы, упали масштабы вывоза леса и прочих природных ресурсов. Общий упадок экономики способствовал еще большей криминализации сырьевых видов бизнеса. Участились случаи «кидания» китайцев местными партнёрами, рэкета, грабежа. Некоторые предпочли не рисковать собственной безопасностью и уехали. Существенно сократилось количество торговцев, ввозивших товар из Китая. Это было связано с ростом цен в Китае, ужесточением таможенных законов, уменьшением покупательной способности населения.

Однако часть китайцев осталась в Бурятии, продолжив свою предпринимательскую деятельность. Одной из их главных проблем стало существенное сокращение квот на выдачу разрешений на временное проживание (РВП), а также квот на привлечение иностранной рабочей силы. Торговцы с рынков, работники предприятий общепита, лесозаготовители пытались оформлять РВП или вид на жительство (ВЖ), ведь, получив это разрешение, они могли бы спокойно работать на территории России.

Появились посредники, обещавшие помощь в оформлении подобных документов. Причём никто не мог гарантировать 100 % -ный результат. Цена за услуги варьировалась от 70 тыс. до 150 тыс. рублей. Работали посредники по предоплате, в случае неудачи деньги не возвращались. Такие услуги могли оказывать люди, имеющие связи с чиновниками необходимых государственных органов. Они помогали китайцам надлежащим образом оформить документы и сдать их в Управление Федеральной миграционной службы (ФМС) по Республике Бурятия (РБ). Дальше вопрос о выдаче или отказе рассматривался соответствующими органами, но существовала возможность подтолкнуть этот процесс. Услуги этих посредников оказались весьма востребованными, практически каждый мелкий предприниматель, лишённый возможности легально находиться в России, обращался к ним.

Впрочем, неформальные схемы уже перестали действовать в связи с перестановками в государственных органах. Многим китайцам было отказано.

Еще одной возможностью для продолжения бизнеса являлось получение разрешения на работу, но и эти квоты были сокращены. Лю (31 г.), владелец торговой точки в Улан-Удэ, живёт с 2005 г. вместе с женой. *«Когда стало известно, что на 2010 год квот не будет, мы стали все искать выход. Обычно нам всегда всё оформляла Т. (россиянка, посредник), мы работали под её ИП. Она нам делала разрешения на работу. Мы все организованно подали документы для оформления РВП через неё. Договорились на цене 70 тыс. рублей. Плюс все расходы, связанные с переводом, легализацией документов, мы несли за свой счёт. Первого октября 2009 г. приостановили приём документов. Мы успели сдать вовремя. Потом началось непонятное что-то. Министр МВД (по РБ) ушёл в отставку. Нам отказали и сказали, что денег не вернут. Мы с женой потратили 150 тыс. рублей».*

Были и такие предприниматели, что пытались оформить РВП законным путём, без посредников. М. (россиянка, 27 л.) переводчик, директор фирмы, экспортирующей лес в Китай, россиянка. *«Мы пытались оформить РВП сами, так как у нас фирма новая и квот мы, естественно, не получили. Мы подавали документы, но в ФМС нас постоянно отправляли, то было что-то оформлено неправильно, то ещё какие-то проблемы возникали. В итоге, мы не получили ни квот, ни РВП».* Фирма прекратила своё существование в этом году. На вопрос, почему не привлекли местную рабочую силу для лесозаготовки, получили следующий ответ: *«Мы честно пытались нанимать местных рабочих. Обращались в Центр занятости, нанимали людей. Но наши люди не готовы к таким условиям труда. Они должны работать в лесу, жить в тяжёлых условиях, валить деревья. Естественно, что такой труд оплачивается выше. Но наши рабочие совершенно не нацелены на результат, они немного поработают и отдыхают. Много пьют и сами не выдерживают такой работы».*

Ещё одной лазейкой для китайцев оставался метод оформления учредительных документов на подставных лиц. И въезд на территории РФ по туристическим или деловым визам, ко-

торые, конечно, не дают права на ведение бизнеса в РФ. Для борьбы с этой практикой участились рейды сотрудников ФМС на рынках и других местах возможного пребывания китайских мелких предпринимателей. Успешность рейдов не была «гарантированной»: торговцы быстро скрывались с мест торговли, как только проходил слух об очередном рейде. Слух о рейде должен был как-то *дойти* до торговцев.

Другими словами, барьеры в виде сокращения числа выдачи квот не смогли остановить предпринимательских практик. Они лишь *удобрили* почву для взяточничества в государственных органах.

Одной из главных причин неформальной деятельности самих китайцев остаётся нацеленность на краткосрочные проекты и прибыли, не требующие больших временных затрат и потому не столь рискованные. Например, не требует больших временных затрат, сложных расчётов и усилий «сырьевой» бизнес (т.е. ориентированный на скупку природных ресурсов). Занимаясь скупкой сырья, не нужно покупать или надолго арендовать себе жилье. РБ не является для большинства китайцев инвестиционно привлекательным регионом, пригодным для длительного проживания. Чаще всего, проживание и работа в здесь – временный этап их жизни. Конечно, есть совершенно немногочисленная группа китайцев, нацеленная на постоянное проживание в Бурятии. Как правило, это очень успешные предприниматели, обладающие крупными предприятиями. У большинства из них есть российское гражданство, *российские* жёны (русские, бурятки, т.е. *рожденные* в СССР/РФ), их дети, конечно, также имеют российское гражданство. Это люди, приехавшие в РФ одними из первых, практически полностью адаптировавшиеся к среде, свободно говорящие по-русски, знакомые с высокопоставленными чиновниками.

Строительный бизнес – наиболее организованный, легко контролируемый и потому наиболее легальный. Число китайских фирм здесь за последнее время существенно сократилось. Удар кризиса по строительной отрасли не мог не оказаться ощутимым – для того, чтобы строить, нужны финансовые ресурсы, ставшие проблемой.

Чжан, бригадир, на протяжении пяти лет работающий с одной фирмой (т.е. являющийся бригадиром¹), в 2010 г. не получил заказов. Приезжал лишь для того, чтобы забрать деньги, причитающиеся ему за прошлые годы. Долг, не погашенный до сих пор, составил приличную сумму. Он не отказался от возможности вернуться в Россию на заработки. Но сейчас это невозможно, ведь, не выплатив рабочим заработанные деньги, он не может заставить их работать. Искать другие заказы, т.е. не работать с фирмой-должником, он также не может: *«Они мне сами говорили, чтоб я подыскивал себе частных заказчиков. Но это опасно. ФМС контролирует нас. Штрафы большие. Поэтому и невозможно. Фирма разорилась, а я остался с долгами. Частично недвижимостью со мной рассчитались. Но это только часть большого долга. Недвижимость я продам, но опять нужно время»*.

Впрочем, выбытие с рынка мелких китайских фирм во многом произошло и по другой причине – они не получили квот на привлечение иностранной рабочей силы и не смогли найти приемлемую альтернативу. Конечно, эта участь постигла не всех: российские строительные компании, работавшие на федеральных заказах, кризиса не почувствовали. Китайцы, работающие с ними, тоже. Так, к примеру, для строительства физкультурно-спортивного комплекса были выданы дополнительные квоты для китайских рабочих.

Скупка природных ресурсов – ореха, рыбы, дикоросов, нефрита – наименее контролируемый и наиболее криминализованный бизнес. Он имеет сезонный характер, для его ведения китайцам совершенно не требуется легализация: время пребывания на территории РФ ограничено. Все сделки неофициальны: нужен посредник, китаец или проверенный россиянин, имеющие опыт в данной сфере. При их содействии находят поставщиков необходимого товара, прорабатывают схемы доставки в Китай. При помощи посредника разрешаются во-

¹ Подробное описание схем строительного бизнеса см.: Рыжова Н. Взаимная экономическая адаптация китайских рабочих и их российских работодателей в трансграничном городе // Интеграция экономических мигрантов в регионах России. Формальные и неформальные практики / науч. ред. Н.П. Рыжова. Иркутск: Оттиск, 2009.

просы жилья, регистрации по месту пребывания, организации бытовых условий, связи, транспорта, питания и т.п.

Из интервью с Н. (россиянка, 31 г.) : *«Мой муж несколько лет работал с китайцами (покупающими нефрит). Он помогал им с покупкой и отправкой нефрита. Они даже жили у нас в квартире несколько месяцев. Он возил их на своей машине, договаривался со всеми местными партнёрами. Жаль только он язык их не понимал. Так на пальцах и изъяснялся. Платили ему то много, то мало. Видимо, в зависимости от сделок. А потом он попросил зарплату. Они и решили 50 тыс. рублей в месяц. А потом они уехали и больше не приезжают. Видимо, боятся»*. Понятно, что такой человек был мало вовлечен в бизнес (он не имел представления, куда дальше идёт товар, по какой цене продаётся и какова конечная прибыль его клиента). Поэтому его труд оплачивался невысоко.

Несколько выше оценивается и оплачивается труд переводчика, заменяющего «настоящего» посредника. Переводчик в сырьевом бизнесе обеспечивает поиск поставщиков, транспорта, складов, рабочих, жилья, представительских фирм. Китайцы лишь *подбрасывают* информацию. Н. (переводчик, 28 лет.): *«Они меня нашли через знакомых. Им поручились, что мне можно доверять. Позвонили мне заранее, чтоб я их встретила, подыскала квартиру. Они сразу купили машину, которую оформили на меня, все сим-карты тоже, естественно, на меня оформили. Регистрацию тоже им оформляла я. Мы дали бегущую строку на телевидении о том, что закупаем орех. Когда товар стал поступать, мы сняли склад. Иногда выезжали за товаром в районы. За пару месяцев они собрали товар и уехали»*.

Другое дело посредник, вовлечённый в бизнес: он должен иметь свою долю. Обычно это китаец, проживающий в Бурятии, отлично владеющий русским языком. Как правило, имеющий в собственности российскую недвижимость, где можно поселить или зарегистрировать клиентов. Обязательно наличие одного или нескольких автомобилей. Собственно именно посредник в этом случае контролирует весь процесс: он знает у кого какая доля, как делить прибыли или издержки. Он сам скупает товар, организует его доставку в Китай, решает таможенные вопросы.

Случай С. (китаец, 39 л.). Живёт в Бурятии. Женат на россиянке. На него зарегистрировано несколько автомобилей и несколько десятков сим-карт. Он имел собственную долю в скупаемом нефрите, знал всех продавцов нефрита в РБ и за её пределами. К его услугам обращалось много китайцев, приезжавших за этим товаром. Стоит ли говорить, что прибыли он имел высокие. Из интервью (03.2010.): *«Я не собираюсь оставаться в России. Рынок нефрита криминализировался. Непонятно, кто имеет полномочия продавать нефрит китайцам. Вроде бы это дело взяли под государственный контроль. А пока ситуация не прояснится, рулят одни бандиты. Они очень настойчиво пытались взять меня под их контроль. Угрожали много раз, били, пытались убить. Я уже не хочу здесь оставаться. Я достаточно заработал»*. По словам его соотечественников, он уже приобрел несколько предприятий в Китае и сейчас живёт там.

Некоторые китайцы продолжили скупку нефрита в Бурятии, но это требует контактов с криминальными кругами. Перевозки приостановлены, лицензии на торговлю отозваны: бизнес приобрёл совершенно криминальную репутацию. А разрешение криминальных проблем для китайцев возможно только вне привлечения правоохранительных органов. Любое обращение к ним сразу вызывает вопросы к самим потерпевшим. Что они делают в Бурятии? По каким документам въехали? Какие цели преследуют? Понимая своё бесправное положение, китайцы всячески избегают таких вопросов – т.е. избегают контактов с правоохранительными органами. В других видах сырьевого бизнеса криминальная составляющая также повысилась.

Среди китайцев, живущих в РБ, известны отдельные лица, имеющие криминальный авторитет. Чаще всего они имеют криминальное прошлое (до приезда в Россию). Они занимаются рэкетом своих земляков, разрешением разного рода споров и разногласий. Зачастую работают в тандеме с местными криминальными кругами. Общий упадок экономики региона, понижение доходов населения привели к увеличению числа грабежей и рэкета китайцев.

4.5. Природные ресурсы российского Дальнего Востока: неформальные практики и китайские мигранты в начале XXI в.

В 2009 г. была принята «Стратегия развития Дальнего Востока и Байкальского региона», подчеркивающая, что концентрация ресурсов «общемирового значения» делает Дальний Восток привлекательным для всех государств и особенно стран Азиатско-Тихоокеанского региона. В стратегии указано и на важность создания *особой*, т.е. отличающейся от остальной России, *нормативно-правовой базы*¹. Таким образом, за регионом закрепляется сырьевая специализация в АТР и *говорится о необходимости институциональных новаций (особых условий разных политик)*. И то и другое справедливо. Однако современный опыт институциональных реформ России показывает, что из-за слабого учета сложившихся к моменту введения новаций неформальных ограничений импортируемые/конструируемые институты нередко оказываются неэффективными либо вовсе деструктивными². Обсуждая с этой точки зрения институциональные новации в сфере использования природных ресурсов, следует задуматься над малоизученным феноменом неформального природопользования: нелегальные заготовки леса, контрабанда рыбных и морепродуктов, браконьерские практики добычи объектов флоры и фауны. Наиболее исследовано к настоящему моменту неформальное лесопользование³, а неформальный экспорт дикоросов, нефрита, дериватов, море- и рыбопродуктов — темы, остающиеся

¹ Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 г. утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 08.12.2009 № 2094-р.

² Полтерович В.М. Трансплантация экономических институтов // Экономическая наука современной России. 2001. № 3.

³ Шейнгауз А.С. Природопользование российского Дальнего Востока в аспекте связей с Северо-Восточной Азией: проблемы и перспективы // Вестн. ДВО РАН. 2005. № 3; Crowley R.M. Stepping onto a moving train: the collision of illegal logging, forestry policy, and emerging free trade in the Russian Far East // Pacific Rim Law & Policy Journal. April, 2005. № 14. P.425-453.

ся актуальными скорее для журналистских¹, нежели научных текстов.

Опубликованные — в основном в рамках юридических наук — работы нередко содержат указание на особый характер экономической мотивации китайских предпринимателей, занятых в этих сферах деятельности². Нам незнакомы исследования, выполненные на российских эмпирических материалах и сфокусированные на *сравнительном* изучении экономической мотивации иностранных предпринимателей, ведущих свою деятельность в России. В работах, указывающих на незаконную деятельность как на цель, практики китайских предпринимателей не сравниваются с практиками предпринимателей России или других стран. При таком развороте проблемы, когда одна сторона — «потерпевшая», а другая — «хищница», применяющая *«архаичные технологии»*³, аналитическая проекция искажена. Ведь в реальности наряду с китайским «рыболовом-браконьером» фигурирует российский «рыбак с сеткой», а вместе с китайским «контрабандистом» усердно трудится российский «теневого заготовитель» пушнины и древесины.

В данной работе — систематизация неформальных практик природопользования, связанных с экспортом природных ресурсов в Китай, попытка объяснения властных институциональных решений и оценка трансформации неформальных ограничений после принятия таких решений.

Основным источником служат официальные публикации Федеральной службы безопасности (ФСБ) и Федеральной таможенной службы (ФТС) Российской Федерации, размещенные на соответствующих сайтах в сети Интернет⁴. Решение

¹ Фалалеев М. Под туманные разговоры о российской «рыбной мафии» реальные китайские мафиози поставили на поток контрабанду уникальных биоресурсов Амура // Комсомольская правда. 2002. 26 сент.; Пимин А. Особенности китайской национальной рыбалки // Тихоокеанская звезда. 2000. 28 окт.

² Ляпустин С.Н., Фоменко П. В. Борьба с контрабандой объектов фауны и флоры на Дальнем Востоке России: учеб. пособие. Владивосток: Апельсин, 2003.

³ Подольский С., Готвинский В. «Дорогие гости» Приамурья или «китайская угроза» России? // Русский дом, 2007. №3 (<http://www.perspektivy.info/print.php?ID=36246>).

⁴ Отбор случаев осуществлялся на официальных сайтах указанных служб (<http://www.fsb.ru/> и <http://www.customs.ru/ru/>) по ключевым словам «Китай» и «ресурс» (за период 2001-2009 гг. полностью и за 9 мес. 2010 г). Из этой выборки отбирались те тексты, в которых сооб-

о выборе этих баз определяется тем, что обе службы официально отвечают за репрезентацию борьбы с контрабандой и другими практиками незаконного оборота природных ресурсов. Эта репрезентация ограничена многими объективными и субъективными факторами, например, внутренними по таможенному управлению или внешними, т.е. пришедшими из федерального центра, установками по поводу частоты и характера связей с общественностью. Впрочем, эти же ограничения могут интерпретироваться как преимущества базы в свете решения поставленных задач – поскольку формальные правила поддерживаются не только конкретными силовыми действиями, но и соответствующими дискурсивными практиками. Соответственно изменение частоты официальных сообщений о наказаниях или содержащиеся в сообщениях указания на увеличение количества преследований, как и изменения строгости наказаний,¹ могут рассматриваться как сигналы, направляемые для корректировки неформальных практик. Другими важными источниками для систематизации неформальных практик послужили аналитические отчеты, доклады, публикации экспертов².

щалось о приграничных нарушениях в сфере рыбных ресурсов – общее количество таких случаев оказалось равным 18.

- ¹ «Лу Гуйсян был приговорен к 2 годам лишения свободы с отбыванием наказания в колонии-поселении. Отметим, что наказание в виде лишения свободы за контрабанду биоресурсов применяется впервые (выделено мной. – НР). Как правило, преступники отделяются штрафами либо условными наказаниями» (http://www.customs.ru/ru/press/news_dvtu/printable.php?id286=10249&print=1).
- ² В т.ч. 1) по рыбным ресурсам – публикации Тихоокеанского научно-хозяйственного рыбохозяйственного центра: Новомодный Г., Золотухин С., Шаров П. Амурские рыбы: богатство и кризис: аналит. обзор. Владивосток: Апельсин, 2004; 2) по прочим объектам флоры и фауны – монографии WWF и Владивостокского филиала Российской Таможенной академии: Ляпустин С.Н. Борьба с контрабандой объектов фауны и флоры на Дальнем Востоке России (конец XIX – начало XXI в.). РТА; WWF. Владивосток: ВФ РТА, 2008; Ляпустин С.Н., Первушина Н.В., Фоменко П.В. Незаконный оборот объектов фауны и флоры на Дальнем Востоке (2007–2009 гг.). WWF, TRAFFIC, РТА. Владивосток: Апельсин, 2010; 3) по лесным ресурсам – публикации информационного сайта FOREST.RU (<http://www.forest.ru/>); по золотодобыче – 4) публикации информационного сайта «Золотодобыча» (<http://zlotodba.ru/about#>) Иркутского научно-исследовательского института благородных и редких металлов и алмазов.

Систематизация неформальных практик¹

Общее количество отобранных случаев, т.е. сообщений федеральных таможенной службы и службы безопасности, семьдесят восемь. В 48 случаях службы сообщили, что на контрабанде пойман гражданин Китая, в 1 – гражданин Казахстана, в 15 – россиянин, в остальных 14 – действовали смешанные (российско-китайские) группы. Ресурсы, по контрабанде которых сделаны сообщения: рыба и икра осетровых и частиковых пород, а также морепродукты (43,9 %); объекты дикой флоры (женьшень, папоротник); фауны (лягушка, олень, кабан, пушнина; дериваты) (27,9 %); лес и лесопродукты (20,5 %); минералы (золото, нефрит) (7,7 %).

Однако в отличие от этих цифр, отражающих официальную репрезентацию соответствующими службами своей деятельности, таможенная статистика по нелегально экспортируемым в Китай ресурсам указывает, что среди них преобладает древесина, как по стоимости, так и по количеству регистрируемых на таможне нарушений.

Неформальный промысел рыбы и морепродуктов. Официальные сообщения ФСБ и ФТС о неформальном промысле рыбы концентрируются на задержании китайских граждан (24 из 34 случаев).

Промысел рыбы и морепродуктов (трепанг, краб и морской гребешок), ведущийся в обход формальных правил, на приграничном Амуре, в реках амурского бассейна, а также в при-

¹ Автор понимает, что методологически корректнее было бы типизировать практики на основании полевых социологических исследований, т.к. альтернативные источники, на основании которых можно было бы выполнить эту работу, очень ограничены и некоторые из них, так сказать, «ангажированы». Можно предположить, что такое социологическое исследование – благодатная почва с точки зрения возможности получения новых знаний об изучаемой хозяйственной деятельности. Однако на примере с доступом к «золотому полю» вскрылась едва ли не бесперспективность этой проектной идеи или, как минимум, крайняя сложность. Поэтому приведенные ниже типизации практик выполнены на основании контент-анализа уже упомянутой базы ФСБ/ФТС, публикаций WWF, сообщений СМИ, а также немногочисленных интервью, которые удалось получить по этим чувствительным темам. Включенное наблюдение так или иначе реализовывалось по повседневным практикам лесопользования, охотничьего и рыбного промыслов.

брежных морских водах, конечно, имеет давнюю историю¹. Поскольку неформальные экономические действия направлены на избежание издержек, связанных с соблюдением законов и административных правил, то можно сказать, что неформальный промысел на приграничной реке начался в момент создания формальных правил. Конечно, на рубеже XIX – XX вв. существовали *нелегальные* (т.е. нарушающие законодательство), криминальные кросс-граничные практики: в частности, связанные с добычей китайскими подданными особо ценных пород рыб во внутренних российских водах и эксплуатацией для этих целей коренного населения. Однако до 1 января 1913 г., т.е. до отмены 50-верстной полосы беспошлинной торговли, рыбный промысел в р. Амуре носил скорее *внезаконный* (т.е. нерегулируемый действующим законодательством) характер: китайцы заготавливали, скупали и беспошлинно вывозили лобые, в т.ч. рыбные, ресурсы².

Введившиеся в советский период запреты способствовали созданию неформальных практик: *«По нашей оценке эффективность действия всех этих запретов очень слабая. ... когда его было действительно не много (до середины 90-х годов), прилов желтощека рыбаки не выпускали (глупо выпускать мертвых или полумертвых рыб). Кроме того, за каждым рыбаком не уследишь, а желтощек у многих жителей Амурского края считается деликатесом. Так как официально продавать «краснокнижные виды» в советское время было сложно, желтощек из уловов рыболюбцев предпринятый растаскивался по домам рыбаков»*³.

«Растаскивание по домам» являлось лишь одной из форм неформальной экономики советского времени⁴. Унесенная домой рыба (как и любой другой товар) становилась предметом денежных и не денежных форм обмена. Однажды воз-

¹ Ляпустин С.Н. Борьба с контрабандой объектов фауны и флоры на Дальнем Востоке: ист. аспект // Вестн. ДВО РАН. 2006. № 5. С. 170-174.

² Ляпустин С.Н., Фоменко П. В. Борьба с контрабандой объектов фауны и флоры на Дальнем Востоке...

³ Новомодный Г., Золотухин С., Шаров П. Амурские рыбы: богатство и кризис: аналит. обзор. Владивосток: Апельсин, 2004. С.19.

⁴ Каценелинбойген А. Цветные рынки в Советском Союзе // Экономическая теория преступлений и наказаний: РЖ. Вып. 4. Теневая экономика в советском и постсоветском обществах. Ч. 2. Статьи. Библиография. М.: РГГУ, 2002.

никшая неформальная практика со временем закреплялась, а изменение формальных правил (например, переход к рынку) лишь создавал почву для ее трансформации. Действительно, в период развала экономики, когда дальневосточные рыбаки месяцами не получали заработную плату, механизм выживания формировался сам собой. В результате этого и других причин разнообразные неформальные практики закреплялись.

Основные неформальные практики современного рыболовства на Дальнем Востоке можно подразделить на связанные с выловом и с продажей. Связанные с **выловом** (в коммерческих и некоммерческих целях) включают: взяточничество контролирующих лиц, обеспечивающих неформальный промысел; вылов без оформления документов для личного потребления, в т.ч. запрещенных видов рыб, запрещенными средствами лова и т.п.; использование и присвоение права неограниченного промысла представителями коренных и малочисленных народностей в промышленных целях; мелкопромышленный вылов незарегистрированными бригадами (как в РФ, так и в КНР); несоблюдение пограничного режима, постановка сетей в российских водах; реципрокные обмены с контролирующими лицами (инспектора, ответственные за легальный инфорсмент, могут промышлять рыбу сами и на уровне личных договоренностей устанавливать «допустимые» и «недопустимые» формы нарушений; силу таких неформальных контрактов определяют связи «ты мне – я тебе», далекие от денежных обменов). Практики, связанные с **реализацией**, включают: закупка неформально добытой рыбопродукции, «легализация» через использование поддельных документов для отправки ее в Китай; контрабанда икры, в т.ч. живой оплодотворенной, для потребительских целей и целей разведения; контрабанда рыбопродукции, в т.ч. запрещенной к вылову СИТЕС¹; неформальная доставка рыбопродукции к местам продаж; обработка рыбы, морепродуктов, икры в мелкопромышленных целях (разделка, посол, расфасовка), без оформления соответствующей документации на ведение этого бизнеса; создание предприятий, занимающихся незаконным

¹ СИТЕС – Convention of International Trade in Endangered Species of Wild Fauna and Flora – Конвенция по международной торговле вымирающими видами дикой фауны и флоры.

оборотом рыбопродукции, в т.ч. зарегистрированных на подставных лиц; торговля без документов или по поддельным документам (в т.ч. под видом конфискованной рыбоохранными организациями продукции).

Исследователи статистически доказывают, что Китай постоянно использовал биоресурсы приграничных рек более активно, чем Россия, что объясняется, конечно, большей населенностью китайских земель¹. Но, несмотря на большую активность китайских рыбаков, их хозяйственная деятельность во внутренних водах в основном лежит в рамках формальных правил, закрепленных в китайском законодательстве. В России, напротив, неформальный вылов превышает официальный, а объем браконьерского лова, в особенности в отношении запрещенных к вылову осетровых, постоянно повышается.

С точки зрения законодательства между деятельностью российских любителей и промысловых бригад² есть принципиальные различия, и они стали значительнее после институциональных новаций. Однако китайские рыбаки, промышленные на российской территории, не могут быть отнесены к «любителям» в любом случае. Тем не менее мотивационная логика крайне важна для институционального анализа. Поэтому попытаемся понять, насколько неформальное рыболовство носит коммерческий или частный³ характер.

Из 34 сообщений в 16 ФСБ и ФТС указали на то, что поймана *группа лиц*. Однако из сообщения не всегда понятно, яв-

¹ Новомодный Г., Золотухин С., Шаров П. Указ. соч. С. 28.

² Любители – люди, осуществляющие вылов рыбы в некоммерческих в спортивных или для нужд личного потребления целях; в ограниченных объемах; при наличии специальных документов (рыболовного билета, а в некоторых случаях – лицензии на вылов определенных видов рыб). Промысловики ведут вылов рыбы в коммерческих (для дальнейшей перепродажи) целях. Используют для этого специальные средства по вылову, приемке, переработке, перегрузке, транспортировке и хранению уловов и продуктов переработки водных биоресурсов. Право пользования водными биоресурсами возникает на основании разрешения на добычу (вылов) водных биоресурсов, договора пользования рыбопромысловым участком. Маркирование деятельности китайских рыбаков термином «любительский» условно, т.к. они не являются гражданами РФ и не могут формально быть любителями.

³ Коммерческий характер – т.е. для дальнейшей продажи; индивидуальный – вылов для обеспечения домашнего хозяйства.

ляется ли данное нарушение проявлением индивидуальной стратегии или оно обеспечивает реализацию отдельной операции в деловой схеме. Например, в следующей цитате сообщается о конкретном «китайском гражданине», вместе с тем объем и цена вывозимой партии указывает на коммерческий характер операции:

«Сотрудники УФСБ по ЕАО пресекли вчера попытку контрабандного вывоза в Китай крупной партии амурского осетра и калуги. В одном из частных домов в Биробиджане было обнаружено 1300 килограммов рыбы. По словам хозяина дома, рыбу прятал китайский гражданин, пообещав вывезти груз на этой неделе в КНР. Офицер УФСБ по связям с общественностью Сергей Дорофеев сообщил, что стоимость рыбы, которую китаец, вероятнее всего, приобрел у браконьеров, оценивается примерно в 130 тыс. рублей. В Китае она на порядок дороже¹».

С другой стороны, если сообщается, что поймана группа нарушителей, это не указывает на их принадлежность к коммерческой структуре:

«К трем месяцам лишения свободы приговорены судом Амурской области за нарушение государственной границы России двое граждан Китая. В областном УФСБ сообщили, что в июне китайцы были задержаны пограничниками в Свободненском районе на 118-м километре верхнего Амура у российского берега в момент браконьерского лова рыбы. У нарушителей были изъяты весельная деревянная лодка и орудия лова. Суд назначил нарушителям наказание в виде лишения свободы на три месяца с отбыванием срока в колонии-поселении. С учетом содержания под стражей в ходе предварительного следствия срок заключения осужденных уже истек. Поэтому они были освобождены и покинули территорию России²».

Качественный контент-анализ показывает, что лучше типизировать неформальные практики на две группы в зависимости от мотивации, а не количества участников — на частные и коммерческие. Самой распространенной практикой частно-

¹ В Биробиджане сотрудниками ФСБ пресечена попытка контрабандного вывоза в Китай крупной партии осетровой рыбы // <http://www.fsb.ru/fsb/comment/ufsb/single.html?id=10311774@fsbComment.html>.

² Там же.

го (т.е. некоммерческого) использования приграничных природных ресурсов китайцами является рыбная ловля у противоположного (российского) берега. Стремление китайских рыбаков вести вылов рыбы на российской территории объясняется тем, что в КНР бывшие рыбные угодья значительно зарегулированы дамбами и ухудшены промышленными загрязнениями, дикие популяции рыб легально, практически не лимитируемо вылавливались долгие годы как в промышленных объемах, так и для нужд домохозяйств, в результате многие виды рыб исчезли. С российской стороны легальный промысел всегда оставался лимитированным, а промышленные и сельскохозяйственные загрязнения ниже.

Среди неформальных коммерческих практик – организация фирм (бригад), ведущаяся с лицензионными нарушениями, с нарушениями в способах найма работников, практиками ухода от таможенных и налоговых сборов и т.п. Организованные бригады могут быть смешанными или моноэтническими:

«На Дальнем Востоке на реке Амур в Смидовическом районе Еврейской автономной области пограничниками пресечена попытка вести лов кеты группой браконьеров, состоящей из пяти китайцев и трех россиян. ...Как выяснилось, организовал интернациональную группу браконьеров один из местных предпринимателей. Он нанял китайцев, прибывших на российскую территорию по визам, но не имевших право находиться в погранзоне, пообещав им солидное вознаграждение в случае удачного лова лосося. Задержанные браконьеры переданы для разбирательства правоохранительным органам¹».

С 2004 г. в регулировании рыбного промысла произошли серьезные изменения. Они были направлены на повышение контроля, снижение нелегального промысла, разделение любительского и промыслового рыболовства – т.е. на ужесточение законодательства путем внесения принципиальных, кардинальных изменений. В 2004 г. принят ФЗ N 166 «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов», а с ним и другие нормативные акты (в частности, регламентирующие получение промышленных квот и разрешений, определение

¹ На Дальнем Востоке на реке Амур задержана группа китайских и российских браконьеров // <http://www.fsb.ru/fsb/comment/ufsb/single.html?id=10314924@fsbComment.html>.

участков и т.д.). А в 2006 г. — Водный кодекс РФ от 03.06.2006 N 74-ФЗ.

Официальные базы ФСБ и ФТС «отреагировали» на институциональные новации увеличением количества сообщений о раскрытых нарушениях (в 2004-м и особенно в 2006 г.). На 2006 г. пришлось около трети всех сообщений. Наиболее вероятным объяснением этого служит изменение способов инфорсменты (в т.ч. как через большее усердие в поимке нарушителей, так и через более широкое информирование «широких масс»).

Однако тот факт, что неформальные практики продолжали существовать после принятия этих институциональных решений «налицо»; а по базе сообщений ФТС и ФСБ можно судить об изменениях *объемов* неформальных операций (в сторону их значительного увеличения к концу наблюдаемого периода). В целом сравнение сообщений начала и конца 2000-х гг. указывает на изменение способов организации неформальной деятельности — от единичных нарушений в небольших масштабах до крупных организованных групп. В 2002 г. крупной партией трепанга была партия в 2 т, а в 2009 г. информировали о нескольких 20-тонных партиях.

Сообщение 2002 г.: *«Крупная партия контрабанды — сушеного трепанга — задержана в Приморском крае на российско-китайской границе. <...> Грузовик был задержан на таможенном посту Полтавский и доставлен в Уссурийский таможенный терминал. В одной из стенок контейнеровоза сотрудники таможи обнаружили тайник. В нем, по предварительным подсчетам, находилось около 2 т сушеного трепанга, который был расфасован в мешки по 15-20 кг. Последний раз столь крупная партия сушеного трепанга была задержана около двух лет назад. Контейнер конфискован, по факту контрабанды возбуждено уголовное дело¹».*

Сообщение 2009 г.: *«Сразу 6 уголовных дел возбуждено дознавателями Дальневосточной оперативной таможи в отношении преступной группы, осуществлявшей контрабандный вывоз сушено-вяленого гребешка. <...> Тогда было возбуждено первое (по данной группе. — НР) уголовное дело против двух россиян,*

¹ http://webserver.customs.ru/ru/sea_activity/actions/index.php?&date286=200510&id286=8625.

изготовивших поддельные документы и пытавшихся по ним вывезти в Китай **партию сушеного гребешка весом около 20 тонн**. В ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий в отношении этих граждан было возбуждено еще 10 уголовных дел, а затем были собраны доказательства того, что контрабандой гребешка занималась **целая организованная группа** и были установлены функции каждого члена группы. Так, организатором совершения преступления является гражданин Китая, который финансировал незаконные перемещения товара к себе на родину, а также давал указания российской гражданке, входившей в преступную группу, подготавливать поддельные документы, необходимые для таможенного оформления товара. А два российских гражданина осуществляли незаконный промысел и переработку гребешка, а также организовывали перемещение гребешка с острова Сахалин в Приморский край. Затем они передавали товар своей подельнице, занимавшейся подготовкой документов для таможенного оформления и непосредственно таможенным оформлением гребешка с предоставлением в таможенные органы поддельных документов. За время своей преступной деятельности группа смогла вывезти с помощью поддельных документов сушено-вяленого гребешка на сумму свыше 3 миллионов рублей¹».

Таким образом, в хищническом использовании рыбных ресурсов активно участвуют и китайцы, и россияне. Неформальные практики рыболовства основываются на традициях и исторической преемственности, следовательно, существуют социальные нормы, обеспечивающие легитимность (признание) неформальных правил. Спектр мотиваций участников трансграничных обменов достаточно широк и включает как коммерческие установки, так и мотивации личного потребления. Ужесточение легального инфорсmenta не влияло на неформальные практики (либо влияло даже в сторону ухудшения ситуации).

Объекты дикой флоры и фауны. Другие объекты дикой флоры и фауны, помимо рыбы и морепродуктов, также являются объектом неформальных трансграничных практик. В 2000-2010 гг. с территории Дальнего Востока нелегально вывози-

¹ Не скоро увидят они гребешок... // <http://dvtu.customs.ru/ru/reviews/index.php?&date695=200906&id695=25964>.

лись в Китай объекты дикой фауны, такие как лягушка, олень, кабан, пушнина и дериваты (17,6 % сообщений в базе ФСБ и ФТС); и дикой флоры, в т.ч. женьшень, папоротник (10,3 %). В базе ФСБ и ФТС преобладают сообщения о задержании граждан КНР: 21 случай против 1 случая задержания гражданина РФ.

В этом смысле очевидна историческая «преемственность» неформальных практик, поскольку и 100 лет назад богатые природные ресурсы активно вовлекались в коммерческий оборот в обход действовавших формальных правил как непосредственно китайцами, так и русскими переселенцами.

В настоящее время браконьерский промысел имеет место на всех территориях Дальнего Востока, этим видом хозяйственной деятельности занимаются «жители населенных пунктов в сельской местности»; «охотники-любители, имеющие высокопроходимый автотранспорт»; «военнослужащие и пограничники, <...> проходящие службу на погранзаставах или в отдалённых гарнизонах»¹. В Хабаровском крае и Еврейской автономной области идет браконьерская охота на лося, бурого и гималайского медведя, кабаргу, соболя, осетровые и лососевые виды рыб; в Приморском крае – на гималайского медведя, кабаргу, амурского тигра, трепанга, лососевые виды рыб; в Амурской области – на осетровые виды рыб, речную выдру и т.д.². Конечно, не весь нелегальный промысел ведется для дальнейшего сбыта продукции в Китай – часть потребляется домашними хозяйствами непосредственных охотников, часть продается на внутреннем рынке.

Типизация неформальных практик, связанных с оборотом объектов дикой флоры и фауны буквально повторяет практики по промыслу рыбы и морепродуктов, хотя отличается их распространенность по отношению друг к другу. Если в практиках, связанных с добычей и оборотом рыбы самые частые сообщения о *кроссграницных* нарушениях связаны с нарушением пограничного режима, то о нелегальном пересечении границы для заготовки лягушек, желчи и т.п. сообщают гораздо реже:

¹ Ляпустин С.Н., Первушина Н.В., Фоменко П.В. Незаконный оборот объектов фауны и флоры на Дальнем Востоке (2007–2009 гг.). WWF, TRAFFIC, РТА. Владивосток: Апельсин, 2010. С. 25.

² Там же. С. 24.

«В изолятор временного содержания Хасанского погранотряда доставлен китаец, которого накануне задержали с помощью сторожевой собаки. Пограничники отправили на имя командующего Цилиньским военным округом КНР требование ужесточить контроль за границей¹»; «Два китайских браконьера, ставившие капканы на оленьих тропах, задержаны в понедельник в Приморье пограничниками в уссурийской тайге²»; «Трех китайских сборщиков папоротника, нелегально перешедших границу на юге Приморья, задержали российские пограничники. Две женщины и мужчина доставлены в изолятор временного содержания Хасанского погранотряда для проведения разбирательства³».

Объекты флоры и фауны вовлечены в неформальный кроссграницный оборот преимущественно через их заготовку (скупку) для дальнейшей отправки в Китай. Объявления о скупке и продаже лап и желчи медведя, мускуса кабарги, дикорастущего женьшеня публикуются в амурских, приморских и хабаровских газетах и на сайтах сети Интернет. Пресечение кроссграницных нелегальных практик происходит в основном при таможенных проверках в рамках таможенных пунктов:

«Сотрудники Хасанского таможенного поста <...> обнаружили в конструктивных полостях автобуса 22 цилиндрических целлофановых брикета с дериватами (жир лягушки), скрытыми от таможенного контроля. <...> такая крупная партия (почти 27 кг), задерживается впервые. По самым скромным подсчетам рыночная стоимость лягушачьего жира может составить более 1,8 миллиона рублей»; «В пункте пропуска через российско-китайскую границу «Пограничный-железнодорожный-грузовое» в Приморье пресечена попытка контрабандного вывоза в Китай медвежьих лап. <...> На одной из платформ, груженной лесом,

¹ Китайские браконьеры открыли в Приморье сезон охоты на лягушек // <http://www.fsb.ru/fsb/comment/ufsb/single.html?id=10314002@fsbComment.html>.

² В Приморье задержаны два китайских браконьера // <http://www.fsb.ru/fsb/comment/ufsb/single.html?id=10313794@fsbComment.html>.

³ Пограничники Приморья задержали трех китайских сборщиков папоротника, нарушивших границу // <http://www.fsb.ru/fsb/comment/ufsb/single.html?id=10314371@fsbComment.html>.

среди бревен были найдены три пакета, в которых находились девять медвежьих лап¹».

Самыми распространенными товарами, задержанными на таможне в 2001-2010 гг., были дикорастущий женьшень и дериваты (мускус кабарги, лапы медведя и т.п.). Понятно, что неформальные практики в отношении обоих продуктов опираются на культурные традиции восточной медицины, и столь же очевидно, что для большей части россиян эта продукция не имеет внутренней ценности, что отсутствие свободного рынка на эти товары способствует весьма специфическому методу ценообразования и, как следствие, возможности получения дополнительной прибыли.

Информация, позволяющая сделать выводы об объемах неформального оборота объектов флоры и фауны, практически отсутствует, поскольку невозможно оценить реальные объемы промысла для личного потребления без оформления документов (лицензий), свыше оформленных документов, браконьерства в отношении запрещенных объектов флоры и фауны, браконьерства в запрещенных местах.

Инфорсмент в отношении регулирования оборота объектов исчезающей фауны в настоящее время относительно мягок, в частности для возбуждения уголовного дела сумма выявленного нарушения должна превышать 1500 тыс. руб. В последние годы не было значительных изменений, напрямую касающихся регулирования этого вида хозяйственной деятельности.

В легальном регулировании промысла и оборота объектов дикой фауны произошли существенные изменения с принятием закона «Об охоте и сохранении охотничьих ресурсов» (209-ФЗ от 24 июля 2009 г.), а также в связи с изменениями в Лесном кодексе. Закон «Об охоте», так же как и другие нормативно-правовые акты в сфере природопользования, стал *принципиальной институциональной новацией*, поскольку изменил основную мотивацию охотничьей деятельности, акцентировав коммерческую составляющую (практически введя необходимость приватизации охотничьих угодий) и «забыл» о

¹ В Приморье пресечена попытка нелегального вывоза в Китай медвежьих лап // <http://www.fsb.ru/fsb/comment/ufsb/single.html?id%3D10316364@fsbComment.html>.

традиции и культуре охотничьего промысла в РФ, о том значении, которое *«имеет лес, река, пастбища и сельхозугодия для жителей сельской местности, особенно в удаленных регионах страны»¹*.

«В Сибири, ничего не поделаешь, половина населения — охотники и рыболовы, и они крайне озабочены судьбой своих охотничьих угодий, которые, в связи с принятием данного законопроекта, должны будут подвергнуться приватизации, встревожены настолько, что разработали свой законопроект, и он уже принят в первом чтении»; «ни одна экологическая организация, ни одно охотхозяйство из регионов не поддержали законопроект об охоте. Закон ломает всю систему охотничьих хозяйств в России, и в этой системе ни одно охотничье хозяйство на аукционе не сможет приобрести угодья. Кроме богатых людей, в этом законе никто не заинтересован. Законопроект разработан не в пользу настоящих охотников, он ориентирован на богатых, на денежные мешки, браконьеров и так называемых «вертолётчиков». Законом вводятся нормы, кардинально меняющие порядок предоставления права пользования объектами животного мира и среды их обитания»².

Введение новых формальных правил не отразилось на сообщениях ФТС и ФСБ о нелегальных практиках: информирование в 2004 и 2010 гг. практически одинаково. Информация о суммах ущерба не сообщалась до 2005 г. Средний размер оцененного ущерба составил 1297 тыс. руб., самый большой ущерб был оценен в 7500 тыс. руб. (кстати, он зарегистрирован в 2010 г.):

«С начала августа сотрудниками таможен региона было пресечено 4 попытки контрабанды женьшеня. По трем из них были возбуждены дела об административных правонарушениях в связи с небольшими объемами предмета контрабанды, а также одно уголовное дело, возбужденное сотрудниками Уссурийской таможни в отношении гражданина Китая, пытавшегося вывезти

¹ Дискуссию по поводу Закона «Об охоте» см., напр.: http://piterhunt.ru/library/articles/ofitsialno/khoteli_kak_luchshe_a_poluchilos_kak_vsegda.htm.

² Там же.

более 2 килограммов корня, стоимостью свыше 7 с половиной миллионов рублей¹».

Ляпустин С.Н. и др.² сообщают о росте числа уголовных дел, возбужденных по фактам контрабанды объектов фауны и флоры, что свидетельствует, по мнению авторов, «о повышении качества работы оперативно-розыскных подразделений таможен ДВТУ и Дальневосточной оперативной таможни». На наш взгляд, это также может указывать на рост контрабанды, на неэффективность принимаемых институциональных решений, на другие внешние причины, такие как снижение общего уровня жизни населения, повышение количества безработных и т.п.

Таким образом, в регионах Дальнего Востока распространено неформальное природопользование в отношении объектов флоры и фауны; эти практики основываются как на российских, так и китайских культурных традициях. В неформальную добычу на уровне повседневной обыденности вовлечено население, что предполагает опору на укорененные социальные нормы. Неформальный кроссграничный оборот мотивирован также извлечением ресурсной ренты коммерческими структурами. Изменения, произошедшие в формальном регулировании охотничьего промысла, носили инкрементный характер; нет оснований ожидать, что они смогут мгновенно изменить существующие неформальные ограничения.

Неформальное лесопользование. В базе ФТС и ФСБ о практиках, связанных с нелегальным вывозом древесины, сообщили 15 раз. Большая часть сообщений пришлась на 2009 и 2010 гг. В основном на контрабанде «попалились» граждане РФ, имеющие зарегистрированный бизнес. Этот вид неформального природопользования в сибирских и дальневосточных регионах исследован и описан в литературе относительно лучше других³; предложено несколько вариантов систематизации неформальных практик, в т.ч. недокументированные и докумен-

¹ http://www.customs.ru/press/news_dvtu/index.php?id286=33757

² Ляпустин С.Н., Первушина Н.В., Фоменко П.В. Незаконный оборот объектов фауны и флоры на Дальнем Востоке (2007–2009 гг.). WWF, TRAFFIC, РТА. Владивосток: Апельсин, 2010. С.8.

³ См., напр., о типизации практик и мотивации к неформальному лесопользованию: Неформальная экономика лесопользования: участники, практики, отношения (на основе

тированные. Первые, в частности, включают¹: заготовки леса местным населением для собственных нужд; рубки, осуществляемые гражданами или незарегистрированными бригадами с целью последующей продажи древесины; рубки, осуществляемые компаниями вблизи от официально разрабатываемых участков либо в труднодоступных местах, редко посещаемых проверяющими органами, в большем объеме, чем это отражено в разрешительной документации; рубки, ведущиеся нелегально по схеме «официальных выборочных рубок». А также рубки незаконные, но проводящиеся при наличии документов: получение разрешений на рубки леса в участках, где это запрещено либо не предусмотрено действующим законодательством; получение разрешений на ведение лесозаготовок с нарушением действующих правил; внесение заказных изменений в лесохозяйственную документацию, позволяющих по формальному признаку проведение рубок, запрещенных до внесения этих изменений.

Экспортеры леса (как китайские, так и российские) используют вышеуказанные практики для заготовки древесины либо скупают заготовленную таким образом древесину, а затем применяют неформальные практики для вывоза товара: представление при экспорте леса двойных, тройных договоров комиссии, легализация незаконно купленного леса посредством формального проведения его через несколько продавцов-покупателей, завышение количества леса, проходящего через таможенную, в сравнении с оформленными документами, и др.

Распространенная деловая схема состоит в том, что и экспортером и импортером является одна и та же китайская компания, для чего регистрируется китайская фирма-«однодневка». Она осуществляет заготовку и поставку леса, используя спектр обозначенных выше неформальных практик, экспортные

материалов исследования Иркутской области)/ под ред. И. Олимпиевой, О. Паченкова, З. Соловьевой. МОНФ. Сер. «Независимый экономический анализ». М., 2005.

¹ В данном случае под «документированными» понимаются те, что осуществляются с оформлением документов, но при этом они могут не включаться или включаться частично в статистический учет: Морозов А. Краткий обзор незаконных рубок леса в России (формы и методы незаконных рубок) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.forest.ru/rus/publications/illegal/>

цены, как правило, ниже мировых, ниже внутреннего китайского рынка и даже нередко ниже себестоимости заготовки леса («минимизация» налога на прибыль).

Начиная с 2007 г., лесное законодательство существенно изменилось, был введен новый Лесной кодекс, основной целью которого было повышение доходности использования лесных ресурсов. Основу новаций лесного законодательства составляла передача полномочий с федерального на региональный уровень, а также возложение в виде обременений (в обмен на неуточненные преференции) всего комплекса лесохозяйственных работ на арендатора. Кодекс тут же стал объектом для критики со стороны бизнеса (и не только лесного, но и крупных госкорпораций – поскольку большая часть энергетической, а также нефтяной и газовой инфраструктуры проходит через лесные угодья).

Также изменилось законодательство в области регулирования экспорта. Так, ставка экспортной пошлины на круглый лес составляла 6,5 % таможенной стоимости до июля 2007 г., после чего она должна была подняться до 20 %, с апреля 2008 г. – 25 %; а с января 2009 г. должна была составить 80 %. Глобальный экономический кризис помешал введению запретительных пошлин (рост остановился на уровне 15 %). Эти институциональные новации привели к сокращению объемов производства – в основном из-за сокращения объемов экспорта, резко обострению социальных проблем и росту безработицы в лесных поселках, общему упадку лесного сектора. Например, в Амурской области в 2009 г. физический объем экспорта сократился на 64 %, Япония, Гонконг и Южная Корея перестали покупать амурскую древесину, а доля Китая выросла до 98 %. Поскольку более развитые страны традиционно предъявляют большие требования к подтверждению легальности древесины, это становится еще одним стимулом для увеличения неформального оборота.

В целом весь комплекс институциональных изменений не привел к ожидавшимся результатам:

«Экспорт круглого леса и пиломатериалов по-прежнему является одним из наиболее криминальных направлений. Так, только в течение 2009 года Иркутской таможней на канале экспорта

леса было возбуждено 4 уголовных дела. Одно уголовное дело возбуждено по ч. 4 ст. 188 УК РФ «Контрабанда» (предметом преступления по нему стали пиломатериалы, контрабандный вывоз которых был налажен преступной организованной группой). Три уголовных дела были возбуждены по ст. 193 УК РФ «Невозвращение из-за границы средств в иностранной валюте», где экспортируемым товаром были лесоматериалы¹».

На заседании президиума Государственного совета по вопросам совершенствования государственного регулирования в сфере охраны окружающей среды директор Всемирного фонда дикой природы Российской Федерации отметил следующее:

«Мы знаем, каковы были последствия внедрения Лесного кодекса – в разы выросли нелегальные рубки только по самым официальным данным, анализ спутниковых снимков показывает ещё гораздо более тяжёлую картину²».

ФТС и ФСБ стали сообщать о выявленных нарушениях в лесопользовании в 2009 и 2010 гг. значительно чаще, чем ранее (более половины случаев пришлось именно на эти два года); в основном информация касалась пунктов пропуска, расположенных в Хабаровском и Приморском краях. Максимальная сумма ущерба – 19,5 млн руб., минимальная – 65 тыс. руб., средний размер ущерба – около 6 млн руб. Все информационные сообщения свидетельствуют о нарушениях по провозу древесины через пункты таможенного контроля. Лишь одно сообщение свидетельствовало о провозе вне зоны таможенного контроля, причем провоз осуществлялся индивидуальным лицом (гражданин Казахстана вывозил на автомобиле КамАЗ 32 куб.м пиломатериалов помимо пункта таможенного контроля в районе зоны Михайловского таможенного поста Алтайской таможни). Как правило, объемы нелегальных сделок существенно выше: в среднем по всем случаям – около 3 тыс. куб.м (информация о самом большом нарушении – 10,5 тыс. куб.м леса).

¹ Итоги деятельности Иркутской таможни за 1-е полугодие 2009 года // <http://stu.customs.ru/ru/reviews/printable.php?&date695=200907&id695=26911&print=1>.

² Стенографический отчет о заседании президиума Государственного совета по вопросам совершенствования государственного регулирования в сфере охраны окружающей среды // <http://www.kremlin.ru/transcripts/7872>.

В основном выявленные нарушения были сделаны зарегистрированными на граждан РФ фирмами (обществами с ограниченной ответственностью), но так или иначе в заметках фигурировало указание на совместную с гражданами Китая деятельность. Следующее информационное сообщение является, видимо, наиболее «репрезентативным», что подтверждается результатами наших полевых исследований, проведенных ранее:

*«Отделом дознания Хабаровской таможни возбуждено сразу 10 уголовных дел по ч. 1 ст. 188 УК РФ (Контрабанда). Предметами преступления стали лесоматериалы различных, в том числе ценных, пород. В большинстве случаев в Китай вывозились ясень и дуб, были также липа, осина, береза, ель. **Весь товар, а это примерно 5,5 тысяч кубометров, от имени российского общества с ограниченной ответственностью в течение 2007 года был перемещен из России в КНР с обманным использованием документов. Общая стоимость предметов преступления составила более 17,5 миллионов рублей**»¹.*

Таким образом, жесткая мотивация неформального лесопользования — в ориентации на получение и максимизацию ресурсной ренты зарегистрированными бизнесами, а ужесточение формальных институциональных ограничений дает иные, чем планировалось, эффекты. Одним из значимых является повышение социальной нестабильности и безработицы в удаленных регионах.

Драгоценные металлы и поделочные камни. Кроссграничные неформальные обмены с металлами и минералами в наименьшей степени представлены в официальных базах ФСБ и ФТС: о них сообщали 6 раз, и все сообщения пришлось на 2008 и 2009 гг. Основным объектом контрабанды стало золото, но также сообщалось о незаконном вывозе нефрита, серебра и платины.

При освоении Дальнего Востока русские переселенцы вовлекались в «свободный», вне-институциональный оборот золота; эта деятельность вначале была освобождена от фор-

¹ http://customs.ru/ru/press/news_dvtu/index.php?id305=3771&date286=200803&id286=18909.

мальных ограничений¹. Впоследствии уже с появлением формальных правил и развитием золотопромышленной отрасли кустарная добыча по-прежнему преобладала: «“хозяйский” (в современных терминах – промышленный) способ добычи золота стал неэффективным. <...> Менее богатые месторождения могли разрабатываться самостоятельно старателями-золотничниками (в современных терминах – кустарно). <...> К 90-м гг. XIX в. «золотничный» способ стал в крае преобладающим²». Кустарная добыча золота без оформления специальных документов, а также «вынос» золота с официально зарегистрированных рудников входили в одну из сфер хозяйственной неформальной деятельности китайцев в конце XIX – начале XX в.³.

В послереволюционный период для решения проблемы криминального оборота золота и пополнения золотовалютных запасов были введены следующие институциональные новации: «в крупных поселках открыты золотоприемные кассы»; выдача разрешений на старательство любому человеку, «не имеющему уголовного прошлого», непосредственно местными органами власти; приемка золота «и от старателей, и от вольноприносителей»⁴; стимулирование населения к поиску и добыче золота льготами⁵. После Второй мировой войны украденное, добытое или найденное золото можно было сдать в золотоприемные кассы⁶. Эти либеральные институциональные рамки существовали до 1954 г., хотя институциональное

¹ Афанасьев П.Ю., Трубников Н.Б. Виток золотой спирали. Благовещенск, 2008.

² Алепко А.В. Китайские неформальные практики в горной промышленности Дальнего Востока России в конце XIX – начале XX в. // Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX – XX и XX – XXI веков/ под ред. В.И. Дятлова. Иркутск: Оттиск, 2010. С. 218 – 228.

³ Там же.

⁴ Старатель получал лицензию на уже известный участок, на котором есть золото, и работал в заданных границах. А вольноприноситель мог искать золото без лицензии.

⁵ Кавчик Б.К., Кавчик Р.Б. Проблемы существования незаконной добычи и оборота золота в России и пути их решения: докл. на конф. 11.05.10 <http://zolotodb.ru/articles/docs/discuss/10224>; Кавчик Б.К. Как увеличивали золотодобычу при Сталине// Золотодобыча. 2009. № 126. Май.

⁶ Об экстралегальных практиках в до- и советское время и истории развития институтов золотодобычи см.: Афанасьев П.Ю., Трубников Н.Б. Указ. соч.; На золотых промыслах Дальней

давление к ликвидации вольностей началось раньше — со снижения приемной цены на золото, принятого постановлением Совмина СССР «О мерах по снижению затрат на добычу золота»¹. Кстати, был выбран классический механизм институционального давления с точки зрения стимулов, влияющих на введение институциональных новаций, т.е. один из двух, описанных Нортон: изменение соотношения цен и культурных пристрастий. Хотя и цена определялась, конечно, не рынком, а государством.

Впоследствии были введены жесткие меры контроля над нелегальным оборотом валютных ценностей (в т.ч. золота); под нелегальный оборот попадали любые операции с промышленным золотом, помимо сдачи его на аффинаж, а кустарная добыча была полностью исключена. При этом строгость наказаний² и другие способы инфорсmenta (например, курирование добычи, охраны, транспортировки золота с каждого прииска на аффинажный завод сотрудником КГБ) исключили золото из свободного оборота. Криминальные практики (воровство), конечно, продолжали существовать, но были исключением.

Типы неформальных пользователей (а не типизация практик, как по прочим видам хозяйственной деятельности, описанным выше) включают³: расхитителей — как правило, это сотрудники промышленных предприятий, продающие похищенное промышленное золото с предприятий; индивидуальных самозанятых, «хищников» — это население прилегающих

России. К истории золотодобычи на юге Российского Дальнего Востока. Благовещенск: РИО, 2003.

¹ Кавчик Б.К. Непромышленная добыча золота может быть разрешена в России уже в этом году. Но не разрешена... // Золотодобыча. 2009. № 123. Февр. <http://zolotodb.ru/articles/docs/discuss/10023>.

² Так, нарушения правил оборота валютных ценностей «наказывались лишением свободы на срок от трех до восьми лет с конфискацией имущества или без конфискации, с обязательной конфискацией валютных ценностей. <...> Те же действия, совершенные лицом, ранее судимым за преступления, предусмотренные настоящей статьей, а равно спекуляция валютными ценностями или ценными бумагами в крупных размерах наказываются лишением свободы на срок от пяти до пятнадцати лет с конфискацией имущества» (УК РСФСР, 1960).

³ Для уточнения были использованы материалы экспертных интервью. В качестве экспертов выступили: 1) геолог с 40-летним стажем, бывший руководитель старательской артели; 2) бывший сотрудник охраны золотопромышленных объектов.

к месторождениям поселков, ведущее кустарную добычу без оформления документов (лицензий); «старателей»¹ – «хищников» – это организации, не имеющие официального разрешения (лицензии) на разработку золота на данном участке; «старателей», ведущих добычу на основании разрешения, выданного «держателем лицензии», но сдающих часть золота «на сторону», помимо «держателя лицензии»; «старателей» и «держателей лицензии», ведущих добычу за границами формально определенного участка; «держателей лицензии», продающих золото «на сторону», т.е. не сдающих его на государственный аффинажный завод; посредников, т.е. скупщиков и продавцов золота по неформальным схемам в РФ и за рубежом.

Начало неформальному обороту золота было положено в 1990-х гг.², когда во время пост-реформенного кризиса государство не всегда своевременно рассчитывалось за золото, сданное на аффинаж, с предприятиями.

Принятые Законы «О недрах» (1992 г.) и «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» (1998 г.) были ориентированы на законодательное регулирование крупных месторождений золота, т.к. включали многостадийную разведку, разработку ТЭО временных и постоянных кондиций, утверждение запасов в ГКЗ или ТКЗ, согласование проектов, утверждение технологических потерь и т.п. Техногенные участки, мелкие участки, особенно в отдаленных районах, до которых невыгодно строить дороги, косовые (т.е. речные) россыпи в промышленный оборот введены не были. Однако они начали неформально разрабатываться бывшими рабочими тех приисков, запасы на которых закончились и предприятия закрылись, и жителями близлежащих поселков³. Наиболее часто на официальных встречах разного уровня, в материалах СМИ в этой связи обсуждаются

¹ Разделение на «старателей» и «держателей лицензии» подразумевает, что и те и другие являются легально зарегистрированными предприятиями, но вторые имеют официально оформленные лицензии, а первые получают разрешение на использование, как правило, части этой лицензии. «Старатели»/«артель старателей» в золотодобыче – не является организационно-правовой формой, т.е. добровольным объединением физических лиц.

² Афанасьев П. Ю., Трубников Н. Б. Указ. соч.

³ Кавчик Б.К., Кавчик Р.Б. Проблемы существования незаконной. . .

регионы Сибири и Дальнего Востока (Бурятия, Магаданская, Иркутская, Амурская области, Хабаровский край).

Возможность введения в оборот участков с непромышленными запасами для работы на них частными лицами, без регистрации предприятий и получения лицензии, обсуждается в Думе с 1999 г (т.н. «закон о вольноприносительстве»). В 2003 г. был принят Закон «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» (№ 41-ФЗ), который разрешил добывать золото на техногенных и мелких россыпях. Но для этой деятельности по-прежнему требовалась лицензия, для получения которой необходимо было подготовить от 23 до 26 документов, с их обязательным утверждением в федеральных органах власти¹. Официально декларируемая мотивация для принятия «закона о вольноприносительстве» связана с необходимостью обеспечения работой и легальными средствами к существованию жителей удаленных регионов, для которых подобные формальные барьеры фактически перекрывают возможность легализации ведущегося неформального промысла. Нежелание власти пропускать это законодательство связано с давлением крупного бизнеса, опасениями центральных властей по поводу потери контроля над доходами, декларация возможного роста нелегального оборота — из-за появления стимулов к воровству промышленного золота.

Объемы нелегального оборота золота, по сообщениям СМИ, составляют от 10 % (15-20 т в год — по оценкам Союза золотопромышленников России) до 30-50 % (по оценкам «Союза участников рынка драгоценных металлов и драгоценных камней»)². В настоящее время возможности легализовать (сдать на аффинаж) кустарно или «за пределами лицензии» добытое золото ограничены, следовательно, часть его должна реализовываться за пределами страны.

Оценок объемов нелегального кроссграничного обмена на российско-китайском направлении нам не встречались, однако о том, что золото контрабандно вывозится в Китай свидетельствует ряд сообщений, и судя по датам опубликования

¹ Не того закона ждали // Электронное издание «Вслух»: <http://www.vslux.ru/node/5182>.

² Накануне золотой лихорадки // Электронное издание «Росбалт.RU»: <http://www.rosbalt.ru/2010/09/21/773778.html>.

информации, этот вид деятельности актуализировался после 2005 г.:

«Уголовное дело в отношении двух граждан Китая <...> Во время следственных действий сотрудниками областного Управления ФСБ были изъяты 2,5 кг самородного золота»; «Более 2 кг лома серебра изъято у гражданина Китая на таможенном посту Полтавка Уссурийской таможни»; «11 ноября при попытке пересечения российско-китайской границы задержан житель Забайкальского края, у которого изъято 6,48 кг промышленного золота»; «гражданин КНР попытался пронести под одеждой и в ботинках в Китай 3435 г россыпного золота»; «у гражданина Китая, выезжавшего к себе на родину, нашли 3,5 кг незадекларированного золота»; «принял от неустановленного следствием лица предложение незаконно перевезти за денежное вознаграждение через таможенный пост драгоценный металл в виде самородного россыпного золота»; «чистого золота 998-й пробы в этой партии насчитывается почти 3 кг. Его приобрел китаец по имени Дун Люфан у неустановленного лица»; «Осенью прошлого года гражданин КНР купил в Благовещенске почти 1 кг драгоценного металла за 8,5 тысяч долларов. «В четверг, 11 ноября, на Благовещенской таможне задержали гражданина КНР, пытавшегося вывезти в Поднебесную около 2 кг промышленного золота»¹.

На официальных сайтах ФСБ и ФТС сообщалось лишь о некоторых из этих случаев. Один из них рассказывает о жителе Забайкальского края, которого использовали в качестве курьера для перевозки золота. В заметке, размещенной на сайте ФСБ, подробности не сообщаются, а из других источников следует, что курьера использовали «вслепую»:

«Житель Забайкальского края пытался вывезти в Китай в тайнике, оборудованном в легковой машине, 6,48 кг контрабандного шлихового золота, нарушитель задержан на границе сотрудниками УФСБ, сообщил сотрудник пресс-службы УФСБ по Забайкальскому краю. По данному факту следственным подразделением УФСБ возбуждено уголовное дело, сказал собеседник агентства»².

¹ Электронное издание «Ювелирные новости»: <http://www.jewellerynews.ru/>

² В Забайкальском крае пресечена контрабанда золота [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.fsb.ru/fsb/comment/ufsb/single.html?id%3D10435442@fsbComment.html>

Еще одно сообщение указывает на отсутствие «четкой специализации» у перевозчика:

«Ночной китайский рейсовый автобус стал настоящей находкой для забайкальских таможенников. Похоже, по принципу «где наша не пропадала» гражданин Китая – водитель рейсового автобуса решил вывезти на свою Родину 400 г. медвежьей желчи, полкило мускуса кабарги, 200 тыс. рублей, три кортика советского производства, золотые слитки и самородное россыпное золото общей массой 276,68 г.¹».

Можно сделать вывод, что собственники перевозимого товара не участвовали в схемах доставки, а в сопоставлении с другими нашими исследованиями позволяют предположить, что схемы доставки формируются посредниками, а не покупателями товара.

Таким образом, в спектр мотиваций неформальной добычи золота входит обеспечение средствами к существованию населения, проживающего в удаленных поселках. Институциональные изменения для признания права частной добычи золота, лоббируемые некоторыми регионами (в частности, Магаданской областью), но отклоняемые центральными властями на протяжении 10 лет, являются по сути смягчающими, что противоречит общей тенденции изменения формальных правил в области природопользования. Кроме того, предлагаемые новации опираются на существующие неформальные ограничения, хотя и не обладают признаками «непрерывности». Активное вовлечение золота в кросс-границный российско-китайский обмен имеет, видимо, непродолжительную историю.

Выводы. Формальные рамки использования природных ресурсов стали более жесткими в 2000-х. Единственным исключением является законодательство в сфере оборота золота и драгоценных камней, где в последние десять лет предпринимались попытки снижения легальных барьеров. Но это законодательство оставалось нелиберальным со времен постсоветской России. На примере неформальной экономической деятельности в лесопользовании, рыбном и охотничьем

¹ Контрабанда по-китайски: нарушать, так нарушать [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://stu.customs.ru/ru/activity/just/detail.php?from695=6&id695=6270&i695=52>

промысле, рыболовстве выявлено, что усиление легального давления государства не способствовало их легализации. На примере предлагаемых и регулярно отклоняемых институциональных новаций в сфере золотодобычи, опирающихся на неформальные ограничения (сложившиеся социальные нормы и правила), показано, что мелкомасштабная, кустарная деятельность по использованию природных ресурсов противоречит интересам крупных госкорпораций или поддерживаемых государством компаний. Больше внимание к созданию легальных рамок, адекватных интересам крупного бизнеса, связано в том числе, но не только, с существенно большими суммами потенциально генерируемых крупным бизнесом доходов для федерального бюджета. Правительство, ориентированное на увеличение централизации, не готово также создавать легальные рамки для мелкого бизнеса, т.к. это означает расширение прав и свобод региональных и местных властей.

Что касается четкости спецификации прав собственности, то это тема для другого исследования, поскольку для многих природных ресурсов, рассматривавшихся в этой статье (речных, лесных), характерна т.н. проблема ресурсов общего пользования («common pool resources»), разрешение которой состоит в решении дилеммы общественного выбора, в согласовании социальных и частных интересов. Попытки снижения проблемы охотничьего браконьерства через спецификацию прав собственности, например, введение новым Законом «Об охоте» формального права приватизации охотничьих ресурсов выглядит бесперспективно, т.к. вновь не учитывает систему сложившихся неформальных социальных отношений.

И наконец, основной вывод: наличие китайского рынка сбыта выступало стимулом¹ для кросс-границных акторов

¹ Впрочем, спектр мотиваций к неформальному природопользованию, включая сам промысел, а также продажу ресурса, не формируется только наличием рынка сбыта, но также и внутренними проблемами тех поселений, где эта деятельность наиболее развита: отсутствие работы в удаленных поселках в частности. Следует отметить, что так же, как с правами собственности, здесь необходимы дополнительные исследования, уточняющие, насколько неформальное природопользование в этих поселках зависит от таких возможных мотиваций проживающего там населения, как «социальная зависимость от советского прошлого», «отсутствие работы и средств к существованию», «нереализованные надежды на государственную опеку».

(россиян и китайцев практически в равной степени) к реализации коммерческого, но не оформленного легально использования природных ресурсов. Рост объемов контрабанды, изменение деловых схем в сторону их укрупнения — явные индикаторы этого процесса. Нет оснований ожидать снижения объемов неформальных кроссграничных обменов в связи с ужесточением формальных правил.

4.6. Адаптация азиатских мигрантов на Дальнем Востоке: формальные правила и неформальные практики в исторической перспективе

В истории любого общества есть много загадок. Одна из «вечных» загадок есть и на Дальнем Востоке: почему ужесточение формальных правил в отношении азиатских мигрантов приводило в начале XX в. и приводит сейчас к развитию неформальных практик?

Прямо или косвенно ее пытались разгадать многие ученые в начале и в конце XX — начале XXI в. Однако исследования фокусировались либо на миграционных процессах в прошлом (Граве В., Песоцкий В., Арсеньев В., Вашук А., Сорокина Т., Волохова) и их эволюции (Гельбрас В., Дятлов В., Мотрич Е., Ларин А., Витковская Г. и др.), либо на неформальных практиках прошлого (Граве В., Арсеньев В. и др.) и их модификациях в настоящем (Дятлов В., Рыжова Н. и др.). Взаимосвязь между принимаемыми мерами государственной миграционной политики и возникновением неформальных практик в прошлом и на современном этапе предполагалась, но не систематизировалась. Кроме того, помимо государства есть общество, которое также может как способствовать, так и противодействовать возникновению неформальных практик.

Целью данной работы является характеристика неформальных практик в зависимости от институциональных причин «провала» формальных правил.

Рубежи XX и XXI вв. — это с одной стороны сопоставимые случаи (наличие в них частной собственности и рыночных отношений); с другой — это совершенно различные стадии развития общества и хозяйства. Поэтому целью является не

проведение прямой аналогии исторических и современных событий, хотя она присутствует в некоторых случаях, а попытка обозначить многообразие возможных последствий. Это позволит составить возможное «меню» реакций на случай принятия кардинальных мер в регулировании миграционного вопроса, имеющих близкие черты.

Среди институциональных причин «провала» формальных правил можно отметить: слабость формальных институтов (переменчивость государственной политики; наличие «дыр» в законодательстве; слабость контроля со стороны местных властей; бюрократичность системы контроля) и силу неформальных институтов («несочувствие» друг к другу в российском обществе; «сочувствие» населения и местных властей к мигрантам; «незаинтересованность» в неформальной активности; «заинтересованность» в иностранном труде; заинтересованность представителей российского бизнеса; заинтересованность «теневиков» и заинтересованность местных администраций в присутствии мигрантов).

Переменчивость государственной политики. В начале XX в. отношение местной и центральной властей к азиатским мигрантам кардинально менялось: от стимулирования и поощрения притока до его ограничения. В периоды жесткого регулирования непостоянство официальной позиции служило надеждой для мигрантов, что со временем приоритеты изменятся и придет смягчение (пример строительства Амурской железной дороги, где сначала был введен, а затем снят запрет на использование иностранного труда). В. Арсеньев указывает, что в документах китайских «обществ взаимного вспомоществования» в отношении переменчивости русских законов отмечалось: «сегодня кажется так, завтра — иначе». Переменчивость отношения власти к мигрантам (от приглашения до запрета и наоборот) позволяла им в течение длительного времени осуществлять незаконную коммерческую деятельность, не обращая внимания на изменения в русском законодательстве. Всегда была надежда, что в будущем оно будет пересмотрено. В том случае, когда новый закон нельзя было проигнорировать, вырабатывались адаптационные практики — стратегии

ухода в неформальную деятельность при получении предварительного формального разрешения на ее осуществление.

Аналогичная ситуация наблюдается на современном этапе, когда меры государственной политики часто меняются, порождая новые формы неформальной деятельности и контрабанды. Например, систематические изменения нормативов беспошлинного ввоза потребительских товаров из Китая в Россию, наблюдаемые с начала 1990-х по 2007 г. привели к появлению хорошо изученных «челноков», затем «кирпичей», «фонарей», «помогаев». До 2007 г. ввозная беспошлинная норма составляла 50 кг, в 2007 г. она была резко сокращена до 35 кг, а затем в 2010 г. опять повышена до 50 кг.

Основными целями сокращения норматива беспошлинного ввоза товаров в 2007 г. являлось обеспечение приоритета местных производителей (фермеров) на рынках и «наведение порядка» в местах массовой торговли. Подразумевалось, что автоматически произойдет повышение доли трудоустроенных местных граждан, ликвидация теневых отношений и монополизации рынков этническими «мафиями», снижение нарушений трудовых прав и санитарно-эпидемиологических норм, сокращение многочисленных жалоб на качество продукции и т.д.

В число целей также входила борьба с коррупцией, которая приобрела широкое распространение в сфере рыночной торговли до снижения ввозной нормы, т.к. объемы товарооборота увеличивались с каждым годом. Однако последствия оказались противоположными, связанными с ростом коррупции и вовлечением большего числа российских граждан в теневые формы занятости¹.

С позиции мигрантов развитие теневых практик в условиях ужесточения режима ввоза продукции стало успешной стратегией выживания в период колебаний государственной политики. Доказательством эффективности стратегии их поведения, ориентированной на ожидание перемен, стало возвращение

¹ Михайлова Е., Тюрюканова Е. Мигранты в розничной торговле: эффект запретов// Новое миграционное законодательство Российской Федерации: правоприменительная практика/ под ред. Г. Витковской, А. Платоновой и В. Школьников; изд. МОМ, ФМС России, ОБСЕ. Москва: ИТ «АдамантЪ», 2009. С. 240.

размера беспошлинного ввоза в 2010 г. на прежний уровень – 50 кг. Таким образом, в случае дальнейшего ужесточения правил их деятельности, развитие адаптационных неформальных практик будет оправданным.

«Дыры» в законодательстве. Ужесточение режимов прибытия и проживания мигрантов на Дальнем Востоке России в начале XX и начале XXI в. привели к схожим последствиям – развитию псевдолегализации деятельности при наличии «дыр» в законодательстве. В начале XX века « как только китайцев стали прижимать в тайге, они все бросились на мелочную торговлю, на торговлю в развоз и на скупку пушнины у инородцев»¹. С тех пор как был установлен запрет на перевозку безбилетных китайцев и их грузов на пароходах, китайцы понизили фрахт², и шхуны их стали еще лучше работать. Китайские мигранты быстро адаптировались. Они поднимали русские флаги и стали нанимать подставных лиц – русских безработных за ничтожную плату, иногда за водку. Русский безработный встречал шаланду, когда она подходила к берегу, и заявлял, что судно принадлежит ему, он хозяин груза и приехавшая на шаланде партия китайцев – его матросы. Затем матросы переодевались в пассажиров, сходили на берег, забирая свои товары. Русские власти понимали, что за безработными стояли китайские собственники, но не имели законных оснований вернуть судно на их родину. Этот пробел в законодательстве был связан с существовавшим низким уровнем технических возможностей контроля. В настоящее время технические возможности значительно выросли, но проблема законодательных «дыр» остается, примером тому являлась выдача учебных виз для китайских студентов, которые, формально обучаясь, осуществляли трудовую деятельность. И в момент пересечения границы их остановить и вернуть на родину было нельзя, а лишь в случае просрочки визы.

¹ Арсеньев В.К. Китайцы в Уссурийском крае: очерк ист.-этнол. / Зап. Приамурского отдела императорского Русского географического общества: Канц. Приамурского генерал-губернатора, 1914. Т. X. Вып. 1. Хабаровск. С. 189.

² Фрахт (голл. vracht, нем. Fracht) – плата владельцу транспортных средств за предоставленные им услуги по перевозке грузов или пассажиров.

Слабость контроля со стороны местных властей. В начале XX в. китайские мигранты отмечали, что на Дальнем Востоке России власти нет: «...в Китае есть много всяких начальников, а здесь в Уссурийском крае начальства никакого»¹. Для китайцев наличие власти означало неукоснительное исполнение законов, т.к. их нарушение означало суровые санкции, вплоть до смертной казни. Неисполнение законов говорило соответственно об отсутствии власти.

В силу огромной протяженности границы, ее охрана и контроль были непосильны русским властям, что способствовало развитию теневых экономических отношений. Примером тому является борьба с ханшинскими заводами, которые появились в начале 1880-х гг. вслед за первой партией китайских рабочих, выписанных русскими властями для казенных работ и добычи золота. К 1906 г. в Приамурье действовало 204 предприятия. С 1907 г. их численность стала сокращаться вследствие специальных мер со стороны русских властей. Ханшинщики ликвидировали свои дела и перекочевали в Маньчжурию, но количество китайской водки в крае еще более возросло². Несмотря на перемещение заводов за границу рынок сбыта их продукции остался в Приамурском крае. При этом китайские производители ханшина только выиграли, т.к. в Приамурском крае русские власти их беспокоили, а на китайской стороне они могли работать спокойно. Пересечение границы с нелегальным товаром оказалось более лёгким, чем получение разрешения на ведение деятельности. Наличие малых возможностей местных властей по охране границы, обнаружению нелегалов и их задержанию снижало вероятность потери выигрыша.

В настоящее время контроль на границе существенно усилен, но нелегальные мигранты, например контрабандисты, занимающиеся скупкой медвежьих лап, шкур тигра, пантов и других видов охотничьего промысла, всё равно проникают на территорию.

Бюрократичность системы контроля. В начале XX в. бюрократизм системы контроля давал дополнительные возможности для неформальной деятельности. Например, с момента

¹ Арсеньев В.К. Указ. соч. С. 131, 166.

² Там же. С. 136.

выявления факта нарушения на китайском предприятии до получения разрешения на применение санкций проходило около 7,5 мес. За это время нелегальный бизнес продавался или якобы продавался другому лицу, на которого ранее документы не собирались, и процедура повторялась до бесконечности¹.

На современном этапе бюрократизм наблюдается не на уровне контроля, а на этапе выдачи виз и оформления разрешений на привлечение иностранной рабочей силы. Из-за непрерывности производственного процесса и ограниченности срока пребывания китайских работников в России русские предприятия нанимают их нелегально.

«Сочувствие» населения и местных властей к мигрантам. Термин «сочувствие» использовал В. Граве для объяснения невозможности борьбы с нелегальной миграцией. Даже если государственные ограничительные меры принимались, то распространялись они преимущественно на казенные работы и, как правило, не поддерживались частными лицами. Возможно, «сочувствие» к мигрантам основывалось на экономической заинтересованности в использовании дешевой рабочей силы.

На уровне власти периоды «сочувствия» и «несочувствия» чередовались. На первом этапе именно «сочувствие» стало причиной проведения мягкой политики в отношении нелегалов. Положительное отношение к мигрантам усиливалось перспективами получения пользы от присутствия корейцев в виде обеспечения части потребности армии в сельскохозяйственной продукции. После первого и последующих нелегальных пересечений границы корейцами их принимали на русской территории и в первые годы оказывали безвозмездную помощь. В 1869 г., когда вследствие неурожая и голода прибыло более 6 тыс. чел., была сделана первая попытка возвращения их на родину. Корейцы объявили, что «готовы скорее умереть с голода на нашей земле, если русское правительство не окажет им пособия, нежели воротиться на родину; что там по их законам их неизбежно ожидает поголовная смерть, чему

¹ Граве В.В. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье// Тр. командированной по Высочайшему повелению Амурской экспедиции / М-во финансов. СПб.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1912. Вып. XI. Отчет Уполномоченного Министерства иностранных дел. С. 31-32.

они недавно были свидетелями...»¹. Корейцы были оставлены. Лишь единицы не нашли приюта в России и отправились в Маньчжурию.

«Несочувствие» друг к другу. В начале XX в. китайские разбойники — хунхузы — среди русских переселенцев заметили отсутствие солидарности, общего плана, согласия и взаимной поддержки. Поэтому китайские старожилы считали, что «хунхузов наплодили сами русские переселенцы»². Иные традиции существовали в китайском и корейском обществах, основанных на сплоченности и взаимной помощи. Китайская форма организации торговых предприятий была основой взаимной ответственности и распределении рисков ведения хозяйства между всеми членами общества³. Эта форма давала большую экономию на издержках от совместного проживания, питания и распределения прочих расходов. В результате, стоимость проживания и питания работника в китайском торговом предприятии составляла во Владивостоке — 5 руб. 10 коп., в Хабаровске — 4 руб. 97 коп.; в русском — 19 руб. 37 коп. и 22 руб. 37 коп. соответственно. Суммарные постоянные издержки китайских предприятий колебались от 5 до 8 % оборотного капитала, русских — в пределах 15–20 %. Средняя заработная плата в месяц одного китайского работника достигала — 5–7 руб., русского — 35–75 руб⁴. При данном соотношении издержек конкуренция русских торговых предприятий с китайскими была невозможна. Незримым конкурентным преимуществом китайцев и корейцев в их деятельности в России была сильная сплоченность. Она же позволяла оперативно уходить в тень, т.к. это являлось стратегией снижения общего экономического риска (недополучение прибыли). Чем более сплоченной оказывалась деятельность китайских предприятий на территории, тем более «не прозрачной» она становилась для

¹ Вагин В. Корейцы на Амуре: сб. ист.-стат. сведений о Сибири и сопредельных странах. Иркутск, 1876. С. 6.

² Арсеньев В.К. Указ. соч. С. 164.

³ Волохова А. Китайская и корейская иммиграция на российский Дальний Восток в конце XIX — начале XX в. // Проблемы Дальнего Востока. 1996. N 1. С. 105-114.

⁴ Граве В.В. Указ. соч. С. 28-30.

местных властей и тем меньше оказывался риск потерять вложенный капитал.

С другой стороны, «несочувствие» друг к другу могло привести к снижению теневых практик за счет внутренних социальных механизмов, а не ужесточения формальных правил, ограничивающих их деятельность. Примером тому является исторический опыт регулирования размеров земельных участков для корейцев. Корейские переселенцы, поддерживавшие друг друга в России в первые годы, оказывали помощь своим родственникам и знакомым по переходу границы и обустройству на русской земле. Они разрешали им селиться рядом и возделывать свободные поля. Однако после введения ограничения на размер земельного участка в 15 десятин корейские переселенцы стали изгонять нелегалов, пришедших из Кореи позднее, и охранять свои земли. В этом случае социальная приемлемость нелегального присутствия и нелегальной деятельности снижалась, т.к. затрагивала их личные интересы, а не государства.

«Заинтересованность» в иностранном труде. Теневая активность поддерживается благодаря существованию заинтересованных участников. Н.П. Рыжова указывает, что этой группой в первую очередь является бизнес¹. Однако в реальных процессах выделить первостепенное влияние одной из сторон участников достаточно сложно. Свидетельством тому является хорошо известный современный пример коллективной легализации присутствия китайских продавцов на рынках. Ограничение было введено постановлением Правительства Российской Федерации от 15 ноября 2006 г. N 683 «Об установлении на 2007 год допустимой доли иностранных работников, используемых хозяйствующими субъектами, осуществляющими деятельность в сфере розничной торговли на территории Российской Федерации». Его реализации на местах препятствовали как минимум четыре силы: 1) представители российского бизнеса; 2) «теневики» – китайские мигранты; 3) посредники; 4) местные администрации.

¹ Интеграция экономических мигрантов в регионах России. Формальные и неформальные практики / науч. ред. Н.П. Рыжова. Иркутск: Оттиск, 2009. С. 6.

Заинтересованность представителей российского бизнеса. Это постановление ущемляло интересы не только китайского, но и российского бизнеса, получающего доход от иностранных арендаторов. Нечеткость формулировки позволила найти «лазейки» — «дыры» в законодательстве, позволившие придать рыночным площадкам статусы торговых центров, оптовых баз, магазинов и торговых комплексов¹, которые не подпадали под действие постановления. Стали «исчезать» «рынки», но вместо них в Хабаровске возникло ЗАО «Али», в Благовещенске — МУП «Городской сервисно-торговый комплекс «Центральный»², а в некоторых районах Амурской области у продавцов на китайских рядах появились таблички с надписью: «Мелкооптовая торговля»³. После вступления постановления в силу сотрудники рынка предупреждали продавцов о предстоящих проверках⁴.

Заинтересованность «теневигов». В данном случае «теневиговыми» стали китайские мигранты, которые по своей природе достаточно законопослушны. Но, попадая в российскую среду, они быстро принимают сложившиеся правила игры, копируя российские методы уклонения от налогов⁵ или уплаты «откатов» в пользу коррумпированного российского чиновничества и российского криминала⁶.

Помимо индивидуальных стратегий адаптации китайские мигранты опираются на поддержку землячеств⁷. Экономическая роль землячеств в большинстве случаев сводится к реализации многочисленных «теневых» схем извлечения прибыли⁸ в тех сферах предпринимательства, где можно рассчитывать

¹ Филипповский Э. Большая китайская скидка: рынки Хабаровска готовятся избавиться от иностранцев // Коммерсантъ (Хабаровск). 2006. 19 дек.

² «Нельзя подешевле?..» // ТВС-анонс. 2007. 14 апр.

³ Коломейцев С. Китайские торговцы возвращаются // Амурская правда. 2007. 29 марта.

⁴ Там же.

⁵ Глазунов О. Китайская разведка. М., 2008.

⁶ Пальников М. Китайская миграция и будущее России. Ч. 2 [Электронный ресурс] // Перспективы: Фонд исторической перспективы, 2007-2009. URL. Режим доступа: http://www.perspektivy.info/srez/val/kitajskaja_migracija_i_budushheje_rossii_chast_vtoraja_2009-03-03.htm

⁷ Филипповский Э. Указ. соч.

⁸ Гельбрас В. Россия в условиях глобальной китайской миграции. М., 2004. С. 67.

на быстрое первоначальное накопление капитала — в торговле, общественном питании, строительстве, гостиничном бизнесе. Формирование мигрантами сообществ с развитыми и эффективно действующими экономическими и социальными сетями, механизмами взаимной поддержки и кооперации В.И. Дятлов называет «стратегией диаспоризации»¹. С этой позицией не согласен А.Г. Ларин, который считает, что китайские мигранты являются временной рабочей силой и представляют собой совокупность, но не диаспору².

Однако история и современность соглашаются со справедливостью первой позиции, нежели второй. В конце XIX — начале XX в. на Дальнем Востоке, по утверждению В. Граве, редки были те китайцы, которые оставались в крае более 3 лет. Вне зависимости от профессии все они стремились, скопив денег, возвратиться домой³. Но большое значение в экономике края имели «тайные коммерческие общества»⁴. Официально они имели статус «обществ взаимного вспомоществования» и были призваны выполнять благотворительную деятельность, а также помогать защите территории от хунхузов. В действительности же являлись «государством в государстве», выполняя весь спектр полномочий — от административных до уголовных. Высокая организованность и сплоченность, большая распространенность и практически стопроцентное членство китайских мигрантов на территории локальных образований делали эту структуру экономически устойчивой и политически опасной. В начале XX в. коммерческие общества приобрели такую силу, что были способны организовывать массовые забастовки, останавливая деятельность отдельных отраслей.

¹ Дятлов В.И. Мигранты и принимающее общество: стратегии и практики адаптации (на примере Иркутска) // Байкальский регион в глобальном мире: экспертные семинары, 2005-2007 гг., Иркутск/ Байкальский ин-т бизнеса и междунар. менеджмента ГОУ ВПО Иркут. гос. ун-та. Центр корпоративного управления гос. ун-та — Высш. шк. экономики. Иркутск, 2007. С. 72 — 77.

² Ларин А.Г. Китайские мигранты в России. История и современность. М., 2009. С. 154.

³ Граве В.В. Указ. соч. С. 7.

⁴ Арсеньев В. К. Указ. С. 189-194; Сорокина Т.Н. Отношение русской администрации к китайским обществам в Приморской области в начале XX века // Россия и Китай на Дальневосточных рубежах: материалы третьей междунар. науч. конф. «Россия и Китай на Дальневосточных рубежах». Благовещенск, 2003. С. 156-162.

Важнейшей особенностью обществ являлась прямая зависимость от китайского правительства в качестве подотчетных филиалов торговых палат.

Современные китайские землячества имеют схожие организующие функции. Свидетельством тому является масштаб и оперативность адаптации китайских мигрантов к изменению формальных правил (постановление Правительства РФ от 15 ноября 2006 г. N 683). Мигранты, не знающие местного законодательства, быстро сориентировались и переоформили свой бизнес на русских, сохранив функции управления и контроля в своих руках. Показательно, что в Хабаровске за полгода действия постановления был задержан всего один мигрант, который нарушил закон, торгуя овощами и фруктами¹. При этом китайские продавцы с рынков не уходили, оставаясь по документам «товароведами», торговыми агентами или просто прохожими. Вместо продавцов китайские предприниматели нанимали «лже-продавцов» (часто бомжей, местных алкоголиков), которые за небольшую плату сидели рядом и являлись «прикрытием» на случай проверки.

Другая форма адаптации китайских «теневиков» — получение вида на жительство или гражданство РФ, которая полностью легализовала не только их торговлю на рынке, но и проживание². Сложившуюся ситуацию специалисты отдела иммиграционного контроля УФМС по Хабаровскому краю охарактеризовали как «насмешку над не слишком продуманным российским законом...»³.

Массовость выбора одной и той же стратегии одновременно всеми участниками свидетельствует о наличии сильных неформальных механизмов распространения нормы ухода в тень. В разрозненной совокупности это невозможно. Более того, исследования самого А.Г. Ларина доказывают, что социальные связи являются основным фактором прибытия китайских работников в Россию. 47 % опрошенных (из 900 чел.) отметили, что, «когда я собирался в Россию, у меня там были

¹ Михайлова Е., Тюрюканова Е. Указ. соч.

² Там же. С. 260.

³ Новак О. И все-таки они торгуют// Тихоокеанская звезда. 2007. 31 окт.

друзья, которые обещали помочь мне на первых порах»¹. Следовательно, выбор стратегии диаспоризации осуществляется мигрантами еще за пределами России. Благодаря сплоченности «теневиков» объемы теневой торговли были сохранены на прежнем уровне, но численность российских граждан, занятых в теневом секторе, увеличилась.

Заинтересованность посредников. Посредники и институт посредничества формально являются следствием асимметричности информации на рынке несовершенной конкуренции. Снизить асимметрию невозможно: на рынке сталкиваются слишком разные и инертные культуры. В этом направлении деятельность посредников легальна. Но т.к. основной специализацией посредников является преодоление непрозрачных бюрократических барьеров, то их деятельность имеет преимущественно теневой характер². При этом ужесточение режима пребывания или деятельности мигрантов приводит к повышению заинтересованности всех участников процесса в теневой активности посредников.

Заинтересованность местных администраций. Быстрота реоформления рынков в «торговые центры» свидетельствует о наличии административного ресурса, заинтересованного в сохранении старых форм хозяйствования под новой вывеской³. Местные бюджеты зависимы от поступлений прибыли с торговли китайскими товарами. Например, центральный рынок Благовещенска в 2006 г. от деятельности 400 китайцев получал 10 млн рублей ежемесячной прибыли⁴, отдавая в пользу города 50 % своей прибыли⁵. Стратегия поведения местных администраций соответствовала критерию максимизации прибыли, то есть была аналогичной стратегии российского бизнеса.

Слабые формальные институты или сильные неформальные? Приведенные примеры охватывают лишь незначительный спектр взаимосвязей между реализацией мер государственной

¹ Ларин А.Г. Указ. соч. С. 172.

² Витковская Г. Введение // Новое миграционное законодательство... С. 19-36; Интеграция экономических мигрантов...

³ Коломейцев С. Указ. соч.

⁴ «Нельзя подешевле?»...

⁵ Коломейцев С. Указ. соч.

ограничительной миграционной политики и развитием неформальных практик. Однако и они показывают наличие взаимосвязи между формальными правилами и неформальными нормами. Есть оптимистичная позиция, которая утверждает, что даже в условиях недостаточно развитой законодательной базы возможно достижение относительного баланса в миграционной политике¹. Достижение равновесия на рынке труда при наличии правовых «дыр» противоречит основам институциональной экономики. Согласно позиции Д. Норта, возникающие транзакционные издержки вследствие наличия институционального разрыва, напротив, будут выводить систему из равновесного состояния². Образовавшийся разрыв будет заполняться теневыми практиками, компенсирующими слабость формальных институтов силой неформальных норм, образуя формальный и неформальный рынки³.

Опыт борьбы с «желтой угрозой» на Дальнем Востоке России на рубежах XX и XXI вв. свидетельствует о корректности институциональных объяснений неформальной активности. Законодательная база в настоящее время, как и сто лет назад, позволяет сосуществовать официально контролируемому и неконтролируемому (теневому, неформальному) рынкам. При ужесточении формальных правил объемы теневой активности не снижаются, так как в силу наличия «законодательных дыр» и слабой дееспособности контролирующих органов происходит трансформация старых неформальных практик в новые с соблюдением формальных требований.

Таким образом, законодательная база в настоящее время, как и сто лет назад, позволяет сосуществовать официально контролируемому и неконтролируемому (теневому, неформальному) рынкам. При ужесточении формальных правил объемы теневой активности не снижаются, так как в силу на-

¹ Карлусов В., Кудин А. Китайское присутствие на Российской Дальнем Востоке: ист.-экон. анализ// Проблемы Дальнего Востока. 2002. № 3. С. 76-87.

² North D. Institutions matter. Economic History 9411004, EconWPA. 1994. <http://ideas.repec.org/p/wpa/wuwpeh/9411004.html>.

³ Commander S.J. and Tolstopiatenko A.A. Model of the Informal Economy in the Transition Setting. Working Paper, (July 1998). Available at SSRN: <http://ssrn.com/abstract=148915> or doi:10.2139/ssrn.148915.

личия «законодательных дыр» и низкой дееспособности контролирующих органов адаптационным механизмом является трансформация неформальных практик. В свою очередь, в одной и той же группе населения возможна сильная и слабая социальная приемлемость неформальной активности в зависимости от степени ущемления интересов ее членов и их заинтересованности в результатах воздействия. Несмотря на то, что меры борьбы с «желтой угрозой» на рубежах XX и XXI в. были нацелены только на мигрантов, однако в реальности регулирование затрагивало интересы всего принимающего общества.

Отсутствие социальной приемлемости нововведений в обществе во многом определяется тем, что законы в России постоянно меняются или существует возможность их «обходить». Это приводило и приводит к частым провалам реализуемых государством мер. В результате, у мигрантов и принимающего общества снижается заинтересованность в сокращении неформальной активности.

Методы борьбы с «желтой угрозой» на рубежах XX и XXI в. касались изменения формальных правил без учета сложившихся неформальных норм в обществе. Основной конфликт между формальными правилами и неформальными нормами объясняется разрывом между частными и общественными интересами, а также местными и национальными. Примеры начала XX в. свидетельствуют о преобладании частного интереса над общественным. На современном этапе преобладает интерес местного уровня власти над национальными, что, вероятно, имеет тесную взаимосвязь с усилением вертикали власти и усилением зависимости регионов от политики центра.

Заключение

Зависит ли развитие современных институтов, определяющих или ограничивающих экономический рост российского Дальнего Востока, от траектории предшествующего, исторического, развития этого региона?

Ответ, очевидно, положителен, если рассматривается временной континуум: то, что происходило в 2000-х, напрямую

связано с 1990-ми. А если исторические события отстают друг от друга на 100 лет? Да к тому же разорваны революциями, войнами, коллективизациями, перестройками и прочими институциональными потрясениями? Возможно, ответ опять очевиден и теперь отрицателен, в том смысле, что даже при очевидной похожести исторических сюжетов нет никакой зависимости позднего института от раннего.

Конечно, чтобы ответить на вопрос о зависимости и сделать это убедительно, потребовалось бы *последовательно* изучить политические, экономические и правовые системы, влиявшие на колонизацию Дальнего Востока с середины XIX в. до наших дней, исследовать переплетение взаимосвязанных формальных и неформальных правил и способов их инфорс-мента. Показать существовавшие альтернативные варианты, стимулы и ограничения, приведшие к предпочтению политическими и бизнес-элитами одних институциональных решений перед другими.

Понятно, что такая сверхзадача если и может быть выполнена, то для изложения результатов понадобится больше одной главы книги, да, впрочем, и не одна книга. Мы ограничили наш интерес к институциональной динамике только теми институтами, что так или иначе связаны с внешними миграционными процессами Дальнего Востока.

«Исторические» и «современные» кейсы показывают, что мигранты «уходят в тень» из-за частых и резких изменений российских формальных правил, не учитывающих сложившихся неформальных ограничений, из-за слабости инфорс-мента (особенно тех норм, правил общества, которые могли бы формировать социальную неприемлемость неформальных практик). Впрочем, социальная неприемлемость нелегальной экономики мигрантов как превентивное средство, похоже, вообще невозможная ситуация, поскольку в рассмотренных нами случаях экономическая мотивация принимающего общества мало отличается от мигрантских сообществ. И те и другие, и 100 лет назад, и сейчас вовлечены в незаконный оборот природных ресурсов, уклоняются от уплаты налогов, не стремятся получать государственные лицензии и разрешения... Таким образом, наши кейсы еще раз доказывают, что не-

формальная экономика – это реакция населения на давление негибкого государства, желание получить хотя бы часть свободы, необходимой для реализации духа предпринимательства.

На первый взгляд, кейсы «О Сахалинском инциденте» и «О сером импорте» не посвящены практикам мигрантов и только вскользь их касаются. Однако в фокусе этих сюжетов – государственная граница, разделяющая экономическую активность прилегающих регионов. Граница, которая с другой стороны объединяет социальные пространства соседствующих территорий через попытки жителей (маятниковых мигрантов) действовать вопреки формальным нормам государства: протестовать против вновь введенных правил пересечения границы, осуществлять «серую» доставку грузов, вновь и вновь подстраивая неформальные практики к изменяющимся условиям. Еще одной связкой для этих двух кейсов является потребность в «свободной экономической зоне», отмененной инициативами Гондатти в начале XX в. и так и не созданной формально, но формируемой усилиями «челноков» в XXI в.

Вообще, тема границы для социологов и антропологов – это тема способа определения пространства, самоидентификации его жителей, выбора ими моделей экономического поведения вопреки тому, что хочет видеть нация-государство. Альварец указывает на следующее (конвенциональное – антропологическое) определение приграничного региона: зона, в которой жители по обе стороны границы имеют такие конфигурации кроссграницных отношений, которые существенно отличны от отношений жителей, проживающих вне культурного ландшафта приграничья. Иными словами, культурная дистанция между жителями приграничных регионов, как правило, меньше, чем культурная дистанция между представителями нации-государства в целом. Авторы в рамках антропологической традиции часто подчеркивают стабильность приграничных сообществ в отличие от политической нестабильности, которая может возникнуть из-за пересмотра национальных границ. В такой ситуации сообщества, разделенные границей, могут продолжать «по инерции» поддерживать более близкие контакты, чем представители центральных регионов этих государств. С другой стороны, если, например, разделение прои-

зошло в результате или сопровождалось военным приграничным конфликтом, то жители приграничных территорий могут дольше сохранять социально-культурную дистанцию, чем представители центральных регионов государств. Эти выводы антропологов, кстати, близки к концепции «path dependence» (зависимости от исторического пути развития), без которой немислимы институционально-исторические исследования, в русле которых выполнен наш коллективный исследовательский проект.

В широко цитируемой работе А. Аппадурои вводится концепт транслокальности, близкий – но не идентичный – другим антропологическим определениям приграничного региона. Аппадурои противопоставляет локальность (как пространство, окружающее человека и конструируемое им как структура личного восприятия) соседству (как форме формальной социальной организации людей). Современное национальное государство, понимаемое как проект по формированию соседств из «стандартизированных граждан» с использованием дисциплинарных механизмов и/или насилия, все более и более сопротивляется производству соседств самими локальными субъектами, т.е. посредством «строительства» снизу. Целостность национальных государств ставится под угрозу возрастающим потоком людей, информации, товаров через государственные границы в процессе воспроизводства особой локальности – транслокальности – лежащей поверх или вне границ нации-государства.

Однако такое существование «поверх» или «вне» невозможно и без нарушения формальных норм – без использования жителями приграничных территорий, нередко вовлеченными в т.н. маятниковые миграции, неформальных практик.

Глава 5

Переселенческие этнические группы в Сибири: диаспорные институты, стратегии и практики¹

Введение

Масштабный рост миграционных процессов в современном мире сопровождается консолидацией мигрантских этнических сообществ. Складывается «новая картина мира, связанная с превращением планеты в единый социокультурный организм», «доминировавшая еще до недавнего времени форма раздельно-компактного проживания социокультурных обществ меняется на дисперсную («диаспорную») организацию человеческих сообществ»². Диаспоризация становится одним из важнейших факторов, оказывающих растущее влияние на экономическое, политическое, социальное развитие отдельных государств и на весь мировой процесс.

Слово «диаспора» стремительно актуализируется. Признается несостоятельность скептицизма в отношении будущего этнических групп и диаспор, которые, как оказалось, гораздо глубже включены в социальные структуры локального, регионального и транснационального уровней, чем можно было ожидать³. Знаковым стало издание с 1999 г. журнала «Диаспоры», на страницах которого находят широкое обсуждение теоретические и прикладные аспекты изучения проблемы⁴.

¹ *Авторский коллектив: И.В. Нам (редактор главы, введение, 5.1, 5.5, 5.6), Ю.М. Гончаров (5.2), С.А. Мулина (5.3), А.А. Крих (5.4), Г.Н. Алишина (5.5), Е.И. Нестерова (5.7), В.Ю. Рабинович (5.8), Т.Б. Смирнова (5.9), В.И. Дятлов (заключение).*

² См.: Полоскова Т. Современные диаспоры: внутривнутриполитические и международные аспекты. М., 2002. С. 4.

³ Шеффер Г. Диаспоры в мировой политике // Диаспоры. 2003. № 1. С. 162-163.

⁴ См., напр.: Дятлов В. Диаспора: попытка определиться в понятиях // Диаспоры. 1999. № 1. С. 8-23; Дятлов В. Диаспора: экспансия термина в общественную практику современной России // Там же. 2004. № 3; Шнирельман В. Мифы диаспоры // Там же. 1999. № 2-3; Мелконян Э. Диаспора в системе этнических меньшинств (на примере армянского рассеяния) // Там же. 2000. № 1-2; Попков В. «Классические диаспоры»: к вопросу о дефиниции термина // Там же. 2002. № 1; Тишков В. Увлечение диаспорой (о политических смыслах диаспорального дискурса) // Там же. 2003. № 2 и др.

В последние годы этот термин¹ стал общеупотребительным, приобретая все более универсалистский, расширительный смысл. Часто его соотносят со всеми этническими группами, локализованными вне территорий их первоначального расселения («исторических родин», «очагов национального происхождения»). Так, «Краткий словарь современных понятий и терминов» дает следующее определение: диаспора — «пробывание значит. части народа (этнич. общности) вне страны его происхождения на положении нац.-культ. меньшинства»². Такое понимание стало настолько распространенным, что иногда слово «диаспора» используется просто как синоним понятий национального меньшинства или мигрантского сообщества. На термин «сложился реальный спрос», его «широко используют журналисты, им оперируют в повседневной практике и при выработке управленческих решений чиновники, его свободно употребляют простые люди»³. Подобное расширительное употребление термина, хотя и позволяет охватить множество иноэтничных образований в разные времена и на различных исторических пространствах, страдает неопределенностью, порождает новые вопросы, требуя уточнения и сужения его рамок⁴.

¹ Термину «диаспора» в изначальном, классическом его значении описывалось изгнание евреев с исторической родины и их рассеянное, дисперсное проживание в областях греческого культурно-языкового ареала (отсюда и употребление греческого слова «diaspora» — «рассеяние»), а затем и в иных регионах. Постепенно слово «диаспора» стало истолковываться и как общее определение для религиозных и этнических общностей, подобно евреям, «рассеявшимся» из первоначальных метрополий (ранние христиане, армяне, греки, украинцы, корейцы и др.).

² Краткий словарь современных понятий и терминов. М., 1993. С. 115; см. также: Федерализм: Энциклопедия. М., 2000. С. 159-160.

³ См. об этом: *Дятлов В.И.* Диаспора: исследовательская и общественно-политическая нагрузка на термин и понятие в современной России // *Азиатская Россия: миграции, регионы и регионализм в исторической динамике: сб. науч. статей.* Иркутск, 2010.

⁴ Учитывая это, некоторые авторы справедливо полагают, что при использовании термина «диаспора» необходимо отличать вкладываемое в него содержание от следующих понятий: эмиграция и колонизация, понимаемые не как процесс, а как его результат; народ, разделенный государственными границами (например, азербайджанцы); народ, не имеющий своей государственности (например, курды); народ, живущий в рассеянии и не ставящий перед собой задачу создать свою государственность (цыгане); народ или этническая группа, окончательно потерявшие связь со своей исторической родиной (темнокожее население

Кроме того, «национальные меньшинства» — термин, употребляемый применительно к конкретной этнической группе, проживающей в конкретном государстве. Можно обозначить российских евреев как «национальное меньшинство», но нельзя применить этот термин ко всей мировой еврейской диаспоре, обладающей институциональными структурами и собственными представлениями о своей роли в системе международных связей. Диаспоры, раздробленные на «национальные меньшинства» в разных государствах, — явление мирового порядка и в этом смысле эти два понятия совпадают лишь отчасти¹.

При нынешнем уровне представлений пока еще невозможно предложить удовлетворительные, исчерпывающие и не исключающие друг друга количественные и даже качественные критерии того, какие национальные меньшинства можно считать диаспорами. Из критериев, предлагаемых сегодня для определения понятия «диаспора»², заслуживающими внимания, на наш взгляд, представляются следующие:

1. Диаспоры образуются, как правило, в результате дробления этносов в условиях социальных катаклизмов на их исторической родине: войн, революций, религиозных преследований, голода, этнических конфликтов, распада многонациональных государств, неблагоприятной экономической ситуации, других экстремальных событий, создающих угрозу жизни, имущества, коллективным и индивидуальным правам представителей той или иной этнической или конфессиональной группы.

2. Всякая диаспора — это пространственная сеть, предполагающая наличие не одного, а многих очагов расселения ча-

Америки) (см.: *Колосов В.А., Галкина Т.В., Куйбышев М.В.* География диаспор на территории бывшего СССР // *Общественные науки и современность.* 1996. № 5. С. 35).

¹ См.: *Полоскова Т.* Указ. соч. С. 28–29.

² См.: *Туров М.Г.* К вопросу об употреблении слова «диаспора» в значении научного термина // *Диаспоры в историческом времени и пространстве. Национальная ситуация в Восточной Сибири.* Иркутск, 1994. С. 29; *Колосов В.А., Галкина Т.В., Куйбышев М.В.* Указ. соч. С. 35; *Тощенко Ж.Т., Чаптыкова Т.И.* Диаспора как объект социологического исследования // *Социс.* 1996. № 12. С. 34–37; *Полоскова Т.* Указ. соч. и др.

стей того или иного этноса в инородной среде вне территории своего происхождения, зачастую в разных государствах.

3. Сохранение этнического самосознания, наличие ментальной обоюдной связи диаспоры и расселенной в границах этногенетического ареала части исходного этноса даже в случае утраты членами диаспоры языка и религии материнского этноса.

4. Незавершенность интеграции отделившейся части этноса в инородной социально-политической и культурной среде нового ареала обитания.

5. Наличие собственной «ниши» в экономике страны-реципиента и специфической социально-профессиональной структуры.

6. Присутствие «национальной идеи», иногда связанной с возвращением на историческую родину или с желанием ее воссоздать («связующего мифа»), либо с воспроизводством или созданием национального самоуправления (автономии).

Рассеяние становится «образом жизни, особым устойчивым социально-экономическим, культурным, духовным состоянием социума, особой формой существования в физиологическом и психологическом отрыве от «этнического материка» или без такового вообще». С другой стороны, жизнь в инородном окружении заставляет изыскивать возможности интеграции в принимающее общество, искать свое место в экономике, воспринимать языки, культуру, обычаи, образ жизни окружающего населения. Нежелание, неумение или невозможность приспособиться к новым условиям существования вели к отторжению, часто насильственному, а потеря идентичности – к ассимиляции¹.

Воспроизводство диаспоры осуществляется через сложное взаимодействие социальных явлений и институтов. Диаспора всегда институционализируется, ее обязательным признаком является наличие организационных форм (институтов), направленных на сохранение этнической идентичности и вы-

¹ См.: Дятлов В.И. Диаспора как исследовательская проблема // Диаспоры в историческом времени и пространстве. Национальная ситуация в Восточной Сибири. Иркутск, 1994. С. 10–11.

полнение других функций — социальных, экономических, политических.

Наконец, феномен диаспоры предполагает ее понимание как «процесс развития от «еще недииаспоры» через «собственно диаспору» к «уже недииаспоре, причем различных типов...»¹. В развитии диаспоры различают несколько стадий: выживания, образования и структурирования общины, зрелости и упадка², иначе — становления, собственно диаспорального развития и угасания, либо трансформации, которая чаще всего бывает обусловлена не внутридиаспоральными, а неблагоприятными внешними факторами³, в том числе государственной политики.

Таким образом, как справедливо полагает Т. Полоскова, диаспоры можно рассматривать, во-первых, «как особый исторический феномен, возникавший чаще всего вследствие различных катаклизмов»; во-вторых, «как результат сознательного выбора образа жизни — в рамках индивидуально-экзистенциального проектирования жизни или какого-то социального проекта»⁴.

Актуализация феномена диаспоры требует его изучения в историческом времени и пространстве. Территориальное рассеяние народов характерно и для России. Ее сложный этнический состав складывался как в результате присоединения к славянскому ядру земель, населенных другими народами, так и в результате миграций, особенно значительных во второй половине XIX — начале XX в. Эти миграции привели к увеличению этнической гетерогенности ее населения и формированию этнических диаспор.

Особый интерес представляют восточные районы России, ставшие в последней четверти XIX — начале XX в. территорией массовых миграционных процессов добровольного (переселенческое движение, трудовая миграция, иммиграция) и принудительного характера (административная, политическая и уголовная ссылка, эвакуация населения, депортации и

¹ Арутюнов С.А. Диаспора — это процесс // Этнографическое обозрение. 2000. № 2. С. 77-78.

² Левин З.И. Менталитет диаспоры. М., 2001. С. 40.

³ Полоскова Т. Указ. соч. С. 44.

⁴ Там же. С. 40.

беженство в годы Первой мировой войны). Наряду с русскими переселенцами здесь сформировались многочисленные группы этнических мигрантов (украинцев, поляков, евреев, немцев, латышей, эстонцев, корейцев и др.), для которых было характерно преимущественно распяленное, дисперсное размещение в иноэтничной среде. Но сложились и компактные анклавы, к примеру, в Омском уезде Акмолинской области (немцы и украинцы), в Барнаульском уезде Томской губернии (также немцы и украинцы), на Дальнем Востоке (украинцы и корейцы). Значительную долю составляли этнические меньшинства в городах Сибири.

Попав в иноэтничную среду, мигранты с неизбежностью втягивались в новые хозяйственные и культурные связи, что постепенно приводило либо к их ассимиляции, либо к аккумуляции, сопровождавшейся потерей большего или меньшего числа этнообразующих признаков, и формированию комплекса диаспоральности – приобретению новых качеств и свойств (особые культурные и психологические характеристики, специфическая ментальность, умение найти свою «нишу» в системе разделения труда и социальных ролей)¹, отличавшихся как от иноэтнического массива, в котором мигранты оказались волею судьбы рассеяны, так и от своего этнического материка, от которого они откололись.

Необходимыми элементами диаспорализации мигрантских сообществ являлось создание институтов, направленных на удовлетворение духовных и культурных запросов мигрантов, способных обеспечить им успешную и безболезненную адаптацию к новым условиям проживания без утраты конфессиональной и этнической идентичности. Рассмотреть, как происходил процесс адаптации этнических переселенцев к новым условиям проживания на востоке России, какие институты самоорганизации создавались с этой целью, какие стратегии и практики были для этого избраны, авторы и попытались в настоящей главе.

¹ Дятлов В.И. Диаспора как исследовательская проблема... С. 12.

5.1. Исторические особенности формирования и деятельности диаспорных институтов в Сибири (XIX – начало XX в.)

Чтобы выжить в новых условиях, успешно адаптироваться в чуждой социокультурной среде, недостаточно рассчитывать только на собственные силы. Мигранты стремились воссоздать, насколько это было возможно, традиционные социальные институты, в первую очередь религиозные общины, которые стимулировали деятельность образовательных, благотворительных, культурно-просветительных организаций. Однако новые условия хозяйственной и общественной жизнедеятельности и налаживание взаимоотношений с принимающим обществом вели к трансформации традиционных институтов, к их замещению новыми, светскими организациями.

Конфессиональные институты. До конца XIX в. жизнедеятельность мигрантских этнических сообществ в Сибири концентрировалась преимущественно вокруг конфессиональных институтов. В административных центрах и крупных городах открывались костелы, кирхи, синагоги, молельные дома, которые были и «институтами взаимопомощи, школами самоуправления, культурными очагами»¹.

Признаки еврейской общинной жизни в Сибири обнаруживаются уже в первой трети XIX в. В 1813 г. в Тобольске существовало погребальное братство (хевре-кадиша), имевшее пинкос (книгу записей), а в 1818 г. местная община выстроила молельню. В Каинске евреи имели молельню и кладбище². В Томске ходатайствовали об устройстве еврейской молитвенной школы в середине 1830-х гг. С приостановлением в 1837 г. переселения евреев в Сибирь, разрешение не было получено³, но к 1866 г. в Томске было уже две синагоги. Одна располагалась по Магистратской улице, вторая – Каминерская – по Подгорному переулку, получив название по имени купца М.Г. Каминера, исходатайствовавшего в 1859 г. разрешение на ее устройство. Третья синагога, возникшая первоначально как военная молитвенная школа на

¹ Левин З.И. Указ. соч. С. 39.

² Островский Ю. Сибирские евреи. СПб., 1911. С. 9.

³ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 4. Д. 35. Л. 11–16, 18, 24–28.

средства местной общины отставных нижних чинов из бывших кантонистов, получила название Солдатской. В 1902 г. вместо деревянного здания синагоги по Магистратской улице была возведена хоральная синагога, которую стали называть «Каменной». В 1907 г. было построено новое деревянное здание для Солдатской синагоги. К началу XX в. молитвенные дома и синагоги существовали в Омске¹, Маринске, Каинске, Татарске, Барнауле, Новониколаевске и в других городах Западной Сибири.

В Красноярске молитвенная школа действовала с 1822 г., а с 1824 г. — еврейское кладбище. К 1893 г. не менее 60 лет существовал молитвенный дом в Ачинске и едва ли не с 1820-х гг. — в Канске, хотя официальное разрешение было получено лишь в 1882 г. Еврейская община — с синагогой, еврейским кладбищем, большинство памятников на котором датированы 1840-1850 гг., существовала в с. Кутулик Балаганского уезда Иркутской губернии². В Нижнеудинске молитвенный дом имелся уже в 1861 г. В Иркутске, где еврейская община оформилась к середине XIX в., в 1877 г. были избраны ее первые официальные лица (ученый еврей, староста молитвенного дома и казначей), составившие духовное правление. В 1886 г. была построена каменная синагога³.

Одну из основ общинной жизни евреев составляла благотворительность, предписываемая и регламентируемая традиционным еврейским правом — Галахой. В Томске благотворительное общество и еврейская богадельня действовали со второй половины 1880-х гг., а в 1911 г. здесь был построен дом призрения престарелых и бедных евреев, устроенный по образцу подобных домов в Германии⁴. В Иркутске с 1905 г. действовало Общество призрения престарелых евреев, с 1907 г. — Благотворительное общество помощи еврейскому ссыльному элементу, с 1909 г. —

¹ В Омске было 2 синагоги. См.: Весь Омск: справочник-указатель на 1911 год. Омск, 1911. С. 84, 85.

² Кальмина Л. Еврейские общины Восточной Сибири (середина XIX в. — февраль 1917 года). Улан-Удэ, 2003. С. 9–10.

³ Рабинович В.Ю. Еврейские общественные организации в дореволюционном Иркутске // История еврейских общин Сибири и Дальнего Востока. Томск, 2000. С. 53.

⁴ См.: Национальные меньшинства Томской губернии. Хроника общественной и культурной жизни. 1885-1917 гг. / Л.А.Кутилова., И.В.Нам, Н.И. Наумова, В.А. Сафонов. Томск, 1999. С. 10, 49.

Благотворительное общество пособия бедным евреям¹. Было образовано Общество охранения здоровья еврейского населения². Общества пособия бедным евреям имелись в Красноярске, Енисейске, Канске, Ачинске, Владивостоке³.

Там, где возникала польская община, по возможности строился костел, который был центром духовной и общественной жизни не только поляков, но и литовцев, белорусов, латышей и немцев римско-католического исповедания. Одним из первых был построен в 1833 г. римско-католический костел во имя Покрова Пресвятой Богородицы в Томске. В 1896 г. костел был расширен бывшим ссыльным, ксендзом В. Громадзским⁴. Им была основана первая польская библиотека, католическое благотворительное общество, положено начало строительству интерната для польских детей⁵. Католический приход в Красноярске был учрежден в 1837 г., а через 20 лет, в 1857 г., благодаря добровольным пожертвованиям прихожан и стараниями курата прихода В. Бельского, был построен деревянный храм. В Омске костел был построен в 1860-х гг., в 1911 г. на добровольные пожертвования было построено новое здание костела⁶. В начале XX в. римско-католические костелы имелись также в Тобольске и Нерчинске⁷.

¹ Рабинович В.Ю. Еврейские общественные организации... С. 54; ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 856. Л. 16, 42.

² Адрес-календарь Иркутской губернии. Иркутск, 1916. С. 149, 152.

³ Орехова Н.А. Общества пособия бедным евреям в Енисейской губернии (конец XIX – начало XX в.) // Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке: история и современность. Красноярск; Биробиджан, 2003. С. 162; Сагитова И. Еврейская диаспора Приморского края (вторая половина XIX – начало XX века // Прикоснувшись к истории. Еврейская диаспора Дальнего Востока России. XIX–XXI века. Владивосток, 2000. С. 35–36.

⁴ Адрианов А.В. Костел в Томске // Тр. Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского. Томск, 2002. Т. 1. С. 299–303; Федоров Ю. Римско-католическая церковь (польский костел) // Сибирская старина. Томск, 1997. № 12. С. 27–28; Ханевич В. Сибирские ксендзы // Сибирская старина. Томск, 1995. № 9. С. 32–35.

⁵ Мосунова Т.П. Томский римско-католический приход в XIX в. // Сибирско-польская история: актуальные вопросы. Иркутск, 2001. С. 180–182.

⁶ Емельянов С.М. Из истории Красноярского костела (1857 – начало 1990-х гг.) // Сибирско-польская история: актуальные вопросы. Иркутск, 2001. С. 188–190; Доброновская А.П. Красноярский католический храм: на перекрестке эпох // История и культура поляков Сибири. Красноярск, 2006. С. 17–20.

⁷ Вольский З. Вся Сибирь. Справочная книга по всем отраслям культурной и торгово-промышленной жизни Сибири. СПб., 1908. С. 132.

Первый и единственный католический приход на Дальнем Востоке возник в 1860-е гг. в Николаевске-на-Амуре, затем он был перемещен во Владивосток. Разрешение на строительство костела было получено лишь в 1898 г., в 1900 г. был построен небольшой костел, через 2 года он сгорел. Сразу же был создан комитет по строительству каменного храма, которое завершилось в 1921 г.¹

С началом польской крестьянской миграции в Сибирь костелы возводятся и в сельской местности. В 1908 г. были выстроены костел и дом приходского священника в селе Белосток Томской губернии, в 1913 г. – костел в соседней польской деревне Маличевка². По просьбе жителей католический митрополит направил в Белосток отца Иеронима Церпенто, который исполнял обязанности сельского пастыря до 1913 г. Заменявший его отец Михаил Михосенок служил до 1923 г., когда он был изгнан польскими коммунистами. Священнослужители учили молодежь не только Закону Божьему, но и польскому языку, основам культуры³.

При костелах создавались благотворительные общества, которые объединяли всех католиков. Так, в 1893 г. при томском католическом костеле возникло римско-католическое благотворительное общество. На его попечении находились приют для детей-сирот, открытый в 1900 г.⁴, и школа, в которой в 1908 г. обучались 32 мальчика и 31 девочка⁵. Обществом устраивались вечера, концерты, спектакли, как правило, на польском языке, с использованием национальных костюмов⁶. С конца XIX в. действовали римско-католические благотворительные общества в Омске, Иркутске, Тобольске, Красноярске⁷. В Новоиколаевске при костеле имелось общество св.

¹ Этномиграционные процессы в Приморье /А.С. Ващук, Е.Н. Чернолуцкая, В.А. Королева и др. Владивосток, 2002. С. 51.

² Ханевич В.А. Судьба села – судьба России // Сибирский Белосток. Томск, 1998. С. 23.

³ Масарж В. Миграция польских крестьян в Сибирь в конце XIX – начале XX в. // Сибирь в истории и культуре польского народа. М., 2002. С. 247.

⁴ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 4502. Л. 3, 21.

⁵ Обзор Томской губернии за 1908 год. Томск, 2009. Ведомость № 19.

⁶ См.: Национальные меньшинства Томской губернии. ...

⁷ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 600. Оп. 1. Д. 856. Л. 2 об.; Вольский З. Указ. соч.; Статистический обзор Енисейской губернии за 1915 год. Красноярск, 1916. С. 80. С. 243. Адрес-календарь Тобольской губернии на 1904 год. Тобольск, 1904. С. 86.

Иосифа Обручника¹, а в 1916 г. открылось благотворительное общество «Огниво», занимавшееся оказанием материальной и нравственной помощи всем нуждающимся в ней католикам².

Формирование в Сибири первых лютеранских приходов и учреждение пасторских должностей было связано с приглашением иностранных специалистов. Старейший лютеранский приход на Алтае был учрежден в 1750 г. (по другим сведениям — в 1751 г.)³, после того как туда в 1737 г. прибыла большая группа иностранцев — знатоков горного дела. Одновременно для их детей была организована горнозаводская школа⁴. В 1767 г. были учреждены должности полевых (позже дивизионных) лютеранских проповедников в административных центрах (Иркутске, Тобольске, Оренбурге). Казна начала финансировать строительство и содержание молитвенных домов и церквей лютеран. Известно, что первым на государственный счет был выстроен в 1786 г. деревянный молитвенный дом в Барнауле, в 1792 г. — кирха в Омске⁵. В 1826 г. началась постройка лютеранской деревянной церкви в Иркутске⁶.

В начале XIX в. с созданием централизованной системы управления Евангелическо-лютеранской церковью в России, оформлением Генеральной консистории (1819 г.), созданием консисториальных округов, утверждением Устава церкви (1832 г.) оформились лютеранские приходы в Тобольске, Томске, Барнауле, Омске, Иркутске. В XIX в. здесь уже имелись каменные лютеранские кирхи, построенные взамен деревянных: в Омске — с 1792 г., в Барнауле — с 1861 г.⁷, в Томске — с 1864 г.⁸, в Иркутске — с 1885 г. Лишь в Тобольске оставалась деревянная

¹ Сибирская жизнь. Томск, 1909, 9 дек.; ГАТО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 2619. Л. 21–21 об.

² Алтайское дело. Новониколаевск, 1916. 11, 18 окт.

³ Памятная книжка Томской губернии на 1908 год. Томск, 1908. С. 123.

⁴ Черказянова И.В. Немецкая национальная школа (XVIII – 1938 г.) М., 2000. С. 54.

⁵ Там же. С. 56.

⁶ Иркутская летопись (летописи П.И. Пежемского и В.А. Кротова). Иркутск, 1911. С. 232.

⁷ По другим сведениям, каменная церковь во имя Св. Павла в Барнауле была выстроена в 1860 г., а до этого времени (с 1786 г.) там функционировал молитвенный дом. См.: Памятная книжка Томской губернии на 1908 г. С. 123.

⁸ Закладка Лютеранской церкви (кирхи) во имя Св. Марии в Томске состоялась 4 июля 1859 г. См.: Адресно-справочная книга «Весь Томск» на 1912–1913 гг. Томск, б.г. С. 31.

церковь, возведенная в 1860 г. Эти административные центры стали и местом пребывания лютеранских пасторов¹.

Во второй половине XIX – начале XX в. с присоединением новых территорий (Дальний Восток) и началом массовых переселений немецких колонистов в Сибирь в организации лютеранских приходов произошли изменения. В 1865 г. был учрежден приход в Амурской и Приморской областях, которые до этого находились в ведении иркутского пастора². В 1903 г. был образован приход в Новониколаевске³. В 1890-е гг. в связи с тем, что количество лютеран-военнослужащих значительно сократилось и преобладающим стало гражданское население, были ликвидированы должности дивизионных проповедников⁴.

По состоянию на 1908 г. в Сибири имелось 7 протестантских (евангелическо-лютеранских и реформатских) приходов (Тобольский, Омский, Томский, Красноярский, Иркутский, Забайкальский, Амурско-Приморский). Резиденции пасторов располагались в Тобольске, Омске, Томске, Красноярске, Иркутске, Чите, Благовещенске⁵.

Первые пасторы Сибири были выходцами из Германии и Швеции. С открытием в 1802 г. Дерптского (Юрьевского) университета с единственным в империи лютеранским богословским факультетом здесь началась подготовка духовенства из россиян. В Сибирь направляли, как правило, уроженцев Прибалтики, т.к. пестрота лютеранского населения края требовала знаний кроме немецкого, еще и латышского, эстонского, финского, шведского языков. Лютеранские приходы в Сибири простирались на сотни и тысячи верст, поэтому служба пастора требовала большого мужества и самоотверженности. От пастора, от умелой организации дела зависели уровень нравственности и постановка школьного дела в приходе⁶. Жизне-

¹ Черказьянова И.В. Немецкая национальная школа... С. 58.

² Там же. С. 61.

³ ГАТО. Ф. 3. Оп. 77. Д. 57. Л. 1, 8.

⁴ Черказьянова И.В. Немецкая национальная школа... С. 61.

⁵ Вольский З. Указ. соч. С. 132.

⁶ Черказьянова И.В. Организация духовной жизни лютеран Сибири: хроника событий (XVIII в.-1919 г.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.sibmuseum.ru/german/BOOK/duh_life_luteran.html, свободный.

деятельность лютеранских общин включала и благотворительность. Например, в Томске при кирхе Святой Марии с 1897 г. действовал приют для детей-сирот.

Светские организации. В начале XX в. происходит изменение содержания, форм и масштабов общественной жизнедеятельности национальных меньшинств, повышается уровень их этнической консолидации, возникают светские формы самоорганизации. Этому способствовало изменение политической ситуации в стране, обусловленное революционными событиями 1905-1907 гг., Манифестом 17 октября 1905 г., где провозглашалось право на свободу собраний и объединений. Принятые 4 марта 1906 г. «Временные правила об обществах и союзах» обусловили быстрый рост и национально-культурных организаций.

Создаются отделения Общества распространения просвещения среди евреев (ОПЕ)¹, Еврейского литературного общества (ЕЛО)², Общества охранения здоровья еврейского населения и др. Первым открылось отделение ОПЕ в Томске (1910 г.)³, к началу 1915 г. оно имело представителей в 21 населенном пункте – Ачинске, Боготоле, Благовещенске, Баргузине, Владивостоке, Енисейске, Иркутске, Каинске, Красноярске, Мариинске, Новониколаевске, Омске, Петропавловске, Сре-тенске, Семипалатинске, Тайге, Тисуле, Тобольске, Харбине, Николаевске-на-Амуре, Чите⁴.

В целях «распространения просвещения между евреями в России, поощрения литературы и доставления пособий учащим и учащимся» обществом открывались школы, библио-

¹ Общество распространения просвещения среди евреев возникло в России в 1863 г.

² Еврейское литературное общество было открыто в 1908 г. в Петербурге. В 1910 г. отделение ЕЛО открылось в Томске (ГАТО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 149. Л. 100; Сибирская жизнь. 1910. 6, 26 февр., 4 марта; 1911. 18 янв.), в 1911 г. – в Иркутске, где оно сразу же привлекло в свои ряды около 150 чел. (Войтинский В.С., Горнштейн А.Я. Евреи в Иркутске. Иркутск, 1915. С. 343).

³ Подробнее см.: Нам И.В. Деятельность обществ распространения просвещения среди евреев в Сибири (1910–1917 гг.) // Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке: история и современность: Матер. IV рег. науч.-практ. конф., 25–26 августа 2003 г. Красноярск, 2003; Гончарова Е.З. Деятельность «Общества для распространения просвещения между евреями в России» в Томске на рубеже XIX–XX вв. (по материалам периодической печати) // Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке. Красноярск, 2007.

⁴ Сибирская жизнь. 1914. 4 февр.

теки, курсы, издавались книги и периодика¹, устраивались литературные и благотворительные вечера, чтения, музеи, выставки. Главным направлением деятельности ОПЕ было воспитание национальных чувств «в духе обычаев и нравов еврейского народа». В мае 1914 г. в Томске открылась первая в Сибири библиотека-читальня ОПЕ, в ноябре 1915 г. — курсы для взрослых евреев, в декабре 1916 г. — Общество ремесленного труда. Для сплочения и объединения еврейских организаций в Томске было решено организовать еврейский народный дом².

С возникновением политических течений — сионизма, «культурного автономизма», социал-демократического движения (Бунд) — жизнь сибирских общин окрашивается в политические тона³. Сибирские делегаты присутствовали на сионистских конгрессах, из самых глухих мест Сибири перечислялись деньги в сионистские фонды. Собрания сионистов в Томске в 1902 г. посещало несколько десятков человек⁴. Всего в это время в Томске насчитывалось свыше 200 шекеледателей, т.е. плативших «шекель»⁵, в Чите — около 500. По свидетельству современников, сионисты имели большое влияние на еврейские общины в деле устройства образцовых хедеров, просветительной работы⁶.

27 января 1903 г. в Томске открылся сионистский съезд⁷, проходивший с участием делегатов из Иркутска, Омска, Томска, Читы, Красноярска, Канска, Каинска, Баргузина, Боготола, Мариинска, Нерчинска, Адрианова и Кабанска⁸. Сообщая об этом событии в Вестн. Е.В. Членов, один из лидеров российских сионистов, отмечал, что теперь можно говорить о существовании в Сибири настоящей сионистской организа-

¹ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 600. Оп. 1. Д. 856. Л. 111.

² Сибирская жизнь. 1916. 11, 16 дек.

³ Подробнее см.: Нам И.В. Национальные меньшинства Сибири на историческом переломе (1917-1922 гг.) Томск, 2009. С. 83-87.

⁴ Сибирская жизнь. 1902. 22 сент., 20, 22 окт.

⁵ Шекель — название монеты в древнем Израильском царстве. Сионисты взяли его в качестве символического обозначения ежегодного взноса. Уплата «шекеля» была главным признаком принадлежности к сионизму.

⁶ Островский Ю. Указ. соч. С. 43.

⁷ Сибирская жизнь. 1902. 22 окт.; Сибирский вестник. Томск, 1903. 29 янв.

⁸ Островский Ю. Указ. соч. С. 43.

ции¹. Было решено устраивать всесибирские съезды каждые полтора-два года, но война с Японией и революция 1905-1907 гг. приостановили эту деятельность. Второй сионистский съезд состоялся в конце декабря 1912 г. в Иркутске. Все 18 участников были арестованы².

Сионистская идеология и практика вступали в противоречие с политикой властей, которые в то же время усматривали в них противовес еврейскому рабочему движению. Лидеры сионизма подчеркивали свою лояльность режиму, демонстрируя удаленность от «политики». Пропагандируя переселение в Палестину, они считали участие в политической жизни в диаспоре крайне вредным. И только в условиях революционных потрясений 1905-1907 гг. III съезд сионистов в Гельсингфорсе (1906 г.) признал ближайшей политической задачей участие в освободительном движении в России, поскольку «в странах диаспоры национальные организации могут развиваться только при условии их признания со стороны государств, каковое возможно лишь при демократическом устройстве этих стран...»³.

В 1907 г. Сенат принял решение о запрете сионистских организаций, полагая, что их деятельность ведет к национальному обособлению и «к обострению национальной вражды с коренным местным населением»⁴. Всем губернаторам был разослан секретный циркуляр МВД с указанием не разрешать никаких сионистских организаций⁵.

Эти решения послужили основанием для возбуждения уголовного преследования группы сионистов в Красноярске, арестованных в 1914 г. Дело вызвало широкий общественный резонанс. Следствие растянулось почти на два года, суд состоялся лишь 16 февраля 1916 г. Подсудимые виновными себя не

¹ См.: Мучник Ю. Из истории евреев в досоветской Сибири: очерки. Томск, 1997. С. 36.

² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. ДП 00. 1912. 44 ч. 27. Л. 1, 45, 8; ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 833. Л. 1.

³ Цит. по: Бухбиндер Н.А. История еврейского рабочего движения в России. Л., 1925. С. 355.

⁴ См.: Маор И. Сионистское движение в России. Иерусалим, 1977. С. 267; Локшин А. Формирование политики (Царская администрация и сионизм в России в конце XIX – начале XX в.) // Вестн. Еврейского ун-та в Москве. 1992. № 1. С. 54–55.

⁵ Маор И. Указ. соч. С. 268.

признали. Защите удалось убедить членов суда, что в их деятельности не было состава преступления. Дело было прекращено, а все обвиняемые по суду оправданы¹.

Социалистическую идеологию привносили в еврейскую среду политические ссыльные, члены Бунда. К Февральской революции бундовских организаций в Сибири было только две – в Иркутске и Канске². Бундовцы в Иркутске занимались пропагандой среди беженцев и организацией забастовок на кожевенном заводе Фукса, где работало много рабочих-евреев и ссыльных. По их инициативе в Иркутске было открыто отделение Еврейского литературно-художественного общества им. Переца³, занимавшееся устройством литературных докладов, затрагивающих политические вопросы. Действовала организация взаимопомощи политических ссыльных⁴.

Сионисты и бундовцы имели сходные взгляды на проблему национального самоуправления евреев в России – экстерриториальная национально-персональная автономия на основе реформированной еврейской общины.

Стремление к самоорганизации в целях сохранения этнической идентичности и этнокультурной самобытности было развито и среди украинцев, создававших культурно-просветительные организации – громады, клубы, «Просвіты» («Просвещение»). В сентябре 1905 г. в газетах сообщалось о создании в Томске кружка любителей драматического малороссийского искусства⁵. При Императорском университете было организовано «Украинское землячество» из студентов-украинцев⁶. В 1908 г. здесь была сделана попытка создания кружка «Просвіты» «для ознакомления» его членов «с историей развития и современного положения Малороссии». В числе «легальных основателей» кружка были профессор Томского университета И.А. Малиновский, доктор Балтов-

¹ ГАРФ. Ф.102. ДП 00. 7 д-во. Д. 519. Л. 64; ГАИО. Ф. 245. Оп. 3. Д. 1356. Л. 12; Сибирская мысль. Красноярск, 1916. 24, 25 февр.

² Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск, 1928. Т. 1. Стб. 399.

³ Сибирь. Иркутск, 1917. 31 янв., 14 февр.

⁴ См.: Меер О.С. В годы войны в Иркутской ссылке // Иркутская ссылка. М., 1934. С. 198-214.

⁵ Национальные меньшинства Томской губернии... С. 30.

⁶ ГАТО. Ф.126. Оп.2. Д. 2485^а.

ский, инженеры Сидоренко и Жмых¹. Но летом 1908 г. Сенат санкционировал отказ в регистрации украинской «Просвіты» Полтавским губернским присутствием, мотивируя его тем, что поставленная этим обществом цель — помощь культурно-просветительному развитию местного украинского населения — включает в себе сепаратистские настроения и может привести к нежелательным последствиям². Поэтому инициатива томичей одобрения властей не получила.

В Иркутске существовал украинский литературно-музыкально-драматический кружок «Громада», содействующий «серьезной разработке украинской музыки и украинского драматического искусства», ознакомлению с ними широкой публики³. В 1916 г. образовался «украинский гурток» в Красноярске, вынужденный «скрываться под сенью общества трезвости» в качестве одной из его подкомиссий⁴. В Харбине в 1907 г. возник «Украинский клуб», во Владивостоке в 1907-1908 гг. — Студенческое общество украинцев, в Никольск-Уссурийске в 1910 г. — общество «Просвита». Но разрешение на легальную деятельность украинцев на Дальнем Востоке было получено только в Благовещенске, где в 1911 г. был утвержден устав «Украинского клуба»⁵. Во Владивостоке после роспуска студенческой громады образовался полуполюгальный кружок с целью содействия национальному просвещению. Начиная с 1909 г. украинской общественностью Владивостока устраивались вечера памяти Т. Шевченко — Шевченковские свята, литературно-музыкальные мероприятия, концерты, спектакли.

С конца XIX столетия в Сибирь и на Дальний Восток стали приезжать украинские театральные труппы. В 1898 г. пресса сообщала о концерте труппы И. Яворского и К. Мирослав-

¹ ГАТО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 216. Л. 24.

² См.: Грушевский М.С. Очерк истории украинского народа. Киев, 1991. С. 343.

³ ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 97. Л. 1; Ф. 600. Оп. 1. Д. 856. Л. 7.

⁴ Свободная Сибирь. Красноярск, 1917. 2 апр.

⁵ См.: Свит И.В. Украинский Дальний Восток (Зеленая Украина). Харбин, 1934. Ч. 2. С. 17–18; Черномаз В.А. Национально-культурное развитие украинского населения Дальнего Востока в начале XX в. // Вопр. соц.-демогр. истории Дальнего Востока в XX веке. Владивосток, 1999. С. 22–24.

ского¹. Местный критик писал: «Наш Уссурийский край с его Полтавками, Черниговками, Никольскими, Спасскими и т.д. тесно связан кровным родством с югом Европейской России, с Малороссией, откуда он получил большую часть теперешнего русского населения... Малороссийское наречие, быт, нравы Малороссии, ее, безусловно, музыкальные, художественные мотивы, — все это, несомненно, должно интересовать и нравиться публике». Позднее появились украинские театральные кружки². Начиная с 1908 г. в Сибири и на Дальнем Востоке проходили гастроли труппы украинских артистов под руководством К.Л. Кармелюка-Каменского³.

В развитии культуртрегерской деятельности национальных меньшинств власти увидели угрозу государственной целостности России. Циркуляром МВД от 20 января 1910 г. за подписью П.А. Столыпина создание национальных организаций запрещалось, т.к. они «ведут к усугублению начал национальной обособленности и розни и потому должны быть признаны угрожающими общественному спокойствию и безопасности». Местным властям рекомендовалось «при обсуждении ходатайств о регистрации... инородческих обществ, в том числе украинских и еврейских... в каждом отдельном случае подробно останавливаться на вопросе о том, не преследует ли такое общество вышеуказанных задач и в утвердительном случае неукоснительно отказывать в регистрации их уставов». Одновременно предлагалось «тщательно ознакомиться с деятельностью уже существующих инородческих обществ и в подлежащих случаях возбудить установленным порядком вопрос об их закрытии»⁴.

На основании этого циркуляра летом 1911 г. было закрыто Еврейское литературное общество в Петрограде и 120 его отделений, а вместе с ними томское и иркутское одновременно с украинскими и польскими культурными организациями за

¹ В сентябре 1898 г. после смерти Милославского труппа перешла под управление Василенко и Сабина (см.: Национальные меньшинства Томской губернии... С. 20).

² Этномиграционные процессы в Приморье... С. 54–55.

³ Национальные меньшинства Томской губернии... С. 39.

⁴ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1341. Оп. 405. Д. 615. Л. 11–11 об.; ГАТО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 149. Л. 74.

«побуждение» «узкого национально-политического сознания и усиление национальной обособленности». Тобольское губернское по делам об обществах присутствие в 1909–1910 гг. четыре раза рассматривало вопрос о регистрации Салтыковско-Тукалинского латышского общества, каждый раз отказывая¹.

Культурно-просветительные организации в начале XX в. возникают и среди католиков — поляков и литовцев. В Иркутске в 1906 г. возникло польское общество «Огниво». В 1911 г. к нему присоединилось литовское общество «Рута», которому губернские власти не разрешили действовать самостоятельно². «Огниво» ставило своей целью содействие «улучшению материальных, нравственных и духовных условий жизни своих членов»³. В Омске в декабре 1916 — январе 1917 г. образовалось общество «Огниско» («Очаг») ⁴. В 1916 г. в Новониколаевске стала издаваться на польском языке еженедельная газета «Głos Siberji» («Голос Сибири»). Но уже в октябре 1916 г. она была закрыта, ее направление было признано вредным, угрожающим государственному порядку⁵. Вместо нее с октября 1916 г. предполагалось издание на русском языке газеты «Новониколаевский листок», цель которой обозначалась как ознакомление «русской публики» с польским вопросом, «обслуживание общественных нужд поляков»⁶.

В период Первой мировой войны национальные организации — Центральный обывательский (гражданский) комитет губерний Царства Польского (ЦОК, ЦГК), Польское общество помощи жертвам войны (ПОПЖВ), Центральный латышский комитет, Еврейский комитет помощи жертвам войны (ЕКО-ПО) — обеспечивали материальные и культурно-духовные потребности беженцев, поддержку национальных и религиозных

¹ РГИА. Ф. 1341. Оп. 405. Д. 615. Л. 2–10, 14.

² См.: Масырж В. Поляки в Восточной Сибири... С. 18; Новоселова М.Р. Польско-литовское общество «Огниво» (1906–1921 гг.) // Сибирско-польская история и современность: актуальные вопросы. Иркутск, 2001. С. 309.

³ ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 856. Л. 3 об., 8, 44.

⁴ Омский вестник. 1917. 5 янв.

⁵ ГАТО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 6928. Л. 121–122, 135–136 об., 153–153 об.

⁶ Алтайское дело. 1916. 28 сент.

традиций, выполняя тем самым консолидирующую роль в их среде¹.

Национальные школы. Важным транслятором языковых и культурных традиций выступала школа. Внося элементы двуязычия и поликультурности, она была одновременно и инструментом адаптации мигрантов. Дореволюционная национальная школа была преимущественно конфессиональной.

Еврейские дети в Сибири до середины 1870-х гг. получали образование в талмуд-торах – начальных бесплатных школах для бедных и осиротевших мальчиков. Изучение еврейского языка преследовало преимущественно конфессиональные цели. Русский язык не преподавался вовсе или преподавался «случайными» лицами. На их основе и создавались полноценные начальные национальные школы².

Первое в Сибири одноклассное еврейское училище было открыто в Томске в 1874 г. Губернатор А. Супруненко задался «мыслью обрусить проживающих здесь в значительном количестве евреев», поэтому все преподавание, включая Закон Божий, велось на русском языке³. Обучались мальчики из бедных еврейских семей. В 1876-1887 гг. существовало и женское отделение. Обучение было бесплатным. Сначала училище помещалось в одном здании с богадельней и талмуд-торой, потом на средства купеческой семьи Фуксманов было выстроено сначала деревянное (1896 г.), а затем (1911 г.) новое каменное двухэтажное здание⁴. Постепенно религиозно-приходское училище трансформировалось в национально ориентированное учебное заведение. Его выпускники поступали в ремесленные городские училища, наиболее способные – в гимназию. В 1897–1908 гг. при училище действовала первая и единственная в Сибири женская субботняя школа. Ее выпускницы поступали либо в повивальную школу, либо на общеобразовательные

¹ Подробнее см.: Нам И. В. Национальные меньшинства Сибири... С. 97-100.

² См.: Кальмина Л. В. Еврейские общины... С. 311-312.

³ ГАТО. Ф. 99. Оп. 1. Д. 669. Л. 1-3, 7, 8-8 об.; Ф. 125. Оп. 1. Д. 429. Л. 3; ГАОО. Ф. 3. Оп. 7. Д. 11293. Л. 7.

⁴ Ю. О. Еврейское училище в г. Томске. Томск, 1912. С. 13, 17-18.

курсы, либо экзаменовались за 4–6-й класс гимназии¹. В 1903–1908 гг. дети состоятельных родителей имели возможность получать национальное образование в образцовом хедере, который был открыт по инициативе сионистского кружка². В 1916 г. в Томске открылось второе еврейское училище — смешанное для мальчиков и девочек³. Школы открывались и в губернии, в 1902 г. открылось частное мужское еврейское училище в Мариинске⁴.

Формально не запрещая евреям иметь национальные школы, учебное начальство не приветствовало их открытие. В 1890 г. Тобольский губернатор отказал в открытии частного хедера местному раввину Х. Аршону. Он мотивировал свое «несочувствие» отсутствием лиц, имевших право преподавания еврейских предметов и «трудностями надзора за учением на еврейском языке»⁵. Генерал-губернатор Восточной Сибири барон Фредерикс отклонил ходатайство иркутских купцов (1879 г.) об открытии училища под предлогом, что оно может способствовать «обособлению еврейских детей от другого населения»⁶. Поэтому еврейское училище в Иркутске до 1897 г. действовало нелегально. Имея на момент открытия статус частного начального училища для детей неимущих и сирот, в 1907 г. оно было преобразовано в начальное общественное бесплатное училище. В 1899 г. открылось женское отделение, в 1908–1910 гг. — ремесленные классы (сначала для девочек, затем для мальчиков), которые давали возможность получения профессии⁷. К 1916 г. в Иркутске было уже три училища:

¹ Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1900 год... С. 170; ГАТО. Ф. 100. Оп. 1. Д. 161. Л. 20–20 об.; Ф. 126. Оп. 1. Д. 1053. Л. 2–2 об.

² Ю.О. Указ. соч. С. 15–16.

³ ГАРФ. Ф. Р-320. Оп. 2. Д. 23. Л. 32.

⁴ Сибирский торгово-промышленный календарь. СПб., 1905. Отд. I. С. 235; Отд. III. С. 257; Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1909 год. Томск, 1909. С. 271, 364.

⁵ ГАТО. Ф. 126. Оп. 1. Д. 418. Л. 1–5.

⁶ См.: Кальмина Л.В. Еврейские общины... С. 313.

⁷ Подробнее см.: Кальмина Л.В. Еврейские общины... С. 313–316; Полищук Ф., Скалер А. След их останется неизгладимым (Благотворительная деятельность евреев Иркутска второй половины XIX — начала XX века) // Еврейская благотворительность на территории бывшего СССР. СПб., 1998. С. 88–91.

мужское, женское и двухклассное частное еврейское училище Розы Бейлин¹.

Долгим был путь к открытию еврейских училищ в Чите — с 1903 по 1912 г. и Верхнеудинске — с 1903 по 1908 г. В 1909 г. в Верхнеудинске открылась талмуд-тора, в 1911 г. — образцовый хедер. В 1909 г. было открыто еврейско-русское училище в Баргузине², в 1900 г. — начальное еврейское училище в Канске³, реорганизованное в 1915 г. в светскую начальную школу с трехлетним сроком обучения⁴. Двухклассное еврейское училище в Красноярске, открытое в 1903 г. как частное⁵, в 1905 г. имело статус общественного. В 1907 г. в Енисейской губернии было уже пять училищ: в Красноярске, Енисейске, Канске и два в Ачинске⁶.

Всего, по официальным данным, в Сибири и на Дальнем Востоке в 1911–1912 гг. действовало 21 еврейское училище разных типов (хедеры, талмуд-торы, школы при синагогах, русско-еврейские училища), в которых обучалось 532 ученика. Наибольшее число школ (11) было открыто в Забайкальской области⁷.

Содержались еврейские учебные заведения на частные пожертвования, на средства общин, на доходы от благотворительных вечеров, спектаклей, концертов и т.п. Особенно весом был вклад купцов-меценатов. Томская купчиха Е.Л. Фуксман снабжала учеников одеждой, собирала пожертвования и сама вносила на нужды училища немалые средства. Во время посещения бедных еврейских семей она простудилась и умерла в феврале 1803 г., завещав училищу 5,5 тыс. руб.⁸ Благоотво-

¹ Адрес-календарь Иркутской губернии... С. 110–112.

² См.: Кальмина Л.В., Курас Л.В. Еврейская община в Западном Забайкалье (60-е годы XIX в. — февраль 1917 г.) Улан-Удэ, 1999. С. 113–115; Кальмина Л.В. Еврейские общины... С. 317–320.

³ Сибирская жизнь. 1900. 14 авг.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-320. Оп. 2. Д. 23. Л. 87.

⁵ Сибирская жизнь. 1903. 22 авг.

⁶ Статистический обзор Енисейской губернии за 1906 год. Красноярск, 1907. С. 80.

⁷ См.: Волкова В.Н. Национально-культурное движение народов Сибири в контексте российской модернизации начала XX века // Национально-культурная политика в Сибирском регионе в XX в. Новосибирск, 2004.

⁸ Ю.О. Указ. соч. С. 11.

рительной помощи не хватало, поэтому общины добивались их включения в общешкольную сеть. Но даже те немногие школы, которым это удавалось, далеко не всегда содержались за государственный счет. Так, Омское еврейское училище, включенное в сеть народных училищ Акмолинской области, средств на содержание до революции не получало¹. Отсутствие государственной поддержки и финансирования делало положение еврейских школ крайне неустойчивым.

Не хватало и подготовленных учительских кадров, особенно учителей «еврейских» предметов. Обычной практикой было приглашение учителей из Европейской России, реже — направление на учебу в учительские институты черты оседлости. Далеко не всегда эти ходатайства удовлетворялись. Так было отказано в приглашении учителей из Европейской России еврейскому училищу в Томске².

Первые лютеранские школы в Сибири возникали при церквях. Главным, а порой и единственным, учителем в них был пастор. Первой была официально зарегистрирована двухклассная школа в Томске при церкви Св. Марии, открытая в 1896 г. пастором Альфредом Келлером. В начале XX в. городские немецкие школы действовали в Омске (приходская школа при лютеранской церкви Св. Екатерины и частное меннонитское училище Д.П. Вибе)³. В Иркутске в 1906 г. усилиями пастора В. Сиббуля открылась трехклассная школа⁴, а до этого существовало училище при Евангелическом обществе, в котором обучались дети и лютеран, и православных⁵.

Появление сельских немецких начальных школ связано с началом интенсивного переселенческого движения. Основная их масса появилась после 1909 г.⁶ К 1 сентября 1915 г. в Омском уезде официально действовала 21 немецкая школа, в Акмолинском — 3. В Томской губернии большая часть немецких школ была сосредоточена в Барнаульском уезде. Здесь первые

¹ Дело Сибири. Омск, 1917. 20 окт.

² Ю.О. Указ. соч. С. 16–21.

³ ГАТО. Ф. 126. Оп. 1. Д. 2467. Л. 1–7, 69–69 об.; Весь Омск... С. 66–67.

⁴ См.: Черказьянова И.В. Немецкая национальная школа... С. 64–67, 91–92.

⁵ Памятная книжка Иркутской губернии на 1891 год. Иркутск, 1891. С. 10.

⁶ Черказьянова И.В. Немецкая национальная школа... С. 117.

16 школ были официально зарегистрированы учебным ведомством только в 1915/16 учебном году. В действительности они появились гораздо раньше. В 1912 г. во время статистического обследования переселенцев этого района было установлено наличие школ в 38 немецких поселках Ново-Романовской, Подсосновской и Орловской волостей, построенных на общественные средства¹.

В начале XX в. началось преобразование немецких школ в министерские. Ставилась задача быстрее овладения немцами русского языка. Это затронуло только лютеранские и католические школы, но не коснулось меннонитских в силу их большей обеспеченности и самостоятельности. Первые немецкие министерские одноклассные училища в Сибири были открыты в начале 1900-х гг. в селах Александровка и Новинка Омского уезда на базе лютеранских школ. Немецкий язык и Закон Божий в них вел немецкий преподаватель или кистер, остальные предметы – русские учителя². К 1917 г. министерские школы были открыты в самых крупных лютеранских и католических селах Сибири³.

Немецкое население сопротивлялось форсированному насаждению русского языка. Практиковался бойкот «русской школы», открытие альтернативной «тайной» школы, уход от регистрации имевшихся школ⁴. С принятием 17 апреля 1905 г. указа «Об укреплении начал веротерпимости» последовало ослабление русификаторской политики. Но с подавлением революции эти уступки стали сворачиваться. Развернулась борьба с «тайными» школами, достигшая своего апогея в Сибири в 1910-1911 гг.⁵

На особом положении находились школы для детей меннонитов. Указ 17 октября 1906 г. «О порядке образования и действия старообрядческих и сектантских общин» трактовался властями как закон, запрещающий инославные секты,

¹ Черказьянова И.В. Школьное образование российских немцев (проблемы развития и сохранения немецкой школы в Сибири в XVIII-XX вв.). СПб., 2004. С. 99–100.

² Черказьянова И.В. Немецкая национальная школа... С. 118.

³ Черказьянова И.В. Школьное образование... С. 121.

⁴ См.: Черказьянова И.В. Школьное образование... С. 109.

⁵ См.: Черказьянова И.В. Немецкая национальная школа... С. 123.

к которым были отнесены меннониты. Но они находили возможности обойти этот указ. В Омском уезде, например, меннонитские школы учреждались под названием евангелическо-лютеранских. Активность меннонитов в устройстве школ вызвала настороженность местной администрации. Особенно жесткая политика проводилась в Томской губернии. Ссылаясь на Закон о сектантах, губернатор неоднократно отказывал меннонитам Барнаульского и Каинского уездов в открытии школ. Вплоть до 1917 г. вопросы правомочности существования меннонитских школ не были решены¹.

С началом Первой мировой войны проблема немецкой школы обострилась. Преподавание всех предметов было переведено на русский язык, за исключением Закона Божьего и природного языка учащихся. Усилились гонения против «тайных» школ. Немецкие школы подверглись многочисленным инспекторским проверкам, в ходе которых оценивалось, в первую очередь, преподавание русского языка и усвоение его учащимися. В 1915–1916 гг. проводится тотальный учет всех немецких школ империи, замена немецких учителей на русских, происходит усиление административных мер против тыловых школ².

Дореволюционная немецкая школа в Сибири находилась в сравнительно лучшем положении по сравнению с другими группами переселенцев-лютеран — латышей, эстонцев и др. Первая школа в лютеранских колониях открылась в селе Рыжково. Преподавание велось на эстонском, латышском и финском языках. В начале XX в. Тобольской губернии, в местах компактного проживания финнов, эстонцев и латышей, действовали 4 лютеранские школы: Чухонская, Рыжковская, Рижская и Гельсингфорская³. Первая латышская школа в Восточной Сибири была создана в 1879 г. в д. Нижняя Буланка. Известно имя первого учителя — католического священника

¹ См.: Черказьянова И.В. Школьное образование... С. 132–133; Кутилова Л.А. Школа на родном языке как фактор сохранения этнической целостности в среде меннонитов-переселенцев в Сибири // Американский и сибирский фронт. Томск, 1997. С. 175–179.

² Подробно см.: Черказьянова И.В. Немецкая национальная школа... С. 127–138; Она же. Школьное образование... С. 138–161.

³ Черказьянова И.В. Школьное образование... С. 93.

Адольфа Фрейса¹. В 1893 г. была построена новая школа, которую посещали более 200 учащихся, а учительствовал в ней исследователь латышских колоний Свиестиньш².

Латвийский историк В. Краснайс отмечал, что «...в Сибири колонисты строили латышские школы, о которых заботились власти, в то время как в Центральной России забота о своих школах была на плечах самих колонистов, и поэтому многие дети оставались без образования»³. В действительности положение было не столь благополучным. Родной язык преподавался только в 40 % эстонских школ за пределами Эстонии⁴. В начале XX в. в Енисейской губернии в латышских и эстонских колониях и на переселенческих участках было открыто несколько министерских школ. Поскольку переселенцы в большинстве своем не знали русского языка, учителями назначались лица, владевшие латышским и эстонским языками, обучение в первые два года велось на родном языке, а русский язык преподавался в качестве учебного предмета. На третьем и четвертом году преподавание всех предметов, кроме Закона Божьего и церковного пения, переводилось на русский язык, а родной язык преподавался в качестве учебного предмета. Но с появлением в 1913 г. циркуляра министра просвещения Кассо, запрещавшего преподавание в «иностранческих» школах родного языка, местное учебное начальство приказало изъять его из программы⁵. Опираясь на это распоряжение, инспекторы народных училищ запрещали преподавание учебных предметов на родном языке и в школах для детей беженцев⁶.

По инициативе римско-католических благотворительных обществ и костелов в начале XX в. в Иркутске, Омске, Томске, Тобольске, Новониколаевске открылись «городские приходские училища». Они существовали на средства общины. Ко-

¹ Петроченко К.В. Латышская национальная школа в Сибири: этапы формирования и перспективы развития // Этнокультурные взаимодействия в Сибири (XVII–XX вв.). Новосибирск, 2003. С. 197.

² Латышская диаспора в Сибири [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.iclub.lv/life/LB/istorija_diaspori.htm, свободный.

³ Петроченко К.В. Указ. соч. С. 197.

⁴ Маамяги В. А. Эстонские поселенцы в СССР (1917–1940 гг.) М., 1990. С. 31.

⁵ Сибирская жизнь. 1914. 16 апр.

⁶ Сибирская жизнь. 1915. 29 нояб.

личество учебных мест колебалось от 25 в Тобольске до 81 в Омске¹. В них дети католиков могли получить элементарные знания как своего языка и законов веры, так и на русском языке общеобразовательных предметов. Приходы и школы создавались и в сельской местности. Так, в 1912 г. переселенцами из Королевства Польского была организована начальная школа в д. Вершина Иркутской губернии². Открытию таких школ власть препятствовала, борясь против «духа национальной отчужденности» и «враждебности ко всему русскому». Попечитель Западно-Сибирского округа В.М. Флоринский считал самой действенной мерой против этого русскую школу, поскольку «при совместном обучении детей-католиков и православных легче всего примиряется вероисповедная рознь и сглаживаются национальные предубеждения». Отдельные католические школы, по его мнению, «будут стремиться к целям совершенно противоположным, и в общегосударственном смысле едва ли желательны, так как они будут препятствовать слиянию молодого католического поколения с господствующей русской народностью»³.

Там, где не удавалось открыть начальные школы, создавались «тайные школы», в которых обучением детей польскому языку занимались ксендзы. В польском селе Белосток Томской губернии ксендз тайно учил детей правильно говорить, читать молитвы и писать по-польски. Школа была открыта только после Февральской революции 1917 г. и действовала до 1937 г.⁴

В годы Первой мировой войны создавались школы для детей-беженцев. В 1915 г. в Томске были открыты низшее частное училище для детей-беженцев — поляков⁵ и частная литовская школа⁶. В 1916 г. открылась школа при римско-

¹ Титова Т.Г. Католические учебные заведения в Западной Сибири // Моя Сибирь: вопросы региональной истории и исторического образования. Новосибирск, 2002. С. 58.

² ГАИО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 43. Л. 4.

³ ГАТО. Ф. 126. Оп. 1. Д. 735. Л. 2.

⁴ Ханевич В.А. Белостокская трагедия. Томск, 1993. С. 147.

⁵ ГАТО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 97. Л. 65–66, 145, 312, 316; Сибирская жизнь. 1915. 28, 30 окт., 4 нояб.; Томский вестник, 1915. 31 окт.

⁶ Утро Сибири. Томск, 1916. 6 авг.; Сибирская жизнь. 1916. 10 авг.

католическом костеле в Новониколаевске¹. В 1916 г. латышскими комитетами помощи беженцев были открыты начальные школы в Томске и Новониколаевске². Местное учебное начальство пыталось запрещать преподавание в этих школах на родном языке. Но министр народного просвещения граф П.Н. Игнатьев в циркулярном предписании указал, что школы для детей-беженцев могут существовать в соответствии с теми особенностями в отношении языка преподавания, порядка обучения и т.п., которые предусмотрены узаконениями, действовавшими в тех местностях, откуда беженцы прибыли³.

В конце XIX – начале XX в. этнические мигрантские сообщества Сибири находились на стадии образования и структурирования диаспорных институтов. Шло перемещение центра общественной жизнедеятельности меньшинств от религиозных учреждений к светским культурно-просветительным организациям и обществам. Предпринимаются попытки издания газет, расширяется сеть национальных школ. Некоторые меньшинства включаются и в политические формы самоорганизации.

5.2. Адаптация евреев в Сибири во второй половине XIX – начале XX в.

Многочисленные и компактно проживающие группы евреев в Зауралье появляются в начале XIX столетия (в Тобольске, Каинске, Омске, Томске, Иркутске, Нижнеудинске) и именно с этого момента можно говорить о еврейской диаспоре в Сибири. Подавляющее большинство евреев, несмотря на различные ограничительные меры, предпочитало жить в городах.

В первое время после водворения на отдаленной окраине их главной задачей было выживание, добыча средств к существованию, включение в местную экономику. Поэтому первые адаптационные практики евреев Сибири проявлялись в экономической сфере. Законодательство оставляло им ограниченный ряд занятий, прежде всего привычную нишу «тор-

¹ Алтайское дело. 1916. 23 авг.; Сибирская жизнь. 1916. 28 авг.

² Алтайское дело. 1916. 11 авг., 24 сент.

³ Сибирская жизнь. 1915. 29 нояб.

гового меньшинства»¹. Корреспондент Императорского Русского географического общества сообщал, что евреи в Сибири «занимаются торговлею и живут достаточно»². Другой современник писал: «Занятие евреев в Западной Сибири составляет преимущественно торговля»³.

Там, где формировались крупные еврейские общины, их вклад в экономику был весьма значительным. В частности, евреи играли ведущую роль в экономике Каинска (сейчас — г. Куйбышев Новосибирской обл.) «Особенностью коммерческой жизни Каинска было наличие в нем еврейской общины, сложившейся из переселенных с западной границы контрабандистов и их потомков». В их руках была сосредоточена практически вся мелочная торговля города. Весьма специфической была «торговля невестами»: несколько человек отправлялись в западные губернии, брали у своих земляков девочек-подростков и продавали их в Каинске⁴.

Современники так оценивали экономическую роль евреев: «...всякому, хотя бы сколько-нибудь знакомому с сибирскими евреями, невольно бросается в глаза преобладающая роль последних в мелкой и средней торговле, мелком ремесле и извозе. В некоторых городах (как, например, в Ачинске) имеется даже особый тип мелких торговцев евреев, так называемых баряхольщиков, занимающихся покупкой и продажей случайных вещей и вообще разного «хлама». А этот промысел — далеко не из завидных. В других городах процент евреев, занятых извозом (большей частью «ломовики») доходит до 15—20 и больше. Вы встречаете также сибирских евреев в списке владельцев мыловаренных, кожевенных, шорных и дробильных заводов, но и эти заведения — ничтожны по своей производительности»⁵.

Сибирские евреи активно занимались также ремеслами, чему способствовала нехватка квалифицированных специали-

¹ Дятлов В.И. Евреи: диаспора и «торговый народ» // Сибирский еврейский сб. Иркутск, 1996. № 2.

² Архив Русского географического общества (АРГО). Раз. 59. Оп. 1. Д. 15. Л. 12.

³ Гудович. Быт евреев в Сибири // Вестн. русских евреев. 1871. № 30.

⁴ Ивонин А.Р., Резун Д.Я. Каинск // Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Новосибирск, 1995. Т. 2. Кн. 1. С. 129.

⁵ Островский Ю. Указ. соч. С. 35.

стов. В конце XIX в. именно торгово-промышленные занятия были основой их экономической специализации. По переписи 1897 г., евреи, составляя всего 1,2 % самостоятельного населения Каинского округа, наибольший вклад вносили именно в торговлю, где их доля насчитывала 34,8 % от числа всех занятых в отрасли¹.

Современник так оценивал роль сибирских евреев в межэтническом разделении труда и их место в сибирском обществе: «Из России приехало в земледельческую полосу много евреев. Они устраиваются в городах и на железнодорожных станциях, живя торговлей и ремеслами. Здесь евреи гораздо сильнее сливаются с населением: их обособленность от русских не так резко заметна, как в России; вероятно, это происходит оттого, что в Сибири на них не открывают гонений и притеснений»².

Черты еврейского предпринимательства в Сибири были достаточно типичными для «торгового меньшинства». Характерно стремление найти свободную экономическую нишу, чтобы «вписаться» в экономическую структуру региона. При этом занятия евреев не должны были вступать в противоречие с существующим законодательством. В результате основным родом деятельности стала торговля. Евреи быстро осваивали, прежде всего, непрестижные для основного населения отрасли. В Сибири такими отраслями была виноторговля и, конечно же, ростовщичество. Для еврейского купечества также было характерно новаторство в торговле и промышленности. Стремясь найти свободную экономическую нишу, они часто осваивали новые сферы предпринимательства в регионе.

Успешной предпринимательской деятельности евреев способствовало отсутствие жесткой конкуренции, наличие относительно свободных ниш в экономике региона, отсталые формы предпринимательства, а также веротерпимость и в целом доброжелательное отношение со стороны местного населения. Сибирь с ее огромными неосвоенными ресурсами, слабо развитыми ремеслами и промышленностью, архаичными формами торговли открывала широкое поле деятельности. «Где за-

¹ Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 79: Томская губерния. СПб., 1904.

² Петров М. Западная Сибирь: Губернии Тобольская и Томская. М., 1908. С. 94.

шевелились евреи, там мелочная торговля процветает: еврей делается образцом и примером для неподвижного сибиряка-горожанина, которому есть чему у него поучиться. *Для Сибири еврей пригоден и полезен...* (курсив мой. — Ю.Г.) Евреи сплачиваются в ассоциации, чтобы ссылка не могла нарушить единство, и через живую непрерывную цепь из ловких евреев не обрывалась связь Нерчинска с Вержболовом, Радзивилловым и Лейпцигом»¹.

После скученности, перенаселенности и нищеты черты оседлости «этот обширный край с недостаточным населением представлял... обширное поле труда и богатства... Евреи, поселившиеся в этом благодатном крае (как они его сами называли), скорее других пришельцев могли заметить эти избыливающие богатства новой страны: переход из мест прежней постоянной их оседлости, — где они были тысячами скучены в грязных бедных местечках, — был слишком резок... Большая часть их... живет безбедно... т.н. «нищенствующей братии» вовсе нет... Поэтому сибирские евреи «не уповали даже на вторичное переселение в землю обетованную»².

Потомки русских первопроходцев умели ценить предприимчивость и практичность евреев. Современник отмечал: «Сравнивая прежние края своего жительства с тем простором, дешевиною, доходящей до баснословности, беспечностью апатичных сибиряков, евреи не могли не радоваться и скоро усердно принялись за труд и торговлю. Неутомимая деятельность и свойственная им бережливость скоро обратили внимание на них соотечественников их — христиан и приобрели им, таким образом, полное доверие... О враждебности христиан к еврейской торговле... не может быть и речи в здешнем крае. Здесь не обвиняли и не обвиняют в эксплуатации евреев... сближение евреев с христианским населением совершалось быстро и без всякого труда и принуждения»³.

Экономическая интеграция и успех были невозможны без освоения местного языка, норм общения, стереотипов поведения. Современник отмечал: «Относительно перевоспита-

¹ Максимов С.В. Сибирь и каторга. Ч. 1: Несчастные. СПб., 1871. С. 128.

² Гудович. Указ. соч.

³ Там же.

ния еврея в сибиряка замечено... Евреи в Сибири одеваются по-русски, женщины ничем не отличаются от сибирских мещанок. По костюму в среде местного населения они не представляют особенной группы. Только физиономия обособляет их... поколение, народившееся в Сибири, не знает польского и довольно сильно в русском. Третье поколение забывает и еврейский язык и даже дома со своими непременно говорит по-русски... В четвертом, третьем поколении неофита все следы еврейства совершенно сглаживаются¹. Получает распространение употребление русских фамилий².

Сходная ситуация отмечалась и в начале XX столетия: «С течением времени типическая внешность бывшего еврея «черты» стирается мало-помалу, и он, часто незаметно для себя, становится рабом окружающей среды — он подражает, внешним образом ассимилируется и начинает любить свою новую родину»³. Газеты писали: «еврей в Сибири ничем не отличается от сибиряка другой национальности ни по внешнему облику, ни по образу жизни, и даже в религиозной твердыне пробита заметная брешь»⁴. Это объяснялось тем, что «Сибирь, со своими крупными особенностями, с исключительными требованиями, умела превратить в сибиряков безразлично инородцев и иноземцев»⁵. Адаптация евреев в сибирском социуме происходила в форме аккультурации, а не ассимиляции, на что уже обращали внимание исследователи⁶.

В результате адаптационных процессов к концу XIX в. сибирские евреи образовали достаточно специфическую общность. Они заметно отличались по своему образу жизни, экономическому и социальному положению, культурно-психологическому типу от евреев и черты оседлости, и других регионов империи. Складывается также особый тип их мен-

¹ Максимов С.В. Указ. соч. С. 128.

² Тихонов Т.И. Еврейский вопрос в России и Сибири. СПб., 1906. С. 46.

³ Островский Ю. Указ. соч. С. 37–38.

⁴ Моравский В. Сибирские евреи и конституция // Сибирские вопр. 1909. № 35. С. 16.

⁵ Максимов С.В. Указ. соч. С. 363.

⁶ См.: Кальмина Л.В. Диаспоры в Сибири: закономерности и особенности интеграции (середина XIX – начало XX в.) // Адаптационные механизмы и практики в традиционных и трансформирующихся обществах: опыт освоения Азиатской России. Новосибирск, 2008. С. 87.

тальности. Исследователи отмечали их зажиточность, меньшую набожность, близость по образу жизни, характеру и привычкам к местному русскому населению, развитое чувство достоинства, свойственное сибирякам в целом¹.

Место евреев в социальной системе во многом определялось спецификой Сибири как района интенсивной колонизации. Сибирь издавна была перекрестком культур и народов. Сибиряки интенсивно контактировали с представителями иных народов, верований, культурных традиций. Это во многом определило толерантность местного населения к «иным». Еврейское население не имело, как правило, в глазах сибиряков образа «чужака», порождающего враждебность. В.Ю. Рабинович пишет: «Как и большинство сибиряков, они были либо преступниками, нарушившими закон, либо авантюристами и искателями приключений, либо хваткими, образованными и предприимчивыми коммерсантами. В психологическом портрете этих людей преобладали... деловая сметка, высокая социальная активность и мобильность, терпимость к инакомыслию, отсутствие раболепия перед властью, чинами и чиновниками, склонность к либеральным политическим течениям, яркий индивидуализм, странно сочетающийся с корпоративностью и коллективизмом... Важно, что в окружающем обществе преобладал тот же психологический тип. Евреи не выглядели ни бунтарями, ни «белыми воронами». Их качества, став обычными для края, не вызвали инстинктивного отторжения, характерного для западных губерний»².

Антисемитских настроений, бытового антисемитизма в Сибири почти не наблюдалось, что также способствовало быстрой адаптации. Средним и низшим слоям населения, особенно местным уроженцам, было свойственно вполне терпимое отношение к евреям. Сибирь почти не знала еврейских погромов. Русские купцы в Сибири очень часто были компаньонами и контрагентами евреев, подтверждая известную истину, что капитал интернационален. Ю. Островский выска-

¹ Романова В.В. Государственная политика в отношении еврейского населения Дальнего Востока России в 60-е гг. XIX – 20-е гг. XX в.: автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. М., 2001. С. 24.

² Рабинович В.Ю. Евреи дореволюционного Иркутска: меняющееся меньшинство в меняющемся обществе. Красноярск, 2002. С. 117.

зал распространенную точку зрения: «Еврейского вопроса — в обыденном смысле — нет в Сибири и быть не может»¹.

В то же время со стороны чиновников, в большинстве своем выходцев из европейской части страны, отношение к евреям было часто негативным. Они несли с собой нетерпимость и антисемитизм. Резкий рост численности еврейского населения тревожил представителей властных структур всех уровней. Вот что писал один из таких чиновников: «...попадают часто жида. Их в Тобольске много. Они промышляют здесь ростовщичеством, наживаясь за счет мелкого чиновничества, находящегося в поголовной зависимости от своих иерусалимских благодетелей»². «Не занимаясь ни хлебопашеством, ни скотоводством и избрав для себя одну только отрасль промышленности — тайную беспатентную торговлю вином, они служат тяжелым бременем для местного населения, эксплуатируя его на все возможные манеры. Ростовщичество и сбыт краденых вещей — самые излюбленные занятия евреев и этим объясняется тот факт, что они через год, через два по прибытии путем ссылки в Сибирь из нищих делают людьми весьма достаточными и, обзаведясь порядочными домами, шеголяют и дорогими костюмами, и разного рода драгоценностями. Изошрив себя в искусстве прятать концы в воду, Израиль весьма редко попадает в преступления уголовного свойства, но и облепченный в них, он разными изворотами и пронырством избегает большую часть кары закона»³.

К задаче выжить и обосноваться прибавляется потребность в национальном самосохранении. Важнейшую роль играла религия, способствовавшая укреплению национального самосознания и сохранению национальной самобытности. Как отмечает Л.В. Кальмина: «Рано или поздно диаспоры были обречены, *даже в ущерб модернизации, выразившейся в ряде случаев в интеграции в русскоязычное православное общество* (курсив мой. — Ю.Г.), сделать поворот к традиции. Это естественный и закономерный этап их развития, когда появление общины-анклава, носителя определенных национальных и культурных

¹ Островский Ю. Указ. соч. С. 18.

² Павлов А. 3000 верст по рекам Западной Сибири: очерки и заметки. Тюмень, 1878. С. 37.

³ Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 год. Тобольск, 1884. С. 51–52.

традиций, становится инструментарием взаимодействия личности с окружающей средой»¹. Это реализовалось в активных попытках наладить общественную и религиозную жизнь. Об этом свидетельствует резкое увеличение потока прошений об открытии молитвенных учреждений².

Со временем евреи все больше вовлекаются в общественную жизнь сибирских городов. Типична обширная общественная деятельность М.Я. Мариупольского, который, несмотря на занятость бизнесом и большой семьей, избирался гласным Омской городской думы, членом Омского отдела Московского общества сельского хозяйства. Он избирался омским купечеством и в качестве представителя в канцелярию податного инспектора, состоял попечителем Гоголевского мужского училища³. Участие евреев в общественной жизни региона становилось важнейшей адаптационной практикой. Одновременно она давала возможность поддерживать членов общины, способствовала укреплению внутриобщинных связей и сохранению идентичности.

В силу разного времени водворения, срока проживания в регионе, обстоятельств переселения, социального и имущественного положения, евреи Сибири значительно различались по уровню адаптации и интеграции. Различные группы (евреи-«старожилы», кантонисты, уголовные и политические ссыльные) адаптировались в разной степени и «на разных скоростях», что вело к расслоению общин и конфликтам. Служивший в Омске офицер писал: «Евреи сибирские поселенцы, во многом отличаются от своих западнорусских собратьев: женщины их наряжаются как местные мещанки, мужчины же, подобно прочим разночинцам, носят кафтаны. Мне случалось с сказанными евреями вступать в разговор и припоминать им одноплеменников, обитателей Западной России, но они,

¹ Кальмина Л.В. Диаспоры в Сибири... С. 89.

² Подробнее см.: Гончаров Ю.М. Религиозная жизнь как форма национальной самоорганизации еврейских общин Западной Сибири в середине XIX – начале XX в. // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2010. № 2 (13). С. 168–174.

³ Киселев А.Г. Миней Мариупольский и другие (50 омских капиталистов). Омск, 1995. С. 18–19.

по-видимому, презирают последних, называя их капсанами»¹. Томские евреи-старожилы не допускали солдат-кantonистов к исполнению религиозных обрядов в синагоге, что привело к созданию Томской солдатской молитвенной школы².

В ходе адаптационных процессов произошло формирование особой группы сибирских евреев. Как пишет Л.В. Кальмина: «Формировавшееся при отсутствии устоявшейся культурной среды и традиционных институтов, консервирующих национальную жизнь, сибирское еврейское общество показало пример практически безболезненной инкорпорации евреев в сибирскую субкультуру. Без особых усилий самодержавия по русификации еврейской массы, без целенаправленной политики по включению еврея в российскую жизнь царское правительство получило столь желаемый «продукт» – почти русского гражданина, ничем не отличающегося ни по говору, ни по одежде, ни по характеру и привычкам, ни по образу жизни и мыслей»³. Евреи сумели успешно интегрироваться в сибирское общество и адаптироваться к новым условиям, сохранив при этом свою национально-конфессиональную идентичность и сумев не перейти грань между аккультурацией и ассимиляцией.

5.3. Коллективные стратегии адаптации поляков в Сибири

Процесс адаптации поляков в Сибири, трансформация их идентичности – проблемы, интересовавшие российских и польских историков достаточно давно. Уже в мемуарах ссыльных мы находим описание польских колоний или встреч с соотечественниками, раньше их оказавшимися в Сибири. Их национальную идентификацию мемуаристы оценивают, как правило, по следующим внешним факторам: говорит ли соотечественник по-польски, сохранил ли веру отцов, вступил ли в смешанный брак. В случае отсутствия этих ориентиров поляков выявляют, опираясь на звучание фамилий, особенности

¹ Белов И. Путевые заметки и впечатления по Западной Сибири. М., 1852. С. 21.

² Галашова Н.Б. Евреи в Томской губернии во второй половине XIX – начале XX в. Красноярск, 2006. С. 157.

³ Кальмина Л.В. Диаспоры в Сибири... С. 87.

одежды, быта или «польский тип лица». Можно назвать как примеры сохранения польскости, так и национального обезличивания и явного обрусения. Между тем в литературе закрепился оптимистический вывод З. Либровича о том, что поляки, за малым исключением, не утратили в Сибири, ни своих национальных черт ни гражданско-патриотического чувства¹.

Б.С. Шостакович предложил для обозначения «практического осуществления российско-польских связей в условиях Сибири» и «выработки в повседневной жизненной практике новых традиций и норм взаимоотношений польского национального элемента с сибиряками» термин «осибирячивание»². С одной стороны, «осибирячивание» сводится к адаптации. Сквозь призму этого явления исследователи рассматривают практически всю деятельность поляков в Сибири. С другой стороны, появление этого термина ставит проблему качественного отличия процессов адаптации поляков на территории Сибири, подчеркивает разницу процессов обрусения и осибирячивания.

Первые относительно крупные группы поляков – военнопленные и добровольные переселенцы появляются в Сибири в XVII в. Большинство из них были зачислены в конные и пешие казаки и несли службу в гарнизонах. Когда военнополитическая обстановка в Сибири нормализовалась, а количество гарнизонов сократилось, многие поляки переселились на заимки в уезд³. В.Г. Волков приводит многочисленные примеры, когда поляки становились основателями сибирских деревень⁴. Но они не стали так называемыми этническими деревнями, поскольку потомки поляков довольно быстро сли-

¹ Librowicz Z. Polacy w Syberii. Kraków: G. Gebethner i Spółka, 1884 // Biblioteka Zesłańca. Wrocław, 1993. S. 360.

² Шостакович Б.С. Поляки в Сибири в 1870 – 1890-е годы (из истории русско-польских отношений в XIX веке): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1974. С. 28.

³ Люцидарская А.А. Служилые поляки в Томске (по материалам XVII столетия) // Сибирско – польская история и современность: актуальные вопросы: сб. материалов междунар. науч. конф. / редкол. Б.С. Шостакович и др. Иркутск, 2001. С. 24 – 25.

⁴ Например, в Томском уезде деревня Литвинова была основана Литвиновыми, Бжицкая – Бжицкими, Лучанова – Болтовскими, деревни Ставская – Ставскими, Жуковская и Маркелова – Жуковскими, Игловская – Игловскими, село Богородское – Сваровскими и т.д.

лись и по языку и по этническому самосознанию с остальным русским населением¹.

Во второй половине XVIII столетия за Уралом оказались ссыльные участники Барской конфедерации. Большинство их ожидала служба в сибирских гарнизонах в звании рядовых. Конфедераты в Сибири достаточно быстро утрачивали национальную идентификацию. Военная служба создавала возможность тесного взаимодействия поляков с русскими солдатами, помогала усваивать язык, обычаи, социальные нормы нового государства. Как правило, поляки принимали российскую присягу, а выйдя в отставку, вступали в брак с местными уроженками. В результате потомки конфедератов, кроме фамилий, не имели уже ничего польского². Процесс национального обезличивания затронул и тех конфедератов, кто проживал в сельской местности компактными группами. По свидетельству З. Либровича, в Западной Сибири недалеко от Семипалатинска существовали две деревни, жители которых не говорили по-польски, однако считали себя барскими конфедератами. Он также ссылается на воспоминания Рейхмана, где упоминается деревня Бар, находящаяся над Селенгой. По рассказам местных жителей, деревня в свое время была заселена ссыльными конфедератами. Если это так, то они полностью ассимилировались³.

В XIX в. увеличивается польская диаспора в регионе. Существенной её составляющей становятся добровольные переселенцы, часто прибывавшие в Сибирь вместе с семьями. Наиболее крупные колонии складываются в сибирских городах. Именно здесь появляются очаги польской культуры, вокруг которых концентрируются как ссыльные, так и добровольные переселенцы. В первую очередь, это большие семей-

¹ Волков В.Г. Поляки – основатели населенных пунктов Томского уезда. XVII – XVIII века // Сибирская деревня: история, современное состояние и перспективы развития: Материалы VII Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию Омск. гос. агр. ун-та и 180-летию агр. науки в Зап. Сиб. (Омск, 27-28 марта 2008 г.): в 3 ч. Омск; Изд-во Омск. агр. ун-та, 2008. Ч. 1. С. 368 – 369.

² Kuczyński A. Syberia. 400 lat polskiej diaspory. Zesłania, martyrologia i sukces cywilizacyjny polaków. Rys historyczny. Antologia. Kraków: Wydawnictwo "Kubajak", 2007. S. 66.

³ Librowicz Z. Ibidem. S. 55.

ные дома, ставшие центром культурной и психологической поддержки, «настоящей пристанью для земляков»¹. Встречи в «польских домах», празднование именин, национальных и религиозных праздников, совместное проживание и ведение хозяйства — все эти многочисленные примеры, отразившиеся в мемуарной литературе, позволили польским исследователям В. Сливовской и Я. Трынковскому предположить, что сосланные в Сибирь в XIX в. поляки проявили определенную склонность (или прямо потребность) к сосредоточиванию и самоорганизации². Ярким примером этого стали многочисленные общества вспомоществования, в том числе наиболее известные и организованные — забайкальский и иркутский «ogóły». Они являлись своего рода диаспорной общиной, моделировали коллективные поведенческие стратегии и пытались улучшить психологические, социальные и материальные условия существования ссыльных. В рамках польских обществ взаимопомощи явно обозначается установка на внутриэтнические браки и ограничение контактов с принимающим обществом. Подобные попытки групповой адаптации с одновременным сохранением польской идентичности имели место и у ссыльных участников январского восстания 1863 г. Но возникающие повсюду общества вспомоществования оказались недолговечными. Контроль правительства и неоднородность польских колоний не позволили сложиться диаспорной общине, а тактика сегрегации противоречила объективным потребностям жизни и не находила отклика у соотечественников.

Новый импульс самоорганизации польской диаспоры пришелся на конец XIX в. Он был связан, по преимуществу, с добровольной миграцией поляков. Именно в этот период создаются этнические польские деревни, а в городах многочисленные польские филантропические организации, римско-католические благотворительные общества, землячества.

¹ Сливовская В. Сибирские тени. О польских женщинах в межповстанческий период ссылки // Сибирская ссылка: сб. науч. ст. Иркутск: Оттиск, 2000. С. 93.

² Śliwowska W., Trykowski J., „Ogóły” — organizacje samopomocowe polskich zesłańców we Wschodniej Syberii w l. 40. i 50. XIX w. // *Życie jest wszędzie... Всюду жизнь... Ruchy społeczne w Polsce i Rosji do II wojny światowej. Zbiór materiałów z konferencji 16 – 17 września 2003 r.* Warszawa. Pod redakcją Anny Brus. Warszawa: Neriton, 2005. S. 147.

Безусловно, деятельность этих объединений способствовала консолидации польских колоний, расширению сферы функционирования польского языка и культуры. Для новой волны переселенцев они создавали возможность «мягкой» адаптации при сохранении польскости, но применительно к ссыльным 1863 г. решали в основном задачи реполонизации. Сибирские города были вне зависимости от состава населения «русскими», с точки зрения языка и общегородской культуры, а облик городских польских колоний этого периода достаточно демократичным. Поэтому денационализация среди ссыльных, проживавших в городах, имела большие масштабы. «...Мы встречаем многих сосланных в 1863 г., которые, поживившись с россиянками, не только своих детей не научили польскому языку, но и сами забыли свой язык, — писал корреспондент «Иллюстрированного еженедельника» о польской колонии в Омске. — Совсем немного осталось уже ветеранов последнего восстания, которые сберегли от разрушения себя самих и свои семьи»¹. О деморализации и вырождении поляков Иркутского прихода писал ксендз Ф. Жискар. Истоки этих явлений он видел в отсутствии религиозного контроля над ссыльными и в распространении смешанных браков. Практически все повстанцы сохранили свой язык, но не смогли обучить ему своих детей, жен и друзей². Высланные насильно, поляки жаждали вернуться на родину, боялись потерять идентичность и навсегда остаться в Сибири. И все равно постепенно растворялись в принимающем обществе.

О жизни поляков в сельской местности в первой половине XIX в. известно немного, хотя сельским хозяйством и огородничеством занимались многие, даже каторжники. Исследователи рассматривают судьбы отдельных поляков, но оценить степень их обрусения, как правило, не удается. Можно согласиться с тем, что «при компактном проживании полякам было легче выжить и адаптироваться в Сибири, сохранив свою

¹ Kolonie polskie na Syberii (kor. № 1 "Tyg. Ilustrow.") // Tygodnik Ilustrowany. Rok 1907. Polrocze 1-sze. № 7. S. 148 – 149.

² Nowiński F. Polonia irkutska na początku XX w. – portret ybiorow w kryzycie // Dawna a nowa Rosja (z doświadczeń transformacji ustrojowej). Studia ofiarowane Profesorowi Janowi Sobczakowi w siedemdziesiątą rocznicę urodzin. Warszawa, 2002. S. 346.

национальную идентичность даже при условии смешанных браков»¹. Являясь жизненной необходимостью, брак с сибирячкой не всегда свидетельствовал о готовности поляков к ассимиляции. В 1870-е гг. томский губернатор А. Супруненко полагал, что ни брак, ни хозяйство не смогут удержать польских переселенцев в Сибири, если им разрешат вернуться на родину. «Слово родина звучит так заманчиво, что все водворенцы поднимутся, как один человек, бросят свои православные семейства, продадут за бесценок накопленное десятилетними трудами имущество, а придя домой, не найдут ничего и сделаются ожесточенными пролетариями». При этом перспективы обрусения поляков он оценивал положительно: «если не трогать с места водворенцев, то через 50 лет все они будут православными или, по крайней мере, совершенно русскими»².

Компактные сельские поселения поляков появляются в основном во второй половине XIX в., когда «на водворение» были отправлены более 80 % сосланных в Сибирь участников январского восстания. Поляков приселяли к селам старожилов, пытаясь максимально рассредоточить среди местного населения. Но в ряде сельских населенных пунктов складываются крупные польские колонии численностью в 30-40 человек.

Ссылные пытались сохранить свою культурную самобытность и дистанцироваться от старожилов. Например, в 1875 г. Иосиф Пелиховский по просьбе 40 польских переселенцев Баженовской волости обратился в МВД с просьбой пояснить правовое положение польских переселенцев, наделить их земельными участками в каждой деревне подушно (как пашнями, так и покосами) и отделить поляков от старожилов³. Обозвать собственное компактное поселение высказали желание и польские переселенцы села Старый Тартас Усть-Тартасской волости³. В итоге сосланные «на водворение» повстанцы стали

¹ Туманик Е.Н. Адаптация в Западной Сибири ссылных поляков (первая треть XIX в.) // Адаптационные механизмы и практики в традиционных и трансформирующихся обществах: сб. науч.тр./отв. ред. О.Н. Шелегина; Новосибир. гос. ун-т. Новосибирск, 2006. С. 74.

² ИсАОО. Ф. 3. Оп. 7. Д. 11367. Л. 6 – 7 об.

³ Майничева. А.Ю. Польские переселенцы в Томской губернии (середина XIX в.). [Электронный ресурс] / А.Ю. Майничева // Сибирская заимка. Режим доступа: http://www.glory.nsu.ru/projects/siberia/to_sun/maynich3.shtml, свободный.

базой для появления в Сибири польских деревень. Но основная их масса была основана польскими крестьянами, добровольно переселившимися в Сибирь в начале XX в.

По мнению исследователей, на рубеже XIX – XX вв. польские крестьяне имели больше шансов сохранить свой язык и обычаи, чем их соплеменники из рабочих и интеллигенции, проживавшие в сибирских городах¹. Крестьянский быт стал своеобразным консервирующим элементом. По данным Л.К. Островского, в конце XIX – начале XX в. только в Томской губернии было более 60 населенных пунктов, где проживали польские переселенцы в количестве 20 и более человек². Всего же поляки в 1920 г. составляли 0,6 % населения Сибири. Процент поляков относительно местных жителей был выше в городах, нежели в сельской местности. Ряды поляков пополняли переселенцы с территории Западного края. В отношениях с сибиряками у них на первый план выходила польская самоидентификация, и такой процесс имел место, прежде всего, среди католической шляхты.

В сельском обществе едва ли не главной составляющей этнической идентификации становилась религиозная принадлежность. «У них даже еще национального самосознания нет, а только религиозное», – так характеризовал советский чиновник польских и белорусских переселенцев с. Маличевка в начале 1920-х гг.³ Рост католического населения в Сибири сопровождался строительством католических храмов. С 1881 по 1906 г. только в Западной Сибири возникли следующие католические культовые здания: молитвенные дома в пос. Деспотзиновском Омского прихода (1898), Белостоке (1902), Двуречном (1905) Томского прихода; часовни в Новониколаевске (1902), Бийске (1905), филиальный храм в Тюмени (1903); приходские храмы в Ишиме (1902), Кургане (1904), Мариинске (1904). В 1901 г. начато строительство нового каменного здания церкви

¹ Островский Л.К. Польские крестьяне в Сибири (1890-е – 1930-е гг.) // Сибирско-польская история и современность. . . С. 123.

² Он же. Польские крестьяне в Сибири на рубеже XIX – XX вв. // Гуманитарные науки в Сибири. 2009. № 2. С. 39.

³ Сибирский Белосток: сб. док. и материалов. Томск, 1998. С. 50.

в г. Тобольске¹. В Енисейской губернии появляются костелы в деревнях Канок и Креславка². Польский исследователь А. Майдовский приводит множество примеров, когда сельские жители поднимали вопрос о строительстве костелов, но не могли добиться успехов. Например, в 1907 г. переселенцы д. Ботвино Тарского округа ходатайствовали о строительстве деревянного костела. В Тюкалинском районе с подобной просьбой обратились к властям переселенцы из Подолья и Волыни, проживавшие в пос. Елизаветинском³. Видимо, не только появление костела, но и наличие просьб о его строительстве в определенной мере свидетельствует о формировании в той или иной местности католических колоний.

Революция и Гражданская война, репрессии 1930-х гг., гонения на церковь, ускоренная урбанизация, ликвидация перспективных деревень в 1970-е гг., эмиграция поляков в 1990-е гг. — эти события трагически сказались на судьбах вышеупомянутых населенных пунктов. Большинство польских деревень сегодня не существует или потеряло свою национальную специфику. Исключением можно считать деревни Вершина Иркутской области и Александровка Красноярского края. Они сохранились как этнические и являются сейчас объектом изучения этнологов и историков. Их уникальность не только в том, что их жители до сих пор говорят на польском языке и считают себя поляками. Эти деревни представляют собою два специфических варианта адаптации поляков в Сибири.

Александровку основали переселенцы Волынской губернии, в основном семьи поляков-мазуров, которые переселились на Волынь еще в XIX в., однако сохранили свою национальную идентичность и язык. Большинство из них по вероисповеданию были лютеранами. На новом месте они попали под

¹ Недзелюк Т.Г. Римско-Католическая Церковь в полиэтничном пространстве Западной Сибири 1881 – 1918 гг. Новосибирск: Изд. Дом «Прометей», 2009. С. 38.

² Leończyk S. Budowa kościołów katolickich dla osiedleńców polskich w Kresławce i Kanoku w guberni jenißejskiej na początku XX wieku // Archiwa. Biblioteki i muzea kościelne. Organ Instytutu Archiwów, Bibliotek i Muzeów Kościelnych w Katolickim Uniwersytecie Lubelskim Jana Pawła II. Półrocznik. Tom 92 (2009), Lublin 2009. S. 141-147.

³ Majdowski A. Kościół katolicki w Cesarstwie rosyjskim. Syberia. Daleki Wschód. Azja Środkowa. Warszawa: wydawnictwo NERITON, 2001.

влияние группы других переселенцев, по вероисповеданию — баптистов. Адаптационный путь этой деревни схож с судьбой поселений русских староверов в Сибири, сохранивших свою замкнутость, религиозную и хозяйственно-бытовую специфику. В этой же связи стоит упомянуть «поляков-самозванцев» — раскольников, бежавших в XVII в. от преследований в Западный край, а после сосланных Екатериной II в Сибирь. Несмотря на краткое пребывание в польской среде, они переняли ряд внешних бытовых и культурных традиций поляков и стали идентифицироваться местным населением как поляки. Сибирские власти опасались насильно обращать «польских поселщиков» в православие. Находясь на самой границе Российского государства, они могли ради сохранения своих религиозных ценностей отказаться от российского подданства в пользу Китая или других азиатских народов¹.

Жители Вершины — потомки переселенцев из Келецкой и Петроковской губерний Царства Польского тоже оказались в пограничной зоне российского влияния. Их адаптация проходила в окружении бурятского этноса. Инородческое окружение способствовало сохранению культурной самобытности, поскольку основная ось культурного диалога на этой территории шла по линии русские — инородцы. Примеры «обынородчивания» поляков нам не известны. Либрович приводит рассказ Ф. Чаплицкого о польско-остяцких и польско-тунгусских колониях. Беглые каторжники, поселенцы и другие ссыльные брали в жены девушку из инородцев: остячку или тунгуску и перенимали традиции инородцев. Но при этом сохраняли свою национальную идентификацию. Говорили по-русски и по-остяцки, но между собою только по-польски².

Таким образом, этническая и конфессиональная размытость сибирского общества порождала столь же нечеткие варианты идентификации этнических мигрантов. Процесс осибирячивания более всего проявился у добровольных польских мигрантов. Они имели больше шансов на единоверный брак, общение в среде соотечественников и при этом без опасения примеряли на себя роль сибиряка, сохраняя память об исто-

¹ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 2. Д. 2020. Л. 27 об.

² Librowicz Z. Ibidem. S. 357 — 358.

рической родине. Появление региональной идентичности искажало традиционное понимание польскости. На первый план выходила религиозная составляющая, что примиряло их с мигрантами-католиками из других регионов империи, либо происходило заимствование внешних форм хозяйственной жизни аборигенного населения при сохранении языка и польской идентичности. Сохранить культурную обособленность и этническую замкнутость в мультикультурном регионе было достаточно сложно, особенно польским ссыльным, выживание которых во многом зависело от налаживания контактов с принимающим обществом. Лишь на пограничье русского влияния стала возможна сегрегация поляков и других религиозных и этнических групп.

5.4. Почему не возникают диаспоры. Польско-белорусский случай в Омском Прииртышье конца XIX – 20-х гг. XX в.

Иногда рассказ о том, почему диаспоры при всех необходимых условиях все-таки не возникают, может оказаться не менее полезным, чем повествование о том, как и благодаря чему они создаются. В случае удачного завершения процесса диаспоральной организации ряд изменений идентичности, приведший к этому результату, оказывается скрыт от участников процесса либо сознательно предан забвению. Поэтому сюжеты, связанные со становлением этнической идентичности диаспор, оказываются за пределами внимания создателей исторических источников. Если проблема решена, то процесс ее решения забывается или упрощается участниками. Если же процесс не был завершён, в источниках откладываются те детали и подробности, которые ускользают от внимания участников завершённого процесса. Однако в нашем случае нельзя сказать, что в статистических и других исторических источниках неоконченная картина формирования диаспоры детально сохранилась. Многие пробелы удается частично компенсировать использованием полевых этнографических материалов, собранных в ходе бесед с потомками польских и белорусских

переселенцев, которые были вовлечены в процесс создания польской и белорусской диаспор на сибирской земле.

Пути обрусения поляков. В XIX в. польское население попадало в Сибирь преимущественно в результате ссылки. Всех осужденных за косвенное или прямое участие в польских восстаниях в официальной документации называли «поляками», «польскими повстанцами», а ссылаемых на водворение в Сибирь — «польскими переселенцами», вне зависимости от социальной, конфессиональной и этнической принадлежности. После амнистии 1883 г. некоторые сосланные в Сибирь «поляки» и их потомки поселились в Среднем Прииртышье, образовав отдельные деревни — Деспотзиновку в Баженовской волости Тюкалинского округа, пос. Поляки в Аевской волости и пос. Верхне-Уразаиский в Седельниковской волости Тарского округа.

Поселок Уразаиский был основан в 1893 г. добровольными переселенцами из Минской губернии. Основателями являлись десять семей мелкой чиншевой шляхты из различных местечек Борисовского и Игуменского уездов Минской губернии¹. Большинство переселенцев являлись католиками (кроме православных Бабицких и Чистовых). Католическая шляхта в западных губерниях Российской империи, как правило, имела польское этническое самосознание, чему в немалой степени способствовала официальная политика имперских властей, ставящих знак равенства между понятиями «католик» и «поляк»².

Многие фамилии жителей поселка — Константиновичи, Скуратовичи, Муравские — встречаются в списках высланных в 1864 г. повстанцев Минской губернии³. При этом сами осно-

¹ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 417. Оп. 2. Д. 2405. Лл. 1-11об.

² Борисёнок Ю.А. Белорусско-русское пограничье в условиях Российской империи (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.) // *Вопр. ист.* 2003. № 3. С. 119; Виск Т.Р. «Мы» или «они»? Белорусы и официальная Россия, 1863-1914 гг. // *Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: антология.* М., 2005. С. 597-598; Шинкевич С., Заринов И.Ю. Поляки Российской империи и СССР: историческая справка и характеристика современной ситуации // *Исследования по прикладной и неотложной этнологии.* М., 1992. Сер. А. Документ № 27. С. 5–6.

³ В 1868 г. в г. Ишиме находился в ссылке «политический ссыльный из дворян» Минской губернии Игуменского уезда околицы Володуть Яков Иосифов Скуратович и его жена Юзефа

ватели пос. Уразайского не являлись участниками революционных событий: в 1863 г. они были еще детьми. Основатели поселка были единым родственным коллективом, объединенным отношениями свойства. Это объясняет наличие крестьянской семьи Николая Чистова в обществе шляхтичей – он был женат на потомственной дворянке Анне Юшкевич, а его сестра Ксения была замужем за дворянином Антоном Скуратовичем¹. После переписи 1897 г. в поселок приселяются к своим родственникам еще четыре семьи: шляхтичей С.К. Лукашевича и Б.А. Скуратовича, мещанина И.Ф. Татаржицкого, крестьянина И. Гавелко. Их потомки в 1934 г. были записаны поляками².

Поляки стремились зафиксировать свою социальную принадлежность, сделать ее видимой для окружающего, преимущественно крестьянского населения. Это выразилось в переименовании поселка Уразайского в Минско-Дворянский. Действия по защите своей социальной идентичности были связаны с активным заселением Тарского округа в начале XX в. крестьянами-переселенцами из Минской и Могилевской губерний. Таким образом, минская шляхта переселилась на сибирскую землю уже спаянным организованным коллективом, обещающим стать прочной основой для формирования польской диаспоры в Тарском урмане.

По переписи населения 1897 г. в пос. Уразайском проживало 66 человек, из них 52 человека были римско-католического исповедания, а 14 – православными³. За 1897 – 1926 гг. население поселка значительно увеличилось, что было связано с подселением новых семей, которые в более поздних источниках указаны поляками. По переписи 1926 г. в пос. Минско-Дворянском проживало 153 человека обоего пола и численно преобладало белорусское население⁴, а по материалам похо-

(в девичестве Бобровских) (ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 4. Д. 242. Л. 7.).

¹ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 417. Оп. 2. Д. 2405. Л. 3 об, 10 об.

² ГУТФ ИсА 719. Оп. 1. Д. 1. Л. 29, 30-32 об, 34 об, 42 об, 43 об.

³ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 417. Оп. 2. Д. 2405. Л. 1-11 об.

⁴ Список населенных мест Сибирского края. Новосибирск, 1928. Т. 1. С. 34.

зайственной книги за 1934 г. числилось 169 человек, из них 153 человека были названы поляками¹.

Почему же население, считавшее себя поляками до переписи 1926 г. и после нее, в материалах самой переписи оказалось белорусским? Видимо, перепись 1926 г. в большой степени отражала пожелания центральных властей, для которых польская национальность выглядела неблагонадежной. Похозяйственные книги составлялись местными работниками сельсовета, которые учитывали мнения самих жителей, для которых *польскость* отождествлялась со шляхетским происхождением и римско-католической верой, а белорусская национальность с православием и крестьянским происхождением. Подобные стереотипы бытовали и среди мелкой шляхты в самой Беларуси. Правда, дворяне Бабицкие, которые были православными, писались «беларосами».

В начале 1920 г. при отделе народного образования исполнительного комитета Омского губернского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов создается подотдел просвещения национальных меньшинств, состоящий из семи секций: киргизо-татарской, украинской, немецкой, латышской, эстонской, польской и еврейской². Чтобы определить фронт просветительских работ, его сотрудники были вынуждены собирать по крупицам информацию о количестве в губернии соответствующих секциям национальностей, пользуясь непроверенными источниками. В итоге, «по приблизительным данным», как было сказано в «Докладе о состоянии просвещения национальных меньшинств... с 1 августа 1920 г. по 1 июня 1921 г.», в Омской губернии насчитывалось 31 700 поляков³. Цифра была явно завышена, в последующих отчетах подотдела за 1921 г. количество поляков в губернии оцени-

¹ ГУТФ ИСА. Ф. 719. Оп. 1. Д. 1. Л. 28-44.

² ГУ ИСА. Ф. 318. Оп. 1. Д. 1133. Л. 38 об.

³ ГУ ИСА. Ф. 318. Оп. 1. Д. 1133. Л. 38. Современные исследователи – представители польских национальных обществ – склонны приводить эту цифру без каких-либо комментариев, как соответствующую истинному положению дел (Леончик С.В. Добровольное переселение крестьян из Люблинской губернии в Западную Сибирь в начале XX в. // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: сб. науч. тр. Омск, 2010. Ч. 2. С. 396).

валось в 11 000 человек¹. Однако и эти данные, как отмечали чиновники наробраза, «лишь приблизительные». Постоянные ссылки на приблизительность статистических данных о национальном составе Омской губернии связаны с провалом первой советской переписи населения 1920 г., чьи результаты так и не были обнародованы.

В соответствии с национальной политикой советской власти, представители одной национальной группы должны быть организованы в национальные сельсоветы. Однако к 1927 г. в Тарском округе, где проживало 2 166 поляков, не было организовано ни одного польского национального сельсовета². В то же время здесь насчитывалось 2 093 эстонца, 1 943 латыша, 364 финна, для которых было создано три латышских национальных сельсовета, два эстонских и один финский. Судьбу поляков в Тарском округе разделили чуваша, их насчитывалось чуть больше — 2 923 человека, но они также не имели собственных национальных хозяйственно-административных объединений³. Отсутствие польских сельских советов можно было бы объяснить дисперсным расселением поляков, о котором позаботились еще имперские власти. Однако в результате добровольного переселения поляков в начале XX в. некоторые деревни превратились в центры польской диаспоры, как это произошло с д. Гриневицы (Ильчук) Атирской волости Тарского округа⁴. Более того, как было показано на примере поселков Поляки и Минско-Дворянском, польское население в буквальном смысле переписывали в белорусское.

В 1930-х гг. в ходе кампании против «врагов народа» ряд польских семей из пос. Минско-Дворянского были репрессированы. Спасти от репрессий не помогло и революционное прошлое предков минских дворян. После Второй мировой войны сибирские потомки минской шляхты сами стали ме-

¹ ГУ ИСА. Ф. 318. Оп. 1. Д. 1133. Л. 76.

² ГУТФ ИСА. Ф. 112. Оп. 1. Д. 974. Л. 3.

³ Там же.

⁴ Крих А.А. Белорусы, русские или поляки? К вопросу об этнической идентификации населения в Сибири // Сибирский субэтнос: культура, традиции, ментальность: материалы III Всерос. науч.-практ. интернет-конф. на сайте sib-subethnos.narod.ru. Красноярск, 2007. С. 142–157.

нять в официальных документах национальность с польской на русскую¹.

Таким образом, на протяжении долгого времени переселенцы в поселке Минско-Дворянском стремились сохранить шляхетскую идентичность и не допускать чужих в свою среду. И только в середине XX в. начинается размывание этого полузакрытого сообщества, представители которого постепенно переселяются в иные населенные пункты и принимают русскую идентичность, т.к. прежние положительные стороны обособления постепенно утратили свое значение. Когда в 1930-1945 гг. группа оказалась под угрозой исчезновения, ею был сделан выбор в пользу идентификации с русским населением.

Белорусизация «белорусов». С конца XIX в. увеличивается количество переселений крестьян из Западных губерний России в Сибирь. Если в 1880-х гг., по данным «Списка населенных мест Сибирского края», в Тарском округе было образовано всего семь населенных пунктов, то в 1890-е гг. переселенцы основали 72 поселка, а в первые двадцать лет XX в. — 304 населенных пункта, в которых к моменту переписи населения 1926 г. преобладало белорусское население². Мы уже убедились, однако, что к материалам этой переписи следует относиться с большой осторожностью.

Основная масса белорусских переселенцев проживала в Тарском округе, преимущественно в таежном районе. Они образовывали своеобразные «кусты» деревень, связанных не только географической близостью, но и хозяйственно-бытовыми контактами и родственными отношениями. В конце XIX в. ряд поселков, основанных переселенцами из белорусских земель, образовались на стыке Бергамакской и Нагорно-Ивановской волостей Тарского округа. В 1893 г. появляется д. Алексеевка, затем, в 1897 г., были основаны Калачевка и Поречье, годом позже — Каваза и Бекмес, в 1906 г. образовывается д. Игоревка (Сухая Грива). Основали их выходцы преимущественно из Минской и Могилевской губерний. Только д. Бекмес появи-

¹ См.: Крих А.А. Судьба минских дворян в Сибири: смена этнической идентичности // Омский научный вестник. 2006. № 6 (41). С. 10–13.

² Список населенных мест Сибирского края. Новосибирск, 1928. Т. 1. С. 5-74.

лась благодаря витебским переселенцам. В ходе столыпинской аграрной миграции образовался целый ряд хуторов, просуществовавших до 1950-х гг. — Куликовка, Николаевка, Петровка-1 и Петровка-2, Молодцово.

Основателями деревень были родственные группы из 3-4 семей. Первопоселенцами современного с. Поречья Муромского района Омской области являлись четыре семьи — Хроменки (Афременок), Войтовичи (Байтовичи) Борщевские (Барановские)¹ и Гринкевичи. Первые две семьи переселились из д. Логи Великодолецкой волости Борисовского уезда Минской губернии, возможно из этой же деревни приехали Барчевские и Гринкевичи (достоверно известно только то, что они прибыли из Великодолецкой волости). На момент переселения семьи Хроменков и Войтовичей являлись братскими: переселялся старший женатый брат (в возрасте от 27 до 33 лет) с маленькими детьми (от года до семи лет) и его младшие неженатые братья. Позднее к ним приезжали родители с младшими детьми и родственники жены.

В религиозном отношении, по материалам переписи 1897 г., основатели Поречья были православными, родным языком указан малоросский. По данным окружных материалов, предваряющих итоговые результаты переписи 1926 г., население поселка состояло из 513 человек, из них 492 человека значились русскими и 21 человек — поляками². В опубликованных же результатах переписи 1926 г. большинство населения Поречья было признано... белорусским³. В материалах похозяйственных книг этническая ситуация в Поречье также выглядела не столь однозначной. В похозяйственной книге за 1940 г. не все главы семей смогли определиться со своей национальной принадлежностью, поэтому у многих семей отсутствуют какие-либо записи в графе «национальность». Члены одной семьи, но живущие разными домохозяйствами, одни записывались белорусами, другие — русскими. Чем можно объяснить такую этническую «растерянность» потомков минских пере-

¹ В скобках дано написание фамилий по переписи 1897 г. (ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 417. Оп. 2. Д. Л. 70, 71, 72, 74).

² ТФ ГУ Иса. Ф. 112. Оп. 1. Д. 974. Л. 3 об.

³ Список населенных мест Сибирского края. Новосибирск, 1928. Т. 1. С. 32.

селенцев? На наш взгляд, объясняется это тем, что этноним «белорусы» жителям Поречья до 1920-х гг. был неизвестен.

Современные потомки переселенцев считают себя русскими, припоминая, что их предки назывались российскими, т.к. «приехали из Расаи». Это характерно для многих потомков переселенцев из белорусских губерний. Оно свидетельствует о том, что топоним «Белоруссия», используемый в письменных источниках XIX в. для обозначения территории Витебской, Могилевской, восточной части Минской губернии и иногда для Смоленской губернии¹, самим жителям этих губерний был неизвестен. Поэтому после переселения в Сибирь для самоидентификации использовались либо губернские названия – минцы, могыли, вытепаны, смоленины либо термин, производный от более обобщенного наименования зауральской части Империи – российские. Областные прозвища – топонимы – использовались самими переселенцами в качестве самоназваний в условиях отсутствия поблизости старожильского населения. При наличии среди соседей старожилов – чалдонов или кержаков, которые выступали внешним идентификационным фактором, переселенцы, как правило, назывались общими для всей Сибири терминами – российскими, лапотниками или хохлами.

В этих вариантах идентификации не было места национальной терминологии. Переход на национальный категориальный аппарат происходит в 1920-х гг. на уровне центральной и окружной статистики, а на местах систематическое приучение к национальной терминологии начинается с 1934 г., с появления похозяйственных книг, где отдельной графой должна была прописываться национальность главы семьи.

В начале 1920-х гг., когда формировались основные направления национальной политики, переселенцы из белорусских губерний из-за локальности, вненациональной идентичности не рассматривались в качестве объекта приложения государственных усилий. В первых отчетах подотделом просвещения национальных меньшинств о проделанной в Омской губернии работе белорусы упоминались в числе «других национально-

¹ Смоленчук А.Ф. Белорусская историография второй половины XIX – начала XX века и становление национальной идеологии // Славяноведение. 1999. № 5. С. 61.

стей» в одном ряду с мордвой, чувашами и цыганами¹. В 1920 г. всех вместе взятых «других национальностей», по неполным данным подотдела, насчитывалось 20 тысяч человек². Таким образом, в начале 1920-х гг. со стороны государственных учреждений просвещения никакой организационной работы среди белорусов не велось.

К середине 1920-х гг. ситуация резко меняется. В Тарском округе создается 12 белорусских сельсоветов, предпринимаются попытки создания белорусских национальных школ. Активизация национальной политики немедленно отразилась на результатах статистического учета населения. По окружным материалам 1926 г., в Тарском округе проживало 15 283 белоруса³. В 1927 г., когда еще не были известны окончательные результаты переписи 1926 г., в окружных источниках количество белорусов было увеличено в 1,3 раза, что составило 20 073 человека⁴. Печатный вариант результатов переписи 1926 г. дал цифру 43 757 белорусов⁵.

Сравнивая два статистических источника (сведения о национальных меньшинствах Тарского округа, составленных в г. Таре и характеризующих ситуацию на 1 января 1926 г., и официальные материалы переписи 1926 г., опубликованные в виде таблиц в 1928 г.), можно выявить приемы, при помощи которых количество белорусов было увеличено в 3 раза. К белорусам приписывались смешанные польско-белорусские поселки с преобладанием поляков. Так, в поселках Коршуновка и Минско-Дворянский, по итоговым материалам переписи 1926 г., числилось преимущественно белорусское население⁶, хотя по сведениям окружных властей их основное население составляли поляки⁷. Поляки, переселившиеся из Минской и Гродненской губерний, имели больше шансов быть записан-

¹ ГУ ИСА. Ф. 318. Оп. 1. Д. 1133. Л. 38, 72.

² Там же. Л. 76.

³ ГУ ТФ ИСА. Ф. 112. Оп. 1. Д. 974. Л. 7, 13. (без учета г. Тары).

⁴ Там же. Л. 21.

⁵ Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по регионам СССР [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php?reg=1292, свободный.

⁶ Список населенных мест Сибирского края. Новосибирск, 1928. Т. 1. С. 26, 34.

⁷ ГУ ТФ ИСА. Ф. 112. Оп. 1. Д. 974. Л. 3 об., 4.

ными белорусами, т.к. эти губернии вошли в состав БССР. Поляков, переселившихся из Варшавской, Виленской, Ковенской, Люблинской, Плоцкой и Радомской губерний и составлявших большинство населения поселка Десподзиновского Баженовской волости Тюкалинского округа¹, никто в белорусы не записывал.

Однако только за счет приписывания поляков к белорусам значительно увеличить количество последних едва ли удалось бы, хотя явно прослеживается тенденция к искусственному сокращению числа польского населения: по данным окружной статистики количество поляков с января 1926 г. по июнь 1927 г. сократилось в 1,2 раза, т.е. на 347 человек². Большинство населения тарских деревень, записанное в итогах переписи 1926 г. белорусским, в окружных статистических отчетах значилось русским. К примеру, в уже упомянутых деревнях Поречье и Игоревке, по окружным материалам, проживало преимущественно русское население, в то время как в официальных материалах переписи эти деревни считались белорусскими³. Напомним, что в Поречье и Игоревке переселенцы конца XIX в. назывались российскими, поэтому в окружных статистических материалах они были записаны русскими, т.к. в середине 20-х гг. XX в. советские чиновники даже регионального уровня прекрасно понимали, что нет никакой «российской» национальности. Так осуществлялся перевод локальной этнической идентичности на систему национальной идентификации. По окружным статистическим сводкам белорусы проживали лишь в 8 из 39 сельских советов Тарского округа⁴. Белорусские сельсоветы располагались в урманной части округа и были заселены переселенцами преимущественно в начале XX в. Эти переселенцы получили название *самоходы*, а их потомки, по материалам этнографических экспедиций начала XXI в., называли себя белорусами.

¹ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 417. Оп. 2. Д. 2820.

² ГУТФ ИСА. Ф. 112. Оп. 1. Д. 974. Л. 22.

³ ГУТФ ИСА. Ф. 112. Оп. 1. Д. 974. Л. 3 об.; Список населенных мест Сибирского края. Новосибирск, 1928. Т. 1. С. 32.

⁴ ГУТФ ИСА. Ф. 112. Оп. 1. Д. 974. Л. 9-11 об.

Несмотря на все усилия по организации национальных белорусских сельсоветов и школ, краевые чиновники вынуждены были констатировать, что «...белорусы и украинцы почти совершенно обрусели, поэтому нет надобности вести среди них работу на их родном языке, да и сами они от этого отказываются...»¹. По этой причине в деревнях Тарского округа в конце 1920-х гг. не создавались национальные школы для белорусского населения. Тем не менее в ряде ситуаций учителя сыграли решающую роль в идентификационном процессе: потомки переселенцев конца XIX в., проживающие в деревнях Александровка современного Колосовского района и Поречье Муромцевского района Омской области, признавались, что стали считать себя белорусами после того, как учитель географии/истории рассказал им о схожести жителей данных деревень с белорусским населением Минщины и Гомельщины.

Таким образом, группы западного населения России, связанные с политическими процессами в Польше и преследуемые властями, в Сибири стремились к изоляции и сплоченности, но из-за малочисленности отгородиться от окружающей инокультурной среды не смогли. В конце XIX в. увеличился поток переселенцев из Северо-Западного края, в результате чего удалось воссоздать такую же социокультурную ситуацию, как на родине, где высоким социальным статусом обладали дворяне-католики. Незначительное количество мелкой шляхты, вне зависимости от путей попадания в Сибирь, в конце XIX в. получило возможность поддерживать польскую идентичность за счет соседствующего привычного белорусскоязычного крестьянства. В 1920-х гг. принадлежность к польскому этносу становится опасной. Сибирские власти изыскивают способы занизить численность поляков в регионе, а само население, спасаясь от репрессий, меняет свое прежнее этническое самосознание на русское. При этом предложенный властями вариант идентификации с белорусским населением поляками отвергается, т.к. *белорусскость* ассоциировалась с низким социальным статусом и воспринималась как принадлежность к крестьянству.

¹ ГУФ ИСА. Ф. 112. Оп. 1. Д. 974. Л. 22.

5.5. Жизнь в диаспоре: городские немцы Западной Сибири

Российские немцы в дискуссиях о диаспорах фигурируют не часто. Тем не менее имеются все основания объединять их совокупность понятием «немецкая диаспора». Это утверждение, очевидное для сельских немцев, кажется спорным для немцев городских. Однако опыт городских немцев Западной Сибири позволяет сделать такой вывод.

Уже в XVII в. встречаются упоминания о немцах – служилых людях в Сибири. Известно, что стольником в Березове в 1684-1685 гг. был «Михаил Иванович Франтор, немец», а в Таре в 1676-1678 гг. «письменной головой» служил некий Кох. В Тобольске в середине XVII в. из 555 служилых 170 были иностранцами¹. Немцы были в числе ссыльных военнопленных или добровольно поверстанных в военную службу «иноземцев» так называемого «литовского списку», чаще называемых просто «литва».

После дворцового переворота 1740 г. в Пелым был сослан бывший регент и фаворит императрицы Анны Иоанновны Э.И. Бирон. В 1742 г. он был переведен в Ярославль, а его место занял фельдмаршал Б.Х. Миних. Одновременно с ним был выслан в Березов граф А.И. Остерман. В 1799 г. на жительство в Курган был сослан известный писатель-драматург Август Коцебу. Более тридцати лет провел в ссылке в Сибири декабрист барон В.И. Штейнгель. Умерли здесь декабристы Х. Вольф и А. Фурман. Декабрист М. Фонвизин после восьми лет каторжных работ был оставлен в Сибири на поселение и умер через несколько месяцев после возвращения из ссылки². Различные категории ссыльных пополняли немецкое население в крае вплоть до середины XX в.

Но регулярно немцы появляются в Сибири в XVIII в., когда правительство стало приглашать на службу иностранных специалистов. По мнению Дж. Армстронга, немцы были главной мобильной («мобилизованной») группой-диаспорой Российской империи в XVIII-XIX вв. Среди них он выделяет дворян-

¹ Черказьнова И.В. Немецкая национальная школа... С. 53.

² Коломинов В.В. Российские немцы – участники движения декабристов // Немцы в России: Люди и судьбы СПб., 1998. С. 177-178.

ство, которое занималось военным делом и включалось в ряды бюрократии; экономически крепкое городское население, специализировавшееся на торговле; и образованных бюргеров — ученых и писателей. Связующим звеном между ними служила протестантская вера и церковь¹.

Все эти группы были представлены и в Сибири. Исключительно важной была роль немецких ученых и путешественников в ее исследовании и освоении. В руках немецких специалистов находилось управление и обслуживание горнорудной и металлургической промышленности Сибири. Немцы были широко представлены в составе чиновничества. Ими укомплектовывались штаты специалистов губернских, областных и уездных управлений: инженеров-строителей, архитекторов, фармацевтов, врачей, ветеринаров, служащих управления путей сообщения, губернского статистического комитета, почтово-телеграфного и других ведомств².

Возможность иметь в Сибири достойное материальное обеспечение, пользоваться за свой труд почетом и уважением (учителя получали не только чины и награды, но и значительные прибавки к жалованью за сверхурочные часы, за должности классных наставников, за выслугу лет в Сибири) при-

¹ Армстронг обратил внимание на то, что во многих многонациональных государствах правительства сотрудничают с элитами этнических групп-диаспор, которые выполняют те специфические функции, какие не может выполнить доминирующая в стране этническая группа. Он разделяет мобильные группы-диаспоры на два подтипа: это «архетипичная диаспора» (archetypical diaspora), для которой особое значение имеют религия и религиозные мифы (евреи как классический пример), и «ситуационная диаспора» (situational diaspora), которая хотя также имеет дисперсный, рассеянный характер, но за ее спиной есть большой материк — отечество (так выступают немцы в странах Восточной Европы или китайцы в странах Юго-Восточной Азии). Развитые сети интенсивных коммуникаций и знания языков превращают мобильные группы-диаспоры в специалистов в деле посредничества и новаторства и определяют их деятельность в качестве купцов, предпринимателей, ростовщиков, медиков и дипломатов, которую не могут выполнять доминирующие в той или иной стране этнические группы. Эти мобильные группы-диаспоры зависимы от протекции правительства и всегда находятся в опасности того, что при социальной мобилизации низов доминирующей этнической группы они станут козлами отпущения и будут принесены в жертву (см.: Каппелер А. Россия — многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М. 1997. С. 103).

² Белковец Л.П. Немцы Российской империи за Уралом: опубликованные источники // Российские немцы. Историография и источниковедение. М., 1997. С. 237.

влекала сюда выпускников российских и зарубежных учебных заведений. Многие учителя немецкого и французского языка имели иностранное подданство¹.

Городское немецкое население пополнялось и за счет предпринимателей. Развитие золотопромышленности привело к массовой записи принимавших российское подданство иностранцев в купечество городов, являвшихся резиденциями золотопромышленников. Их основным занятием была служба в правлениях золотопромышленных компаний². После постройки Транссибирской железнодорожной магистрали внимание иностранных предпринимателей к Сибири усилилось. Германия поставляла промышленные двигатели, оборудование для пивоварен, типографий. Было открыто множество филиалов различных германских фирм, сюда прибывали их агенты, коммивояжеры. В Томске, например, прочные позиции на рынке услуг вплоть до начала Первой мировой войны удерживало отделение немецкого торгового дома «Штоль и Шмит».

Всего в 1897 г. немцев (по языку) в Сибири было около 5 424 человек³, а, включая Омский уезд Акмолинской области – 8 739 чел. Значительную их часть составляло городское население: от 26-27 % (Забайкальская область и Енисейская губерния) до 55 % в Приморской и 71 % в Амурской областях. Но в составе всего населения Сибири доля немцев была невелика

¹ Там же. С. 237-238.

² См.: Разгон В.Н. Сибирское купечество в XVIII-XIX вв. Региональный аспект предпринимательства традиционного типа. Барнаул, 1999. С. 106-107; Бойко В.П. Томское купечество в конце XVII-XIX вв. Из истории формирования сибирской буржуазии. Томск, 1996. С. 38.

³ По подсчетам С. Патканова, основанным на анализе данных переписи населения 1897 г., немцев в Сибири было 5 535 душ (3 863 муж.). Из них 2/5 проживали в городах. В Тобольской губернии – 1 105 чел. (712 муж.), главным образом в Тюкалинском округе – 519 чел.; в Томской губ. – 1 375 душ (840 муж.), преимущественно в Томском округе – 690 (407 чел. в Томске); в Енисейской губ. – 954 чел. (712 муж.), в том числе 564 чел. в Минусинском округе (Ермаковская, Шушенская и др. вол.); в Иркутской области – 662 чел. (465 муж.), из них 291 в Иркутске (44 %); в Приморской области – 643 (530 муж.), почти половина в городах; в Южно-Уссурийском округе – 496 душ, в том числе около половины – во Владивостоке (Патканов С. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.). СПб., 1912. Т. 1. С. 34).

– 0,15 %. И среди горожан их было немного – 0,5 %, за исключением Омска – 1,17 % и Сахалина – 1,29 %¹.

Свыше 48 % немцев принадлежали к сословию крестьян, около 17 % – мещан, более 9 % – дворян, 0,9 % – купцов, 6,5 % имели иностранное подданство. Среди городских немцев расклад был иным: мещанское и крестьянское сословия были представлены почти одинаково – 27,7 %, 26,8 %, но намного выше была доля лиц, принадлежащих к дворянскому – 20,4 % и купеческому – 2,3 % сословиям, а также имеющих иностранное подданство – 13,1 %².

Более 85 % немецкого населения Сибири были протестантами (лютеранами). Доля католиков и православных была примерно равной – около 9 %. Немногим отличался вероисповедный состав городского немецкого населения: 85,6 % – протестанты, 6,7 % – католики, 5,7 % – православные, около 2 % – другие исповедания. Протестанты занимали первое место в Сибири по уровню грамотности. В Томской губернии грамотными были свыше 69 % протестантов (иудеи – 50,3 %, католики – 38,5 %, православные – 10,3 %)³. Высокий уровень грамотности был как у мужчин, так и у женщин. Была значительна доля получивших образование выше начального и доля грамотных по-русски.

Со второй половины 1890-х гг. начинается бурное переселение в Сибирь сельских колонистов. Основными районами немецкой крестьянской колонизации являлись Акмолинская область, Томская и Тобольская губернии. Всего к 1915 г. в Западной Сибири, по подсчетам П.П. Вибе, проживало более 80 тыс. немцев-колонистов⁴. За счет крестьянского переселения

¹ Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года: в 2 т. СПб., 1905. Т. 2.

² Подсчитано по: Общий свод по империи. . . Т. 2.; Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897. СПб., 1903 – 1905. Т. 72, 73, 74, 77, 78, 79.

³ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. Т. 79. Томская губерния. СПб., 1904. С. XXI.

⁴ См.: Вибе П.П. Основные районы немецкой крестьянской колонизации в Западной Сибири в конце XIX-начале XX в. // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект. М., 1998. С. 137, 139, 140, 143; Маттис А.Э. Динамика численности немецких колонистов в Сибири в конце XIX-начале XX в. // Социокультурное развитие Сибири. XVIII-XX вв. Новосибирск, 1998. С. 57–63.

немецкое население в Сибири многократно выросло. Так, протестантское население Томской губернии с 1897 по 1915 г. выросло с 1 430 до 21 667, в т.ч. городское — с 709 до 2 744 человек. Это привело к кардинальным изменениям в соотношении городской и сельской составляющих немецкой диаспоры. Если в 1883 г. горожане составляли почти 93 %, а в 1897 г. — 49,5 %, то уже в 1903 г. на их долю приходилось лишь около 30 %, а в 1910 г. и того меньше — 9,73 %. В последующие годы вновь фиксируется рост доли горожан — 15,6 % в 1912 г.¹

Консолидирующим фактором для городских немцев являлась общая конфессиональная, а не этническая принадлежность. Именно кирха служила объединяющим центром городского немецкого сообщества. Пасторами в Сибирь назначались, как правило, выпускники Дерптского университета. Кандидат богословия при сдаче экзамена на право занятия места пастора кроме испытаний по богословским наукам проходил аттестацию по педагогике, особенно по методике начального обучения. Такая подготовка давала возможность работы и в светских учебных заведениях. Так, в середине XIX в. из-за отсутствия учителя по немецкому языку в томской гимназии на эту должность был приглашен дивизионный лютеранский проповедник А. Тецлав².

С 1889 г. Томск становится центром лютеранского прихода Томск — Барнаул, включавшего Томскую губернию и Семипалатинскую область. С 1751 по 1908 г. приходом заведовали 11 пасторов. По состоянию на 1908 г. его возглавлял кандидат университета Рудольф Карлович Дальтон, утвержденный Московской лютеранской консисторией в 1904 г. Одновременно он состоял учителем Закона Божия при Томском коммерческом училище, частной гимназии Миркович и немецкой приходской школе. Экономическая часть Томского прихода находилась в ведении Церковного совета, председателем которого был томский губернатор генерал-майор барон фон-Нолькен. Пастор Дальтон выполнял в Церковном совете, в который входили 11 человек, функции секретаря. Число прихожан в

¹ Подсчитано по: Памятные книжки Томской губернии за 1871, 1883, 1884, 1904, 1911 гг.; Обзоры Томской губернии на 1908 — 1912 гг.

² Черказянова И.В. Немецкая национальная школа в Сибири... С. 59, 63.

1908 г. достигало 5,5 тыс. человек, из них половина немцев, остальные — эстонцы и небольшая часть латышей¹.

Избрание членов Совета происходило на ежегодных общих собраниях прихожан. Богослужения проводились как местным пастором, так и приглашенными лицами, зачастую на нескольких языках: русском, немецком, латышском и эстонском². Делопроизводство велось на русском и немецком языках, для этого было даже два бланка: русско- и немецкоязычный³. При помощи первого велась переписка с органами государственной власти, а на втором составлялись внутренние документы и сообщения, направляемые в Евангелическо-Лютеранскую Консисторию в Москве. Практика двуязычия распространялась и на объявления в местной прессе. Те из них, которые касались только членов общины, например извещение об очередном собрании, до 1905 г. печатались в «Сибирской жизни» исключительно на немецком языке⁴. Сообщения для более широкой аудитории, например об устройении лютеранским обществом семейного вечера, были на русском⁵. Немецкий язык, таким образом, выступал языком внутриэтнического общения.

Жизнь прихода включала заботу об образовании и благотворительность. В ноябре 1896 г. была открыта первая в Сибири городская немецкая школа⁶. Первоначально она располагалась в наемном помещении и имела статус одноклассного частного училища третьего разряда. Открывший ее пастор А. Келлер был единственным преподавателем. В 1900 г. в штате школы, которая стала двухклассной, числилось, кроме самого пастора, пять учительниц (три лютеранки и две православные). В этот же год школа переехала в специальное помещение в ограде лютеранской кирхи, способное вместить около

¹ Памятная книжка Томской губернии на 1908 год. Томск, 1908. С. 122-124.

² Сибирская жизнь. 1904. 21 сент.; 1907. 25 авг.; 1908. 12 июля; 1911. 23 марта.

³ ГАТО. Ф.170. Оп.1. Д.2154. Л.4, 12 и др.

⁴ Томский листок. 1897. 7 февр.; Сибирская жизнь. 1897. 5 нояб.; 1898. 7 февр., 22 сент.; 1899. 22 янв., 16 сент., 16 окт.; 1900. 5 февр.; 3, 14 февр.; 1903. 23 марта, 17 апр.; 1904. 13 апр., 16 сент.

⁵ Томский листок. 1897. 17 апр.

⁶ ГАТО. Ф.126. Оп.1. Д.920. Л. 1.

120 учеников. С этого времени училище начинает активно рекламировать свои услуги в местной периодической печати¹. Кроме детей лютеран там обучались и представители иных конфессий. Например, в сентябре 1903 г. состав учеников по вероисповеданию был следующим: 14 – лютеран, 10 – православных и 1 – иудей². Детей принимали в школу с 8 лет, обучение было платным. Девочки и мальчики обучались совместно, требовалось, правда, чтобы девочки были не старше 12 лет и сидели на отдельных скамьях. Количество учеников было небольшим – от 20 (1897 г.) до 35 (1904 г.) детей³. Помимо школы был в Томске и частный немецкий пансион, открытый в 1902 г. госпожой А. Брейтигам⁴.

В 1892 г. было открыто Томское евангелическо-лютеранское дамское благотворительное общество, единственное подобного рода общество во всей Сибири. Его бессменным председателем была Екатерина Георгиевна Рокачевская. Общество устраивало благотворительные вечера, спектакли, концерты, лотереи. За 1905–1914 гг. оно организовало 8 крупных благотворительных лотерей-аллегри, которые пользовались у горожан неизменным успехом⁵. Публику привлекали богатые призы – упряжки лошадей, серебряные сервизы, золотые украшения и другие ценные вещи⁶. Собранные средства шли на содержание приюта для детей-лютеран и открывшегося при приюте в 1906 г. лютеранского частного начального училища⁷.

В 1911 г. на одном из музыкально-танцевальных вечеров, где «собралось почти все лютеранское общество», родилась

¹ ГАТО. Ф.126. Оп.1. Д.920. Л.12; Черказьянова И.В. Школьное образование... С.83; Нам И.В. Жизнь в диаспоре: городские немцы Западной Сибири (конец XIX – начало XX в.) // Немцы России: социально-экономическое и духовное развитие (1871-1941 гг.). М., 2002. С. 380; Сибирская жизнь. 1900. 5, 15, 17, 18 авг.; 1902. 14, 15 авг.; 1903. 17, 19, 20 авг.; 1904. 17, 18 авг.

² Сибирская жизнь. 1903. 5 сент.

³ Нам И.В. Духовный центр томских лютеран // Сибирская старина. Томск, 2006. № 25. С. 19.

⁴ Сибирская жизнь. 1902. 13, 15 авг.

⁵ Сибирская жизнь. 1905. 11 дек.; 1907. 11 нояб.; 1908. 21 нояб.; 1910. 6 янв.; 1911. 6 янв.; 1912. 6 янв.; 1913. 6 янв.; 1914. 6 янв.

⁶ Сибирская жизнь. 1905.11 дек.; 1907. 11 нояб.; 24 нояб.; 1908. 21 нояб., 4, 6 янв.; 16 нояб.; 10 дек.; 1911. 6 янв.; 1912. 6 янв.; 25 дек.; 1913. 6 янв.; 1914. 6 янв.; 1910. 9 янв.; 2, 9 янв.

⁷ ГАТО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 149, Л. 264, 274-275; Весь Томск: адресно-справочная книжка... С. 81, 100-101; Памятная книжка Томской губернии на 1915 г. Томск, 1915. С. 141.

идея создать в Томске «немецкий клуб»¹. Других попыток объединения немцев по этническому признаку источники не обнаруживают вплоть до февраля 1917 г., поставившего на повестку дня вопрос о создании в Сибири немецкого самоуправления. Был, правда, «Немецкий ресторан» Петра Меллера во Владивостоке — «место встречи немцев», как гласила реклама. Там имелась русская и германская кухня, и подавали не только местное пиво, но и заграничное «из бочки». Помимо «карамболь-биллиарда», кабинетов и веранды «с чудным видом на бухту «Золотой Рог», имелось и «помещение для частных собраний». Это описание относится к 1909 г., когда генерал-губернатором Приморья был П.Ф. Унтербергер, его помощником Н.Н. Мартос, военным губернатором В.Е. Флуг, комендантом крепости В.А. Ирман, а городским головой И.И. Циммерман².

После вступления России в Первую мировую войну началась борьба с «немецким засильем» во власти, промышленности, торговле, коснувшаяся и Сибири. Немцев из числа германских и австрийских подданных исключали из биржевых комитетов и страховых обществ. Лютеранским приходам воспрещалось производить «какие бы то ни было сборы на потребности заграничных миссий»³. Религиозная и общественная жизнь немцев-лютеран замерла. Для них было крайне важно на какое-то время «уйти в тень» и продемонстрировать свою лояльность. В самом начале военных действий в лютеранской кирхе Св. Марии в Томске был отслужен молебен о даровании победы русскому оружию⁴, а накануне Рождества 1915 г. благотворительное общество дам-лютеранок отправило в действующую армию «70 рождественских подарков (белье, рукавицы, чай, сахар, табак и проч.) на сумму около 300 р.»⁵.

Адаптация немцев в городском пространстве Сибири была вполне успешной. Если к концу XIX в. городские немцы Сиби-

¹ Сибирская жизнь. 1911. 28 янв.

² Белковец Л.П. Указ. соч. С. 248.

³ Сибирская жизнь. 1914. 14 сент.; 16 окт.; 30 дек.

⁴ Национальные меньшинства Томской губернии. Хроника общественной и культурной жизни. 1885-1919 / Кутилова Л.А., Нам И.В., Наумова Н.И., Сафонов В.А. Томск, 1999. С.69.

⁵ Сибирская жизнь. 1915. 17 дек.

ри еще не составляли диаспору в полном смысле этого слова, то с многократным увеличением их численности в начале XX в. и в результате активной самоорганизации, возникли необходимые предпосылки для формирования у них черт диаспоральности. Последующие социальные катаклизмы (революция, Гражданская война, эксперименты по социалистическому переустройству общества) предоставили первоначально новые возможности для сохранения и даже развития диаспоральности. В 1917–1918 гг. была создана национально-культурная автономия в Западной Сибири, а в 1920-е гг. – национальный район на Алтае. Дальнейшие превратности политического развития привели к почти полному разрушению диаспорных институтов – церкви, школы, культурно-просветительных и благотворительных организаций.

5.6. Корейцы Дальнего Востока: опыт самоуправления

Корейская диаспора в России ведет свое начало с 1863 г., когда первые 13 семей появились в Южно-Уссурийском крае. К переселению побуждала неблагоприятная социально-экономическая и политическая ситуация на родине. К началу XX в. численность мигрантов из Кореи на Дальнем Востоке составляла примерно 30 тыс. человек¹. После Русско-японской войны поощряемая японскими властями эмиграция становится массовой. На Дальнем Востоке образовалась густая сеть корейских поселений разной степени компактности. Новым толчком к усилению миграции явилось неудавшееся восстание в Корее 1 марта 1919 г. Перепись 1923 г. зафиксировала на русском Дальнем Востоке уже 106 тыс. корейцев².

Согласно временным «Правилам для образования китайско-корейских обществ в Приморской области» (1891 г.) для надзора за мигрантами, их регистрации, для изыскания средств по удовлетворению их потребностей создавались корейские общества. Их жизнь регулировалась сходами, в которых принимало участие все население, и выборными старостами, выполнявшими функцию исполнительной власти.

¹ Рыбаковский Л.Л. Население Дальнего Востока за 150 лет. М., 1990. С. 54-55.

² Аносов С.Д. Корейцы в Уссурийском крае. Хабаровск; Владивосток, 1928. С. 8.

Фактически на корейское самоуправление, которое копировало общинную организацию в Корее, были возложены функции исполнительной власти. Корейские общества могли содержать школы, храмы (в основном православные), учителей и священнослужителей.

Основанное на традициях общинности, корпоративности, корейское самоуправление было способом выживания в чужеродной этнической и культурной среде. Жандармский ротмистр Бабыч писал в рапорте начальнику Иркутского ГЖУ: «Не имея официально признанного органа для заведования общественными делами, они всеми силами стремятся к осуществлению заветной мечты — *иметь общественное самоуправление* (выделено мной. — *И.Н.*)». На этой почве возникла полуофициальная выборная должность «переводчика-посредника». Будучи утвержден в своей должности полицией, он имел возможность представлять русской администрации разные ходатайства, получать справки в русских учреждениях. Это поднимало его престиж в глазах корейского населения, и он в большинстве случаев являлся бесконтрольным старшиной корейского населения¹.

«Воспитанные на началах групповых организаций», корейцы стремились к объединению в особые сообщества. Одним из первых возникло в 1900 г. в Благовещенске общество «Сек-Чжон-Кон-Сен-Хой» («Благотворительное общество среди трудящихся»). Фактически оно преследовало не только благотворительные цели, но и выполняло функции общественного самоуправления. Необходимость объединения мотивировалась тем, что в отличие от родины, где «корейцы прилежно занимаются четырьмя основными отраслями человеческого знания: грамотой, земледелием, строительством и торговлей...», в Приамурском крае они «превратились в необузданных людей». В 1911 г. полиция произвела обыск в помещении общества, изъяв устав общества, списки его членов и другие документы. Все руководители общества были высланы. Но общество продолжало существовать тайно².

¹ ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 821. Л. 14 об.

² ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 821. Л. 14 об. — 15.

Те же функции самоуправления и нравственного совершенствования выполняло общество молодых «Мен-Сен», организованное в 1907 г. В постановлении о его открытии говорилось: «После сотворения мира Бог сотворил человека, который дороже других творений и, между прочим, имеет две ступени: старшую и младшую... Старшие братья открыли общество под названием «Консен», в чем виден нравственный порядок. Подражая этому, мы, молодые, тоже организуем кружок под наименованием «Мен-Сен» с благотворительной целью. Будучи членами этого общества, мы должны вести себя благопристойно и быть внимательными к правам других, обращаться с любовью к младшим, а также с почтением к старшим. Мы, молодые, должны следовать за добродетельными людьми и помнить, что существуют старшие, почему между нами должны быть отличные отношения». Общество было закрыто после ряда обысков в 1911 г., но также продолжало существовать тайно¹.

Конечной целью «Кукминхве» (Корейское национальное общество)² было восстановление независимости Кореи. Оно занималось просветительской деятельностью, приобщая корейцев к западной культуре, издавало газету «Синхан минбо» («Новая Корея»)³, которая распространялась в США, Корею и в Приамурье⁴. За 1909–1915 гг. число отделений общества, действовавших под руководством главного комитета в Чите, выросло с 12 до 33⁵. Общество выполняло и функции самоуправления. При отделениях существовали сберегательные кассы, куда все члены сдавали ежемесячно по 30 коп. Уклоняющиеся от уплаты взносов из общества исключались, наказанием было

¹ ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 821. Л. 14 об. – 15. Л. 15–15 об.

² Общество «Кукминхве» возникло в январе 1909 г. в Сан-Франциско (ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 821. Л. 15 об.; Григорцевич С.С. Корейцы русского Дальнего Востока в антияпонской освободительной борьбе (1906-1919) // Вопросы истории. 1958. № 10. С. 149). По другим данным, общество возникло в феврале 1910 г. (см.: Пак Б.Д. Освободительная борьба корейского народа накануне Первой мировой войны. М., 1967. С. 140).

³ «Синхан минбо» – еженедельная газета среднего формата на четырех страницах – издавалась на корейском языке (ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 821. Л. 16).

⁴ ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 821. Л. 15 об. – 16; Григорцевич С.С. Указ. соч. . . С. 148.

⁵ ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 821. Л. 1 об., 16–16 об.; Ким Сын Хва. Очерки по истории советских корейцев. Алма-Ата, 1965. С. 75; Пак Б.Д. Освободительная борьба . . . С. 140; Григорцевич С.С. Указ. соч. . . С. 149.

строгое предписание — не давать исключенным «ни воды, ни огня». Собранные средства предназначались «для усиления в будущем влияния нации»¹.

С деятельностью «Кукминхве» связано распространение среди корейцев Дальнего Востока пресвитерианства. Во Владивостоке в старой и новой корейских слободках существовали два пресвитерианских молевельных дома. В 1911 г. в связи с их деятельностью разразился публичный скандал, в результате которого один из проповедников принял православие, другие спешно покинули пределы России².

Активное участие в деятельности «Кукминхве» первоначально приняли некоторые лидеры корейского патриотического движения на русском Дальнем Востоке. Но вскоре выяснилось, что часть его руководства попала под влияние американской пресвитерианской миссии и развернула среди корейцев не только антияпонскую, но и антироссийскую пропаганду с целью воспитания людей, духовно тяготеющих к Америке. Активисты антияпонского движения выступили против проамериканской ориентации. Это вызвало противодействие и со стороны русско-подданных корейцев. С 1911 г. в связи со смягчением политики администрации края по отношению к корейцам общество начинает терять влияние, а его деятельность ослабевает. Но во многих районах Восточной Сибири, особенно в местах наибольшего сосредоточения корейцев, а также в глухих таежных местах и на приисках Зейского и Буреинского округов отделения общества продолжали тайно существовать вплоть до 1917 г.³.

В 1911 г. корейские общественные деятели решили создать легальное общество. Чтобы воспрепятствовать тайной агитации против России, проводившейся верхушкой «Кукминхве», власти позволили открыть легальное общество «Квонопхве» (Общество развития труда). Ходатайствуя перед военным губернатором Приморской области об утверждении его устава, начальник жандармского полицейского управления Уссурийской железной дороги Щербаков писал: «В настоящее вре-

¹ ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 821. Л. 8, 16 об., 17.

² Этномиграционные процессы в Приморье... С. 52.

³ ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 821. Л. 17; Григорцевич С.С. Указ. соч... С. 149; Пак Б.Д. Освободительная борьба... С. 141.

мя... общество это («Кукминхве». — *И.Н.*) быстро развивается в ущерб русскому влиянию на умы корейцев... Очевидно, какая-то сильная рука направляет действия этого общества и, конечно, не в пользу России... Только разрешением русскими властями устава легального корейского общества, о чем они неоднократно просили, мы можем спасти наших корейцев от влияния на них японцев и американцев и навсегда привязать их к России»¹.

Разрешение на открытие «Квонопхве» было получено в конце 1911 г., и 6 декабря во Владивостоке состоялось учредительное собрание. Функции и задачи его были весьма широкими: оно должно было развивать в народе любовь и уважение к труду, стремиться «научить его соблюдать экономию в жизни, насаждать просвещение, воспитывать понятия и чувства, присущие гражданам великой России». Обществу разрешалось открывать сельскохозяйственные, промышленные и промысловые предприятия, учреждать школы, библиотеки и читальни, устраивать беседы и чтения, издавать газеты и журналы на корейском языке². Руководители общества пытались также добиться участия корейцев в местном самоуправлении³. Начав свою деятельность во Владивостоке, оно открыло отделения в Никольск-Уссурийске, Хабаровске, Николаевскена-Амуре, Имане, в селах Ново-Киевском, Владимиро-Александровском, Таудеми, Гродекове, урочищах Анучино и Барабаш⁴. К лету 1914 г. отделения «Квонопхве» были открыты в 13 населенных пунктах Приморской области; число его членов достигало 8 579 чел.⁵ «Общество» развернуло широкую просветительскую и экономическую деятельность. Во Владивостоке открылась корейская библиотека, где по воскресным дням устраивались лекции и беседы для населения. С апреля 1912 г. начала выходить газета «Квоноп синмун» («Газета раз-

¹ Цит. по: Пак Б.Д. Освободительная борьба... С. 142; см. также: Григорцевич С.С. Указ. соч. С. 149.

² Пак Б.Д. Освободительная борьба... С. 142.

³ Сим Хон-Ёнг. К истории корейских общественных организаций в России в первой четверти XX века // Отечественная история. 1998. № 4. С. 76.

⁴ Пак Б.Д. Корейцы в Российской империи. Иркутск, 1994. С. 191.

⁵ Григорцевич С.С. Указ. соч. С. 150.

вития труда»). «В целях обеспечения вновь принимаемых в русское подданство корейцев средствами к существованию и учреждения в центре их поселения сельскохозяйственной школы» общество добилось разрешения на отвод надела из свободных казенных земель по течению р. Иман¹.

Руководители антияпонского движения использовали эту легальную организацию и как средство освободительной борьбы. С 1913 г. одним из ее руководителей стал Ли Дон Хви, который вместе с Ли Чжун Хо, избранным к тому времени председателем «Квонопхве», организовывал партизанское движение в пограничных с Кореей районах Приморья и Маньчжурии². В августе 1914 г. по требованию Японии деятельность «Квонопхве» во Владивостоке была запрещена³. Были закрыты и все его отделения. Но в Никольск-Уссурийском и других уездах Приморской области они продолжали нелегально действовать вплоть до лета 1917 г.⁴. В Иркутске в 1916 г. возникло общество «Родина»⁵.

Из накопленного опыта самоорганизации логически вытекала необходимость создания общенационального объединения, которое было бы способно защищать социальные и политические права и интересы корейцев, как русских, так и иностранных подданных. Возможности для воплощения этой идеи появились только после февраля 1917 г., когда с отменой всех вероисповедных и национальных ограничений народы России получили свободу национально-культурной и политической самоорганизации.

5.7. Формы самоорганизации китайских мигрантов и хуацяо во второй половине XIX – начале XX в.

При описании китайской эмиграции и анализе китайских сообществ за границей в качестве единицы анализа обычно берется сообщество. Однако Л.В. Криссман показал, что ки-

¹ Пак Б.Д. Освободительная борьба... С. 142.

² Там же. С. 143; Григорцевич С.С. Указ. соч. С. 150.

³ Григорцевич С.С. Указ. соч. С. 150–151; Пак Б.Д. Освободительная борьба... С. 145–152; Петров А.И. Корейская диаспора в России. 1897–1917 гг. Владивосток, 2001. С. 298.

⁴ Пак Б.Д. Освободительная борьба... С. 144; Григорцевич С.С. Указ. соч. С. 150.

⁵ ГАИО. Ф. 245. Оп. 3. Д. 1398. Л. 1–2.

тайское сообщество в городах нельзя рассматривать как гомогенное, оно состоит из различных сегментов¹, объединений по месту происхождения, диалектарной принадлежности, роду занятий, тождественности фамилий.

Тот или иной диалект, говор были связаны с определенной областью, округом, а иногда и более мелкой единицей — деревней. Речевые отличия обеспечивали обособление мелких сообществ в пределах групп, выделявшихся по месту исхода. Причем такое деление бывает очень дробным — речевые сообщества могут делиться на сегменты, основанные на округах или группах округов, которые в свою очередь сегментировались на основе меньших территориальных единиц, вплоть до деревни. Родственные и земляческие узы, подкрепленные экономическими выгодами, были настолько сильны, что потомки лиц, осевших в городах, веками продолжали считать себя уроженцами первоначального места обитания семьи. Тот же принцип действовал и в отношении хуацяо. На родине их продолжали рассматривать как членов общины. Членство в ней передавалось их сыновьям, рожденным за границей, а они в свою очередь передавали его своим сыновьям. Это патрилинейное наследование деревенского членства привязывало к Китаю тех людей, которые никогда не видели страну своих предков².

Общим местом стал тезис о диспропорции половой структуры мигрантов. Вплоть до Первой мировой войны к сообществам хуацяо применимо название «сообщества холостяков», т.к. даже женатые эмигранты обычно оставляли жен дома под присмотром своих матерей. Во Владивостоке, согласно переписи 1883 г., на 2 419 мужчин-китайцев приходилось 9 китаянок³. В 1900 г. в Сингапуре женщины составляли 20 % от численности китайской общины, в Хабаровске проживало

¹ Crissman L. W. *The Segmentary Structure of Urban Overseas Chinese Communities* // *Man, New Series*. 1967. Vol. 2, No. 2. P. 190.

² Crissman L. W. *Op.cit.* P. 186.

³ Позняк Т.З. *Иностранцы подданные в городах Дальнего Востока России. Вторая половина XIX— начало XX в. Владивосток: Дальнаука, 2003. С. 231.*

2 100 китайцев и 7 китайнок¹. Анализ ситуации усложнится, если будет учтена «региональная оптика», т.к. существовали различия в соотношении мужчин и женщин в диалектарных группах.

Прослеживается отчетливая тенденция: эмигранты отправлялись в те места, где уже обосновались их земляки. Это подтверждают, в частности, и немногие доступные нам биографии китайских предпринимателей на русском Дальнем Востоке. Зачастую наблюдается монополизация того или иного вида деятельности выходцами из определенного места. Так, практически вся оптовая и розничная торговля в городах и деревнях Маньчжурии сосредотачивалась в руках шаньсийцев. Часто эта специализация не имела никакого отношения к региональной специализации в Китае. Таким образом, к сегментированию по географическому, языковому принципу может быть добавлено еще и профессиональное.

Криссман отмечает, что в некоторых случаях все китайское сообщество едино и выступает вместе, в других же ситуациях, различные объединения могут действовать друг против друга как самостоятельные субъекты². При изучении китайской диаспоры необходимо учитывать все эти факторы, т.к. это может существенно скорректировать представления о структуре и внутреннем устройстве общин хуацяо.

Китайцы на родине: формы социальной организации. Изучая структуру городских поселений хуацяо, Криссман сделал важное наблюдение. Однообразие модели организации китайских городских сообществ Юго-Восточной Азии, Северной Америки свидетельствует, что формы социальной организации городских хуацяо создавались в Китае, а затем адаптировались в зависимости от местных условий³.

Традиционная социальная структура Цинского Китая в общем виде может быть описана формулой: родовая и служащая знать плюс система ши-нун-гун-шан. Помимо сословной и этнической дифференциации, существовала клановая си-

¹ Crissman L. W., Op.cit. P. 186: Жуков А.М. Китайцы в Хабаровске // Третьи Гродековские чтения. Хабаровск, 2001. Ч. 1. С. 56.

² Crissman L. W., Op. cit. P. 193.

³ Crissman L. W., Op. cit. P. 185.

стема, многоступенчатая система организации цехогильдий, торговых и ростовщических хуэйгуаней, тайных обществ (хуэйданов) и религиозных сект (цзяомэнь).

В ходе миграций вырабатываются формы, методы и способы самоорганизации. Чаще всего торговые, ремесленные, торгово-ремесленные ассоциации мигрантов представлены в виде: банов (ассоциации взаимопомощи); хуэйгуаней (huiguan) («Здания собрания») – формирования, в основе которых лежит критерий общности географического происхождения ее членов (Tongxiang); гунсо (gongsuo) («Общественные залы») – организации, базирующиеся на общности профессии (tongye). С конца XVIII в. возникающие объединения мигрантов все чаще стали именовать гунсо (gongsuo), а не хуэйгуань. Это название акцентирует внимание на общности занятия, а не на общности географического происхождения его членов. Однако иногда эти термины могут использоваться как синонимы¹.

Баны представляли собой землячества, организованные по принципу ремесленного цеха или землячества торговцев-посредников, маклеров и комиссионеров². По мнению Вин Чуна именно бан является первичной, базовой формой самоорганизации мигрантов, а возникновение других ассоциаций – региональных, фамильных, профессиональных – есть результат дальнейшей сегментации³. В зависимости от уникального субэтнического состава сообщества бан мог обозначать коллективную идентичность и социально-экономическое объединение группы мигрировавших торговцев и/или чернорабочих. Члены бана были выходцами из определенной территории, которая могла включать всю макрообласть, ее часть, провинцию, или конгломерат различных префектур и районов⁴. О.Е. Непомнин указывает, что основное отличие банов от хуэйгуаней – отсутствие во владении первых

¹ Kwang-Ching Liu. Chinese Merchant Guilds: An Historical Inquiry // *The Pacific Historical Review*. 1988. Vol. 57, No. 1. P. 13.

² Непомнин О.Е. История Китая: эпоха Цин, XVII – нач. XX в. М.: Вост. лит., 2005. С. 188.

³ Wing Chung Ng. Urban Chinese Social Organization: Some Unexplored Aspects in Huiguan Development in Singapore, 1900-1941 // *Modern Asian Studies*. 1992. Vol. 26, No. 3. P. 472.

⁴ Wing Chung Ng. *Ibid.* P. 472.

постоялого двора, подворья¹. Рассмотрим эти типологически сходные организации на примере хуэйгуаней.

Хуэйгуань — легальная организация, основной задачей которой являлась помощь в решении проблем, возникающих у мигрантов (пусть даже речь идет о внутренней миграции). Ее членом мог быть выходец (только мужчина) из определенной местности Китая, постоянно или временно проживающий вне своей малой родины. Местным населением такие мигранты воспринимались как чужие.

Цю Пэншэн (Qiu Pengsheng) рассматривает процесс «оформления» хуэйгуаней в Сучжоу следующим образом: «... заинтересованные отдельные ремесленники и купцы собирают коллег по признаку общего места происхождения, религиозных убеждений, осознающих необходимость помогать друг другу, и формируют группу. Они организуют сбор средств для найма (покупки) места для встреч и ищут способы установить связи с местной администрацией. На втором этапе формализации осознаются и обсуждаются меры по охране и использованию общей собственности»². Максимум подобных организаций создается при династии Цин в период между правлениями Цяньлуна (1736—1795) и Гуансюя (1875—1908). К концу правления династии Цин в городах насчитывалось более 800 хуэйгуаней.

Все известные организации Л.И.А. Ма разделила на четыре основных типа: ассоциации, созданные чиновниками; торговые ассоциации; профессиональные (ремесленные) объединения; «переселенческие землячества». Представляется возможным выделить в качестве одного из вариантов переселенческого хуэйгуаня — хуэйгуани, созданные хуацяо, которые, как правило, поддерживали связи с материнскими организациями, расположенными или в родной области или в порту, из которого мигранты покидали Китай. Функции хуэйгуаней в заграничных сообществах включали юридическую защиту, некоторые полицейские обязанности. Часто они содержали общежития, занимались благотворительностью (похороны,

¹ Непомнин О.Е. Указ. соч. С. 188-189.

² Цит по: Moll-Murata C. Chinese Guilds from the Seventeenth to the Twentieth Centuries: An Overview // *International Review of Social History*. 2008. V. 53. Suppl.: Return of the Guilds. P. 217.

различные формы взаимопомощи), кредитовали иммигрантов и были своеобразной «биржей труда», благодаря которой работодатели могли подыскать себе служащих. В качестве подразделений они содержали торговые или ремесленно-торговые организации. В некоторых сообществах хуацяо объединялось несколько хуэйгуаней, организовывавших федерации, которые выступали от имени всего заграничного китайского сообщества.

Итак, в традиционном Китае создавались «региональные ассоциации» для улаживания внутренних споров и конфликтов; защиты интересов своих участников в тяжбах с посторонними, местными чиновниками и от давления других групп; монополизации определенных ремесел, торговли, видов деятельности; взаимопомощи; обеспечения религиозных и культурных потребностей; оплаты транспортировки тел умерших на родину, содержания мертвецкой, где тела ожидали отправки, и кладбища; организации похорон для бедных членов; обеспечения коммуникации между членами общества и их родными в Китае¹.

В 1890-х гг. в Маньчжурии насчитывалось десять хуэйгуаней, представлявших 8 китайских провинций. У маньчжурских хуэйгуаней были более широкие функции, вытекающие из большего по численности и разнообразию членства.

Несмотря на то, что коллективная власть этих организаций была велика, государственными законами природа и объем этой власти не регулировались, как и не существовало юридической основы создания и деятельности ассоциаций.

В начале XX в. появляются новые формы организации китайских торговцев и предпринимателей, в том числе и у мигрантов, обеспечившие связь между торговцами и правительством, и отчасти взявшие на себя ряд функций хуэйгуаней. В 1904 г. правительство опубликовало первый закон о торговых палатах Китая. Все крупные коммерческие ассоциации, имевшие множество названий должны были быть реорганизованы в торговые палаты. Главные отделения палат (shangwu zonghui) должны были создаваться в коммерчески

¹ Gary G. Hamilton. *Regional Associations and the Chinese City: A Comparative Perspective // Comparative Studies in Society and History*. 1979. Vol. 21. No. 3. P. 351.

преуспевающих областях, включая все центры провинций, в менее развитых районах учреждались отделения палат (fenhui). Главные отделения палат и просто отделения предписывалось организовать в коммерческих центрах Юго-Восточной Азии, Японии, США, где действовали китайские торговцы. Палаты, в отличие от хуэйгуаней, гунсо, банов, взаимосвязаны как на региональном, национальном, так и на международном уровнях¹.

Помимо организаций, непосредственно связанных с экономической деятельностью мигрантов, можно выделить еще ряд традиционных структур и организаций, игравших важную роль в переселенческом обществе – кланы, братства, религиозные объединения и тайные общества.

Таким образом, основные формы самоорганизации китайских мигрантов большей частью сложились на территории Китая в период правления династий Мин и Цин в ходе внутренних миграций, а затем были адаптированы и использованы в ситуации эмиграции. За границей китайцы часто группировались на основе намного меньших территориальных единиц, чем в Китае, но заграничные ассоциации создавались на тех же основаниях, что и в самом Китае. При создании часто используется модель китайской семьи, с иерархическим принципом построения, четким ранжированием всех ее членов. Часто встречается использование терминов родства, различные ритуалы побратимства. Как в Китае, так и за границей, подобные организации зачастую формально не признаны государством, но выполняют государственные функции (сбор налогов, судебная, правоохранительная и др.). Кроме того, они являются посредниками между правительственными чиновниками и китайской общиной (для хуацяо); между правительством и той или иной группой населения (для Китая). Для выходцев из южного Китая чрезвычайно важна диалектная принадлежность. Единство языка зачастую выступает основанием для формирования ассоциаций. Несмотря на различные принципы образования объединений, конечной целью является оказание взаимной выручки, снижение конкурентной борьбы, монополизация тех или иных видов деятельно-

¹ Moll-Murata C. Op. cit. P. 227-229.

сти. Объединения, возникшие в эпоху Цин, формируются на основе интересов группы торговцев и ремесленников, первоначально связанных общностью происхождения, имеющих в собственности или арендующих место для собраний, самоуправляющихся, выработавших зафиксированные письменно правила, а также получивших признание со стороны местной администрации. В течение XIX в. членство в группе, связанной общностью места происхождения, стало реже встречаться как базовый признак образования объединений.

Китайские организации на территории российского Дальнего Востока. Большинство китайцев, попадавших на Дальний Восток, были выходцами из Шаньдуна, Шаньси, Чжили и Южной Маньчжурии. Первые китайские поселенцы, объединенные в различного рода союзы, на территории будущей Приморской области появляются до 1860 г. О существовании подобных организаций упоминают начальник поста Владивосток Е.С. Бурачек (начало 1860 гг.) и архимандрит Палладий (1870). Подполковник генерального штаба И. Надаров сообщал, что в 1885 г. ему было известно о существовании 14 китайских округов¹. В конце XIX – начале XX в. русской администрации удалось получить тексты законов, регламентировавших жизнь членов организаций. Несмотря на имеющуюся вариативность, можно говорить о единообразном принципе их построения. Во главе стоял главный старшина, выполнявший, как правило, и функции главного судьи. Ниже находились старшины и их помощники. Во всех обществах выбирались судьи, а в некоторых еще и следователи, собиравшие материалы о преступлениях. Для взаимодействия с русскими властями и частными лицами на Сучане и в долине Санхобэ имелись старшины, знакомые с русским языком.

Законы долин, иногда существенно отличавшиеся друг от друга, кодифицировали наказания (остракизм, палочные удары, закапывание живым в землю, утопление в реке) за различные преступления и регулировали нормы проживания. С точки зрения выпускника Восточного института И.И. Петелина, главной целью общества, заметим, как и традиционного хуэй-

¹ Надаров И.П. Материалы к изучению Уссурийского края // Сб. географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб., 1887. Вып. XXI. С. 138.

гуаня, — «было и есть монополизация этой промышленности» [сбор женьшеня, пантов, добыча собольих шкур, организация выгодной скупки всей добычи пушнины в Уссурийском крае. — Е.И.]¹. Общество также выполняло функции социального обеспечения и призерения. Основной задачей, как и хуэйгуаней, было обеспечение наиболее комфортного ведения дел, минимизация издержек внутренней конкуренции, по возможности обеспечение монополии на тот или иной вид деятельности, помощь членам общества, решение конфликтных ситуаций между ними, обеспечение коммуникации с русскими властями.

Таким образом, промысловики, приходившие в Южно-Уссурийский край и земледельцы, обеспечивавшие их продуктами, объединялись в союзы, основанные на профессионально-корпоративных и родственных (земляческих) связях. Анализ подобных организаций, возникших в других частях света, позволяет говорить о типологически сходных чертах: наличие определенной контролируемой территории, квазиадминистративного аппарата, законов, побратимских связей, при благоприятных условиях экономическое и политическое подчинение местного населения.

Сведений о подобных организациях в городах гораздо меньше, основной массив информации подобного рода относится к началу XX в. О том, что городские китайцы организованы в союзы и общества, сообщают Н. Богоявленский, В.В. Граве, В. Михайловский², но что стоит за этими терминами? Землячество, торговый или профессиональный хуэйгуань, пока эти вопросы остаются открытыми.

Не имея возможности напрямую управлять китайским населением и контролировать его, в конце XIX в. русские власти предприняли попытку легализовать на основе российского законодательства китайские организации. 15 февраля 1891 г. были изданы особые правила об общественном управ-

¹ Петелин И.И. Китайское общество Гун-и-хуэй в Уссурийском крае // Изв. Вост. ин-та. 1909. Т. XXIX, вып. 3. С. 32.

² Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 763. Л. 137; ГАХК. Ф. П.-44. Оп. 1. Д. 593. Л. 75, 76; Граве В.В. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье. СПб., 1912. С. 104; Дальний Восток. 1894. № 5. С. 3.

лении китайского и корейского населения. Китайские общества были созданы в Хабаровске, Владивостоке, Никольске-Уссурийском. Они, однако, способствовали сохранению обособленности азиатских мигрантов, поэтому в 1898 – 1901 гг. были закрыты. Отметим, что в общих чертах функции этих организаций совпадают с функциями хуэйгуаней.

Еще более сложной для изучения представляется история небольших товариществ, создававшихся китайцами в индивидуальном порядке. Исследователи отмечали, что среди китайцев развиты чувства товарищества и братства, они приводили в качестве примера обычай «кады», целью которого являлось установление побратимских связей¹. Русские власти, в принципе зная о существовании подобных обществ, редко получали достоверную информацию о них. В 1903 г. во Владивостоке удалось установить поименно членский состав двух братств – «Братства единоклассников» и «Братского товарищества». Однако подобных обществ было намного больше.

После учреждения в Китае торговых палат эти организации появляются и на русском Дальнем Востоке. Три из них – во Владивостоке (1907), Хабаровске (1910), Никольске-Уссурийском (1910) – были официально разрешены русской администрацией, остальные действовали нелегально. В.К. Арсеньев указывал, что общество во Владивостоке было основано в 1881 г., в Хабаровске – в 1889 г.². Поскольку Закон о торговых палатах был обнародован в 1904 г., логично предположить, что речь идет о торговых хуэйгуанях или гунсо, существовавших без разрешения российских властей. Впоследствии они были реорганизованы в торговые палаты и признаны русской администрацией.

Торговые палаты на русском Дальнем Востоке создавались для взаимной помощи, сбора торговых сведений; изучения и развития торговли и торговых наук, составления свода китайских торговых обычаев и перевода его на русский язык; выдачи по требованию русской администрации справок о креди-

¹ Арсеньев В.К. Китайцы в Уссурийском крае // Ф. Нансен В страну будущего. М., 2004. С. 92 – 93; Иванов Л. Цзинь-лань-пу // Вестн. Азии. 1914. № 30. С. 5; Холодов Н. Уссурийский край. СПб., 1908. С. 39; Шрейдер Д.И. Наш Дальний Восток. СПб., 1897. С. 109.

² Арсеньев В.К. Указ. соч. С. 238.

тоспособности, размере торговых оборотов и других сведений, касавшихся их членов; поддержки общих выгод и выработки цеховых уставов, найма «сыщиков» и городских для обеспечения торговли, нарушаемой хунхузами. Уставами предусматривалось оказание помощи соотечественникам: содействие в трудоустройстве и возвращении на родину, снабжение бедных пищей, временным приютом, больных — медицинскими пособиями. Число членов общества не ограничивалось, таковыми могли стать китайские подданные, кроме несовершеннолетних, злостных банкротов, должников, лиц, не пользовавшихся уважением, хунхузов, «занимающихся низкими профессиями», и ряда других категорий населения. Все члены общества, кроме почетных, были равны между собой и обладали равными правами. Общества являлись звеньями огромной цепи официальных учреждений, рассмотренных выше. Для координации деятельности на первом Всекитайском съезде купцов, прошедшем в 1907 г. в Шанхае под председательством главы Шанхайской торговой палаты Ли Юньшу, выходца из Нинбо, была создана Китайская торговая ассоциация, объединившая деятельность торговых палат в Китае и нескольких зарубежных отделений.

По фрагментарным и косвенным свидетельствам можно прийти к заключению, что на российском Дальнем Востоке были широко распространены земляческие объединения. Известно, что в Благовещенске существовали Шаньдунское землячество и землячество уроженцев других провинций («пришедшие издалека»). О.В. Залесская отмечает, что владивостокскому обществу подчинялся ряд землячеств¹.

На российском Дальнем Востоке действовали китайские тайные общества: религиозные секты и общества, основным способом существования которых была противоправная деятельность — различного рода бандитские (хунхузнические) группировки, союзы типа общества «Яньбан» (Братство опиумных контрабандистов), члены которого промышляли

¹ Залесская О.В. Китайские мигранты на Дальнем Востоке России (1917 – 1938). Владивосток, 2009. С. 26.

транспортировкой и торговлей опиумом, «Общества хозяев игорных домов»¹.

Религиозная жизнь китайцев в русских дальневосточных городах до сих пор является малоизученной темой. Известно, что во Владивостоке действовало общество Цзайли.

Таким образом, китайские общества на Дальнем Востоке могут быть разделены на три основные группы:

– *Общества не легализованные русскими властями, включая тайные общества конспиративного типа*: организации китайских промысловиков, чернорабочих, земледельцев; побратимские организации; земляческие объединения, религиозные организации, хунхузнические группировки.

– *Общества, легализация которых была инициирована русскими властями*. История их связана, прежде всего, с попытками русской администрации в 80-е гг. XIX в. поставить под контроль деятельность уже существовавших нелегальных китайских обществ. Несмотря на фрагментарность и скудость сведений, можно предположить, что сложившиеся в среде китайских мигрантов на территории российского Дальнего Востока структуры могут быть отнесены к типу «торговый и профессиональный хуэйгуань».

– *Общества, легализованные по инициативе китайцев*. К этой группе относятся так называемые «китайские торговые общества», возникшие после принятия «Временных правил об обществах и союзах от 4 марта 1906 г.».

Как и других странах, в России китайское сообщество, находившееся в том или ином населенном пункте, было не гомогенным, а достаточно сильно сегментированным, причем к началу XX в. эта сегментация обрела свои законченные институциональные формы, основа которых восходила к традиционным китайским формам самоорганизации.

¹ Сухачева Г.А. Китайские тайные общества во Владивостоке в к. XIX – н. XX в. // Китай, китайская цивилизация и мир. М., 1993. Ч. 2. С. 69.

5.8. Советская власть в поиске национальной политики: Иркутск, 1920-е гг.

В начале 1920-х гг. большевики активно искали работающие инструменты реализации своей модели решения национального вопроса. Национальная политика формировалась во многом под влиянием исторического момента, актуальных приоритетов и политических реалий. В такой ситуации эксперименты были не только неизбежны, но, с точки зрения большевиков, еще и крайне желательны. В то же время необходимость формирования повседневных бюрократических практик не позволяла слишком далеко отрываться от действительности.

В этот период выработка общей концепции решения многочисленных «национальных вопросов» не была самой злостной политической задачей. Как результат, острые теоретические и идеологические баталии по этому поводу, сотрясавшие «кремлевские кабинеты», до поры мало влияли на практику государственного и национального строительства, не воплощались в конкретные декреты, указы и инструкции, формирующие бюрократические реалии на местах. Показательна в этом смысле переписка сибирских чиновников с Москвой по поводу «национальных дел». В ней неоднократно отмечалась разбалансированность официальной политики по отношению к различным этническим группам, особенно к коренным народам Сибири. Выделялся особый подход к «проблеме», свойственный хозяйственным органам¹.

Ситуация обострилась настолько, что заведующий отделом национальных меньшинств А.Е. Скачко вынужден был сделать Коллегии Наркомнаца доклад «О положении нацменьшинств в Сибири и о создании Комитета содействия развитию окраин Сибири и населяющих их малых народностей». В докладе дается нелестная и резкая характеристика деятельности хозяйственных органов на местах: «Сибирские народности уже в течение 300 лет были угнетаемы русскими, но никогда еще их эксплуатация не достигала таких бесстыдных размеров и форм, как при Советской власти. ...По отчетам сибирских

¹ ГАРФ. Ф.Р-1318. Оп. 1. Д. 216. Л.63-64.

губотнацев видно, что они, чувствуя свою слабость, просто «умывали руки», вели работу среди латышей, эстов, евреев, а коренных народностей — остяков, тунгусов и т.п. — совершенно не касались»¹.

К этому времени термин «национальные меньшинства» стал вполне устоявшимся и официально принятым. Важность этого определяется тем, что в дореволюционной Российской империи он не использовался. Единственными социальными маркерами для «русских подданных» могли быть только принадлежность к сословию и конфессии. По замечанию М. Долбилова: «Сам статус этнического меньшинства — это, строго говоря, феномен, не знакомый империи и обусловленный существованием полноценных граждан национального государства... У власти попросту не было административных процедур для опознания и фиксации национальной принадлежности, так сказать, легализации этничности»². Очевидно, что переход от сословно-конфессиональной к этнической идентификации не мог произойти сиюминутно. По сути, на протяжении всего XIX в. шел активный поиск возможных составляющих национальной идентичности, признавая тем самым, что традиционное стратификационное деление государства уже «не работает».

Заметная скудность официального языка и размытость категориального аппарата в «национальном вопросе» может рассматриваться как косвенное свидетельство неопределенности, продолжающегося становления официальной национальной политики в целом. В начале 1920-х гг. устойчивым становится термин «нацмен». При этом в бытовой речи этничность и этнические маркеры (этнонимы) являются устойчивыми формами как групповой, так и индивидуальной идентичности.

¹ ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп.1. Д. 216. Л.65-76. Докладчик сокрушается: «Следует обратить внимание, что даже в отчетах губисполкомов всюду фигурирует старый термин царской России — «иностранцы». Возможно, термин «туземцы», который использует А.Е. Скачко, кажется ему более приемлемым.

² Долбилов М.Д. Стереотип поляка в имперской политике: деполонизация Северо-Западного края (1860-е годы). // Перекресток культур: междисциплинарные исслед. в области гуманитарных наук. М., 2004. С. 56-57, 74.

Обширная переписка различных советских органов содержит множество подтверждений этого тезиса¹.

Поиски новых социальных маркеров носили глобальный характер, затронули все слои общества и охватили всю страну. Сибирская провинция не осталась в стороне, причем, удаленность края сыграла в этом случае неоднозначную роль. Официальная переписка ясно показывает, что на местах не было уверенности, что Центр понимает и учитывает сибирскую переселенческую специфику. Встречаются неоднократные попытки разъяснить особенности этнической ситуации в регионе.

Заведующий Сибирским отделом по делам национальностей в ноябре 1920 г. в очередной раз пытался донести до Наркомна особенности своей деятельности: «До сих пор на эти вопросы смотрели, как на маловажные, не стоящие надлежащего внимания. И, к великому сожалению, до сих пор целый ряд стоящих у власти советских работников продолжают быть слишком усердными русскими и своим поведением способствуют обособленности разных национальных групп и инородческих племен, несмотря на то, что больше 50 % населения Сибири не русское». Автор делает попытку классифицировать «подведомственные» национальные группы. Такая типологизация изначально инструментальна: в дальнейшем предлагается строить работу с разными группами дифференцированно, в зависимости от их «развитости» и «культурности». Докладчик выделяет «более культурные инородческие племена» (буряты, якуты, монголы, отчасти киргизы и, особо выделяя, татары) и «национальные группы Запада» (эстонцы, латыши, литовцы, поляки, немцы, евреи, финны и т.д.) Подразумевается существование «менее культурных инородческих племен» (туземцев) и «национальных групп Востока»².

В начале 20-х гг. этническая ситуация в Иркутске претерпевала принципиальные и активные трансформации. В районах Иркутской губернии, охваченных переписью 1920 г., крайне неполной и содержащей заметные лакуны, было зарегистрировано 67 национальностей. Все население губернии исчислялось в

¹ ГАРФ. Ф.-1318. Оп. 1. Д. 435. Л. 36-41.

² ГАРФ. Ф. Р.-1318. Оп. 1. Д. 435. Л. 45-47.

676 206 человек, в том числе русских – 547 851 человек (81,02 %); бурят – 79 050 (11,69 %); евреев – 9 751 (1,44 %); татар – 9 220 (1,36 %); поляков – 7 530 (1,11 %); малороссов – 5 379 (0,79 %); ясачных¹ – 3 298 (0,49 %); китайцев – 1 865 (0,28 %); немцев – 1 497 (0,22 %); литовцев – 676 (0,10 %); мадьяр – 574 (0,08 %); эстонцев – 552 (0,07 %); корейцев – 329 (0,05 %)².

Основными советскими органами, формирующими национальную политику на местах, были губернские отделы по делам национальностей, входящие в состав соответствующих исполкомов. Как отмечалось на Всероссийском совещании Наркомнаца в декабре 1920 г., они создавались «в целях осуществления защиты интересов и удовлетворения нужд национальных меньшинств, а также установления братского сожительства, как между ними, так и между национальными меньшинствами и преобладающей национальностью». К задачам и компетенциям отделов среди прочего относились: содействие дальнейшему развитию всех национальных меньшинств данной местности; проведение классового расслоения, поднятие классового самосознания и организация трудящихся масс национальных меньшинств; установление тесной связи и согласование действий советских органов с национальными меньшинствами; издание периодической и непериодической литературы для национальных меньшинств³.

В партийных органах существовала своя этническая «административная вертикаль». До июня 1920 г. в структуре губкома РКП (б) действовал национальный отдел, осуществляющий политическое руководство региональными этническими группами. Он действовал на правах отдельного уездкома, что позволяло иметь весьма заметный политический вес и значительные полномочия. Нацотдел включал в себя несколько национальных секций, представляющих интересы наиболее значимых и по численности, и по политическим соображениям этнических групп. Работа секций к этому моменту происходила в губернском

¹ Автор определяет эту группу как «совершенно обрусевшее бурятское население».

² Соколов М.П. Демографическая перепись 1920 г. в Иркутской губернии: материалы Иркутского Губернского статистического бюро. Иркутск, 1922. Вып. 9. С. 20.

³ ГАРФ. Ф.Р-1318. Оп.1. Д.149. Л.13.

масштабе и велась на национальном языке¹. Однако 15 июля 1920 г. нацотдел был преобразован в подотдел организационно-инструкторского отдела губпарткома. В свою очередь, секции были реорганизованы в агитационно-пропагандистские секции губпарткома (некоторое время их называли бюро).

С этого момента обязанности секций сводятся в основном к агитации и пропаганде среди своих национальных групп. В «Инструкции для дальнейшей организационно-агитационной работы среди национальных меньшинств» говорится о вменяемых секциям обязанностях. Особо подчеркивалось, что работа агитационно-пропагандистских бюро «должна иметь целью сплотить массы различных национальностей с массами русских» и никак не допускать в их работе сепаратизм. Бюро должны стремиться к тому, «чтобы товарищи, не понимающие русского языка — получали бы уроки русского языка и чтобы стенки между товарищами различных национальностей и русскими товарищами были разбиты окончательно». Необходимо, чтобы работа секций велась под непосредственным наблюдением коммунистов, а члены секций обязательно входили в местную организацию и чтобы она ни в коем случае не обособлялась. Деятельность секций должна сводиться «исключительно к пропаганде и агитации среди национальности своей»².

Национальный подотдел руководил работами секций и являлся объединяющим органом всех этнических меньшинств губернии. Как свидетельствуют ежемесячные отчеты губкома, в 1920 г. в сфере внимания властей находилось несколько этнических групп, что получило отражение в секционной структуре нацотдела, куда входили следующие секции: мадьярская (позднее — венгерская), немецкая, латышская, славянская (позднее — чехословацкая), корейская; китайская; эстонская, еврейская, мусульманская, польская, бурятская³. Секции за-

¹ Государственный архив новой и новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 21. Л. 12.

² ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 416. Л. 34.

³ ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 21. Л. 63; Д. 286. Л. 28-29. В сентябре 1920 г. на основании постановления 3-й Губернской конференции бурятская секция вышла из состава нацотдела и преобразовалась в самостоятельный подотдел при Организационно-инструкторском отделе губпарткома (ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 21. Л. 80).

нимались устройством митингов и собраний; выписывали и издавали агитационную периодику и литературу на национальных языках; руководили работой национальных рабочих клубов и т.д.

Главная работа в секции ложилась на плечи агитаторов-инструкторов. В «Инструкции по работе среди нацменьшинств», авторами которой являлись заведующий агитотделом Ольховый и заведующий подотделом национальных меньшинств Гольдберг, отмечается: «Основная задача... заключается не в углублении национальных чувств, а в содействии их изживанию. На этом основном положении должна строиться работа инструкторов на местах». Деятельность инструктора была предельно регламентирована, он должен был выяснить: насколько глубока обособленность обслуживаемой им национальности от большинства населения; в какой мере владеет данная национальность языком большинства; каково влияние религии; существует ли и в какой мере национальный антагонизм; каковы производственные функции ее и отличаются ли они от производственных функций большинства. «По выяснении этих вопросов, можно приступать к работе, руководствуясь следующим. Если национальность живет в полной мере одной жизнью с большинством в смысле производства, языка, быта, то специальной работы вести не нужно. В том случае, если при всех данных условиях существует религиозность, вести антирелигиозную пропаганду среди всего населения, а не обособленно. К антирелигиозной пропаганде подходить осторожно, и на первых порах во главу угла не ставить. Если существует национальная вражда при всех данных условиях, вести борьбу с ней также, по возможности, среди всего населения. При отсутствии знания языка большинства, вести работу на собраниях, конференциях и т.д. на языке нацменьшинства, но при обязательном привлечении других национальностей, как большинства, так и других меньшинств. При различии производственных функций привлекать на собрания и т.д. наиболее пролетаризированную часть большинства населения»¹.

¹ Коммунист. Орган Иркутского губернского Комитета РКП (большевиков). Иркутск, 1922. № 1. Январь. С. 34.

Вопрос о соотношении родного языка меньшинства и русского языка серьезно волновал власти¹. Большевики неожиданно столкнулись с целым рядом проблем, имеющих «лингвистический» оттенок. Озабоченные политической пассивностью деревни и недоверием (а зачастую и враждебностью) по отношению к себе, новые власти не сразу смогли развернуть широкую агитационно-пропагандистскую работу, например в татарских деревнях. Массовое незнание русского языка, с одной стороны, и отсутствие подготовленных кадров, знающих татарский язык, – с другой, делали такую работу практически невозможной.

Самые жаркие языковые баталии развернулись «на еврейской улице». Иркутские власти отмечали: «90 % всего еврейского населения Иркутской губернии живет в городе Иркутске, где оно превышает 25 000 человек. Евреев-рабочих в Иркутске незначительный процент, остальные – элемент мелкобуржуазный. Национал-шовинисты, религиозная аристократия и буржуазные филантропы имели и по сию пору имеют огромное влияние на эти мелкобуржуазные массы. Умудренные тысячелетними скитаниями, гонениями и надругательствами, они научились ловко маскировать свои антипролетарские действия... И не мудрено, что мелкобуржуазный обыватель слепо верит им. Вот с этим элементом малочисленной еврейской секции РКП под непосредственным ведением губкома и приходится бороться и постоянно быть начеку».

В такой ситуации евсекция становилась инструментом жесткого классового контроля и подавления любых других идеологических течений. Далее в документе читаем: «...вся борьба коммунистов с национал-шовинистами сосредотачивается вокруг культурно-просветительских учреждений и вопросов социального воспитания и обеспечения. Все эти учреждения секция взяла в свое ведение: школы, детские дома, театр, клуб и различные культурно-просветительские кружки и библиотеки... Не ограничиваясь этим, секция открыла народную аудиторию на окраине, где живет еврейская беднота и там каждую неделю читаются доклады, знакомящие массы с коммунизмом, ведется культурно-просветительная работа и

¹ ГАНИИО. Ф.1. Оп.1. Д. 286 л. 5-7.

делаются попытки привлечь массу к общественной деятельности и активной поддержке Советвласти... Секция также за это время закрыла религиозные хедеры, передав губкомтруду 33 человека, обслуживающих хедеры и синагоги»¹.

Политически остро встал вопрос о соотношении иврита («старого еврейского языка») и идиша («жаргона»). С точки зрения евсекции, иврит являлся реакционным языком еврейской буржуазии и должен был быть полностью заменен идишем — языком еврейского пролетариата. Школы с преподаванием на иврите, равно как и периодические издания, закрывались. К концу 1920-х гг. иврит оказался единственным языком, объявленным в Советском Союзе «вне закона». В результате иудейское религиозное образование сделалось невозможным. Иркутская евсекция принимала все возможные меры для недопущения деятельности любых образовательных учреждений, где одним из предметов был бы иврит. Были закрыты школы «Тарбут», имеющие сионистскую «начинку»². Необходимость защиты и государственной поддержки идиша большевики рассматривали функционально, как политически необходимую, предполагая скорое вытеснение «жаргона» русским языком.

В 1923 г. на XII съезде партии была наконец выработана официальная концепция национальной политики. Анализируя итоги съезда, Б. Ольховый подчеркивает: «При царизме все национальные меньшинства угнетались великодержавной великорусской нацией и наследием этой политики является недоверие к русским со стороны этих национальных меньшинств... В то же время наследие прошлого дает себя иногда чувствовать кой-где и в партии, когда поляка называют «полячишкой», татарина — «князем», кавказца — «восточным челоуеком» и т.д. Еще сильнее это сказывается на советском аппарате, где пренебрежение к интересам нацменьшинств, благодаря бюрократическим извращениям этого аппарата, могут давать о себе сильно чувствовать»³.

¹ Коммунист. 1921. № 6. Апр. С.17 – 19.

² ГАНИИО. Ф. 1. Оп.1. Д. 465. Л. 1-3.

³ Коммунист. 1923. № 4-5-6. Апр., май, июнь. С.1-5.

К этому моменту этническая картина в Иркутске в очередной раз изменилась. Бурятская секция была расформирована вследствие выделения Бурятской области. Эти преобразования рассматривались властями, как громадный шаг к решению бурятского вопроса. Члены европейских иностранных групп ушли в свои государства, а выбравшие советское гражданство должны были отказаться от своей этничности, по крайней мере от ее открытой манифестации¹. С уходом Интернациональной дивизии 5-й Армии резко уменьшилось число корейцев и китайцев. Свою роль сыграло и их вытеснение из сферы ручного труда рабочими-татарами. Процесс ассимиляции евреев шел полным ходом, и они переставали выступать как единая диаспорная группа. В составе подотдела национальных меньшинств осталась только одна секция – татарская. Другие секции были упразднены «в виду малочисленности населения соответствующей национальности»².

Складывается впечатление, что алгоритм взаимодействия Советской власти с национальными меньшинствами в основном сложился. В результате многовекторных поисков были сформированы административные и политические структуры, позволяющие чиновникам эффективно управлять меньшинствами. Сложился язык публичного обсуждения национальной проблематики.

Не случайно, что именно к 1923 г. завершился процесс секуляризации церковного имущества. Это стало формальным итогом отделения церкви от государства. Но для локальных этнических групп религиозные структуры уже не играли роли повседневно необходимых институций. Они были заменены структурами нового государства. Светская этническая идентичность предполагает ее манифестирование конкретным индивидом, что во многом определяет природу взаимодействия меньшинства с чиновниками, принимающим обществом, другими национальными группами.

К середине 1920-х гг. фактически завершился переход от сословно-конфессиональной идентичности к этнической идентичности. Маркирование по «национальному признаку»

¹ Там же. 1922. № 2. Февр. С. 28.

² Там же. № 9. Сент. С. 27.

прочно и надолго становится элементом советского образа жизни. Меньшинства к этому моменту тоже научились уживаться с новой властью. Более того, они встроились в структуру нового государства на принципиально иных, нежели в Российской империи, основаниях.

5.9. Воспроизводство этнической культуры в диаспоре (на примере немцев в Сибири)

Изучение культуры немецкого населения Сибири проводилось в рамках историко-этнографических экспедиций Омского государственного университета с конца 1980-х гг. Главное внимание уделялось таким традиционным для этнографии темам, как жилище, одежда и пища, обряды и обычаи, семейные отношения. Было проведено несколько этносоциологических опросов, которые позволили определить основные направления развития этнических процессов в сфере идентичности, языка, культуры, межнациональных отношений. Собранные в экспедициях сведения об этнической культуре, самые ранние из которых относятся ко времени переселения немцев в Сибирь в конце XIX – начале XX в., а самые поздние – к настоящему времени, сравнение этих материалов с архивными и опубликованными источниками по традиционной культуре немецких колоний, существовавших ранее в Поволжье, Новороссии и на Воляни, с народоведческой литературой, вышедшей в Германии, а также с источниками по изучению немецкой диаспоры в Америке, позволяют сделать некоторые выводы об особенностях развития этнической культуры в диаспорных группах.

Для российских немцев эти особенности определяются почти непрерывным движением, постоянными переселениями, как добровольными, так и в результате депортации, несколькими волнами эмиграции. Не случайно российские немцы называют себя «Volk auf dem Weg» («народ в пути»). Эти переселения в совершенно новые условия (природно-климатические, политические, социальные, культурные, этнические) приводят к возникновению в культуре двух противоположных тенденций. Первая – это стремление сохранить и воспроизвести

на новой территории обитания уже сложившиеся культурные традиции, которые рассматриваются как неотъемлемый признак «своей» культуры и служат залогом сохранения идентичности. Пожалуй, лучше всего эту тенденцию охарактеризовал В. Дятлов: «Широко распространено мнение, что диаспоры — это некий отделившийся кусок этнического материка, его продолжение, несущее в себе все его основные характеристики. Более того, иногда они расцениваются как эталон, истинный носитель общенациональных качеств, теряемых по тем или иным причинам жителями национального очага. Часто, особенно в журналистских очерках, встречаются ностальгические описания «настоящего» языка, обычаев, нравов, которые можно встретить только у представителей диаспор»¹.

Это мнение существует и у российских немцев, особенно у тех, кто не стремится переезжать в Германию. Один из респондентов сказал: «Я уезжал в Германию и вернулся. Разве там немцы? Там дети родителей ни во что не ставят. Мы своих родителей только на «Вы» называли, а они на своих родителей в суд подают, если они не дают им карманных денег. Это уже не немцы, это американское влияние. Еда там американская, кино американское. Там немцев уже не встретишь, везде турки, поляки, итальянцы. Пропала Германия. Только у нас немцы и остались».

Вторая характерная черта культурного воспроизводства — это восприятие нового, приобретение новых качеств, нового культурного опыта, заимствования у других народов и культурное обновление в результате процессов модернизации культуры. Важно отметить, что и в ходе этих процессов, которые можно назвать инновационными, происходит превращение новаций и заимствований в традиции, которые впоследствии часто сознательно культивируются как «национальные». Обе тенденции сосуществуют абсолютно непротиворечиво и гармонично, имеют в разные исторические периоды разную интенсивность, а результатом — совершенно уникальную культуру, и продолжают до тех пор, пока существует диаспора.

Культурное воспроизводство у российских немцев Сибири в первые десятилетия после их переселения из европейской

¹ Дятлов В. Диаспора: попытка определиться в понятиях... С. 13-14.

части России было обусловлено процессами адаптации к местным климатическим условиям и к жизни в иноэтничной, инкультурной среде. Процессы адаптации привели к изменениям не только в материальной культуре. Поздняя весна, короткое лето и ранняя холодная осень изменили сельскохозяйственный календарь, а вместе с ним – и календарную обрядность. Социальные трансформации российского общества привели к изменению социальной структуры немецкой этнической общности, роли и функций общины, структуры семьи, семейной обрядности и духовной жизни в целом. Очень большим было влияние русских сибиряков и других народов, рядом с которыми проживали немцы. Во второй половине XX в. на развитие этнической культуры решающее влияние оказывают процессы урбанизации и формирования массовой культуры.

В результате этих процессов, сопровождаемых проникновением элементов культуры современной Германии, в конце XX–начале XXI в. происходят значительные культурные трансформации. Поэтому исследование этнической культуры немецкого населения Сибири, многообразной, постоянно меняющейся, но сохранившей множество архаичных форм, логично провести в зависимости от процессов, которые играли ведущую роль в ее функционировании. Это процессы адаптации, консервации архаики, консолидации групп мигрантов в этнотерриториальную общность и модернизации под влиянием культуры современной Германии.

Адаптация. За 200-240 лет с момента переселения немцев в Россию, они меняли место своего обитания неоднократно и, оказавшись, в конце концов, в Сибири, продемонстрировали великолепные адаптивные свойства национальных культурных форм. Об этом свидетельствуют и высокие экономические показатели развития немецких групп, и формирование устойчивого комплекса культуры, обладающего выраженной этнической спецификой.

Эта специфика была в значительной мере связана с местами выхода переселенцев, поскольку в материнских колониях европейской части России до начала XIX в. уже сложились устойчивые комплексы материальной культуры колонистов. В условиях Сибири стали формироваться новые формы жили-

ща, одежды и пищи, которые интегрировали в себе и традиционные элементы, и заимствованные у окружающего населения, и инновации, связанные с развитием технологии и промышленного производства. Никто из переселенцев не ставил своей целью во что бы то ни стало сохранить в неизменном виде традиционную культуру. Напротив, они стремились как можно быстрее приспособиться к новым условиям, поэтому активно перенимали те элементы культуры, которые уже доказали свою жизнеспособность.

Поскольку природно-климатические условия Сибири значительно отличались от условий Поволжья и Причерноморья, основной проблемой являлась хозяйственная адаптация, которая повлекла за собой изменения в материальной культуре. При переселении в Сибирь немцы получили главное – землю, и в достаточном количестве. Первоначально они пытались применять прежние приемы агротехники и выращивать привычные сельскохозяйственные культуры. Однако от некоторых (садовые, бахчевые культуры, виноград) пришлось вскоре отказаться, поскольку возможности для земледелия оказались хуже, чем в материнских колониях. Большую долю в структуре хозяйственных занятий стало занимать животноводство¹. Немцы разводили свиней и крупный рогатый скот. Для производства мяса и молока они приобретали коров местной киргизской породы. Но вскоре она была признана малопродуктивной. Из Екатеринославской и Таврической губерний были вывезены производители знаменитой краснемецкой породы, и на месте была проведена большая племенная работа. То же произошло и с лошадьми. Местные киргизские лошади, предназначенные в основном для верховой езды, не выдерживали тяжелого земледельческого труда, поэтому и здесь была проведена большая племенная работа и выведены новые породы лошадей. Среди переселенцев из Причерноморья сохранилось овцеводство. Причем овец круглый год держали в холодных помещениях, чтобы у них лучше росла шерсть.

¹ Подробно структура хозяйственных занятий была рассмотрена А.Р. Бетхером. См.: Бетхер А.Р. Традиционное хозяйство немцев Западной Сибири в конце XIX – первой трети XX в.: автореф. дис. . . . канд. ист. наук. Омск, 2003. С. 11-22.

В прямой зависимости от развития хозяйства находилось развитие материальной культуры — жилища, одежды и пищи. Первым переселенцам, разумеется, приходилось очень сложно. В южных районах нужно было поднимать целину, а в северных районах — вырубать лес. Не могло идти речи о полном воспроизводстве традиций строительства, питания, производства одежды, существовавших в материнских колониях. Частично воспроизводились только те традиции, которые «вписывались» в новые условия обитания или им не противоречили. Они начинали воспроизводиться не сразу после переселения, а с некоторой задержкой во времени, когда завершался экстремальный период выживания, связанный с переездом.

Первоначально все переселенцы жили в землянках и полуземлянках. Они строились без соблюдения каких-либо правил и традиций, поскольку воспринимались всеми переселенцами как временное жилище, необходимое для того, чтобы перезимовать и начать строить дом. Первыми домами были так называемые «пластянки», построенные из дерновых пластов. Пластянки разрушались в течение 5-15 лет и почти не сохранились до наших дней. Для строительства постоянных домов немцы использовали лес или саман, в зависимости от местности. В последние годы часто используется кирпич и материалы, созданные по современным технологиям.

Поскольку пришлось отказаться от использования традиционной строительной техники и привычных строительных материалов, перенимать у окружающих их строительные приемы, немецкое жилище имеет много общего с жилищем других групп поздних переселенцев — русских, украинцев, латышей, эстонцев, чувашей и др. Но даже простой поверхностный взгляд на немецкие поселения позволяет ощутить их отличия от поселений других народов. Этническая специфика немецкого жилища продолжает сохраняться, прежде всего, в планировке жилищно-усадебного комплекса и интерьере.

Например, у некоторых групп немцев Сибири (в основном меннонитов и волынских немцев, предки которых происходили из северных земель Германии) часто встречается объединение под одной крышей жилых и хозяйственных помещений и продольно-раздельный план (параллельно коньку крыши),

характерные для северонемецкого жилища. В группах поволжских немцев более распространен средненемецкий тип двора, при котором хозяйственные помещения выделены в надворные постройки, а для планировки жилища характерно поперечное по отношению к коньку крыши деление. Сохраняется также ориентирование домов по сторонам света и расположение дома относительно улицы. Обязательными элементами немецкой усадьбы остаются передний (парадный, с цветником) двор и задний двор для скота, летняя кухня, коптильни и летние печи для хлеба и кормов. Во многих домах сохраняются печи-голландки, которые служат только для обогрева помещения. Русские печи встречаются крайне редко, но много печей смешанного типа, которые одновременно используются и для тепла, и для приготовления пищи, вытапливания жира, копчения продуктов, выпечки хлеба, нагрева воды. Бани тоже стали строить относительно недавно, раньше кухня использовалась и как ванная комната. Примером адаптации можно назвать устройство колодцев внутри помещений.

Для немцев вообще характерно рационализаторство, «инженерный склад ума»: они постоянно совершенствуют орудия труда, утварь, бытовые приспособления. У них все устроено с рациональной точки зрения, поэтому и при устройстве жилища все было сделано так, чтобы зимой не нужно было лишний раз выходить на мороз. Это стремление к усовершенствованию быта буквально возведено в культ, как чистота и аккуратность. Этническая специфика в планировке жилья существует, но для самих немцев более важным является не планировка, а отношение к жилищу как выражению состоятельности, хозяйственности. Критериями «немецкого» дома являются демонстрация достатка и идеальный порядок, поскольку красивый и ухоженный дом — это еще и средство доказать, что его хозяева являются «настоящими немцами». Даже в пище, этой наиболее консервативной сфере материальной культуры, мы видим тенденцию развития от «традиционной пищи» к «национальной кухне». Эта общая тенденция, но у российских немцев она стала наиболее выраженной в последние годы.

Консервация архаики. Характерные для культуры диаспорных групп консервация архаичных элементов и утверждение

их в роли этнических символов наиболее явно прослеживаются в сфере духовной культуры, в частности в обрядовой сфере. Многие обряды и обычаи, бытовавшие в германских землях в XVIII в., в современной Германии унифицированы либо полностью утрачены. В Сибири они были законсервированы и предоставляют уникальную возможность для реконструкции традиционной немецкой обрядности. Многие германские ученые, побывав в немецких селах, говорили: «Они живут в XVIII веке!» Конечно, по сравнению с XVIII в. произошли огромные изменения. Скорее, это мнение подчеркивает ту дистанцию, которая существует между обрядностью российских немцев и обрядами в современной Германии.

Собранные в экспедициях материалы свидетельствуют о том, что наибольшее количество архаичных элементов сохранилось в свадебной, похоронной обрядности и календарных праздниках зимнего цикла. Их «консервации» способствовала изоляция от основного ядра культуры, невозможность обновления, воспроизводство, исходящее только из внутренних ресурсов, и значительная дистанция между немцами и окружающим населением, в основном языковая и религиозная.

В свадебной обрядности архаика сохраняется в обычаях сватовства, особенностях приглашения на свадьбу, обрядовой трапезе, ритуале снятия венка с невесты, передаче венка незамужним девушкам, обрядовом фольклоре. При сватовстве и во время свадебной церемонии «хозяин» свадьбы (Hausvater) держит в руках жезл или посох, украшенный сверху цветами (Freierstock, Perstock). Каждый приглашенный должен завязать цветную ленту на жезл, по количеству лент считают приглашенных гостей. Этот жезл в Германии практически не встречается, а у российских немцев он стал символом свадьбы, которая проводится «по-немецки».

В группе волынских немцев сохранился обычай, когда «хозяин» свадьбы приглашает гостей, сидя верхом на коне. Для этого случая был специально выученный конь, который умел наклоняться и заходить в дом. Его грива была украшена цветами и лентами, на шее висели колокольчики. Традиция использования в обрядности коня имеет очень древние корни.

Ее анализ проводится в работе Ю.В. Ивановой-Бучатской¹. Она упоминает о белом коне в качестве центральной фигуры в свадебных играх и представлениях в Мекленбурге и считает, что истоки этого обычая следует искать в западнославянских землях, поскольку «только здесь сохранилась старая форма обычая, которая известна и лужицким сербам на территории Германии». В некоторых районах Польши в рождественской обрядности существовал обычай, который назывался «водить коня». Он заключался в том, что всадник въезжал на коне в избу, будил колокольчиками хозяев, произносил приветственный стих. Ю.В. Иванова-Бучатская считает, что Северная Германия и западнославянские земли составляют единый ареал распространения этой традиции. Поскольку подавляющее большинство немецких колоний на Волыни было основано выходцами из Пруссии и привисленских губерний Царства Польского, то есть из районов славяно-германского пограничья, логично предположить перенесение традиций, связанных с конем, из этих районов на Волынь, а уже из волыньских колоний – в Сибирь.

Консервация архаичных элементов характерна для всех конфессиональных групп, но в большей степени она отмечается у лютеран и католиков. У них сохраняются «Polterabend» («вечер шума» накануне свадьбы), действия с курицей во время «Hochzeitschwanz» («свадебного хвоста»), в некоторых местностях – ритуальное бритье жениха, и повсеместно – обычай «zweite Hochzeit» («второй свадьбы»). Обрядность меннонитов и баптистов не менее консервативна (у них, например, сохраняется обычай коллективной выпечки хлеба перед свадьбой, строгое отношение к девственности молодоженов, решение о свадьбе принимается общиной), но обрядность эта в силу религиозных установок лишена развлечений, многодневного всеобщего веселья, обильной трапезы и алкоголя.

В похоронной обрядности наиболее ярким примером консервации архаики является обычай «Totenhochzeit» (свадьбы покойников). Все описания этого обычая в Германии имеют своей верхней границей конец XIX или начало XX в. В Сибири

¹ Иванова-Бучатская Ю.В. Plattes Land: Символы Северной Германии (славяно-германский этнокультурный синтез в междуречье Эльбы и Одера). СПб.: Наука, 2006. С. 106-119.

обычай хоронить не состоявших в браке так, как хоронят женихов и невест, устраивать покойникам «свадьбу», бытовал на протяжении всего XX в. Последние похороны подобного рода, сведения о которых были собраны в экспедициях, относятся к 2002 г. Особенностью «свадьбы покойников» у немцев Сибири является отсутствие возрастных границ. Главным критерием для совершения обряда «венчания» считается девственность покойных¹. Вряд ли всем этим архаичным обычаям суждена долгая жизнь, но их длительное бытование не подлежит сомнению и представляет одну из ведущих стратегий культурного развития в диаспоре.

Заимствования. В культуре диаспор всегда имеется множество заимствованных элементов. Это вполне очевидное явление связано с тесным взаимодействием с окружающими народами и восприятием культурных традиций, распространенных в новой среде обитания, главным образом тех, которые имеют преимущества по сравнению с традиционным комплексом культуры или не имеют в ней аналогов. Следует отметить наложение или совмещение культурных элементов. Заимствованные элементы чаще всего не вытесняют бытовавшие прежде, а начинают существовать наравне с ними, параллельно. Например, немцы в России все праздники отмечают по двум календарям – юлианскому и григорианскому. По их собственному выражению, они отмечают праздники «сначала по-немецки, потом по-русски». Одним из самых любимых праздников является Рождество (Weihnacht), которое празднуют 25 декабря. В доме ставится елка, которую украшают игрушками, сладостями, свечами или гирляндами огней. Елка стоит в доме до старого Нового года (14 января). Кроме того, жилище украшается распустившимися зелеными ветками лиственных деревьев, которые заранее, в начале декабря, ставятся в воду. Зелеными ветками немцы украшали свое жилище еще до распространения обычая ставить елку. Во многих землях Германии обычая ставить елку не существовало до XVIII в. То есть, помимо совмещения сроков, происходит совмещение и двух символов Рождества – ели и зеленых ветвей. Обычай

¹ Более подробно: Смирнова Т.Б. Обычай венчания покойников у немцев Сибири // Этн. обозрение. 2008. № 5. С. 133-144.

ставить елку позаимствован у русских уже в советский период, а до этого украшали дом только зелеными ветками.

Займствованные элементы очень быстро, на протяжении одного-двух поколений, начинают восприниматься как «свои». В первую очередь это относится к материальной культуре. У немцев в Сибири, например, очень много пищевых займствований. Наряду с кухне, штурделем и колбасами, они считают национальными блюдами холодец, вареники, в районах совместного проживания с казаками – баурсаки, бешбармак и т.д.

В суровом климате Сибири многие элементы одежды были позаимствованы у местного населения. Но многие вещи немцы стали делать лучше, чем коренные сибиряки, например валенки. Широкому распространению валяной обуви способствовало и то, что немцы Сибири занимались овцеводством, поэтому сырье для валенок, овечья шерсть, всегда было в избытке. Пимокаты-кустари были в каждом селе, а в некоторых селах существовали пимокатные мастерские. Способ изготовления валенок был займствован немцами у русских. Так как никакая другая обувь не сравнится с валенками по удобству и способности сохранять тепло в суровые сибирские зимы, они настолько прочно вошли в быт немцев, что многие из них считают их своей традиционной обувью. «Оказывается, русские тоже пимы катают!» – такое выражение приходилось слышать от информаторов неоднократно.

Консолидация. Этнокультурное взаимодействие происходило не только между немцами и другими народами Сибири, но и между различными группами немцев. Сглаживались различия, складывались единые, консолидированные культурные формы. В составе немецкого населения Сибири выделяются более или менее крупные группы, сохраняющие память о колониях, из которых приехали их предки. Это поволжские, украинские, волынские немцы и меннониты. Самой крупной группой являются поволжские немцы, поскольку кроме потомков добровольных переселенцев конца XIX – начала XX в. в нее входят депортированные из республики немцев Поволжья в 1941 г. В настоящее время более половины немцев, живущих в Сибири, называют себя «сибирские немцы» (Sibiriendeutsche). Еще в

конец 1980-х гг. в экспедициях были зафиксированы небольшие локальные группы, которые называли себя крымскими, кавказскими, житомирскими, запорожскими немцами, швабами, ципсерами, саксонцами, баварцами и т.д. Сейчас они уже не встречаются, «сибирских» немцев становится все больше. Наряду с формированием региональной идентичности происходила консолидация культурных комплексов. Признаками ее являются исчезновение локальной специфики материальной культуры, островных диалектов, снижение вариативности обрядности и возникновение черт культуры, которые можно назвать «общесибирскими». Основной причиной является совместное проживание в сходных условиях, тесное взаимодействие.

Необходимо выделить роль политического фактора в консолидационных процессах. Эти процессы начинаются уже в XVIII в., при переселении выходцев из разных земель раздробленной Германии и других европейских государств в результате единой политики государства по отношению к колонистам. В Российской империи, где критерий этнической принадлежности при определении состава населения явно уступал критерию языковой принадлежности и вероисповедания, к «немцам» было отнесено большое количество групп, не являющихся собственно немцами по происхождению. Поэтому в их составе оказались люди, имеющие, например, французское или австрийское происхождение. Меннониты всегда подчеркивают свое голландское происхождение, а голендры – польское, при этом и те и другие считаются немцами. Интересно, что при разработке методических рекомендаций к проведению переписи населения 2002 г. переписчикам было рекомендовано записывать людей, называющих себя меннонитами и голендрами как немцев. Отнесение разных, гетерогенных по происхождению, германоязычных групп населения к немцам и проведение в их отношении единой политики привело к консолидации, к сближению этих групп.

К дальнейшему слиянию, смешиванию разных немецких групп привела их депортация в 1941 г. В сибирских селах – немецких, русских, украинских, смешанных – оказались немцы, депортированные из самых разных мест, в том числе и боль-

шая часть городского населения. Они отличались от местных немцев, говорили на разных диалектах, имели разный социальный статус и образование, разную культуру и веру и т.д. Одинаковым было только отношение государства к ним, к «немцам по национальности», как к врагам государства, и это отношение объединило всех немцев, хотя и помимо их воли. Как сказал один из наших информаторов, «это сначала мы делились на местных и депортированных, а трудармия сравнила всех». Консолидация, таким образом, приводит к складыванию из групп мигрантов определенных этнотерриториальных общностей, и немцы Сибири являются одним из примеров подобной общности.

Модернизация. Воспроизводство этнической культуры в диаспоре напрямую связано с интенсивностью контактов с местами выхода мигрантов, с прежней Родиной. Тесные контакты приводят к постоянному обновлению и позволяют диаспорной культуре находиться в общем русле развития национальной культуры. Эту стратегию можно обозначить как культурную модернизацию. Разрыв связей приводит к консервации архаики и массивным заимствованиям из окружающей среды, в конечном итоге — к культурной ассимиляции. На протяжении существования российской немецкой диаспоры ее связи с Германией постепенно ослабевали, пока с началом Второй мировой войны не прервались окончательно. Но с начала 1990-х гг., под влиянием политических перемен и массовой эмиграции, контакты российских немцев с Германией стали такими прочными, как никогда раньше. Этому, безусловно, способствуют и современные формы коммуникации, и те меры помощи, которые федеральное правительство Германии оказывает своим соотечественникам. Культура современной Германии через личные контакты и впечатления, литературу и Интернет, религиозные организации и систему образования активно проникает в жизнь диаспоры. Фактически, за последние 20 лет произошла радикальная модернизация этнической культуры немцев в России. Если раньше традиции передавались в основном из поколения в поколение, основным хранителем традиций были религиозная община и семья, то сейчас информацию о «немецких традициях» люди

получают в национальных культурных центрах, через СМИ, другие подобные каналы, и эта информация в основном уже касается традиций, существующих в современной Германии.

Приведем примеры из полевой практики, касающиеся обрядности. На протяжении XX в. практически во всех группах немцев Сибири осенью отмечались два праздника – праздник урожая и праздник забоя скота. В последние годы отмечается тенденция совмещения этих праздников в одном – «Erntedankfest» (Праздник благодарения), явно под влиянием массовой культуры Германии. Свидетельством этого влияния можно считать и широкое распространение, особенно в городской среде, праздника «Oktoberfest». Празднование Октоберфеста, превратившегося к настоящему времени в пивной фестиваль, началось в Баварии в 1810 г., то есть уже после переселения немцев в Россию, поэтому российские немцы этот праздник не знали и не отмечали. Но широкие связи с Германией в последние годы и практическое совпадение сроков праздников приводят к постепенному замещению у немцев в России праздника урожая Октоберфестом. Сейчас Праздник благодарения отмечают в основном в сельских религиозных общинах, а Октоберфест – в городах. Примечательно, что и традиций пивоварения у российских немцев не было, их «любовь» к пиву – это тоже явление последних десятилетий.

Иногда копирование обычаев Германии принимает неестественный характер. Во время экспедиции в с. Ананьевка Кулундинского района Алтайского края в 2006 г. нам рассказывали о «местном» обычае рождественского одаривания детей, когда Святой Николай раскладывает подарки в детские сапожки, развешанные на камине. Десятью годами раньше в этом селе повсеместно бытовал обычай одаривания, в котором главным героем был Вайнахтсманн (или Пельцникель) – ряженный в овечьи шкуры и звериную маску страшный персонаж, который давал подарки послушным детям, а озорников бил плетью и цепью. Камин в Ананьевке не было тогда, нет и теперь, легенда о Святом Николае имеет явно вторичный характер. Таким же примером слепого копирования может служить «Майское дерево» (Maibaum). В первых экспедициях установка «Майского дерева» была зафиксирована только

в нескольких католических общинах, естественно, поздней весной, как знак внимания юноши к понравившейся девушке. В настоящее время «майское дерево» ставят повсеместно, на всех праздниках, которые проводят национальные культурные центры, даже осенью и зимой. Майское дерево, таким образом, стало символом «немецкого» праздника.

Очевидно, что одним из условий и залогом сохранения диаспорной группы является сохранение ее культурной специфики. Если раньше, когда связей с Германией не было, и группа находилась фактически в изоляции, культурная специфика сохранялась благодаря консервации архаичных элементов, то в современных условиях необходимость в этом отпадает. С установлением постоянных и прочных связей, с регулярным получением и восприятием этнически значимой информации культурная специфика группы уже не подлежит сомнению и не находится под угрозой исчезновения. В принципе, для членов диаспоры уже не важно, что эта новая культура носит вторичный характер и имеет мало общего с культурой их предков. Восприятие этой культуры позволяет немцам осознавать себя немцами — и это главное.

В диаспоре этническая культура выполняет важнейшую функцию выражения и внешнего проявления этничности. В условиях миграций на большие расстояния и при длительном существовании диаспорной группы в новых природно-климатических условиях и в инонациональном окружении, воспроизводство культуры имеет такие особенности, как длительное сохранение в культуре черт и элементов, присущих культуре метрополии в то время, когда происходила миграция группы на новую территорию; снижение локальной вариативности культуры разных групп мигрантов в результате процессов внутриэтнической консолидации; органичное сосуществование в культуре традиционных и заимствованных форм; зависимость развития этнической культуры от интенсивности связей с бывшей Родиной.

Выделение стратегий воспроизводства этнической культуры представляет собой исследовательскую процедуру и является в большой степени условным. В реальности консервация архаики, заимствования, консолидация и модернизация этни-

ческой культуры не расчленены, взаимно обусловлены и сосуществуют в комплексе. Все эти стратегии имеют в итоге вектор развития, который можно назвать культурной символизацией. Эти стратегии приводят к формированию, выделению определенных элементов культуры, общих для всей диаспорной группы. Членами группы они понимаются и осознаются как присущие только этой группе культурные элементы, которые отличают «свою» культуру от культуры окружающего населения. Эти культурные элементы начинают восприниматься в качестве общих национальных символов и культивируются и воспроизводятся (часто на уровне подсознания) именно в качестве национальной культуры. Причины, по которым те или иные элементы культуры становятся этническими (национальными) символами, неоднозначны и требуют дальнейшего исследования, но главная их функция заключается в сохранении культурной отличительности диаспоры.

Заключение

Так или иначе, все сюжеты главы концентрируются вокруг основного вопроса: что же происходит с представителями меньшинств, попавших в состав переселенческого общества позднеимперской России? Общества сравнительно нового, формирующегося путем синтеза разнородного переселенческого и, не менее гетерогенного, аборигенного населения. Причем синтез происходит в контексте сильной имперской власти, на базе русского языка и культуры, на основе привнесимого из-за Урала экономического уклада и технологий, в экстремально тяжелых условиях жизни и крайне малочисленного населения.

Представители меньшинств попадают сюда в результате добровольного и недобровольного переселения, в одиночку и группами. Процесс их миграции бывает растянут во времени, но иногда может принимать концентрированный, «залповый» характер. Переселяются крестьяне и горожане, на новой земле они добровольно или вынужденно избирают деревенский или городской уклад жизни. Какие стратегии адаптации они при этом выбирают? Входит ли в эти стратегии задача сохранения

прежней групповой идентичности? Используются индивидуальные или коллективные практики вхождения в новое общество в экстремальных условиях? И если коллективные — то формируют ли переселенцы эти коллективы на новом месте или приносят их с собой? Если формируют — то каков механизм? На каких основах это происходит?

Теоретически можно предполагать существование ситуации «плавильного котла», господства индивидуальных стратегий, ориентированных на ассимиляцию, полное растворение в принимающем обществе, обретение новых групповых характеристик и самоидентификаций. Особенно если происходило постепенное и дисперсное расселение, при крайне ограниченных возможностях личного выбора места и условий жизни, в экстремальных условиях природы и замкнутых небольших коллективов. В ситуации полного доминирования русского языка и культуры, давления власти, задававшей параметры групповой организации через сословную систему. Когда смена языка и религии (то есть почти полная смена социального кода) становились условием личного вертикального социального роста. При этом рудименты прежних идентичностей и культурных характеристик могли сохраняться. Происходили одновременно русификация и осибирячивание — как обретение неких общих характеристик региональной группы.

Однако осибирячивание вполне могло происходить и без глубокой русификации. Предпосылкой тому становились групповые стратегии адаптации. Они могли действовать в ходе массовых, практически единовременных переселений. Тогда происходила полная или частичная трансплантация культурных норм и механизмов социальной организации. Это могли быть, к примеру, ссыльные участники двух польских восстаний, добровольные аграрные переселенцы по столыпинской реформе.

Крайний вариант полной трансплантации группы демонстрировали, например, меннониты. На новых землях они полностью воспроизвели все элементы духовной, религиозной жизни, социальных связей и отношений, хозяйственного уклада, стиля жизни. Понятно, что представителям меньшинства легче сохранить привычный уклад и образ жизни, тип

социальной организации, систему ценностей, религиозных и культурных норм при аграрном переселении, при формировании собственной сельской общины. Необходимость приспособления к новым природным условиям, повседневные контакты с инокультурными соседями заставляли, конечно, многое менять, особенно в технологической сфере, многое перенимать. Технологические перемены, особенно в сельском хозяйстве, неизбежно сопровождались культурными, как это показано на немецком примере. Но сама консервативность сельской жизни являлась мощной поддержкой и опорой групповой самоорганизации и идентичности. Перемены часто принимали форму развития и укрепления традиции. Большую важность приобретал и фактор покинутой (хотя бы и добровольно, с возможностью возвращения) «исторической родины», поддержания связей с оставшейся там «материнской группой».

Групповая трансплантация была не единственной, возможно, и не преобладающей стратегией адаптации к новым условиям. Происходили процессы групповой консолидации и непосредственно на новом месте, в Сибири. Наиболее полно и ярко это демонстрирует процесс формирования еврейских общин. Как правило, евреи попадали в Сибирь индивидуально, не в составе групп. Добровольно и принудительно. Расселялись дисперсно, в том числе и в результате целенаправленной политики властей. Избирали по преимуществу городские профессии и сферы занятости (торговля, ремесла, услуги), но часто занимались этим и в деревнях. Приписывались к различным сословиям. Все это не мешало им формировать устойчивые общины с эффективными механизмами внутреннего контроля, поддержки и регулирования, воспроизводства культурных норм. Общины могли быть внутренне неоднородными, раздираться глубокими противоречиями и конфликтами, но это не мешало их деятельности и не снижало эффективности. Отдельные примеры индивидуальной интеграции евреев (ассимиляция через принятие православия) наблюдались, но это был маргинальный вариант.

Эти примеры заставляют задаться вопросом — каковы стимулы, условия и механизмы групповой консолидации попов-

ших в Сибирь представителей меньшинств? Что заставляло их избирать диаспоральную стратегию и практику адаптации, которая подразумевает формирование сети социальных связей и системы взаимоотношений, жизненных практик и культурных норм, основанных на представлениях о единстве судьбы и места исхода, ценности памяти об «исторической родине» и связей с нею (реальных или духовных)? Каковы механизмы функционирования формировавшихся в результате общин? Наблюдалась ли внутренняя динамика, трансформация этих механизмов?

На поверхности лежит то обстоятельство, что для представителей некоторых меньшинств жизнь в диаспоре была нормой и до Сибири. Евреи, как в «черте», так и вне ее, немцы в аграрных колониях и в качестве иноэтничного и инорелигиозного меньшинства в городах Европейской России накопили большой опыт и навыки жизни в диаспоре. Они принесли этот опыт в переселенческое общество.

Практические навыки, умения выстраивать отношения с представителями большинства, властями, находить приемлемые для всех «экономические ниши» были важны. Но еще важнее были ценности идентификации — то, ради чего, собственно, воспроизводство группы и необходимо. И здесь сразу же выходит на первый план религия, как безусловная ценность, вбирающая в себя все остальное. В условиях господства на новом месте иной религии (господства в силу численного преобладания верующих и опоры на власть) только формирование собственной религиозной общины становилось залогом сохранения прежней социальности. Это была именно конфессиональная община. И то, например, что часто, исходя из современного понимания, рассматривается и маркируется как немецкая община, было общиной лютеранской. Еврейская община — иудейской, польская — католической. Можно предположить (но это нуждается в отдельном анализе), что при отсутствии религиозных различий или особых отношениях с православием (у армян и грузин, например) и стимулы к общинному строительству были меньше. Особенно интересен в этом плане пример с теми переселенцами из западных губерний, которые станут потом белорусами.

Этот процесс происходил в условиях общества, где конфессиональность была одним из сословно формирующих оснований. Поэтому властью самоорганизация в форме религиозных общин признается делом в принципе законным, иногда необходимым. В некоторых случаях, исходя из общеполитических соображений, власти могут ставить препятствия, но не могут выступать против процесса в целом. Кроме того, власть через формальные статусы или неформальное, но мощное отторжение выдавливала некоторые меньшинства, что способствовало их консолидации. Общеизвестен особый правовой статус евреев страны вообще, и сибирских в частности. Происходила стигматизация поляков (позднее – также и немцев) в качестве политически нелояльных империи групп. Это выводит нас на проблему особой и огромной роли государства в процессе диаспоростроительства.

И, конечно же, условием диаспорализации становится формирование критически необходимой массы переселенцев, необходимой для того, чтобы составить группу и поддерживать ее существование и идентичность. Это могут быть и отдельные ядра в городах (но не только), к которым притягиваются дисперсно рассеянные представители группы. Без такого минимума участников невозможно выстраивание каркаса институтов (религиозных и светских), формирование достаточно плотных сетей связей и отношений, поддержание связей с исторической родиной, сохранение и развитие исторической памяти, языка, других элементов культуры. Невозможно создание механизмов взаимного социального контроля и поддержки.

Религиозная основа групповой консолидации, групповая сплоченность, как ответ на требование сословного общества, позволяют говорить о диаспоре как не об этническом по преимуществу феномене. По крайней мере, не только этническом. Не исключена гипотеза о традиционалистском, сословном типе диаспоральности. Возможно, то, что мы считаем априори этнической самоорганизацией и организацией (диаспора как часть этнической проблематики), на деле было самоорганизацией религиозной.

Подтверждением этому может послужить ключевая роль церкви в системе общинных институтов. На каком-то этапе она вбирала в себя или контролировала почти весь набор других институтов. Школа была религиозной, благотворительность действовала при храме, при нем же происходило общение, праздники, функционировала иерархия, выстраивались клиентельные связи. Через церковные институты и иерархов осуществлялась связь с властями, выполнялись общинные обязательства перед ними. Религия была носителем и маркером групповой идентичности, языка, культуры, общей истории и общих предков, механизмом связи с исторической родиной.

Однако к началу XX в. происходит эрозия сословности, разложение сословного строя. В его недрах вызревают элементы новой социальной структуры. Частью процесса становится формирование в среде религиозных общин уже самостоятельной этнокультурной идентичности, когда выходят на первый план изначально заложенные и в прежнем укладе элементы культуры. Самостоятельное и огромное значение приобретают школа, язык, сети и связи, представления об общности судьбы. Происходит вызревание этнических диаспор через обретение самостоятельной и ключевой роли собственно культурных норм и механизмов: языка, школы, церкви — но уже как культурного феномена, носителя и символа традиции, культуры.

Носительницей национальных чувств и настроений, национального духа становится городская, светская по духу, современно образованная элита — предприниматели, чиновники, лица свободных профессий, учителя и преподаватели, журналисты. Она выходит на первый план, решительно потеснив элиту традиционную. Она самоопределяется не столько через религию, сколько через культуру, воспринимая и религию как часть культуры. Большую роль в динамике ее становления играют политические ссыльные. Они привносят, среди прочего, участие в политике, политическую составляющую в жизнь общин.

Особенно ярко этот процесс протекал у евреев, которые постепенно, эволюционно из конфессиональной группы трансформировались в этнокультурную общность. Условно

говоря, иудеи постепенно становились евреями. Осознавали себя в таком качестве и соответствующим образом выстраивали жизненные стратегии и практики. Евреи, к примеру, активно участвуют в политической жизни — как в общеимперских институтах, так и в специально еврейских. Формируется новая светская элита, находящаяся в сложных, обычно напряженных взаимоотношениях со старой, традиционной.

Первая мировая война мощно подтолкнула процессы этнизации отношений, формирования этнического взгляда на мир, создав и новые политические практики. Ситуация с российскими немцами дает этому выразительный пример. Потомки лиц, переселившихся в Россию еще до создания Германии, или вовсе остзейские немцы начинают рассматриваться в контексте Германии как национального государства, как государства немцев. Презумпция наличия у них двойной лояльности формирует соответствующее отношение и административные дискриминационные практики.

Советская власть радикально ускорила процесс диаспоро-строительства, окончательно оторвав его от конфессиональной составляющей. Этничность, наряду с классовым критерием, была взята за одну из основ реформатирования общества. Начинаются эксперименты с социальной инженерией, с созданием и пересозданием «национальностей». Человек приписывался к этнической группе, его заставляли самоопределяться постановкой вопросов переписей населения, анкет, похозяйственных книг, системой предпочтений и ограничений по этническому признаку. Иногда власть решала — к какой группе и кого приписывать. И создавала такие условия, что люди с этим соглашались. Враждебное отношение к Польше, например, формировало и соответствующее отношение к собственным полякам, давало стимул к их «деполонизации». Показательны эксперименты с советскими немцами — от их выращивания в качестве «нации», вплоть до права на республику, до коллективных репрессий и стремления уничтожить как группу.

Могли быть разные реакции на это давление. Когда этничность признавалась властью не совсем хорошей (немцы, поляки, евреи) — от ассимиляции (в тех пределах, в которых это

было возможно) до стигматизации. Репрессии против немцев в годы Второй мировой войны ускорили процессы этнической консолидации, выводя ее на идеологический уровень.

Все это демонстрирует огромную роль государства, которое может поощрять диаспоростоительство, может относиться к нему нейтрально, может препятствовать или жестко пресекать. Может определять его внутреннее наполнение, задавая механизмы и формы групповой самоорганизации. Имперская власть диктовала логику сословно-конфессиональную, советская – этнонациональную. С другой стороны, возможности власти были не безграничными, этнокультурные процессы часто шли помимо ее воли.

Все сказанное относится к имперским подданным или затем – советским гражданам. Людям и группам, глубоко и прочно интегрированным в российскую культуру, язык, систему властных отношений, связей и структур. Но на востоке России формировались и играли огромную роль меньшинства иного типа – трансграничные мигранты. Они продемонстрировали и иные модели взаимоотношений с большинством (принимающим обществом), властями, особый тип интеграции, имели особые правовые статусы.

Корейцы – трудовые мигранты и одновременно почти беженцы от невыносимых условий жизни на родине. Приходили в Россию с семьями и безвозвратно. Не раз демонстрировали готовность скорее умереть, чем вернуться. Поэтому имели огромную мотивацию к интеграции. Проявляли не только политическую лояльность, но и стремление к аккультурации. Добивались (и в массе своей добились) российского подданства. При благожелательном отношении властей основной экономической нишей избрали сельское хозяйство, добились выделения земель, создали на них корейские деревни. Нанимались также на тяжелые и низкооплачиваемые работы в городах, на золотых приисках. Это формировало и разные типы социализации. Но основными ядрами были сельские общины с деревенским укладом социальности. В стремлении к глубокой интеграции принимали православие, пусть и поверхностное, как недовольно отмечали заинтересованные современники. Огромную роль придавали образованию – при-

чем через русские школы и русский язык. Это привело к быстрому формированию русскоязычной образованной элиты, европеизированной через русскую культуру. Именно она, а не лидеры традиционного типа, возглавила формирующуюся диаспору. Это выразилось и в том, что крупнейшие и наиболее влиятельные общинные организации имели черты современных политических партий и ставили перед собой задачи политического плана. Прежде всего — борьбу за национальную независимость Кореи.

Куда более многочисленные китайцы в массе своей были временными трудовыми мигрантами. Большинство из них были сезонными отходниками, остальные планировали пробыть в России несколько лет. Мигрировали без семей, в соответствии с китайскими законами. Мало кто оставался навсегда — и еще меньше было тех, у кого изначально было такое стремление. Императивом было стремление умереть на родине, в крайнем случае — быть там похороненными. Поэтому и стремление к глубокой интеграции (как натурализации, так и аккультурации) проявляли сравнительно немногие. Все это вело к тому, что китайские мигранты оставались вне социальной структуры принимающего общества, да и не стремились к этому.

Однако текучесть состава и изолированность от принимающего общества не означало отсутствия организованности. Это не был рыхлый конгломерат независимых друг от друга людей. Напротив, была именно община, пронизанная густой «грибницей» норм, связей, сетей отношений и зависимостей, формальных и неформальных институций. Эффективно действовали механизмы взаимного контроля и механизм санкций для отступников. Текучесть состава этому не мешала. Можно сравнить это с призывной армией, где при постоянной ротации людей сам институт стабилен и устойчив.

Корейские и китайские общинные институты отличались по целям. Если первые были механизмом коллективной интеграции в принимающее российское общество и, отчасти, модернизации общины, то вторые ориентировались на укрепление связей диаспоры с родиной, на решение задач экономического плана и на осуществление посреднических функ-

ций во взаимоотношениях с властями. Они были и более традиционны по способам организации. В этом смысле функции корейской общины ближе по типу к еврейскому, польскому, немецкому вариантам.

При всех различиях трансграничные мигранты избрали диаспоральные стратегии и практики интеграции в принимающее общество. Они входили в него как группы, сплоченные не только родным языком, культурой, связями с исторической родиной, но и системой формальных и неформальных институтов, кодексами неписаных, но действенных норм поведения и морали, сетями прочных связей и взаимозависимостей, быстро сложившимися практиками, обычаями и традициями. И Советская власть отнеслась к ним именно как к группам, выразив в 1930-х гг. корейцам и китайцам политическое недоверие и подвергнув их коллективным санкциям.

Это отражало и общую тенденцию — многое сделав на первых порах для этнизации отношений, для диаспорализации меньшинств в частности, Советская власть более позднего периода постаралась максимально искоренить саму возможность самоорганизации, самодеятельности вообще и в сфере национально-культурного развития в особенности. Однако интенсивные процессы «национально-культурного возрождения» свидетельствовали об огромной живучести феномена диаспоры. В целом же коллективные стратегии интеграции меньшинств в переселенческое общество востока России продемонстрировали, что диаспора — это не данность и не предопределенность. Как специфический уклад жизни и тип человеческих отношений и связей этот феномен демонстрирует огромное разнообразие вариантов и поразительную динамику внутренней трансформации.

Глава 6

«Сибирь – территория согласия»?

Стереотип мигранта и мигрантофобия¹

Введение

Не единственной, но практически неизбежной и сильной реакцией принимающего общества на присутствие мигрантов становится мигрантофобия. Это одна из стратегий осмысления проблемы и выработки отношения к ней. Ведь сам миграционный процесс обычно бывает болезненным и конфликтным. Приходят новые люди, формируется новое качество «старых», возникают новые группы в сложной и динамично меняющейся палитре общественных отношений. Если же появление нового элемента оказывается неожиданным и стремительным, если этот элемент занимает важное место в жизни принимающего общества, то это неизбежно нарушает прежнее равновесия, формирует почву для появления сложнейших проблем и конфликтов. Иногда мигрантофобия принимает форму прежде существовавших этнических, расовых или культурных фобий, часто и рассматривается в таком качестве. Однако в качестве «чужаков» могут восприниматься не только представители этнически или культурно иных групп. Галина Витковская убедительно показала существование мигрантофобии в ее «чистом виде» – как реакцию отторжения, оценки в качестве «чужаков» русских вынужденных переселенцев и беженцев русским же принимающим обществом в 1990-х гг.²

Массовый приход новых людей, формирование нового общественного феномена потребовали создания механизма адаптации к этому человека принимающего общества. А это невозможно было сделать без выработки отношения и форми-

¹ *Авторский коллектив: В.И. Дятлов (редактор главы, введение, 6.4, 6.8, 6.9, 6.12, заключение), С.А. Мулина (6.1), Г.Н. Алишина (6.2), В.Ю. Рабинович (6.3), Е.В. Дятлова (6.5), С.В. Трофименко (6.6), Я.С. Гузей (6.7), Л.Е. Бляхер (6.10), М.Н. Ковальская (6.11).*

² Витковская Г. Вынужденная миграция и мигрантофобия в России // Нетерпимость в России: старые и новые фобии. М.: Московский Центр Карнеги, 1999. С. 151 – 191.

рования стереотипа. Мифы и стереотипы так быстро формируются и так прочно укореняются в общественном сознании по простой и важной причине — они необходимы. Это незаменимый способ определения места новых людей и новых групп в иерархии отношений и статусов. Через них формируется и функционирует модель отношений. Это инструмент идеологической мобилизации и борьбы за власть. Инструмент решения ведомственных, региональных или корпоративных интересов. По мере изменения отношения принимающего общества к мигрантам меняется и структура стереотипов, интенсивность присутствия в них страхов и враждебности. Но ксенофобские настроения и комплексы в них неизбежно присутствуют.

Стереотип — это, прежде всего, выработка отношения. Не столько эвристический, сколько оценивающий взгляд и способ упорядочения социальной информации. Это сфера априорного до/вненаучного знания. Поэтому по условию стереотипы не нуждаются в критике источников, в верификации, во внутренней логике и непротиворечивости отдельных постулатов. Но именно они, а не позитивное научное знание формируют отношение общества и властей к миграции и к мигрантам. Важность их изучения очевидна. Необходимо исследовать как их распространенность и насыщенность, так и внутреннюю структуру, логику и механизмы формирования. И переселенческие общества востока России в переломные для страны времена, причем времена, насыщенные миграционными потоками и конфликтами, могут дать для этого замечательный материал.

Существует устоявшееся убеждение, можно сказать — стереотип, суть которого выражена в распространенном слогане: «Сибирь — территория согласия». На всех уровнях, в официальной и неофициальной обстановке, журналистами, представителями элиты и простыми обывателями развивается мысль о том, что своеобразие исторических судеб Сибири, специфика формирования населения края включают возможность возникновения межнациональных или этнических окрашенных конфликтов. «У нас не Кавказ, у нас была, есть и будет обстановка межнационального согласия» — квинтэссенция такого взгляда. Сейчас это представление постепенно ста-

новится идеологемой, брэндом, активно продвигаемой торговой маркой. Мотивируется это обстоятельствами культурного и исторического порядка — формированием сибирского общества как переселенческого, то есть как синтеза гетерогенного пришлого населения с аборигенным. Общества, сформированного и формируемого миграциями. Поэтому так важно проверить гипотезу о том, что соответствующие стереотипы и фобии носили и носят здесь какой-то особый характер. Очевидна постановка вопроса о том, отличались ли и отличаются ли сейчас ксенофобские настроения и стереотипы в Сибири от ситуации в Европейской России.

А возможность сравнить ситуацию двух эпох — поздней имперской и постсоветской — позволяет задать дополнительные важные вопросы. Каким образом представлены и соотносятся этнические и мигрантские составляющие в ксенофобских комплексах? Насколько вообще на рубеже XIX — XX вв. предубеждения против таких групп, как евреи, поляки, немцы, можно рассматривать в этнических категориях? Насколько в мигрантских? Иначе говоря, рассматривались ли они в качестве «чужаков» из-за своей этничности? Был ли, а если был, то в чем выражался антимигрантский комплекс? Поэтому так важно и интересно сопоставить все это с отношением к китайцам и корейцам — очевидным трансграничным мигрантам, временным или постоянным. Иностранным подданным — в отличие от поляков, немцев, евреев. Каковы составляющие господствовавшего тогда синдрома «желтой опасности»? Почему «желтые» воспринимались в качестве абсолютных «чужаков»? Насколько это определялось тем, что они были еще и *китайскими мигрантами, и корейскими мигрантами?*

Современные масштабы притока и роль в экономической жизни трудовых трансграничных мигрантов — **принципиально новое явление** для России. Она постепенно становится страной мигрантов, приобретает новое качество. Чрезвычайно важно поэтому оценить факт присутствия мигрантов и выработать стратегию и практики отношения к ним, модели собственного поведения. И за два прошедших десятилетия не просто миллионы людей пришли в движение — сам факт такого движения тоже вошел в сознание людей. Идет интенсивный процесс

осмысления и оценки феномена в общественном сознании с тем, чтобы заполнить это «белое пятно» в радикально трансформирующейся «картине мира». Процесс осмысления и выработки отношения происходит на разных уровнях: в обыденном сознании, в идеологической и политической сферах, в научных исследованиях. Между этими уровнями нет непреодолимой границы, идет активный процесс взаимодействия, взаимовлияния. Действует эффект сообщающихся сосудов. Яркий пример — гигантское количество геополитических «исследований», где задачи научные, эвристические оттесняются идеологической оценочностью и целеполаганием.

И это заставляет задать тот же комплекс вопросов, что и для рубежа XIX — XX вв. Отличается ли ситуация в Сибири от общероссийской? Что лежит в основе ксенофобских комплексов, которые сейчас так отчетливо этнически маркированы? Насколько велико в этом наследие советской эпохи — ситуации закрытого, бедного, мобилизационного общества, для которого ксенофобии были как мощным инструментом мобилизации общества и контроля над ним со стороны властей, так и средством «социальной анестезии» для масс?

Каким образом поддержанию и укреплению этностереотипов и этнофобий способствовал ключевой для господствовавшей идеологии дискурс «национального вопроса», «национальных отношений» и «национальной политики»? Он воплощался в государственной политике, в практиках обыденной жизни. Через призму «национальных отношений» рассматривалась и расценивалась гигантская совокупность социальных связей и отношений. «Национальная политика» была организационной и важнейшей частью государственной политики и государственного строительства, а взгляд на мир, на общественные отношения и связи через призму «национального» (то есть примордиально-этнического) — естественной и практически монополярной позицией подавляющего большинства советских людей.

Как соотносился с этим комплекс «пролетарского интернационализма» — до войны мощный и действующий, после нее — выхолощенный, ритуальный, но важный как часть традиции, как одна из основ легитимации политического строя

и режима? Даже при скептическом к нему отношении среди элиты, он должен был учитываться. Этим значительно ограничивалось поле *официально* признаваемых, создаваемых и разделяемых ксенофобий. Поэтому традиционно внутренний враг конструировался на социальном и политическом основании: «кулак», «буржуй», «троцкист», «оппортунист». Позднее – «торгаш», «спекулянт», «тунеядец», «мещанин».

Особого внимания заслуживает массовый и глубоко укорененный комплекс «торгаша». В его формировании и функционировании сомкнулись и дали мощный эффект официальная пропаганда и массовые традиционалистские антирыночные настроения. При всей развитости (особенно в «период застоя») теневых рыночных отношений («черный рынок», «спекуляция», «блат»), многочисленности и влиятельности *акторов* этих отношений, тотальной зависимости от них практически всего населения, их статус и престиж, место в социальной иерархии (как официальной, так и неофициальной) были крайне низки. Возможностям и богатству «торгашей» завидовали, но к ним самим относились свысока и часто презрительно. Возможно (но это требует отдельного изучения), иным было отношение в некоторых национальных республиках СССР, особенно на Кавказе. В целом же господствовало моральное осуждение «торгашества», совпадавшее с его идеологическим осуждением и правовыми запретами.

Можно предположить, что все это советское наследие было использовано в процессе стереотипизации новой миграционной ситуации. Но насколько эффективно? Насколько прежние стереотипы оказались адекватными и каким образом они эволюционировали, постепенно (и не полностью) заменяясь новыми? Как в новой ситуации соотносятся этнофобия и собственно мигрантофобия в сложном и постоянно растущем ксенофобском комплексе? Вопросы не праздные, имеющие самое непосредственное практическое значение.

Мы стараемся подойти к ответам на эти вопросы через серию отдельных кейсов, относящихся как к дореволюционной, так и современной ситуации. Это исключает жесткость и однозначность оценок, претензию на их всеобъемлющую полноту.

6.1. Образ поляка в дореволюционной Сибири

Поляки стали заметной частью миграционного потока в Сибирь, начиная с XVII в. Уже тогда в правящих кругах России сложился негативный образ польского государства. Однако параллельно отчуждению политическому, государственно-правовому и конфессиональному в русском обществе появляется интерес к польской культуре¹. Параллелизм и относительное равновесие политического и культурного начала в русском восприятии польскости существовало вплоть до восстания 1830–1831 гг.

В Сибири отношение к полякам мало отличалось от отношения к другим иноземцам, состоящим на государевой службе. Военнопленные и добровольные переселенцы, поляки вошли в состав служилого населения в качестве особой категории под названием «литва». Оценив их жизненный опыт, культуру и знание военного дела, царская администрация открыла им путь в высшую категорию сибирского служилого сословия — дети боярские. В повседневной жизни сибирское население, особенно служители православной церкви, отрицательно относились к контактам с «литвою»². Но в случае перехода в православие иноземцы могли рассчитывать на брак с местной уроженкой и достаточно быструю интеграцию.

В XVIII в. в политическом дискурсе сочетались образы дружественной страны, с радостью встречающей благодеяния России; государства, буруеваемого мятежным, анархическим духом; очага пагубного республиканизма и якобинства³. Негативные образы, порожденные восстанием Т. Костюшко и третьим разделом Польши, еще не доминируют. В Сибири поляки продолжали рассматриваться как колонизационный элемент,

¹ Липатов А.В. Русские стереотипы восприятия польскости (история и факторы изменчивости) // Проблемы российской истории. М.; Магнитогорск: ИРИ РАН; МаГУ, 2006. Вып. VII. С. 524.

² Ханевич В.А. Католики в Кузбассе (XVII – XX вв.): очерк истории, материалы и документы. Кемерово, 2009. С. 16.

³ Носов Б. Россия и восстание Тадеуша Костюшко. Представления о Польше в правящих кругах Российской империи в XVIII в. // *Polacy a Rosjanie. Materiały z konferencji «Polska – Rosja. Rola polskich powstań narodowych w kształtowaniu wzajemnych wyobrażeń»*. Warszawa: NERITON, 2000. S. 23 – 24.

полезный в деле экономического и культурного развития. По инициативе оренбургской администрации было разрешено добровольно принявших православие ссыльных участников барской конфедерации не посылать из Оренбурга в Сибирь на поселение, а оставлять вольными людьми. Им позволялось занимать должности по усмотрению тамошнего губернатора¹. В начале XIX в. военнопленные участники наполеоновских походов, сосланные рядовыми на службу в сибирские гарнизоны, при поступлении в российское подданство и переходе в православие могли рассчитывать на быстрый карьерный рост.

Восстание 1830–1831 гг. породило всплеск антипольских настроений и способствовало развитию национализма в русском обществе. В государственной политике формируется стереотип поляка как враждебного элемента внутри империи. К антипольской пропаганде подключаются пресса и художественная литература. Взят курс на рассеивание поляков за пределами Царства Польского и побуждение их к государственной службе внутри империи, в том числе и в Сибири. Став одним из деятельных элементов власти, чиновники польского происхождения участвуют в формировании взглядов сибирской общественности на поляков, а также в выработке управленческого курса по отношению к польским ссыльным.

Ссылка участников ноябрьского восстания и различных конспиративных организаций в XIX в. привела в Сибирь несколько тысяч поляков, в большинстве своем шляхтичей, обладающих хорошим образованием и связями с польской и российской аристократией. Основная их часть была отправлена на службу в сибирские войска. Военная служба позволяла инкорпорировать большое количество мигрантов, не нарушая естественного ритма жизни горожан и не составляя конкуренции на рынке труда. Но наиболее заметной деятельностью поляков в регионе становится интеллектуальный труд. Соединились потребности региона и самих ссыльных, для которых различного рода умственный труд стал наиболее доступным занятием.

Массовая ссылка и концентрация поляков в Отдельном сибирском корпусе заставили власть задуматься о возмож-

¹ ГУТОГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 3. Д. 68.

ности волнений ссыльных с перспективой общесибирского бунта. Появляются многочисленные доносы: о намерении поляков поднять мятеж, организовать массовый побег и общесибирское восстание с целью отделения Сибири от России. Полиция была поднята на ноги: масса людей обыскивалась, арестовывалась, поляки удалялись из притрактовой полосы и крупных городов, некоторые служащие были высланы из Сибири¹. Расследование продолжалось несколько лет, и «виновные» были жестоко наказаны. Сейчас историки доказали бесосновательность доносов и последующих попыток связать «омское дело» с «экспедицией Заливского» (1832 г.), событиями в Оренбурге (1833 г.) и Астрахани (1834 г.). Разговоры о восстании и возможном коллективном побеге в среде ссыльных, безусловно, велись. Но то, что в глазах администрации и местного населения они приобрели форму реальной угрозы, говорит о существовании в массовом сознании политизированного стереотипа поляков как угрозы империи.

Восстание 1863 г. усилит эту тенденцию. Стремление связывать национальные и социальные катаклизмы России с польским влиянием станет «одной из особенностей политического менталитета русского общества»². Имперские власти были обеспокоены концентрацией политических преступников в Сибири. Опасность влияния поляков на сибирское общество связывали не только с радикализацией революционного движения, но и с ростом сепаратистских тенденций в регионе. В административной переписке поляки наделялись такими качествами, как агрессивность, хитрость, ловкость, изворотливость, мстительность и вероломство. Рядом с поляком появляется фигура «ополячившегося». Подразумевался не момент аккультурации, а подверженность политическому влиянию поляков в виде лояльности или потворства ссыльному элементу. Наличие большого количества чиновников польского происхождения делало сибирскую администрацию политически неблагонадежной в глазах центра и уязвимой для критики.

¹ Нагаев А.С. «Омское дело» 1832 – 1833 гг. Красноярск, 1991. С. 154.

² Горизонтов Л.Е. Поляки и нигилизм в России. Споры о национальной природе «разрушительных сил» // Автопортрет славянина. М.: Индрик, 1999. С. 147.

Наибольшие подозрения вызывали чиновники, деятельность которых была связана с обеспечением надзора за ссыльными (почта, полиция) и чиновники сферы образования. Служащие поляки подверглись бдительному контролю администрации. Многие были уволены. Генерал-губернатор Западной Сибири А.П. Хрущов вынужден был просить Петербург не назначать впредь медиков польского происхождения и перевести из региона всех чиновников-поляков почтового ведомства. Борьба с концентрацией поляков в армии, вытеснение их с государственной службы – установки, проявившиеся на всей территории империи.

Как и в 1830-е гг., власти получают большое количество доносов. Их содержание сводится к потворству полякам со стороны местной администрации, наличию в Сибири польской тайной организации и подготовке ссыльными поляками восстания. Омская следственная комиссия не подтвердила информацию доносителей, однако отношение сибиряков к ссыльным ухудшилось. Выходит ряд жестких постановлений в деле трудоустройства ссыльных, обеспечении их пособием. Ограничению подверглись интеллектуальные виды деятельности политических преступников. Однако недостаток в Сибири образованных кадров заставлял местных чиновников то и дело нарушать предписания правительства.

Изменяется образ польской опасности. Католическое духовенство и польское дворянство стали считаться главными врагами империи. Эти установки проникают в Сибирь, но не всегда реализуются на практике. Например, ссыльное духовенство оказалось в Сибири в тяжелейших условиях, поскольку не имело возможности зарабатывать себе на жизнь и не попадало под действие промежуточных амнистий. Однако увеличение количества католиков привело к строительству костелов и приходов во многих населенных пунктах и привлечению некоторых ссыльных ксендзов к пастырской службе. Если в Западном крае борьба с полонизмом сопровождалась русификацией литовского, белорусского и украинского языков и стремлением властей найти социальную опору в местном крестьянстве, то в Сибири уроженцы Западных губерний в глазах администрации и местного населения сливались со

ссылными, прибывшими из Королевства Польского. Они идентифицировались как поляки, несмотря на социальное происхождение и начинавшую проявляться региональную идентичность.

Массовое сознание подталкивалось к мифотворчеству на тему польской опасности и реальными противоречиями, связанными с масштабной миграцией и вызванным ею ухудшением социально-экономической обстановки, особенно в населенных пунктах вдоль ссыльного тракта. Массовая польская ссылка поставила старожилов в затруднительное положение. Местная администрация, будучи стеснена в средствах, многие проблемы в деле осуществления надзора за ссылными, перевозки арестантов перекладывала на плечи обывателей. Пытаясь избавиться от обременительных обязанностей, сибиряки умышленно распускали лживые слухи о своих подопечных. Именно так можно объяснить жалобы ямщиков, вынужденных перевозить массу ссыльных почти бесплатно. Они говорили, что арестанты заставляют ехать, по их усмотрению, когда шагом, а когда во весь мах; что поляки бьют их палками и хлыстами; приказывают останавливаться не у этапных зданий, а в деревнях, силою врываются в дома крестьян и, располагаясь господами, требуют, что заблагорассудится¹.

Сами поляки при каждом удобном случае повторяли угрозу весной отомстить за ссылку восстанием. «Угроза эта, хотя и нелепа, — писал томский губернатор Г.Г. Лерхе, — тем не менее, видя совершенное бессилие власти над поляками, следующими в партиях, угроза эта должна находить и находит веру в умах простолюдинов»². Антипольская пропаганда имела свои плоды. Готовность населения поверить польской угрозе продемонстрировали сибирские пожары 1864 г. В поджогах подозревали поляков. Основные проявления полонофобии пришлись на 1864 — 1866 гг. — период наибольшего притока ссыльных.

Постепенно ситуация нормализовалась, здравый смысл и жизненная необходимость подталкивали старожилов к сотрудничеству с польскими мигрантами. На первый план в формировании польского образа выходят качественные ха-

¹ ИСАОО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 5706.

² Там же. Л. 14 об.

раактеристики мигрантов, их социальный и культурный облик. Среди ссыльных участников восстания 1863 г. была значительной доля низших сословий. Поляки во второй половине XIX в. начинают массово заниматься ремеслом и торговлей, приобретая славу людей «работающих и честных»¹. С некоторыми оговорками, к чисто польским сферам деятельности в Сибири можно отнести только колбасное и кондитерское производства, но предпринимательство поляков наблюдалось практически во всех сферах промышленности и торговли².

Несмотря на превалирование в среде ссыльных представителей городских сословий, большая часть повстанцев была выслана «на водворение» в сельскую местность. В деревнях с незначительным количеством поляков их контакты со старожилами складывались неплохо. Зато там, где проживало более одного или двух десятков поляков, царствовал «полный разлад». Возникали споры из-за пахотной земли и покосов. Старожилы жаловались, что поляки настойчиво требуют распаханной земли и чтобы отвод таковой был как можно ближе к деревням.

В свою очередь, полякам не нравилось, что крестьяне обращаются с ними грубо, дают им выпаханную землю или целину на далеком расстоянии от деревни. «...Старожилы вообще смотрят недружелюбно на переселенцев, даже русского происхождения, — описывал чиновник ситуацию в Омском округе, — но к полякам они имеют еще больше претензий... и смотрят на них не как на колонизаторов, а как на сосланных поселенцев»³. Старожилы считали поляков работниками «весьма плохими». Если нанимали их на работу, то в основном пасты скот, а зажиточные крестьяне — как мастеровых. Были случаи, что крестьяне вообще отказывали ссыльным в занятиях, уклонялись от всяких контактов с ними. Ограниченность земельных ресурсов в наиболее благоприятных для хлебопашества районах и конкуренция проявили себя и в начале XX

¹ Kraj. Tygodnik polityczno-społeczny. Petersburg, 25grudnia 1882 r. (6 stycznia 1883 r.). Rok 1. Nr 26. S. 16.

² Скубневский В.А. Предпринимательство поляков в Сибири [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://new.hist.asu.ru/biblio/predpri3/10.html>, свободный.

³ ИСАО. Ф. 3. Оп. 6. Д. 7883. Л. 165-167.

в., когда правительство начинает поощрять добровольное переселение польских крестьян в Сибирь. Конфликты между поляками и старожилами, а также переселенцами из других регионов империи имели место, но не являлись повсеместной практикой.

В целом трансформация польского образа во многом определялась изменением самой структуры польской диаспоры в регионе. Образ поляка – служилого человека, помогающего завоевать Сибирь для московского царя, сменяется образом поляка – чиновника, затем ремесленника и торговца. Каждая сфера деятельности наделяла своих представителей универсальными положительными и отрицательными характеристиками, применяемыми не только к полякам, но и к представителям иных народов, реализующих себя в этих профессиональных сферах. Образ поляка-ссыльного тоже не был статичным. Со второй половины XIX в. в их составе все больше лиц, не имеющих образования и четких политических позиций, радикально настроенных, имеющих криминальные наклонности. В результате в глазах свободного населения ссыльные постепенно утрачивали хорошую репутацию.

Всплеск полонофобских настроений наблюдается в сибирском обществе в 1830-е и 1860-е гг. Росту негативных стереотипов способствовали массовая ссылка, подъем общественной активности в регионе, усложнение взаимоотношений Сибири с центром, а также ожесточение польско-русского противостояния на западных рубежах империи. Переплетение мигрантофобии и этнофобии приводило к появлению специфики в формировании антипольских настроений в регионе. Острые дискриминационной политики было направлено на чиновничество польского происхождения, а недовольство населения вызывали ссыльные, являвшиеся обузой для старожилов, во всяком случае на начальном этапе адаптации. Население использовало предложенные властью образы и штампы в описании поляков, но единого образа поляка – врага на территории Сибири не сложилось. Отношение к полякам сибиряки выстраивали, прежде всего, опираясь на опыт личных контактов и практику совместного проживания. Социальные

связи между представителями двух народов делали образ поляка более сложным и многогранным.

6.2. Германофобия в позднеимперской Сибири

Термином «германофобия» зачастую обозначается комплекс страхов в российском обществе по отношению к Германии накануне и в годы мировых войн¹. Применение его к российским немцам кажется не совсем корректным, поскольку большинство из них покинули немецкие государства до их объединения, а значит, германцами в строгом смысле этого слова не являлись. Однако фобии не подчиняются законам формальной логики, отчего обеспокоенность властей и общества растущим могуществом и амбициями Германии переносилась на немцев России. Собственно, признаки мигрантофобии в адрес немецких переселенцев наблюдались с момента их появления. Но специфика позднеимперского периода в том, что немцев стали опасаться не только «самих по себе», но и «в связи с Германией». Страх перед «чужаком», «пришлым» слился со страхом перед державой, чьи интересы все чаще сталкивались с российскими. В этом контексте термин «германофобия» применим для описания отношения к российским немцам вообще и сибирским немцам, в частности, в период поздней Империи.

Широкие масштабы германофобия приняла в годы Первой мировой войны. Но и раньше из уст отдельных представителей власти и общественности звучали опасения по поводу присутствия в стране немцев. Особенно часто — в местах их компактного проживания. К ним можно отнести и Сибирь. Здесь немецкое население довольно четко делилось на городское и сельское. Еще в XVII в. пришли за Урал городские немцы. Сельские немцы сформировались в конце XIX — начале XX в., включившись в поток массового крестьянского переселения. Процесс вхождения в сибирское общество этих групп заметно отличался.

Городские немцы заняли прочные позиции. Они были крупными чиновниками, специалистами в губернских, об-

¹ Колоницкий Б. Метаморфозы германофобии: образ Германии в политических конфликтах Февральской революции 1917 г. // Россия и Германия в XX в.: Обольщение властью. Русские и немцы в Первой и Второй мировых войнах. М., 2010. в 3 т. Т. 1: С. 97-114.

ластных и уездных управлениях, занимались преподавательской деятельностью и предпринимательством. Встречались булочники, фотографы, бухгалтеры, страховые агенты. Очень ценились немецкие репетиторы и прислуга (смотрители, швейцары, гувернантки). Объявления с предложением и, что особенно показательно, спросом на их услуги регулярно появлялись в местной прессе¹. Этническая принадлежность в объявлениях обязательно подчеркивалась, являясь для одних фактором, повышающим конкурентоспособность, а для других – гарантией качества работы. Городские немцы вели довольно активную религиозную и общественную жизнь. Они в основном были протестантами, и центрами их консолидации становились церковные приходы, при которых зачастую велась благотворительная и культурно-просветительская работа. В газетах публиковались объявления об устраиваемых городскими немцами религиозных собраниях², благотворительных вечерах³, лотереях-аллегри⁴. Появлялись объявления и на немецком языке⁵. В Томске обсуждалась идея создать «немецкий клуб»⁶.

Сибирские власти и общественность в целом доброжелательно относились к городским немцам. Однако в печати правого толка, традиционно борющейся за «искоренение инородческого засилья», мелькали публикации о потенциальной опасности столь заметного числа немцев среди сибирского чиновничества. Упор делался на «характерные» для чиновника-немца пороки: пьянство, сладострастие, пренебрежение должностными обязанностями, причиной которых якобы являлось нерусское происхождение⁷. Но такие нападки были довольно

¹ Сибирская жизнь. 1900. 8 февр.; 1901. 18 февр.; 1908. 15 мая; Восточное обозрение. 1906. 11, 12, 13, 20, 21 янв. и др.

² Сибирская жизнь. 1899. 16 окт.; 1904. 13 апр.; 1909. 10, 15 марта; 1910. 4 марта и др.

³ Томский листок. 1897. 23 апр.

⁴ Сибирская жизнь. 1905. 11 дек.; 1907. 11 нояб.; 1908. 21 нояб.; 1910. 6 янв.; 1911. 6 янв.; 1912. 6 янв.; 1913. 6 янв.; 1914. 6 янв.

⁵ Томский листок. 1897. 7 февр.; Сибирская жизнь. 1897. 5 нояб.; 1898. 7 февр., 22 сент.; 1899. 22 янв., 18 мая, 16 сент., 10 окт., 16 окт.; 1900. 5 февр.; 1901. 18 февр., 14 февр., 28 сент.; 1903. 23 марта, 17 апр.; 1904. 13 апр., 16 сент.

⁶ Сибирская жизнь. 1911. 28 янв.

⁷ Сибирская правда. 1914. 8 февр.

редки. В целом до Первой мировой войны устойчивых страхов не фиксируется. В условиях нехватки квалифицированных кадров немцы, зачастую специалисты в какой-либо области, ценились. Эпитет «немецкий» ассоциировался скорее со словом «качество», а не «угроза».

А вот колонисты, из которых сформировалась группа сельских немцев, были встречены не очень гостеприимно. Некоторые сибирские сановники отнеслись к их появлению с явным неодобрением. Строго говоря, представители высшей власти призывали с осторожностью относиться к водворению в крае любых «иноземцев», упирая на то, что это противоречит интересам русских переселенцев. Однако были и те, кто выступал против именно немецкой колонизации¹. В них видели потенциально нелояльный элемент, особенно опасный в пограничных или стратегически важных территориях. Переселение было связано с борьбой за плодородные земли, и власти считали правильным защищать интересы русских крестьян, препятствуя проникновению «иноземцев». А в российских немцах видели еще и инструмент германской внешней политики. «Масла в огонь» добавляла православная церковь. Она опасалась, что немцы, будучи приверженцами иноисповеданий, пополняют ряды своих единоверцев за счет православных верующих.

Настороженность представителей местной власти и православной церкви приводила к дискриминационным мерам. Отдельные районы Сибири закрывались для немецкой колонизации. Селить немцев предписывали обособлено, чтобы не допустить распространения их неблагоприятного влияния на окружающее население. С другой стороны, многие современники возлагали надежды на высокий колонизационный потенциал немецких переселенцев и их полезность в деле хозяйственного освоения края. В результате причудливого сочетания страха и признания «хозяйственной культуры немцев» возникла практика поселения немецких колонистов в неблагоприятные и не популярные у других переселенцев районы (юг Акмолинской области, Кулундинская степь и проч.). Считалось, что только немцам по силам там обустроиться².

¹ История и этнография немцев в Сибири. Омск, 2009. С. 69.

² Там же. С. 70.

Результаты немецкой колонизации заставили смягчиться многих прежних противников. Из «потенциальной угрозы» немецкие колонисты начали постепенно превращаться в пример успешной хозяйственной адаптации. В центральной прессе (газеты «Объединение», «Новое время», «Голос Руси» и др.) продолжали публиковаться статьи с опасениями по поводу размаха немецкой колонизации за Уралом, но это был взгляд «центра». На местном же уровне страхи по части присутствия немецких колонистов в Сибири постепенно рассеивались.

Таким образом, стереотипы, касающиеся немецких переселенцев в Сибири, до начала Первой мировой войны носили в основном позитивный характер: «немец-специалист» для городского немецкого населения и «немец — культурный хозяин» — для сельского. Отдельные опасения присутствовали, но осознание пользы «немецкого элемента» для края их перевешивало.

Существенные изменения произошли в 1914 г. Во всей стране началась борьба с «немецким засильем». Стартовала кампания по исключению из различных организаций и объединений подданных воюющих с Россией держав¹. Не стала исключением и Сибирь. В частности, было «постановлено исключить из состава биржевых комитетов лиц, принадлежащих к германскому или австрийскому подданству»². В 1914—1915 гг. в Сибири, как и по всей стране, прошла кампания по переименованию населенных пунктов с немецкими названиями. Наибольшим усердием здесь отличилась Томская губерния³. На борьбу с немецким землевладением были нацелены два «ликвидационных закона» 1915 г. Их действие распространилось на Сибирь не сразу и не повсеместно: в сентябре 1916 г. на Каинский уезд Томской, Тюкалинский и Ишимский уезды Тобольской губерний, а в феврале 1917 г. на Акимовскую и Семипалатинскую области, Барнаульский и Змеиногорский уезды Томской губернии и земли Сибирского казачьего войска⁴. В административном смысле в Сибири борьба с «домашним немцем» велась наравне с европейской частью страны, правда, с понятной задержкой в реа-

¹ Новое время. 1914. 11, 20, 21 сент., 2 окт.

² Сибирская жизнь. 1914. 14 сент.

³ ГАТО. Оп. 45. Д. 1242. Л. 47 об., 48.

⁴ Вибе П.П. Немецкие колонии в Сибири: социально-экономический аспект. Омск, 2007. С. 38, 43.

лизации тех или иных мер. Однако гораздо важнее определить, насколько совпадала степень «заражения» германофобией русского общества перед и за Уралом.

В европейской части бывали случаи, когда людей, разговаривающих на улице по-немецки, бдительные граждане доставляли в полицейские участки, адвокат отказывался от защиты интересов немца-доверителя, студенты бойкотировали лекции профессоров немецкого происхождения. С завидной регулярностью появлялись «свидетельства очевидцев» о германских аэропланах-разведчиках, которые приземлялись в немецких колониях России¹. Настоящим апогеем «борьбы» стали погромы в Москве и Петрограде². Это показывает, что германофобия охватила широкие слои населения, негативно отразившись на жизни как городских, так и сельских немцев.

В Сибири размах германофобии не был одинаков во всех частях региона. Наиболее отчетливо это видно при сравнении Степного края и Томской губернии. В Степном крае имела место настоящая «истерия»³. Население неустанно сообщало о вражеских аэропланах, которые якобы приземлялись для доставки в немецких колониях⁴. Такого размаха шпиономании не было зафиксировано больше нигде в Сибири. В правой томской печати, напротив, сетовали на недостаточность мер по борьбе с немецким присутствием в губернии. В частности, возмущение вызывало поведение томичек, чрезмерно дружелюбно относившихся к германцам-военнопленным⁵, а также факт разрешения «некому Плейе» открыть в сентябре 1914 г. частную мужскую гимназию⁶ и т.д. Аэроплан «наблюдали» и здесь, но это был практически единичный случай⁷. Подобная разница объясняется позицией местных властей. Генерал-губернатор Степного края Н.А. Сухомлинов был большим сторонником устранения

¹ Новое время. 1914. 2 мая, 11 сент., 14 сент., 8 дек.

² Герман А.А., Илларионова Т.С., Плева И.Р. История немцев России: учеб. пособие. М., 2005. С. 225.

³ История и этнография немцев в Сибири. Омск, 2009. С. 136.

⁴ Там же. С. 137.

⁵ Сибирская правда. 1914. 20 сент.

⁶ Там же. 27 сент.

⁷ ГАТО. Ф.3. Оп. 13. Д. 2290. Л. 1.

немецких колонистов с территорий вблизи железнодорожных и пароходных путей сообщения¹. Для подкрепления своих опасений он через прессу пообещал награду тому, кто сообщит о месте нахождения вражеских аэропланов², что и спровоцировало всплеск шпиономании. Руководство Томской губернии вело себя значительно лояльней. Показательны в этом смысле отчеты местных чиновников о немецких колонистах: в них почти нет негативных оценок, чаще нейтральные или даже положительные отзывы о немецких переселенцах, в которых, помимо прочего, описывалась польза, которую они принесли губернии³.

Таким образом, герmanoфобия, как явление, отразившееся на отношении к немецким переселенцам, наблюдалась в поздней имперской Сибири и до начала Первой мировой войны. Она почти не коснулась городского немецкого населения региона и затронула в основном немецких колонистов. Некоторые представители сибирской власти и общественности отнеслись к их появлению весьма настороженно, что повлекло за собой целый ряд мер, затруднявших их переселение и обустройство. Однако постепенно хозяйственные успехи немецких колонистов отодвинули страхи на второй план. Первая мировая война спровоцировала новый и сильный всплеск герmanoфобии. В Сибири, как и в европейской части страны, были проведены административные мероприятия по «борьбе с немецким засильем». Степень «заражения» сибирского общества герmanoфобией несколько отличалась в разных частях региона, что было обусловлено позицией местных властей, но в целом такого размаха, как в Европейской России, это явление не получило.

6.3. Особенности сибирского антисемитизма

Антисемитизм можно рассматривать в качестве надежного индикатора общего состояния ксенофобских настроений в дореволюционной России. Поэтому так важна констатация

¹ История и этнография немцев в Сибири... С. 136.

² Там же. С. 137.

³ ГАТО. Ф. 3. Оп. 45. Д. 1250.

существования особого сибирского антисемитизма¹ или значительной региональной специфики.

Сибирские евреи превратились в значимую группу не ранее 1850-х гг. До этого они были вне интересов государства, выпадая из складывающихся общественных отношений. Из-за своей малочисленности евреи растворялись в общей массе сибиряков, не занимая особой социально-экономической ниши и не играя заметной роли в общественной жизни. Они не были предметом чиновничьей и общественной рефлексии, а развернутый опыт взаимодействия новых подданных Империи с принимающим обществом еще не сформировался.

Логика имперского строительства в «еврейском» случае была изначально нарушена. С точки зрения законодателя российские евреи всегда были особой группой. Эта особенность проявляется, например, в том, что иудеи, юридически приписанные к сословию инородцев², *de facto* выступали в качестве самостоятельной сословной группы. С этой точки зрения становится понятной логика появления знаменитого высочайшего установления: «Евреев в Сибирь не пускать!»

Чиновники долго не замечали присутствия в Зауралье уже достаточно приличного еврейского населения. Оно не являлось в их глазах раздражающим конфликтогенным фактором, было не заметно, не становилось значимым объектом официальных переписок. Николай I провозглашает запрет на водворение евреев в Сибири как составную часть обширной программы их растворения в православной среде. Император рассматривал Зауралье как девственный, чистый русский край, который еще можно (и нужно!) защитить от еврейской эксплуатации и тлетворного влияния со стороны «опасного племени».

Это установление, неоднократно подтверждаемое властями в течение всего XIX столетия, стало основой для формирования особого сибирского еврейского законодательства, вклю-

¹ См. напр.: Гончаров Ю.М. Очерки истории еврейских общин Западной Сибири (XIX – начало XX в.). Барнаул, 2005; Кальмина Л.В. Еврейские общины в Восточной Сибири (середина XIX – февраль 1917 года). Улан-Удэ, 2003; Рабинович В.Ю. Евреи дореволюционного Иркутска: меняющееся меньшинство в меняющемся обществе. Красноярск, 2002.

² Свод законов Российской Империи. СПб., 1903. Т. IX, ст.762, 835.

чавшего к началу XX в. более тысячи законов. Как результат, сибирские евреи не только имели особый правовой статус, что для сословного государства можно считать нормой, но и рассматривались властями как особая, выпадающая из общих правил группа, отличная как от окружающего сибирского населения, так и от соплеменников Черты оседлости. Правовая «особость» превратилась в руках чиновников в эффективный инструмент контроля над сибирскими диаспорами и нередко использовалась для решения как карьерных, так и личных задач.

Корпус правовых норм, регламентирующих повседневное существование сибирских евреев, сформировался к 1860-м гг. В его основе лежит представление об изначальной незаконности пребывания иудеев в Сибири; жесткая привязка к месту водворения («личная Черта оседлости»); экономические ограничения (ограничения права заниматься золотопромышленностью, виноторговлей); ограничения в свободе передвижений (даже для пользующихся правом повсеместного жительства в Империи).

К этому моменту в Сибири уже существовала устойчивая еврейская диаспора. Стало заметно и своеобразие евреев-сибиряков. Современники отмечали, что внешне они не отличались от окружающего населения, что многие черты их характера были типичны для сибиряков в целом: деловая сметка, предприимчивость, высокая социальная активность и мобильность, терпимость к инакомыслию; отсутствие раболепия перед властью, чинами и чиновниками; склонность к либеральным политическим течениям; яркий индивидуализм, странно сочетающийся с корпоративностью и коллективизмом. Евреи не выглядели ни бунтарями, ни «белыми воронами». Их качества, став обычными для края, не вызывали инстинктивного отторжения, характерного для западных губерний. Такая ситуация выглядит вполне нормальной для переселенческого общества.

Вряд ли можно говорить о существовании в этот период особого сибирского антисемитизма. Евреи не являются заметным раздражителем, а традиции бытового антисемитизма не сформировались. Реагируя на массовое появление евре-

ев, сосланных за участие в польских восстаниях, крестьяне-старожилы относят евреев и поляков к одной группе «смутьянов и государственных преступников»¹.

Группа имела ряд черт, важных для понимания рассматриваемой проблемы.

1. Дисперсное расселение. Рассеянные по всему краю, евреи нигде не составляют заметного массива. Если в первой половине XIX в. все ссыльные иноверцы селились отдельными селениями, то во второй половине века, в полном соответствии с официально провозглашенной политикой «растворения иудеев в христианской среде», евреев стали селить в деревнях старожилов. Причем чиновники старались не допускать их большого скопления в одном населенном пункте. В Черте право евреев жить вне городов и местечек серьезно ограничивалось. В результате положение каждого сибирского еврея определялось его правом жительства, что в условиях отсутствия занятости и невозможности найти в месте водворения средства к существованию приводило к массовой нелегальной миграции евреев внутри региона. Значительная часть евреев-сибиряков нелегально проживала вне мест приписки. Важным является и отсутствие более или менее компактного расселения евреев внутри городов.

2. Отсутствие в Зауралье достаточного количества иудаистских религиозных учреждений (синагог, молитвенных домов, Талмуд-Тор и т.д.). Сибирские евреи не могли вести полноценную религиозную жизнь и организовывать свое повседневное существование в соответствии с традицией. Это стало одной из причин широкой аккультурации местного еврейства, но, кроме того, не позволило до поры развиваться в регионе религиозной составляющей антисемитизма. В поле зрения обывателя нет раздражающих символов иной веры и традиции, что препятствует ксенофобии.

3. Сибирские еврейские общины отличаются по своей структуре от моделей Черты оседлости. Община не была тем зародышем, вокруг которого формировалась диаспора. Наоборот, многочисленные еврейские колонии сложились

¹ Титов В.Ю. Протест в менталитете крестьян Восточной Сибири: истоки, характер, развитие (1885 – 1905 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2000. С. 82.

значительно раньше, чем появились разрешенные властями общинные структуры. Еврейские колонии в сибирских городах были гораздо шире религиозных общин, их границы не совпадали. Важным отличием сибирских общин является отсутствие развитой автономии и внутреннего самоуправления. Местные власти почти полностью контролировали общинную жизнь, что облегчало отсутствие религиозной ветви, гармонично существующей в традиционной еврейской общине. Немногочисленные Хозяйственные правления выполняли хозяйственные функции: управление недвижимостью и другой собственностью общины; фискальные сборы; материальное обеспечение ритуала и т.д. Казенные раввины, по сути, являлись государственными чиновниками, в чьих функциях львиную долю занимало представительство общины перед властями и, самое важное, регистрация демографических изменений. Яркие, талантливые раввины, реальные лидеры своих общин (как многолетний иркутский раввин С.Х. Бейлин) были в Сибири редкостью.

4. В сибирских общинах не сформировалось равновесной стратификационной структуры. Согласно переписи 1897 г., большинство сибирских евреев принадлежало к мещанскому и крестьянскому сословиям. Доля евреев в купеческом и мещанском сословиях заметно превышала их относительную численность в обществе. В Иркутске, составляя всего 8 % колонии, купцы-евреи составляли четвертую часть всего местного купечества. Очевидно, что иркутские евреи были ориентированы на предпринимательство, что типично для региона. Почти 85 % членов иркутской колонии жили за счет активного участия в отраслях рыночной инфраструктуры. Почти полностью отсутствовали пролетарские слои и, очевидно, преобладали средний класс и элитарные группы¹. Верхи общины становятся частью местных элитарных слоев, что было необычно. Евреи активно контактируют с местным обществом и заметны в образованных кругах. Малейшие антисемитские выпады в этой среде становились предметом широкого общественного обсуждения и порицания. Низшие слои принимающего общества с евреями широко не контактировали. Для них еврей —

¹ Рабинович В.Ю. Указ. соч. С. 50-88.

мифологизированная фигура, символ, мало отличающийся от православного купца-миллионщика.

5. Высокая степень вовлеченности диаспоры не только в хозяйственную, но и в общественную жизнь принимающего общества. На рубеже веков евреи были заметны в большинстве политических движений, отдавая предпочтение либеральным идеологиям.

Эти факторы оказывали влияние на место диаспоры в социальных структурах общества и на ее образ. Между евреями и «неевреями» складываются сложные, неоднозначные отношения, вокруг колонии образуется особая «атмосфера», сочетающая в себе прямо противоположные, порой взаимоисключающие взгляды. В Сибири почти полностью отсутствует протестный («классовый») антисемитизм. В западных губерниях России обыватель с молчаливого согласия властей нередко прибегал к антисемитским выступлениям как инструментам разрешения классовых противоречий. Сибирский антисемитизм во многом рационален. Он нередко используется как удобный инструмент решения карьерных задач для чиновника или сельского предпринимателя, стремящегося убрать конкурента. Он становится результатом личного выбора конкретно-го чиновника, священнослужителя, предпринимателя.

Являясь частью жестко централизованной государственной машины, сибирские администраторы прекрасно ориентировались не только среди законов, но и устных «советов» и невысказанных «пожеланий» вышестоящего начальства. Неопределенный до конца статус сибирских евреев стал в их руках мощным оружием. Около тысячи различных правил, норм и законов не оставляли иудеям (даже имеющим право свободного жительства в Империи) возможности не подвергнуться угрозе выселения. Судьбу конкретного человека решало то или иное толкование правовых норм, а также такие нестрогие, не юридические категории, как «полезность» или «вредность», «нужность» или «ненужность». Теоретически в каждом конкретном случае должно было учитываться все: возраст, семейное положение, законность и длительность пребывания в Сибири, данные полиции. Но в конечном итоге решение принимал конкретный чиновник. Нередко именно представители

местных властей становились инициаторами новых ограничений или кампаний массовых выселений иудеев в места их причисления.

Многие чиновники (особенно из сибиряков) не были носителями биологического антисемитизма. Его проявление расценивалось скорее как один из эффективных способов продвинуться по службе, сделать карьеру. Эти массовые мероприятия попадали во все сводки, отчеты и рапорты. Чиновник, отличившийся в подобных акциях, вправе был рассчитывать на то, что его служебное рвение, деловые качества, «радения о водворении порядка» будут замечены и благосклонно отмечены начальством. Порой рвение представителей местной власти было излишним настолько, что из Центра раздавался одергивающий окрик.

Далеко не всегда действия чиновников и полиции диктовались их личной неприязнью к иудеям. Контроль за колонией и борьба с нарушениями закона входили в круг их прямых профессиональных обязанностей. В такой ситуации, служебное рвение и настойчивость в исполнении служебного долга определялись общим культурным уровнем конкретного чиновника, его личными качествами, официальной и неофициальной еврейской политикой вышестоящих инстанций.

Неоднозначные отношения существовали между колонией и служителями православной церкви, в ведении которых находились функции контроля за всеми (в т.ч. иудейскими) конфессиональными общинами. Церковь выступала эффективным проводником государственной политики «растворения евреев в православной среде». Определенное влияние на эти взаимоотношения имели традиционное соперничество и взаимная ревность обеих религий. Но позиция каждого конкретного священника, его отношение к иудеям и миссионерское рвение зависели не только от социально-политической ситуации, но и от его личных качеств.

Положение диаспоры в принимающем обществе резко меняется на рубеже веков. Строительство Транссибирской железнодорожной магистрали, аграрные переселения вызвали массовый приток в Сибирь новоселов, в том числе и евреев. Выросла их доля в населении относительно небольших сибир-

ских городов, что приводит к росту напряженности. В начале XX в. доля иудеев в таких городах, как Иркутск, Томск, Омск, приблизилась или даже преодолела 10-ный % порог. Ряд исследователей рассматривают эту цифру как «погромный рубеж».

Росту антисемитизма (особенно крестьянского) способствовало увеличение еврейской доли в ссылке и каторге. К началу XX в. качественный состав ссылки изменился. В нем с каждым годом все более преобладали евреи, сосланные за антиправительственную политическую деятельность. В начале века евреи стали в сибирской ссылке второй по численности (после русских) группой¹. Не меньшее значение имело и увеличение числа новоселов в окружающем евреев социуме. Они прибывали в Сибирь, неся с собой груз привычных традиций, предрассудков и предубеждений.

Существованию стены между колонией и окружающим обществом способствовали древние, но живые предрассудки. Они довольно устойчивы, передаются из поколения в поколение и не зависят от каких-то логических, рациональных объяснений и доводов. Одним из них является кровавый навет. Уже в 1880-х гг. в ряде сибирских городов возникают погромные настроения. Появляются ритуальные обвинения. Часто это реакция на сообщения о подобных выступлениях в Черте. Об этом говорит характерный хронологический разрыв, связанный с запаздыванием информационных сообщений. В Сибири погромное напряжение не привязывается к Песаху. Кто-то из исследователей говорит о привнесенном со стороны антисемитизме. Правомерность этого тезиса подтверждается чередой кровавых погромов, прокатившихся по сибирским городам в октябре 1905 г. Инициаторами стали преимущественно полицейские чины, отдельные чиновники и ряд влиятельных представителей церкви (самый известный из них — бывший тогда епископом Томским — Макарий²), взявших на себя роль

¹ Щербakov Н.Н. Численность и состав политических ссыльных Сибири (1907-1917 гг.) // Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в. — февраль 1917 г.). Иркутск, 1973. Вып.1. С. 199-242.

² Макарий, епископ Томский — митрополит Московский (письмо из Томска) // Сибирские вопросы. 1912. № 29. С. 72-80.

организаторов погромных акций на фоне явной слабости черносотенных организаций в Сибири.

Октябрьские погромы стали апогеем развития дореволюционного сибирского антисемитизма. В начале XX в. на развитие этого явления оказывало влияние огромное количество внешних факторов, что серьезно изменило его природу.

6.4. Китайские мигранты и «образ желтой опасности»: российский вариант общемирового синдрома?

Во второй половине XIX – первой трети XX в. Россия столкнулась со спонтанным, массовым и сжатым по времени («залповым») притоком трудовых мигрантов из Китая. Они были чрезвычайно далеки от жителей России по своим культурным характеристикам, укладу и образу жизни, манере поведения и привычкам. Их основной поток направлялся на недавно присоединенный, почти не заселенный и не интегрированный в состав империи Дальний Восток. Край этот граничил с Китаем – «спящим гигантом» в представлениях того времени. Мигранты стали жизненно важным элементом развития региона, его освоения и интеграции в состав российского государства, залогом самого существования крайне немногочисленного населения.

Реакция принимающего общества была болезненной. Крайне немногочисленное, остро ощущающее свою оторванность, незащищенность, население Дальнего Востока опасалось китайцев, видя в них конкурентов и передовой отряд чужой цивилизации. Власти боялись «китаизации» региона с перспективой его потери для России. Понимание полной зависимости от труда мигрантов симпатий к ним не добавляло.

Эти российские, локальные обстоятельства многократно усиливались наложением на мощный общемировой синдром «желтой опасности», вошедший в ряд «великих ксенофобий» эпохи Модерна. «Великих» в смысле их общемирового характера и глубины воздействия на огромные человеческие массы в качестве регулятора их поведения и умонастроений. Можно выделить три центра генерирования, распространения и инструментального использования синдрома.

В США в основе его формирования лежали конкурентные мотивы. Массовый приток китайской рабочей силы спровоцировал мощные антииммигрантские настроения, волну бытовой расовой вражды и насилий. Синдром становится частью идеологического и политического процесса. Формируется мощное течение в высокоразвитой массовой культуре (комиксы, фильмы, криминальные и фантастические повести). Весь XX век в серии популярных детективных романов и нескольких фильмах¹ злодействовал, например, «зловещий доктор Фу Манчу» — мистический восточный человек, хитрый, коварный, обладающий невероятным умом и огромной образованностью. Получивший европейское образование и знания и потому особенно страшный. Это абсолютный злодей, стремящийся к уничтожению европейского мира. Скорее не человек, а существо, но существо индивидуализированное, яркая и уникальная личность.

В Германии синдром формируется без массовых и повседневных контактов с китайцами и Китаем. Это часть геополитической доктрины, в основе которой лежали державность, мышление в категориях рас и цивилизаций — и их столкновения. Мироощущение «войны миров». «Геополитическую составляющую» синдрома «желтой опасности» целенаправленно разрабатывал и пропагандировал император Вильгельм II.

И наконец, Россия. Здесь слились оба этих потока — и были усилены соседством империй и ясным осознанием незащищенности Дальнего Востока. После Русско-японской войны возникает образ «желтой» экспансионистской Японии. Активно обсуждаются пугающие последствия объединения Японии и Китая на расовой основе и возможность их совместной «желтой экспансии». Одновременно с этим — десятки тысяч китайских трудовых мигрантов (преимущественно временных и сезонных), без которых экономическая жизнь, освоение и защита Дальнего Востока была невозможной.

Все это ведет к формированию фобии, сочетающей в себе геополитическую составляющую германского варианта, и ре-

¹ Western Visions: Fu Manchu and the Yellow Peril// The Illuminated Lantern. Revealing the Heart of Asian Cinema. 2000. vol.1. Oct.-Nov. Issue 5. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.illuminatedlantern.com/fumanchu/index.html>, свободный.

зультаты массового конкурентного контакта с мигрантами, и страхи потерять Дальний Восток в результате «окитаивания», и трезвое осознание полной экономической зависимости края от мигрантов. Сливаются бытовой расизм, мигрантофобия, геополитические страхи, и все это возводится в степень мистическим ощущением грядущей «войны миров». Соответствующим образом истолкованные сложные философские построения Владимира Соловьева стали для этого теоретическим фундаментом¹.

Дали они и емкую, весьма операциональную метафору — «панмонголизм». Этот образ позволил подкрепить синдром «желтой опасности» огромным потенциалом отечественного концепта «монгольского ига». Создавался мощный кумулятивный эффект, ведь с XIX в. и по настоящее время в массовом сознании, официальной идеологии, школьных учебных программах господствует представление о том, что «ига» было самой страшной катастрофой в истории страны. «Панмонголизм» совсем не имел в виду реальных монголов того времени. Мистические «монголы» «панмонголизма» выступают символом «Желтизны», «Нашествия», «Ига». Это сливается в inferнальный страх «войны миров». Даже пропагандистская брошюра, основная идея которой сводилась к тому, что без иностранных капиталов Россия потеряет Дальний Восток, называлась «Грядущее монгольское иго»².

В рамках дискурса «желтой опасности» формировался большой спектр мнений. Их авторы спорили, соглашались, выделяли как основную ту или иную составляющую, но мистический элемент, ощущение грядущей «войны миров» присутствовали почти везде. Характерный симптом — нашествие «желтых полчищ» стало распространенным сюжетом в таком популярном тогда жанре массовой литературы, как фантасти-

¹ Соловьев В.С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории // Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 2. С. 233; Соловьев Вл. Панмонголизм // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. М.: Наука, 1993. С. 635-672.

² Панов А.А. Грядущее монгольское иго. Открытое письмо Народным Представителям. СПб., 1906.

ка¹. Это был распространенный, даже преобладающий взгляд. Отсюда ощущение того, что китайцев «слишком много», представление о том, что «желтое» население Дальнего Востока растет быстрее русского. Представители властей расценивали как угрозу национальной безопасности неупорядоченность и стихийность процесса миграции, огромные масштабы нелегального проникновения, фактическую экстерриториальность подданных соседней империи².

Приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти сформулировал это так: «...что же касается политической стороны вопроса, то, будучи непоколебимо стойки в своей национальной культуре, не теряя духовной связи со своей родиной, оставаясь на чужой стороне верными сынами своего отечества и не чувствуя потому решительно никакой потребности ассимилироваться с окружающим его населением, китайцы и с этой стороны представляются элементом прямо враждебным»³.

Это выстроило структуру образа китайского мигранта. Его основными чертами были непритязательность, минимальные требования к условиям жизни, нищета и антисанитария, заискивающее поведение. Высокая конкурентоспособность за счет сочетания работоспособности, трудовой дисциплины с минимальными требованиями к оплате труда. Культурная чужеродность и стремление ее сохранять, противостояние культурной интеграции в местное общество, сильная связь с родиной, массовидность, общинность, корпоративный дух и взаимопомощь, предприимчивость. Присутствие за спинами мигрантов пока «дремлющего», но обладающего огромной потенциальной мощью Китая, а главное — неисчислимых миллионов «соплеменников».

Важнейшей частью российской традиции было отношение к китайцам как к некоей однородной массе, в которой растворялась индивидуальность каждого. Не случайно применялись

¹ Кошелев А. Реванш «желтый» // [Электронный ресурс] / А. Кошелев // Алфавит. 2000. № 35(93). Режим доступа: <http://www.alphabet.ru/nomer.shtml?action=select&a=82>, свободный.

² Арсеньев В.К. Китайцы в Уссурийском крае: очерк ист.-этно. Хабаровск. 1914.

³ «Движение китайцев в Россию принимает угрожающие размеры» // Источник. 1997. №1. С. 69-71.

эпитеты «толпа», «муравьи», «саранча», «гнус». Пугающую картину рисует публицист «Современника» А. Вережников: «Китайская толпа в синих лохмотьях, с одинаковыми безбородыми, безусыми желтыми лицами, бредет, куда глаза глядят. Не сговаривается, не спорит, не противоречит... переговаривается одинаковыми шипящими, чиликающими голосами... И нет в ней предводителя, зачинщика, человека выше всей этой толпы на целую голову... В ней нет гордых, смелых, отчаянных голов... Все фигуры в китайской толпе по одному образцу, как фабричное изделие». «Толпа поднялась. Расползлась по косо-гору, заполнила пустое пространство и валом повалила к месту работ». «Но в этом равнодушии, полусне и полудремоте чувствуется терпеливое выжидание момента, скрытая настороженность. И кажется, что вот-вот они зашевелиятся все разом, задвигают желтыми белками, поднимутся и пойдут. И будут идти... из десятков вырастая в сотни, из сотен в тысячи... и все будут идти и идти, плодясь и размножаясь»¹. Эта талантливая зарисовка пронизана сложным чувством пренебрежения, страха, брезгливого отчуждения и немного жалости к китайцам. Это отношение не к людям, а к саранче, к инопланетянам — и не случаен пассаж о том, что у них «вид людей совсем с другой планеты».

В китайцах видели питательную почву для массового бандитизма — хунхузничества². Обвиняли в том, что приносят в край, и без того не отличавшийся строгими нравами, свои пороки. Часто описываются опиекурильни, игорные дома как некие центры китайских трущоб³. Эти трущобы предстают одновременно рассадниками чудовищной антисанитарии. Нормы гигиены «чужды неразвитому уму китайцев», а при дороговизне жилья — и недостижимы, писал доброжелательно настроенный Л. Богословский. Отсюда — болезни, высокая смертность, постоянная угроза эпидемий⁴. Огромную трево-

¹ Вережников А. Китайская толпа // Современник. 1911. Кн. 3-4. С. 124-130.

² Надаров И. Хунхузы в Южно-Уссурийском крае (очерк) // Военный сб. 1896. № 9. С. 183-204.

³ Шрейдер Д.И. Наш Дальний Восток. СПб., 1897.

⁴ Богословский Л. Крепость-город Владивосток и китайцы // Вестн. Азии. 1913. № 13. С. 20-33.

гу вызывал контрабандный ввоз водки — ханшина. Китайцев часто обвиняли в хищническом грабеже богатств уссурийской тайги, незаконной добыче и контрабанде золота. Возмущала эксплуатация китайскими торговцами, браконьерами, хунхузами туземцев — коренного населения края. Приводились многочисленные примеры насилий, пыток, убийств, масштабов и форм кабалы¹.

Большая часть проблем, связанных с китайской иммиграцией, рассматривалась в категориях «желтого труда». В публикациях специалистов содержится его квалифицированный анализ: отраслевая и региональная динамика применения китайской и корейской рабочей силы, уровень ее оплаты, структура расходов, масштабы вывоза рублевой массы из страны². Проблема виделась в том, что Китай мог поставлять по демпинговым ценам неограниченное количество рабочей силы, отличающейся дешевизной, дисциплинированностью, умением быстро осваивать новые профессии и сферы деятельности. Считалось, что это препятствовало заселению региона русскими, вело к его «окитаиванию», в возможной перспективе — потере для России. Существовало и понимание того, что без «желтой» рабочей силы освоение региона невозможно. Отсюда ожесточенность дискуссий, постоянное столкновение ведомственных и иных интересов, принятие ограничительных мер и их немедленное блокирование.

Наибольшим алармизмом отличались взгляды крупнейшего дальневосточного предпринимателя, общественного деятеля и публициста С.Д. Меркулова³. Он доказывал, что офици-

¹ Надаров И. Северо-Уссурийский край. СПб., 1887; Арсеньев В.К. Указ. соч.

² Л.Г. 1916. Желтый труд на Дальнем Востоке по данным 1914 года // Вопр. колонизации. 1916. № 19. С. 140 — 171; Междуправительственное совещание по делам Дальнего Востока. Справка по вопросу о мерах борьбы с китайской торговлей в Приамурье. (Б.м.), (б.г.); Граве В.В. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье. СПб., 1912; Мацокин П.Г. Оценка данных производства в японских, китайских и европейских ремесленно-промышленных заведениях за 1910-1911 гг. // Вестн. Азии. 1911. № 10. С. 1—20; Панов А. 1910. Желтый вопрос в Приамурье // Вопр. колонизации. 1910. № 7. С. 53—116; Предварительные итоги бюджетного обследования рабочих и служащих Дальнего Востока в марте 1924 г. Хабаровск, 1923.

³ Меркулов С.Д. Вопросы колонизации Приамурского края. II. (Статьи, письма, заметки). СПб., 1911; Он же. Вопросы колонизации Приамурского края. III. Желтый труд и меры борьбы с наплывом желтой расы в Приамурье. Владивосток, 1911; Меркулов С.Д. Русское дело на

альные оценки численности китайцев в крае занижены. Китайцев много, они трудолюбивы, неприхотливы, согласны на любую работу за крайне низкую оплату, не пьют, они вывозят большую часть заработанных денег в Китай и этим подрывают финансовую стабильность в регионе. «Желтый труд» создает непреодолимый барьер для притока русских переселенцев. Дешевизна «желтой» рабочей силы консервирует техническую отсталость, особенно в промышленности. Русские крестьяне и казаки сдают свои земли в аренду китайцам, сами производительным трудом почти не занимаются — и это ведет к их паразитизму, пьянству и деградации. Китайские рабочие становятся источником социальных конфликтов — стачек, драк с русскими рабочими.

Как часть проблемы «желтого труда» рассматривались и конкурентные отношения в сфере торговли. Многие авторы отмечали, что китайцы благодаря своей энергии, предприимчивости, трудолюбию, корпоративности за сравнительно короткое время заняли («монополизировали») значительную часть мелкой и средней розничной торговли.

Алармизм, представление о «желтой опасности» — преобладающий, но не единственный подход к проблеме. Были авторы, которые присутствие китайцев воспринимали как необходимую и неотъемлемую часть жизни региона. Они сочувственно описывали тяжелейшие условия их жизни и труда, неодобрительно характеризуя высокомерно-пренебрежительное отношение к ним со стороны властей и значительной части общества, протестуя против широко распространенных злоупотреблений.

Многие исследователи и публицисты, соглашаясь с тезисом об опасности «желтого труда», считали, что он необходим и неизбежен. Без него невозможно в кратчайшие сроки и с минимальными затратами создать инфраструктуру государства России — города, морские порты, шоссейные и железные дороги, сельскохозяйственное и промышленное производство, горные промыслы. Неосвоенный же в экономическом, военном, политическом отношении край неизбежно будет

Дальнем Востоке: докл. С.Д.Меркулова Его Императорскому Высочеству Великому Князю Александру Михайловичу. СПб., 1912.

потерян для России. На такой позиции стоял, например, постоянный оппонент С.Д. Меркулова А.А. Панов¹. У него мы находим трезвый и далеко идущий тезис о том, что «китайский поток вовсе не имеет того стихийного характера, который ему обычно придается. Это не то несокрушимое стремление, с которым движутся глетчер, оползающая гора, морское течение или поток лавы и с которым воля человеческая не в силах бороться. Это самое естественное экономическое явление, регулируемое, как и всякое другое, спросом и предложением, а стало быть, и бороться с ним возможно и необходимо также на экономической почве – путем изменения условий рабочего рынка». М. Ковалевский вообще считал, что «пока китайский труд носит характер отхожего промысла, он не грозит прочным поселением китайцев в нашей восточной окраине, а, следовательно, и не способен внушить серьезных политических опасений»².

Наиболее профессионально подобный подход присутствует в отчете уполномоченного Министерства иностранных дел В.В. Граве³. Основной вывод работы – применение «желтого труда» несет с собой массу проблем и опасностей, но оно неизбежно и необходимо. Следовательно, надо регулировать и направлять процесс его использования, создавая и совершенствуя для этого законодательную базу, государственные институты, готовя для них высокопрофессиональные кадры.

Анонимный автор «Сибирского сборника» решительно выступает против взгляда, когда «китайское население края оказывалось какой-то общею многотысячною шайкою разбойников, хищников, разоряющих естественные богатства края и вносящих своей распущенностью, опекуреннием, азартными играми и прочим – полную деморализацию в среду русского элемента. За манзами⁴ не оставлялось ни одной светлой черты; в жизнь края они вносили только одно зло – и нравственное,

¹ Панов А. Желтый вопрос в Приамурье... С. 53 – 116; Он же. Борьба за рабочий рынок в Приамурье // Вопр. колонизации. 1912. № 11. С. 241–282; Панов А. Желтый вопрос и меры борьбы с «желтым засильем» в Приамурье // Там же. С. 171–184.

² Ковалевский М. Порто-франко во Владивостоке // Вестн. Европы. 1909. Т. 255. С. 423 – 437.

³ Граве В.В. Указ. соч.

⁴ «Манзами» называли тогда китайцев на российском Дальнем Востоке.

и экономическое, и политическое, плодили бесправие — словом, являлись таким отбросом, против которого нужны были самые строгие меры, и чем скорее избавился бы край от такого элемента, тем было бы лучше». Он прямо пишет о мотивах подобного отношения: «...в силу исконной враждебности сибирского населения к инородцам и традиционной привычке считать их ниже себя, не допускать до себя, а ставить лишь объектом всевозможной эксплуатации, русское население, не имевшее в своем характере, ни в образе жизни и культуре ничего общего с китайцами, смотрит на манз, по простонародному выражению, как на тварь, не имеющую даже души и стоящую отчасти даже вне закона. Различия столь несхожих гражданских традиций, религий, цивилизаций и характеров, как русский и китайский, всюду, во всех странах, сопровождались самыми резкими осложнениями и всюду с ними приходилось считаться очень сильно». И вывод: «...нужно... снять с китайцев излишние нарекания и показать, что они также люди и имеют такое же право, как и все, на покровительство законов, что они постольку же равноправны, поскольку то допущено основными законами, а не произволом массы; короче, нужно было вывести манзу из ложного положения, как ради него самого, так и ради правильного течения жизни в русской дальневосточной колонии»¹.

Однако господствовала позиция, сформулированная в брошюре П. Ухтубужского: «Известно, что желтые народы питают органическую ненависть к европейцам, а к нам, русским, в особенности... Они мечтают... о завоевании всего мира... Нашествие желтых на богатые области Сибири уже началось. Правда, это, как выражаются у нас, «мирное», экономическое нашествие, но и при этом мирном нашествии русские вытесняются желтыми, которые захватывают торговлю, промыслы, заработки и т.д.». «Народами правит Бог. Побеждают те народы, которые защищают Добро и Истину. Если в Азии столкнется Россия, несущая народам свет Православия с желтыми народами, погрязающими во тьме язычества, то в исходе этой

¹ Л-н. Капитуляция русского труда и капитала в Приамурье (к желтому вопросу) // Сибирский сборник за 1904 год. (Прил. к газете «Восточное обозрение»). Иркутск, 1904. С. 77-108.

борьбы не может быть сомнений. Крест одержит победу над Драконом, олицетворяющим «князя мира сего»¹.

6.5. Деловая культура китайских предпринимателей глазами российских современников

Несмотря на интернационализацию мирового экономического процесса, унификацию правил международного делового взаимодействия, норм деловой этики, национальные особенности ведения бизнеса продолжают играть важнейшую роль в деловых коммуникациях. Они наиболее ярко проявляются в ситуациях кросскультурных контактов и часто служат причиной непонимания, неприязни, негативного отношения.

П.Н. Шихирев определяет деловую культуру как характеристику хозяйственной деятельности, ориентированной на получение прибыли, в процессе отношений с другими участниками экономических отношений². Это система отношений, выраженных в нормах, ценностях и знаниях. В человеческом взаимодействии эти три базовых элемента обычно сплавлены в единое образование — отношение (или установку) к объекту ценности. Установка обычно существует в форме образа, часто стереотипизированного³. Эта система и регулирует деловую активность. Такова общая теоретическая схема деловой культуры, своеобразный «скелет». В реальной жизни он обрастает «плотью» социальных форм: традиций, правил, ритуалов, этикета, привычек, порожденных конкретной социокультурной ситуацией.

Предметом нашего исследования является отражение особенностей деловой культуры китайских предпринимателей в сознании россиян в виде социальных стереотипов до революции и в наши дни. Не претендуя на ее детальное и полное описание, обратимся к тем сторонам, которые выделяются нашими соотечественниками. То, что бросалось им в глаза, удивля-

¹ Ухтубужский П. Русский народ в Азии. 1) Переселение в Сибирь. 2) Желтая опасность. / Русский народный союз Михаила Архангела. СПб., 1913. С. 64-65, 75, 85.

² Шихирев П.Н. Введение в российскую деловую культуру. М., 2000. С.8,10.

³ «Российская деловая культура»: национальная программа М., 1997. С.19.

ло и поражало. Но именно эти явные отличия, отразившиеся в стереотипах, и служили чаще всего культурными барьерами, затрудняющими коммуникации, причинами настроенности и негативизма.

На рубеже XIX–XX вв. о проблеме китайской миграции много писали, в оживленных дискуссиях участвовали публицисты, ученые, представители бизнеса и деловые аналитики, гражданские и военные чиновники в столице и «на далекой окраине», высшие администраторы. Эти источники дают богатейший, полифонический материал для анализа. Особенно пристально наблюдали за торговцами. Русская торговля на Дальнем Востоке развивалась медленно, товары, доставленные из промышленных центров, стоили дорого, поэтому китайские купцы захватили эту экономическую нишу.

Китайский рынок представлял собой множество «микроскопических» торговых точек на небольшом пространстве. Отсутствовала специализация, был представлен широкий ассортимент товаров: *«от кожи и мяса до дешевых галантерейных вещей»*, зелень, фрукты, овощи и т.д. Китайские лавки были пропитаны национальным колоритом. Вывешивалась цветная холщовая вывеска, расписанная блестящими китайскими иероглифами, придумывалось бьющее в глаза название. Названия китайцы стремились сделать «говорящими», несущими позитивную, рекламную информацию.

Красной нитью проходит признание невероятной живучести и конкурентоспособности китайских коммерческих предприятий¹. Некоторые авторы считали промышленную и торговую конкуренцию китайцев *«более грозными, чем их армия и флот»*². Качества китайцев как торговцев оценивались очень высоко. Они энергичны, предприимчивы, трудолюбивы, расчетливы, аккуратны и смелы, что представляет резкий контраст с «неподвижными», безынициативными русскими купцами. Им присуще *«умение... пользоваться всеми благоприятными условиями для увеличения выгод в своих торговых оборотах»*. Они сметливы, хитры, и это *«обеспечивает им успех на*

¹ Шрейдер Д.И. Наш Дальний Восток. СПб., 1897. С.51.

² Главное управление Генерального Штаба (Издание Отдела Генерал-квартирмейстера). Дальний Восток. СПб., 1911. Т.3: Военно-статистический обзор. С. 131.

торговом поприще». Часто подразумевалось врожденное присутствие «предпринимательских» качеств¹.

Крайне редко встречаются обвинения в обычных приемах нечестной торговли — обмер-обвес, пересортица, мошенничество вообще. Даже подчеркивается, особенно для крупных китайских дельцов, отказ «от обычного для русских купцов принципа «не обманешь — не продашь»». Случаи мелкого обмана, особенно у мелких торговцев, отмечались, но не как «национальные черты характера», а как обычная, повсеместная («как и везде на свете») бизнес-практика². Это не означало законопослушности как таковой. Встречается масса упоминаний о нарушении законов: торговле ханшином и опиумом, контрабанде, уклонении от уплаты пошлин, налогов³. Массовыми были случаи обмана и экономического закабаления коренных жителей края⁴. Китайских торговцев обвиняли в коррумпировании российских чиновников⁵.

Особенное внимание привлекал коллективизм при организации предприятий. Часто партнерами были родственники. Работники участвовали в распределении прибыли, становились пайщиками. Коллективизм был построен не на равноправии, а на принципе четкой иерархии. Как правило, служащий не получал жалованья, но он мог рассчитывать, при усер-

¹ Главное управление... 131; Головачев П. Россия на Дальнем Востоке. СПб., 1904. С. 153; Унтербергер П.Ф. Приморская область 1856-1898 гг. СПб., 1900 С. 218-220; Он же. Приамурский край 1906-1910 гг. СПб., 1912. С. 90; Матвеев Н. Китайцы на Карийских промыслах // Русское богатство. СПб., 1911. № 12. С. 32; Панов А.А. Желтый вопрос в Приамурье // Вопр. колонизации: период. сб. СПб., 1910. № 7. С. 81; Всеподданнейший отчет Приамурского Генерал-Губернатора Генерал-Лейтенанта Духовского 1893, 1894 и 1895 гг. СПб., 1895.

² Шрейдер Д.И. Указ. соч. С. 67; Головачев П. Указ. соч. С. 153; Граве В.В. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье. СПб., 1912. С. 30, 34.

³ Унтербергер П.Ф. Приморская область... С.221; Граве В.В. Указ. соч. С. 31, 32; Денисов В.И. Россия на Дальнем Востоке. СПб., 1913. С. 37; Митинский А.Н. Материалы о положении и нуждах торговли и промышленности на Дальнем Востоке / Тр. командированной по Высочайшему повелению Амурской экспедиции. СПб., 1911. Вып. VIII. С. 214.

⁴ Главное управление... С.133; Панов А.А. Желтый вопрос в Приамурье // Вопр. колонизации: период. сб. СПб., 1910. № 7. С. 82; Граве В.В. Указ. соч. С. 36–37; Арсеньев В.К. Китайцы в Уссурийском Крае. Хабаровск, 1914. С. 84-91.

⁵ Синиченко В.В. Рынок коррупционных услуг Восточной Сибири и иностранное предпринимательство//Вестн. междунар. центра азиатских исслед. 2001. № 6. С. 13–18.

дии, смысленности и честности, получить через 2-4 года пай в деле. Это исключало всякую возможность вести дело нечестно и умышленно в убыток хозяину. Уличенный безжалостно изгонялся с «волчьим билетом»¹.

Исключительная конкурентоспособность объяснялась и организованностью купеческого сообщества, сплоченностью, «корпоративным духом», который объединяет всех китайцев на чужбине, солидарностью действий на рынке. Это давало преимущества в приобретении оптовых партий товара, получении кредита. Крупные предприятия путем кредита поддерживали мелкие, формируя тем самым разветвленные сети. Для консолидации сил на рынке создавались общества взаимопомощи и торговые общества². Для борьбы с коммерческим риском существовал «обычай у китайских купцов средства свои не затрачивать на одно какое-либо предприятие, а всегда на несколько, что предохраняет их при неудаче от крупных потерь». Широкая система взаимного кредитования связывала «всех торгующих китайцев от богача до самого мелкого разносчика чем-то вроде круговой поруки взаимного одолжения»³.

Они сводили до минимума накладные расходы, не арендуя больших помещений, не затрачивая средств на строительство магазинов, складов, на дорогостоящее страхование имущества, рекламу. Снижали цены за счет непритязательности и крайне низкого уровня потребностей. Китайские торговцы жили большими артелями без семей и ограничивались самой дешёвой провизией и одеждой⁴. Некоторыми это оценивается

¹ Главное управление... С. 132; Панов А.А. Указ. соч. С. 79; Граве В.В. Указ. соч. С. 29; Труды IV Хабаровского Съезда, созванного Приамурским Генерал-Губернатором Генерал-Лейтенантом Д.И. Субботичем, 1903 г. Хабаровск, 1903. С. 3; Максимов С. Наши задачи на Тихом океане. Политические этюды. СПб., 1894. С. 502.

² Главное управление... С.132; Унтербергер П.Ф. Приморская область... С. 220; Он же. Приамурский край... С. 174; Денисов В.И. Указ. соч. С. 120; Арсеньев В.К. Указ. соч. С. 191; Максимов С. Указ. соч. С. 499; Панов А.А. Желтый вопрос и меры борьбы с «желтым засильем» в Приамурье // Вопр. колонизации: период. сб. СПб., 1912. № 11. С. 177; Левитов И. Желтая раса. СПб., 1900. С. 9.

³ Унтербергер П.Ф. Приморская область... С. 220; Он же. Приамурский край... С. 174; Панов А.А. Желтый вопрос в Приамурье... С. 80, 177; Труды IV Хабаровского Съезда... С. 3.

⁴ Граве В.В. Указ. соч. С. 30; Алепо А.В. Китайский торговый бизнес в Приамурском крае (2 половины XIX – начало XX в.) // Вестн. междунар. центра азиатских исслед. 2001. № 6. С. 11.

как основной фактор конкуренции китайских предпринимателей с русскими¹.

Китайцев отличало стремление к быстрому товарному и денежному обороту. Они продавали свои товары на 10-12 % дешевле, чем европейцы². «...При более низкой цене, но при более быстром обороте он [китаец. — Д.Е.] получает прибыли несколько не меньше своего европейского соперника». Это было одним из факторов невероятной дешевизны товара. Невзирая на свою живучесть, мелкие китайские предприятия зачастую лопались «как мыльные пузыри», но на смену погибающим постоянно являются новые, основанные на тех же принципах³.

Деловая культура часто рассматривалась в категориях общей культуры китайских мигрантов. Подчеркивались их стремление к компактному и изолированному от местного населения проживанию, мощные общинные институты и связи: свои законы и санкции за их невыполнение, круговая порука, клиентельные отношения, сеть общественных организаций. С работодателями и властями отношения осуществлял посредник, староста⁴. Артельная сплоченность была опорой в чужом и недоброжелательном окружении⁵. Своя развитая инфраструктура, ориентированная исключительно на внутреннее потребление. Китайские поселки представляли собой «маленький уголок Поднебесной империи»⁶.

Мигранты не порывали связей с родиной, продолжая оставаться «*пришлым, случайным, чуждым элементом*». Жили обособленно и практически не интегрировались в русское общество, сохраняя свою культурную чужеродность, непохожесть и оставаясь для местного русского населения «*чужаками*», людь-

¹ Шрейдер Д.И. Указ. соч. С. 25; Унтербергер П.Ф. Приамурский край... С. 90; Труды IV Хабаровского Съезда... С. 3; Граве В.В. Указ. соч. С.30; Всеподданнейший отчет Приамурского Генерал-Губернатора Генерал-Лейтенанта Духовского 1896-1897 гг. СПб., 1898. С. 66-67.

² Алепко А.В. Указ. соч. С. 11.

³ Шрейдер Д.И. Указ. соч. С. 25.

⁴ Митинский А.Н. Указ. соч. С. 227.

⁵ Шрейдер Д.И. Указ. соч. С. 79; Главное управление... С.133; Унтербергер П.Ф. Приморская область... С. 277.

⁶ Панов А.А. Желтый вопрос в Приамурье... С.97.

ми «совсем другой планеты». Китайцы не стремились прижиться в России, воспринимая пребывание здесь как временное¹.

Описывалась их изможденность, худоба, неприветливость, граничащая с нищетой, минимальные требования к условиям жизни и питанию, антисанитария. В комплексе с «приниженными, жалкими, подобострастными» улыбками, почти-тельным, предупредительным, даже заискивающим обращением к русским — «капитана», «мадама» — это формировало высокомерно-снисходительное отношение к ним. Китайцы не воспринимались как равные себе. Господствует отношение к ним как к людям второго сорта, «низшей породы»².

Отслеживались наблюдателями и довольно немногочисленные пороки. Специально отмечалось, что если они и пьют, то «допьяну не напиваются даже в праздничные дни», не лентяют, как русские. Но курят опиум и невероятно азартны в играх на деньги. Азарт — это и профессиональный порок, так как в одночасье «спускались» в игре состояния, что разрушало деловые отношения и связи³.

В целом китайских мигрантов, а особенно торговцев, опасались, не любили, но понимали, что ни о каком экономическом развитии и даже просто существовании региона без них не могло быть и речи. Это и сформировало обобщенный образ китайца: подчеркнуто высокомерное отношение к нему как к представителю низшей расы, человеку трудолюбивому, неприхотливому, но «всепроникающему», хитрому, коварному. Китайцы замкнуты, никого не впускают в свой внутренний мир и в свое общество, они клановые, помогают друг другу в ущерб остальным. Все эти качества, в том числе трудолюбие и взаимопомощь, окрашены в негативные эмоциональные тона, как принадлежащие сильному и опасному конкуренту.

Контакт российских и китайских предпринимателей на рубеже XX — XXI вв. вновь создал спрос на знание деловой куль-

¹ Шрейдер Д.И. Указ. соч. С. 55, 210; Арсеньев В.К. Указ. соч. С.196; Граве В.В. Указ. соч. С. 115; Левитов И. Указ. соч. С. 8; Труды III Хабаровского Съезда... С. 129.

² Шрейдер Д.И. Указ. соч. С. 12, 89, 104; Граве В.В. Указ. соч. С. 52-53, 117-118.

³ Арсеньев В.К. Указ. соч. С. 104, 135; Левитов И. Указ. соч. С. 8; Максимов С. На Востоке. Поездка на Амур (в 1860-1861 гг.). СПб., 1864. С. 495; Шрейдер Д.И. Указ. соч. С. 94; Матвеев Н. Указ. соч. С. 37; Митинский А.Н. Указ. соч. С. 232.

туры друг друга. Особенно активно формируют представления об этом наши соотечественники, живущие и ведущие бизнес в Китае. Они осваивают элементы китайской культуры, изучают язык и интенсивно осмысливают деловую практику и культуру. Для них это залог успеха или поражения в бизнесе, проблема выстраивания жизненных стратегий. Их взгляды и оценки анализировались через активную переписку на Интернет-форумах, среди которых особый интерес представляет форум «Восточное полушарие» (www.polusharie.com).

Участники форума – это в основном россияне, связанные по роду своей деятельности с Китаем (бизнес, переводы, преподавание, журналистика, дипломатия). Многие живут или часто бывают в Китае. Большинство владеет китайским языком. Это определяет достаточно высокий профессиональный уровень дискуссии. Возраст большинства (заявленный в регистрационных формах) – от 23 до 40 лет. Есть и несколько китайских участников.

Тематика их конференций возникает спонтанно: от политических и экономических проблем до частных вопросов (типа «Что вам нравится / не нравится в Китае» или «Хочу выйти замуж за китаиста...»). Хотя обсуждаются серьезные проблемы, язык разговора можно назвать непринужденным, легким, с чувством юмора. Дискуссии ведутся на хорошем качественном уровне: обоснованные точки зрения, опора на собственный опыт, литературу, экспертные мнения. Участники не только умеют хорошо оперировать информацией, но и достаточно критично ее воспринимают. Впечатляет начитанность, эрудиция, особенно в том, что касается Китая. Тема китайской деловой культуры, оценка китайцев как деловых контрагентов им важна. К ней постоянно возвращаются, обсуждая ее и как обобщение собственной практики, и как общетеоретическую проблему. Деловая культура рассматривается в контексте китайской культуры.

Особенно подчеркивается фактор личных отношений и слабая институционализированность деловых практик. Бизнес в Китае в огромной степени персонифицирован, огромную роль играют связи. Юридические процедуры и санкции не имеют столь жесткой силы и определенности, как в Запад-

ной Европе. Подписанный контракт для китайцев часто не означает окончательного и обязательного решения об условиях сделки. Скорее, это только обозначение рамок дальнейших отношений. Стремление делать бизнес со «знакомыми» и сохранять хорошие отношения с партнером, часто подводит. Отмечается иерархичность и статусность в отношениях персонала внутри фирм и в отношениях с представителями фирм-партнеров, когда правильным и наиболее плодотворным считаются непосредственные контакты с людьми, которые занимают аналогичную позицию в фирме.

Бизнес с Китаем полон «подводных камней» и имеет достаточно высокую степень риска. Нечестные и просто жульнические деловые практики, несоблюдение договорных обязательств распространены чрезвычайно широко, а вопрос о качестве поставляемых китайцами товаров стоит на повестке постоянно (даже в случае длительных отношений с партнером по бизнесу). Участники дискуссии признают, что наивно желать «европейского» качества по «китайским» ценам. Ведь относительная дешевизна китайских товаров является одним из факторов их популярности на российском рынке. Плохое качество больше характерно для мелкого «челночного» бизнеса, ориентированного на покупателей с низкими доходами. Прибыль тогда получается за счет разницы в цене товара в Китае и России, а не за счет объема поставок. Но даже в случае с более крупным бизнесом часто случается, что китайский партнер отправляет первые партии товара более или менее хорошего качества, но в последующем процент брака растет. Один из способов избежать этого — поиск надежного партнера, налаживание с ним, помимо деловых, хороших личных отношений и постоянный контроль поставок.

Нужно следовать принципу «доверяй, но проверяй». Распространенность нечестных деловых практик обсуждается с минимальной долей оценочности (в том смысле, что это не хорошо или просто очень плохо). Это воспринимается как сложная бизнес-проблема, относительно которой необходимо иметь стандартный набор практик и приемов. Российские предприниматели тоже не всегда честны и порядочны. Одной из причин этого, с точки зрения участников дискуссии, может

являться предубеждение в отношении китайских партнеров, априорное приписывание им желания обмануть. В таких случаях ярко проявляется регулятивная функция взаимных образов и стереотипов.

Серьезным деловым фактором считается патриотизм китайских бизнесменов и их солидарность перед лицом иностранцев. Отмечается большая роль государственной политики и идеологии. Обязательно подчеркивается контраст с российской практикой. Если российские бизнесмены престиж страны и ее интересы просто не берут в расчет, а чаще всего относятся просто цинично, то для их китайских коллег это вещь серьезная.

Но это может иметь и последствия, связанные с классической для китайской культуры проблемой «сохранения лица». Китаец постарается поступать так, чтобы не допустить «потери лица» своим соотечественником, а следовательно, не станет торговаться о такой скидке, которая может поставить партнера в неловкое положение. Хотя участники дискуссии видят проявление этого феномена в других культурах в виде стремления не поставить человека в неловкое положение, но считают, что китайцы более последовательны в его реализации. У них этот принцип существует на уровне социальных норм, и доведение ситуации до «потери лица» партнером подвергается общественному осуждению. У россиян же это скорее дело личного выбора, проблема совести.

Отмечаются и более частные ситуативные особенности ведения бизнеса китайцами, знание которых помогает наладить продуктивные деловые отношения. В частности, нетворческий, шаблонный подход в бизнесе. Участники не избежали разговора об особенностях трудовой культуры китайцев. Во-первых, трудолюбие. Во-вторых, дисциплинированность и исполнительность. Равномерность и постоянство в работе, в отличие от «авральности» у русских. Но исполнительность китайцев имеет и обратную сторону из-за отсутствия креативности и инициативы. Часто это становится серьезным препятствием при совместной работе с западными партнерами.

Тональность и основные характеристики этого обсуждения очень напоминают (а иногда и почти дословно повторяют)

аналогичные дискуссии в России конца XIX — начала XX в. Выделяются схожие черты, присущие деловой культуре китайских предпринимателей. Следовательно, можно сделать вывод об их достаточной устойчивости, несмотря на изменение исторических и экономических реалий.

6.6. Китайский купец в Монголии глазами русских предпринимателей и исследователей

Во второй половине XIX в. Монголия становится объектом пристального внимания России. Резко возрастает дипломатическая активность, организуются исследовательские экспедиции (часто с участием военного ведомства), активизируется деятельность частного торгового капитала. Анализируя ситуацию в Монголии, мало кто из русских чиновников, исследователей, торговцев обходил вниманием китайских купцов. Они расценивались как соперники России в борьбе за влияние на местное население, как экономическая агентура Англии, США, Германии, Франции, Японии, как мощные конкуренты для русских предпринимателей. Сформировался большой корпус текстов, который позволяет многое узнать и понять не только о китайских купцах, но и о тех, кто их не слишком доброжелательно описывал.

Все наблюдатели признавали исключительное место китайцев в экономике Монголии. По словам А. Баранова, «полной непроизводительностью края воспользовались китайцы и взяли на себя снабжение монгол всем необходимым для их жизни и домашнего обихода»¹. Они поставляли изделия ремесел, ткани, чай. Туньши (банкиры) давали займы.

Торговцы считались самой важной группой среди китайцев, их можно было встретить в отдалённых хошунах, в юртах самых бедных монголов. Они были в тесном контакте с местным населением, общались с ним, обслуживали его потребности и запросы. «Халхасцы очень часто переводят слово «китаец» словом «найма хун», т.е. торговый человек»². По

¹ Баранов А. Северо-восточные сеймы Монголии // Материалы по Маньчжурии и Монголии. Харбин, 1907. Вып. 16. С. 33.

² Майский И. Современная Монголия. Иркутск, 1921. С. 70.

приблизительным оценкам И. Майского на 1919 год, в Халха-Монголии «купечество составляло $\frac{3}{4}$ всей китайской эмиграции, т.е. примерно 75 000 человек». Наиболее крупные колонии были в Урге, Кяхте (в Урге — 70 тыс. чел., в Кяхте — 3 тыс. чел., Улясутае и Кобдо по 2, 5 тыс. чел.)¹. Во многих монгольских городах были целые китайские кварталы — маймачены (в переводе с китайского — торговый городок).

Происходили торговцы, как правило, из северных провинций Китая². В торговую фирму в Монголии их в возрасте 10–12 лет приводили родственники. Первые годы в качестве помощников, рабочих или слуг при лавке, они служили за ночлег и стол. Через несколько лет, пройдя проверку и получив первоначальное обучение, становились работниками (приказчиками). Работник получал жалованье и иногда мог навестить родных. Еще через несколько лет приказчик становился дольщиком (компаньоном) фирмы. Это давало и право ездить регулярно домой. Количество поездок и их продолжительность напрямую зависели от доли в прибыли фирмы. Достигший определённого положения приказчик мог получить кредит от своей фирмы и открыть собственное дело, которое по сути своей являлось дочерним предприятием главной фирмы. Капитал оставался неделимым при любых обстоятельствах, даже если один из пайщиков выходил из дела. Совладельцы на руки всей прибыли никогда не получали. Часть доходов шла на пополнение капитала, увеличивая долю совладельцев, при необходимости наследуясь детьми³.

Наблюдатели подчеркивали сплоченность купцов перед лицом иностранных конкурентов. Существовало выражение: «Эрь жэнь тунь-синь ци ли цзинь» — «Единение двух людей — это острый меч, который рубит металл»⁴. Это позволяло им успешно вести дело даже в условиях жёсткой конкурентной борьбы: «образцовая внутренняя дисциплина среди китайских купцов, которая удерживает китайские торговые фир-

¹ Майский И. Современная Монголия. Иркутск, 1921. С. 72.

² Талько-Грынцевич Ю. Заметки по антропологии северных китайцев. Китайцы кяхтинского и ургинского маймачена / Тр. ТСКО ПО ИРГО. М., 1899. Т. II. Вып. 3. С. 4.

³ Позднеев А.М. Города Северной Монголии. СПб., 1880. С. 71-72.

⁴ Баранов И.П. Организация внутренней торговли в Китае. Харбин, 1917. С. 9.

мы в пределах умеренной конкуренции и создаёт между ними солидарность»¹.

Невысоко оценивалось здоровье и физические данные китайцев: «лица у них жёлтые, измученные, под глазами тёмные круги, здоровье — слабое, физическая сила — незначительная»². Это объяснялось нездоровыми условиями жизни, чрезмерным употреблением спиртных напитков, табака и даже опиума. Жили купцы в таких же домах, как в Китае: тонкие стены, большие и затянутые даже зимой бумагой оконные проемы. Имелся кан — отапливаемая с улицы лежанка. Зимой помещение дополнительно отапливалось при помощи жаровен. Для Монголии такое жильё подходило мало. Плохо была приспособлена и одежда: зимой она состояла из кальсон, пары штанов, матерчатых туфель на тонкой же матерчатой подошве, полотняной рубахи, двух халатов, ватной куртки, шапочки. Летом количество курток и штанов было меньше. Такая одежда была крайне неудобна, она сковывала движения, особенно узкий и длинный халат. Для более быстрого передвижения китайцы задирали полы халата и подтыкали их у пояса или завязывали на шее. Со стороны это выглядело несколько комично. Тонкая матерчатая обувь не подходила для монгольского каменистого грунта. Особое место в их повседневной жизни занимала еда. Обеды длились часами, а меню насчитывало несколько десятков блюд, которые надо было обязательно отведать. Вынести такую продолжительную и насыщенную трапезу было достаточно тяжело. Тем не менее «китаец терпелив, и переносчив, до невероятности»³.

«Интеллигентность «монгольских» китайцев — ничтожна, употребление ими книг и газет в высшей степени ограничено, склонность ко всякого рода предрассудкам и суевериям — неодолима»⁴. Особой образованности и не следовало ожидать — приказчик должен был хорошо считать, писать и разбираться в бухгалтерии. Коммерсанты любили украшать свои дома

¹ Морозов И.М. К развитию и укреплению торгово-экономического и политического влияния России в Монголии // Московская торговая экспедиция в Монголию. М., 1912. С. 277.

² Майский И. Указ. соч. С. 83.

³ ГАИО. Ф. 24. Оп. 11/1. Д. 1. Л. 113.

⁴ Майский И. Указ. соч. С.83.

изречениями из классической литературы Китая, но сами этих книг, как правило, не читали. Газеты тоже. Единственным любимым и доступным видом искусства на чужбине был театр. Актеров выписывали в Ургу даже из Пекина. Особенно пышно справлялся китайский новый год — праздник весны.

Среди китайских мигрантов совсем не было женщин, т.к. действовал официальный запрет на приезд семей. Были запрещены и браки с представительницами местного населения. Поэтому был широко распространён институт временных браков: «И сейчас тысячи китайцев в Урге, Улясутае, Кобдо, да и повсюду в степи, куда только не забросят их торговые интересы, имеют монгольских «хухен» (девиц), с которыми они живут, иногда приживают детей, но почти всегда, в конце концов, бросают, возвращаясь к себе на родину»¹. Не во всех фирмах это приветствовалось. Служащего могли и уволить, если узнавали, что он обзавёлся «хухен». Была широко распространена проституция. Например, в Урге было несколько домов терпимости, все они принадлежали китайцам².

По словам Е.Ф. Тимковского, «...холодность не только к иностранцам, но и к самим соотечественникам, есть важнейший их недостаток. От сего Китаец (тоже разуместь должно и о маньчжурах) высокомерен, мстителен, корыстолюбив, завистлив, и крайне недоверчив. Лукавство он поставляет главным основанием в поведении со всеми посторонними людьми, во всех делах домашних и торговых»³.

Длительное и постоянное общение позволило китайцам хорошо изучить монголов, их характер и наклонности, особенности их поведения и психики. По оценке русских современников, они прекрасно понимали, что монголы восприимчивы как дети и совершенно не приучены к счёту денег. Если лавку посещал зажиточный монгол, его принимали как почётного

¹ Там же. С.42.

² Там не содержали публичных женщин. Клиенту предоставлялось только помещение. В исключительных случаях владелец дома подыскивал богатому клиенту женщину за отдельную плату (Позднеев А. Монголия и монголы. Результаты поездки в Монголию, исполненной в 1892-1893 гг. СПб., 1896. Т. 1. С. 115).

³ Тимковский Е.Ф. Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 гг. СПб., 1824. Ч.II. С. 360.

гостя: отводили в дальнюю комнату (это было хозяйское помещение, в котором хранились торговые книги, счёты, стены были украшены красиво написанными изречениями из классических книг), усаживали на войлоки, угощали чаем и табаком, весь необходимый покупателю товар приносили приказчики из амбара. Обласканный услужливостью и льстивыми речами, монгол совершал массу ненужных покупок. Стоимость покупки почти не обсуждалась, она просто записывалась на счет клиента. Когда подходило время погашения долга, приказчик отправлялся в ставку князя. Он мог провести там не один день на правах гостя, не требуя прямо возврата долга. Он жаловался только на финансовые трудности фирмы и просил вернуть хотя бы часть долга, показывая торговую книгу, где были записаны все покупки и проценты. Если средств не находилось, китаец вкрадчиво предлагал свой способ оплаты долга – принадлежащим князю скотом. Таким образом, ловкий и находчивый купец получал всё, что ему было нужно, долг погашался лишь частично, проценты на него росли год от года, а отношения с монгольским князем оставались хорошими.

Но любезными и терпеливыми китайские купцы были только с состоятельными монголами и с князьями, с остальными же особо не церемонились. Часто отношение было грубым и презрительным. Например, приказчики разъезжали по степи и просто забрасывали в юрты свой товар, даже не спрашивая разрешения у хозяев.

Я.П. Дуброва писал: «...китайцы глубоко презирают кочевников; считают их низшей расой, видят в них каких-то несчастных париев, ни к чему не способных, никуда не годных и недостойных даже носить имени человека. Китаец с отвращением, с нескрываемым презрением говорит с монголом и, как будто какое-нибудь паршивое животное. Не допускает к своему столу, если не бывает к тому вынужден каким-нибудь особенным обстоятельством. При всяком удобном случае китаец старается унижить монгола, надругаться над ним, выказать ему своё презрение». «Ослеплённые же своей ненавистью и презрением к ничем не повинному монголу, китайцы позволяют себе подтрунивать над ламами, их служением, и при случае показывают наружные знаки неуважения к ламским

дугунам (храмам); открыто смеются над обо и, будучи не последними казуистами, насмешливо относятся ко всему, во что верит монгол, хотя в тайниках своей души вполне разделяют его суеверия»¹.

Впрочем, и монголы не оставались в долгу: «Что китайцы? Товары у них дрянные. Солдаты — трусы, и вообще народ они никудышный! Недаром произошли они от осла!»². Правда, высоко оценивались их деловые качества. Желая похвалить русского, монгол мог сказать — «умён как китаец»³. По оценке путешественников, монголы в большинстве своём одновременно побаивались и ненавидели китайцев.

Китайские купцы пользовались малограмотностью и доверчивостью монголов, их правовой безграмотностью. Монголы совершали сделки на полном доверии и устных договорённостях. Китайцы же все долги клиентов записывали в свои торговые книги, там же делали пометки об их погашении. Проконтролировать этого неграмотный монгол не мог, поэтому нередко один долг собирался несколько раз. Иногда представители фирмы приезжали к должнику и просто забирала часть его скота в уплату долга. При этом они знали, что монгол не будет обращаться к местным властям. Иногда использовались психологические приёмы давления — приказчик селился в юрте должника (обычаи гостеприимства не позволяли отказать в крове путнику), питался за счёт хозяина до тех пор, пока должник не погашал долг или соглашался на новые кабальные условия.

Не гнушались и обычным обманом. В любой китайской лавке (крупной Пекинской или Калганской, или же где-нибудь в мелкой, при монастыре) приказчик считал чуть ли не своей обязанностью обмануть клиента. Практически в каждой китайской лавке была принята система трёх мер. Например, трёх весов: одни для передачи серебра клиенту (весы показывали чуть больше истинного веса), вторые для приёма серебра от клиента (весы показывали вес меньший, чем реальный) и нормальные весы для передачи серебра между самими китай-

¹ Экспедиция Я.П. Дуброва к берегам р. Селенги // Изв. ВСОИРГО. Иркутск, 1884. Т. XV. № 1-2.

² Майский И. Указ. соч. С. 85.

³ Экспедиция Я.П. Дуброва...

цами. Иногда пускались в оборот фальшивые слитки серебра. Была широко распространена пересортица — подмена товара высшего качества подобным, но более низкого качества.

Китайские купцы рассматривали своё пребывание в Монголии как временное. Для них она была чужбиной, хотя многие жили здесь десятилетиями, обзаводились семьями. Целью и мечтой было заработать здесь некоторую сумму денег или дослужиться до солидной доли в фирме, чтобы вернуться на родину. Но это было суждено далеко не всем. Многие умирали на чужбине. Родственники считали своей обязанностью перевезти прах на родину. Перевозка обходилась дорого, и поэтому они предпочитали объединяться с другими семьями, чтобы нанять общий караван. В ожидании отправки гроб оставляли под открытым небом, иногда на значительный срок, на специально отведённой для этого площадке (так называемых китайских кладбищах: площадках, обнесённых забором). Сам же караван, по свидетельствам очевидцев, представлял собой жуткое зрелище.

На рубеже XIX—XX вв. в России сформировался целостный и довольно негативный взгляд на китайского предпринимателя. Другого трудно было ожидать по отношению к удачливому конкуренту не только в сфере экономики, но и в сфере политического влияния на местное монгольское население. Но при этом подчеркивались их высокие деловые качества и исключительно важная роль для экономики.

6.7. Боксерское восстание и антикитайские настроения на востоке России

Боксерское восстание, или движение ихэтуаней (1898-1902 гг.), вызвало небывалый всплеск антикитайских настроений среди населения Российской империи, которая имела с Китаем огромную общую границу и принимала самое деятельное участие в военных действиях. Изучение этих настроений, форм их проявления может многое дать для понимания феномена ксенофобии вообще. Особенно важно и интересно посмотреть реакцию малочисленного, оторванного от ядра

империи населения Дальнего Востока, которое оказалось непосредственно втянутым в эти события.

События явились для русских полной неожиданностью. «Никому и в голову не могло прийти, что придется воевать с китайцами», — вспоминал один из участников похода в Китай¹. Вплоть до мая 1900 г. никто в России всерьез не верил в возможность военных действий². И вдруг начались массовые избиения христиан в Китае, осада европейских дипломатических миссий, объявление Приамурского генерал-губернаторства на военном положении, мобилизация войск.

С началом военных действий у всех на уме был «один неотвзвизчивый вопрос, что происходит в Китае?»³. Даже извозчики, «до сих пор не признававшие никакой литературы, кроме заборной, стали читать местные газеты, довольно своеобразно комментируя их»⁴. Неотъемлемой частью общей атмосферы становились слухи. Известный публицист и издатель «Нового Времени» А.С. Суворин писал: «Вырастают какие-то ужасы, никем и ничем не проверенные. Послы перебиты; их мучили, варили в котлах, подвергали пытке; они умертвили своих жен сами, не желая их подвергать более мучительной смерти в руках разъяренной, озверелой толпы, император убит, императрица отравлена, или отравилась сама...»⁵. Широко распространенные небылицы, несмотря на всю их неправдоподобность, способствовали нагнетанию общей тревожной обстановки и усиливали панические настроения.

Особенно критическая ситуация сложилась на Дальнем Востоке. Обстановка здесь усугублялась не только близостью к «эпицентру» военных действий, но и присутствием большого числа китайских мигрантов. Согласно переписи 1897 г., из

¹ Соловьев В. Воспоминания об усмирении китайского мятежа в Печилийской провинции в 1900 г. // Чтение для солдат. СПб., 1908. Вып. 7. С. 117.

² См. напр. воспоминания: Корсаков В.В. Пекинские события: личные воспоминания участника об осаде в Пекине. Май-август 1900. СПб., 1901. С. 81-82; Евреинов Б.Н. Осада дипломатических миссий в Пекине: май-август 1900. СПб., 1912. С. 13; Кравченко В.С. На Дальнем Востоке во время военных событий 1900-1901 гг. (Из дневника морского врача) // Свет. СПб., 1906. Т.6. С. 3.

³ Местная хроника // Забайкальские областные ведомости. Чита, 1900. 6 июля.

⁴ Местная хроника. Местные политики // Амурская газета. Благовещенск, 1900. 2 июля.

⁵ Суворин А.С. В ожидании века XX: маленькие письма 1889-1903. М., 2005. С. 805.

57 тыс. китайцев, проживавших в России, 41 тыс. приходилась на Дальний Восток¹. Больше всего их было в крупных городах: во Владивостоке — 12 577 человек, в Хабаровске — 4 024². Эти данные не учитывали значительного количества нелегальных мигрантов, а также сезонников. Отношение к ним и до этого не было особенно дружелюбным. Китайские мигранты были, пожалуй, самой притесняемой группой на Дальнем Востоке. Д. Стефан отмечал, что они нередко страдали от незаслуженных оскорблений со стороны русских: их передразнивали, штрафовали³.

Ситуация резко обострилась в мае 1900 г., когда европейская колония в Пекине стала подвергаться непосредственной опасности. В глазах местного населения мигранты моментально оказались «подозрительными». Появились слухи, что якобы с началом восстания «китайцы стали получать массы каких-то писем, которые вызывают среди них оживленные разговоры» и «будто бы среди кварталов, населенных китайцами, появляется масса новых объявлений на китайском языке»⁴. Все это рождало среди населения волну подозрений и страхов.

С началом военных действий европейских держав, в Порт-Артуре моментально было «отдано распоряжение о захвате китайской минной школы» и «аресте всех служащих там китайцев», с целью предотвращения шпионажа⁵. А во Владивостоке всерьез начали готовиться к отражению нападения китайцев, проводились мероприятия по организации самообороны среди местного населения.

Отсутствие достоверной информации с театра военных действий и широкое бытование самых фантастических слухов нередко вело к панике. В Благовещенске еще до объявления военного положения «благоразумные обыватели» стали обращаться «свои жилища в неприступные форты и даже отстре-

¹ Ларин А.Г. Китайцы в России вчера и сегодня: ист. очерк. М., 2007. С. 18.

² Siegelbaum L.H. Another «Yellow peril»: Chinese Migrants in the Russian Far East and the Russian Reaction before 1917 // *Modern Asian Studies*. 1978. Vol.12. № 2. P. 316.

³ Stephan J.J. *The Russian Far East: A History*. Stanford, 1994. P. 74.

⁴ Китайцы и цензура // *Дальний Восток. Владивосток*, 1900. 9 июля.

⁵ Телеграмма 21 июня 1900 // РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 156. Л. 62.

ливаться от фантастических врагов»¹. А в деревне Владимировка Амурской области «в одну из темных ночей какой-то усердный «патриот» бегал по деревне и, стуча в окна и двери, кричал: «Вооружайтесь косами, топорами, вилами. Сейчас нападут маньчжуры и китайцы»². Подобные случаи были не редкостью.

В результате резко возросло количество случаев насилия над местными китайцами. Особенно агрессивны были настроены мобилизованные в армию нижние чины. Оторванные от своих привычных занятий, они находили каждый удобный случай, чтобы поквитаться с главной «причиной» своих неприятностей. По сведениям дальневосточных газет, мобилизация нередко выливалась в «рядовое побоище» китайцев³. Случаи избиения призывниками китайцев были отмечены в Благовещенске, Владивостоке, Хабаровске, Никольск-Уссурийске, Чите и даже Иркутске.

Стражи порядка смотрели на это сквозь пальцы. Нередко они и сами принимали участие в избиениях. Поэтому за помощью к ним не обращались. Все это заставило администрацию Дальнего Востока принять решительные меры к пресечению безобразий: закрывались питейные заведения, указы военных губернаторов грозили строгим наказанием за учиненные расправы. Но это мало действовало. Газеты передают, как среди белого дня на благовещенском базаре на глазах у караульного обыватели позволяли себе бесплатно брать различные товары у китайцев, «совершенно смело наливать в ведра постное масло и насыпать в мешки разное зерно»⁴. Мальчишки били китайцев камнями, а сидевшие на лавочке взрослые находили, что ««тварь» вполне подходящая мишень для метких выстрелов их детей»⁵. Среди «некультурной черни или дикарей цивилизованного общества» можно было услышать возгласы: «Нужно гнать китайцев: они наши враги»⁶.

¹ У страха глаза велики // Амурская газета. Благовещенск, 1900. 27 июня.

² Городская хроника // Амурская газета. Благовещенск, 1900. 28 июня.

³ Местная хроника // Амурская газета. Благовещенск, 1900. 25 июня.

⁴ Амурская газета. Благовещенск, 1900. 13 июля.

⁵ Живая мишень // Амурская газета. Благовещенск, 1900. 23 июня.

⁶ Владивосток. 1900. 23 июля.

Достаточно было малейшей искры, чтобы произошел «взрыв». Именно таким «взрывом» стали трагические события, разыгравшиеся в июле 1900 г. в Благовещенске, когда неожиданный огонь с китайского берега Амура спровоцировал среди местного населения панику, которая не замедлила отразиться на мирных китайцах. Как отмечает В.И. Дятлов, с началом обстрела «заметили, как их много, как велика зависимость от них. А самое главное, реально ощутили, как далека Россия и как близок и огромен Китай, ставший вдруг враждебным, способным без малейшего труда поглотить и растворить в себе весь их маленький и оказавшийся совершенно беззащитным островок империи»¹. Дальнейшие события развивались стремительно. По приказу военного губернатора Амурской области К.Н. Грибского собранные по городу китайцы были приведены на берег Амура и в принудительном порядке «заставлены вплавь переправиться на другую сторону»². В результате несколько тысяч человек утонули в Амуре. Паника привела к массовым убийствам маньчжур и китайцев по всей крестьянской округе области. Полицейские приставы сообщали в Окружное полицейское управление, что «всего в 8 волостях найдено 444 трупа, однако в уголовном деле отмечалось, что это явно заниженные цифры»³.

Таким образом, начало широкомасштабных действий боксеров в мае 1900 г. спровоцировало всплеск китаефобии в России. И если раньше «желтая опасность» волновала в основном умы интеллектуалов, то в 1900 г. она приобрела самое реальное воплощение в глазах необразованной публики, которая рассуждениям предпочитала решительные действия. Китайцы в России оказались заложниками сложившейся ситуации, удоб-

¹ Дятлов В.И. Благовещенская «утопия»: из истории материализации фобий // Евразия. Люди и мифы. М., 2003. С. 125.

² Об этих событиях писали: Дятлов В.И. Указ. соч. С. 123-141; Сорокина Т.Н. Еще раз о «благовещенской «утопии» 1900 г. // Миграционные процессы на Дальнем Востоке (с древнейших времен до начала XX в.): материалы междунар. Науч. конф. (Благовещенск, 17-18 мая 2004 г.). Благовещенск, 2004. С. 295-303.

³ Цит. по: Дацышен В.Г. Русско-китайская война в Маньчжурии 1900-1901: дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1995. С. 92.

ным «инструментом» для выплеска негативных настроений толпы.

Безусловно, находились и те, кто не разделял всеобщих ксенофобских убеждений в отношении китайцев и даже пытался «вступить» за них¹, однако довольно значительная часть населения все же была склонна оценивать происходящие события крайне пессимистически. Об этом красноречиво свидетельствуют не только китайский погром в Благовещенске, но и обстановка в других дальневосточных городах, которые с началом открытия военных действий в Китае захлестнула волна ксенофобии и шовинизма. Страх перед неизвестным будущим, опасение за судьбу родных и близких не оставляли в сердцах людей места для сострадания: в китайцах видели представителей враждебного мира, главную угрозу безопасности мирных жителей.

«Китайская война» завершилась для России победоносно. Восстание было быстро подавлено силами восьми держав, однако этот драматический эпизод надолго оставил след в сознании русского народа. Еще долго мальчишки на улицах продолжали играть в войну между «русскими» и «китайцами», в зале военного собрания в Хабаровске слушали самые различные доклады о Китае, а в журналах и литературе продолжали печатать заметки, воспоминания о «китайской войне» и рассуждать о «желтой опасности».

6.8. «Кавказофобия» на рубеже советской и постсоветской эпох

«Кавказофобия» была наиболее острой и массовой ксенофобией 1990-х гг. Это фиксировали все социологи, подтверждали ученые разных специальностей, об этом постоянно писали журналисты, говорили политики. Напряженность проявлялась серией инцидентов, прокатившихся по всей России. Регулярные погромы на городских рынках стали, по выражению журналиста, «национальным видом спорта». И в профессиональные праздники десантных войск рынки закрываются

¹ Кирхнер А.В. На память о событиях на Амуре 1900. Благовещенск, 1900. С. 30.

«на санитарный день». Механизм возникновения беспорядков был стандартен. Конфликт на бытовой почве в раскаленной атмосфере неприязни и страха мгновенно перерастал в более или менее масштабное национально окрашенное столкновение. Власти, не имевшие опыта решения подобных проблем, необходимых для этого ресурсов и институтов, занятые массой других задач, отмалчивались. А иногда шли на поводу погромных настроений или провоцировали их.

Несколько слов о контексте событий. Это фрустрация общества из-за стремительных и во многом катастрофичных перемен – распада СССР, травматических событий осени 1993 года. Это разгар кризиса, разложение старой системы отношений, связей и ценностей, крах прежней экономической системы. Первые шаги к выстраиванию новой государственности, новых экономических механизмов, новых принципов взаимоотношений. Начальная стадия адаптации к переменам людей, прежней жизнью к этому не подготовленных. Для многих – огромные материальные трудности и непреложная необходимость искать новые сферы занятости и средства к существованию, то есть проблема элементарного выживания. Потеря прежних статусов, утрата ориентиров и ощущения своего места в обществе, общий кризис идеологии и системы ценностей, массовая политизация.

И это – актуализация национальных претензий и конфликтов. Они существовали и в советские времена, однако господствовавший тогда «социалистический интернационализм» делал неприемлемой их открытую вербализацию. Бытовой шовинизм присутствовал, но его часто стеснялись. Говорить публично о национальных проблемах считалось делом не очень приличным, и для большинства советских людей это был внутренний запрет. Теперь же национальные конфликты и противоречия обрели открытый характер, они свободно проговариваются, включаются в контекст политической практики как инструмент мобилизации.

Радикально возрастает роль массовых фобий – как инструмента консолидации, реформатирования общества, орудия идеологической и политической мобилизации и формирования нового политического дизайна. Огромное значение

в условиях всеобщей фрустрации и распада прежних основ приобретает консолидация вокруг символа «общего врага». Однако в их конфигурации произошли значительные сдвиги. Сразу рухнул миф об извечности и мощи российского антисемитизма. Это первыми почувствовали идеологи и практики национал-патриотического движения, которые на первых порах сделали на него основную ставку. Масса попыток инструментального использования этого конструкта в целях идеологической мобилизации особого эффекта не принесла.

Зато приобретал новое качество сформировавшийся в поздние советские годы образ «кавказца» – временного мигранта из советской, но культурно чужой провинции. Человека, активно и успешно занимающегося не одобряемой властями и осуждаемой общественным мнением полуправильной предпринимательской деятельностью. К тому же выделенного обликом, особенностями поведения и бытовой культуры. «Торгаши», «чужие», «черные» (как маркер культурной чужеродности) – вот основные, как видим, негативные составляющие этого стереотипа.

Необходимо подчеркнуть, что предметом изучения является именно образ, синдром, а не соответствие его объективной реальности. Выявление соответствия «кавказца» российского массового сознания реальным жителям Кавказа, гигантскому и противоречивому комплексу их свойств, связей и отношений – задача иных исследований. Есть вообще большие сомнения относительно того, решается ли эта задача в принципе.

Образ «кавказца» стал результатом массового контакта российского населения с мигрантами с Кавказа. В 1960-80-е гг. оттуда сформировался поток трудовых мигрантов, причем в значительной своей части ускользающий от государственного контроля и регулирования: «шабашники», рыночные торговцы овощами, цветами и фруктами. Они олицетворяли не только иной тип поведения, но и иные мораль и образ жизни, не одобряемые как официальной идеологией, так и общественным мнением. То, что оценивалось как «торгашество». Массовый отдых на Кавказе породил «курортный синдром». Как пишет в своем замечательном исследовании А.А. Цуциев, «тревожный, угрюмый и разбойничий Кавказ, “Кавказ-вызов” уступает ме-

сто Кавказу курортному, прирученному. Любовник-грузин был последним советским романтическим образом кавказцев, уже почти целиком анекдотическим»¹. Подспудное раздражение открыто прорвалось в вызвавшем огромный скандал на заре перестройки рассказе Виктора Астафьева «Ловля пескарей в Грузии».

Но это было именно раздражение, копившееся тогда у всех и против всех по причине общего кризиса советской системы. Новое качество и размах этой ксенофобии придали 1990-е годы. Именно тогда бытовое ворчанье переросло практически в паранойю. Этому способствовало превращение значительной части выходцев с Кавказа в «граждан ближнего зарубежья», мощный приток оттуда новых мигрантов, их концентрация в секторе нарождающегося легального бизнеса, преимущественно мелкого и среднего. И все это в контексте актуализации национального дискурса, снятия прежних внешних ограничений и внутренних барьеров, существовавших ранее.

Обогатился и образ «кавказца». Теперь это «гости», «наглые чужаки», не желающие уважать порядки и обычаи «хозяев». «Торгаши», навязывающие враждебную систему ценностей. Люди, связанные круговой порукой общинных отношений, несущие поэтому коллективную ответственность. Новое качество этим свойствам придал контекст эпохи. Фрустрация, растерянность и потеря прежних жизненных ориентиров и опор у основной массы населения. Острота проблемы выживания. Неизбежная озлобленность. Поиски того, «кто виноват», острый спрос на «козла отпущения». Национальные конфликты после распада СССР с эпицентром на Кавказе и демонстрируемый там разгул насилия и жестокостей, острое ощущение полной незащищенности человека. Чечня.

Образование новых независимых государств и неизбежное реформирование представлений о том, кто «свой», кто «чужой». Двусмысленность «нового зарубежья» и его граждан. Они еще не воспринимаются в качестве полноценных «заграницы» и «иностранцев», но уже и не признаются «своими». Более того, распад страны, оцениваемый в метафоре «скан-

¹ Цуциев А.А. Русские и кавказцы: по ту сторону дружбы народов // Дружба народов. 2005. № 10.

дального развода», формирует отношение подозрительности и ревности¹.

В этих условиях – «залповый» выброс с Кавказа (как российского, так и обретающего независимость) сотен тысяч, возможно, даже миллионов новых мигрантов. Массовая миграция оказалась не растянутой по времени, что не давало возможности постепенной взаимной адаптации. Массовые и повседневные контакты с новыми мигрантами создавали ситуацию острого контраста и конфликта культур, типов и манер поведения – тем более, что облик *этой* миграционной волны формировали выходцы из традиционалистской деревни. Различия деревенской и городской культур оценивались в привычных «национальных», то есть примордиально-этнических категориях. Ориентация основной массы мигрантов на занятость в мелком и среднем бизнесе, где и без того существовала жестокая конкуренция. Видимый успех некоторых из них, особенно тех, кто занимался предпринимательством в советскую эпоху и приобрел в результате заметные стартовые преимущества: деньги, связи, опыт и психологию. Сознательное формирование из выходцев с Кавказа «образа врага» частью элиты, причем не только той, что относила себя к национал-патриотическому идейно-политическому лагерю. Хотя на первых порах этот ксенофобский мобилизационный потенциал ими был оценен не сразу.

В силу этих причин «кавказофобия» была неизбежна. Однако не только они предопределяли кажущийся иррациональным накал и масштабы неприязни и даже ненависти девяностых годов. Причину этого я бы искал в мощном комплексе унижения и страха, в ощущении того, что именно отсюда исходит **реальная** угроза базовым ценностям и основам безопасности. В образе «кавказца» сконцентрировались все страхи переходной эпохи: чувство незащитности перед «разгулом рынка», перед массовым индивидуальным насилием, пришедшем на смену насилию государственному, перед распадом прежней иерархии ценностей и социальных отношений. Это был страх людей, лишившихся привычной патерналистской защиты «большого брата». Людей, внезапно оказавшихся в мире, где

¹ Гусейнов Г. Карта нашей родины: идеологема между словом и делом. М.: ОГИ. 2005. С. 15.

ранее преследуемые, осуждаемые и презираемые качества и способности (индивидуализм, общинность и общинная солидарность, предпринимательский образ жизни и соответствующие навыки, способности и ценности) оказались ключевым ресурсом для выживания и захвата ресурсов.

Я согласен с А.А. Цуциевым: «...сама проблема идентичности возникает лишь тогда, когда народ ущемлен, ослаблен: в паре большинство — меньшинство уделом именно меньшинства является (часто болезненная) рефлексия по поводу своей идентичности и связанной с нею судьбы. Однако в нынешнюю эпоху мы застаем парадоксальную смену ролей. Русское большинство в стране начинает переживать свою идентичность в стиле “minorities-at-risk”. Он отмечает в качестве причины «парадоксальный “центральный характер” расположения Кавказа в России (проявляющийся, в частности, в активности диаспоры, в экспорте в Россию не сырья, а важнейшего символического продукта — территориальной целостности России, даже более того — символов ее состоятельности как государства и нации)»¹.

Для простого человека, обывателя, защищенное и защищаемое прежде государством общество превратилось в джунгли. Когда патерналистское государство фактически исчезло, выживал и добивался успеха тот, кто имел опыт жизни вне или в противостоянии ему. Кто мог использовать ресурс семьи, клана. В чьей культуре сохранились элементы племенной морали: «то, что недопустимо в отношении своих, допустимо в отношении других». Кто был готов и мог явочным порядком присвоить монопольную собственность государства — право на применение насилия. Преимущество теперь было у тех, кто оказался способен лучше и эффективнее мобилизовать и использовать эти ресурсы.

Использование этого ресурса делало «кавказцев» страшным конкурентом в мире российского бизнеса «девяностых», основанного на игре без правил, без закона и без государства. В лучшем случае — на понятиях. Но прежде всего, на силе, готовности и умения для ее применения. То, что В. Волков опи-

¹ Цуциев А. А. Указ. соч.

сал в категориях «силового предпринимательства»¹. Ключевой характеристикой образа «кавказца» становится агрессивность и brutality. Он «торгаш», что уже само по себе плохо. Но в бизнесе он brutальный захватчик и насильник. Для него нет норм, правил, законов и понятий. Он претендует не только на деньги, но и на власть, господство. Претендует, используя силу – физическую и силу денег. Мощный фактор силы – опора на клан и племенная мораль это санкционирующая. Это жестокий и беспощадный конкурент, хищник, поджидающий и пожирающий жертву. «Мы» ощущаем себя полем «их» охоты.

Ярко и талантливо это ощущение и этот образ присутствуют в серии «экономических триллеров» Юлии Латыниной², где видное место занимают чеченцы, «кавказцы» вообще – люди с племенной моралью. И эта племенная мораль – их преимущество и ресурс в мире, где сложился дефицит морали вообще. Важнейшая составляющая этой морали – готовность применить силу к чужаку и пожертвовать собой ради интересов клана.

И хотя чуть ранее я писал о том, что не ставлю задачу соотносить «образ кавказца» с реальным жителем или выходцем с Кавказа, считаю важным процитировать мнение А. Цуциева о том, что «кавказские культуры являются (или конструируются) культурами выраженного мужского доминирования... Сердцевиной этих культур являются маскулинные ценности. Большинство кавказцев в качестве “самых положительных кавказских черт”, в качестве того, что “более всего определяет особенность кавказского характера”, называют именно *мужественность* и все, что с ней связано. Большинство русских также указывают на это фокусное, центральное качество. И здесь кавказский автостереотип совпадает с русским восприятием “канонического” кавказского характера». «Агрессивность поведения (либо в явной, демонстративной форме, либо в форме скрытой угрозы или готовности к силовому противостоянию) является одним из элементов “настоящего мужского кано-

¹ Волков В. Силовое предпринимательство. М.: Летний Сад, 2002.

² Латынина Ю. Джиханнам, или до встречи в Аду. М.: Эксмо, 2005; Она же. Земля войны. М.: Эксмо, 2007; Латынина Ю. Ниязбек. М.: Эксмо, 2005; Она же. Не время для славы. М.: Астрель, 2009.

на»¹. Маскулинность кавказских культур выражается отчасти в том, что агрессивность становится тем стандартом, который сознательно воспитывается, поддерживается во взрослеющих мальчиках»¹.

Немного о терминах, которые играют вполне самостоятельную и важную роль в развитии стереотипа, в формировании отношений. С оскорбительными «черные», «хачики», «баклажаны» и т.д. — все понятно и без комментариев. Властно-бюрократический дискурс «отлился» в одиозную формулу «лицо кавказской национальности». Еще в 1994 г. Судебная палата по информационным спорам при Президенте Российской Федерации признало его «некорректным и неэтичным»². Сейчас, благодаря дружному осуждению и массовому ёрничанью в СМИ, оно почти искоренено. Встречается редко, и обычно в ироническом или саркастическом контексте. Слово-сочетание, изобретенное в советские времена то ли армейскими политработниками, то ли чиновниками лагерной системы или служб МВД³, пытавшихся осмыслить и формализовать в национальных категориях сложнейшую систему социальных отношений и связей, неожиданно для них оказалось перенасыщенным смыслами. Причем смыслами пейоративными. Этому способствовало и наложение значений «лицо — персона» — «лицо — физиономия», и очевидная абсурдность выделения «географической национальности». Все это переводило словосочетание в явно расовое и расистское поле. Хотя, по оценке директора Института лингвистики РГГУ Максима Кронгауза, это был бюрократически-неуклюжий, но все-таки способ снять оскорбительный или просто обидный подтекст при назывании этнонимов, так же как употребление одновре-

¹ Цуциев А. А. Указ. соч.

² Решение Судебной палаты по информационным спорам при Президенте Российской Федерации от 14 июля 1994 г. № 22 «Об этническом аспекте освещения в средствах массовой информации причин преступности» // Российская газета. 23 июля. 1994.

³ Левинсон А. «Кавказ» подо мною. Краткие заметки по формированию и практическому использованию «образа врага» в отношении «лиц кавказской национальности» // Образ врага. М., 2005; Лиля Пальвелева. Ключевое слово: «лицо кавказской национальности» [Электронный ресурс] // Л. Пальвелева // Радио Свобода. Режим доступа: (<http://234.adru.net/cgi-bin/href/146?444991&login=radio-in&referer=http%3A%2F%2Fwww.svobodanews.ru>), свободный (16 мая 2008).

менно возникшей конструкции «лицо еврейской национальности» было способом избежать употребления слова «еврей», которое во времена советского государственного антисемитизма приобретает в глазах многих обидный оттенок.

Широко, но с оттенком его сомнения в политкорректности употребляется слово «кавказец» (в кавычках и без). Теоретически, оно находится в одном смысловом ряду с «европейцем» например, включая не только географические, но и социокультурные и иногда даже расовые коннотации. Однако слово «европеец» протеста не вызывает и употребляется широко и свободно. С «кавказцем» сложнее... Однако попытки найти адекватную и полностью нейтральную замену пока безрезультатны. Обнадёживает только то, пожалуй, все больше публично пишущих и говорящих людей стали вдумываться в значение слов и, как говаривали в «лихие девяностые», пытаются «фильтровать базар».

В нулевые годы «кавказофобия» меньше привлекает внимание СМИ и исследователей. То есть пишут о ней не меньше и по-прежнему оценивают как основной ксенофобский синдром российского общества, однако больше по привычке и в связи с явным ростом националистических и фашистских настроений в стране, разгулом связанного с ним насилия. «Кавказцы» из субъекта насилия постепенно становятся его объектом. В любом случае при сохранении массовой неприязни к ним снижается накал чувств. Уже нет того нерва, общественной напряженности и даже истерии, что раньше. Это уже не паранойя, как в девяностые годы.

Главную причину этого я вижу в том, что теперь с этой стороны не видится прямой угрозы базовым ценностям, исчезло или резко уменьшилось чувство прямой и повседневной опасности у обычного массового человека. Резко сократилось преобладавшее раньше чувство унижения. В результате ненависть переходит в равнодушное недоброжелательство. Это следствие ряда важнейших сдвигов в российском обществе. На место войны всех против всех, где сильный пожирает слабого, пришла восстановленная мощь государства. Государство решительно возвращает себе монополию на насилие. Оно — главный хищник и создатель правил игры. Индивидуальный хищник

оттесняется на периферию. Закончилась большая война в Чечне. Что еще важнее — она почти исчезла с телевизионных экранов и перестала быть раздражающим фактором. Стабилизировался миграционный процесс с Кавказа. Миграционная волна потеряла прежний «залповый» характер. Следствием стали далеко зашедшие процессы интеграции мигрантов. Они перестают выделяться типом поведения и образом жизни. Все больше выясняется, что тревожили раньше, стимулировали страх и вражду не «кавказская этничность», не облик и не расовые характеристики («черные»), а модель поведения, образ и стиль жизни. И хотя «кавказофобия» по-прежнему оценивается как основная этническая фобия, можно предположить, что она стала старой, привычной формой уже другого феномена — мигрантофобии.

6.9. Синдром «китайской экспансии» в современной России

Внезапное появление массы мигрантов из Китая в начале 1990-х гг. стало для подавляющего большинства россиян абсолютной неожиданностью. Более того — огромным шоком. Старая китайская диаспора при советской власти исчезла, была вытеснена или уничтожена. Этот сюжет ушел на далекую периферию исторической памяти и нынешним поколением воспринимается как совершенно новый. В процессе двух контактов, каждый раз заново, формировался образ китайских мигрантов. В современном образе воспроизводится набор традиционных компонентов — трудолюбие, неприхотливость, адаптивность, предприимчивость. Однако эти в принципе позитивные качества зачастую окрашены негативно: трудолюбивы — но в ущерб нам, патриоты — значит, нелояльны по отношению к России, помогают своим — значит, клановые, и опять же в ущерб нам.

Массовое присутствие китайских мигрантов не сформировало пока обстановку повседневного привычного, рутинного человеческого контакта с ними. Контакт хотя бы относительно индивидуализированного — через коллег, деловых партнеров, постоянных и лично знакомых торговцев, через совмест-

ную трудовую деятельность. Постоянное общение происходит только через прилавок. А это весьма специфическая позиция, особенно в постсоциалистическом обществе, до сих пор отягченном мощными антирыночными предубеждениями. Поэтому, возможно, пока нет особого стимула к тому, чтобы формировался индивидуализированный образ китайца. Это кажется странным на фоне огромного количества журналистских публикаций, публицистики, заявлений политических деятелей и чиновников, растущего числа научных исследований. Китайские мигранты — регулярные герои телепередач, как хроники, так и специальных фильмов. Но даже в телевизионных видеорядах практически нет лиц. Нет интереса к отдельному человеку, к его лицу, его жизни и судьбе. Есть интерес к **функции, к массе**.

Поэтому можно выдвинуть гипотезу, что пока в России интересуются не китайцем, даже не китайским мигрантом, а воплощенной в них китайской проблемой. Жизнь пока не заставляет задумываться над тем, **кто такой** китайский мигрант, **какой** он. Преобладает другое — сколько их, что несут они нам, исходит ли от них угроза, а если да — то какая. И это относится не к отдельному человеку, а к массе, совокупности. Отсюда абстрактность образа, его схематичность и примитивность. До революции он был все-таки куда более богат, насыщен красками, деталями и подробностями. Тогда были клички «*ходя*», «*китаеза*», «*купеца*» — это обидно, унижительно, оскорбительно, но хоть немного индивидуализировано. Сейчас же — это **китайский мигрант**, функция, абстракция.

При этих отличиях главное все-таки сохраняется — отношение к китайцам как к массе, массе нерасчлененной и не индивидуализированной. Именно массу опасаются, именно масса, количество лежит в основе различных построений о «демографической экспансии» и «желтой угрозе». Метафора «муравья», столь распространенная до революции, возникает и сейчас — правда, используется реже.

Сместился, однако, акцент при оценке характера групповой лояльности, что связано с радикально изменившейся ролью Китая. Если на рубеже XIX–XX вв. он рассматривался скорее как пространство, а не реальный носитель державной

мощи, то сейчас такой взгляд невозможен в принципе. Теперь в построениях идеологов и в массовом сознании — это сверхдержава, чья экономическая и военная мощь изначально направлена вовне, хотя бы под давлением гигантского и стремительно растущего населения и общей ограниченности собственных ресурсов. Мигранты расцениваются как абсолютно лояльный и послушный инструмент, щупальце этого государства-гиганта. В построениях рубежа XIX-XX вв. китаец выглядит куда менее этатизированным, растворенным не в государстве, а в группе, в «расе».

Почти вышел из употребления эпитет «желтый», господствовавший и принципиально важный для рубежа XIX-XX вв. Он сохранился в словосочетании «желтая опасность», но скорее в качестве компонента устоявшегося термина. Вряд ли это результат политкорректности. Скорее — следствие ухода на периферию мощного, возможно, преобладавшего в конце XIX — начале XX в. расового дискурса при анализе социальных отношений и проблем. Расизм, конечно, сохранился, расовые различия фиксируются и реально отражаются на характере человеческих связей и отношений, но массовые представления о непреодолимой пропасти между расами, взгляд на представителей иной расы, как на инопланетян, в целом ушли в прошлое. Переход от «желтого» к «китайскому» кажется нам принципиальным отличием в самых фундаментальных характеристиках образа китайца двух рассматриваемых эпох.

Трансформация «желтой опасности» в «китайскую угрозу» не означает исчезновения или ослабления фобии как таковой. Анализ большого количества самых разнообразных текстов дает основание выделить в качестве ее «краеугольных камней» концепты «экспансии», «эксплуатации» и «криминала».

Начнем с «**экспансии**». Широко распространено представление о китайской миграции как составной части, важнейшем инструменте экспансии, как целенаправленного, спланированного и организованного процесса, осуществляемого государством и тотально мобилизованным и организованным через государства населением. Сами мигранты в этой конструкции предстают не отдельными людьми, частными лицами со своими мотивациями и свободой воли и выбора, а не-

отъемлемой органической частью, «щупальцем» государства. По целям выделяются территориальная, демографическая и экономическая экспансия.

«У них есть план». Широко распространен тезис о том, что существует «план» китайских властей по миграционной экспансии в Россию. Он включает в себя систему властной организации, планирования и регулирования. Реализуется через принуждение и стимулы (вплоть до финансового вознаграждения осевшим на постоянное жительство). Этот тезис широко представлен и в масс-медиа, и в заявлениях чиновников и политиков, и в работах ученых. Огромную роль в формировании этого взгляда сыграла первая, видимо, книга о китайской миграции в современную Россию, выпущенная в 1994 г. такими авторитетными экспертами, как Л.Л. Рыбаковский, О.Д. Захарова, В.В. Миндогулов. «Китай, имеющий огромные территориальные претензии к России, всячески стимулирует проникновение своих граждан на ее территорию и создание базы для легального существования. Одновременно экономическая деятельность китайских граждан приносит и колоссальные доходы... Главной целью китайского проникновения в Россию вне зависимости от форм и каналов является интеграция в хозяйственную деятельность, приобретение недвижимости и земли, то есть создание экономических и правовых предпосылок для легального захвата территории... Несмотря на то, что иммиграция китайцев на Дальний Восток России в настоящее время носит преимущественно нелегальный характер, существующая система проникновения обеспечивает процесс оседания и легализации нелегальных мигрантов»¹.

«Небольшими группами по сто тысяч человек в каждой». Эта фраза из старых советских анекдотов времен советско-китайского военного противостояния — одна из основ представлений о демографической экспансии. Китайских мигрантов не может быть мало по условию — ибо не может быть мало китайцев вообще. Поэтому при немногочисленности населения России вообще и востока страны в особенности, китайцы просто поглотят местное население и станут большинством.

¹ Рыбаковский Л., Захарова О., Миндогулов В. Нелегальная миграция в приграничных районах Дальнего Востока: история, современность, последствия. Москва. 1994. С. 35-36.

Собственно говоря, уже поглощают. И чем дальше живут носители таких представлений от китайской границы, тем плотнее заселены в их глазах китайцами сибирские и дальневосточные города. Все эти годы самый обсуждаемый миграционный вопрос: «А сколько же у нас в России китайцев?» Точной статистики здесь нет и пока не предвидится. Причины очевидны: нелегальная составляющая, неэффективность госструктур, призванных считать мигрантов, незаинтересованность многих в получении реальной информации. Разброс оценок: от 5 – 6 млн человек до 300 тыс. в год. Причем максимальные оценки как появились в начале 1990-х гг., так и гуляют неизменно по страницам не только газет, выступлений официальных лиц, но и научных изданий до сих пор. Подсчеты серьезных ученых, утверждения пограничных властей о том, что цифры въезда-выезда расходятся всего на несколько процентов (а значит, и нелегальная составляющая не так велика, как часто считается), просто игнорируются. Многомиллионные оценки численности мигрантов уже «схватились», застыли, легли в основу массы идеологических построений и властных решений. Они подтверждены авторитетом научных и властных экспертов. Они необходимы – поэтому неискоренимы, принципиально выводятся из сферы научного анализа, критики источников, научных процедур работы со статистикой.

«От китайца может родиться только китаец» (популярный писатель советской эпохи П. Проскурин). Частью смертельной угрозы предстают смешанные браки, «брачная экспансия китайцев» – как инструмент демографической экспансии. Особенно угрожающей выглядит стратегия «*брачной натурализации*», при которой многочисленные нелегальные мигранты (а также их дети и родственники) обретают легальный статус через браки, в том числе и фиктивные. О последствиях этого Л.Л. Рыбаковский и соавторы пишут несколько косноязычно, но совершенно определленно: «Исторический опыт свидетельствует, что специфика населения Дальнего Востока и не менее специфичная политика сопредельных государств, в том числе Японии, на различных этапах развития Дальнего Востока дают реальный шанс на положительный исход этих долгосрочных, хорошо просчитанных акций по естественной

ассимиляции населения»¹. Имеющиеся подсчеты говорят о ничтожном количестве таких браков — но это не имеет никакого значения для авторов подобных конструкций. Главное же — никто не доказал, что «кровь» лежит в основе культуры, что китайцы не адаптируются и не ассимилируются и что те, в ком течет китайская кровь, по условию «несут в себе мощный ген» «китайскости». Ссылки на дореволюционный опыт здесь не очень корректны, т.к. подавляющее большинство китайских мигрантов были тогда сезонниками и не обзаводились семьями, не оседали. Значит, и слабо ассимилировались.

«Косовский вариант». Уже в начале 1990-х гг. формируется устойчивый миф о компактных поселениях китайцев на Дальнем Востоке, о том, что там есть уже немало населенных мест с преобладающим китайским населением. Чем дальше от Дальнего Востока, тем устойчивее такие представления. Вполне серьезные люди пишут и говорят о таких поселениях, как об очевидном и несомненном факте. Не приводя, правда, их названий. А далее выстраивается стройная и леденящая душу картинка того, как эти китайские анклавов вначале требуют себе автономии, а затем и «воссоединения» с Китаем. Две произвольно выбранные иллюстрации на этот счет. В 1996 г. К.Э. Сорокин констатирует в качестве очевидного факта «растущую неконтролируемую «ползучую» миграцию китайцев в Россию (их в нашей стране насчитывается до 2 млн человек), образование, особенно на Дальнем Востоке, не подчиняющихся российским законам «чайнатаунов», массовую незаконную скупку китайскими предпринимателями недвижимости к востоку от Урала при бездеятельности местных и центральных властей»². В 2005 г. А. Храмчихин твердо уверен, что «восток России (в лучшем случае пространство к востоку от Байкала, возможно — к востоку от Енисея, в худшем — к востоку от Урала) за пару десятилетий превратится в гигантское «Косово»... Он будет заселен китайцами и в экономическом, финансовом и административно-политическом отношении станет частью Китая. При этом формально он будет числиться российским (до тех пор, когда в Кремле не появится президент, который

¹ Рыбаковский Л., Захарова О., Миндогулов В. Указ. соч. С. 23.

² Сорокин К. Геополитика современности и геостратегия России. М.: РОССПЭН, 1996. С. 107.

отдаст де-юре то, что уже потеряно де-факто), в отдельных гетто будут жить немногочисленные граждане России... В Китае прекрасно видят, что Россия сама сдает свой восток, хотя живет за его счет. В Китае прекрасно знают, что их собственная страна не проживет, не забрав соседние территории. Нация хочет жить и решает вопрос выживания единственно возможным путем»¹.

Эксплуатация. Здесь китайская тема вливается в общий комплекс представлений о том, что мигранты неизбежно и автоматически претендуют на ресурсы принимающего общества. Подразумевается при этом, что объем ресурсов изначально неизменен, поэтому появление новых людей автоматически отбирает их у старожилов. В этих рамках стоит лишь перечислить несколько наиболее распространенных клише относительно именно китайских мигрантов:

- они отбирают рабочие места у россиян,
- они вывозят/воруют наш лес, металлы и другие природные ресурсы,
- они вывозят капиталы из России.

Криминал. Не выбивается из общего комплекса миграционных мифов и представление об изначальной и тотальной криминальности китайских мигрантов, как и всех мигрантов вообще². Специфика здесь лишь в том, что персонифицируют ее зловещие «Триады».

6.10. Динамика представлений о китайских мигрантах на Дальнем Востоке (на материале интервью с предпринимателями)

Отношение территориального сообщества к представителям иных общностей – острейшая проблема. Именно здесь фиксируется момент самосознания, социальной самоидентификации социального агента, выстраивается система «свой – чужой» («друг – враг»), определяющая его систему социаль-

¹ Храмчихин А. Желтое господство. Захват Китаем Сибири – не «страшилка». Поскольку другого выхода у него просто нет // Полит. журн., 2005. № 27. С. 61 – 64.

² Анализ этого синдрома см.: Миграция и безопасность в России/ под ред. Г. Витковской, С. Панарина. М.: Московский Центр Карнеги, 2000. С. 267-328.

ных координат. Восприятие «чужого» («чужака») обостряется, когда сама структура территориальной общности оказывается размытой. Особенно если речь идет не о «дальнем чужом», наличие которого не особенно сильно сказывается на жизни сообщества, а «ближнем другом», который живет рядом, оставаясь другим. В такой ситуации оказалось дальневосточное территориальное сообщество, где отношение к китайским мигрантам¹ стало самым ярким индикатором направления структурирования социума, его коллективных интенций.

Проанализировать динамику представлений о китайских мигрантах и тем самым выявить развитие представлений о себе мы и попытаемся на материале коллекции 47 неформализованных биографических интервью с предпринимателями Дальнего Востока². Интервью собирались в разное время и с разными задачами. Тем удивительнее, что везде «китайская тема» оказывалась одной из центральных. Анализ интервью позволяет выделить три этапа трансформации «образа китайца» в глазах населения Дальнего Востока, в первую очередь предпринимателей.

Первый охватывает большую часть 90-х гг. XX в. Преобладает **негативное** отношение к китайцам. *«Китайцы? Конечно, мешают. Они грязные. За собой не следят совсем. Отнимают у русских рабочие места. Да и криминала там хватает. Все эти триады, думаешь, куда делись? Никуда. Они вместе с ними к нам пришли»* (предприниматель, мужчина, 36 лет, интервью 1997 г.).

Впрочем, **бытовое неприятие** не является основным. Сильнее неприятие, так сказать, идеолого-политическое. Наличие китайцев «свободно разгуливающих по Хабаровску» вступает в противоречие с ключевым образом региональной идентификации, обеспечивавшей политический смысл региона — образом форпоста, притивостоящего враждебному окружению. Подобные **«политические претензии»** более или менее явно присутствуют в большей части интервью 90-х гг. *«Китайцы наглют с каждым днем. Настоящего приграничного контроля*

¹ Бляхер Л.Е. Государство и несистемные сети «желтороссии», или Заполнение «пустого пространства» // Полития. 2010. № 1.

² Подробнее об интервью смотри раздел 2.4 настоящей монографии.

нет. Границы настоящей нет. Как раньше было? Граница на замке. А сейчас... Полный бардак» (работник таможни, образование высшее, 37 лет). Они начинают детерминировать и «научные» описания, приобретая форму концепта **«давление на границы»**. Китайская миграция начинает восприниматься и трактоваться как **«ползучая экспансия»**. Респонденты считали, что китайские рабочие и розничные торговцы постепенно вытесняют граждан России из наиболее доходных сфер деятельности, становятся хозяевами производств, фирм, зданий и т.д. *«У них как Новый год – их, китайский, все уезжают в Китай. И тамошние китайцы едут, и наши – все, кто связан с лесом. У нас уже знают: после этого надо ждать падения цен. Это их китайская государственная политика* (экспортёр леса, образование высшее, 43 года, интервью 1999 г.).

На рубеже столетий (второй этап) общая тональность интервью меняется. Полностью исчезает бытовое неприятие китайцев, появляется восхищение их деловыми качествами. Большинство респондентов успели побывать не только в приграничных городах, но и на курортах южных провинций Китая, оценили их сервис. *«А какие там рестораны! Ты бы видел. Все чисто. Стены затянуты батиком с иероглифами, фонтанчики везде, официантки все ‘Наташи’. Только сигарету возьмешь, уже спичку подносят. Ну и кухня. Блюдо такое, что четвером не съесть»* (челночный торговец, образование высшее, 36 лет, интервью 1999 г.). Многие из респондентов уже имеют китайских партнеров, используют работников-китайцев, предпочитая их соотечественникам. При этом не исчезает политическое неприятие, что создает ощущение некоторой шизоидности. В качестве основных претензий фигурируют *«загрязнение Амура», «отравленные продукты», «вытеснение русских», «тайный заговор»* против России. *«Посмотрите, что происходит? Наши все укрепрайоны от границ убрали. Так? Китайцы тоже. Только у них дороги такие, что два часа и войска здесь. А наши пока доползут – китайцы уже за Уралом будут»* (респондент, 29 лет, охранная деятельность, интервью 2003 г.).

При этом о китайских партнерах говорят совершенно иначе. *«Ты П. из Гонконга помнишь? Мы через него заказ делали. Все четко. Да, конечно, немного хуже итальянского, но ведь в три*

раза дешевле. Он нам и с контактами помог, и вообще... Нормальный мужик» (предприниматель, 47 лет, дизайнер, интервью 2003 года).

Китайцы начинают восприниматься как «другие», но вполне «свои», чьи интересы респонденты вполне разделяют. Китай в большей части интервью становится «своей» территорией. Соответственно снижается агрессивность и в отношении китайских мигрантов («ближнего другого»). При проведении автором массового анкетного опроса (март 2004 г., n=1750) в Хабаровском крае выяснилось, что только 9 % респондентов за последние 5 лет побывали в западной части России, но 87 % были в КНР. При этом наблюдается достаточно четкая географическая дифференциация. Лица с доходом до 20 тысяч рублей в месяц отдают предпочтение приграничным городам. Доход до 50 тысяч рублей в месяц вызывает пристрастие к Даляню и Бодайхе. Большой доход влечет его обладателей в Гонконг, Макао, на остров Хайнань. Соответственно бытовая неприязнь оказывается, практически, неощутимой. Особенно в предпринимательской среде. Китайская кухня, китайский язык и даже некоторые элементы традиционной культуры становятся все более распространенными среди дальневосточников.

Постепенно снижается и острота политического неприятия. Идея форпоста все более перемещается в сферу политической элиты региона, офицерского корпуса ФСБ, отставных военнослужащих. Китай становится гораздо более близким и понятным, чем все более «мифическая» Москва. *«С китайцами легко договориться. У нас лет десять назад, когда пошли китайские сельхозпредприятия, они вели себя предельно нагло. Хозяева, понимаешь... Мы спокойно вышли на их руководство. Сказали: «Ребята, их поведение здесь — это ваши проблемы. Хотите, чтобы ваши граждане в «еврейке» работали, обеспечьте порядок». И что? Через три месяца все стало идеально. За пять шагов кланяться начинают. Вот это организация! А наши чуть — что бузят, а работа стоит»* (предприниматель, 53 года, дорожное строительство, интервью 2008 г.).

На **третьем этапе** появляется новый мотив. Китай и китайцы становятся ресурсом, который нужно оберегать, причем

не столько от конкурентов внутри региона, сколько от «Москвы». Государство вдруг вспомнило о существовании региона, желая использовать транзитные ресурсы, связывающие Дальний Восток с «глобальными центрами» США, что создает конфликт между миграционными интересами Федерального центра и территории.

«Возвращение России на Дальний Восток» несло с собой не только деньги Федеральных целевых программ, но и прекращение «льготного» правового режима, прежде всего таможенного режима, который никогда так и не был введен де-юре, но существовал фактически. Вполне понятно, что индивидуальный или коллективный глава был заинтересован в росте доходности «своего» бизнеса и, как в определенной степени неформальный руководитель, был заинтересован, прежде всего, в «неформальном налогообложении», в неформальных выплатах. Ведь формальные выплаты подлежали «переделу» с центральным бюджетом, доля которого год от года становилась все больше. Они постоянно снижались и это вполне допускалось властями предержавшими. Еще более значимым было «взаимопонимание» в области таможенной политики и льготного режима пересечения границы. Ведь именно это позволяло хозяйству Дальнего Востока взаимодействовать с инновационной экономикой «глобальных ворот» Северо-Восточной Азии. Дальневосточная продукция и грузы дальневосточных предприятий пользовались немалыми преференциями. Их грузы «мягче» и, что принципиально в условиях российской таможни, быстрее досматривались, совокупные платежи были меньше, чем выплаты «чужих», хоть и российских фирм¹. Причины понятны. И таможенники, и бизнесмены, и, прежде всего, региональные власти и население были заинтересованы в том, чтобы деньги и товары оставались здесь, не «утекая» из региона. Именно в силу этой коллективной заинтересованности льготы «московских» фирм, прохождение ими таможенных коридоров осуществлялось только под самым жестким

¹ Гликман Е. 2009. Власти России делают все, чтобы потерять Дальний Восток [Электронный ресурс]. Режим доступа: [509](http://www.newsland.ru/News/Detail/id/352192/cat/42/?_openstat=ZGlyZWN0LnIhbmRleC5ydTsxNTg2MjA2OzQ3MjAwMjQ7eWFWuZGV4LnJ10md1YXJhbnRlZQ, свободный.</p></div><div data-bbox=)

давлением центральной власти. Транзитные каналы региона достаточно ощутимо «размыкались» на внешний мир, прежде всего на «свой» Китай, но замыкались в регионе. Это и создавало серьезные конкурентные преимущества дальневосточной продукции на рынках АТР. Она там, действительно, была дешевле, чем внутри страны.

Под влиянием изменения отношения к «своему» Китаю менялось и отношение к китайцам, проживающим на территории региона. Если в интервью конца 90-х, при всех позитивных моментах, агрессивные тенденции по отношению к китайцам преобладают, то теперь, в предпринимательских кругах китайцы становятся партнерами, причем зачастую «старшими партнерами».

«Мы часто ездим в Китай. Они к нам приезжают. Смотрят, как дело организовано, какие обороты. Понятно. Здесь же их деньги в основном и крутятся. Мы больше контакты организуем, продажи и... ну, понятно. Вот. С китайцами работать удобно. Бывают, конечно, сложности. Они еще много в нашей жизни не понимают. Но схватывают влет» (предприниматель, 51 год, продажа банно-прачечного оборудования, интервью 2008 г.). По существу, территория региона в социальном, экономическом, да и в культурном отношении втягивалась через «китайские ворота» в глобальную экономику, отгораживаясь от остальной части страны.

Но этот «региональный протекционизм» мало устраивал государственные корпорации и просто крупные предприятия, проявившие интерес к транзитным возможностям региона. Ведь это их грузы простаивали на дальневосточных таможенных переходах и в портах, подвергаясь самому суровому досмотру. Такая ситуация и была осмыслена как «расцвет коррупции», что, в общем, соответствовало дефиниции, но крайне слабо соответствовало представлениям жителей региона. Вполне устраивающий всех способ организации регионального сообщества и его материального обеспечения вошел в противоречие с задачами федеральной власти и, что существенно, вошел в противоречие неожиданно. Ведь согласно мифологическим представлениям, которые, кстати, согласовывались со статистическими данными, еще более мифологи-

ческими, регион был «пуст» и «беден». Наличие у «пустоты» собственных, причем жестко отстаиваемых, интересов оказалось шоком. Эту «ненормальность» и поспешили исправить люди в погонах самых разных, в основном силовых, ведомств, пришедшие на Дальний Восток вместе с полпредом в ДВФО О. Сафоновым. Их усилия и были направлены на «наведение порядка» в регионе, страдающем от коррупции. Масштаб явления при этом оставался, практически, неизвестным. Начались масштабные уголовные дела высоких должностных лиц регионального уровня, «закручивание гаек» в таможне, милиции, миграционной службе и т.д. Правила игры, сложившиеся за полтора десятка лет, начинают давать сбои.

Но властный центр с удивлением убедился, что его собственные действия по наведению законного порядка или борьбе с олигархами, широко и искренне поддерживаемые «вообще», воспринимаются населением региона как нелегитимные или не вполне легитимные, как только касаются местных олигархов и местного «порядка». Еще меньше одобрения вызывало стремление «навести порядок» с мигрантами. Стремление использовать транзитные возможности региона оказалось камнем преткновения, поскольку эти возможности уже использовались и не совсем так, как предполагало государство. Поток ресурсов из региона или через регион в страны Северо-Восточной Азии и встречный поток «на запад» из соседних государств воспринимался местным сообществом как еще одно «ограбление» региона. Отрыв его населения от «естественных контактов» с соседями. При этом то обстоятельство, что еще недавно эти соседи были нежелательными и опасными, не актуализируется.

Ведь именно эти потоки и эти контакты кормили Дальний Восток все эти годы. Дальний Восток упорно не желал становиться «транзитным регионом», мостом между Европой и Азией. Назначенный в 2005 г. полпредом ДВФО бывший мэр Казани Камиль Исаков в соответствии с тенденцией, отмеченной А. Ремневым¹, из «государева ока» превращается в эффективного лидера регионального сообщества. Он стре-

¹ Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX-начала XX в. Омск: ОмскГУ, 2004.

мится «пробить» проект, в котором путем создания «особых экономических зон» и особого «приграничного режима» можно было развести интересы дальневосточных и «московских» экономических акторов. Внешнее воздействие оказывалось малоэффективным. Оно не распространялось на «пустоту», а пробивалось через уже сформированный и устоявшийся социальный массив. Сменивший К.Ш. Исхакова О.А. Сафонов, бывший высокопоставленный сотрудник МВД, был назначен полпредом с единственной целью – побороть коррупцию, «декриминализовать» вверенный ему округ.

Антикоррупционная война породила странную ситуацию, когда одновременно существовали и прежние «правила игры», и «новые» законодательные нормы. Власти различного уровня и функции в хозяйственной системе (с ориентацией на местные формы деятельности или на «федеральные») вели ожесточенные бои, оставив бизнес на произвол судьбы. В результате хозяйственная активность в регионе резко пошла на убыль. При этом каждый раз принятие новых, вполне тривиальных протекционистских законов, призванных «защитить» регион, порождало новый спад. Так, принятие закона, запрещающего вывоз необработанного леса, который так и не был введен, привело к переориентации традиционных потребителей дальневосточного «кругляка» (Республики Корея, Китая) на канадский лес. Новые правила вылова рыбы и выделения квот на ее вылов в 2006 г. поставили в разгар путины «на прикол» большую часть рыболовного флота. Ужесточение соблюдения миграционного законодательства поставило на грань срыва не только проекты, связанные с жилищным строительством, но и возведение многих значимых промышленных объектов. «Праворульная» эпопея, оказавшаяся наиболее известным, хотя и не самым значимым проявлением новой ситуации в регионе, была порождена тоже введением совершенно традиционной протекционистской нормы.

В последние годы в регионе ощутим спад, достаточно слабо связанный с мировым экономическим кризисом. Руководители предприятий в интервью приводят самые разные, апокалипсические цифры падения¹. Однако, даже делая поправку

¹ Дятликович В. «Закреть» генерала // Русский репортер. 2008. 7 февр.

на вполне конкретный «интерес» хозяйствующего субъекта, спад хозяйственной активности виден «невооруженным глазом», причем в тех отраслях, которые не связаны с величиной государственных инвестиций (лесная отрасль, вылов морепродуктов, импорт техники и т.д.). По существу, значительные территории уже превратились в «иждивенцев государства». Пожалуй, наиболее показательный пример: ЕАО, экономика которой полностью зависима от федеральных трансфертов. Ведь, «сломав» прежние правила, центр не смог предложить значимой альтернативы. «Вливания» в экономику региона в целом были меньше, чем доход от экспорта сырья, а распределение этого дохода шло между гораздо более узким кругом лиц. Выступления автомобилистов при всем том, что с ними удалось более или менее успешно «справиться», вызвали к жизни иную программу. Наиболее пострадавший от вторжения извне Приморский край до 2012 г. может не особенно сильно переживать о своем будущем. Невероятный для региона федеральный трансферт на проведение Саммита АТЭС позволяет задействовать большую часть краевых мощностей и трудовых ресурсов. На Дальний Восток спешно переводятся производства из иных, менее странных регионов страны.

Даже успешность «борьбы с коррупцией» в регионе была «оценена» отставкой О.Н. Сафонова и назначением на его пост «местного» губернатора В.И. Ишаева. Фигура последнего и символизирует «мирный договор» между социальными сетями трансконтинентального региона и «федерального центра». Не то чтобы «коррупционная война» утихла совсем, но назначение В.И. Ишаева изменило в ней расстановку сил и саму задачу федеральной власти. По сути, на Дальнем Востоке сегодня реализуется уникальный проект по интеграции «местных» сетей. Насколько успешной окажется эта попытка, как она проявит себя в отношении к мигрантам из Поднебесной, останутся ли сами мигранты покажет ближайшее будущее. Но это будет уже совсем, совсем другая история.

6.11. Мигранты из Китая: формула образа в иркутских СМИ

За последнее десятилетие дискурс СМИ в отношении миграционных процессов заметно сместился с этнических определений на мигрантские. Образ мигранта, конечно, содержит этнические характеристики, но транслируется газетами уже в агрегированных категориях. Лидирующие позиции занимают такие понятия, как мигрант, иностранный рабочий, иностранец, гастарбайтер. Тем не менее китайцы, как представители многомиллионного народа, в этом дискурсивном поле сохраняют свою специфику. Материалы газет содержат как мигрантский дискурс (китаец – мигрант), так и региональную риторику (китаец – житель Китая). Нас интересует региональная специфика, то, какими средствами формируется образ китайского трудового мигранта на страницах иркутских СМИ, каковы основные характеристики и элементы образа, его насыщенность. Методология исследования – контент и дискурс анализ текстов, в выборку попали материалы трех иркутских газет за период с 2000 по начало 2010 года¹.

Тема китайской миграции, сопутствующие пребыванию китайцев в Иркутске процессы стали лакомым куском для местной прессы, поводом для воспроизведения и конструирования фобий и стереотипов, в некотором смысле даже спекулирующей доверием читателей. Такие материалы выходили в иркутских газетах с завидной периодичностью, что свидетельствует о востребованности и «продаваемости» темы. Самый популярный жанр – журналистское расследование. *Добывание*² информации авторами статей зачастую становилось целенаправленным поиском доказательств, подтверждающих теории журналистов о «китайской угрозе».

С образом китайца прочно связаны ассоциации: торгаш, обман, захват, грязь. Возникновение таких клише/стереоти-

¹ Более подробно о методологии и результатах исследования см.: Ковальская М.Н. Бизнес по-китайски: трудовая деятельность китайских мигрантов на страницах иркутских газет // Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX – XX и XX–XXI веков / науч. ред. В.И. Дятлов. Иркутск: Оттиск, 2010. С. 263–281.

² Здесь и далее курсивом, жирным шрифтом – выделено автором.

пов — это, в первую очередь, реакция принимающего общества на появление мигрантов, механизм адаптации обывателя к их присутствию. Это процесс выработки, трансформации и распространения информации о мигрантах, определение их места и статуса в принимающем сообществе, категоризация знания обывателя. Здесь возникают привычные для таких отношений дихотомии *мы/они*, *свои/чужие*. Мигрант однозначно попадает в категорию «чужой». В процессе коммуникации эта категория видоизменяется. Происходит это через трансформацию понятия принадлежности к месту (земле). Появляется область допущения: *чужой свой* все же лучше, чем *чужой чужой*: «наши же китайцы», «местные китайцы», «иркутские китайцы» (СМ Номер один. 2004. 7 окт.) (*эти*) и «далекие китайцы», «сплеменники» (*те*). Подобные приемы авторы применяют при использовании в текстах оправдательных стратегий, когда первая категория (свои) является более приемлемой для сообщества, чем вторая (чужие): китайские огурцы, выросшие на нашей земле — лучше, чем такие же, но привезенные из Китая.

Основные сферы деятельности китайских мигрантов на страницах газет — лесная промышленность, овощеводство, ресторанный бизнес и торговля. К концу 2007 г. начинают появляться материалы, связанные с работой на городских стройках, но в основном они сообщают об инцидентах, связанных с несчастными случаями и правонарушениями. Самое пристальное внимание журналисты уделяют сфере торговли, работе китайцев на городском рынке «Шанхай» и овощеводству. Для обозначения трудовой занятости авторы используют клише: «китайцы-овощеводы», «китайцы-плотники», «китайцы-повара», «китайцы-торговцы», «китайцы-грузчики». Китайская трудовая миграция рисуется в газетах нелегальной, а рабочая сила — неквалифицированной. Китайцы — это «выходцы из Китая» (Копейка». 2004. 12 нояб.), «заезжие торговцы» (Пятница». 2006. 22 нояб.), «наши гости» (СМ Номер один». 2005. 27 янв.), «юркие продавцы» (СМ Номер один». 2006. 29 июня), «китайские аграрии» (СМ Номер один. 2006. 23 февр.). С одной стороны, они трудолюбивы и неприхотливы, с другой — нечистоплотны, являются разносчиками заразы.

Стереотип: «торгуют, торгуют, где только можно»¹. Торговля, по мнению журналистов, — наиболее привычный вид трудовой деятельности китайских мигрантов. Они начинали как трудовые маятниковые мигранты, приезжая в Иркутск в качестве «челноков». Китайцы торговали на вокзале, наиболее оживленных улицах города. Осенью 1992 г. в Иркутске появился рынок, прозванный среди обывателей «Шанхай», или «китайка». За короткое время территория рынка и близлежащие улицы стали особой торговой зоной города — «общественное место максимальной концентрации граждан Поднебесной» (СМ Номер один. 2006. 26 февр.). Одни журналисты видели в этом зарождающийся Чайнатаун (СМ Номер один». 2009. 26 февр., 5 авг.; 2010. 5 авг.), другие называли рынок местным Ватиканом (Пятница. 2005. 8 янв.). Так или иначе, но «Шанхай» стал территорией частого взаимодействия обывателей и мигрантов, поводом для любви и ненависти, конструирования отношений и смыслов. Формированию негативного отношения к китайцам способствовал и сам вид деятельности. Торговля воспринималась обывателями как неприемлемая/чуждая сфера, а торговец превращался в «торгаша» и «спекулянта». Китайские товары — «шмотки» и «ширпотреб» — плохого качества, китайцы нацелены на обман, а рынок — место опасное и криминальное.

В газетах прослеживается двоякое отношение к китайским торговцам не только потребителей, но и официальных органов. С одной стороны, это позиция власти — служб, отвечающих за потребительский рынок в городе, а с другой — отношение жителей, посещающих этот рынок. Так или иначе, оба мнения сходятся: 1) товары у китайцев дешевые, а значит, на них всегда найдется покупатель; 2) без китайских товаров большая часть жителей города и области лишится возможности дешево одеваться.

Введение законов, касающихся ограничения торговли для иностранных граждан, стали дополнительным стимулом сюжетов СМИ о системе подставных лиц в этой сфере. Формально прилавки «держат» китайцы, но все операции с деньгами может выполнять только продавец — посредник между вла-

¹ Копейка. 2006. 14 июня.

дельцем товара и покупателем. Статус китайского мигранта меняется: из торговца и дельца он переходит в категорию работодателя, хозяина (Копейка». 2007. 4 апр.). Помимо вещевых рынков, китайцы занимаются торговлей и на плодоовощных базах. Статьи этого блока детально иллюстрируют рейды сотрудников миграционной службы на такие предприятия с целью проверки документов. Повествования нередко содержат комические сюжеты (Номер один». 2008. 5 сент.).

За последнее десятилетие образ торговца заметно изменился. Прежние характеристики – покладистый, покорный, трудолюбивый, уступчивый – трансформировались в негативные. Все чаще утверждается, что манера поведения китайских продавцов изменилась в худшую сторону. Это влечет за собой конфликты, рушится система статусов. Для принимающего сообщества мигрант – «гость» и «чужак», а значит, его поведение должно этому положению соответствовать: «Многие помнят, что поначалу китайцы в Иркутске вели себя с опаской. На «шанхайке» легко соглашались сбавить цену, не хамили и тем более не распускали руки. Сейчас ситуация изменилась. Китайцы стали чувствовать себя более уверенно, на русских посматривают свысока. Иногда случаются конфликты и даже потасовки. Среди обывателей все чаще можно услышать фразы о том, что китайцы вконец распоясались и обнаглели, что скоро вся наша земля превратится в китайскую и что надо положить этому конец» (Пятница. 2010. 27 авг.).

Фобия: «они – китайцы, и это само по себе плохо»¹. Публикации о китайском овощеводстве встречаются в газетах всего исследуемого периода. Незаконный захват земель, запрещенные удобрения, нарушение российских стандартов – вот основная риторика текстов. Можно выделить две стратегии развертывания историй. С одной стороны, это *захват* – захват земли, рынков сбыта, рабочих мест, а с другой – нарушение существующих норм: гипертрофированное использование подкормки для увеличения урожайности сельхозкультур, провоз запрещенных удобрений, многие из которых так и не удалось проверить на содержание вредных веществ.

¹ Пятница. 2010. 27 авг.

Урожайность китайских хозяйств значительно превышает показатели хозяйств местного населения. При этом в материалах газет говорится всего о двух-трех наемных работниках из Китая, которые трудятся на «китайских фермах и в колхозах», и иногда даже на плантациях (СМ Номер один».2006. 22 июня). Работники этой сферы менее всех защищены гарантиями. Многие из них работают без разрешений и виз, проживают в ужасных условиях.

Китайцев, занимающихся овощеводством, жалеют, но факт их нахождения на *нашей* земле воспринимается отрицательно, закрепление на территории города и области позиционируется как захват. Такая близость к главному ресурсу, возможность владения землей пугает жителей города, дает поводы для боязни, укрепляет и актуализирует фобии и мифы: «Почти четверть века мы живем с ними рядом, но так и не подружались. Наоборот, чем больше проходит времени, тем враждебнее к ним отношение. Да и поводов к тому немало. Новости регулярно подкидывают страшилки: «Китайцы избили покупательницу», «Китаец травил иркутян таблетками», «Китайца судят за похищение», «Обнаружена нелегальная китайская больница»... Кроме того, все знают, что китайцы вывозят нашу нефть, металлы, лес, женщин и еще хотят получить весь Байкал... Есть несколько устойчивых мифов в отношении китайцев: они нечестные; они нечистоплотные; они стремятся захватить нашу территорию» (Пятница.2010. 27 авг.).

Развитию фобии «китайского присутствия» способствуют упоминания о том, что китайцы, приехав в Сибирь, не ограничиваются трудовой занятостью. Согласно текстам газет — они претендуют на землю, вывозят ресурсы, учат русский язык и пускают корни: «Сотни китайских детей ходят здесь, в области, в обычные общеобразовательные школы и говорят абсолютно правильно, без акцента. Многие родители, если они еще не перебрались в Россию, отправляют своих ребятишек в Иркутск совсем маленькими, договорившись с родственниками или просто знакомыми. Иркутские учителя подтверждают: да, маленьких китайцев в школах областного центра становится все больше, это тенденция. Есть классы, где их уже четверо,

пятеро — почти четверть от общего числа учеников...» (Копейка.2006. 14 июня).

Миф: «их цель — наша территория»¹. Экспансия на страницах газет — свершившийся факт и прописная истина. Заселяют, активно осваивают, самовольно захватили — вот риторика таких текстов. Подкрепляется она ссылками на многочисленное и стихийное присутствие китайцев в стране и регионе: «многомиллионная диаспора» (Копейка.2006. 5 июля), «крупнейший народ мира» (Копейка.2006. 14 июня). Экспансия — трудовая, территориальная, государственная и даже пищевая: «китайская экспансия на пригородные грядки» (СМ Номер один. 2006. 22 июня), «экспансия китайских рабочих», «экспансия китайской кухни» (Номер один. 2006. 11 октб.). Тексты подкрепляются мнениями экспертов, зачастую ученых и специалистов из Центральной России, для которых миф о «китайской угрозе» не требует доказательств. Цитаты из таких комментариев приводятся зачастую без отсылки на источник и без указания его автора. Часто журналисты показывают только одну позицию, намеренно конструируя смыслы. Так, в материале «Темная сторона иркутского Чайна-тауна» приводится мнение Александра Турика — председателя «Союза Русского Народа» — о вывесках на китайском языке. Его позиция предопределена политическими взглядами: «...вывески на чужом языке в любом городе являлись первым признаком оккупации!» (СМ Номер один. 2009. 26 февр.).

Для журналистов экспансия — это актуальный разговор. Ее тема возникает в текстах независимо от их проблематики. Это могут быть истории о торговле, овощеводстве, продаже леса. Практики ежедневного взаимодействия лишь укрепляют отрицательное отношение к китайским мигрантам, а «формула» образа дополняется распространенными клише и стереотипами.

Разговоры о «китайской угрозе» вышли в публичное пространство вместе с появлением китайцев на территории города. С одной стороны, это реинкарнация дореволюционных фобий, попытка применения прежнего опыта к сложившейся ситуации, с другой — формирование их новых качеств. Усиле-

¹ Пятница. 2005. 25 нояб.

ние экономической и военной мощи Китая, неотрегулированные механизмы контроля над мигрантами — все это дает поводы для мифотворчества. Действие, приписываемое журналистами китайским мигрантам — порабощение/захват/оккупация. Мигрант воспринимается принимающим обществом как временное обстоятельство, ситуация в которой это ощущение нарушается, приводит к недовольству и открытым столкновениям. Главный ресурс, вокруг которого конструируются антикитайские настроения — земля — не частная собственность, а общее сибирское богатство.

6.12. От таджика к «таджику» — от этнофобии к мигрантофобии

Первопроходцами, «пионерами» массовой трудовой миграции из Центральной Азии стали жители Таджикистана, таджики по своей этнической принадлежности. Их подтолкнула к этому краткая, но чрезвычайно кровопролитная гражданская война начала 1990-х гг. Массовый поток беженцев (около миллиона человек только для стран СНГ) проложил дорогу для трудовых мигрантов¹. Послевоенная экономическая разруха и общая экономическая отсталость создали теперь уже долговременный и мощный выталкивающий фактор. Беженцы органично становились трудовыми мигрантами. Они довольно быстро сформировали миграционную инфраструктуру — от организации трафика до механизма оказания посреднических услуг в российских городах.

Они сформировали и свою «нишу» на рынке труда. В качестве новичков они не могли рассчитывать на стартовые возможности выходцев с Кавказа, которые массово осваивали Сибирь еще с советских времен и накопили значительные материальные возможности, опыт, деловые и социальные связи. Первые же таджикские трудовые мигранты начинали все с нуля, практически на пустом месте. Поэтому они могли рассчитывать только на самые непривлекательные, грязные

¹ Дятлов В. Таджики в современном Иркутске: Первопроходцы новой миграционной волны? // Перспективы миграции коренных народов Центральной Азии в Россию: сб. науч. тр.. Новосибирск: Новосибирский гос. ун-т. 2003. С. 152.

и низкооплачиваемые профессии и сферы занятости. Служащие, врачи, ученые, преподаватели, квалифицированные рабочие, люди со средним и высшим образованием становились чернорабочими. Таджикский грузчик на рынке, сезонный строительный рабочий-отходник становились типичными, даже знаковыми фигурами. Горожане, люди с образованием и профессией, опытом жизни и учебы за пределами родных мест первыми прокладывали пути, по которым затем двинулись их родственники и земляки.

Через несколько лет, отчасти опираясь на созданную ими миграционную инфраструктуру, пришли в движение жители соседнего Узбекистана, миграционный потенциал которого много выше, чем у Таджикистана. И сейчас во многих сибирских городах (например, Иркутске) они вышли на первое место по числу официально зарегистрированных трудовых мигрантов, опередив ранее преобладавших китайцев.

Первопроходческая роль таджиков, их массовое, повседневное и постоянное присутствие в жизни принимающего общества сформировало «образ таджика». Само это слово наполнилось новыми смыслами. С одной стороны, оно осталось для жителей Сибири привычным этнонимом и обозначением жителя Таджикистана (то, что сформировалось еще в советские времена). С другой — его распространяют теперь на всех выходцев из Центральной Азии, приезжающих в Россию в поисках работы, преимущественно временной, сезонной. Практически оно стало синонимом слова «гастарбайтер», которое стремительно ворвалось в массовую языковую практику и стало общепринятым. Появились устойчивые словосочетания «таджикский труд», «таджикская зарплата». «Работать как таджик». И даже — «работать таджиком».

И причина этого не только в том, что мало кто в принимающем обществе отличается, скажем, таджика от узбека. Теперь «таджик» стал массовой и привычной фигурой, частью обыденной жизни, повседневности. О нем вспоминают, когда необходимо нанять за небольшие деньги человека для временной работы (отремонтировать квартиру, например). Сведения о «надежных таджиках», то есть тех, кто может выполнить работу не просто дешево, но и квалифицированно, без брака,

распространяются через неформальные каналы, через знакомых и родственников. Это предполагает личные контакты с мигрантами, а значит, и формирование отношения.

Соответственно формируется и образ, стереотип «таджика». Естественно, это выходец из Центральной Азии, совсем не обязательно собственно таджик. При численном преобладании узбеков, например, они в этом качестве в общественном мнении и сознании практически отсутствуют. Хотя о существовании Узбекистана и узбеков знают, конечно, все. Это не в коем случае не русский или, по распространенному определению, «русскоязычный». Подразумевается при этом — не европеец. Впрочем — и не кореец. Здесь явственно подразумеваются расовые характеристики, хотя это не вербализируется, а часто не осознается. Впрочем, в ксенофобских текстах слово «черные» употребляется повсеместно.

Иногда за рамки категории «таджик» выводятся этнические киргизы и казахи. Причины могут быть разными. Для формирования образа киргиза (а в России, по некоторым оценкам, находится около 700 тыс. трудовых мигрантов из этой республики) важно то, что многие из них активно и довольно успешно занимаются торговым бизнесом¹. В качестве рыночных торговцев киргизы стали в последние годы заметной частью городских сообществ. На розничных и мелкооптовых рынках многих сибирских городов появились специальные киргизские ряды. Это фиксируется местными жителями и создает стимул для отношения к ним именно как к киргизам. Но когда они занимаются неквалифицированным физическим трудом (особенно в сфере коммунального хозяйства), этого не происходит, здесь они — «таджики».

Отдельная проблема — казахи. Это сюжет важный, главным образом для Западной Сибири. Там есть классические трудовые мигранты. Но много и коренных жителей (в Кулунде, Горном Алтае). В крупных сибирских городах (особенно в Омске) много казахов, осевших там еще с советских времен.

¹ Agadjanian, V., Nedoluzhko, A., Kumskov, G., 2008, Eager to Leave? Intentions to Migrate Abroad among Young People in Kirgizstan // *International Migration Review*. 2008, vol. 42, N 3. P. 620 — 651; Куртов А. Геометрия политики // *Независимая газета-Дипкурьер*. 2003. 13 янв.; Петрова В. Новый продовольственный рынок появится в Иркутске // *Вост.-Сиб. Правда*. 2008. 9 окт.

Это уже коренные горожане, люди, глубоко интегрированные в российскую культуру, российские граждане¹. Это мешает сформировать по отношению к ним единый стереотип и рассматривать их всех через модель «таджиков». В рамках формирующейся в Казахстане постколониальной и постимперской историографической традиции, неизбежно идеологизированной, эта ситуация выражена Г. Мендикуловой² в том, что она жестко разводит казахов «диаспоры» (то есть мигрантов и их потомков) и казахов «ирриденты» (казахов, живущих вне современного Казахстана благодаря движению границ). Создастся классическая идеологема «разделенной нации», подчеркнутая и выбором (чрезвычайно спорным) терминов.

Таким образом, стереотип «таджика» формируется не только, возможно даже и не столько этническими коннотациями. Принципиально важно, что это трудовой мигрант, «гастарбайтер». Человек не просто приезжий, но временный, «перелетная птица». Этому пониманию не мешает то, что многие мигранты приезжают в одно и то же место на протяжении многих лет, вырастают в систему местных социальных связей и отношений. А иногда и остаются здесь жить постоянно, перевозят сюда семью или (чаще) обзаводятся ею на месте. Тем не менее и они наделяются характеристикой временности. Подразумевается также сомнительный статус их пребывания и работы в России («нелегальные мигранты»). Для этого есть серьезное основание, т.к. до недавнего времени большинство сезонных мигрантов из Центральной Азии не имело разрешения на занятие трудовой деятельностью. После либерализации этой процедуры в 2006 г. их число сократилось, но остается значительным. Когда же степень их интеграции переходит некую

¹ Стабильность и конфликт в российском приграничье. Этнополитические процессы в Сибири и на Кавказе / под ред. В. Дятлова, С. Рязанцева. М.: Науч.-образовательный форум по междунар. отношениям, 2005; Садовская Е. Миграция в Казахстане на рубеже XXI века: новые тенденции и перспективы. Алматы, 2001; Ларина Е., Наумова О. Кош-Агачские казахимигранты // Вестн. Евразии. 2008. № 2. С. 44 – 65; Бондаренко А. Российские казахи объединились в Самаре // Независимая газета-Регионы. 2007. 25 июня.

² Мендикулова Г. Казахстанская диаспора: история и современность. Алматы: Всемирная ассоциация казахов, 2006.

грань, они перестают быть «таджиками», хотя их таджикское происхождение и культура вполне осознается.

В глазах окружающих «таджик» — это человек второго сорта, низкостатусный и бесправный, не претендующий на чье-либо место в социальной иерархии, готовый на любой труд, вообще на все ради заработка. Он даже не внизу социальной лестницы — он вне ее. Еще в 1990-х гг. я слышал от чиновников, занимающихся миграционными процессами, вполне обыденное операциональное употребление слова «раб» по отношению к ним. Так они для себя определяли их статус и место в обществе. Правда, в последние годы слово это, кажется, исчезло из их лексикона.

В основе формирования стереотипа лежит отношение. По сравнению с китайцами, выходцами с Кавказа — в отношении к «таджику» больше отторжения, желания отстраниться, нежели страха. «Таджиков» опасаются только как трудовых мигрантов — конкурентов за рабочие места, другие ресурсы. Но конкурент этот видится слабым. Он не подкреплен мощью державы, энергией, трудолюбием и численностью, чего страшатся у китайцев. Нет у него и приписываемой «кавказцам» агрессивности, готовности и способности применить физическую силу и ресурсы подкупленного государственного аппарата.

Важнейшая компонента растущего мигрантофобского комплекса — обвинение мигрантов в поголовной криминализованности. Пресса всегда находит способ подчеркнуть случаи, когда преступление совершено именно мигрантом. Особенно когда это касается преступлений против личности — убийств, грабежей, изнасилований. Зачастую этим аргументируется тезис о миграционной угрозе. Крайне редки и проходят почти незаметно попытки сравнить уровни и структуру преступности среди мигрантов с соответствующими показателями населения принимающего общества. Как только начался экономический кризис, появилось много алармистских заявлений политиков, журналистов, чиновников о том, что оставшиеся без работы мигранты немедленно переключатся на криминальную деятельность и что Россию ожидает новое «холодное лето 1953 года». Одинокие голоса профессионалов, ставящие

такую перспективу под сомнение, тонули в этом хоре. Когда всплеска преступности не произошло, эта истерическая пропагандистская кампания быстро закончилась.

В комплексе «криминального мигранта» у «таджиков» имеется особое место. Их обвиняют в обслуживании наркотрафика. В СМИ сложилась устойчивая и прочная смысловая связка: таджикские трудовые мигранты – трафик наркотиков. На многочисленных националистических сайтах выстраивается простая цепочка: смертельная угроза обществу со стороны наркобизнеса – примеры участия в нем таджиков – обвинение всех таджиков в наркоторговле – призывы к их изгнанию из России¹. Нередки попытки увязать трудовую миграцию «таджиков» и угрозу «исламского экстремизма» и «исламского терроризма». Пока, однако, это не встречает живого отклика у обывателя.

Страх перед отдельным мигрантом и перед «таджиками» в целом в обществе не сформировалось. Господствует снисходительная отчужденность. Взгляд на них как на представителей иного мира, «людей из-за стекла». Уже несколько лет мои студенты в рамках учебного курса берут интервью у мигрантов. Получается это у них очень по-разному, но очень многие после этого искренне удивляются: «оказывается они такие же люди, как и мы». Возможно, что принципиальное и подчеркнутое отчуждение, отторжение – это способ собственной психологической поддержки в ситуации явного и несправедливого неравенства. Способ примириться с существованием рядом «раба».

Заключение

Итак, Сибирь – «территория согласия»? Общество, полностью или частично свободное от ксенофобии в ее этнической и миграционной ипостасях? Общество, генезис которого сформировал некий особый «ген толерантности»? Вопрос глобаль-

¹ См., напр.: Новости Екатеринбурга: Екатеринбург он-лайн: Открытое письмо по поводу таджиков получил сегодня губернатор Свердловской области Эдуард Россель [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.e1.ru/news/spool/news_id-265267-section_id-15.html, свободный.

ный — и любая попытка дать однозначный ответ на материалах одного исследовательского проекта выглядит претенциозной самонадеянностью. Тем более исследования, изначально построенного на сопоставлении отдельных «кейсов», пусть даже ярких и показательных. И все же сравнение ситуации двух эпох — даже такое отрывочное, дает большой материал для предварительных выводов и гипотез.

Дореволюционная ситуация демонстрирует присутствие ксенофобских комплексов в сибирском обществе. Типовые для России того времени антисемитизм, полонофобия, германофобия, синдром «желтой опасности» не обошли Сибирь стороной. Кризис 1900 г., вызванный боксерским восстанием, привел к массовым антикитайским инцидентам на востоке России, апофеозом которых стала «благовещенская паника» и погром, в ходе которого было физически уничтожено (убито и утоплено в Амуре) несколько тысяч человек. Распространенными, часто рутинными, были правовые ограничения и соответствующие административные практики по отношению к евреям, полякам, немцам. Наблюдались факты недоброжелательного отношения к представителям этих групп и в среде сибиряков.

В общем, Сибирь была хотя и специфической (вплоть до собственного законодательства и особых форм административного управления), но частью Российской империи. В контексте рассматриваемой проблемы — тоже. С другой стороны, интенсивность ксенофобских комплексов была явно ниже, чем в метрополии. Даже властные структуры, чьей прямой обязанностью было транслировать на осваиваемые территории общероссийские ограничительные нормы и практики, зачастую делали это спустя рукава, а то и просто игнорировали. Те же поляки и евреи, даже пораженные в основных правах политические ссыльные, получали невозможные в ядре империи шансы для экономической, культурной и социальной самореализации. Чрезвычайно важный и показательный момент — даже в условиях социальной деструкции и патологической жестокости отношений времен Гражданской войны восток России избежал еврейских погромов. Резня, устроенная баро-

ном Унгерном в монгольской Урге, свою исключительностью скорее подтверждает это важное обстоятельство.

И это заставляет задуматься о специфической природе сибирского общества, с одной стороны, и о природе, сущностном наполнении ксенофобских комплексов того времени – с другой. Возможно, в переселенческом обществе человеческий ресурс ценился больше в силу крайней своей дефицитности. В этом контексте и дизайн конфликтности мог обладать большим своеобразием. Это не означает отсутствия «фигуры чужого» или ее меньшей роли, как регулятора социальных отношений. Просто «чужак» мог быть другим. Скажем, не сам по себе представитель некоей сословной, конфессиональной или этнической группы, а новичок, человек пришлый, особенно если он претендует на дефицитный ресурс. Или группа, воспринимаемая в таком качестве. Не зря в конце XIX в. в Сибири появилось слово «навозный» с богатой палитрой отрицательных коннотаций.

Характерна ситуация с поляками. Во второй половине XIX в. они были стигматизированы как группа, политически не лояльная империи. Это был предмет преимущественных забот властей, поэтому и основной массив соответствующих ксенофобских настроений концентрировался в бюрократической среде и часто реализовывался в административных практиках. К тому же польские чиновники и служащие могли восприниматься и как конкуренты в этой же среде. С другой стороны, механизм власти и управления Сибири испытывал огромный дефицит квалифицированных кадров, что заставляло широко пользоваться услугами политически сомнительных элементов. За этими пределами полонофобские настроения возникали в ситуациях аграрного переселения, когда новички становились реальными конкурентами в борьбе за дефицитный даже в условиях Сибири природный ресурс (пашня, выпасы, покосы и т.д.). Здесь вполне социальный конфликт этнически маркируется.

Примерно то же можно сказать и о германофобии. Появление единой Германии, характерная для эпохи Модерна актуализация этничности ведут к постепенному формированию представлений о наложении этнической и политической ло-

яльностей. Соответственно — о возможной политической не-
лояльности немецких подданных Российской империи. Пер-
вая мировая война придала этим представлениям законченную
форму и вылилась в комплекс дискриминационных практик.
Плюс конфликт старожилов с аграрными переселенцами.

Так или иначе, но ко времени революции поляков и немцев
начинают все больше рассматривать в этнических категориях,
соответственно и конфликты с их участием — как этнические
конфликты. Сложнее в этом смысле классифицировать си-
туацию с антиеврейскими представлениями и стереотипами.
На рубеже веков шел интенсивный процесс этнизации бывшего
сословия, основанного на конфессиональной принадлежно-
сти. Иудей постепенно становился евреем — как в собствен-
ных глазах, так и глазах окружающих. Соответственно, можно
предположить, что этнизировалась и традиционная фобия.
Однако изучение этого процесса — отдельное и гигантское
исследовательское поле. Здесь же важно констатировать, что
анти-еврейские настроения были в Сибири менее выраже-
ны, проявлялись в более сдержанных формах, чем в Европей-
ской России. В основном это было занятием властей, обяза-
нных проводить общегосударственный дискриминационный
курс. Но и они делали это, исходя из понимания нужд регио-
на и удобства управления. А с этой точки зрения, городское
торгово-ремесленное еврейское население отличалось высо-
кой полезностью и минимальным конфликтотенным потен-
циалом.

И наконец, многочисленные китайские мигранты. В осно-
ве комплекса «желтой опасности» лежит глубочайшая социо-
культурная отчужденность — вплоть до прямого или косвен-
ного отказа признать человеческую природу представителей
«желтой расы». И большой вопрос, возможно ли это рассма-
тривать в категориях этнофобии. Плюс к этому набирающая
силу мигрантофобия, конкурентные мотивы, геополитиче-
ские опасения. Это сочетание и дало тот накал страха и враж-
ды, который привел к событиям 1900 года.

Таким образом, мы можем наблюдать очень сложное на-
полнение ксенофобского комплекса. Разные — и динамично
меняющиеся — основания для выделения «чужака» и его от-

торжения. Иногда это происходит по отношению к формально одному и тому же объекту. Сложным образом сочетаются рудименты традиционных отношений и формирующиеся этнофобия и мигрантофобия.

Этот процесс был прерван советской эпохой, которая во многом нивелировала региональные различия и создала новый набор ксенофобий. Основные объекты ксенофобских комплексов находились вне этнической и миграционной сфер (не исключая их полностью). Однако гигантская роль дискурса «национальности» и «национальных отношений» способствовали тому, что, привыкнув рассматривать себя и окружающих в категориях примордиальной этничности, и простой человек, и властные структуры распространили это видение на формирующиеся потоки трансграничных мигрантов. Принципиально важным был и сам фактор трансграничности, зарубежности мигранта, его вытекающего из этого особого юридического статуса, набора прав и обязанностей.

В это время обрел новую силу сложившийся на закате советской эпохи образ «кавказца» — временного мигранта из советской, но культурно чужой провинции. Человека, активно и успешно занимающегося не одобряемой властями и осуждаемой общественным мнением предпринимательской деятельностью. К тому же выделенного обликом, особенностями поведения и бытовой культуры. «Торгаши», «чужие», «черные» (как маркер культурной чужеродности) — вот основные, как видим, негативные составляющие этого стереотипа. Похожие на них обликом, культурой и манерой поведения выходцы из Центральной Азии, на первых порах, также рассматривались и оценивались через призму этого стереотипа.

К началу «нулевых годов» эти стереотипы советской эпохи и переходного периода себя исчерпали, отошли на задний план. Мигранты заняли такое огромное место в жизни российского общества и оказались настолько уникальным феноменом, что это потребовало и собственного, отдельного отношения и стереотипа. Отразилось это в том, что еще в 1990-е гг. в массовое употребление вошло слово «гастарбайтер». До этого оно употреблялось крайне редко, в качестве термина в специальной литературе. Родившись в Германии, оно, видимо, наиболее

полно и адекватно отразило понимание обществом проблемы и отношение к ней. Оно отразило, в частности, радикальный переход от этнического принципа стереотипизации к мигрантскому.

Из огромной массы самых разнообразных текстов вырисовываются основные черты нового стереотипа. «Гастарбайтер» – это пришлый, не местный человек, «мигрант», приехавший из-за границы, чтобы работать, заработать деньги и уехать. Его этничность, культура, страна происхождения, его личные качества никого не интересуют. Его присутствие не очень желательно, оно раздражает, но приходится с ним мириться, ибо надо кому-то работать на грязных и низкооплачиваемых работах. Он должен «знать свое место» – и место это находится вне социальной иерархии принимающего общества. Чем меньше его видно – тем лучше.

С образом «мигранта», «гастарбайтера» неразрывно связана и мигрантофобия, которая постепенно замещает ранее господствовавшие этнофобии. Как и в странах Западной Европы и США, многие опасаются, что неизбежные перемены, связанные с массовым присутствием культурно чужеродных мигрантов, могут так радикально изменить принимающее общество, что оно исчезнет в своем прежнем качестве¹. В России мигрантофобия смыкается со страхом перед тем, что китайские мигранты могут стать инструментом реализации геополитических интересов «матери-родины», которая уже в силу роли сверхдержавы подозревается в экспансионизме.

Структура мигрантофобии и ее роль в общественно-политической жизни страны трансформируется под воздействием динамично развивающейся миграционной ситуации – и, в свою очередь, воздействуют на поведение общества и политику властей. Бушующие сейчас антимигрантские страсти говорят об этом со всей очевидностью. Встревоженные заявления лидеров ряда европейских государств о тяжелом кризисе их миграционной политики говорят о том, что это общемировая проблема. В основе страхов лежит не само присутствие мигрантов и даже не их количество, а все большие трудности с их интеграцией в при-

¹ Хантингтон С. Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности. М.: АСТ Москва, 2008.

нимающее общество. Технические достижения современного мира (мобильный и дешевый транспорт, интернет, мобильная связь) позволяют мигрантам сохранять и эффективно поддерживать привычный для них образ и уклад жизни, традиционалистские и общинные ценности и механизмы социальной организации и контроля. Особенно если для этого есть необходимая критическая масса мигрантов. И этот уклад жизни, и система социальной организации, власти и контроля могут вступать, да и вступают уже, в непримиримый конфликт с ценностями принимающего общества.

А что же Сибирь и Дальний Восток, где немногочисленное собственное население оказалось на пути огромных миграционных потоков из Китая и Центральной Азии? Регион, развитие и просто нормальное существование которого никогда не мыслились без постоянного притока новых людей? Как по всей России, здесь наблюдался в 1990-х гг. мощный всплеск кавказофобии и страха перед «китайской экспансией». Погромы на рынках, другие инциденты были привычным явлением¹. Национал-патриотические группы, опираясь на антимигрантскую риторику смогли прорваться через относительно честные выборы в региональный политический истеблишмент.

«Нулевые годы» были периодом взаимной адаптации и общей стабилизации. Символично отношение общества и местных властей Иркутска к двум инцидентам с явной этнической и мигрантской окраской. Около сотни китайских рабочих на строительной площадке забросали камнями милиционеров, пришедших туда за очередной данью. Затем они были жестоко избиты ОМОНОм. Во время очередного профессионального праздника десантных войск один из ветеранов попытался спровоцировать кавказский погром по образцу «лихих девяностых». Торговец, не пожелав дать бесплатно арбуз, нанес ему серьезную травму железной палкой. Все это не вызвало ни малейшего всплеска антимигрантских настроений и уж тем более действий, оставшись локальными бытовыми инцидентами.

¹ Дятлов В. «И тогда мама взяла обрез...». Самосуд и отношение к чужакам в общественном мнении российской провинции 1990-х годов // Вестн. Евразии. 2008. № 4. С. 142-176.

Кто сейчас помнит о том, что в 1990-е годы основным «врагом» были азербайджанцы и именно вокруг них бушевали основные мигрантофобские страсти. Совершенно исчезли из поля внимания в этом качестве армяне и грузины. Нет страха, соответственно и ненависти к «таджикам». Страхи перед «китайским нашествием» дополняются (отчасти и вытесняются) прагматическим пониманием ценности китайских мигрантов как важнейшего ресурса и личного благосостояния, и развития региона. С другой стороны, в том же Иркутске только что закончился судебный процесс над бандой скинхедов, убивавших и избивавших людей по расистским мотивам¹. В забайкальском поселке Харагун произошел несколько лет назад азербайджанский погром с человеческими жертвами.

Эта противоречивая картина может быть интерпретирована так: если и есть в сфере толерантности/интолерантности в Сибири некоторые особенности — но не врожденные и не постоянные. Нет такой «хромосомы» в «генотипе» переселенческого общества. **Все ситуативно и все изменчиво.** Поэтому только постоянное желание и способность общества и власти удерживать мигрантофобию в социально безопасных рамках будет формировать основные параметры экономического, политического и культурного развития страны. Возможно — и само ее существование. Это один из самых серьезных вызовов для российского общества, и от характера ответов на него зависит наше будущее.

¹ Бегагоина Л. Бумер и компания // Вост.-Сиб. правда. 2011. 26 марта.

Глава 7

«Соотечественники за рубежом»: ресурс, инструмент, вызов?¹

Введение

Миграционные и диаспоральные процессы порождают еще одно проблемное поле, которое можно обобщенно обозначить как «соотечественники за рубежом». К двум подробно рассмотренным в предыдущей главе взаимодействующим сторонам (переселенцы и принимающее общество) здесь добавляется третья — страна исхода, или «историческая родина» мигрантов. Взаимоотношения между этими акторами образуют множество разнообразных ситуаций, изучение которых помогает глубже понять проблемы миграционной политики и идеологии, адаптации и интеграции мигрантов и пр.

Исследование феномена «соотечественников за рубежом» неизбежно пересекается с общей миграционной проблематикой, ведь, собственно говоря, миграция и лежит в основе этого явления. Можно сказать, что зарубежные соотечественники — это вчерашние мигранты, в той или иной степени адаптировавшиеся к новому месту проживания, но сохранившие связи с прежней родиной (будь то на уровне реального взаимодействия или только на уровне самоидентификации). В этом смысле к концепту *соотечественники* близко понятие *диаспора*, которое мы используем здесь в широком смысле, оставляя за скобками дискуссию, ведущуюся вокруг этого понятия в социальных и гуманитарных науках². Применительно к соотечественникам, возвращающимся на историческую родину при

¹ **Авторский коллектив главы: Н.Г. Галеткина (редактор главы, введение, 7.6, заключение), К.В. Григоричев (7.1), И.Т. Абдулова (7.1), А.Н. Алексеенко (7.2), М.Н. Балдано (7.3), В.И. Дятлов (7.3), М.В. Теплоухова (7.4), И.О. Пешков (7.5).**

² Подробнее об этом см.: Дятлов В.И. Диаспора: исследовательская и общественно-политическая нагрузка на термин и понятие в современной России // Азиатская Россия: миграции, регионы и регионализм в исторической динамике. Иркутск: Оттиск, 2010. С. 245-266.

непосредственной поддержке властных структур последней, в главе используется термин *репатрианты*¹.

Многие из проблем, которые анализируются в нашей книге в связи с этническими миграциями в целом — управление этномиграционными процессами, диаспоральные стратегии и практики, стереотипы и мигрантофобии, — релевантны и для обозначенной в этой главе темы. Так, если отношение государства к миграционным процессам зачастую выражается в стремлении взять их под контроль, использовать как ресурс и как инструмент в решении своих проблем, то и в отношении к зарубежным соотечественникам мы видим то же самое, но в более специфичной форме. «Бескорыстное» отношение к диаспорам за рубежом и к репатриантам если и встречается, то весьма редко. О нем могут рассуждать как о желательной перспективе и моральном императиве, но все это вряд ли выходит за рамки риторики², которая порой преследует иные, не артикулируемые цели.

На основании анализа политики репатриации, проводимой различными государствами, А.С. Чесноков выделяет целый комплекс задач, которые она в той или иной ситуации призвана решать. Во-первых, возвращение соотечественников

¹ А.С.Чесноков проводит различие между понятием «реэмиграция» и «репатриация». При этом, что оба они обозначают процесс возвращения мигрантов в страну происхождения, понятие «репатриация» используется «для обозначения специально проводимой политики конкретного государства, направленной на возвращение соотечественников», которые либо в силу вооруженного конфликта или каких-либо других внешних обстоятельств, либо добровольно оказались на территории другого государства. См.: Чесноков А.С. Национальная и международная политика в сфере регулирования процессов реэмиграции, репатриации и поддержания связей с эмигрантами: роль культурного фактора // Международные исследования. Общество. Политика. Экономика. Астана, 2009. №1. С. 49.

² Вот пример подобной риторики: «Репатриационная политика никогда не должна быть чьим-то средством, поводом для чего-то другого. Ей по определению отказано в таком подходе. Она не может преследовать какую-то вышележащую цель как образовательная, деловая или трудовая миграции. Она сама по себе есть цель и нравственный долг. В ней самой есть моральное основание ко всему. . . Это особый вид морального действия самого государства, обращенного лицом к своей национальной сущности. К сожалению, в России это не так» (Градировский С. Репатриация как моральный долг [Электронный ресурс] / С. Градировский // Миграция XXI век. 2010. №2. Режим доступа: <http://polit.ru/analytics/2010/12/13/repatriation.html>, свободный).

может описываться через идеологему «собираания нации» и восприниматься в качестве инструмента нациестроительства. Репатриация в таком случае становится государствообразующей идеей, «без которой немислима национальная культура и национальная идентичность». Наиболее яркий пример такого подхода – Израиль. Во-вторых, «поощрение иммиграции соотечественников – это способ комплексного решения демографических и экономических проблем», таких как сокращение рождаемости и «старение» населения, и как следствие – увеличение государственных расходов на социальное обеспечение пенсионеров, дефицит рабочей силы на рынке труда. Политика содействия возвращению соотечественников играет в данном случае роль катализатора «желательной» иммиграции. В-третьих, «это инструмент аккумуляции инвестиционно-финансовых и научно-технологических ресурсов диаспоры в целях ускорения экономического развития страны». Этот вариант наиболее часто встречается в странах Азии и Латинской Америки. И в-четвертых, «политика привлечения и поддержки соотечественников является элементом официальной идеологии, направленной на обоснование определенных геополитических притязаний на восстановление или установление контроля над территориями, где проживают так называемые «соотечественники»¹.

Последний из упомянутых пунктов связан не только, а может быть, и не столько с поощрением реэмиграции соотечественников, сколько с установлением тесных связей с ними «на местах» с целью использовать зарубежные диаспоры как канал политического влияния в стране их актуального проживания. Таким образом, политика поддержки соотечественников может принимать различные формы – от государственных программ репатриации до мер, направленных на сохранение этнической и культурной идентичности зарубежных диаспор без поощрения их возвращения на историческую родину.

При исследовании различных подходов к проблеме зарубежных соотечественников необходимо рассматривать как политическую риторику и выражаемые или скрываемые ею интересы, так и политическую практику. Другими словами – что

¹ Чесноков А.С. Указ.соч. С. 49-50.

говорят по поводу соотечественников, что при этом делают и что за всем этим стоит. Именно такие вопросы находились в центре нашего внимания при написании данной главы. Однако ее проблематика несколько шире: нам показалось интересным посмотреть также на динамику идентичности репатриантов и членов зарубежных диаспор, на стереотипы и идеологемы, влияющие на их репрезентацию и восприятие.

Соотечественники за рубежом могут быть не только инструментом решения внешнеполитических и внутривнутриполитических задач, но и источником проблем для своей исторической родины. Если мы говорим о поддержке репатриации, то здесь по ходу процесса нередко возникают такие «побочные эффекты», как социальная напряженность вследствие конфликта между репатриантами и местным населением. К тому же интеграция переселенцев может проходить не так гладко, как представляется на стадии планирования, и от государства требуется гораздо больше координационных, организаторских усилий, а также дополнительных финансовых вложений.

Если речь идет о выстраивании отношений с зарубежными диаспорами, то этот процесс может вызвать осложнения на международном уровне. Не всякое государство согласится с тем, чтобы его гражданам оказывали покровительство власти другой страны. Возникает проблема конкуренции между властными структурами двух государств. В отдельных случаях она может определять весь характер взаимоотношений страны исхода и страны приема мигрантов. Но даже если конфликты носят локальный характер, все равно они оказывают дестабилизирующее влияние на обстановку вокруг данной группы.

Серьезным вызовом для властей также может стать необходимость более четко очертить границы категории «соотечественники», определить критерии отбора участников государственных программ, направленных на их поддержку. Термин «соотечественник», как отмечает А.С. Чесноков, «по смыслу и содержанию значительно варьируется от страны к стране. Для одних государств соотечественник — это представитель определенной этнической группы, для других — лицо, владеющее определенным языком, исповедующее определенную религию или имеющее определенные исторические/юридические

связи с данной страной»¹. Для России задача сформулировать общее для всех граждан понятие «соотечественник» приобретает особую сложность в силу гетерогенности населения и наличия субъектов федерации, образованных по национальному (а вернее сказать, этническому) принципу. К примеру, для многих жителей Республики Бурятия «соотечественниками» будут, скорее, шэнэхэнские буряты (см. раздел 7.4), а не русскоязычные жители ближнего зарубежья, возвращающиеся в Россию в рамках государственной репатриационной программы.

Ситуацию необходимо рассматривать и с точки зрения самих соотечественников, которые являются не только объектом воздействия, но и активным политическим актором. Как они оценивают мероприятия, проводимые государством исхода? Настроены ли на углубление контактов с ним? Почему хотят или не хотят реэмигрировать? Ответы на эти вопросы сильно разнятся. Так, мотивация репатриации у одних людей может лежать в сфере идей и выражаться в метафорах «дух родины», «земля предков». Подобный пример рассматривается в разделе 7.5, где идет речь о возвращении русских старообрядцев из Латинской Америки в Приморье, у которых не было к этому ни каких-либо материальных стимулов, ни выталкивающих факторов в виде дискриминации в стране проживания. В других случаях как раз дискриминационные меры актуализируют интерес к исторической родине. А для кого-то она вдруг становится «землей обетованной» по той простой причине, что на ее территории не идет война, или потому, что здесь можно найти работу и избавиться от нищеты.

Таким образом, если мы ведем речь об инструментальности идеи соотечественников для государства, то вполне закономерно поставить подобный вопрос и по отношению к самим соотечественникам: насколько для них репатриация является самоцелью (как воссоединение с родиной и т.п.), а насколько — средством решения иных задач? Вполне инструментальной может быть и мотивация представителей зарубежных диаспор, которые стремятся к поддержанию отношений с исторической родиной «на расстоянии». Бизнес, политика, культурное

¹ Там же. С. 53.

развитие — каждая из перечисленных сфер может определять такую заинтересованность.

Для постсоветской России проблема соотечественников вышла на первый план с распадом СССР и превращением бывших его граждан в жителей «ближнего зарубежья». В возникших независимых государствах статусные позиции русского/русскоязычного населения резко понизились по сравнению с ситуацией советского периода, что привело к стремительному росту миграции в Россию. Оставшиеся же (те, кто не смог или не захотел уехать) все более стали осознавать себя в качестве сообщества, консолидирующегося на основе русского языка, русской культуры, связей с Россией.

Подобная «диаспорализация» или институализация этничности происходит в это время и в России¹, как среди «новых» (прибывших на постсоветской миграционной волне), так и «старых» этнических групп. Она выражается в создании многочисленных национально-культурных обществ, ассоциаций, землячеств по этническому признаку. Этот процесс вызывает поддержку со стороны властей новых независимых государств, которые рассматривают «человеческие и материальные ресурсы мигрантских сообществ как важные факторы нациестроительства и борьбы за власть»². Таким образом, власти РФ вынуждены отныне не только продумывать стратегию в отношении своих соотечественников за рубежом, но и учитывать подобные стратегии других государств, направленные на группы российских граждан.

Институализация этничности и укрепление связей этнических сообществ российских граждан с их «историческими родинами» происходит не только под влиянием постсоветских трансграничных миграций, но и по причине общего изменения отношения к этническим вопросам в обществе. «В отличие от недавних советских времен, иметь дополнительную

¹ В.И. Дятлов описывает этот процесс как формирование в России «новых диаспор» (Дятлов В.И. «Новые диаспоры» и проблема интеграции внешних мигрантов в принимающее общество // «Мост через Амур». Внешние миграции и мигранты в Сибири и на Дальнем Востоке: сб. материалов междунар. Иссл. семинара / под ред. В.И. Дятлова. М.; Иркутск: Наталис, 2004. С. 62-74).

² Дятлов В.И. Указ.соч. С. 64.

этническую характеристику стало не просто безопасно, но вполне респектабельно и даже престижно. А связи с «родиной предков», особенно теми, что проявляли интерес к своим «зарубежным соотечественникам», могли стать даже определенным дополнительным ресурсом¹. В одном из кейсов, представленных в нашей главе (п.7.7), этот тезис раскрывается на примере жителей польской сибирской деревни².

Однако соотечественники за рубежом — это не только проблема постсоветского пространства. Пример современной Венгрии показывает, каким дестабилизирующим фактором может стать этот вопрос, когда многочисленные соотечественники воспринимаются через идеологему *разделенной нации*. Сегодня приблизительно 5 млн этнических венгров живут за пределами Венгерской Республики (внутри — 10 млн), причем 3 млн из них — в граничащих с Венгрией странах³. Понятно, что эти государства не были в восторге, когда венгерский премьер-министр Йозеф Анталл во время публичного выступления после победы на выборах в мае 1990 г. заявил: «В душе я желаю быть премьер-министром 15 миллионов венгров». Это выступление означало возвращение вопроса о судьбе зарубежных венгров в центр венгерской внутренней и внешней политики. С того времени и до сих пор «эта болезненная проблема постоянно присутствует в отношениях Венгрии с соседями»⁴, прежде всего с Румынией и Словакией.

В июне 2001 г. Венгерский парламент принял Закон «О венграх, проживающих в соседних с Венгрией странах»⁵, который

¹ Там же. С. 71.

² Подробнее см.: Галеткина Н. Поляки деревни Вершина: этничность как ресурс // Журн. социологии и социальной антропологии. СПб., 2007, № 2. С. 142-154.

³ Возникновение такой ситуации связано с распадом Австро-Венгрии и подписанием в июне 1920 г. Трианонского мирного договора, который определил новые государственные границы в этом европейском регионе. Эти события в самой Венгрии воспринимаются как национальная травма (Хмел Р. Словацкая и венгерская правда в Европейском союзе // Центрально-Европейский ежегодник: сб. ст. и док. / сост. Илона Киш. М.: Логос, 2003. Вып. 1: Международные отношения и безопасность. С. 287-295).

⁴ Хмел Р. Указ.соч. С. 290.

⁵ Имеются в виду Словакия, Румыния, Сербия, Хорватия, Украина, Словения. Австрию исключили из списка под давлением со стороны ЕС, по законам которого нельзя делать различий между гражданами союза, тем более на этнической почве (Хмел Р. Указ. соч. С.292).

предусматривает получение зарубежными соотечественниками специального документа, удостоверяющего их этническую принадлежность. Этот так называемый «магьярский паспорт» дает его обладателю право на облегченную процедуру получения венгерского гражданства, а также на ряд льгот во время пребывания в Венгрии: право на работу, бесплатные медицинские услуги, льготные транспортные тарифы, вузовские и послевузовские стипендии и пр. В законе при этом не оговаривается необходимость какого-либо согласования подобных вопросов с государствами, на территории которых живут соотечественники-венгры и гражданами которых они являются. Закон, вступивший в силу в 2002 г., вызвал многочисленные критические замечания, прежде всего, со стороны официальных представителей соседних с Венгрией стран. Один из критиков охарактеризовал его как проявление «мягкого» ирредентизма¹.

По отношению к венгерской нации, которая понимается венгерскими политиками как этническая общность в Венгрии и за ее пределами, используется термин «*всё венгерство*». Его российским аналогом можно назвать концепт *Русского мира*, который в последнее время все чаще появляется в общественно-политической риторике, особенно когда речь идет об особой роли России на постсоветском пространстве. То есть опять же – зарубежные соотечественники, составляющие основу Русского мира, воспринимаются, прежде всего, как инструмент реализации геополитических устремлений России. Чуть подробнее о значении и содержании этого концепта будет сказано ниже.

7.1. Репатриация соотечественников в Россию: что стоит за Программой?

Летом 2011 г. исполняется пять лет с момента выхода президентского указа о разработке «Программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Фе-

¹ Киш Я. Вопрос о меньшинствах в новом мировом порядке // Центрально-Европейский ежегодник... С. 285.

дерацию соотечественников, проживающих за рубежом»¹ и старта реализации комплекса соответствующих мероприятий. Программа стала, пожалуй, наиболее масштабным и едва ли не единственным системным мероприятием в сфере миграционной политики постсоветской России. Вместе с тем именно она вызывает массу негативных экспертных оценок, хотя представители власти характеризуют ее как вполне успешную и оправданную.

Такое различие оценок связано, вероятно, с разностью позиций аналитиков, с одной стороны, и управленцев, политиков — с другой, в трактовке успешности репатриационных мероприятий. Если первые указывают на системные ограничения для реализации Программы, то вторые настаивают на необходимости «отработки ее механизма», как главного показателя успеха. Радикальная несовместимость этих подходов, имеющих принципиально разные базовые критерии («результат» и «процесс»), заставляет взглянуть на Программу под иным углом. Представляется, что целесообразно от анализа причин и факторов (не)успешности Программы перейти в плоскость размышлений о ее целях, задачах и возможном назначении, которые выходят за рамки деклараций в программной преамбуле и президентском указе.

Но прежде сделаем **краткий экскурс в историю российской политики в отношении к соотечественникам за рубежом**².

Потребность в формировании такой политики возникла уже в начале 1990-х гг. Масштабные миграционные потоки из постсоветских стран в Россию, ставшие формой стрессовой реакции населения на распад страны, а затем и ответом на процессы нацистроительства в новых государствах, потребовали выработки принципиального решения: что и как делать с огромным миграционным потенциалом нового русского за-

¹ Далее просто Программа.

² Подробнее об этом см.: Зевелев И.А. Соотечественники в российской политике на постсоветском пространстве: наследие империи и государственный прагматизм // Наследие империй и будущее России / под ред. А.И. Миллера. М.: Фонд «Либеральная миссия»; Новое литературное обозрение, 2008. Чесноков А. От соотечественников к согражданам. Иммиграционное законодательство и политика России, Казахстана и Украины // Космополис. 2008. № 1(20). С. 145-157.

рубежья? Но, вероятно, именно масштабность репатриационного движения привела к тому, что вопрос о политике в отношении соотечественников, остающихся за пределами страны, все больше перемещался в сферу политической риторики. Так, в 1993-1994 гг. тема соотечественников заняла важное место в разговорах о российской нации, национальной идее и дальнейшем пути России.

Если говорить о практических политических действиях, то следует отметить попытки российского правительства внедрить в жизнь идею двойного гражданства. Но переговоры с бывшими советскими республиками не принесли заметных результатов, поэтому российская сторона скорректировала свои инициативы¹. Вопрос соотечественников стал увязываться с мероприятиями в сфере образования и культуры: поддержкой программ развития русского языка, российских культурных центров и русскоязычных СМИ; предоставлением грантов и стипендий обучающимся и ведущим обучение на русском языке; организацией культурно-массовых мероприятий, проводимых на русском языке и связанных с русской культурой². Эта позиция отразилась и в принятой в 1994 г. программе «Основные направления государственной политики Российской Федерации в отношении соотечественников, проживающих за рубежом», причем под соотечественниками в данном документе по-прежнему подразумевались жители государств-членов СНГ и странах Балтии.

Что же касается проблемы репатриантов, то эта тема практически ушла из властного дискурса по мере того, как сокращались объемы миграции в Россию, менялась ее структура в сторону увеличения доли трудовых мигрантов. Ухудшение экономической ситуации, обусловившей свертывание материальной поддержки вынужденных переселенцев, также сыграла свою роль в снижении внимания к проблемам репатриантов.

Возвращение проблематики соотечественников в общественно-политический дискурс произошло в 2006 г., когда были приняты сразу три важных документа: «Программа работы с соотечественниками за рубежом на 2006-2008 годы», «Феде-

¹ Зевелев И.А. Указ. соч. С. 239.

² Чесноков А. Указ. соч. С. 146.

ральная целевая программа «Русский язык» (2006-2010)» и «Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом». Согласно данным системы «Медиалогия», подготовленным по заказу «НГ», проблему возвращения бывших граждан Советского Союза пресса усиленно начала обсуждать с июля 2006 г., сразу вслед за выходом президентского указа о разработке новой Программы. За один только месяц журналисты примерно 450 раз обращались к этой теме¹.

Итак, 28 июня 2006 г. был опубликован указ Президента № 637, в котором была сформулирована как сама Программа, так и план мероприятий по ее реализации на 2006-2012 годы. Далее мы прибегнем к цитированию, чтобы не пересказывать государственные документы, а наиболее полно продемонстрировать их стилистику.

«Основными целями Государственной программы (...) являются стимулирование и организация процесса добровольного переселения соотечественников в Россию, компенсация естественной убыли населения в стране в целом и в ее отдельных регионах за счет привлечения переселенцев на постоянное место жительства в Российскую Федерацию»².

«Государственная программа будет способствовать социально-экономическому развитию России, что невозможно без кардинального изменения демографической ситуации, характеризующейся в настоящее время оттоком населения со стратегически важных для России территорий, сокращением общей численности населения, в том числе трудоспособного возраста».

На фоне жесткой миграционной политики предшествующих лет Программа выглядела очень либеральной — список

¹ Белевская Э. А они не торопятся // Независимая газета 02.02.2010 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ng.ru/ng_politics/2010-02-02/9_demography.html, свободный.

² Здесь и далее Государственная программа цит. по: ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПРОГРАММА по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом. Административные процедуры. Москва, 2008 (электронный текст Программы размещен на официальном сайте Федеральной миграционной службы МВД РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.fms.gov.ru/programs/fmsuds/files/ukaz637.pdf>), свободный.

тех, кто мог получить российское гражданство, был значительно расширен.

«Участие в Государственной программе вправе принять следующие категории лиц, признаваемые в соответствии с п. 1 ст. 1 Федерального закона от 24 мая 1999 г. «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» соотечественниками, и члены их семей:

- граждане Российской Федерации, постоянно проживающие за пределами Российской Федерации;*
- лица, состоявшие в гражданстве СССР, проживающие в государствах, входивших в состав СССР, получивших гражданство этих государств или ставшие лицами без гражданства;*
- выходы (эмигранты) из Российского государства, Российской республики, РСФСР, СССР и Российской Федерации, имевшие соответствующую гражданскую принадлежность и ставшие гражданами иностранного государства либо имеющие вид на жительство или ставшие лицами без гражданства;*
- потомки лиц, принадлежащих к вышеуказанным группам, за исключением потомков лиц титульных наций иностранных государств».*

Интересна характеристика ожидаемых участников Программы: *«Воспитанные в традициях российской культуры, владеющие русским языком, соотечественники в наибольшей мере способны к адаптации и скорейшему включению в систему позитивных социальных связей российского сообщества».* Таким образом, мы видим весьма прагматический расчет – проблема убыли населения, а также задача заселения стратегически важной территории могут быть решены за счет использования ресурса соотечественников, причем без особых затрат со стороны государства на натурализацию, так как люди эти владеют русским языком и социализированы в российской культуре.

Хотя документ и определяет категорию «соотечественников» довольно широко, фактически он подразумевает этнических русских или представителей других этнических групп, социализированных в советское время. Молодые люди титульных этносов для государств исхода (а именно они составляют

большинство нелегальных трудовых мигрантов) не подходят под это описание и, очевидно, не могут участвовать в Программе.

Несмотря на заявление о том, что ожидаются переселенцы, *«воспитанные в традициях российской культуры, владеющие русским языком»*, Программа предусматривает *«предоставление услуг по ознакомлению с историей, культурой, традициями народов, проживающих на территории вселения»*.

Продолжая тему образа ожидаемого репатрианта, стоит обратить внимание на визуальный ряд материалов для переселенцев – «Памятки потенциальному участнику программы» и нескольких брошюр, размещенных на сайте ФМС. Здесь можно видеть изображение семьи славянской внешности, достаточно молодой, но уже с тремя детьми. Улыбающиеся люди изображены на фоне типичного «среднерусского» пейзажа. Та же закономерность прослеживается и в «Памятке участнику программы»: пример заполнения анкеты соискателя – *«Кузнецов Владимир Сергеевич, 1967 года рождения, русский, православный, владеющий русским языком, газоэлектросварщик»*, дает нам портрет желаемого переселенца. Фото на образце анкеты также демонстрирует молодое славянское мужское лицо. Это работник, который может приступить к своим обязанностям без особых затрат на обучение, не доставляя неудобств принимающему обществу (культурная дистанция) и государству (социальное обеспечение).

Ситуация середины 2000-х, казалось, создавала благоприятные условия для успешной **реализации Программы**. Привлекались масштабные финансовые ресурсы, подключался широкий спектр регионов и ведомств, предпринимались беспрецедентные организационные усилия. Артикуляция на всех уровнях власти приоритетности обозначенных задач накладывалась на позитивное отношение значительного числа граждан стран бывшего СССР на фоне огромного нереализованного миграционного потенциала постсоветского пространства.

Истекло четыре года из отпущенных на реализацию Программы пяти лет. И сейчас можно без сомнения говорить о том, что с точки зрения заявленных в ней целей Программа полностью провалилась. Ни федеральная, ни одна из регио-

нальных программ не были выполнены на сколько-нибудь значимую часть.

Опыт реализации Программы в ряде пилотных регионов в 2007-2008 гг. показал, что планы приема переселенцев оказались явно завышены. В Амурскую область к началу 2009 г. прибыло лишь около 100 участников программы и членов их семей¹, в Иркутскую — 134², в Калининградскую — 4 745³. Иными словами, за третью часть срока действия Программ их количественные показатели были выполнены лишь на 1,6-6,5%! Логично предположить, что начальная фаза реализации программ наименее эффективна, в связи с необходимостью создания и отладки механизмов их реализации. В этом случае последующие этапы выполнения программ должны быть более успешными. Однако данные на начало 2011 г. не сильно изменили картину. На территорию Амурской области прибыло 249 участников программы и членов их семей⁴ (12,2% от запланированного числа на весь период действия региональной программы), в Иркутскую область — 519 человек⁵ (11,5%), в Калининградскую — 9 846 человек⁶ (3,2%).

Общероссийские количественные итоги Программы к концу 2010 г. также малоутешительны. Несмотря на существенное

¹ Трансграничные миграции и принимающее общество: механизмы и практики взаимной адаптации. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2009. С. 100.

² Игнатова Е.И. Классификация методов регулирования миграционных процессов и их особенности в Иркутской области // Миграционная политика в регионах Российской Федерации: законодательство и правоприменительная практика. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2009. С. 85.

³ Емельянова Л.Л., Косс А.В. Региональная миграционная политика в Калининградской области // Миграционная политика в регионах Российской Федерации... С. 116.

⁴ Результаты мониторинга реализации долгосрочной целевой программы «Оказание содействия добровольному переселению в Амурскую область соотечественников, проживающих за рубежом, на 2009-2012 годы» по состоянию на 01.01.2011 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.amurobl.ru/index.php?m=24598&rc=24606&p=51208>, свободный.

⁵ Мониторинг реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, на территориях вселения субъектов Российской Федерации в период 2007-2010 гг. С.17; Официальный сайт Федеральной миграционной службы МВД РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.fms.gov.ru/programs/fmsuds/files/monitoring.pdf>, свободный.

⁶ Там же. С. 16.

увеличение числа регионов – участников Программы (с 11 в 2007 г. до 30 в 2010 г.), общая численность принятых репатриантов составила 31,1 тыс. чел.¹ – менее 0,4 % всех прибывших в Россию мигрантов и чуть более 3,6 % миграционного прироста за 2007-2011 годы. Программа не изменила ни объем, ни структуру миграционного прироста в стране, а значит, ни одна из ее главных задач (преодоление стихийного характера миграции, обеспечение «осознанного выбора соотечественниками места своего будущего проживания и работы») не была выполнена.

В целом реализация Программы показала нереалистичность ее главной цели – изменение негативной демографической динамики и сложной ситуации на рынке труда за счет мощного притока мигрантов, наиболее подходящих с профессиональной и социокультурной точек зрения. Принятия политического решения и реализации комплекса управленческих мероприятий для этого оказалось явно недостаточно. Типичные проблемы переселенцев, присутствующие во всех регионах-участниках, обнаружили **ряд инструментальных и системных проблем в миграционной политике страны.**

Слабая заинтересованность региональной власти в притоке мигрантов. Показательно, что большинство регионов, участвующих в реализации Программы, при формировании системы региональных мер закрепили крайне невысокие (хотя, как оказалось, тоже не реалистичные) количественные показатели их выполнения. Иными словами, региональные власти даже не попытались воспользоваться ресурсами Программы для привлечения мигрантов, что было бы заметно проще, нежели пытаться самостоятельно переломить сложившиеся тренды миграции. Выделяется на общем фоне Калининградская область, правительство которой развернуло активную деятельность по реализации Программы. В результате, число прибывших сюда многократно больше, чем в других регионах (в этот регион прибывает более 40 % всех участников программы по стране). Однако и здесь, несмотря на огромные усилия, затрату значительных средств регионального и федерального

¹ Там же. С. 18.

бюджетов, количественные показатели далеки от запланированных.

Отсутствие интереса бизнеса. Позиция бизнес-структур, являющихся ключевыми акторами на рынке труда, очевидна и абсолютно прагматична. Стремление к минимизации затрат предопределяет ориентацию работодателя на временных трудовых мигрантов, чей труд практически всегда дешевле, нередко — эффективнее, а социальные расходы не сопоставимы с затратами на постоянных работников. «Миграционные» интересы российского бизнеса лежат вне репатриационной плоскости — переселенцы ему просто не выгодны и не нужны. Даже локальный мелкий и средний бизнес оказался прочно втянут в систему использования временных трудовых мигрантов, и в ряде случаев уже сформирована жесткая зависимость от использования их труда.

Общее несовершенство нормативно-правовой базы в отношении мигрантов, прежде всего по вопросам их адаптации. Несмотря на выделение участников Программы в отдельную группу и предоставление им ряда преференций, сохраняются ключевые проблемы адаптации переселенцев (трудоустройство, решение жилищной проблемы). В федеральной, а след за ней — и в региональных Программах акцент поставлен на управленческих решениях по организации собственно процесса переселения и легализации репатриантов в России, но большинство ключевых аспектов адаптационного процесса остались вне поля зрения разработчиков Программ. Фактически, предпринимается попытка прямого административного воздействия на такое сложное социально-экономическое явление, как миграция. Экономические же рычаги, наиболее эффективные для стимулирования миграционных потоков, практически не используются.

В этой связи важно отметить деятельность территориальных органов ФМС. Принятие и реализация государственной Программы по содействию переселению соотечественников, проживающих за рубежом, потребовала от ФМС и ПВС МВД выполнения новых, не свойственных им ранее функций. Столкнувшись с нетипичной для себя задачей, они добросовестно пытаются ее решать, затрачивают массу усилий, време-

ни, средств. Однако фокус их деятельности смещен с конкретных *результатов* на организацию *процесса*, т.е. на выполнение работы, которая не дает запланированных результатов изначально в силу системных ограничений. Процесс реализации Программы становится важнее ее результатов. Это прослеживается в справках о реализации Программы в регионах, в которых среди выполненных мероприятий преобладают процессуальные: разработка памяток для участников, подготовка анкеты для блиц-опроса иностранных граждан, проведение разъяснительной работы, выступления в СМИ и т.д.¹.

Показательна система оценки успешности Программы: наиболее высоко представителями федеральной власти оцениваются те регионы, где максимальные усилия приложены к созданию инфраструктуры, отработке процесса переселения. Даже по результатам наиболее успешной Калининградской области позитивно оценивается апробация механизма процесса реализации Программы, но отнюдь не ее результаты².

Разрыв в уровнях компетенции региональных органов государственной власти и местного самоуправления. Политические и управленческие решения в рамках Программы принимаются на уровне федеральных и региональных органов власти. Однако практическая их реализация (прежде всего в части адаптации переселенцев) оказалось де-факто делегирована органам местного самоуправления, которые прямо называются некоторыми членами Госдумы виновными в провале репатриации³. Муниципалитеты же не имеют для этого ресурсов и полномо-

¹ «О реализации Указа Президента № 637 от 22.06.06 г. «О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» в Иркутской области, 2009 г.

² Показательна оценка реализации Программы, данная главой ФМС К. Ромодановским газете «Коммерсантъ»: «Механизм возвращения соотечественников отработан детально, – заявил «Ъ» глава ФМС. – Требуется только небольшая шлифовка. Поток желающих не иссякает» // Коммерсантъ. 2009. 9 апр. (цит. по: ДемоскопWeekly, №373–374, 13–26 апреля 2009) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2009/0373/gazeta024.php>, свободный.

³ В частности, такая оценка была дана руководителем фракции ЛДПР в Госдуме РФ Игорем Лебедевым (Резчиков А. Особое внимание уделять русской культуре // Взгляд. – Деловая Газета. 2011. 17 янв. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.vz.ru/politics/2011/1/17/461668.html>, свободный).

чий. Достаточно жесткое разграничение компетенции органов государственной власти и местного самоуправления выводит какую-либо политику (в том числе и миграционную) из их сферы ведения. В федеральном законе 131-ФЗ перечень функций и полномочий муниципалитетов определен достаточно жестко, и работы с мигрантами в нем нет. Соответственно мигранты для них как отдельная категория граждан, проживающих на территории муниципального образования, не существуют. Результат очевиден: вопросами адаптации мигрантов на новом месте жительства специально никто не занимается. Органы государственной власти де-факто делегировали эти задачи органам местного самоуправления, для которых работа с мигрантами как отдельной категорией граждан – вне сферы компетенции.

Более того, переселенцы, как объективно социально незащищенная группа, становятся дополнительной обузой. Если раньше у органов местного самоуправления была одна «головная боль» – временные трудовые мигранты и зачастую связанный с ними нелегальный характер миграции, то участие в реализации Программы добавило новую. Это во многом объясняет негативное или, по крайней мере, настороженное отношение органов местного самоуправления к миграционной проблематике. Деятельность вновь созданных муниципальных межведомственных комиссий по миграции (занимающихся, в том числе и реализацией Программы) носит преимущественно формальный, процедурный характер в силу отсутствия соответствующих полномочий и ресурсов.

Помимо прямой дополнительной нагрузки на муниципалитеты и региональные власти, Программа косвенно формирует дополнительную нагрузку на региональные рынки труда. Закономерно, что такое воздействие наиболее сильно в тех регионах, где численность переселенцев, прибывших по Программе, наиболее высока. Из 9,7 тысяч прибывших в Калининградскую область только 53 % трудоустроены¹. Усиление конкуренции на рынке труда становится одним из важнейших

¹ Только 53 % переселенцев, прибывших в Калининградскую область, удалось трудоустроить // Калининград: 04.02.2011 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rugrad.eu/news/414321/>, свободный.

факторов формирования негативного отношения к Программе.

Таким образом, Программа рельефно показала, что ни один актор миграционной политики в РФ, кроме федерального правительства, реально не заинтересован в притоке постоянных мигрантов в регионы страны. Декларируемые новые ориентиры федеральной миграционной политики в части стимулирования иммиграционного притока в страну (прежде всего, через программу переселения соотечественников) наталкиваются на пассивность региональной власти. Геополитические и макроэкономические цели федеральной власти (заселение приграничных территорий, преодоление демографического кризиса и т.д.) для региона остаются абстракцией. Важным интересом региональной властной элиты для принятия этих целей видится возможность получения федеральных ресурсов¹. И в этом контексте неуспех политики привлечения иммигрантов, объясненный «недостаточным федеральным финансированием», иногда даже выгоден региональным властям. Однако более чем трехлетний опыт реализации данной Программы показал, что рассчитывать на сколько-нибудь значимые федеральные ресурсы регионы не могут.

Перечень серьезных проблем в реализации Программы можно продолжить. Весь их комплекс ведет к вопросу о заинтересованных участниках репатриации в Россию. Иными словами, едва ли не главная проблема, вскрытая в результате реализации Программы, заключается в простом, казалось бы, вопросе: *а кому нужны репатрианты?* Кто является главным бенефициарием репатриационной политики, декларируемой государством: федеральное правительство? регионы? бизнес?

Ответ на этот вопрос следовало бы искать в проработанной **идеологии Программы**, однако таковая на сегодняшний момент отсутствует. Нет ясности, кому и для чего нужны предлагаемые

¹ Подобные интересы региональной власти так прокомментированы главой думского комитета по делам СНГ и связям с соотечественниками Алексеем Островским: «Некоторые губернаторы с расчетом на получение значительных средств отправили в правительство заявку на участие в программе. А на самом деле рассчитывают, что переселенцы сами позаботятся о жилье и работе» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2009/0373/gazeta024.php>, свободный.

мероприятия; бенефициарии Программы также не очевидны. Все это не позволило сформулировать стройную систему целей и задач, привлекательных или, по крайней мере, приемлемых для основных акторов миграционной политики. Тесная взаимосвязь этих составляющих репатриационной политики наглядно подтверждается наличием мощного идеологического основания большинства успешных программ репатриации, в том числе и на постсоветском пространстве. Наиболее масштабной и успешной из них с точки зрения количественных результатов является программа репатриации в Казахстан.

Разумеется, наличие идеологического обоснования не может заменить экономических расчетов и учета политической конъюнктуры и не подразумевает априори успешности репатриационных процессов. Но это — обязательное условие для выработки внятных, определенных, инструментально и институционально выстроенных подходов к работе с соотечественниками. Ведь когда не понятно «для кого» и «для чего», сформулировать «как» почти невозможно.

Идеологической неопределенности способствует и размытость самого понятия «соотечественники». Войдя в политический дискурс и административно-управленческую практику, оно обросло огромным количеством коннотаций, стало скорее не термином, но идеологемой, используемой в зависимости от ситуативных потребностей. Отсутствие концептуальной позиции власти не позволяло четко маркировать эту идеологему как позитивную или негативную, что нередко на локальном уровне превращало ее в исключаяющий маркер¹. До сих пор

¹ Отторжение переселенцев («вынужденных мигрантов», «беженцев» и т.п.) как репатриантов в различных регионах России описывалось в публикациях второй половины 1990-х — начала 2000-х гг., в которых оно зафиксировано в обороте «другие русские». См. напр.: История миграций в Россию. // [Электронный ресурс] Сайт Общероссийской общественной организации «Федерация мигрантов России». Режим доступа: <http://www.fmr.su/index.php?name=demograf> свободный; Григоричев К.В. Переселенцы из Центральной Азии на Алтае: новая и прежняя родина глазами «отцов» и «детей» // Диаспоры. 2003. № 2. С.127-141; Кириллова Е. Вынужденные переселенцы в России: оправдались ли надежды // Отечественные записки. 2004. № 4. С. 193-211

вернувшиеся соотечественники воспринимаются принимающим сообществом как «другие русские»¹.

С принятием в 1999 г. закона о соотечественниках была сделана попытка превратить размытую идеологию в правовое понятие, очертив круг лиц, подпадающих под него. Но вряд ли можно оценить эту попытку как успешную, поскольку границы понятия «соотечественники» по-прежнему оставались неопределенными.

Для того, чтобы оно приобрело инструментальный характер, необходима некая определенность в выборе «целевой аудитории», основанная как на внятной формулировке интересов государства, так и на учете готовности этой «аудитории» к самоидентификации в качестве российских «соотечественников за рубежом». Двумя разными по содержанию, но взаимосвязанными по целям шагами в формировании этой определенности нам представляется актуализация на государственном уровне идеи развития Русского мира, с одной стороны, и попытка уточнения понятия «соотечественник» в рамках поправок 2010 г. в закон о соотечественниках – с другой.

Идеи концепта «Русский мир» во многом неопределенны и внутренне противоречивы. Метафоричность концепта, чрезвычайная широта его толкования ведут к появлению совершенно разного понимания географии и структуры этого «воображаемого сообщества». В официальной властной риторике Русский мир предстает скорее как общность культурная (не столько «русская», сколько «российская»). В то же время в формирующемся околоставном дискурсе преобладает вполне примордиалистское его понимание. Так, например, авторы текстов, представленных в рамках проекта «Русский мир» Парламентского клуба РФ², пытаются дать количественную

¹ Мельников Д. Другие русские: вернувшихся соотечественников считают людьми второго сорта // [Электронный ресурс] Вести Live Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=430155>, свободный.

² Данный клуб представляет собой неформальное объединение членов обеих палат Федерального собрания РФ, задачей которого является «содействие контактам депутатов Государственной Думы и членов Совета Федерации России с общественными, деловыми, финансовыми и правительственными кругами страны, с целью достижения наиболее полного взаимопонимания законодательной власти, высших государственных органов и крупного

характеристику этого сообщества, определяя численность «русских» за пределами России на основе анализа генотипов и подобных методах¹. Таким образом, артикулируемая властью идея Русского мира как «трансгосударственного и трансконтинентального сообщества, которое объединено своей причастностью к определенному государству и своей лояльностью к его культуре»², зачастую сводится к подсчетам «этнических русских» (включая украинцев, белорусов и целый ряд «ассимилированных» и «смежных» этнических групп³). Столь разные подходы приводят к кардинальным отличиям в определении группы «соотечественников», которые и составляют основу Русского мира в любом его варианте.

Изменения, внесенные в закон о соотечественниках⁴, призванные конкретизировать, сузить это понятие⁵, тем не менее не привели к появлению четкого определения. Новации в статье 1 («Понятие соотечественника») исключили автоматическое причисление к этой категории всех народов, проживающих в границах бывшего СССР за пределами России. Вместе с тем, наряду с признаками гражданства и подданства, родства по прямой восходящей линии и принадлежности, «как правило», к народам, проживающим на территории Российской Федерации, одним из ключевых критериев для отнесения к соотечественникам закреплен «свободный выбор в пользу ду-

отечественного бизнеса» (Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.parlament-club.ru/s_about.htm, свободный).

¹ Баранов Д.С. Большая русская нация: быть или не быть (Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.parlament-club.ru/articles/10,special,1,198.htm>, свободный).

² Тишков В. Русский мир: смысл и стратегии: докл. для обсуждения на заседании круглого стола 28 мая 2007 г. Фонда «Единство во имя России». (Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.antirasizm.ru/doc/publ_085.doc, свободный).

³ Баранов Д.С. Большая русская нация: быть или не быть. Территориальное единство русской нации (Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.parlament-club.ru/articles/10,special,1,244.htm>, свободный).

⁴ Изменения в Федеральный закон от 24 мая 1999 г. № 99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом».

⁵ Соотечественник – это самоидентификация: интервью директора департамента МИД РФ по работе с соотечественниками за рубежом А. Чепурина радиовещательной компании «Голос России», 21.05.2010. (Электронный ресурс] Режим доступа: <http://rus.ruvr.ru/2010/05/21/8273469.html>, свободный).

ховной, культурной и правовой связи» с Россией¹. То есть речь идет о едва ли не максимально неопределенном и допускающем самое широкое толкование критерии.

Вместе с тем целый ряд нововведений в закон показывает, что при сохранении очень широкого подхода к определению соотечественников российская власть предпринимает попытки постепенно структурировать и институализировать пространство Русского мира. В работе с соотечественниками декларируется переход от гуманитарной помощи к партнерскому взаимодействию, создаются единые страновые координационные советы (в 81 стране мира), передается право документирования статуса соотечественника общественным организациям и т.д. Опора на формируемую структуру позволит продолжить работу по расширению защиты прав соотечественников и вывести ее «на новый уровень»².

В контексте этих процессов Госпрограмма содействия переселению соотечественников, проживающих за рубежом, предстает в существенно ином свете. В системе мер миграционной и демографической политики России она сколько-нибудь эффективным инструментом не является и в силу обозначенных выше причин, наверное, и не может являться. Вместе с тем она выступает важным направлением работы с соотечественниками и Русским миром в целом, важным механизмом формирования отношений с ними. В этом ключе Программа становится не столько инструментом решения конкретных внутренних задач страны (как они обозначены в преамбуле Программы и Указе Президента РФ), сколько инструментом формирования новой системы отношений России с постсоветским пространством и миром. Она вполне укладывается в новую имперскую, державную идеологию «России, поднимающейся с колен» и носит не столько практический, сколько символический характер. В этом ее качестве реальной, количественной реализации Программы и не требуется. Гораздо важнее сам факт ее

¹ Статья 1 Федерального закона от 24 мая 1999 г. № 99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» с изменениями от 23 июля 2010 г.

² Соотечественник – это самоидентификация. Интервью директора департамента МИД РФ...

наличия и функционирования, который становится важнейшим вкладом в реализацию наднационального, даже цивилизационного проекта¹, в наращивание символического капитала России как ядра Русского Мира.

7.2. Казахстанская репатриация: причины, особенности, перспективы

Рассмотрение сюжета этнической репатриации в Казахстане в «чистом» виде вряд ли позволит увидеть суть проблемы, выявить логику репатриантского тренда в обозримом будущем. Тема «оралманы» (репатрианты), по большому счету, не существует сама по себе. Она является частью государственной стратегии, занимая в конструкции определенное, весьма важное место.

Появление и основные направления современной национально-государственной стратегии определены историческим прошлым Казахстана.

В истории населения Казахстана, зафиксированной демографической статистикой, обнаруживается три периода с различным этническим содержанием. В 1897–1959 гг. численность населения росла преимущественно за счет европейских народов (русских, прежде всего), являясь следствием государственной политики. Так, численность русских, украинцев, немцев, татар увеличилась в 8 раз и составила в 1959 г. 60,1 % населения. Русских стало больше в 7,4 раза. На 82,5 % рост населения Казахстана происходил за счет русских. Количество казахов, узбеков, уйгур сократилось в 1,3 раза. В 1959 г. казахов на территории Казахстана проживало в 1,3 раза меньше, чем в конце XIX в., а удельный вес в общей численности населения снизился до 30 %².

Временной отрезок 1959–1989 гг. можно охарактеризовать как «промежуточный», «инерционный». Число европейцев

¹ Зевелев И. «Русский вопрос» после распада СССР // Pro et Contra. 2010. Июль-окт. С. 76–77.

² Алексеенко А.Н. Казахстан в зеркале переписей населения // Население и общество. 2000. № 47; Всесоюзная перепись населения 1926 г., М., 1928. Т.8: Казахская АССР. С. 15–46, 126–153; Всесоюзная перепись населения 1939 г. (ЦГАРФ, Ф. 1562, Оп. 336, Д. 388–402); Всесоюзная перепись населения 1959 г. (ЦГАРФ, Ф. 1568, Оп. 21, Д. 4.).

продолжает расти, но темпы роста азиатских этнических групп намного выше. Увеличивается удельный вес казахов в составе населения. Тем не менее к концу советского периода (перепись населения 1989 г.) удельный вес «европейской» группы был выше, чем «азиатской» (51,1 % против 42,8 %)¹. Главное же, не прекращался процесс русификации, существенно сократилось количество школ с казахским языком обучения, наблюдались определенные этнические диспропорции в кадровых вопросах.

Третий, суверенный, период (1989-2009 гг.) ликвидирует этнодемографические последствия первых двух этапов. За 20 лет численность «европейской» группы уменьшилась почти в два раза, «азиатской» – увеличилась в полтора раза. В 2009 г. удельный вес «азиатской» группы достиг 67,4 %, «европейской» – 28,2 %². В конце XX–начале XXI в. казахи стали абсолютным большинством населения в Казахстане.

Итак, для Казахстана стратегически важным являлся факт ликвидации этнодемографических диспропорций, доставшихся суверенному государству от прежних времен. К настоящему времени этнодемографическая ситуация кардинально отличается от «предсуверенной». Тем не менее основные направления национально-государственной стратегии остаются прежними. Ведется целенаправленная политика, рассчитанная на долгие годы.

Ведущим компонентом в решении как демографических (увеличение общей численности населения), так и этнодемографических (увеличение численности и удельного веса в составе населения казахов) задач, является **государственная иммиграционная политика, посвященная возвращению на историческую родину этнических казахов**, предки которых в разное время покинули страну. Таковых, по оценкам казахстанских демографов, насчитывается около 4–4,5 миллионов. Больше всего казахов проживает в Китае (около 1,5 млн), Узбекистане (более 1 млн), России (около 1 млн). Статистически именно

¹ Статистический сборник по отдельным показателям всеобщих переписей населения 1939, 1959, 1970, 1979, 1989 гг. Алма-Ата, 1991. С. 7-70.

² Национальный состав населения РК. Алматы, 2000. Т. 1: Итоги переписи населения 1999 г. в РК. С. 6-8; Аргументы и факты Казахстан. 2010. №6.

эти государства могут быть основными миграционными донорами Казахстана.

Основные движущие факторы политики поощрения этнической реэмиграции политические лидеры и общественные деятели Казахстана обозначили так: *«Для увеличения численности населения Республика обратилась с призывом к соотечественникам за рубежом, разбросанным по всему земному шару, чтобы они возвращались на историческую родину... В целом для Казахстана главной, думается, является демографическая проблема, которая непосредственно влияет на независимость и безопасность республики»* (Айтаханов К., депутат Сената парламента РК)¹; *«Этническая репатриация представляет интерес для Казахстана по целому ряду причин, основная – это стабилизация демографической ситуации, восполнение миграционных потерь»* (Мусин А., спикер Мажилиса Парламента РК)²; *«Как свидетельствуют результаты последней переписи, мы не просто восстановили численность населения, фиксировавшуюся до обретения независимости, но и значительно ее нарастили. Это яркое подтверждение того, что к 20-летию независимости мы построили состоявшееся государство, которое признано и уважаемо в мире»* (Саудабаев К., государственный секретарь, министр иностранных дел РК)³.

В результате социально-экономической стабилизации в Казахстане в последние годы сюда устремилось значительное число трудовых мигрантов, в первую очередь из центральноазиатских стран. К 2009 г. Казахстан вошел в первую десятку стран мира по уровню иностранной миграции. Это еще более актуализировало проблему репатриации этнических казахов: *«Значительный приток иностранцев стал влиять на этнодемографическую структуру населения, социокультурную среду, религиозную ситуацию. Этот процесс представляет определен- ный риск, так как если его не контролировать и не регулировать должным образом, количество иноэтнических мигрантов может достичь критических для внутривнутриполитической стабильности величин. При этом нужно четко разграничивать миграцию эт-*

¹ Казахстанская правда. 2007. 19 мая.

² Там же. 2008. 18 марта.

³ Там же. 2010. 13 марта.

нически и культурно близких народов и миграцию народов, чуждых нашему этнокультурному ареалу»¹.

Итак, анализ высказываний представителей политического, национально-культурного истеблишмента позволяет прийти к выводу, что основной целью иммиграционной политики является решение этнодемографических проблем (ликвидация этнодемографических диспропорций, стабилизация демографической ситуации в целом) и вопросов национальной безопасности. Кроме того, речь идет о восстановлении исторической справедливости (возвращение потомков тех, кто когда-то был вынужден покинуть страну) и заселении пустующих территорий.

Для того, чтобы не только принять соотечественников, но и подготовить для них «достойный старт», в рамках государственной программы поощрения этнической реэмиграции разработан статус оралмана, предусматривающий следующие меры:

- помощь в трудоустройстве, повышении квалификации и освоении новой профессии;
- создание условий для изучения казахского языка и, по желанию, русского;
- отсрочка от службы в рядах вооруженных сил;
- квота для поступления в средние и высшие учебные заведения;
- места в школах, дошкольных учреждениях;
- пенсии; пособия по инвалидности, по случаю потери кормильца и по возрасту;
- право на государственные социальные пособия;
- восстановление в гражданстве;
- право на компенсацию как жертвам массовых политических репрессий;
- гарантированный объем бесплатной медицинской помощи;
- государственная адресная социальная помощь;
- предоставление земли под строительство жилья и участков для полеводства;
- кредит под 4 % годовых на 16 лет;

¹ Там же. 26 февр.

- выделение из государственных средств 833 тысячи тенге (5,7 тыс. долларов США по курсу 2010 г.) на семью, в среднем состоящую из 5 человек, для аренды или покупки жилья, проезда и провоза имущества¹.

По поводу того, сколько же человек вернулось в Казахстан, воспользовавшись госпрограммой, существует значительный разброс мнений. «Казахстанская правда» от 23.06.2010 г. сообщила: *«Всего с момента обретения суверенитета Казахстан принял 600 тысяч соотечественников, причем подавляющую часть – в последние годы»*². Полугодом ранее это же издание информировало, что *«начиная с 1991 года наша республика приняла более 706 тысяч этнических казахов»*³. «Деловая неделя» от 4.09.2009 г. писала: *«Реально за последние 10 лет в страну пришло 1 120 000 – 1 130 000 оралманов»*⁴.

Затрагивает эту проблему и президент Республики Казахстан: *«Все годы независимости, несмотря на трудности, ...мы делаем все возможное, чтобы собрать своих соотечественников, которые разбросаны по всему миру. Благодаря этому свыше одного миллиона наших братьев вернулись на родину»*⁵. Чуть более чем через месяц президент оценил численность оралманов несколько по-иному: *«Когда мы обрели независимость, казахское население в стране составляло 42 процента от общего числа, сейчас цифра достигла 65. За эти годы около одного миллиона наших сородичей вернулись на историческую родину, получив поддержку от государства»*⁶.

Итак, точное количество оралманов в Казахстане неизвестно, по всей видимости, никому. Вполне вероятно, что оценки скоро будут даваться в таких формулировках – «около миллиона», «более миллиона», «приближается к полутора миллионам» и т.п. Главное в ином: невыявленное количество оралманов предоставляет простор для статистического «творчества» в определении этнического состава населения РК.

¹ Казахстанская правда. 2008. 11 дек.; 2009. 3 нояб.

² Там же. 2010. 23 июня.

³ Там же. 2009. 3 нояб.

⁴ Деловая неделя. 2009. 4 сент.

⁵ Казахстанская правда. 2009. 14 нояб.

⁶ Там же. 25 дек.

Приоритет количественного фактора оставляет в тени **ряд проблем, вызываемых прибытием все большего числа репатриантов**. Особенность ситуации состоит в том, что выразителем сути этих проблем является население Казахстана, и, что немаловажно, в первую очередь казахское население. Государственная риторика ограничивается, в основном, патриотическим вариантом освещения темы «репатрианты». Какие-либо негативные характеристики качественного состава оралманов, их отношений с местным населением и т.п. в государственных СМИ встречаются крайне редко. Довольно четко наблюдается государственный тренд развития темы – население Республики Казахстан должно объединиться вокруг казахского культурного ядра, казахи – основа государственности. Вследствие этого количественный фактор имеет огромное значение, особенно на фоне демографических катастроф казахов в XX в. Основным источником этнического пополнения является иммиграция.

Учитывая активную идеологическую, социальную, материальную помощь государства репатриантам, можно говорить о том, что в Казахстане необходимо в перспективе учитывать не только реакцию принимающего общества, но и мнение оралманов, весьма конъюнктурно чувствующих государственную линию.

Большое значение в становлении подобного «самоутверждения» имеет география выхода репатриантов – подавляющее большинство прибывает из Узбекистана, Китая, Монголии. Качественный уровень (образовательный, профессиональный) иммигрантов из этих регионов, в силу объективных причин, зачастую намного ниже уровня местного населения. Но репатрианты чувствуют себя в большей мере «настоящими» казахами, чем «русифицированные» местные (в первую очередь это касается северо-восточных регионов РК). Оралманы сохранили, «законсервировали» обычаи, традиции казахского народа, лучше знают родной язык. Ощущения «самости», «истинности» часто перевешивают факт образовательного, социально-экономического отставания, что и является основанием весьма независимой риторики. Все это вызывает опре-

деленное раздражение местного населения, неприятие некоторой его частью оралманов.

Отношение принимающего общества к репатриантам является одной из важных проблем, вызываемых иммиграцией. Русские (и не казахи в целом) в массе своей относятся к теме «оралманы» индифферентно. Казахи же принимают ее близко к сердцу, активно и эмоционально обсуждают. При этом диапазон мнений чрезвычайно велик. Вследствие этого автором были опрошены в основном представители казахского населения сел и городов, как Восточно-Казахстанской области, так и других регионов Республики Казахстан.

Большинство респондентов нелицеприятно отзывались об оралманах, приводя конкретные бытовые примеры столкновений «аборигенов» с приезжими. Тем не менее было заметно, что фоном воспроизведенных локальных конфликтных ситуаций является мнение местного населения о привилегированном положении репатриантов, что считается несправедливым, неправильным. Вот лишь несколько из многочисленных примеров:

«Да, наши ребята обижаются на оралманов. Им все можно. Сено косят, где хотят, на тракторных тележках ездят по селу. И полиция ничего им сделать не может — запретили! А наших — сразу штрафуют...» (Виктор, с. Предгорное, Восточно-Казахстанская область).

«Вот строят дома для оралманов. Магазин, аптеку тоже строят. Мы тут всю жизнь живем, аптеки не было — в город ездили. А им — сразу все. За что? Может, мне уехать из Казахстана куда-нибудь, а потом вернуться? Тогда все проблемы и решатся» (Адилбек, п. Новоявленка, Усть-Каменогорский район).

«Местные студенты-казахи не любят оралманов — «Почему мы должны платить за свое обучение, а оралманы не должны?» (Баян, магистрант, Усть-Каменогорск).

Чтобы представления о репатриантах не ограничивались бытовыми примерами, автор опирался также на мнения экспертов, способных посмотреть на проблему «сверху». Роль бытового, субъективного фактора в их суждениях гораздо меньше хотя бы в силу того, что в социальных нишах, где они находятся, оралманов фактически нет. Они также обращали внимание

на проблему привилегированного положения оралманов («Государство «ввело» оралман в какой-то особый ранг») и видели в этом основной источник раздражения и негативного отношения к ним со стороны местных казахов.

По мнению большинства опрошенных, поток репатриантов был бы намного меньше, не будь материальной поддержки и социально-экономических льгот. Такие выводы существенно подрывают постулат о приоритете патриотических убеждений в среде оралманов, их мечте вернуться на историческую родину. На самом деле, судя по странам-донорам, наиболее патриотичны казахи, проживавшие в Узбекистане, Китае, Монголии (более 90 % иммигрантов). Гораздо меньшими патриотами являются казахи России. И уж совсем это чувство неведомо казахам из Западной Европы, Северной Америки и других высокоразвитых стран.

Практически все эксперты указывают на различия между местными и приезжими казахами и в качестве основного отличия оралманов называют их традиционность (язык, обычаи, традиции, менталитет и т.д.). При этом многие отмечают сильное влияние на репатриантов культуры страны выхода.

Говоря в целом об отношении местного населения к оралманам, одни эксперты высказывались более оптимистично, другие – менее. При этом однозначных, отрицательных или положительных мнений было немного. В комбинированных же вариантах чаще присутствовало сочетание «безразлично-отрицательное». Многое объясняет точка зрения, высказанная одним из экспертов: *«Местное население относится к оралманам нейтрально или никак, если это не затрагивает их личные интересы»*. Следует понимать, что если личные интересы будут затронуты, отношения из нейтральных превратятся в отрицательные.

Образ оралмана в сегодняшнем Казахстане формируетсЯ как бы в двух уровнях. С одной стороны, государственные структуры через СМИ создают портрет человека, который, несмотря ни на какие трудности, вернулся в Казахстан ради возможности принести пользу родине. С другой стороны, видны определенные негативные стереотипы, которые складываются

у населения Казахстана при всем многообразии точек зрения (многие придерживаются и государственной линии):¹

- репатрианты — потомки предателей исторической родины, покинувших ее в сложные времена. На оралманов нельзя положиться, так как в случае появления проблем они вновь могут покинуть Казахстан в поисках лучшей жизни;

- оралманы — иждивенцы, прибывающие в Казахстан в основном из-за пособий, материальной поддержки государства. В ином случае большинство переселенцев просто бы не приехало. Оралманам достается то, что государство должно было предоставить местным казахам. У местных гораздо меньше прав, чем у репатриантов;

- оралманы — не «настоящие» казахи, так как в их языке, культуре, менталитете неизгладимо отразилось влияние стран выхода. Отметим, что репатрианты данный упрек адресуют, в свою очередь, местным казахам («русифицированные»);

- у большинства оралманов — низкий образовательный, профессиональный уровень. С точки зрения модернизационного развития, они немного могут дать Казахстану.

Но наряду с этим стереотипом параллельно существует и иной — репатрианты более работоспособны, предприимчивы, чем местные казахи. Очень скоро их материальный уровень и социальный статус будут выше, чем у местного населения;

- оралманы плохо интегрируются в казахстанскую действительность, предпочитая жить компактно, общаясь, в основном, только друг с другом.

Этот набор стереотипов отражает в целом представления казахского населения Казахстана. В одних регионах более распространены одни штампы, в других — иные. Многое зависит от географии выхода репатриантов. Например, штамп «предатели родины» уготовлен для казахов, возвращающихся из «дальнего зарубежья» (Китая и Монголии в первую очередь). На репатриантов из республик бывшего СССР он практически не распространяется.

¹ Для выявления наиболее распространенных стереотипов автором были проведены беседы с представителями различных слоев населения РК. Свое видение ситуации представили также эксперты, занимающиеся данной проблемой.

Роль СМИ в распространении мигрантофобии очень невелика. Штампы/стереотипы создаются населением самостоятельно, без их влияния. Соответственно СМИ (в первую очередь официальные) данные штампы не тиражируют.

Поддерживаемый государством иммиграционный поток, традиции многодетности, молодая возрастная структура репатриантов¹ позволяют говорить о том, что в перспективе их роль в Республике Казахстан (во всяком случае – количественная) существенно повысится. В случае сохранения основных факторов, формирующих в настоящее время отношение местного населения к оралманам, проблема мигрантофобии может стать одной из важных во внутреннем развитии страны.

7.3. Шэнэхэнские буряты в контексте «национального возрождения»

Шэнэхэнские буряты – не очень многочисленная локальная группа, долгие годы замкнуто жившая «на окраине цивилизации», появилась как результат социальных катаклизмов начала XX в.. Гонимые Гражданской войной и социалистическими преобразованиями в России/СССР, несколько тысяч бурят откочевали в область Барги Внутренней Монголии Китая и компактно осели в районе реки Шэнэхэн. Жизнь в эмиграции привела к «закукливанию» группы и консервации многих ее социокультурных характеристик.

Судьба шэнэхэнских бурят привлекает большой и постоянно растущий интерес – как научный, так и общественный. Это замечательное исследовательское поле для представителей почти всех гуманитарных дисциплин – от лингвистов до политологов². В данном случае нам хотелось бы рассмотреть

¹ 41% оралманов находится в возрасте до 18 лет (Казахстанская правда. 2009. 3 нояб.).

² Локальные особенности бурятской этнической общины Внутренней Монголии Китайской Народной Республики: Материалы 1-й науч. экспедиции НГИ. 2004 г. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2005; *Бороноева Д.Ц., Номогоева В.В., Халанова Г.Б.* Бурятские диаспоры: пути исследования // Вестн. Бурятского ун-та. История. Сер. 4. Вып. 11. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2006. С. 34–40; *Бороноева Д.Ц.* Динамика пространственно-временной локализации бурят Внутренней Монголии КНР (историко-культурологический анализ) / рук. канд. дис. по спец-ти 24.00.02 – Историческая культуроло-

это этнолокальное сообщество с точки зрения изучения «проектов национального возрождения», важной частью которых стала идея «собираания соотечественников». Идеологический и политический концепт «собираания нации» широко распространился на постсоветском пространстве. В качестве носителя «идеальной», аутентичной национальной идентичности диаспоральные группы выступают излюбленным объектом выстраивания идеологических и политических конструкторов.

Работа базируется как на опубликованных исследовательских работах, так и на комплексе разнообразных источников – материалах полевых исследований среди бурят Шэнэхэна 2004 и 2007 гг., серии неформальных интервью с шэнэхэнскими бурятами в Бурятии 1997-1998, 2006-2008 гг., документах и текстах деятелей «национально-культурного возрождения» Бурятии, материалах масс-медиа.

С конца 1980-х гг. в Бурятии, как и в других национальных регионах России, бурно шли процессы, часто называемые «национально-культурным возрождением». Несомненными приоритетами для национальной элиты стали задачи осмысления итогов этнонационального развития в советскую эпоху, формулирования ориентиров и целей на будущее. Чередой шли собрания, конгрессы, создавались исследовательские и публицистические тексты, принимались резолюции и официальные документы, формировались партии и движения. Обсуждались проблемы родного языка, культуры, конструировались новые версии национальной истории. Дискуссии о сохранении, возрождении, развитии национальной культуры органично переходили в обсуждение вопросов государственности, характера власти. Говоря современным языком, формировался проект нациестроительства¹.

логия. Улан-Удэ, 1999; *Бороноева Д.Ц.* Буряты Внутренней Монголии КНР: к проблеме взаимосвязи внутрикультурных парадигм // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. Т. 1. Археология. Этнология: Материалы междунар. науч. конф. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. С. 297–301.

¹ Подробнее см.: *Строганова Е.А.* Бурятское национально-культурное возрождение (конец 80-х – середина 90-х годов XX века, Республика Бурятия). М.; Иркутск: Наталис, 2001; Бурятская этничность в контексте социокультурной модернизации (постсоветский период) / отв. ред. Т.Д. Скрынникова. Иркутск: Радиан, 2005; *Балдано М.Н.* Панмонголизм: идея государственного объединения монгольской историко-культурной общности как

В Бурятии в его основе лежало несколько «краеугольных камней». Прежде всего, это проблема суверенитета нации (причем чаще в этническом, а не гражданском понимании), неразрывно связанная со статусом государственности Бурятии и/или государственным статусом бурятского народа. Среди части приверженцев «этнонации» были сильны представления о том, что она не может и не должна ограничиваться рамками существующих государственных границ. Нация воспринималась как естественный, органичный и необходимый результат многовекового формирования и развития на гигантских просторах центра Азии феномена, который называют «монголоязычными народами», «монгольскими народами». Отсюда логично вытекала идея о необходимости государственного объединения монголоязычных народов, которая существовала в разных версиях — от «Бурятии в границах 1937 года» до государственного единства *всей* монгольской историко-культурной общности.

Отсюда и то значение, которое придавалось концептам «Бурят-Монголия» и «бурят-монголы». Речь шла не просто об академической дискуссии. *«Начиная с конца 1980-х... перед соответствующими инстанциями властных структур ставился вопрос о возвращении республике прежнего наименования “Бурят-Монголия”. Однако он до сих пор положительно не решен. Требование бурятской общественности вернуть прежние название народу и республике висит в воздухе. Поддержанное Советом Министров Бурятии предложение о восстановлении традиционного названия, к нашему стыду, было провалено депутатами Верховного Совета республики»¹.*

Как считает П. Варнавский, «...введение данного этнонима предназначалось для более веского обоснования права бурятского народа на собственную государственность. И особую

инструмент нациестроительства // Стабильность и конфликт в российском приграничье. Этнополитические процессы в Сибири и на Кавказе / отв. ред. В.И. Дятлов, С.В. Рязанцев. М.: Науч.-образовательный форум по междунар. отношениям, 2005. С. 228–244; *Елаев А.А.* Бурятский народ: становление, развитие, самоопределение. М., 2000; *Хамутаев В.А.* Бурятское национальное движение. 1980–2000-е гг. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005.

¹ Вернуть название «Бурят-Монголия» / сост. д-р ист. наук Ш.Б. Чимитдоржиев. Улан-Удэ, 1998. С. 4.

значимость он приобретал, когда речь заходила о возможности политической консолидации бурятского и монгольского народов. Таким образом, появление термина «бурят-монголы» в лексике бурятского национализма отчасти свидетельствовало о том, что «национально-культурное возрождение» уже не ограничивается исключительно этнокультурной проблематикой и вторгается в область политики»¹.

С описанными веяниями органически связан концепт признания бурят «репрессированным народом» в качестве юридического и морально-политического обоснования для изменения статуса государственности и расширения прав этнонации. Требование придать бурятскому языку статус государственного выступает в таком контексте как вопрос о власти. Именно в этом ряду стоит и «вопрос о возвращении на историческую родину желающих бурят Шэнэхэна»². В итоговом документе I Общебурятского хурала (важнейшего для своего времени общественно-политического мероприятия, состоявшегося в 1992 г.) проблема шэнэхэнских бурят рассматривалась в контексте задачи «реабилитации репрессированного бурятского народа». Предлагалось создать Фонд возвращения бурят-беженцев, определить размеры компенсации, содействовать размещению, создать специальную миграционную службу для содействия возвращению³.

Мотивация такого внимания четко и подробно обоснована в статьях и политических заявлениях одного из основателей и руководителей Бурят-Монгольской народной партии и Движения национального единства «Нэгэдэл» В.А. Хамутаева⁴. Тут мы вынуждены прибегнуть к обширному цитированию. «Осколки всех наций едут домой. Евреи через 2 тысячи лет возвращаются на историческую родину, немцы России через

¹ Варнавский П. Идея единства монгольского мира в националистическом дискурсе бурят // Евразийское пространство глазами молодых, или новое поколение о... / Альманах Школы молодого автора. М.: Наталис, 2002. С. 62.

² Нимаев Р.Д. Делегат от Конгресса бурятского народа: выступление // Материалы II съезда народов Бурятии. Улан-Удэ, 2001. С. 126.

³ Там же.

⁴ Будучи профессиональным историком, он впоследствии собрал и опубликовал их отдельной книгой: Хамутаев В.А. Бурят-монгольский вопрос: история, право, политика. Ч. 1–2. Улан-Удэ, 2000.

200 лет возвращаются в Германию. Казахи Китая и Монголии едут на родину, на которой они никогда не жили. Правительство Назарбаева приняло программу возвращения казахов в генофонд нации, по которой предусмотрены меры по стимулированию возвращения на историческую родину, наделение земель реэмигрантов, обустройство их компактными деревнями со своим укладом жизни... Слабые нации, не сумевшие сгруппироваться внутри себя на собственных этнонациональных ценностях и интересах, растворяются в других...» «Казахстан самым серьезным образом... подходит к реэмиграции казахов на историческую родину, учитывая неблагоприятную демографическую ситуацию и задачи ускоренного развития национальной государственности... Балтийские государства также постоянно и планомерно занимаются возвращением соплеменников в лоно их небольших наций... И бурятскому народу необходимо планомерно и последовательно, учитывая богатый опыт других энергично развивающихся народов, работать над собственным возрождением, консолидацией, ростом. И в этом благородном деле организатором возрождения народа, его государственности и пассионарности должен выступить Конгресс бурятского народа – представительный орган этноса».

Комментариев здесь практически не требуется. Возвращение рассматривается не как гуманитарная, а как политическая проблема. Это часть задачи «собирая нации», путь к ее консолидации, сохранению и развитию ее «генофонда». Репатриация выступает здесь как инструмент нациестроительства.

Поэтому так важно, что шэнэхэнские буряты «ведут традиционное хозяйство, учатся, поют, танцуют, играют свадьбы. Подчеркнем, что они сохранили все родное, бурятское: сознание, язык, игры, традиции, одежду, обряды, старомонгольскую письменность, «табан хушун» – традиционное животноводство и т.д... Необходимо выделение земли для индивидуального строительства и компактного – в одной местности – расселения шэнэхэнских репатриантов с целью сохранения сложившегося мироустройства, порядка, традиций, быта, форм хозяйствования, ведения «табан хушун», огородничества. Сохранение устоявшегося традиционного уклада жизни

уникальной этнокультурной группы отвечает интересам всего этноса». Отсюда такое негодование по поводу адаптации репатриантов и их детей: «В Республику прибывают буряты из Китая, их дети, знающие только родной язык, вынуждены постигать чужую культуру, язык, мораль, манеру громко выражать эмоции, потому что их раскидывают по разным школам. С каждым днем они теряют все свое родное, этническое, тысячелетиями выработанные национальные качества, манеры, поведение, все больше превращаясь в шумных, визгливых советских манкуртов»¹.

Совершенно не случайны здесь постоянные отсылки к программе репатриации соотечественников—оралманов в Казахстане, призванной изменить параметры этнодемографической структуры в стране, решить проблемы выстраивания нации-государства². То есть опять же, на первый план выходят задачи не культурного, гуманитарного, а политического характера.

Все это совершенно не означает, что тема шэнэхэнских бурят была монополизирована дискурсом нациестроительства. Возможно, этот сюжет потому и стал играть такую роль в политико-идеологической практике, что опирался на вполне искренний и бескорыстный общественный интерес. Многим людям было просто интересно, как жили и живут «наши» в чужой стране. На этот интерес охотно откликнулись СМИ, которые, как нам кажется, уловили и природу такого интереса. Достаточно посмотреть на заголовки статей: «Русские буряты в Китае. Шэнэхэн — заповедный уголок бурятского духа и культуры», «Китайские буряты возвращаются на родину. Они совсем не говорят по-русски и живут так, как жили 100 лет назад», «Урга — территория вернувшихся на родину. Семья известной певицы Бадма-Ханды Аюшеевой, приехавшая из Шэнэхэна, сейчас осваивает Тугнуйскую долину»³.

¹ Хамутаев В.А. Указ. соч. Ч. 1. С. 177; Ч. 2. С. 20, 24–25, 99.

² Закон Республики Казахстан от 13 декабря 1997 года № 204-І «О миграции населения»; Садовская Е.Ю. Миграция в Казахстане на рубеже XXI века: Основные тенденции и перспективы. Алматы, 2001. С. 108–124.

³ Информ-Полис. 2004. 4 июля; 2005. 7 сент.; Номер один. 2004. 2 июня.

Вот очень характерная цитата из одной газетной публикации о шэнэхэнских бурятах: «Они совсем не говорят по-русски и живут так, как жили 100 лет назад. Их стороной прошла коллективизация, индустриализация и Вторая мировая война. Не было для них ни первомайских демонстраций эпохи застоя, ни перестроечных карточек-талонов. А была жизнь согласно многовековым бурятским традициям в тяжелом ежедневном труде на благо своей семьи. Историческая память потомков бурятских иммигрантов не замусорена переменами последних десятилетий. Шэнэхэнские буряты, колонизировавшие в начале 20-го века незанятые земли Внутренней Монголии, сумели приумножить спасенное от большевиков богатство и сохранить свою культуру в том виде, в каком она была более ста лет назад. Некоторые из них, преодолевая бюрократические препоны, начали возвращаться на землю предков»¹.

Возможно, это чем-то напоминает огромный, можно даже сказать экзальтированный, интерес к российской послереволюционной эмиграции вообще. В нее, как в «иное свое», вглядывались, чтобы понять себя, увидеть «овеществленное несбывшееся» — другую жизнь, «другую Россию», которую миновали, которой лишились из-за сделанного когда-то выбора. Пожалуй, наиболее остро это ощущение было передано Василием Аксеновым в его «Острове Крым». Наверное, неслучайно, что трагические судьбы столь же многочисленной послевоенной эмиграции особого интереса в нашем обществе никогда не вызывали.

Власти не смогли остаться в стороне от этой проблемы, тем более, что их интерес к ней позволял демонстрировать готовность к диалогу с общественностью и внимание к ее этническим запросам, не раздражая при этом федеральный центр и собственных противников «бурятского национализма». Кроме того, это был хороший повод для налаживания рабочих контактов с властями приграничных китайских провинций, для ведения повышающей статус активной внешнеполитической деятельности. Требовалось только перевести проблему из опасной этнополитической сферы в область гуманитарную и культурную. Что и было сделано в «Концепции государствен-

¹ Номер один. 2004. 2 июня.

ной национальной политики Республики Бурятия» (1997), которая следующим образом определяет «деятельность за пределами Бурятии»¹:

- помощь и поддержка выходцам из Бурятии, проживающим в других регионах России, государствах СНГ и дальнем зарубежье;

- заключение межправительственных договоров с Монголией и Автономным районом Внутренняя Монголия КНР о культурном и экономическом сотрудничестве;

- поддержка общественных национально-культурных объединений бурятской диаспоры и выходцев из Республики Бурятия в различных регионах России, дальнем и ближнем зарубежье, в их деятельности по удовлетворению национально-культурных запросов, сохранению и развитию родного языка, национальных традиций, укреплению связей с Бурятией.

Для реализации этого направления государственной политики Внутреннюю Монголию с официальными визитами посетили Председатель Президиума Верховного Совета Бурятской АССР С. Булдаев (1989), председатель Совета Министров БурССР В. Саганов (1991). В 1990 и 1991 гг. с ответными визитами в Улан-Удэ побывали правительственные делегации Внутренней Монголии. В рамках развития торгово-экономического сотрудничества и налаживания дружеских связей обсуждалась также возможность возвращения шэнэ-хэнских бурят на историческую родину². Есть сведения, что в начале 1990-х гг. между правительствами Внутренней Монголии и Бурятии было подписано соглашение, по которому приехало около 300 человек³.

Первым репатриантам помогли в оформлении видов на жительство, трудоустройстве и получении временного жилья; к решению этих задач подключились Всебурятская ассоциация

¹ Концепция государственной национальной политики Республики Бурятия. Одобрена Постановлением Правительства Республики Бурятия 29.09.1997. – № 336 // Байкальский регион: правовое поле этнополитической ситуации (1992–2001). М.; Иркутск: Наталис, 2002. С. 90–102.

² *Елаев А.А.* Указ. соч. С. 278–279.

³ ТРК «Ариг Ус», 2007, 1 марта [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.arigus-tv.ru/index.php>, свободный.

развития культуры, руководство Бурятского государственного университета, Бурятской государственной сельскохозяйственной академии и сельскохозяйственного лицея. Были выделены квоты для обучения их детей. Но республиканские власти не смогли сделать главного — оказать реальную помощь в получении российского гражданства.

Вот как описывает ситуацию одна из телерадиокомпаний Бурятии. «К 2007 г. российские паспорта сумело получить не более 10 % репатриантов. По оценке начальника отдела по вопросам гражданства ФМС, шэнэхэнским бурятам не сложно выполнить условия о непрерывном пятилетнем проживании в РФ по виду на жительство, об отказе от гражданства КНР и об обладании законным источником средств к существованию. Главная проблема — владение русским языком и получение соответствующего сертификата. В БГУ и БГСХА есть специальные платные курсы, но, как отмечает представитель шэнэхэнского землячества Цырен Дамбиев, «молодежь, которая учится, конечно, без проблем изучает язык. А людям старшего возраста, которым за 40, им труднее освоить язык»¹. Респонденты старших возрастов пытаются быть объективными в оценках, они говорят, что им самим не хватает настойчивости, а программа обучения слишком сложна. Многие, заплатив от 500 до 700 долларов, бросают курсы, овладев языковым минимумом для ведения своего бизнеса. Некоторые интересуются, нельзя ли им сдать экзамен по бурятскому языку.

Не стала Бурятия участвовать и в программе по возвращению соотечественников. Александр Елаев, первый заместитель Председателя Комитета по межнациональным отношениям Администрации Президента Бурятии, отметил: *«Переселяющиеся к нам соотечественники — это конкуренты наших людей. То есть здесь — тоже конфликт интересов. И мы должны учитывать, прежде всего, интересы граждан России. Кроме федеральных средств понадобятся республиканские средства на обустройство этих переселенцев. Это предоставление жилья,*

¹ Там же.

предоставление работы. А с этим могут быть проблемы, и люди окажутся в подвешенном состоянии»¹.

Интенсивные поначалу усилия в этом направлении сменились осуществлением рутинных бюрократических процедур. Заключенные в последние годы договоры и соглашения между правительствами Внутренней Монголии и Бурятии не затрагивают проблемы возвращения шэнэхэнских бурят. В целом репатрианты оказались практически предоставленными самим себе. Окончилась «эпоха национально-культурного возрождения» 1990-х гг., у политиков и чиновников появилось много новых проблем и забот, угас общественный интерес. Жизнь шэнэхэнских бурят и возможность их возвращения перестали быть политически актуальной темой. Репатриация стала делом их индивидуального выбора и частных усилий представителей принимающего общества.

7.4. Возвращение на родину: опыт интеграции латиноамериканской старообрядческой общины в Приморье

Весной 2009 г. произошло необычное для Приморья событие: четыре семьи старообрядцев в количестве 25 человек переселились из Латинской Америки в таежное село Дерсу Красноармейского района Приморского края, которое более полутора веков назад основали их предки. Приехавшие были представителями двух русских родов, проживавших на протяжении последних десятилетий в Уругвае, Бразилии и Боливии и занимавшихся там сельским хозяйством.

¹ По сообщению Забайкальского Информационного Агентства (21 февраля 2007 г.), шэнэхэнские буряты пожелали воспользоваться государственной поддержкой при переезде в Бурятию. Создана комиссия по разработке республиканской программы по оказанию содействия добровольному переселению в РФ соотечественников, проживающих за рубежом. Чтобы защитить жителей республики от конкуренции на рынке труда, решено отправлять переселенцев на место жительства в сельскую местность. Оттуда идет отток населения в города, там имеются пустующие земли. Программа должна была заработать к концу апреля 2007 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://zabinfo.ru/modules.php?op=modload&name=News&file=article&sid=29362>, свободный.

Старообрядческая община Приморья практически полностью исчезла в 30-х гг. XX в., после того как в результате коллективизации оказалась вне рамок господствующих социально-экономических отношений¹. И вот спустя почти столетие несколько семей потомков тех дальневосточных старообрядцев вернулись на историческую родину. Общественность региона, а также местные и федеральные СМИ вдруг разом осознали, что произошло нечто такое, что заслуживает самого пристального внимания. С тех пор прошло полтора года, шум вокруг новоселов стих, а они по-прежнему здесь – самым фактом существования идя наперекор нерадостной тенденции оттока населения² с российского Дальнего Востока.

Несмотря на всю позитивность и знаковость события, нас в данном случае интересует не столько это нетривиальное решение о переезде, сколько порожденные им проблемы. Среди них – формирование новой культурной идентичности; взаимная адаптация староверов и старожилов; поиск путей взаимодействия с местной и региональной властью.

При подготовке данного раздела были использованы исследовательские работы по старообрядчеству, публикации в российских СМИ (2009–2010 гг.), а также материалы полевого исследования, проведенного автором в рассматриваемой общине в 2010 г.

Покидая в 1930-х гг. обжитые места, староверы не думали, что уходят из Приморья в Китай надолго. Они намеревались вернуться домой в ближайшие десятилетия, а потому старались осесть в относительной близости от прежних поселений³. Однако с установлением в Китае коммунистического режима их пребывание здесь стало невозможным, прежде всего, из-за

¹ Зеньковский С. А. Русское старообрядчество: в 2 т. / под ред. В.В. Нехотина. М.: Ин-т ДИ-ДИК, Квадрига, 2009.

² Основные демографические показатели. Общие итоги миграции. [Электронный ресурс]. // Территориальный орган федеральной службы Государственной статистики по Приморскому краю. Режим доступа: http://www.primstat.ru/digital/region1/2007/OPER_NAS.HTM, свободный.

³ Кононова М. Русская старообрядческая диаспора в странах дальнего зарубежья: генезис, формирование и современное положение. [Электронный ресурс] // Русский Архипелаг. Режим доступа: http://www.archipelag.ru/ru_mir/volni/religio_voln/russian_diaspora/, свободный.

проведения земельной реформы и коллективизации, а также начавшихся вскоре политических репрессий. Кроме того, условия жизни в северных густонаселенных китайских провинциях не соответствовали идеалам уединения, высоко ценимым старообрядцами. Поэтому они были вынуждены двигаться дальше, что стало возможным при поддержке Международного Красного Креста. Следующая по счету и самая короткая остановка была сделана в Гонконге, где приморские староверы провели около года. Уходя все дальше от России, община оказалась в бразильском штате Парана и уже оттуда, распавшись на отдельные части, распространилась по Бразилии, Боливии, Уругваю, Аргентине.

В основе значительной части взаимодействий в среде старообрядцев как внутри страны, так и за ее пределами, лежит клановость. Староверческие семьи вполне можно назвать «интернациональными», поскольку браки чаще всего заключаются между гражданами разных стран. Это происходит в силу стремления исключить вероятность создания семьи с представителями своего же рода, поскольку кровосмешение запрещено не только светскими, но и церковными законами.

Важную роль играет тот факт, что старообрядцы — люди, привыкшие к лишениям и воспринимающие их как естественные условия жизни человека. Это качество позволяет им легче переносить трудности адаптации к новой среде. Еще одной характерной чертой старообрядческого сообщества, обусловленной постулатами вероучения, является его стремление дистанцироваться от помощи государства (в том числе пенсий, пособий, льгот и пр.). Такая независимость и закрытость приводит к тому, что, рассчитывая только на собственные силы, они достигают значительных экономических успехов. Это, в свою очередь, также сказывается на успешности адаптации. Таким образом, две противоположные, на первый взгляд, тенденции — стремление к обособлению и стремление к адаптации — в данном случае существенно усиливают друг друга.

По словам самих информантов¹, лишь некоторые из единоверцев, проживавших в Бразилии, Уругвае или Боливии, имели материальные трудности. Благодаря тому, что обычаи

¹ Из записей бесед с членами семей Килиных, Фефеловых, Мартюшевых, Зайцевых.

и традиции требуют вклада в общее дело каждого, даже самого юного члена семьи, русские старообрядческие общины практически не используют наемный труд. Этот факт вкупе с традиционной многодетностью (в норме родители имеют 5-16 детей) и культивируемым трудолюбием во многом определяют материальное благополучие старообрядческих диаспор за рубежом.

Несмотря на декларируемую отстраненность от «мирских и государственных дел», современное поколение, будучи рожденным в странах Запада и воспитанным не только в русле «древлеправославной» культуры, но и впитавшим дух гражданской законности, исправно платит налоги и участвует в выборах¹. На сегодняшний день староверы заслужили репутацию одних из наиболее законопослушных граждан этих стран. К числу редких разногласий, возникающих между местными властями и староверами, относится отказ последних обучать детей в муниципальных школах. Такое категоричное решение имеет несколько объяснений. Во-первых, ребенок должен сохранить свою этническую и культурную идентичность и избежать ассимиляции в инокультурной среде, а потому до определенного возраста ему положено иметь ограниченное число контактов с «иноверцами». Во-вторых, с 8-10 лет он должен полноценно включиться в «семейное дело» и таким образом приучаться к труду. В-третьих, старообрядцы считают вполне достаточными для нормальной жизни те начальные знания в области арифметики и испанского языка, которые их дети могут получить при помощи старших родственников или членов общины.

Как можно сохранить практически неизменной этноконфессиональную идентичность группы, прожив более 80 лет в чужой стране? Ответ на этот вопрос связан, прежде всего, с сознательной установкой самих членов общины на подобную консервацию: *«Только вера в Бога помогла нам не раствориться среди наций и народностей, с которыми довелось жить. Желание вернуться на родину нас не покидало. Детей учили вначале русской грамоте и вере в Христа, а уж потом отдавали в люди. А те,*

¹ Согласно уругвайским законам, каждый гражданин страны, достигший 18 лет, обязан участвовать в выборах.

*кто теряли веру, расставались и с родной речью. Россия уж их не дожждется...»*¹. Старообрядцы до сих пор говорят на старорусском языке. Только по возвращении на историческую родину, в естественную языковую среду, их речь стала несколько разбавляться неологизмами. Тем не менее она все еще в большой степени сохраняет прежнюю архаичность.

Возможно, эта община не стала бы объектом столь пристального внимания, если бы она не реализовала свое стремление вернуться на историческую родину. Решение переселиться на Дальний Восток России, в то время как значительная часть населения планирует переезд в более благополучные регионы, может показаться неожиданным. Кроме того, в жизни этих людей не было «выталкивающих» факторов, не было социально-экономических предпосылок для подобного переезда. В Южной Америке они не только не подвергались каким-либо гонениям или ограничениям в правах по причине культурных и религиозных различий, но являлись вполне успешными бизнесменами — состоявшимися фермерами, производящими экологически чистые продукты, а также входили в число достойных и уважаемых членов общества. Тем не менее решение о репатриации нельзя назвать спонтанным, к нему готовились на протяжении всех лет вынужденной разлуки со своей страной.

Главным моментом, подтолкнувшим староверов к принятию окончательного решения, стала информация о «Программе по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом», которую активно распространяли российские дипломатические лица. В частности, непосредственно перед принятием решения о переезде бразильские старообрядцы обсуждали этот вопрос с представителями МИД РФ в Бразилии. Им были обещаны определенные льготы, такие, как, например, пять лет безвозмездного пользования землей². Для уча-

¹ Семь тысяч километров до Уругвая // Огонек. 2009. № 4 (5082).

² Речь представителя МИДа России В.Г. Поздоровкина на конференции в Бразилии, январь 2009 г. *Its Population Falling, Russia Beckons Its Children Home* // *New York Times*, 3/22/2009. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.nytimes.com/2009/03/22/world/europe/22believers.html?_r=5, свободный.

ствия в Государственной программе потенциальные переселенцы должны были пройти некоторые формальные процедуры (заполнение ряда анкет и бланков, сдача медицинских анализов). Однако, не став дожидаться получения сертификатов участников программы, несколько старообрядческих семей на свой страх и риск поехали в Россию.

Первыми сюда прибыли члены семьи Реутовых, вслед за ними Фёфеловы, Килины, Мартюшевы, Зайцевы. Первый год они провели в Белгородской области, где региональное руководство пренебрегло формальными требованиями и обеспечило переселенцев земельным наделом. Однако изначально намереваясь поселиться именно в Приморье, община продолжила движение в глубь страны, точнее — на ее восточную окраину. Это был, так сказать, «пилотный проект». При условии успешного размещения этих переселенцев и выделения им государством земли, вслед за ними планировали выехать еще 40 семей латиноамериканских старообрядцев.

Несмотря на то, что люди перевезли в страну весь свой скарб, любой из них еще может вернуться обратно — все они имеют иностранное (уругвайское, боливийское, бразильское) гражданство, их дома по-прежнему не проданы, бизнес находится под руководством ближайших родственников. Условия их сегодняшней жизни в России сложно сравнить с обустройством быта на прежнем месте жительства: полная разруха здесь и комфортные, укомплектованные современной техникой дома там.

Проделав долгий и тяжелый путь, по приезде в Приморский край старообрядцы столкнулись с логичной и предполагаемой в такой ситуации проблемой: им отказали в статусе участников Программы поддержки переселения. Даже если бы все бумаги были в свое время правильно оформлены, шансы получить в пользование обещанную землю были равны нулю, потому что группа не попадала под действовавшее тогда определение «соотечественников», ведь страны Латинской Америки не являются ближним зарубежьем.

С первого дня, пытаясь получить в аренду 500 га земли для занятия животноводством, растениеводством и пчеловодством, глава общины писал письма во все инстанции — от ад-

министрации района до Министерства природопользования РФ. В ответ он получил отказ, который обосновывался необходимостью проведения весьма дорогостоящей (ввиду привлечения целой плеяды подрядчиков) процедуры межевания. В то же самое время Приморский край располагает десятками тысяч гектаров неиспользуемых земель¹, которые при нынешнем состоянии дел не будут использоваться еще очень долго. Это связано как с нежеланием местного населения заниматься сельским хозяйством, так и с искусственной запутанностью и высокой стоимостью процесса оформления документов на пользование землей.

Приморские староверы продолжают быть гражданами стран Латинской Америки. Не попав под действие программы по переселению, они должны пройти все формальные процедуры, необходимые для получения паспорта гражданина Российской Федерации. А пока они – всего лишь иностранцы, к которым в приграничном Приморье отношение сложное. По сути, формально они ничем не отличаются от так нелюбимых властями китайских граждан, приезжающих сюда в качестве сезонных рабочих, о чем районная власть периодически напоминает переселенцам.

На сегодняшний день планы развития сельского хозяйства в Красноармейском районе, которые старообрядцы разрабатывали еще до приезда в Россию, по-прежнему находятся на начальном этапе своей реализации. Отчасти это связано с тем, что община так и не смогла получить земельный участок, но и помимо этого переселенцы оказались не готовы к российским социально-политическим реалиям. Средства, привезенные с собой из Латинской Америки, уже на исходе, однако, имея незначительное подсобное хозяйство (несколько десятков кур и гусей, 3 коровы, 2 лошади и несколько овец), община пока еще в состоянии выжить. Все более насущным становится вопрос, насколько оправданы усилия староверов закрепиться на земле своих предков?

¹ Закон Приморского края о краевой целевой программе «Развитие сельскохозяйственного производства в Приморском крае» на 2008 – 2012 годы [Электронный ресурс] // Портал Дальневосточного Федерального округа РФ. Режим доступа: <http://dfportal.info/area02x/partie7y/article-nybedq/>, свободный.

Очевидно, что проблемы их выживания, непростые по причине бездействия властей и отсутствия отработанных механизмов включения мигрантов в принимающее общество, еще более осложняются конфессиональными ограничениями, формирующими культурную идентичность группы. Вернувшаяся в Россию староверческая община представляет собой классическую маргинальную группу и переживает все связанные с этим проблемы. Стоит учитывать и российскую специфику восприятия подобного локального сообщества. Внутренняя сплоченность группы не всегда положительно влияет на процесс ее интеграции в жизнь принимающего общества. Местные жители оказались не готовы к изменениям и подвижкам в привычной социальной структуре. Можно предположить, что испытываемый ими дискомфорт значительнее, чем тот, который в таких случаях ощущают жители крупных городов, менее чуткие к появлению «чужаков» (где сама структура организации жизни более лабильна).

Отсутствие официальной помощи со стороны общественных и государственных структур и недостаточно разностороннее освещение происходящего средствами массовой информации вызывает у местного населения стойкое недоверие к переселенцам. Тем не менее в районе есть люди, заинтересованные в их скорейшей культурной адаптации. Их усилиями зимой 2010 г. в селе Рошино (в ближайшем крупном населенном пункте в 53 км от д. Дерсу) был организован праздник с говорящим названием «Мы – славяне». Для старообрядцев он стал возможностью дать понять местным жителям, что они – *«такие же»*. Мероприятие было построено по сценарию выставки-продажи изделий как мастериц из Уругвая, так и представителей местного сообщества. Уже начавшие падать духом старообрядцы вновь поверили, что все их идеи (по российским меркам – грандиозные и почти нереальные) все-таки могут реализоваться.

Символично, что буквально спустя две недели были приняты очередные поправки к Государственной программе по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом. Под «соотечественниками» теперь понимаются, в том числе,

«лица, проживающие за пределами нашей страны, сделавшие свободный выбор в пользу духовной и культурной связи с Россией, относящиеся, как правило, к народам, исторически проживающим на территории страны»¹. В качестве критерия принадлежности к соотечественникам лиц, не имеющих гражданства Российской Федерации, принимается факт их самоидентификации, что дает шанс латиноамериканским старообрядцам войти в число участников Программы. Хотя вопрос – поможет ли решить проблемы адаптации старообрядцев в Приморье новый статус, остается открытым.

Казалось бы, в ситуации возвращения русской старообрядческой общины из Латинской Америки в Россию самые трудные моменты должны быть связаны с принятием решения и собственно процессом переселения. Но, как показала практика, гораздо сложнее оказался этап адаптации к новой жизни. Включенные в экономическую, да и в социально-политическую жизнь страны своего прежнего проживания, русские староверы тем не менее воспринимались там в определенной степени как «чужаки». Таковыми они остаются и по возвращении на историческую родину. Местное принимающее сообщество, пусть и не агрессивно, но весьма осторожно взаимодействует с недавними мигрантами. Формально не отделяемые от местного русского населения этническими барьерами, переселенцы остаются для них инокультурной группой и вынуждены прибегать к стратегиям поведения меньшинства. Удивительно, но пока староверов и жителей Приморья разделяли океаны, эти две группы казались друг другу гораздо ближе и родственнее, чем когда они очутились в ситуации непосредственного общения. Тем не менее староверы все еще убеждены в правильности своего решения: *«Переехать в Россию мы мечтали всегда. Нам это желание с самого рождения внушали наши родители, также это прививалось в общине. Всегда говорили, что истинная наша родина, заветное место – это Россия. Мы сделаем все, чтобы она нас приняла»*.

¹ Заключение Общественной палаты Российской Федерации на проект федерального закона № 346064-5 о внесении изменений в Федеральный Закон «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» от 10.01.2010 г.

7.5. Русские из Трехречья: диаспора в тени советской легенды

Трехречье (по-китайски Саньхэ цюй) является русским названием дельты трех притоков Аргуни (Дербула, Хаула и Гана), которая была местом комплексной аграрной колонизации выходцами из бывшей Российской империи. В исторической перспективе существует, как минимум, два разных сообщества, которые систематически отождествляются с категорией «русские из Трехречья». Одно из них – эмигрантское сообщество с доминированием в нем до 1950-х гг. забайкальских казаков. Другое – группа, состоящая, главным образом, из потомков смешанных китайско-русско-монгольских семей православного вероисповедания и русской культурной ориентации. В период совместного проживания эти сообщества по-разному воспринимались китайской, японской и советской стороной. Различался и уровень их сотрудничества с японскими и советскими военными институтами на территории Китая. После 1966 г. первая группа практически полностью покидает Трехречье и обосновывается в СССР, Австралии и Филиппинах. Вторая – только в настоящий момент потепления китайско-русских отношений приобретает опыт межрегиональной и трансграничной мобильности, сохраняя локальный и во многом деревенский характер.

В российском обществе к категории «русские из Трехречья» одновременно применяется достаточно сложный набор стереотипов. Часть из них берет начало в предыдущей эпохе, а часть – является результатом конфликта между ожиданиями современного российского общества и реальностью Внутренней Монголии. Так, представители разных групп, объединенные этим географическим маркером (Трехречье), могут описываться как «семеновцы», как русские крестьяне, сохранившие фрагменты сибирской идентичности, как окитаенные метисы, как китайцы русского происхождения или просто китайцы. В научной литературе и аналитической публицистике существует более согласованная группа терминов, но, в отличие от обыденных представлений, этот корпус текстов имеет ярко выраженную ретроспективную и немного эскапистскую

ориентацию. Это означает, что центр тяжести переносится на прошлое группы и на ее возможности передать нам уцелевшие элементы традиции. Все сложные и неоднозначные моменты обходятся стороной (кроме аккультурации младшего поколения), и группа описывается как однородный организм, постепенно умирающий в инокультурной среде.

Целью данного раздела является анализ основных дискурсивных практик, направленных на прошлое фронтальных сообществ, функционирующих в российском обществе под общим названием «русские из Трехречья» и сопоставление их с коммеморативными практиками рассматриваемых групп. Акцент на прошлое здесь не случаен, поскольку именно полумифическое прошлое этих сообществ является причиной их противоречивого восприятия в России.

При написании раздела использовались материалы полевых исследований, проведенных осенью 2009 г. во Внутренней Монголии (сообщество китайских русских) и Читинской области (репатрианты из Трехречья). Основой анализа специфики памяти сообществ являются воспоминания о прошлом Трехречья репатриантов из Трехречья (казаков и их детей) и русских старожилов, проживающих в северной части города Хулунбуир¹ в Автономном районе Внутренняя Монголия Китайской Народной Республики.

В исторической памяти жителей Забайкалья большую роль играют события Гражданской войны, особенно связанные с деятельностью атамана Семенова и его сторонников. Актуальность этих событий объясняется не только задачами легитимизации советских и постсоветских государственных институтов, но той ролью, которую сыграла «черная легенда» атамана в Забайкалье. Рассказы про зверства семеновцев были основой идентичности советского Забайкалья, а также элементом практик забвения многолетнего процесса декаказизации ре-

¹ В административном отношении город Хулунбуир делится на 1 городской район городского подчинения (собственно город Хайлар), 5 городов (Маньчжурия, Чжалантунь, Якэши, Иньхэ, Эргуна), 7 хошунов, 74 района (включая 2 угледобывающих района), 23 уезда (включая 13 национальных уездов) и 25 сомонов (включая 1 национальный сомон). Город Хулунбуир [Электронный ресурс] Режим доступа: international.chita.ru/docs/doc_GOROD%20HULUNBEIER.docom, свободный.

гиона и маргинализации старожилов. Согласно своеобразной дискурсивной логике, практики забвения абсолютно превращают контекст событий, представляя репрессии как форму обороны общества перед стигматизируемой группой¹. Реальные и вымышленные преступления семеновцев выступали в качестве легитимной причины «перегибов» и антиказацких фобий коммунистов.

Влияние этого стереотипа было ключевым для восприятия фронтирных сообществ в Забайкалье, Китае и Монголии. «Семеновцы» стали негативным маркером даже для таких трансграничных старожильческих сообществ, часто вообще не связанных с активностью атамана, как местнорусские в Монголии². Мифы о существовании в приграничной зоне культурно близкой, но политически далекой группы зачастую вообще не имели реальных оснований и решали внутренние проблемы советского общества. В декорациях семеновской легенды общественное сознание позднего СССР концептуализировало альтернативные и менее престижные модели русской культуры вне СССР и соотношение этнической и политической солидарности. Будучи в чем-то своим (представляя потерянную субкультуру) мифический семеновец, выступая в роли полукриминального антикоммуниста, был абсолютно чужим. Вопросы метисации, антикоммунизма и существования островов нетронутой переменами русской жизни ставились в рамках этого дискурса в идеологическом контексте абсолютного зла. Если белогвардейцы при всей идеологической обусловленности стереотипа воспринимались как престижный враг, представляющий высокую модель русской культуры, то «атаманщина» казалась и кажется до сих пор абсолютной ди-

¹ ¹ Figes O. *The Whisperers: Private Life in Stalin's Russia*, Allen Lane, 2007; Humphrey C. *Stalin and the Blue Elephant: Paranoia and Complicity in Postcommunist Metahistories* // *Diogenes*. 2002. №. 194(49/2). С. 26-33.

² ² Михалёв А.В. «Русский квартал» Улан-Батора: социальные границы и классификационные практики // VIII Конгресс этнографов и антропологов России: тез. докл. (Оренбург, 1-5 июля 2009 г.). Оренбург, 2009. С. 327-328; Пешков И. Гураны, семеновцы, местнорусские. Специфика идентичности и культуры забайкальских гуранов в Монголии // *Россия в Монголии: История и современность*. Улаанбаатар, 2008.

костью, варварством и проявлением азиатской жестокости¹. Советский человек воспринимал семеновцев как более восточную маргинальную субкультуру. В этом контексте дискурс о семеновцах имел достаточно сложную структуру, одновременной политической, расовой и культурной дискриминации.

В дискурсах с более высоким уровнем легитимизации не менее важной перспективой является включение русских из Трехречья в рассказ об аграрных сообществах, не имеющих советского опыта. Эти «русские атлантиды» являются важным элементом практик внутренней ориентализации², которые свойственны русской культуре. Деревенские русские, живущие вне России и избежавшие советского опыта, воспринимаются как резервуар традиции, вариант этнографического холодильника, сохраняющего полуживые культурные формы свежими. В отличие от дискурса стигматизации, дружественная дистанция вписана в эту структуру самой дискурсивной логикой³. «Хранители» не могут стать «нами», но, может быть, в какой-то степени — «нашими». Сила этого дискурса состоит в способности временного выключения политической и стигматизирующей модели восприятия для более мягких форм экзотизации⁴.

Ретроспективная ориентация, которая доминирует в этнографических текстах о Трехречье, не совсем однозначна. Во-первых, она создает образ деполитизированного прошлого, идя наперекор ожиданиям общества. Кроме того, хранители памяти русского Трехречья в большинстве своем — это новое сообщество потомков русско-китайских православных семей, которые равнодушно или даже недоброжелательно относятся к казакам и их потомкам. В этом случае память о казачьем Трехречье формулируется иным сообществом. К тому

¹ Савченко С.Н. Дальневосточный казачий сепаратизм в годы гражданской войны (1918-1920) // Россия и АТР. 2007. № 4. С. 25- 40.

² Bassin M. *Inventing Siberia: Visions of the Russian East in the Early Nineteenth Century* // *American Historical Review*. 1991. №. 3 (93).

³ Курто О. Вы русские? Мы тоже. Или «Сидя на сопках Маньчжурии» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ricolor.org/rz/kitai/rossia/emigr/adaptation/11_09_09, свободный.

⁴ Аргудяева Ю.В. Русское население в Трехречье // Россия и АТР, 2006, № 4; Зенкова Т.М. К вопросу о традиционной культуре Трехречья // Кузнецовские чтения уч. зап.: Вып. 1, Чита: Поиск, 2007.

же специфика травматического опыта Культурной революции в регионе привела к формированию ретроспективной модели идентичности: когда основным маркером этничности в условиях акультурации является рассказ о русском прошлом и демонстрация следов этого прошлого. На первый взгляд, в этом случае ретроспективные ориентации исследователей и респондентов совпадают. Проблема состоит в том, что стороны диалога восстанавливают разное прошлое: для российского общества важен период до 1945 г., для китайских русских – период 1945-1966 гг.

Забайкальские казаки из Трехречья и их потомки имеют достаточно серьезный постманьчжурский стаж и многолетний опыт жизни в СССР. Группа достаточно эффективно адаптировалась к советским и постсоветским условиям, не теряя идентичности и сохраняя связь с транснациональной маньчжурской сетью, которая включает трехреченские и харбинские сообщества в Австралии, маньчжурских русских в Сан-Франциско и избранные семьи из Китая и России. Маньчжурский опыт во многом определил идентичность сообщества, за исключением нескольких старших членов семей, рожденных в Забайкалье.

Массовое перемещение трехреченских казаков в СССР происходило в 1945-1966 гг. в форме принудительного вывоза в советские лагеря в сталинский период, позже – репатриации с ограничением поселения до Северного Казахстана и Урала. После снятия ограничения на поселение во второй половине 1950-х гг. большинство трехреченских казаков переселилось к «своим» в Казахстан. Именно опыт жизни в Китае и Казахстане стал основным для идентичности этой группы. В 1994 г. 15 семей вернулось в Забайкалье в поселок Сенькина Падь рядом с Приаргунском. Сейчас все участники исхода переехали в Приаргунск и другие города, а их дети постепенно разъезжаются по стране.

Память группы концентрируется на счастливым детстве и юности в Трехречье и на опыте «взрослого» участия в советской жизни. Первое постказачье поколение находится в идеологическом вакууме: оно одновременно отчуждено и от семеновского движения, и от СССР. Короткий флирт с со-

ветской романтикой закончился сразу после репатриации в Казахстан. Люди, воспитанные в аграрной культуре начала века и принадлежащие к самой богатой группе в регионе, должны были найти себя в обществе, которое пережило сталинизм, войну и многолетнюю изоляцию. Кроме социального дискомфорта, связанного с неясным статусом, дефицитом и общей бедностью, на Родине их ждала сложная семантическая конструкция, которая во многом до сих пор определяет их статус в российском обществе — тень атамана Семенова. В советском Забайкалье черная легенда Семенова была маскировкой рассказывания, с одной стороны, и компенсирующим дискурсом — с другой. Переселенцы из Китая были вне этих советских игр — для них Семенов был реальной фигурой в жизни их родителей и символическим лидером казачьей эмиграции. Популярность и влияние советской версии приводит к стремлению деполитизировать свою биографию и семейную историю. Слова-ключи (Семенов, семеновцы, коллаборация с японской армией) вообще исключаются из словаря. Центр тяжести переносится на общие нейтральные элементы воспоминаний: культура, русские модели жизни, церковь. Элементы запрещенного прошлого не исчезают до конца, но практически не выходят за пределы частного круга. Так, например, Г.М.Семенов и И.А.Пешков никогда не называются по фамилии, а только по имени-отчеству и т.д.

Из-за слишком большого количества «минных полей» и труднообъяснимых фактов собственной биографии группа пыталась выйти из диалога с обществом о своем эмигрантском прошлом. Люди не понимали перспектив стигматизации и справедливо полагали, что реальность довоенного Трехречья (в том числе принудительная коллаборация и распространение среди молодежи просоветских настроений) не имеет ничего общего с образом зверского антикоммунизма и политического бандитизма. Проблема состояла не в конфликте исторических фактов, а в том, что советскому мифу нельзя противопоставить историю, построенную на других точках отсчета. Члены группы пошли в направлении деполитизации прошлого и проигнорировали потребности общества видеть в себе «настоящих семеновцев».

Нарративы о прошлом современных русских Трехречья имеют абсолютно другую структуру и точки отсчета. Сегодняшние русские Внутренней Монголии — это потомки тех, кто родился в смешанных браках русских крестьян-старожилов с китайцами, монголами и даурами, а также потомки беднейших русских семей, не имевших возможности уехать из Китая. В силу неграмотности старшего поколения и китайского образования — младшего, группа не участвует в российской исторической мифологии¹. Базой их исторической памяти является устная версия истории группы. Помимо декларации о русском происхождении, эта версия содержит представления о трех травмах сообщества. Их можно представить по нарастающей: Гражданская война и голод в Забайкалье, японская оккупация и Культурная революция. Во всех трех случаях члены группы стараются дистанцироваться от событий, не принимая позицию ни одной из сторон конфликта и воспринимая себя как жертв и пассивных наблюдателей.

Культурная революция занимает в этом ряду особое место. На протяжении всего «черного десятилетия» сообщество подвергалось физическому и психическому насилию, запретам на употребление русского языка (даже внутри семьи) и ограничениям религиозной жизни. Нарративы об этом периоде являются очень важным элементом идентичности сообщества. На примере воспоминаний о Культурной революции особенно заметна тенденция к этнизации политических проблем. Позиционируя себя как часть русского мира, группа рисует образ глобального этнического конфликта, в котором китайцы сознательно уничтожают русских по этническому признаку. Культурная революция приводит к парадоксальной ситуации, когда остановка трансляции базовых культурных навыков младшим поколениям (окитаивание) сопровождается усилением русской идентичности и статуса сообщества в регионе. Группа выстрадала свое право быть русскими, но одновременно потеряла возможность воспроизводить себя как русскую в какой бы то ни было форме. Это приводит к поколенческой

¹ Башаров И.П. Русские Внутренней Монголии: краткая характеристика группы // Азиатская Россия: миграция, регионы и регионализм в исторической динамике. Иркутск: Оттиск, 2010.

поляризации и формирует ретроспективную модель идентичности у старшего поколения. Как двуликий Янус, группа состоит из немногочисленной прослойки «настоящих русских из Трехречья» и китайско ориентированного большинства, абсолютно выпадающего из поля зрения исследователей.

Старшее поколение имеет достаточно большой опыт общения с российскими учеными и журналистами и идеально подстраивается под ожидания российской стороны. Люди понимают, что только ретроспективная ориентация и дискурс этнической жертвы могут создать контекст, в котором группа будет русской не только для китайцев, но и для россиян. Однако изначальный синкретический характер культуры сообщества немного меняет перспективу этнической жертвы. Статус главного русского сообщества, достигнутый к середине 1960-х благодаря своеобразной риторике национальной ассиметрии (национальность и культура русского родителя становится точкой отсчета) и уходу большинства русских из Трехречья, не отменял связи с китайской культурой. При массовом употреблении китайского в качестве второго родного языка переход на него детей был в какой-то степени естественным в условиях запрета на русский язык. Вне этого контекста истории о быстром переходе обычной русской деревни на китайский язык кажутся абсолютно фантастическими. Китайская составляющая культуры группы попросту вышла из тени, и это привело к потере культурного равновесия у младших поколений в пользу китайских компонентов.

В отличие от репатриантов, русские Внутренней Монголии пока только постепенно открывают для себя постсоветскую Россию. Дискурс политической стигматизации для них абсолютно непонятен: казацье Трехречье осталось в далеком прошлом, и сообщество с ним почти не связано. Зато дискурс сохранения прекрасно сочетается с ретроспективным характером идентичности старшего поколения, а статус хранителей русской культуры идеально отвечает потребностям и возможностям группы. Следует заметить, что одновременно с уходом старшего поколения российское общество неизбежно столкнется с абсолютно неизвестным сообществом, русский характер которого проявляется в китайском культурном поле

и через категории китайской культуры (кроме религиозных аспектов). Эта встреча может показать не только инструментальный и иллюзорный характер дискурса сохранения, но и шокирующий для российского сознания пример создания локальной русской субкультуры на базе абсолютно чужих культурных и языковых полей.

До 1991 г. территории приграничных районов Восточной Сибири, Монголии и Китая были элементом системы управления советско-китайской границей. Применение китайской и советской модели социалистической модернизации приграничных районов имело трагические последствия для русских трансграничных сообществ (забайкальских казаков и старожилов), надолго разделяя семьи и провоцируя «социальную смерть» эмигрантов на Родине. Демилитаризация российско-китайской границы¹ и изменение приоритетов российского общества привели к физическому и символическому возвращению русских эмигрантов из Внутренней Монголии.

Несмотря на происходящие перемены, советский опыт закрытой границы все еще сохраняет свое влияние, что проявляется и в сложных формах восприятия «русских из Трехречья». С одной стороны, близость границы очень ясно определяет русский статус сообщества. С другой — сохранение в массовом российском сознании элементов советской модели концептуализации границы не впускает их в Россию. Подобные формы восприятия во многом показывают приоритеты современного российского общества: общественную легитимизацию советских институтов и асимметрический характер гражданского примирения, основанного на априорном отождествлении России и Советского Союза. В связи с этим можно предположить, что до тех пор, пока советский контекст восприятия истории региона не ослабнет, дорога в современную Россию для фронтальных сообществ будет идти через деполитизацию и «примирение» с СССР.

¹ Ивасита А. 4000 километров проблем. Российско-китайская граница. М.: АСТ: Восток-Запад, 2006.

7.6. Польские соотечественники в сибирской деревне Вершина

Деревня Вершина, расположенная в Боханском районе Иркутской области, часто упоминается в российских и польских СМИ как «самая большая и известная польская деревня в Сибири». Она была основана в 1910 г. переселенцами из Царства Польского, добровольно приехавшими в Сибирь во время аграрной столыпинской реформы. Интерес к Вершине возник в 1990-е гг. в связи с происходившими в местном сообществе процессами, которые нередко характеризовались как «национально-культурное возрождение». Поначалу они проходили при участии и под контролем местных властных структур, но к концу 1990-х на первый план выдвинулись государственные и общественные институции Республики Польша. Именно контакты с ними как с представителями «исторической родины» стали главным катализатором актуализации этнической идентичности местных жителей¹. В связи с этим во взаимоотношениях вершининских поляков, представителей исторической родины и местных российских властей возникла напряженность, которая выразилась в ряде конфликтных ситуаций, которые мы и предлагаем рассмотреть.

25 мая 2005 г. иркутское представительство российско-го МИД направило в Генеральное консульство Республики Польша в Иркутске ноту по факту «неправомерных действий вице-консула Вальдемара Ковальского, которые были расценены как вмешательство во внутренние российские дела»². Столь строгой оценке подверглась попытка польского дипломата урегулировать имущественный конфликт между группой жителей деревни Вершина и руководством действующего здесь ООО «Вершина». Согласно информации областной газеты, «перед посещением деревни, населенной этническими поляками, Вальдемар Ковальский встретился с первым заместителем главы администрации Усть-Ордынского Бурятско-

¹ Галеткина Н.Г. Поляки деревни Вершина: этничность как ресурс // Журн. социологии и социальной антропологии. 2007. № 2. С. 142-154.

² Байкальская служба новостей. Дипломат получил взыскание // Вост.-Сиб. Правда. 2005. 26 мая.

го автономного округа Виктором Богдановым. В ходе беседы дипломат заявил, что «генконсульство своих поляков в обиду не даст», хотя жители Вершины являются гражданами России»¹.

Более подробно рассказало о происшествии иркутское телевидение, включив в репортаж небольшое интервью с Виктором Богдановым, из которого следовало, что вице-консул в беседе с местным чиновником позволил себе некорректные высказывания: *«Почему вы, якобы, обижаете наших поляков. Вот, якобы, у них нет связи, чуть ли нет света, там дороги и так далее. Я говорю, что они не ваши, они граждане России, здесь родились и живут, и скорее наши, а не ваши, он говорит, что они нашей национальности. Но для нас все одинаковы. У нас там рядом в деревнях живут и татары, и русские, и буряты, и все находятся в одинаковых условиях»*².

Генеральное консульство РП в Иркутске признало факт неправомερных действий своего вице-консула и принесло официальные извинения за случившееся. В скором времени Вальдемар Ковальский покинул Иркутск.

Оставляя в стороне сам внутривластьственный конфликт, хотелось бы подчеркнуть фразу, которая представляется очень важной для понимания сути ситуации: *«они, скорее наши, а не ваши»*. Ясно, что в разговоре о вершининцах каждая из сторон имеет в виду разные аспекты их идентичности. Для вице-консула они «свои» в силу их польского происхождения, для местного чиновника они «наши», потому что здесь родились, живут и являются российскими гражданами. Получается, что этничность противопоставляется гражданству, «наши поляки» — «нашим гражданам». То есть люди говорят о совершенно разных, не противоречащих друг другу вещах. Казалось бы, надо разобраться с терминами, и оснований для конфликтов не будет. Однако при более внимательном взгляде на ситуацию становится понятно, что дело не только в терминологической путанице. На первый план здесь выходят вопросы разделения властных полномочий между представителями двух

¹ Там же.

² Шамин В. Польское консульство извинилось за то, что вмешалось в дела граждан России // Текст телерепортажа от 26 мая 2005 [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.vesti.irk.ru/novost_dnya/2005/05/26/20399, свободный.

государств — России и Польши, а также лояльности данной группы, с одной стороны, к стране, гражданами которой они являются, с другой — к своей «исторической родине».

Значение этого случая выходит далеко за рамки небольшой сибирской деревни. Он выводит нас на проблему, возникающую везде, где имеется компактная группа граждан определенного государства, связанная своим происхождением и этнической принадлежностью с другой страной, которая рассматривает их как своих «соотечественников». Эта проблема предполагает, как минимум, три взаимодействующие стороны: данную группу, развивающуюся в отрыве от основного этнического массива, страну происхождения и страну проживания. Взаимоотношения между сторонами этого треугольника образуют множество разнообразных ситуаций, нередко конфликтных, что мы и наблюдаем в данном случае.

Спустя год после описанного выше инцидента Вершина и Генеральное консульство Республики Польша в Иркутске снова оказались в центре внимания СМИ. На этот раз поводом для «международного скандала» стало торжественное мероприятие по установке в деревне мемориальной доски, увековечивавшей память репрессированных жителей Вершины. Надпись на мемориальной доске, выполненная на польском языке, гласила: «Мать поляков — Польша не забудет своих сынов и дочерей, где бы они ни жили, работали, страдали и умирали. Памяти тридцати жителей Вершины, расстрелянных НКВД 19 февраля 1938 года, реабилитированных в 1957 году. Да покоятся в мире! Честь их памяти! Соотечественники. Изготовлено в Островце-св. в 2005 г.».

Относительно того, кто же именно предложил установить в Вершине памятную доску, существует несколько версий. Согласно одной из них, это были руководители польского культурного общества «Висла»¹, согласно другой — польские бизнесмены, посетившие Вершину и услышавшие трагическую историю от местных жителей². В интервью высказывалось также мнение, что появлением мемориальной доски дерев-

¹ Фигура В. М. Польское культурное общество «Висла» // Тальцы. 2005. № 4. С. 34.

² Улыбина Ю. Боханский район стал центром международного скандала // СМ Номер один. 2006. № 45. 16 нояб.

ня всецело обязана польскому консульству в Иркутске. Кто бы ни был инициатором идеи, результат ее реализации ясно говорит о том, что жители Вершины – как погибшие, так и живые, являются в данном случае адресатом сообщения, которое несет мемориальная доска (воспользуемся здесь терминологией теории коммуникации). Как текст посвящения, так и изображение над ним (коронованный орел – официальный государственный символ Республики Польша), маркируют в качестве отправителя сообщения Польшу, которая обращается со словами поддержки к «своим детям». Причастность к ней, как к «матери всех поляков», объединяет жителей Вершины с другими людьми польского происхождения, независимо от места и обстоятельств их проживания, в одну категорию «соотечественников». Таким образом, мемориальная доска является не только знаком памяти о репрессированных жителях Вершины, но символизирует также неразрывную связь между сибирскими поляками и их исторической родиной.

Открытие мемориальной доски состоялось 18 июня 2006 г. Церемония включала общую молитву за погибших, освящение доски и приветственные речи гостей. Кроме жителей Вершины в ней приняли участие польские туристы, сотрудники польского консульства, католические священники из Иркутска и Кракова. Среди выступавших была и Вера Батюрова, глава муниципального образования «Шаралдай», в ведении которого находится деревня Вершина. По прошествии некоторого времени она отправила главе администрации Боханского района Николаю Петрову докладную записку, в которой сообщила, что мероприятие прошло без соответствующих письменных согласований. Тот, в свою очередь, проинформировал о данном факте представительство МИД РФ в Иркутске, а МИД направил официальную ноту в генконсульство Польши.

Недовольство местных властей вызвал не сам акт коммеморации, а то обстоятельство, что подобное массовое мероприятие, в котором участвовало более 100 человек, включая представителей другого государства, не было должным образом согласовано с ними. Для понимания сути конфликта процитируем еще один фрагмент из газетной публикации: «Вера Батюрова (...) рассказала, что в Вершину часто идут полные

автобусы с польскими туристами, и все они проезжают мимо администрации, никого не ставя в известность. Однако на открытие мемориальной доски Веру Батюрову пригласили, и она, поверив словам ксендза Анджея Шевчива о том, что все согласования получены, даже выступила на торжестве с приветственной речью. По словам Батюровой, представители католической церкви часто не выполняют своих обещаний. Даже после того, как католическому приходу был передан костел в Вершине, заверения отремонтировать мост, идущий от деревни, так и остались заверениями. (...) Что касается мемориальной доски, Вера Батюрова считает, что людям она, безусловно, нужна, хотя в Дундае есть доска, посвященная репрессированным русским, бурятам, полякам... Всем. В то же время глава администрации чувствует себя обманутой и признает, что она, как представитель местной власти, должна была потребовать письменных согласований¹.

Складывается впечатление, что глава местной администрации выплескивает накопившееся раздражение, ставя в один ряд и невыполненные обещания представителей католической церкви, и слишком независимые действия польского консульства (мысль о неправомочности отождествления церковных и государственных структур у нее даже не возникает), и факт собственного участия в «несанкционированной акции». Но всё это говорит не столько о самом эпизоде с мемориальной доской, сколько о том, что активные контакты Вершины с «исторической родиной» выходят из-под контроля местной власти. Они попросту проходят мимо нее, подобно тому, как проезжают мимо здания администрации автобусы с польскими туристами. В том треугольнике, который образует проблема «соотечественников», одна из сторон, а именно — страна проживания в лице местных властей, чувствует себя обделенной, вытесненной из общей коммуникации.

Контакты с исторической родиной стали важным фактором этнических процессов, происходивших в локальном обществе вершининских поляков в 2000-х гг. Как одно из значимых событий в ряду происходивших в это время отметим

¹ Улыбина Ю. Боханский район стал центром международного скандала // СМ Номер один. 2006. № 45. 16 нояб.

учреждение в деревне в марте 2002 г. общественной организации «Вершининское польское культурное общество “Висла”». Появилась официальная структура, с которой теперь могли взаимодействовать польские благотворительные организации и фонды, оказывавшие до сих пор поддержку жителям деревни лишь в рамках «гуманитарной помощи». Одним из следствий такого взаимодействия стало открытие в Вершине в июне 2005 г. Польского дома — учреждения, выполняющего функции культурного представительства Польши, деревенского клуба и места собраний общества «Висла». Приобретение и обустройство Польского дома финансировала варшавская общественная организация «Польское содружество».

К этому моменту большую роль в развитии контактов между Вершиной и Польшей играло Генеральное консульство РП, открытое в Иркутске в марте 2004 г. Оно стало своего рода проводником специальных программ польского правительства по поддержке соотечественников за рубежом, и в частности «поляков на Востоке» (устойчивое выражение, применяемое для всех лиц польского происхождения, проживающих на территории бывшего СССР). Эти программы включают в себя содействие в получении польской визы для посещения исторической родины, организацию краткосрочных ознакомительных поездок в Польшу, а также долгосрочных образовательных проектов, которыми могут воспользоваться молодые люди польского происхождения для получения среднего и высшего образования в польских учебных заведениях. С марта 2008 г. «поляки на Востоке» имеют право на получение так называемой Карты поляка. Это — особый документ, «подтверждающий принадлежность к Польскому Народу»¹ и дающий его обладателю многочисленные льготы при получении польской визы, трудоустройстве и предпринимательстве на территории Польши, доступе к образованию и здравоохранению.

При организационной и финансовой поддержке польского консульства и польских благотворительных организаций многие вершининцы получили возможность побывать в Польше.

¹ Карта Поляка // Официальный сайт Генерального консульства РП в Иркутске [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.irkuck.polemb.net/index.php?document=66>, свободный.

Зачастую они включались в состав групп, сформированных из поляков, живущих в других сибирских поселениях, где также действуют польские национально-культурные общества, то есть воспринимались как часть «сибирской Полонии». Более десятка молодых жителей Вершины уже воспользовались возможностью бесплатного обучения в польских средних и высших учебных заведениях. Причем никто из них по окончании учебы не попытался закрепиться на исторической родине, что вызвало удивление многих людей в самой Польше.

На этом факте несоответствия в оценках поведения вершинских поляков стоит остановиться чуть подробнее. Рассматривая жителей деревни, прежде всего, как своих соотечественников, многие журналисты и туристы из Польши распространяют на них определенные стереотипы, среди которых – убежденность в том, что соотечественники за рубежом (и в особенности «поляки на Востоке») должны стремиться к воссоединению с утраченной родиной и использовать все возможности для своего возвращения. В этом смысле поляки Вершины не оправдывают ожиданий, поскольку вовсе не хотят переселяться в Польшу. В их идентичности очень сильна региональная, даже локальная составляющая («мы – сибиряки», «наша родина – Вершина») и отсутствуют идеи польского государственного патриотизма.

Говоря о восприятии сибирских поляков в Польше, а также о политике, проводимой РП относительно соотечественников за рубежом, необходимо сказать о существовании различных, подчас конфликтующих между собой подходов. Для иллюстрации этого тезиса обратимся к недавнему эпизоду, связанному с визитом в Вершину маршала польского сената Богдана Борусевича, который состоялся в рамках программы пребывания группы польских политиков и бизнесменов в Сибири 2-10 сентября 2010 г.

Протицируем официальное сообщение в той его части, которая касается поездки в Вершину. *«4 сентября делегация Сената приняла участие в торжествах по случаю 100-летия основания Вершины, самой большой польской деревни в Сибири. Во время праздника Б. Борусевич заверил, что Польша никогда не забывала о соотечественниках в Сибири и всегда будет их под-*

держивать, чтобы они и дальше сохраняли свои польские корни. “Дорогие соотечественники, куда же заехали ваши предки? Почти на край света (...), но на самом деле они выбрали хорошее место, прекрасное, — такое, где хочется жить и куда хочется приезжать. Мы приехали к вам, чтобы сказать, что Польша о вас не забыла, Польша о вас помнит и будет помнить”, — сказал Б. Бурсевич. Маршал подчеркнул, что мало найдется на свете таких мест, где существуют компактные поселения поляков, которые, несмотря на то, что много лет назад покинули отчизну, не только помнят о своем происхождении, но и сохраняют свои обычаи и язык. Он заверил, что Польша всегда будет поддерживать своих соотечественников, живущих в Сибири, чтобы они, “будучи верными гражданами России и добрыми жителями этой земли, сохраняли свои польские корни и гордились тем, что являются поляками”. Маршал передал польской школе в Вершине два компьютера, лэптоп и мультимедийный проектор»¹.

Слова польского парламентария, одобрительно воспринятые жителями Вершины, вызвали бурю негодований в польской прессе и в польском интернет-пространстве. Так в общественно-политическом еженедельнике «Наша Польша» (2010. 14 сент.) появилась статья Р. Выросткевича «Бурсевич о прекрасной для поляков Сибири...». Она начиналась с кричащего, набранного заглавными буквами слова «СКАНДАЛ!», после которого следовала цитата из выступления сенатора, а затем автор статьи гневно вопрошал: «*Неужели Бурсевич, который по своему положению обязан заниматься Полонией, не знает истории и судьбы поляков из Вершины? Разве он не знает, что на протяжении многих лет Сибирь была для них местом горя, несбывшихся надежд, а также репрессий по причине польского происхождения, во время которых не раз поджидала их смерть от рук большевиков?*»² Весь дальнейший текст представляет собой развернутую вариацию процитированного высказывания.

¹ Kontakty międzynarodowe // Dziennik Senatu, 2010, № 62 [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.senat.gov.pl/k7/dok/diar/62/62.htm>, свободный.

² Wyrostkiewicz R. W. Borsewicz o pięknej dla Polaków Syberii... // Nasza Polska, 2010, № 37 (776), 14.09. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.naszapolska.pl/index.php/component/content/article/1553-qnpq-nr-37-wyrostkiewicz-qborusewicz-o-piknej-dla-polakow-syberiiq>, свободный.

Автор упоминает «бесплодные обещания царской России», которыми заманили в Сибирь бедных поляков, чтобы отвлечь их от эмиграции в Западную Европу и Америку. Говорит он и о «насильственной русификации», которой подверглись здесь его соотечественники в советские времена, и о невозможности вернуться на родину, вследствие чего люди вынуждены были остаться на этой земле, а вовсе не из-за ее красот. Подытоживая, Р. Выросткевич высказывает мнение, что *«Польша уже много лет проводит политику забвения поляков на Востоке»*, и примером такого подхода можно считать *«идиллическое заявление Борусевича и его "щедрые" дары»*.

Вслед за статьей Р. Выросткевича «Наша Польша» опубликовала интервью, взятое тем же автором у католического священника о. Ярослава Вишневого, работавшего в 1990-х гг. в Сибири. Интервью развивало заданную тему и было выдержано в том же духе, что и статья¹.

Оба материала были размещены на нескольких интернет-сайтах, в том числе на портале «Виртуальная Полония», где вскоре стали появляться гневные комментарии читателей. Приведу лишь некоторые из них: *«Как такой человек может представлять Полонию? Он что — Бога не боится?» «Если ему так понравилось там, то надо было и оставаться, одной канальей было бы меньше»*².

Казалось бы, безобидная фраза польского сенатора о красотах местной природы была воспринята посетителями портала как оскорбление. Как нам представляется, основная причина этого кроется в несовпадении двух рамок интерпретации одной и той же ситуации³. Восприятие конкретного события обусловлено здесь более широким контекстом и фоновой информацией, которые составляют основу каждой интерпрета-

¹ «Borusewicz jak Chruszczow» – wywiad z ks. Wiśniewskim // Nasza Polska, 2010, № 37 (776), 14.09. Режим [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://wirtualnapolonia.com/2010/09/18/borusewicz-o-pieknej-dla-polakow-syberii%E2%80%A6/>, свободный.

² Borusewicz o pięknej dla Polaków Syberii... [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://wirtualnapolonia.com/2010/09/18/borusewicz-o-pieknej-dla-polakow-syberii%E2%80%A6/>, свободный.

³ Гирц К. «Насыщенное описание»: в поисках интерпретативной теории культуры // Антология исследований культуры. Интерпретации культуры. 2-е изд. СПб., 2006.

ционной рамки. Авторы упомянутых статей и критических комментариев так остро воспринимают позитивную оценку места проживания своих соотечественников, потому что привыкли думать и говорить о поляках в Сибири совершенно в ином тоне. Они смотрят на жителей Вершины как на мучеников, и это — наиболее естественный для них взгляд, сформированный сюжетами, в которых соотечественники на Востоке — это всегда жертвы режима (сначала царского, потом советского), не по своей воле попавшие в далекие чужие края и стремящиеся к воссоединению с утраченной родиной. Быть поляком на Востоке — это стигма, которая не предполагает того, что люди могут быть довольны своим положением. Тем более в подобную интерпретационную рамку не вписываются похвалы в адрес Сибири как места проживания соотечественников, звучащие из уст представителя отчизны. Фраза Б. Борусевича в этом смысле сродни глумлению над святыми — как это можно *так* говорить о мучениках? Как это *Сибирь* может быть хороша для *поляка*?!!

Во избежание недоразумений следует оговориться, что мы вовсе не хотим сказать, будто восприятие поляков в Сибири как мучеников не имеет под собой никаких оснований. Однако подобная рамка интерпретации оставляет за кадром всех тех, кто переселился в Сибирь добровольно. Она не позволяет адекватно воспринимать описание соотечественников как людей, которые в принципе могут быть довольны своей жизнью и судьбой.

Подобная интерпретационная рамка преобладает и в репортажах польских журналистов о Вершине. Позитивные моменты, которые здесь присутствуют, связаны, главным образом, с темой причастности к польской отчизне. Редко кто пишет о местном патриотизме жителей Вершины и их сильной локальной идентичности. Если же кто и упоминает об этом, то опять же используя категорию «жертвы». В данном случае вершинцы — жертвы политики русификации и ассимиляции, а, значит уже не совсем «настоящие» поляки.

Подытоживая историю с визитом польского сенатора в Вершину, можно сказать, что она показывает нам существование различных позиций в восприятии и описании «сооте-

чественников на Востоке». Одну из них продемонстрировали авторы материалов «Нашей Польши» и комментариев на портале «Виртуальная Полония». Другая проявилась в словах Б. Борусевича, причем не только непосредственно адресованных жителям Вершины, но и в тех, что были сказаны им несколькими днями ранее на встрече с представителями екатеринбургской Полонии: *«Будучи верными гражданами России, вы одновременно являетесь верными поляками и даете здесь доброе свидетельство о Польше, потому что по всей Сибири поляки ассоциируются с культурой, наукой, ремеслом»*¹.

Этот подход вполне допускает сосуществование в сибирских поляках «польскости» с «российскостью», этнической составляющей их групповой идентичности («мы – поляки») с региональной / локальной и гражданской («мы – сибиряки, жители Вершины, граждане России»). Думается, что именно такая позиция является наиболее приемлемой основой для нормального развития отношений вершининских поляков с родиной своих предков. Кроме того, для более гармоничного протекания этих процессов необходимо, чтобы в них более активно участвовали и местные российские власти.

Заключение

При всем разнообразии представленных в этой главе материалов их объединяет несколько сквозных тем. Это – государственная власть и зарубежные соотечественники; отношение к репатриантам и зарубежным диаспорам со стороны местного сообщества; особенности восприятия исторической родины соотечественниками за рубежом.

Как показывают проведенные исследования, взаимоотношения соотечественников и их исторической родины во многом определяются стремлением последней использовать человеческий и материальный потенциал зарубежных диаспор для решения специфических внешнеполитических и внутривнутриполитических задач. Среди них – преодоление этнодемографических диспропорций, доставшихся от прошлого исторического

¹ Kontakty międzynarodowe // Diariusz Senatu, 2010, № 62 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.senat.gov.pl/k7/dok/diar/62/62.htm>, свободный.

периода (случай Казахстана); реализация проекта нациестроительства и сплочение общества вокруг концепции «собираания нации» (Бурятия 1990-х гг., тот же Казахстан, отчасти Россия); заселение приграничных территорий и исправление ситуации на рынке труда, сложившейся вследствие демографического кризиса и стихийной миграции (Россия).

Все эти задачи увязываются с разработкой и реализацией государственных программ поощрения реэмиграции соотечественников. Наиболее «чистый» вариант (в смысле проработанности программы и ее идеологического обоснования) мы наблюдаем в современном Казахстане. Программа по возвращению в страну оралманов (этнических казахов, живущих за пределами Республики Казахстан) характеризуется четкой постановкой цели, задач, последовательностью принимаемых мер, координацией усилий в реализации запланированных мероприятий. Но при этом параллельно с успешными количественными показателями наблюдается негативная реакция принимающего общества, причем, в первую очередь, в лице этнических казахов. В результате репатриации соотечественников в стране зреет внутриэтнический конфликт. Оралманы, по сути, превращаются в новое сословие, занимающее особое место в социальной структуре общества. Таким образом, одна из главных преследуемых целей — создание единой нации на основе консолидации вокруг казахского культурного ядра явно не достигается. Решая одни проблемы, репатриация порождает качественно новые, ведет к появлению мигрантофобии, которая ориентирована против своих же соотечественников. Это означает, что привычная для формирования фобий (и мигрантофобии, в частности) дихотомия «свои-чужие», опирающаяся на этнические различия, в данном случае не актуальна, поскольку обе стороны принадлежат к одной этнической группе. Этническое единство отступает здесь на второй план перед различиями в уровне образования, профессионализма, знания местных реалий, а главное, перед тем раздражением, которое вызывают льготы и преференции, получаемые репатриантами.

Казахстанская ситуация (хотя не только она) указывает на разрыв, который может возникать между представлениями о

зарубежных соотечественниках, предлагаемыми официальной пропагандой, и восприятием их локальным сообществом. Образ диаспоральных групп как «хранителей традиции» и «носителей аутентичной национальной идентичности», который нередко эксплуатируется идеологами нациестроительства, слабо востребован «рядовыми» гражданами.

Кроме того, в их глазах репатрианты вовсе не представляют собой единую монолитную группу. На практике выясняется, что соотечественник соотечественнику рознь, и оралманы из Китая – совсем не то же самое, что оралманы из Узбекистана. Точно так же и для жителей России соотечественники из бывших советских республик – в большей степени «свои», нежели выходцы из дальнего зарубежья. Другими словами, география выхода переселенцев во многом влияет на величину культурной дистанции, возникающей между ними и местным населением.

Позитивные или негативные установки, существующие в обществе относительно конкретных групп зарубежных соотечественников, также могут определяться идеологически нагруженными историческими представлениями, доставшимися в наследство от предыдущей эпохи. Так, потомки забайкальских казаков, эмигрировавших во время Гражданской войны в район китайского Трехречья, до сих пор воспринимаются в России через призму штампов «семеновцы» и «атаманщина». А сибирские поляки в глазах их соотечественников в Польше по-прежнему окружены ореолом мученичества, мешающим адекватно понимать современные реалии их жизни.

Возвращаясь к вопросу государственной политики в отношении к зарубежным соотечественникам, отметим, что российская ситуация, в отличие от казахстанской, характеризуется отсутствием основополагающей идеи, которая бы помогла сформулировать стройную систему целей и задач, привлекательных для всех участников этой политики. Хотя риторика и практика последних лет (продвижение концепта Русского мира, уточнение понятия «соотечественники» через внесение поправок в закон) может свидетельствовать о повороте в сторону формирования такой идеологии. Если это предположение верно, то «Программа по оказанию содействия доброволь-

ному переселению в РФ соотечественников, проживающих за рубежом» может стать не столько инструментом решения конкретных внутренних задач страны, сколько важным вкладом в реализацию наднационального проекта, инструментом формирования новой системы отношений России с постсоветским пространством и миром.

Пока же можно констатировать, что «Русский мир» остается во многом неопределенным, метафоричным и противоречивым концептом. В официальной властной риторике он предстает скорее как общность культурная (не столько «русская», сколько «российская»), тогда как в околовластном дискурсе преобладает примордиалистское понимание, берущее за основу этническое происхождение «по крови».

Как показывает пример Казахстана, Венгрии, Израиля, этнический подход к формулировке идеи единства соотечественников обладает большим мобилизационным потенциалом, однако он мало подходит для России с ее полиэтничным гетерогенным населением. Но даже если бы была выработана четкая и однозначная этническая концепция Русского мира, вряд ли бы это позволило избежать проблем при ее реализации. Рассмотренный в главе частный случай возвращения в Приморье русских старообрядцев показывает, что даже при полном наборе «признаков русскости» (язык, вера, самосознание, традиционные ценности) реэмигранты не воспринимаются местным населением как часть некоего единого Русского мира. Казалось бы, они обладают всеми необходимыми чертами, чтобы претендовать на роль «носителей аутентичной национальной идентичности», как те же шэнэхэнские буряты или казахские оралманы. Однако по возвращении на историческую родину переселенцы оказались в положении «чужаков», не нужных ни российским властям, ни местным «соотечественникам».

Этот случай еще раз показывает, что соотечественники сами по себе редко когда представляют интерес для своей исторической родины, если они не вписаны в рамки более глобальных задач. К подобному выводу подводит и анализ ситуации с шэнэхэнскими бурятами, которые в разгар проходивших в регионе процессов нациестроительства вызывали к себе огромный

интерес, но оказались предоставлены сами себе, как только завершилась «эпоха национально-культурного возрождения». Их жизнь и возможность возвращения на родину перестали быть политически актуальной темой, и реэмиграция стала делом индивидуального выбора и частных усилий представителей принимающего общества.

Подводя итог, можно сказать, что феномен, обозначенный нами как «соотечественники за рубежом», имеет многомерный характер. Вопрос, сформулированный в заглавии главы, не предполагает однозначного ответа и обязательного выбора какого-либо одного из трех перечисленных вариантов. Взаимоотношения экспатриантов и их исторической родины практически всегда носят инструментальный характер, то есть рассматриваются обеими сторонами не как самоцель, а как инструмент для решения каких-либо иных задач. В то же время реализация этих задач неизбежно порождает проблемы и ставит новые вызовы, которые требуют быстрого реагирования и выработки новых стратегий взаимодействия.

Как научная проблема феномен «соотечественников за рубежом» интересен с точки зрения различных исследовательских направлений. Поэтому комплексный подход с применением методов истории, социальной антропологии, демографии показался нам вполне оправданным при работе над этой главой.

Заключение¹

Рубежи XIX-XX и XX-XXI вв. стали для России переломными эпохами, в том числе и с точки зрения миграционной ситуации. Особенно ярко это демонстрирует Сибирь, судьба которой и без того всегда определялась миграциями. При всем гигантском различии эпох, разорванных советским периодом, можно говорить и о некоторых несомненных сходствах. Прежде всего, это формирующаяся рыночная экономика и внешняя открытость. Резко возрастают и масштабы внутренних миграций.

В этом контексте появляется совершенно новый по сравнению с предшествующими периодами фактор — массовые трансграничные трудовые миграции, слабо контролируемые государством. Их значение определялось тогда и определяется сейчас не только количеством мигрантов и их растущей долей в численности населения. Причем численность населения востока России была и остается несопоставимо малой сравнительно с задачами освоения, а значит, и удержания в составе страны этого гигантского региона. Хотя и этот фактор сам по себе многими оценивался и оценивается как фактор риска и даже угрозы. В любом случае — как обстоятельство, требующее постоянного пристального внимания и продуманного государственного регулирования. И все же решающее значение приобретает огромная экономическая роль трансграничных мигрантов в жизни региона.

И уже в конце XIX в. складывается коллизия, суть которой была сформулирована в интенсивных дискуссиях того времени. Мощный поток китайских мигрантов может привести к «окитаиванию» Дальнего Востока и потере его для России. Но и отказ от использования их труда, без которого невозможно освоение региона и его защита, приведет к этому же².

Почему же численность и влияние выходцев из соседних азиатских стран расценивалось тогда и расценивается сейчас как «угроза национальной безопасности»? Здесь, конечно,

¹ **Автор — В.И.Дятлов.**

² Подробнее об этих дискуссиях см.: Дятлов В. Миграция китайцев и дискуссия о «желтой опасности» в дореволюционной России // Вестн. Евразии. 2000. № 1 (8). С.63 — 89.

чрезвычайно важен геополитический контекст. За китайскими мигрантами всегда виделась тень их великой родины. И хотя в позднеимперской России Китай оценивался больше как пространство, чем великая держава, грозный призрак «просыпающегося гиганта» волновал умы. И уж тем более сейчас, когда превращение восточного соседа в сверхдержаву стало внушать серьезные опасения по поводу судьбы окраинных и малозаселенных восточных регионов. Мигранты зачастую рассматриваются как инструмент мирной или немирной экспансии Китая. Взгляд на них как на военную, демографическую или экономическую «пятую колонну» подразумевает презумпцию их абсолютной лояльности своей стране, готовность быть ее послушным инструментом.

Однако то обстоятельство, что эти опасения были только частью (возможно, и не главной) господствовавшего на рубеже XIX–XX веков синдрома «желтой опасности», говорит о том, что геополитическими страхами дело не ограничивалось. «Желтые» – в господствовавшей тогда терминологии – рассматривались как единое и нерасчлененное целое, принадлежность и абсолютная лояльность к которому предопределялась фактом рождения и расы. Внутренние различия (китайцы, корейцы, японцы, монголы и т.д.) признавались и иногда учитывались – но оценивались как незначительные на фоне глубочайших, качественных отличий от «белой расы». Очень часто ситуация представляла в категориях «войны миров», а «желтые» – в качестве «абсолютного врага», лишённого основополагающих человеческих качеств. Возможно, это одна из причин того, что и корейские мигранты, чья высокая ценность в качестве колонизационного материала и лояльность новой родине кем оспаривались, также находились под подозрением и периодически подвергались гонениям и ограничениям.

Вряд ли это было результатом влияния мировой моды, глобального характера синдрома «желтой опасности». Хотя и этот фактор не следует преуменьшать. Так же как и кумулятивный эффект от наложения на уже прочно господствовавший тогда концепт «монгольского ига». Спрос формировался глубинными процессами разложения сословного характера российского общества, бурными процессами нациестроительства.

Собственно именно эпоха Модерна и породила общемировые ксенофобии, создала в России такой мощный спрос на идею «монгольского ига». Качественно новую роль начинает играть этнический фактор. Или в более привычных отечественных категориях — национальный вопрос. Можно говорить даже о его фактическом возникновении в позднеимперскую эпоху.

Это был новый и очень мощный вызов для государства, стимул к осознанному формированию новой миграционной политики. В отличие от прошлого она должна была учитывать важность этнокультурного фактора. Требовался не просто материал для колонизации, заселения и освоения окраины, важного в геополитическом и экономическом отношении региона, в том числе и как залога его сохранения в составе государства. Теперь эта же цель удержания и эффективной эксплуатации требовала осознанных и решительных действий по формированию такого состава населения, который бы не угрожал целостности государства и интересам имперской элиты.

Первая глава и посвящена анализу процесса осознанной инвентаризации миграционной ситуации, оценке качества миграционного материала с точки зрения его соответствия новым задачам нациестроительства. Ставится задача не просто формирования мощного миграционного потока, но и программирования его качества, состава. Этничность становится важнейшим критерием при формировании населения через внутренние миграции. Разрабатывается новая миграционная идеология как важная составная часть общей идеи нациестроительства.

В чем-то схожие проблемы встали перед властью в современную эпоху. Мощный приток трансграничных мигрантов, последовавший после падения «железного занавеса» и перехода к рыночной экономике, постепенно осознается как необходимый и неизбежный. Демографический кризис вкупе с «западным дрейфом» не оставляет этому рациональной альтернативы. Однако многочисленные и неизбежные сопутствующие риски, массовые антимигрантские настроения в обществе, партикулярные интересы ведомств, коррупция, подрывающая эффективность государственного аппарата — все это мешает

выстроить долговременную и внутренне непротиворечивую миграционную политику.

В этом же направлении действует и новый фактор — конфликт федеральных и местных элит, властей, различных групп населения из-за контроля над этим важным, но опасным ресурсом. Для анализа в нашей монографии избрана ключевая проблема современной российской миграционной политики — ее сложная и противоречивая структура, формируемая конфликтным взаимодействием многих акторов. С точки зрения официальной, в соответствии с законодательством, миграционная политика — это монополярная сфера ответственности федеральных властей. Однако на деле свои интересы (и очень важные) имеют в этой области и другие игроки — прежде всего, региональные и местные власти. Они вынуждены решать массу соответствующих проблем, не имея для этого официальных полномочий и ресурсов. С другой стороны, мигранты стали чрезвычайно важным ресурсом, в контроле над которым региональные элиты и региональные власти крайне заинтересованы. Иногда это жизненно важный для них интерес — как это видно на примере отношения к китайским мигрантам на Дальнем Востоке. Поэтому они стремятся осуществлять миграционную политику формально общегосударственную, исходя из собственных интересов и выгод. Основным инструментом этого стала система неформальных практик. Кроме того, существует традиционный для России фактор «ведомственного плюрализма». Поэтому на деле миграционная политика предстает в виде сложной равнодействующей интересов и действий многих акторов.

На формирование современной миграционной политики властей, на соответствующие настроения в обществе, на структуру формирующихся идеологием и программ политических сил огромное воздействие оказало идеологическое наследие XX в. Оно изначально формировало понимание проблемы мигрантов как части комплекса «национальных отношений», в контексте «национальной проблемы». Подобный взгляд продолжает играть значительную роль в сфере идеологии и политической риторики. Но он уже успел продемонстрировать довольно слабую операциональность при попытках понять

миграционную проблему, тем более — управлять ею. Проблема постепенно обретает самостоятельный характер в понимании и практических действиях властей. Это выражается как в институциональных изменениях (и ликвидация министерства по делам национальных отношений яркой тому пример), так и во властной риторике.

Это не снимает задачи изучения причин тесного переплетения, иногда неразрывной связи миграционной и этнической («национальной») проблематики. Более того, этническая окраска массовых антимигрантских настроений и действий делает такую работу чрезвычайно важной и актуальной. Можно предположить, что эта связь формируется в позднеимперскую эпоху. И здесь опыт сибирского переселенческого общества уникален для понимания этих процессов. Представители меньшинств попадали сюда в результате добровольного и недобровольного переселения, в одиночку и группами. Процесс миграции был иногда растянут во времени, иногда принимал концентрированный, «залповый» характер. Переселялись крестьяне и горожане, на новой земле они добровольно или вынужденно избирали деревенский или городской уклад жизни.

Распространенной моделью их адаптации к новым условиям и новому обществу была ассимиляция, особенно если происходило постепенное и дисперсное расселение, при крайне ограниченных возможностях личного выбора места и условий жизни, в экстремальных условиях природы и замкнутых небольших коллективов.

Однако важную роль играла групповая модель адаптации. Она могла действовать в ходе массовых, практически единовременных переселений. Тогда происходила полная или частичная трансплантация культурных норм и механизмов социальной организации. Это могли быть, к примеру, ссыльные участники двух польских восстаний, добровольные аграрные переселенцы по столыпинской реформе. Представителям меньшинства было легче сохранить привычный уклад и образ жизни, тип социальной организации, систему ценностей, религиозных и культурных норм при аграрном переселении, при формировании собственной сельской общины.

Трансплантация была не единственной, возможно, и не преобладающей групповой стратегией адаптации к новым условиям. Происходили процессы групповой консолидации и непосредственно на новом месте. Наиболее полно и ярко это демонстрирует процесс формирования еврейских общин. Это заставляет задаться вопросом – каковы стимулы, условия и механизмы групповой консолидации попавших в Сибирь представителей меньшинств? На поверхности лежит то обстоятельство, что для представителей некоторых меньшинств жизнь в диаспоре была нормой и до Сибири. Евреи, как в «черте», так и вне ее, немцы в аграрных колониях и в качестве иноэтничного и инорелигиозного меньшинства в городах Европейской России, накопили большой опыт и навыки жизни в диаспоре. Они принесли этот опыт в переселенческое общество.

Практические навыки, умения выстраивать отношения с представителями большинства, властями, находить приемлемые для всех «экономические ниши» были важны. Но еще важнее были ценности идентификации – то, ради чего собственно воспроизводство группы и необходимо. И здесь сразу же выходит на первый план религия, как безусловная ценность, вбирающая в себя все остальное. Только формирование собственной религиозной общины становилось залогом сохранения прежней социальности. Это была именно конфессиональная община. И то, например, что часто, исходя из современного понимания, рассматривается и маркируется как немецкая община, было общиной лютеранской. Еврейская община – иудейской, польская – католической.

Этот процесс происходил в условиях общества, где конфессиональность была одним из сословно формирующих оснований. Поэтому властью самоорганизация в форме религиозных общин признается делом в принципе законным, иногда необходимым. В некоторых случаях, исходя из общеполитических соображений, власти могут ставить препятствия, но не могут выступать против процесса в целом. Кроме того, власть через формальные статусы или неформальное, но мощное отторжение выдавливала некоторые меньшинства, что способствовало их консолидации. И, конечно же, условием диаспорализации

становится формирование критически необходимой массы переселенцев. Необходимой для того, чтобы составить группу и поддерживать ее существование и идентичность.

Однако к началу XX в. сословный строй разлагается, в его недрах вызревают элементы новой социальной структуры. Частью процесса становится формирование в среде религиозных общин уже самостоятельной этнокультурной идентичности, когда выходят на первый план изначально заложенные и в прежнем укладе элементы культуры. Самостоятельное и огромное значение приобретают школа, язык, сети и связи, представления об общности судьбы. Происходит вызревание этнических диаспор через обретение самостоятельной и ключевой роли собственно культурных норм и механизмов: языка, школы, церкви — но уже как культурного феномена, носителя и символа традиции, культуры.

Носительницей национальных чувств и настроений, национального духа, становится городская, светская по духу, современно образованная элита — предприниматели, чиновники, лица свободных профессий, учителя и преподаватели, журналисты. Она выходит на первый план, решительно потеснив элиту традиционную. Она самоопределяется не столько через религию, сколько через культуру, воспринимая и религию как часть культуры. Большую роль в динамике ее становления играли политические ссыльные. Они привносят, среди прочего, участие в политике, политическую составляющую в жизнь общин. Это формирует соответствующее мировоззрение, практики и навыки.

Первая мировая война подтолкнула процессы этнизации отношений, формирования национального взгляда на мир, создав и новые политические практики. Ситуация с российскими немцами дает этому выразительный пример. Потомки лиц, переселившихся в Россию еще до создания Германии, или вовсе остзейские немцы начинают рассматриваться в контексте Германии как национального государства, как государства немцев. Презумпция наличия у них двойной лояльности формирует соответствующее отношение и административные дискриминационные практики.

Советская власть ускорила процесс диаспоростроительства, окончательно оторвав его от конфессиональной составляющей. Этничность, наряду с классовым критерием, была взята за одну из основ переформатирования общества. Начинаются эксперименты с социальной инженерией, с созданием и пересозданием «национальностей». Человек приписывался к этнической группе, его заставляли самоопределяться постановкой вопросов переписей населения, анкет, похозяйственных книг, системой предпочтений и ограничений по этническому признаку. Иногда власть решала – к какой группе и кого приписывать. И создавала такие условия, что люди с этим соглашались.

Все сказанное относится к имперским подданным или затем советским гражданам – людям и группам, интегрированным в российскую культуру, язык, систему властных отношений, связей и структур. Но на востоке России формировались и играли огромную роль меньшинства иного типа – китайские и корейские трансграничные мигранты. Они избрали диаспоральные стратегии и практики интеграции в принимающее общество. Входили в него как группы, сплоченные не только родным языком, культурой, связями с исторической родиной, но и системой формальных и неформальных институтов, кодексами неписаных, но действенных норм поведения и морали, сетями прочных связей и взаимозависимостей, быстро сложившимися практиками, обычаями и традициями.

И Советская власть отнеслась к ним именно как к группам, подвергнув их коллективным санкциям. Это отражало и общую тенденцию – многое сделав на первых порах для этнизации отношений, для диаспорализации меньшинств в частности, она позднее постаралась максимально искоренить саму возможность самоорганизации, самостоятельности, вообще и в сфере национально-культурного развития в особенности.

Тем не менее интенсивные процессы «национально-культурного возрождения» после краха советского строя свидетельствовали об огромной живучести феномена диаспоры. Вновь, как и до революции, диаспоральную стратегию адаптации к принимающему обществу выбирают трансграничные трудовые мигранты. И это происходит при всем различии

эпох, характеристик принимающего обществ, самих мигрантов, общемирового контекста. Поэтому неизбежен и чрезвычайно важен вопрос: мигранты приносят с собой группу или только потребность в ней? Потребность в группе, общинной организации — формируется характером отпускающего или принимающего общества? Или миграционной ситуацией как таковой? Или наложением этих факторов — с последующим кумулятивным эффектом?

И о чем может свидетельствовать удивительное сходство стратегий и практик экономической адаптации трансграничных мигрантов в столь разные эпохи? Ведь и мигранты изменились за этот век, и принимающее общество претерпело гигантские трансформации. Но и до революции, и сейчас мигранты настырно уходят «в тень», в неформальную теневую экономику. Закономерно возникает вопрос — это результат качества мигрантов или принимающей среды? Скорее всего, такое поведение — это равнодействующая многих факторов. Но один из них очевиден до тривиальности. Российские власти с поразительным упорством и настойчивостью загоняют экономическую деятельность мигрантов в не правовое поле. Очевидная и естественная необходимость держать миграционные потоки и иностранных мигрантов под государственным контролем реализуется в такой системе запретов и ограничений, что «уход в тень» неизбежен. С соответствующими огромными экономическими и политическими потерями для принимающего общества. При этом степень зависимости от мигрантов такова, что иногда «обнаглевший поселок» (раздел 4.1) может поставить на грань кризиса огромный регион и стать предметом озабоченности верховных властей империи.

«Исторические» и «современные» кейсы нашей работы показывают, что мигранты «уходят в тень» из-за частых и резких изменений российских формальных правил, не учитывающих сложившихся неформальных ограничений, из-за слабости информента (особенно тех норм, правил общества, которые могли бы формировать социальную неприемлемость неформальных практик). Впрочем, социальная неприемлемость нелегальной экономики мигрантов как превентивное средство, похоже, вообще невозможная ситуация, поскольку в рассмо-

тренных нами случаях экономическая мотивация принимающего общества мало отличается от мигрантских сообществ. И те и другие, и 100 лет назад, и сейчас вовлечены в незаконный оборот природных ресурсов, уклоняются от уплаты налогов, не стремятся получать государственные лицензии и разрешения. Таким образом, наши кейсы еще раз показывают, что неформальная экономика — это реакция населения на давление негибкого государства, желание получить хотя бы часть свободы, необходимой для реализации духа предпринимательства.

Но эта общность отношения к неформальной экономике не мешает (часто, напротив, стимулирует) формированию антимигрантских настроений и фобий. Общемировой характер феномена, беспрецедентный размах и глубина этого психологического, идеологического и политического комплекса, вызванный беспрецедентными же масштабами миграций и их ролью в жизни принимающих обществ, ставят задачу его глубокого и дифференцированного изучения.

Чрезвычайно важно, в частности, рассмотреть представление о том, что переселенческое общество Сибири застраховано от мигрантофобии самим характером своего формирования. Логическим продолжением этой мысли может стать идея о том, что есть общества изначально предрасположенные и изначально не предрасположенные к такой социальной патологии. О том, что ее «ген» может присутствовать или не присутствовать в «генетическом коде» тех или иных обществ. Оставим в стороне эвристическую опасность подобной метафоры, как и метафор вообще. Но представление о ригидности, неизменном характере отдельных обществ имеет далеко идущие последствия и требует специального изучения. Вопрос глобальный — и любая попытка дать однозначный ответ на материалах одного исследовательского проекта выглядит претенциозной самонадеянностью. Тем не менее очерки, посвященные как исторической, так и современной ситуации, позволяют утверждать, что если и есть в сфере толерантности/интолерантности в Сибири некоторые особенности — то они не врожденные и не постоянные. Нет такой «хромосомы» в «генотипе» переселенческого общества. Все ситуативно и все изменчиво.

Взаимоотношения принимающего общества и мигрантов формируют сложную, противоречивую, динамичную, постоянно меняющуюся картину. Дополнительную сложность ей придает подключение стороны, которая является или позиционирует себя в качестве «исторической родины». Миграционные и диаспоральные процессы порождают проблемное поле, которое можно обозначить как «соотечественники за рубежом». Взаимоотношения соотечественников и их исторической родины во многом определяются стремлением последней использовать человеческий и материальный потенциал зарубежных диаспор для решения специфических внешнеполитических и внутриполитических задач. Это может быть преодоление этнодемографических диспропорций, доставшихся от исторического прошлого (случай Казахстана); реализация проекта нациестроительства и сплочение общества вокруг концепции «собираания нации» (Бурятия 1990-х гг., тот же Казахстан, отчасти Россия); заселение приграничных территорий и исправление ситуации на рынке труда, сложившейся вследствие демографического кризиса и стихийной миграции (Россия). Как показывает пример Казахстана, Венгрии, Израиля, этнический подход к формулировке идеи «единства соотечественников» обладает большим мобилизационным потенциалом, однако он может провоцировать серьезные внутри и внешнеполитические проблемы и конфликты.

Характер взаимоотношений мигрантов и принимающего общества во многом определяется ролью и качеством того пространства, в котором встречаются местные жители и мигранты. Изначально разное пространство исследуемых кейсов под воздействием даже внешне схожих миграционных потоков, в силу специфических внешних условий и внутренних свойств меняется особым образом, порождая неповторимый спектр социальных, экономических и культурных последствий. Но общая закономерность представляется вполне отчетливой: миграции неизбежно меняют пространство, в котором они осуществляются, а изменённое пространство разительно изменяет и характер, и следствия самих миграций. Потому и результаты миграционных процессов могут проявляться уже в ином пространстве и иметь качественно другое значение. Простран-

ство, в котором протекают миграции, отнюдь не данность, не некая неизменная, постоянная среда. Даже как территория, географическая среда, оно меняется под прямым влиянием миграционного движения через эволюцию системы расселения, формирование центров притяжения населения и, напротив, ареалов депопуляции. И сформировавшийся два десятилетия назад миграционный поток в пригород крупного города теперь входит в высоко урбанизированную зону агломерации, где прежде сельские межгородские территории оставляют все меньше возможностей и смыслов для использования сельских моделей адаптации. И напротив, входящий урбанизационный поток сельско-городской миграции вдруг оказывается не в городском ландшафте, но в обширной и слабо отличающейся от села городской окраине. Город, традиционный центр модернизационных процессов, иногда становится местом концентрации социальной архаики, а полупатриархальный сельский пригород – зоной неожиданных социальных новаций.

Таким образом, восточные регионы России демонстрировали на рубеже XIX–XX вв. и демонстрируют сейчас как включенность в общероссийские и даже общемировые тренды миграционного и этно-диаспорального развития, так и очевидную специфику, связанную с особым, переселенческим типом регионального сообщества. Советская эпоха, с ее унифицирующей государственной политикой, гигантскими внутренними миграционными потоками, не разрушила окончательно ни эти особенности, ни соответствующего регионального самосознания. Вкупе с жизненно важной потребностью в постоянном миграционном притоке для развития и просто поддержания нормальной жизни, с явным и усиливающимся процессом втягивания в сферу «гравитационного притяжения» мощных экономик Восточной Азии это может усиливать как особенности миграционных процессов, так и специфику реакции на них региональных сообществ.

Сведения об авторах

Абдулова Ирина Тагировна, научный сотрудник Исследовательского центра «Внутренняя Азия» и Центра независимых социальных исследований и образования, Иркутск.

Алексеев Александр Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры философии и проблем человеческого развития Восточно-Казахстанского государственного технического университета им. Д. Серикбаева, Усть-Каменогорск, Республика Казахстан.

Алишина Галина Николаевна, ассистент кафедры истории и документоведения исторического факультета Томского государственного университета. Заочная аспирантка исторического факультета Томского государственного университета, Томск.

Балдано Марина Намжиловна, доктор исторических наук, зав. отделом истории, этнологии и социологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Профессор Бурятского государственного университета. Зам. главного редактора журнала «Вестник БГУ», серия «История», Улан-Удэ.

Бляхер Леонид Ефимович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии Тихоокеанского государственного университета, заместитель главного редактора журнала «Полития», Хабаровск.

Бреславский Анатолий Сергеевич – аспирант Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ.

Галеткина Наталья Геннадьевна, магистр этнологии ЕУСПб., преподаватель кафедры прикладной политологии Санкт-Петербургского филиала Национального исследовательского университета – Высшей школы экономики, Санкт-Петербург.

Григоричев Константин Вадимович, кандидат исторических наук, административный директор МИОН при Иркутском государственном университете, Иркутск.

Гончаров Юрий Михайлович, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Алтайского государственного университета, Барнаул

Гузей Яна Сергеевна, магистр Европейского Университета в Санкт-Петербурге (ЕУСПб.), аспирант, Санкт-Петербург.

Дятлов Виктор Иннокентьевич, профессор кафедры мировой истории и международных отношений Иркутского государственного университета, директор Исследовательского центра «Внутренняя Азия», заместитель главного редактора независимого научного журнала «Дiasпоры», Иркутск.

Дятлова Елена Викторовна, старший преподаватель факультета сервиса и рекламы Иркутского государственного университета, Иркутск.

Журавская Татьяна Николаевна, ассистент кафедры коммерции и товароведения, млад. науч. сотр. Центра социологических исследований Амурского государственного университета, Благовещенск.

Иванова Наталья Жамсаевна, кандидат исторических наук, независимый исследователь. Индивидуальный предприниматель, сфера деятельности – оказание переводческих услуг, Улан-Удэ.

Ковальская Мария Николаевна, специалист-эксперт отдела этноконфессиональных отношений управления Губернатора Иркутской области и Правительства Иркутской области по связям с общественностью и национальным отношениям.

Крих Анна Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент Сибирской автомобильно-дорожной академии, Омск.

Ли Елена Львовна, кандидат экономических наук, научный сотрудник Института экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск.

Мулина Светлана Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и регионального развития Омского государственного аграрного университета, Омск.

Нам Ираида Владимировна, доктор исторических наук, профессор кафедры современной отечественной истории Томского государственного университета, Томск.

Нестерова Елена Ивановна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и теории культуры Российского государственного гуманитарного университета, Москва.

Пешков Иван Олегович, кандидат экономических наук, преподаватель Восточного института Университета им. Адама Мицкевича в Познани (Польша), Познань.

Позняк Татьяна Зиновьевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Владивосток.

Рабинович Владимир Юльевич, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой рекламы факультета сервиса и рекламы Иркутского государственного университета, Иркутск.

Ремнев Анатолий Викторович, доктор исторических наук, профессор Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, Омск.

Рыжова Наталья Петровна, кандидат экономических наук, доцент, заведующая Амурской лабораторией экономики и социологии Института экономических исследований ДВО РАН, Благовещенск.

Скрипник Екатерина Олеговна, старший лаборант-исследователь Института экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск

Смирнова Татьяна Борисовна, доктор исторических наук, доцент кафедры этнографии и музееведения Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, Омск.

Сорокина Татьяна Николаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, Омск.

Суворова Наталья Геннадьевна, кандидат исторических наук, доцент Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, Омск.

Теплоухова Мария Вячеславовна, аспирант Владивостокского института Международных отношений стран АТР Дальневосточного федерального (государственного) университета, Владивосток.

Трофименко Светлана Викторовна, зам. директора по науке МУК «Музей истории города Иркутска», Иркутск.

Аббревиатуры архивов

АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи

ГАИО – Государственный архив Иркутской области

ГАНИИО – Государственный архив новой и новейшей истории Иркутской области

ГАОО – Государственный архив Омской области

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации

ГАТО – Государственный архив Томской области

ГАХК – Государственный архив Хабаровского края

ГУТО ГА в г. Тобольске – Государственное учреждение Тюменской области Государственный архив в г. Тобольске

ГУТФ Иса – Государственное учреждение Тарский филиал Исторического архива Омской области

РГА ВМФ – Российский государственный архив военно-морского флота

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив

РГИА – Российский государственный исторический архив

РГИА ДВ – Российский государственный архив Дальнего Востока

ТФ ГАТО – Тобольский филиал Государственного архива Тюменской области

ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан

**Восток России: миграции и диаспоры
в переселенческом обществе.
Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков**

Монография

Научный редактор
доктор исторических наук, профессор
В.И. Дятлов

Корректор: Кром Л.А.
Верстка: Кравцов И.В.

Издательство «Оттиск»
Лицензия ЛР № 066064 от 10.08.1998.
Подписано в печать 28.01.2012 г. Формат 60/84/32.
Усл. печ. л. 50,2. Уч.-изд. л. 42,8.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Тираж 500 экз. Заказ № 155.

Отпечатано в типографии «Оттиск»
664025, г. Иркутск, ул. 5-й Армии, 28.
тел. 34-32-34.
E-mail: ottisk@irmail.ru